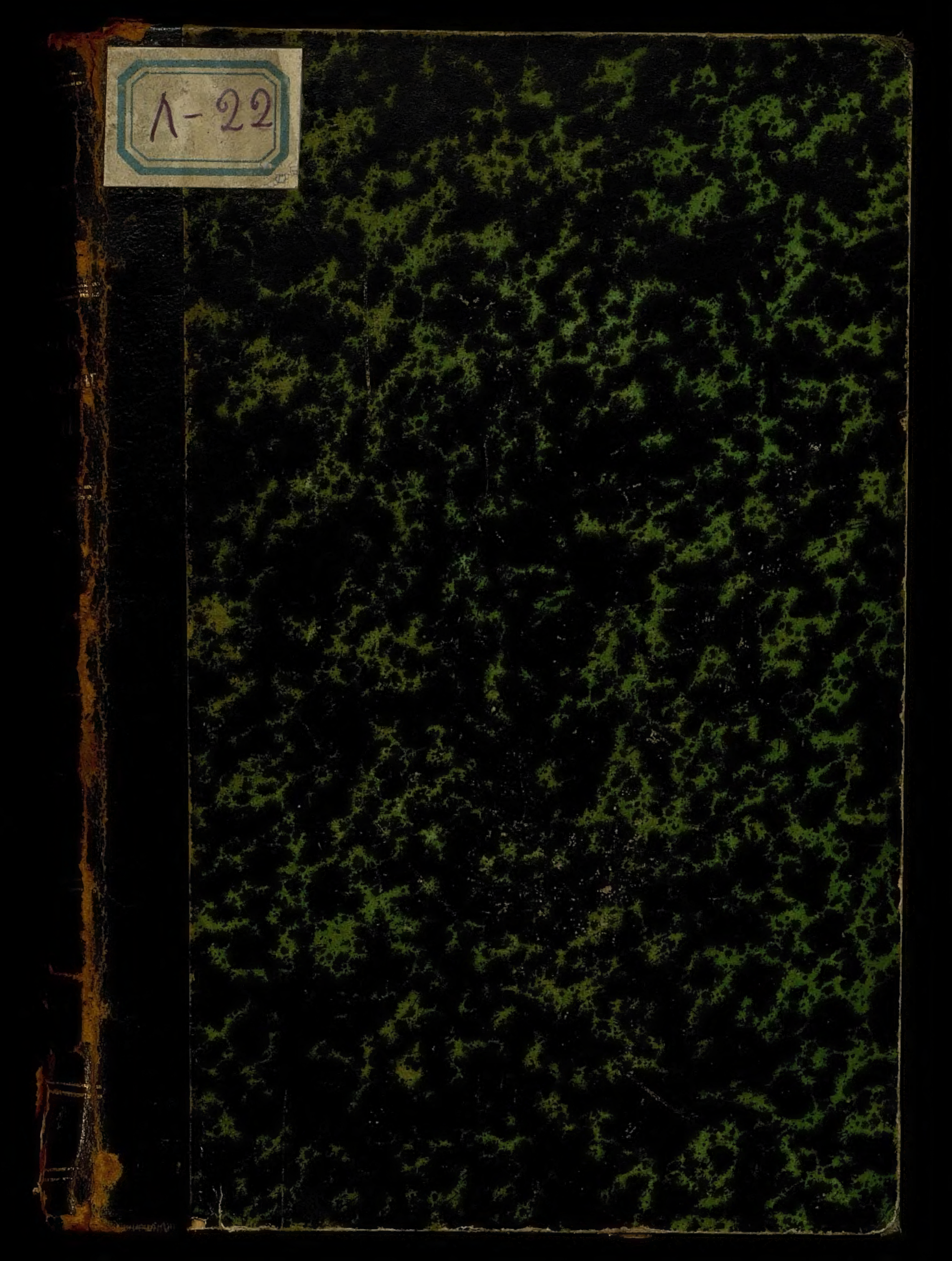

Λ-22

+

ИСТОРІЯ
НАПОЛЕОНА I.

ТОМЪ IV.

ИСТОРІЯ
НАПОЛЕОНА I.

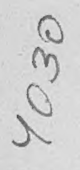
сочиненіе

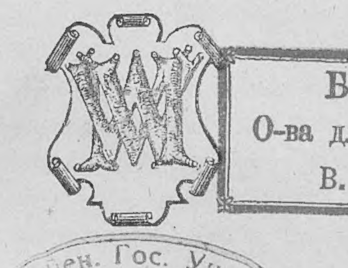
П. ЛАНФРЕ.

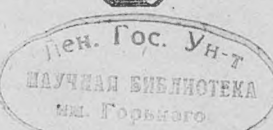
переводъ подъ редакціею

А. Аѳанасьева-Чужбинскаго.

ТОМЪ IV.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный дворъ, №№ 18, 19 и 20.*

МОСКВА. *Кузнецкій мостъ, д. Рудакова.*

1873.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, № 59).

ГЛАВА I.

Наполеонъ и Польша. — Пултусская и эйлауская кампанія. — (Ноябрь 1806—февраль 1807).

Берлинскій декретъ, выполненіе первыхъ мѣръ континентальной блокады, деклараціи предшествовавшія этому необыкновенному акту или за нимъ послѣдовавшія—содержали совершенно новую политическую систему, и результаты, которыми они жертвовали, были ничто предъ тѣми предпріятіями, которыми они угрожали. До тѣхъ поръ гигантскіе проекты, издавна занимавшіе Наполеона, обнаруживались только внезапными вспышками, которыя можно было принять или за неосторожность въ рѣчахъ или за минутное увлеченіе, безъ продолжительнаго вліянія на его поведеніе. Когда онъ нѣсколько разъ восклицалъ, „что хотѣлъ побѣдить Англію на континентѣ,“ никому и въ голову не приходило приписывать ему безумнаго желанія завоевать континентъ для того, чтобъ вооружить его противъ Англіи. Между тѣмъ таковъ былъ послѣдній анализъ господствовавшей въ немъ мысли; но возъимѣть эту мысль не значило ничего, если принять во вниманіе огромную опасность для него при смѣлости публичнаго ея выраженія, а это-то онъ и считалъ для себя возможнымъ дѣлать въ упоеніи отъ іенской побѣды. Сперва онъ былъ расположенъ сохранять кое-какую осторожность

среди своихъ успѣховъ, даровать миръ прусскому королю, цѣною всѣхъ его провинцій, лежащихъ по сю сторону Эльбы, но быстрота, съ которою совершалось паденье прусской монархіи, молчаливое оцѣпенѣніе правительствъ и кажущееся смиреніе народовъ заставили его позабыть всякую умѣренность: онъ полагалъ, что ему оставался только одинъ шагъ, чтобъ сдѣлаться властелиномъ Европы, а потому онъ считалъ безполезною дальнѣйшую скрытность, и такъ какъ боялся, что его не разгадаютъ, то осмѣливался высказывать громко свою тайну. Онъ заявлялъ, что не возстановитъ Пруссіи и завоеванныхъ земель, до тѣхъ поръ пока Англія не возстановитъ нашихъ колоній, и что онъ „завоюетъ море чрезъ сушу и отберетъ Пондишери на Одерѣ и Вислѣ". Онъ потребовалъ отъ континентальныхъ державъ выбора между войною съ Англіею или войною съ Франціею, отнялъ у нихъ всякую возможность нейтралитета и поставилъ въ необходимость высказаться или нашими врагами или союзниками.

Назваться нашими союзниками—значило объявить себя нашими подданными; въ этомъ отношеніи не могло быть двусмысленности съ тѣхъ поръ, какъ французскою политикою заправлялъ Бонапарте. Суровое его обращеніе съ державами, которыя по своему несчастью или ослѣпленію, подпали его вліянію, не позволяло имъ ни малѣйшаго колебанія, еслибъ даже какая нибудь изъ нихъ пыталась бороться съ нимъ или приготовить отпоръ. Континентальная блокада, съ сопровождавшими ее высокомѣрными коментаріями, представляла болѣе чѣмъ лишенія, бѣдность и притѣсненія этой таможенной лиги безъ прецедента; она съ ужасающею ясностью приводила ихъ къ неумолимой дилеммѣ войны съ Наполеономъ или рабской покорности его волѣ. Ставить ихъ постепенно и безъ ихъ вѣдома въ подобную альтернативу было бы черезчуръ дерзко, и очень сомнительно, чтобъ Великій Наполеонъ когда бы то ни было выполнилъ это предпріятіе, даже съ бо́льшими силами чѣмъ тѣ, которыми онъ располагалъ; но

дѣлать имъ такой явный вызовъ прежде даже нежели поставить ихъ въ невозможность сопротивленія было безуміемъ. Попытка на предпріятіе была химера,—заявленіе о немъ—мальчишеская непростительная бравада. Это сознаніе равнялось требованію универсальнаго государства. Это значило объявить Европѣ,—что съ этихъ поръ она должна была образовать одну только державу подъ желѣзнымъ деспотизмомъ. Нельзя отрицать, чтобъ въ то время не было въ нравахъ и понятіяхъ европейскихъ націй серьезныхъ элементовъ единства, созданныхъ продолжительною пропагандою XVIII столѣтія. Этому-то началу нравственнаго и интеллектуальнаго единства мы были обязаны легкостью, съ какою могли опрокидывать вездѣ старинныя учрежденія; благодаря ему Наполеонъ такъ быстро успѣлъ установить свое владычество надъ столькими народами, да и самая его историческая роль, взятая абстрактно, ничто иное въ сущности какъ преждевременное усиліе этихъ элементовъ соединиться и сплотиться. Но къ счастью въ Европѣ было много свѣта, независимости, энергіи и нравственнаго достоинства, однимъ словомъ истинной цивилизаціи, чтобъ это великое преобразованіе—которое безъ сомнѣнія явится въ будущемъ, — могло совершиться при помощи грубой силы и осуществиться въ тиранѣ.

Таковъ былъ смыслъ новаго положенія, принятаго Бонапарте въ послѣднихъ манифестахъ, по поводу блистательныхъ его побѣдъ надъ прусскою монархіею. Перемѣна эта, подготовлявшаяся издавна, была далека, чтобъ поразить всѣ умы непосредственно и въ особенности произвести всѣ ея послѣдствія, но она заслуживаетъ упоминанія, тѣмъ болѣе, что она обозначаетъ въ точности моментъ, когда Франція окончательно потеряла дивную силу обаянія, пріобрѣтенную отъ ея революціи, и которое надѣлило ее временнымъ могуществомъ. До сихъ поръ народы, не смотря на всѣ явленія насилія и коварства, разочаровывавшія ихъ мечты, упорствовали видѣть во Франціи орудіе пропаганды освобожденія;

но теперь начали смотрѣть на нее, какъ на страшное олицетвореніе побѣды, угнетенія и деспотизма. Съ прибытіемъ нашимъ въ Польшу представился памятный случай засвидѣтельствовать вспышку этихъ чувствъ у народа, который по природѣ, по преданіямъ и изъ интереса былъ менѣе всего расположенъ къ ихъ воспріятію.

Отказавъ окончательно прусскому королю въ обѣщанномъ ему сперва мирномъ договорѣ, Наполеонъ надѣялся навязать ему перемиріе, въ продолженіе котораго наша армія могла-бы спокойно расположиться на зимнихъ квартирахъ и организовать завоеванную страну въ ожиданіи возобновленія непріятельскихъ дѣйствій. Но король Фридрихъ-Вильгельмъ, не смотря на всѣ бѣдствія, обрушившіяся на него, не потерялся до того, чтобъ уступить врагу столь важныя преимущества, безъ какого бы то ни было вознагражденія; онъ отказался утвердить перемиріе, подписанное его представителями для выигрыша времени, и Наполеонъ увидѣлъ себя въ необходимости, не смотря на позднее время года, перенести войну на Вислу и быстро занять польскія провинціи (ноябрь 1806).

Онъ предвидѣлъ эту случайность со времени своего прибытія въ Берлинъ. Съ той минуты какъ онъ сознаіъ, что Польша должна сдѣлаться театромъ войны, онъ тотчасъ же подумалъ о пользѣ, какую могъ извлечь изъ польскаго патріотизма. Онъ принялъ и ободрилъ горячимъ словомъ депутатовъ прусской Польши; болѣе—онъ далъ имъ формальныя обязательства. „Когда я увижу тридцать или сорокъ тысячъ вооруженныхъ поляковъ, сказалъ онъ имъ:—я провозглашу въ Варшавѣ вашу независимость, а когда вы получите ее отъ меня, — она будетъ непоколебима [1])!“ Онъ написалъ къ Фуше прислать ему Костюшко; онъ вызвалъ изъ Италіи и изъ всѣхъ частей имперіи Домбровскаго и польскихъ

---

[1]) Рѣчь Наполеона въ отвѣтъ на рѣчь Ксаверія Дзялынскаго 17 ноября 1806 г. *Прим. автора.*

офицеровъ, служившихъ въ нашей арміи—и поручилъ имъ вербовать ихъ соотечественниковъ. Что тутъ была драгоцѣнная помощь, рычагъ огромнаго могущества—въ этомъ нельзя сомнѣваться въ виду услугъ, оказанныхъ уже намъ нѣсколькими легіонами; еще менѣе можно сомнѣваться въ этомъ теперь, принявъ во вниманіе все, что могъ получить отъ поляковъ Наполеонъ за одни только полу-обѣщанія, которыхъ онъ не исполнялъ никогда. Въ своихъ политическихъ манифестахъ Наполеонъ не переставалъ настаивать на необходимости возстановленія Польши въ видахъ развитія Европы, каждый разъ, когда ему необходимо было оправдываться относительно собственныхъ захватовъ. Онъ неизмѣнно представлялъ это какъ законное вознагражденіе за раздѣлъ Польши. Надобно прибавить, что въ то время дѣло это было симпатичнѣе и популярнѣе во Франціи какъ никогда впослѣдствіи. Къ вѣковымъ узамъ, связывавшимъ обѣ стороны, присоединилось братство по оружію, возникшее среди опасностей, окружавшихъ нашу революцію: кровь польскихъ легіоновъ смѣшивалась съ нашею на самыхъ отдаленныхъ поляхъ нашихъ сраженій. Сулковскій погибъ въ Каирѣ, Яблоновскій на Сен-Доминго. Домбровскій и Заіончекъ прославили свои имена во всѣхъ нашихъ кампаніяхъ. И поэтому, когда увидѣли человѣка, который такъ пользовался воспоминаніями несчастій Польши и иллюзіями ея героизма, когда увидѣли этого человѣка, какъ побѣдителя, на границѣ этихъ несчастныхъ провинцій, населеніе сбѣгалось толпами къ нему, стараясь прочесть тайну своихъ судебъ то въ темныхъ, то въ успокоительныхъ словахъ, исходившихъ изъ его устъ, и всѣ задавали себѣ двойной вопросъ, о которомъ и до сихъ поръ еще спорятъ историки: *могъ-ли* Наполеонъ возстановить Польшу? и если могъ, то *хотѣлъ-ли* онъ этого?

Что онъ, при своемъ господствующемъ положеніи, которое занималъ тогда въ Европѣ, могъ дѣйствительно сдѣлать это,—есть много причинъ отвѣчать утвердительно. Можно

сказать съ увѣренностью, что Наполеонъ, при своемъ тогдашнемъ неотразимомъ могуществѣ, въ виду униженной Пруссіи, уничтоженной Австріи, и Россіи, безсильной внѣ своихъ предѣловъ, въ виду неодолимаго порыва, обнаруживавшагося въ польскомъ населеніи, могъ однимъ словомъ возстановить Польшу, а разъ возстановивъ, онъ былъ достаточно силенъ, чтобъ поддержать ее. Конечно было гораздо труднѣе окончить, нежели начать это дѣло. Задача состояла не въ томъ, чтобъ возстановить Польшу, но упрочить ея будущность. Во всякомъ случаѣ Наполеонъ могъ укрѣпить это дѣло съ условіемъ содѣйствія одной изъ державъ, которыя онъ старался уничтожить безъ милосердія. Какъ бы то ни было, вопросъ этотъ, принадлежащій къ области историческихъ предположеній, осужденъ на неопредѣленное оспариванье; но если позволено сомнѣваться, что это великое воскрешеніе зависѣло единственно отъ Наполеона, если можно даже отрицать, что онъ имѣлъ такую власть, то несомнѣнно онъ *думалъ, что имѣлъ ее*, и по нашему мнѣнію, надобно съ этой точки судить о его поведеніи. Загадочную политику его относительно Польши обыкновенно приписываютъ нежеланію вступить въ обязательства, которыхъ онъ не могъ выполнить, страху — предпринять дѣло, котораго онъ не могъ довести до конца и повредить патріотамъ, которыхъ онъ послѣ принужденъ былъ оставить на жертву врагамъ. Подобная щекотливость была бы почтенна, но надобно признаться, что у него она была бы и новая и запоздалая. Если-бъ онъ ее чувствовалъ, то какимъ образомъ осмѣлился бы дѣлать въ Польшѣ то, что онъ дѣлалъ? Тысячи людей, поднявшихся по его призыву, не были-ль обмануты, и не думалиль они, что сражаются за отечество? Кромѣ того, какимъ образомъ допустить, чтобъ человѣкъ, который въ эпоху, когда еще силы его не достигли могущественнаго развитія, не колебался вызывать всю Европу, то для завладѣнія однимъ изъ острововъ Средиземнаго моря, то для удовлетворенія личной ненависти, то наконецъ изъ суетнаго

удовольствія бравировать державу, присвоивая себѣ право проходить по нейтральной территоріи, который даже вызывалъ всѣ европейскія правительства предпріятіемъ тысячу разъ болѣе мечтательнымъ и опаснымъ, нежели возстановленіе Польши — я говорю о континентальной блокадѣ — какимъ же образомъ допустить, чтобъ человѣкъ этотъ, достигнувъ до неслыханной степени могущества, смотрѣлъ бы, какъ на дѣло неосуществимое, — на возстановленіе воинственнаго народа, единодушнаго въ своихъ желаніяхъ и давшаго столько доказательствъ своей неукротимой жизненности?

Поэтому несправедливо говорить, что онъ отступилъ предъ трудностью предпріятія, или изъ страха раздражить державы, ибо эти поводы всегда оказывали весьма мало вліянія на его намѣренія. Онъ достигъ періода въ своей жизни, когда невозможность какого нибудь предпріятія способна была только подстрекать его, подобно тѣмъ разочарованнымъ людямъ, которыхъ возбуждать могутъ одни только препятствія. Онъ ни мало не считалъ для себя непосильнымъ возстановленіе Польши, но *онъ не хотѣлъ его;* но если это бѣглое слабое желаніе и являлось ему, онъ прогонялъ его поскорѣе, и въ этомъ случаѣ —чтобы ни говорили—онъ поступалъ логично по своему характеру и по своему положенію. Какимъ образомъ онъ могъ желать независимости въ Польшѣ, когда онъ угнеталъ ее у всѣхъ другихъ народовъ и преимущественнѣе у своихъ союзниковъ, нежели у отъявленныхъ враговъ? Съ другой стороны, какимъ образомъ дать независимость полякамъ, не давъ имъ въ тоже время свободы? Какъ онъ могъ льстить себя надеждою, чтобъ, гарантировавъ эти благородныя патріотическія чувства нѣсколькимъ миллонамъ народа, онъ былъ въ состояніи управлять ими самовластно? и что эти чувства рано или поздно не сообщатся его арміи, которая, не взирая ни на что, оставалась дочерью французской революціи? что движеніе это не повліяетъ на народности теперь нѣмыя и запуганныя, но которыя помнили лучшіе дни въ своей жизни?

Воскрешеніе Польши заключало въ себѣ для Наполеона полную перемѣну политики, какъ во Франціи, такъ и въ Европѣ. По наружности оно заключало въ себѣ усвоеніе системы умѣренности и справедливости—которая могла привлечь намъ содѣйствіе всѣхъ народностей въ этомъ великомъ дѣлѣ возстановленія; внутри оно содержало возвратъ къ великодушнымъ преданіямъ 1789, ибо невольникъ не можетъ исполнять роль освободителя. Не такой былъ человѣкъ Наполеонъ, чтобъ желать чего нибудь подобнаго, въ особенности въ томъ положеніи, въ какое поставила его фортуна. Въ то время онъ занимался только однимъ—полнѣйшимъ порабощеніемъ Европы, считалъ, что настала минута осуществленія этой честолюбивой мечты, и въ великомъ національномъ движеніи, такъ сказать, вспыхнувшемъ у него на дорогѣ, онъ не могъ видѣть ничего кромѣ помѣхи, которая завтра могла превратиться въ опасность. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ симпатіи и помощи большинства поляковъ; для того же, чтобъ сохранить надъ ними вліяніе, ему необходимы были только полуобѣщанія, и никакъ не народное возстаніе. Изъ этого неминуемо слѣдуетъ, что онъ ободрялъ поляковъ въ такой лишь степени, въ какой имѣлъ нужду въ ихъ услугахъ. Если-бы обстоятельства сдѣлались затруднительнѣе, онъ всегда имѣлъ время провозгласить независимость Польши. Это былъ источникъ, который онъ держалъ въ запасѣ для крайнихъ случаевъ—средство устрашенія противъ сѣверныхъ державъ.

Догадки, основываемыя на характерѣ, прежнихъ поступкахъ и положеніи человѣка—непустыя предположенія; подтвержденныя его послѣдующимъ поведеніемъ—онѣ становятся вѣроятностью. Онѣ представлялись такъ натурально всѣмъ дальновиднымъ умамъ, что по успокоеніи первоначальнаго волненія и среди очень понятныхъ иллюзій, возникавшихъ въ Польшѣ по поводу присутствія французской арміи, мысль сомнѣнія и недовѣрія обнаружилась тамъ у людей наиболѣе свѣдущихъ и преданныхъ отечеству. На требованіе органи-

зовать въ Польшѣ общее возстаніе, они отвѣчали требованіемъ, чтобъ Наполеонъ началъ съ провозглашенія независимости. За это ихъ порицали какъ за родъ измѣны отечеству. Недовѣріе это называли оскорбительнымъ, несвоевременнымъ, и эти различные упреки мотивировались однимъ фактомъ, который эти историки считали доказаннымъ, что Наполеонъ искренно желалъ возстановленія Польши. Но это-то именно и слѣдуетъ доказать, и такое доказательство тѣмъ болѣе необходимо, что если характеръ Наполеона и отличался какими достоинствами, то конечно не искренностью. Какія же могущественныя причины поляки имѣли слѣпо вѣрить и отдаваться ему душею и тѣломъ, не требуя даже въ залогъ — положительнаго объявленія? Да и былъ ли надеженъ этотъ залогъ? Стоило посмотрѣть на его прежнее поведеніе съ другими народами—сколько разъ онъ не только признавалъ и провозглашалъ независимость націй, но обезпечивалъ торжественными договорами, и потомъ поочередно угнеталъ эти народы, измѣнялъ имъ. Что онъ сдѣлалъ изъ независимости второй венеціанской республики, сперва имъ созданной и потомъ имъ же проданной? Что онъ сдѣлалъ изъ республикъ Батавской, Цизальпинской, Лигурійской, Гельвеційской, гарантированныхъ имъ въ люнневильскомъ договорѣ? Что онъ сдѣлалъ во время египетской экспедиціи съ независимостью Турціи, которую онъ столько разъ признавалъ необходимою для равновѣсія Европы? Что онъ сдѣлалъ изъ независимости союзницы своей Италіи? Неужели эти прецеденты могли внушить полякамъ довѣріе?

И еслибъ они посмотрѣли на его прежнія отношенія къ нимъ, и его политику въ ихъ собственномъ дѣлѣ, они нашли бы по крайней мѣрѣ причину для разочарованія. Послѣ столькихъ ободреній при формированіи легіоновъ Домбровскаго, развѣ они не видѣли, что Наполеонъ, примирившись съ императоромъ Павломъ, велѣлъ преслѣдовать и захватывать во Франціи книги, которыя они печатали въ пользу своего оте-

чества. Не видѣли ль они немного позже, какъ онъ заключилъ съ русскимъ правительствомъ договоръ, по которому обязался выдавать Россіи польскихъ выходцевъ, ушедшихъ во Францію, въ обмѣнъ на французскихъ эмигрантовъ [2]). Если эти факты, памятные еще всѣмъ до сихъ поръ, не были въ ихъ глазахъ очевиднымъ доказательствомъ, что, обманувъ и эксплуатировавъ ихъ, онъ покинетъ ихъ тотчасъ же какъ найдетъ въ этомъ личную выгоду, то не служили ль они по-крайней мѣрѣ для поляковъ поводомъ требовать положительнаго и формальнаго обязательства? Да и чего же они требовали такого чрезмѣрнаго за то, что безусловно отдавали ему себя? Не болѣе какъ одного изъ тѣхъ обѣщаній, на которыя онъ былъ такъ щедръ, которыя такъ часто давалъ и не исполнялъ! Развѣ это было чрезмѣрное требованіе въ моментъ отдачи ему жизни и блага всего народа?

Таковы были соображенія, заставившія поколебаться наиболѣе свѣтлыхъ вождей польскаго народа, когда пришлось отдавать соотечественниковъ въ руки Наполеону. Опасенія эти внушались имъ самымъ чистымъ патріотизмомъ, и вожди были бы виновны противъ отечества, еслибъ ихъ не обнаружили. Костюшко, жившій въ Парижѣ въ общеніи съ самыми знаменитыми людьми того времени, изъ которыхъ достаточно назвать Лафайетта, и который видѣлъ вблизи дѣйствіе этого суроваго деспотизма, объявилъ напрямикъ, что не предложитъ своей шпаги Наполеону, не выговоривъ предварительно какихъ нибудь обезпеченій въ пользу независимости и свободы своей родины. Главнѣйшіе члены польскаго дворянства высказывались въ этомъ же смыслѣ, когда послѣ сценъ невыразимаго восторга, привѣтствовавшихъ вступленіе наше въ Познань и Варшаву, они замѣтили, что вмѣсто провозглашенія независимости, которую они считали обезпеченною, осво-

---

[2]) См. по этому поводу т. II. *Прим. автора.*

бодители ихъ отвѣчали на эти восторги загадочнымъ поведеніемъ и готовились требовать отъ поляковъ всѣхъ жертвъ, не желая принять на себя ни малѣйшаго обязательства. Тѣ изъ помощниковъ Наполеона, которые интересовались польскимъ дѣломъ, поспѣшили заявить ему эти желанія, настаивая на ихъ исполненіи. Даву писалъ ему изъ Варшавы отъ 1 декабря: „Духъ въ Варшавѣ превосходенъ, но вельможи употребляютъ свое вліяніе, чтобъ ослабить пылъ, общій въ среднихъ классахъ. Ихъ пугаетъ неизвѣстность будущаго, и они даютъ понять, что выскажутся открыто лишь послѣ того, какъ будетъ провозглашена ихъ независимость и дано обязательство обезпечить ее“. Мюратъ, питавшій тайную надежду сдѣлаться польскимъ королемъ, упрашивалъ Наполеона еще съ большею живостью высказаться публично и непреложно.

Совѣты эти достигли къ Наполеону именно въ моментъ, когда могли сдѣлать на него самое благопріятное впечатлѣніе Нѣсколько дней уже какъ онъ былъ въ Познани, куда вступилъ чрезъ тріумфальную арку, на которой было написано: *Освободителю Польши* [3]). Онъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ и громко во всеуслышанье отзывался о патріотизмѣ и энтузіазмѣ поляковъ. Онъ велѣлъ напечатать въ *Монитерѣ*, что раздѣлъ Польши былъ „самый безчестный грабежъ, какой когда либо видѣла исторія“ [4]). Далеко не преувеличивая затрудненій возстановленія Польши, онъ предполагалъ у непріятеля силы гораздо менѣе дѣйствительныхъ; въ арміи Бенигсена онъ считалъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ, съ которыми предполагалъ справиться легко. Въ этомъ расположеніи духа, взвѣшивая по своей постоянной привычкѣ различные шансы, прежде чѣмъ рѣшиться, онъ охотно лелѣялъ мысль воспользоваться великимъ движеніемъ,—которое онъ видѣлъ

---

[3]) Монитеръ 19-го декабря 1806 г. *Прим. автора.*

[4]) 16, 12 декабря. *Прим. автора.*

вокругъ насъ, — создавая въ Польшѣ родъ подпорки для слабаго зданія Рейнскаго союза, и въ тоже время огромный запасъ людей и лошадей для своихъ будущихъ войнъ. Стараясь обезпечить себѣ возможность дѣйствовать въ томъ или другомъ смыслѣ, смотря по обстоятельствамъ, онъ предписывалъ 1-го декабря Андреосси, своему посланнику въ Вѣнѣ, успокоить императора, объясняя „что возстаніе въ Польшѣ было естественнымъ слѣдствіемъ присутствія французовъ... что онъ полагалъ не вмѣшиваться въ австрійскую Польшу... но что если императоръ, чувствуя затрудненіе удержать австрійскую Польшу среди этихъ волненій, захотѣлъ бы допустить въ вознагражденіе *часть Силезіи*, то Наполеонъ готовъ на вознагражденіе по этому предмету“ [5]).

Такъ какъ это предложеніе служитъ единственнымъ доказательствомъ, обыкновенно приводимымъ въ подкрѣпленіе мнимыхъ проектовъ Наполеона о независимости Польши, то оно заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія. Надобно замѣтить сперва, что Наполеонъ предлагалъ Австріи не Силезію, какъ объ этомъ много разъ повторяли, но *часть* Силезіи, а это большая разница. Кромѣ того достойно замѣчанія, что въ силу своей неизмѣнной системы—онъ предлагалъ получить вознагражденіе отъ сосѣда, что должно было скорѣе испугать нежели соблазнить Австрію, ибо принятіе Силезіи равнялись бы разрыву съ Пруссіею, Россіею и Англіею. Еслибъ онъ искренно желалъ расположить державу, которая участвовала въ раздѣлѣ Польши съ отвращеніемъ и почти невольно, у него въ рукахъ было много другихъ вознагражденій, болѣе удобныхъ нежели эта провинція, которую онъ предлагалъ прежде завоеванія. Силезскія крѣпости дѣйствительно находились еще во власти Пруссіи, когда Наполеонъ распоряжался ими съ такою щедростью. Слѣдуетъ наконецъ пом-

---

[5]) Наполеонъ къ Андреосси 1 декабря 1806 г. *Прим. автора.*

нить, что это предложеніе, насмѣшливое въ силу своей недостаточности и непрочности, сдѣлано было державѣ, страшно разбитой пресбургскимъ договоромъ, доведенной до отчаянія и поставленной въ необходимость искать спасенія только въ нашемъ собственномъ разореніи. Итакъ смѣло можно заключить, что Наполеонъ самъ не слишкомъ серьезно смотрѣлъ на свое предложеніе части Силезіи; онъ видѣлъ въ немъ лишь средство узнать настоящее расположеніе Австріи, случай заставить ее обнаружить тайныя чувства, скорѣе нежели приманку для соблазна.

Въ тотъ самый день когда Наполеонъ поручилъ Андреосси сдѣлать Австріи это коварное предложеніе, онъ выставлялъ публично въ своемъ тридцать шестомъ бюллетенѣ какъ бы задачу возстановленія Польши. „Трудно, говорилъ онъ:—описать восторгъ поляковъ. Вступленіе наше въ Варшаву было тріумфомъ, и невозможно выразить чувства, какія выказываютъ поляки всѣхъ классовъ со времени нашего прибытія. Любовь къ отечеству и національное чувство не только сохранились вполнѣ въ сердцѣ народа, но они окрѣпли въ несчастьи. Первая его страсть, первое желаніе стать націею. Богатѣйшіе вельможи выходятъ изъ замковъ, громко требуя возстановленія націи, и предлагаютъ дѣтей, имѣніе, вліяніе".

Одно уже подтвержденіе этихъ фактовъ въ его знаменитыхъ бюллетеняхъ, измѣнившихъ уже поверхность Европы, было ходатайствомъ о возстановленіи Польши. Но Наполеону шло дѣло только о постановкѣ вопроса, „а не о его разрѣшеніи", и потому онъ безъ обиняковъ восклицаетъ: „Возстановится ли тронъ Польши? Эта великая нація возобновитъ ли свое существованіе и свою независимость? Возстанетъ ли она къ жизни изъ глубины могилы?" Потомъ вмѣсто того, чтобъ сдѣлать заключеніе и отвѣчать на эти вопросы въ качествѣ государственнаго человѣка, который долженъ высказать свое мнѣніе; вмѣсто того, чтобъ разсѣять иллюзіи или укрѣпить неувѣренность откровеннымъ и честнымъ

объясненіемъ, начертавъ каждому его обязанности, онъ отдѣлался уверткою свойственною извѣстнымъ казуистамъ: „*Одинъ Богъ, отвѣчалъ онъ: — который держитъ въ своихъ рукахъ комбинаціи всѣхъ событій,—властенъ разрѣшить эту великую политическую задачу*".

Если все, что Наполеонъ могъ сдѣлать для поляковъ, заключалось въ томъ, чтобъ отослать ихъ къ Богу, — то не стоило труда имѣть пятисотъ-тысячную армію; для этого достаточно было перваго встрѣтившагося монаха. Это явно обозначало, что онъ предоставлялъ себѣ разрѣшить впослѣдствіи вопросъ, въ смыслѣ наиболѣе благопріятномъ его собственнымъ интересамъ; но формулируя это двусмысленное заключеніе—словно сочиненное авгуромъ, онъ очень хорошо зналъ, что вся Польша прочтетъ только первыя посылки силлогизма и добровольно дастся въ обманъ этой преднамѣренной двусмысленности. На другой день, 2 декабря Наполеонъ получилъ письмо, въ которомъ Мюратъ сообщалъ ему условія, на которыхъ часть польскаго дворянства соглашалась содѣйствовать—именно предварительное признаніе независимости Польши. „Поляки, обнаруживающіе столько подозрительности, отвѣчалъ онъ немедленно: — которые требуютъ столько гарантій, прежде чѣмъ высказаться, эгоисты, которыхъ не воспламеняетъ любовь къ отечеству. Я опытенъ въ познаніи людей. Мое величіе не основано на помощи нѣсколькихъ тысячъ поляковъ. Имъ предстоитъ воспользоваться съ энтузіазмомъ— настоящимъ обстоятельствомъ, *а не мнѣ дѣлать первый шагъ.* Пусть они выкажутъ твердую рѣшимость сдѣлаться независимыми, пусть обяжутся поддержать короля, который имъ будетъ назначенъ, *и тогда я увижу, что мнѣ надобно дѣлать...* Дайте имъ хорошенько почувствовать, что я не думаю выпрашивать тронъ для кого нибудь изъ своихъ: у меня нѣтъ недостатка въ тронахъ для моего семейства!" Чего же они просили въ замѣну этой благородной крови, которую они были готовы пролить за

него? Одного только слова, и въ законномъ страхѣ, который они ощущали при мысли видѣть снова свое отечество проданнымъ на жертву бѣдствій, послѣ такихъ послѣдовательныхъ обмановъ и безплодныхъ пожертвованій, онъ притворялся, что видѣлъ лишь эгоистическіе разсчеты, и находилъ только предлогъ къ суетнымъ жалобамъ гордости или даже недостойнымъ оскорбленіямъ. Такъ ему хотѣлось видѣть лишь *глупость* въ неожиданномъ сопротивленіи Костюшки. Онъ до такой степени былъ увѣренъ получить согласіе этого великаго гражданина, при одной только перспективѣ личныхъ выгодъ, что велѣлъ напечатать въ *Мониторѣ* мнимое воззваніе Костюшки, приглашавшаго согражданъ стать подъ непобѣдимыя знамена Наполеона; но эта басня была опровергнута самимъ Костюшкомъ, и досада Наполеона была тѣмъ живѣе, что онъ менѣе всего ожидалъ подобнаго разочарованія.

Съ этой минуты между вождями польской націи возникъ разладъ—одни какъ Іосифъ Понятовскій, Заіончекъ, Выбицкій, Домбровскій, съ увѣренностью ждали всего отъ Наполеона, не смотря на его двусмысленность, а другіе, значительно меньшіе числомъ, предпочитали упорствовать, пока онъ не согласится дать требуемой гарантіи. Третья группа, во главѣ которой стоялъ Адамъ Чарторыйскій, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ кружка молодыхъ совѣтниковъ Александра, упрямо надѣялась на возрожденіе Польши отъ доброй воли русскаго императора. Можетъ быть, эта мечта была столь же несбыточна какъ и первая, но таково было съ тѣхъ поръ отчаянное положеніе польскихъ патріотовъ, что они могли жить только иллюзіями. Впрочемъ можно сказать, что они не ошибались, разсчитывая на великодушіе Александра; они заблуждались только, приписывая ему власть, которой онъ не имѣлъ. Александръ былъ достоинъ внушать такія высокія надежды; съ византійскою утонченностью онъ соединялъ дѣйствительную возвышенность чувствъ; но какъ онъ

ни былъ могуществен, а не могъ тронуть цѣлостности имперіи.

Одинъ изъ сторонниковъ царя графъ Михаилъ Огинскій, съ необыкновенною ясностью выразилъ чувство недовѣрія, удалившее отъ Наполеона часть поляковъ, и для полноты истины немногое придется прибавить къ его сужденію по этому поводу. Выставивъ причины, надиктованныя его поведеніемъ, въ запискѣ, представленной императору Александру въ 1811 году, онъ говоритъ: „Для возстановленія независимой страны надобно было предполагать въ Наполеонѣ тѣ благородныя чувства, тотъ характеръ умѣренности, безкорыстія, великодушія, которыя ни въ какомъ случаѣ не согласуются съ жадностью къ завоеваніямъ, съ необходимостью ослаблять, раздѣлять, уничтожать всѣ европейскія державы, съ его беззаботностью о счастьѣ и спокойствіи народовъ... И какимъ образомъ предположить, что этотъ баловень фортуны, считающій себя Божіимъ посланникомъ, предназначеннымъ устроивать дѣло всего міра, что этотъ предпріимчивый человѣкъ, опрокинувшій столько троновъ, и воздвигшій нѣсколько изъ нихъ, собственно для поддержки собственнаго величія, который измѣняетъ рѣшенія и проекты съ такою же быстротою, съ какою ихъ задумываетъ, который никогда не заботился о счастьѣ людей и думалъ о нихъ на столько, на сколько они могли помогать ему въ исполненіи его намѣреній,—какимъ образомъ, говорю я, предполагаютъ, что этотъ необыкновенный человѣкъ, нечувствительный къ несчастной участи Европы, которую онъ потрясъ, принялъ бы къ сердцу лишь печальное положеніе поляковъ, и хотѣлъ бы возстановить ихъ отечество, обезпечивая ему свободное и независимое правительство? [6])“.

---

[6]) Mémoires de comte Oginski, v. III. *Прим. автора.*

Ничего нѣтъ справедливѣе и поразительнѣе этихъ разсужденій и ничто такъ не оправдалось послѣдующимъ поведеніемъ Наполеона относительно поляковъ. Что бы ни говорили въ самомъ дѣлѣ для извиненія его, и допустивъ даже, что нерѣшительность нѣкоторыхъ изъ вождей удерживала его, тѣмъ не менѣе справедливо, что онъ сознательно обманулъ часть націи, которая продолжала упорствовать до конца вѣрить ему, если только не будутъ поддерживать, что присоединеніе герцогства Варшавскаго къ Саксонскому королевству было достаточнымъ вознагражденіемъ за наборъ людей и за реквизиціи, которыя онъ не переставалъ дѣлать съ этихъ поръ въ Польшѣ. Между Наполеономъ и поляками, ввѣрившимися ему, возникъ съ этой минуты безмолвный договоръ, условіемъ котораго съ ихъ стороны была слѣпая, безусловная предданность, а съ его стороны возстановленіе ихъ отечества. До конца своего царствованія онъ умѣлъ поддерживать ихъ довѣріе полуобѣщаніями, полумѣрами, и двусмысленными словами, которыя равно почти удовлетворяли и поляковъ и ихъ непріятелей. „Я не могъ достаточно наудивляться, писалъ въ 1809 г. князь Чарторыйскій: — искусству, съ которымъ Наполеонъ распространялъ самыя противорѣчивыя предположенія и мнѣнія. Извѣстно, что онъ иногда велѣлъ писать депеши и произносить слова, которыя должны были возмущать и приводить въ отчаяніе поляковъ; но тѣмъ не менѣе ему удавалось распространять между нами убѣжденіе, что онъ не только принималъ близко къ сердцу интересы Польши, но что онъ чувствовалъ особенную привязанность къ нашей націи... Для возбужденія энтузіазма ему стоило только напечать какую нибудь статью въ газетахъ, послать въ Варшаву одного изъ своихъ польскихъ адъютантовъ, который, будучи принятъ вездѣ въ обществѣ, повторялъ собственныя слова Наполеона или разсказывалъ анекдотъ, интересовавшій патріотовъ. Такъ жи-

лось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а по истеченіи этого срока, являлся новый посланный возбуждать умы“ [7]).

Что было бы, еслибъ вся Польша подражала и послѣдовала за этими упрямцами—вѣрующими, которые, не взирая на столько горькихъ разочарованій, такъ щедро жертвовали ему жизнью отъ Сомо-Сіерры до Лейпцига? Мало можно дать вѣроятія, чтобъ отъ этого измѣнялись судьбы какъ Европы, такъ и самыхъ поляковъ. Онъ точно также оставилъ бы ихъ въ Тильзитѣ, чтобъ проянуть руку могущественному императору, приносившему ему огромную помощь, и чтобъ отдѣлаться отъ того, что онъ глубоко ненавидѣлъ—отъ зрѣлища свободной и независимой силы; онъ точно также обманулъ бы ихъ полу-удовлетвореніями и обманчивыми обѣщаніями.... Патріотизмъ, доведенный до отчаянія, легко обращается въ иллюминатизмъ, въ особенности у народа съ характеромъ мистическимъ и вмѣстѣ рыцарскимъ: не смотря на безчисленные обманы Наполеона, жертвами которыхъ были поляки, мы видимъ въ наше время, какъ ихъ поэты и мыслители учреждали въ честь его воспоминанія родъ культа, подъ названіемъ *мессіанизма*. Эта странная особенность достаточно говоритъ, какъ подобное оружіе могло быть опаснымъ въ такихъ рукахъ. Наполеонъ могъ освободить Польшу, и это былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ случаевъ истиннаго величія, какой только предоставляла ему дивная его фортуна; но онъ могъ сдѣлать это не иначе, какъ перемѣнивъ систему, а чтобъ дождаться отъ него подобнаго чудеснаго превращенія, патріоты считали настоятельною обязанностью требовать отъ него гарантіи.

При открытіи этой кампаніи намѣренія у него были совершенно другія. „Завоевать море чрезъ сушу“—вотъ былъ

[7]) *Correspondance d'Alexandre I avec le prince Czartoryiski,* publiée par Ch. de Mazade.

припѣвъ, повторявшійся съ тѣхъ поръ во всѣхъ его письмахъ, и въ виду этой неопредѣленной программы, соотвѣтствовавшей удивительно безпокойству и рискованнымъ стремленіямъ его генія—щекотливое и неспѣшное дѣло возстановленія Польши не могло быть въ его глазахъ ничѣмъ другимъ какъ непріятною тягостью. Съ молодости онъ имѣлъ неумѣренное влеченіе къ грандіознымъ предпріятіямъ, представлявшимъ ему перспективу, безграничную какъ его самолюбіе; но даже въ Египтѣ, гдѣ сильнѣе всего проявилось его предрасположеніе къ этимъ обширнымъ утопіямъ,—явный недостатокъ въ средствахъ заставилъ его отставить ихъ на второй планъ. Достигнувъ теперь апогея могущества съ помощью тысячи чудесъ, онъ не вѣрилъ болѣе въ невозможное, и безпрепятственно отдавался тираніи, которой подвергали его воображеніе эти исполинскіе, фантастическіе планы. Идя противъ Россіи, онъ не имѣлъ какъ прежде положительной опредѣленной цѣли, а будущимъ результатомъ имѣлъ въ виду полное покореніе Европы, но затѣмъ ему грезилось уже нѣчто громадное—всемірная имперія.

Онъ въ это время обладалъ огромными средствами дѣйствія. Благодаря набору 1807 года, вотированному ему впередъ Сенатомъ [8]), теперь у него было какъ во Франціи, такъ и въ странахъ, подчиненныхъ нашему владычеству, около шести сотъ тысячъ человѣкъ, а съ такою силою, казавшеюся почти неисчерпаемою, онъ могъ легко пополнять уроны своей арміи и даже увеличивать ея наличный составъ. Съ цѣлью облегчить неудобства, происходившія отъ разстояній, и въ то же время даже воспользоваться войсками, еще необученными, онъ велѣлъ перевести рекрутскія депо,

---

[8]) «Нужно, говоритъ Реньо де Сентъ-Жанъ д'Анжели, требуя отъ сената этого декрета: — 80,000 рекрутъ; нужно въ интересахъ народа, *чтобъ, отправляя болѣе храбрыхъ въ сраженіе, побѣда стоила менѣе храбрецовъ*. (Монитеръ 5 декабря 1806 г.). ***Прим. автора.***

стоявшія до тѣхъ поръ на Рейнѣ, въ крѣпостяхъ по Эльбѣ и по Одеру. Тамъ эти молодые солдаты смѣнили войска, болѣе полезныя для сраженій; удовлетворяя потребностямъ гарнизонной службы, они обучались владѣть оружіемъ и военнымъ движеніямъ, поддерживали наши сообщенія и находились подъ рукою у Наполеона, на случай какой нибудь крайней надобности. Онъ усилилъ свою кавалерію и въ особенности изъ большихъ депо, созданныхъ Фридрихомъ и поддерживаемыхъ его наслѣдникомъ съ тою заботою, какая сдѣлала изъ прусской кавалеріи лучшую кавалерію въ Европѣ. Кромѣ того, во всѣхъ крѣпостяхъ, находящихся на дорогѣ его арміи, въ Эрфуртѣ, Магдебургѣ, Шпандау, Кюстринѣ,— огромные магазины были съ продовольственными и разными припасами. Съ этихъ поръ, операціоннымъ базисомъ его служила не Франція, а Пруссія: онъ превратилъ эту страну какъ бы въ исполинскій военный дворъ. Прежняя администрація поддерживалась Дарю [9]); онъ продолжалъ взимать обыкновенныя подати, вмѣстѣ съ военною контрибуціею, и вскорѣ всѣ источники королевства пошли на пользу нашей арміи. Можно считать покрайней мѣрѣ въ четыреста милліоновъ реквизиціи, павшія на завоеванныя провинціи (Прус-

---

[9]) Дарю (Петръ, Антонъ, Ноэль Брюно, графъ), государственный человѣкъ и литераторъ, род. въ Монпелье въ 1767 г., ум. въ 1825 г., былъ военнымъ комисаромъ съ 1787 по 1789 г. Умѣренный сторонникъ революціи, онъ былъ заключенъ въ тюрьму во время террора и освободился только 9 термидора. Въ 1801 г. онъ вступилъ въ трибунатъ, въ 1806 г. былъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Берлинъ. Будучи государственнымъ министромъ въ 1811 г., онъ противился въ императорскихъ совѣтахъ войнѣ съ Россіею. Послѣ реставраціи назначенъ пэромъ и постоянно защищалъ дѣло общественныхъ правъ. Его главныя произведенія: *Переводъ въ стихахъ соч. Горація.* 1804 г., лучшій переводъ во французской литературѣ; *Исторія Венец. респуб., исторія герцоговъ Бретанскихъ* и *Астрономія*, поэма въ 6 пѣсняхъ, изданная послѣ его смерти въ 1830 г. Онъ былъ въ 1811 г. принятъ во французскую академію.

Прим. перевод.

сія, Гессенъ, Ганноверъ, Брауншвейгъ, Ганзейскіе города), въ деньгахъ, припасахъ и въ видѣ конфискацій англійскихъ товаровъ.

Армія, содержаніе которой должно было обезпечиваться этими огромными средствами, превосходила триста тысячъ, но какъ ни была она сильна и страшна, а уже утратила свою прежнюю физіономію и сохранила лишь часть рѣдкихъ качествъ, которыя составляли ея силу и оригинальность. Военные писатели выказали съ точки зрѣнія совершенно спеціальной—неудобства, происшедшія немного позже, отъ чрезмѣрнаго растяженія полковъ и разсѣянія батальоновъ; я упомяну здѣсь о злѣ, болѣе важномъ и глубокомъ, которое испортило даже сущность арміи. Если есть въ исторіи поучительный примѣръ, то это безъ сомнѣнія зрѣлище, какое представляетъ намъ деспотизмъ, основанный единственно на военной силѣ и разрушающій мало-по-малу, безъ своего вѣдома и нѣкоторымъ образомъ въ силу собственнаго развитія, дивное орудіе, которымъ онъ всему обязанъ. Было бы истиннымъ пробѣломъ не обозначить поступательнаго хода этой медленной, но постоянной порчи нашихъ военныхъ учрежденій, ибо она дѣлалась болѣе чувствительною по мѣрѣ расширенія имперіи, и первыя дѣйствія которой пришлось вскорѣ испытать. Съ первыхъ своихъ дебютовъ, Бонапарте измѣнилъ духъ своей арміи, замѣнивъ мечтанія о славѣ, честолюбіи и богатствахъ — патріотическими побужденіями. Перемѣна эта была далека отъ индифферентизма, но послѣдствія ея не могли быть непосредственны, и сперва могло казаться, что этотъ завоевательный жаръ съ успѣхомъ замѣнилъ прежнее революціонное рвеніе. Достигнувъ верховной власти, онъ пошелъ дальше; онъ постарался отдѣлить армію отъ народа, устранилъ ее изъ-подъ гражданскаго вліянія, создалъ для нея независимые источники — спеціальный фондъ, щедрыя пожертвованія, открывавшія новую карьеру честолюбію генераловъ: это уже не были солдаты отечества, но солдаты

императора—орудія его фортуны, а не слуги родины. Онъ сдѣлалъ еще шагъ дальше со времени Аустерлицкой и Іенской кампаній, введя въ наши арміи, доселѣ однородныя, элементы, взятые изъ завоеванныхъ земель.

Здѣсь—и это такъ очевидно—ошибки и заблужденія политики сбили съ толку геній и прозорливость великаго генерала, ибо если извѣстно, что необычайные размѣры новой имперіи и колоссальныя предпріятія ея главы, дѣлали необходимостью эту прибавку военныхъ силъ, для поддержанія истощенной Франціи, то еще достовѣрнѣе, что допустивъ въ наши ряды всѣ эти воспомогательныя войска, служившія поневолѣ, наносился роковой ударъ дисциплинѣ, рвенію и единству нашей арміи. Національный пылъ, глубокая однородность мыслей и дѣйствій, создавшія изъ нашей арміи новое, одушевленное цѣлое, котораго, казалось, ничто не могло нарушить — сперва ослабѣли, потомъ мало-по-малу какъ бы утонули въ этой космополитической массѣ, въ которой не было ни нашего духа, ни нашихъ страстей, ни нашихъ правъ, ни даже нашего языка. Иностранные контингенты арміи, шедшей на Россію въ концѣ 1806 г., простирались до ста тысячъ человѣкъ—итальянцевъ, швейцарцевъ, голландцевъ, виртембергцевъ, баварцевъ, гессенцевъ, саксонцевъ, поляковъ, даже пруссаковъ: „Его величество, говорилъ Наполеонъ въ своемъ 42 бюллетенѣ:—повелѣлъ взять въ прусскихъ провинціяхъ за Эльбою полкъ, который соберется въ Мюнстерѣ“. Онъ не замедлилъ убѣдиться, къ какимъ страннымъ послѣдствіямъ могла привести эта система, но онъ находилъ ее весьма удобною, чтобъ подвергать какому нибудь измѣненію: „Швейцарскіе полки, писалъ онъ къ Фуше 20-го февраля 1807 г.:—вербуютъ прусскихъ плѣнныхъ, такъ что *выходитъ странная политика: мои враги будутъ охранять Францію*“. Какъ ни была въ самомъ дѣлѣ странна эта система, но тѣмъ не менѣе онъ упорствовалъ въ ней, и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, эта

огромная пародія на Римскую имперію, выказывала, съ самаго своего происхожденія, всѣ свои слабости, которыя испытывалъ Римъ, уже при своемъ упадкѣ, и которымъ она подчинялась невольно, чтобъ отсрочить часъ неизбѣжнаго паденія. Наполеону хотѣлось имѣть въ своей арміи даже испанцевъ. Онъ поручилъ 15 декабря Талейрану вступить съ королемъ Карломъ IV въ переговоры, о присылкѣ вспомогательнаго корпуса въ пятнадцать тысячъ человѣкъ, и чтобъ удалить ихъ вѣрнѣе изъ отечества, онъ поручилъ имъ охрану Гамбурга и Ганзейскихъ городовъ [10]).

Въ этомъ случаѣ, цѣль его была не столько прибавить къ арміи нѣсколько лишнихъ полковъ, сколько ослабить и обезоружить Испанію, на которую онъ начиналъ питать замыслы, хотя и не опредѣленные, но мало успокоительные для будущности этой страны. Давно уже утомленная тягостнымъ союзомъ, оскорбленная униженіями, разоренная нашими требованіями, будучи трактуема какъ завоеванная страна, провинціи которой уступали, даже не спросясь ее, Испанія видѣла въ войнѣ съ Пруссіею случай принять относительно Наполеона положеніе, если не непріязненное, то покрайней мѣрѣ независимое; прокламація князя Мира призывала испанцевъ къ оружію, для поддержки свободы отечества противъ врага, котораго онъ не обозначалъ [11]); но съ вѣстью о побѣдѣ подъ Іеною, все погрузилось въ обычное молчаніе, и покорность сдѣлалась безусловною — какъ послѣдствіе открытаго возмущенія. Испанія считала себя счастливою, что за эту выходку отдѣлалась посылкою контингента въ пятнадцать тысячъ; она и не подозрѣвала, что этотъ знакъ покорности не только не смягчилъ ея надмен-

---

[10]) Наполеонъ къ Талейрану 15 декабря 1806 г. *Прим. автора.*

[11]) Отъ 5 октября. См. Торнео Histoire de la Révolution d'Espagne, т. I. *Прим. автора.*

наго союзника, а служилъ только предисловіемъ пожертвованій, которыхъ послѣдній собирался отъ нея потребовать.

Спѣша всегда подкрѣпить силу оружія дипломатіею, когда время переговоровъ прошло, Наполеонъ увидѣлъ, что его предложенія отвергнуты Австріею. Держава эта была слишкомъ жестоко оскорблена, чтобъ поддаться на эти запоздалыя любезности. Не имѣя возможности задобрить, необходимо было держать ее въ страхѣ; армія вице-короля сосредоточилась въ Фріулѣ, подъ командою Массены, соединившись съ корпусомъ Мармона, занимавшаго Далмацію. Число этихъ войскъ доходило до семидесяти пяти тысячъ, и они готовы были двинуться въ Дунайскую долину; ихъ было пока достаточно для нейтрализаціи Австріи. Дипломатія наша была счастливѣе съ блистательною Портою. Такова сила интересовъ и положеній, что не смотря на воспоминаніе о безчестномъ и нагломъ разрывѣ, учиненномъ съ нами Египтомъ, произошло неожиданное сближеніе—между Франціею и Турціею. Наполеонъ, понимавшій всю цѣну диверсіи въ нашу пользу противъ Россіи, рѣшился расположить къ себѣ и ободрить султана Селима; онъ напомнилъ ему вѣковыя узы, соединявшія обѣ страны, общность ихъ интересовъ, безпрерывныя стремленія Россіи къ Константинополю. Прежде еще чѣмъ Турція разошлась съ Россіею, онъ во всѣхъ своихъ манифестахъ, торжественно обязывался поддерживать цѣлость Оттоманской имперіи. Съ іюня 1806 г., когда онъ съ Убрилемъ устроивалъ мирный договоръ между Франціею и Россіею, онъ торопилъ Селима разорвать съ Александромъ I, смѣнивъ собственною властью господаря Молдавіи и Валахіи, которыхъ султанъ могъ назначить только съ согласія русскаго императора. Для ускоренія этой развязки, онъ аккредитовалъ въ Константинополѣ искуснаго, дѣятельнаго и преданнаго агента, генерала Себастіани, порученіе котораго можетъ быть выражено фразою — вовлечь Турцію въ войну.

Ненависть, соперничество, всевозможныя несогласія, издавна существовавшія между Россіею и Турціею, облегчали Себастіани это порученіе, тѣмъ болѣе что Селимъ былъ характера слабаго, легковѣрнаго, съ добрыми намѣреніями, но неспособный слѣдовать опредѣленной системѣ. Себастіани употреблялъ поочередно обѣщанія и устрашенія; онъ умѣлъ пригрозить при случаѣ и нашею далматскою арміею, соприкасавшеюся непосредственно съ Черногоріею, Албаніею и самыми безпокойными народами Турецкой имперіи. Подъ вліяніемъ этихъ убѣжденій, Селимъ прогналъ обоихъ господарей 30 августа 1806 г. Тогда только узнали въ Константинополѣ, что царь отказался ратификовать мирный договоръ, подписанный Убрилемъ въ Парижѣ. Себастіани сдѣлался гораздо настойчивѣе; онъ положительно требовалъ отъ султана выбрать между Франціею и Россіею. Испуганный Селимъ запретилъ русскимъ кораблямъ входъ въ Босфоръ, но вскорѣ устрашенный еще болѣе угрозами представителей Англіи и Россіи, онъ возстановилъ въ Молдавіи и Валахіи смѣщенныхъ господарей, не разрывая впрочемъ съ Франціею. Но было уже поздно отступать: русская армія, подъ командою генерала Михельсона, вступила въ княжества, и Турція безвозвратно кинулась въ опасную войну, для большей славы союзника, имя котораго напомнило ей лишь самыя грустныя разочарованія, и сомнительную вѣрность котораго она испытывала.

Наполеонъ съ восторгомъ видѣлъ диверсію, столь благопріятствовавшую его намѣреніямъ: „Имѣйте прежнее довѣріе, писалъ онъ Селиму 11 ноября. *Судьбы обѣщали долголѣтіе вашей имперіи; я посланъ спасти ее* и пріобщаю васъ къ своимъ побѣдамъ" [12]). 1-го декабря онъ возобновилъ свои увѣренія въ болѣе льстивыхъ формахъ, и поручилъ Себастіа-

---

[12]) Наполеонъ къ султану Селиму. *Прим. автора.*

ни заключить съ султаномъ наступательный и оборонительный союзъ, „по которому гарантировалъ Портѣ *цѣлость ея провинцій Молдавіи, Валахіи и Сербіи*; и обязывался не заключать мира съ Россіею иначе, какъ съ согласія Турціи“ [13]). Словно для приданія этимъ обязательствамъ характера еще болѣе непреложнаго, онъ помѣстилъ ихъ въ своихъ бюллетеняхъ и своихъ посланіяхъ въ сенатъ, заботливо выставляя весь стыдъ для насъ за оставленіе Турціи, и всѣ опасности, которыя могли бы произойти изъ этого для „цивилизованной Европы“. Онъ писалъ въ одномъ своемъ манифестѣ сенату: „Когда греческая тіара восторжествуетъ отъ Балтики до Средиземнаго моря, то мы скоро увидимъ нашествіе тучи фанатиковъ и варваровъ на наши области. Наше преступное равнодушіе вызоветъ справедливыя жалобы потомства и будетъ клеймомъ позора въ исторіи“ (20 января 1807 г.) Вскорѣ мы увидимъ какъ онъ заботился объ этомъ судѣ исторіи и потомства.

Въ тоже время онъ извѣщалъ это собраніе, что персидскій шахъ двигаетъ войско на Кавказъ, и увѣдомлялъ о вступленіи Саксоніи въ Рейнскій Союзъ. Таковы были дѣйствительно новые союзники, которыхъ Наполеонъ пріобрѣлъ или лучше сказать, привлекъ къ своему дѣлу. Что касается Персіи, то заявленіе было во всякомъ случаѣ преждевременно. Посланникъ его, Амедей Жоберъ, прибывшій въ Тегеранъ въ іюнѣ 1806 г., подвергаясь безчисленнымъ опасностямъ, привезъ оттуда лишь предложенія, и договоръ былъ заключенъ только въ маѣ 1807 г. Но никто не могъ провѣрить факта, а имя Персіи имѣло свой эффектъ по этой программѣ и какъ бы служило свидѣтельствомъ нашего отдаленнаго вліянія.

Въ виду этой страшной лиги, соединявшей подъ однимъ

---

[13]) Наполеонъ въ Себастіани 1 декабря 1806 г. *Прим. автора.*

знаменемъ столько разныхъ народовъ, Россія, повидимому, не слишкомъ была въ состояніи выдержать борьбу. Обезсиленная Пруссія не могла доставить ей болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, съ трудомъ избѣгнувшихъ отъ преслѣдованія Мюрата; Англія надавала ей обѣщаній, исполненіемъ которыхъ не очень торопилась, занимаясь завладѣніемъ испанскихъ и голландскихъ колоній; наконецъ Швеція, слишкомъ слабая для существенной поддержки, ограничивалась охраною Стральзунда съ пятнадцатью тысячами человѣкъ. Исключивъ корпусъ Михельсона, несвоевременно вступившій въ Молдавію, и войска, которыя могли достигнуть границы лишь впослѣдствіи,—Россія была въ состояніи выставить противъ насъ на Вислѣ армію, не болѣе какъ въ сто двадцать пять тысячъ человѣкъ. Двадцать тысячъ пруссаковъ, подъ командою Лестока, наблюдали за этою рѣкою, растянувшись отъ Данцига къ Торну; Бенигсенъ сосредоточилъ въ окрестностяхъ Варшавы массу въ шестьдесятъ тысячъ; наконецъ третій корпусъ Буксгевдена, въ сорокъ тысячъ, прибылъ форсированнымъ маршемъ для соединенія съ Бенигсеномъ ([13]). Главное начальство надъ этими силами имѣло быть ввѣрено Каменскому, восьмидесятилѣтнему старику, не обладавшему ни энергіею, ни моральною и физическою дѣятельностью, необходимыми для подобнаго порученія.

Французская армія уже двинулась въ Польшу, и съ 4-го декабря Даву занялъ Познань. Можно считать восемьдесятъ тысячъ человѣкъ въ передовыхъ корпусахъ, угрожавшихъ Вислѣ, подъ командою Даву, Ланна, Ожеро, Мюрата; за ними невдали слѣдовала другая армія, почти равная численностью, съ корпусами Сульта, Нея, Бернадотта, Бессьера; за ними оставался въ Мекленбургѣ корпусъ Мортье, занимавшій берегъ отъ Гамбурга до Штетина; въ Силезіи корпусъ Жерома, подъ вѣдѣніемъ Вандама, имѣлъ порученіе осаждать крѣпости, державшіяся еще въ этой провинціи. При нашемъ приближеніи, Бенигсенъ разсудилъ, что невоз-

можно ему, съ своими слабыми силами, защищать такую пространную линію какъ Висла, противъ столь значительной арміи, ибо достаточно было французамъ прорваться черезъ рѣку хоть въ одномъ пунктѣ, и разсѣяннымъ войскамъ его грозила неминуемая опасность. Онъ намъ оставилъ не только Варшаву, но и укрѣпленный лагерь Праги и отступилъ по направленію къ Пултуску, навстрѣчу арміи Буксгевдена Это движеніе отдало намъ во владѣніе Вислу. Ней отнялъ Торнъ у пруссаковъ Лестока; онъ установился на этомъ мѣстѣ съ корпусомъ Бернадотта и кавалеріею Бессьера, составлявшими нашъ лѣвый флангъ. Сультъ и Ожеро, образовавшіе центръ, переправились черезъ рѣку изъ Плоцка въ Закрочимъ; наконецъ нашъ лѣвый флангъ, состоявшій изъ корпусовъ Ланна, Мюрата и Даву, растянулся вдоль Буга и Наровы отъ Сѣрецка до соединенія этихъ рѣкъ при впаденіи ихъ въ Вислу.

Таково было взаимное положеніе обѣихъ армій къ 20-му декабря. Наша стоянка шла уступомъ, отъ Торна къ Варшавѣ, на пространствѣ около сорока миль. Пруссаки Лестока остались въ Древенцѣ, противъ Торна; русскія войска, подкрѣпленныя Буксгевденомъ и поступившія подъ начальство Каменскаго, остановили отступленіе, чтобъ укрѣпиться въ углу, образуемомъ не много выше Варшавы Вкрою, Наревомъ и Бугомъ, при впаденіи ихъ въ Вислу. Мѣстность эта, конечно, болотистая, была еще смочена дождями и сдѣлалась почти непроходимою, благодаря исключительной теплотѣ погоды. Наполеонъ говаривалъ „что онъ открылъ въ Польшѣ пятую стихію—*грязь*“. Онъ чувствовалъ все неудобство возобновленія непріятельскихъ дѣйствій при такихъ условіяхъ; онъ желалъ, онъ могъ остановиться на зимнія квартиры въ Варшавѣ, и для того, чтобъ придти туда, онъ настаивалъ на перемиріи, и когда его предложеніе было отвергнуто, ему оставалось только держаться на своей позиціи. Но столь близкое сосѣдство русской арміи, даже мало

для него опасной, за естественнымъ укрѣпленіемъ, которое вдавалось угломъ до средины его стоянокъ, показалось ему въ родѣ постояннаго оскорбленія, котораго онъ не могъ сносить, и онъ рѣшился дать отдохнуть своей арміи, только если прогонитъ или разсѣетъ русскихъ. Онъ даже льстилъ себя надеждою уничтожить ихъ въ началѣ кампаніи. „Есть возможность, писалъ онъ къ Кларке 18 декабря:—что чрезъ недѣлю, будетъ дѣло, которое покончитъ кампанію".

Для достиженія этой цѣли, онъ велѣлъ построить мостъ черезъ Наревъ, пониже точки, гдѣ эта рѣка соединяется съ Вкрою. Прибывъ въ Варшаву ночью 20 декабря и желая избавиться отъ овацій поляковъ, онъ отправился лично наблюдать за этими приготовленіями. Когда они были окончены, корпуса его арміи одновременно получили приказаніе двинуться впередъ противъ разбросанныхъ полковъ русско-прусской арміи. Пока онъ будетъ переходить черезъ Наревъ для нападенія съ фронта на непріятеля, съ своею гвардіею, его резервы,—корпуса Даву и Ланна, генералы Ожеро и Сультъ, перейдя Вкру, должны были маневрировать на флангѣ у русскихъ, чтобъ обратить ихъ, а Ней, подкрѣпленный Бернадоттомъ, отбросить пруссаковъ къ сѣверу, въ то же время угрожая линіи отступленія ихъ союзниковъ. Ночью съ 22 на 23 декабря, императоръ выѣхалъ изъ Варшавы и въ девять часовъ утра переправился черезъ Наревъ и вечеромъ въ тотъ же день, велѣлъ навести мостъ черезъ Вкру, между Окунинымъ и Помиховомъ, подъ непріятельскимъ огнемъ. Обманутые ложными движеніями, русскіе не успѣли помѣшать переправѣ; они немедленно подверглись нападенію на своей позиціи въ Чорново. Настала ночь, но сраженіе продолжалось при лунномъ свѣтѣ. Русскіе были выбиты послѣ энергическаго сопротивленія, стоившаго имъ двѣ тысячи человѣкъ; они отступили въ Насилки, гдѣ на другой день снова потерпѣли пораженіе. Въ этомъ дѣлѣ принимала участье только одна изъ ихъ дивизій, а уже ихъ армія по-

чувствовала потерю. Ожеро, послѣ блистательнаго дѣла, переправился черезъ Вкру въ Колозомбъ и пошелъ къ Новому Мѣсту, во флангъ русскимъ. Сультъ шелъ параллельно на высотѣ Сохачина, Бернадоттъ и Ней, выступивъ изъ Торна, направлялись къ Бѣзуну и Солдау.

Старикъ Каменскій, съ ослабѣвшею отъ лѣтъ головою, въ виду такого быстраго нападенія, котораго онъ не съумѣлъ предвидѣть, обнаружилъ признаки полнаго помѣшательства. [14]) Его генералы Бенигсенъ и Буксгевденъ, должны были сами спасать армію. Съ общаго согласія, они направили главную массу на Пултускъ, гдѣ надѣялись присоединить дивизіи, остававшіяся между Бугомъ и Наревомъ. Въ продолженіе этого времени, ихъ пылкій противникъ, понявъ, что главнѣйшее ихъ отступленіе совершалось черезъ Голыминъ, бросился съ кавалеріею чрезъ Цѣхановъ, чтобъ ударить имъ во флангъ, во время перехода. Онъ направилъ на Голыминъ корпуса Даву, Ожеро и Мюрата, а въ Пултускъ послалъ только одинъ корпусъ Ланна. Что касается Сульта, то онъ предоставилъ ему честь нанести ударъ, который онъ считалъ рѣшительнымъ; вслѣдствіе этого, онъ приказалъ ему идти изъ Цѣханова на Маковъ-городъ, лежавшій въ тылу русской арміи, и куда долженъ былъ явиться Сультъ, уничтожить убѣгавшіе остатки непріятеля и воспользоваться плодами побѣды.

Отличный этотъ планъ основывался въ сущности только на предположеніяхъ, которыя не осуществились. Эта ошибка Наполеона произошла не отъ упадка его генія, и не отъ вины

---

[14]) Принцъ Евгеній Виртембергскій приводитъ по этому случаи многія характеристическія черты въ своихъ запискахъ. Его свидѣтельство подтверждается Робертомъ Уильсономъ, служившимъ волонтеромъ въ русской арміи, и описаніе котораго исполнено любопытными и чаще самыми вѣрными свѣдѣніями. См. *Briefs remarks etc. or a sketch of the compaingns in Poland* 1806—1807. *Прим. автора.*

его генераловъ, но собственно отъ насилія, которому онъ подвергъ натуру вещей, начавъ такія обширныя операціи въ такое время года и на подобной почвѣ. Болота не только затрудняли путь его артиллеріи и обозамъ, едва не останавливая марша, но даже кавалерія дѣлалась для него почти безполезною, и ему было невозможно достаточно развѣдывать окрестность, чтобъ знать движеніе непріятеля. Не имѣя точныхъ свѣдѣній, онъ долженъ былъ дѣйствовать по предположеніямъ. Пока 25 декабря Наполеонъ атаковалъ съ весьма рпевосходными силами, деревню Голыминъ, гдѣ укрѣпилась одна дивизія съ нѣсколькими полками, Ланнъ наткнулся въ Пултускѣ на большую часть арміи Бенигсена. Хотя онъ и имѣлъ не болѣе двадцати шести тысячъ человѣкъ, считая дивизію Гюдена, противъ сорокапятитысячнаго непріятеля, однако Ланнъ атаковалъ, съ обычною стремительностью и заставилъ русскихъ отступить сначала. Наибольшія усилія направилъ онъ на лѣвый флангъ непріятеля, надѣясь овладѣть Пултускомъ и переправою черезъ Наревъ, но на всѣхъ пунктахъ встрѣтилъ отчаянное сопротивленіе, а русская артиллерія, будучи сильнѣе нашей, часть которой осталась въ дорогѣ,—производила въ нашихъ рядахъ страшное опустошеніе. Ланнъ не переставалъ до вечера дѣлать энергическія наступленія на Бенигсена, однако они были безуспѣшны; ему не удалось сломить непріятеля ни на одномъ пунктѣ, и этотъ кровавый день окончился, не доставивъ опредѣленнаго преимущества ни одной изъ обѣихъ армій [15]). Въ Голыминѣ исходъ сраженія былъ почти такой же, хотя не много болѣе благопріятный для французовъ. Прикрытая лѣсами и почти неприступными болотами, дивизія Голицына съ под-

---

[15]) Въ рапортѣ, помѣченномъ изъ Розана отъ $^{14}/_{26}$ декабря, Бенигсенъ прямо приписываетъ себѣ побѣду и удостовѣряетъ, что не дѣлали никакой попытки къ его преслѣдованію. Онъ увѣряетъ, что отступилъ единственно по неимѣнію фуража и съѣстныхъ припасовъ. *Прим. автора.*

крѣплявшими ее полками, могла съ успѣхомъ держаться противъ корпусовъ Даву и Ожеро, поддержанныхъ кавалеріею Мюрата. Наконецъ она принуждена была отступить, но сраженіе это было такъ нерѣшительно, что по признанію самого Наполеона, сопротивленіе продолжалось еще въ 11 часовъ вечера [16]). Въ тотъ же день, 26 декабря, въ 10 миляхъ оттуда, Ней атаковалъ въ Солдау пруссаковъ Лестока и овладѣлъ окончательно городомъ, нѣсколько разъ переходившимъ изъ рукъ въ руки, но дорого заплатилъ за свою побѣду.

Такимъ образомъ, не смотря на превосходство силъ Наполеона, побѣда была покрайней мѣрѣ нерѣшительна на одномъ пунктѣ и весьма не полна на двухъ другихъ. Кромѣ того, два корпуса изъ его арміи, не принимали никакого участія въ битвѣ. Корпусъ Сульта, долженствовавшій отрѣзать русскимъ отступленіе къ Макову, принужденъ былъ оставаться въ Цѣхановѣ, вслѣдствіе затруднительныхъ дорогъ, да еслибъ впрочемъ ему и удалось прибыть въ Маковъ, онъ встрѣтилъ бы тамъ часть арміи Буксгевдена, готовую дать ему отпоръ. Что касается корпуса Бернадотта, онъ шелъ по направленію къ Бѣзуну и не встрѣтилъ никого. Эти хожденія ощупью, эти оспариваемые успѣхи, этотъ недостатокъ точности и согласія въ исполненіи, дѣйствительно надо приписать времени года и натурѣ этой движущейся почвы, что, взятое вмѣстѣ, такъ замедляло и затрудняло наши движенія, но Наполеонъ зналъ эти препятствія со времени прибытія своего въ Польшу; они существовали какъ для насъ, такъ и для нашихъ непріятелей. Онъ думалъ, что отвѣтилъ ново, когда написалъ въ своемъ бюллетенѣ, „что не будь страшной грязи, постоянныхъ дождей и оттепели,—не спасся бы ни одинъ человѣкъ", и это онъ, главнокомандующій, столь

[16]) 47. Бюллетень. *Прим. автора.*

искусно умѣвшій пользоваться мѣстностью, который такъ часто насмѣхался надъ прекрасными планами, сдѣланными на бумагѣ,—онъ находилъ это оправданіе вѣроподобнымъ и удовлетворительнымъ, словно не могъ предвидѣть погоды, продолжавшейся больше мѣсяца.

Но хотя и мало блистательный, особенно въ сравненіи съ нашими прежними торжествами,—успѣхъ этой краткой кампаніи, тѣмъ не менѣе, былъ въ нашу пользу, ибо русская армія принуждена была очистить свои позиціи и оставить намъ часть своей артиллеріи и обоза, по невозможности перевезти ихъ черезъ трясины. Такимъ образомъ, она оставила въ нашихъ рукахъ восемьдесятъ орудій и потеряла отъ десяти до двѣнадцати тысячъ человѣкъ убитыми и плѣнными [17]. Съ нашей стороны, потеря была столько же почти значительная. Наполеонъ, который не могъ и думать о преслѣдованіи непріятеля, въ странѣ, гдѣ по выраженію одного изъ его офицеровъ [18], онъ видѣлъ, *какъ таяли его батальоны*, рѣшился остановиться на зимнихъ квартирахъ, въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени года. Вслѣдствіе этого, онъ распредѣлилъ корпуса своей арміи, принявъ среднее разстояніе отъ десяти до пятнадцати миль, впереди Вислы. Размѣщенные такъ, чтобъ поддерживать другъ друга, они были однакожъ разбросаны на обширномъ, бесспорно, пространствѣ, ибо отъ Варшавы, гдѣ стоялъ корпусъ Ланна, до Эльбинга, гдѣ квартировалъ Бернадоттъ—не менѣе пятидесяти миль. Его другіе генералы занимали промежуточныя мѣста между этими двумя крайними пунктами. Ней стоялъ близъ Нейдебурга, Сультъ въ окрестностяхъ Голымина, Даву въ Пултускѣ, Ожеро около Закрочима. Маршалу Лефебру поручено было наблюдать съ пятнадцати тысяч-

[17]) Фезензакъ говоритъ *двадцать тысячъ*, но Наполеонъ, неимѣвшій привычки уменьшать потери непріятеля, говоритъ 12,000. См. 47 бюллетень. *Прим. автора.*

[18]) Жомини. *Прим. автора.*

нымъ корпусомъ Данцигъ, въ ожиданіи возможности начать осаду этого города; другой корпусъ блокировалъ Грауденцъ. Самъ Наполеонъ находился въ Варшавѣ, съ своею гвардіею. Оттуда онъ слѣдилъ за тысячами подробностей организаціи, необходимыхъ для существованія этой огромной массы, за разсылкою продовольствія, приготовленіемъ одежды и всякихъ припасовъ, устройствомъ обширныхъ госпиталей, за страшною программою будущихъ сраженій. Но эти многочисленныя заботы часто ограничивались только приказаніями, которыя совсѣмъ не исполнялись за невозможностью исполненія, по поводу несоразмѣрности предпріятія съ наличными средствами страны. Солдаты наши, принужденные откапывать припасы, закопанные бѣдными польскими крестьянами, жили плохо. Дурныя качества ихъ пищи, въ соединеніи съ нездоровостью сыраго климата, порождали среди ихъ многочисленныя болѣзни, которымъ платили дань и сами ихъ начальники. Ланнъ, Мюратъ и Ожеро—первые заболѣли довольно серьезно. Наконецъ жалобы изъ арміи достигли до Парижа и распространили тамъ значительную тревогу, такъ что Наполеонъ счелъ обязанностью велѣть опровергнуть ихъ въ *Монитерѣ* [19]).

Единственнымъ вознагражденіемъ за столько бѣдствій было паденіе главныхъ силезскихъ крѣпостей, павшихъ послѣ сопротивленія, которое было гораздо достойнѣе того, какое оказывали намъ другія прусскія крѣпости. Глогау капитулировалъ 2 декабря; Бреславль долженъ былъ сдаться Вандаму 8 января, когда вода въ его рвахъ замерзла и дала возможность къ приступу. Швейдницъ не замедлилъ послѣдовать этому примѣру.

Пока Наполеонъ устраивалъ все, чтобъ спокойно расположиться на зимнихъ квартирахъ, русская армія, которой

---

[19]) Наполеонъ къ Фуше 18 января 1867 г. *Прим. автора.*

удалось скрыться, при помощи долгаго и искуснаго марша, готовилась возвратиться, съ цѣлью произвести нападеніе. Отброшенные къ Остроленкѣ, послѣ голыминскаго и пултусскаго сраженій, русскіе генералы успѣли соединиться возлѣ Новограда. Здѣсь у нихъ былъ военный совѣтъ, на которомъ Бенигсенъ съ живостью настаивалъ на немедленномъ возобновленіи военныхъ дѣйствій. Генералъ этотъ, необладавшій значительными военными способностями, имѣлъ много смѣлости и упрямства, и полагалъ, что при неодолимой энергіи, можно съ успѣхомъ противиться стратегическому превосходству своего страшнаго противника. Онъ былъ патріотъ по своему, и съумѣлъ пріобрѣсти большое вліяніе на солдатъ. Непоколебимость его при Пултускѣ была поводомъ назначенія его главнокомандующимъ; онъ вскорѣ получилъ приказаніе замѣстить Каменскаго и могъ привести свой планъ въ исполненіе. Не скрывая неудобствъ, представляемыхъ временемъ года, онъ основательно считалъ ихъ менѣе неблагопріятными для своихъ солдатъ, нежели для нашихъ, непривычныхъ къ подобному климату, и инстинктивно чувствовалъ, что если мы старались избѣгнуть сраженія, то потому, что въ этомъ заключалась его выгода. И онъ рѣшился воспользоваться чрезмѣрнымъ растяженіемъ нашихъ стоянокъ, чтобъ захватить, если можно, два корпуса нашей арміи, составлявшихъ крайнюю линію къ сѣверной Пруссіи, и во всякомъ случаѣ, чтобъ отбросить ихъ, освободивъ за однимъ ударомъ крѣпости Данцигъ и Грауденцъ. Неосторожная разбросанность корпуса Нея, который высылалъ отряды до самаго Кенигсберга, для добычи продовольствія своимъ голоднымъ войскамъ [20]), и немного рискованное положеніе Бернадотта, въ Хлѣбанчѣ—представляли Бенигсену основательную надежду отрѣзать ихъ другъ отъ друга и разбить от-

[20]) См. Фезензакъ. Жомини и Матье Дюма. *Précis des événements militaires, t.* XVIII. *Прим. автора.*

дѣльно эти корпуса, прежде чѣмъ армія могла бы подать имъ помощь. Дѣйствительно, что бы ни говорили, для оправданія Наполеона за растяженіе его позицій, а все-таки надо сознаться, что оно было чрезмѣрно и опасно, въ присутствіи непріятельской арміи, которой ни движенія, ни точное положеніе не были ему извѣстны.

Неблагоразуміе это однакожъ не повело къ печальнымъ послѣдствіямъ, какихъ можно было опасаться. Но такова была удивительная догадливость Наполеона въ военныхъ дѣлахъ, что еще прежде чѣмъ онъ догадался о планѣ Бенигсена, онъ послалъ уже Жомини въ лагерь Нея, съ выговоромъ за дерзкое отдѣленіе отъ операціонной линіи къ Кенигсбергу и съ приказаніемъ возвратиться на свою стоянку въ Нейденбургъ: „Возвращайтесь медленно, писалъ ему Бертье именемъ императора:—это первый шагъ, что императоръ дѣлаетъ въ отступательномъ движеніи". (8-го января 1807 г.) [21]). Чувствуя прежде всего необходимость скрыть отъ насъ свое движеніе, Бенигсенъ исчезъ за огромными, непроходимыми лѣсами, онъ сдѣлалъ огромный обходъ, частью по сю, частью по ту сторону озера Спирдинга, потомъ направился впередъ, черезъ Арисъ, Рейнъ и Бишофсштейнъ, разсчитывая захватить наши стоянки, находившіяся еще въ полной безпечности, въ особенности Бернадотта, который подвергался больше всѣхъ опасности, съ тѣхъ поръ, какъ Ней началъ свое отступленіе. Ней не успѣлъ еще окончить этого движенія, какъ русскіе показались въ окрестностяхъ Гейльсберга (22 января 1807 г.), и послѣдніе его отряды должны были пробиваться, для соединенія съ главными силами. Но Бенигсенъ, войска котораго страшно изнурились отъ продолжительнаго похода по непроходимымъ мѣстамъ и въ такое суровое время года, былъ не въ состояніи при-

---

[21]) Фезензакъ *Mémorial du depôt de la guerre*, *t.* VIII. *Прим. автора.*

дать своимъ операціямъ единства, необходимаго имъ болѣе чѣмъ когда бы то ни было; въ то время, когда предстояло ему воспользоваться плодами столь искусно задуманнаго плана, онъ выпустилъ ихъ изъ рукъ. Вмѣсто того, чтобъ отрѣзать весь или часть корпуса Нея, онъ могъ только его отбросить на его линію отступленія. Что же касается Бернадотта, быстро извѣщеннаго товарищемъ объ угрожавшей опасности, онъ поспѣшно поворотился въ томъ же направленіи и опрокинулъ въ Морунгенѣ русскій авангардъ, который хотѣлъ преградить ему дорогу. Онъ потерялъ обозъ, но могъ отступить на Стральзундъ, подавая руку помощи Нею, который былъ въ Гильгенбургѣ (25 января).

Наполеонъ узналъ объ этихъ событіяхъ только 27 января. Онъ тотчасъ же понялъ ихъ значеніе и вмѣсто того, чтобъ стараться помѣшать движенію русскихъ къ нижней Вислѣ, рѣшился всѣми силами завлекать ихъ идти по слѣдамъ Бернадотта, пока онъ самъ не бросится имъ въ тылъ, по своей обычной методѣ. Вслѣдствіе этого, онъ выступилъ изъ своихъ квартиръ, направилъ армію на Виллембергъ—пунктъ, откуда онъ долженъ былъ начать заходить за оконечность непріятельскаго лѣваго фланга, чтобъ заворотить русскихъ и прижать къ Вислѣ, или еслибъ на случай, они во время догадались о его планѣ, отбросить за Нѣманъ, въ противоположномъ направленіи. Онъ оставилъ въ Варшавѣ корпусъ Ланна, для встрѣчи двухъ дивизій, которыя Бенигсенъ послалъ на Наревъ, а для того. чтобъ завлечь русскихъ на Вислу, послалъ приказаніе Бернадотту отступать передъ ними шагъ за шагомъ, по направленію къ Торну [22]) Сказать правду

---

[22]) По словамъ Роберта Уильсона, который утверждаетъ, что имѣлъ оригиналъ этого приказа отъ Бенигсена,—Наполеонъ, заявляя свое намѣреніе отрѣзать русскую армію, не предписывалъ ему отступить къ Торну, но лишь „держаться противъ непріятеля съ храбростью, которой онъ имѣлъ право ожидать отъ военной опытности маршала". Что почти было тоже самое. *Прим. автора.*

онъ не надѣялся отрѣзать всю русскую армію, но думалъ навѣрное захватить одинъ корпусъ „отъ пятнадцати до двадцати тысячъ человѣкъ, и извѣстилъ Кларке, Мортье и Лефебра, которые находились въ Берлинѣ, Стральзундѣ и Торнѣ, чтобъ были готовы воспользоваться этою случайностью“ [23]). Замерзлая земля и дорога сдѣлались весьма удобны. Съ этихъ поръ, мы уже не могли приписывать нашихъ неудачъ польской грязи. Наполеонъ такъ мало сомнѣвался въ успѣхѣ новой кампаніи, что во всѣхъ письмахъ объявлялъ, *что отброситъ русскихъ за Нѣманъ* [24]). Онъ даже предсказывалъ этотъ результатъ въ прокламаціи къ своей арміи, отъ 30 января:

„Русскіе, говорилъ онъ,—увлечены *роковою судьбою*, которая постоянно спутываетъ намѣренія нашихъ непріятелей. Они вступаютъ въ Турцію и объявляютъ войну Портѣ, въ тотъ самый моментъ, когда мы подходимъ къ ихъ границамъ. Они первые выступаютъ изъ зимнихъ квартиръ, и начинаютъ тревожить своихъ побѣдителей, чтобъ испытать новыя пораженія. Итакъ какъ это случилось, то разстанемся съ своимъ отдыхомъ, который повредилъ бы нашей репутаціи; *пусть, устрашенные нашими орлами, они бѣгутъ за Нѣманъ*. Мы проведемъ остатокъ зимы въ прекрасныхъ странахъ старой Пруссіи, и они могутъ приписать только собственно себѣ *несчастья, которыя ихъ постигнутъ*“.

Говоря такимъ образомъ въ качествѣ баловня судьбы, можно безъ сомнѣнія сильно дѣйствовать на воображеніе; но великій полководецъ долженъ все предвидѣть, даже возможность неудачи; поэтому, гораздо лучше для него,—не принимать на себя обязательствъ, которыхъ онъ можетъ не

[23]) Наполеонъ къ Кларке, 27 января; къ Лефебру 28 января 1807 г. *Прим. автора.*

[24]) *Корреспонденція*, отъ 27 января до 1 февраля 1807 г. *Прим. автора*

исполнить, ибо въ случаѣ неуспѣха, эффектъ, котораго онъ искалъ,—обратится противъ него же, и чѣмъ сильнѣе будутъ воспламенены умы его предсказаніями, тѣмъ сильнѣе будутъ разочарованы несбывшимися надеждами. Съ 28 января Бенигсенъ остановился, потому-ли, что считалъ неблагоразумнымъ заходить слишкомъ далеко, потому-ли—что хотѣлъ дать отдохнуть своему усталому войску. Съ 30 января онъ началъ подозрѣвать, что французы намѣрены дѣйствовать на его лѣвомъ флангѣ. 1 февраля онъ былъ возлѣ Алленштейна, когда ему принесли депешу Наполеона къ Бернадотту, перехваченную козаками. Совершенно убѣдившись въ опасности своего положенія, онъ немедленно рѣшился отступить къ Кенигсбергу. Въ Жонковѣ онъ остановилъ насъ на день, чтобъ поддержать сообщеніе съ пруссаками Лестока, находившимися еще въ Остероде, въ очень рискованномъ положеніи (3 февраля). Ночью онъ скрылся, а въ слѣдующіе дни снова имѣлъ съ нами дѣло въ Готтѣ, потомъ въ Лансбергѣ, съ замѣчательною стойкостью, благодаря сильнымъ аррьергардамъ, прикрывавшимъ отступленіе его арміи. На оконечности его праваго фланга, пруссаки, отдѣленные отъ него Пасаржею, и преслѣдуемые сблизи Неемъ, постоянно подвергались опасности. Предупрежденные этимъ маршаломъ въ Деппенѣ, гдѣ они надѣялись переправиться черезъ рѣку, они принуждены были пожертвовать отрядомъ, стоявшимъ въ Либштадтѣ, чтобъ успѣть переправиться въ Шпанденѣ.

7 февраля 1807 г., Бенигсенъ, постоянно преслѣдуемый Наполеономъ, прибылъ въ Прейсишъ-Эйлау. Будучи поколебленъ жалобами своихъ солдатъ, которые хотѣли сражаться, утомленъ оборонительнымъ положеніемъ, котораго не понималъ всѣхъ выгодъ, и находя позицію благопріятною для своей арміи, онъ рѣшился дать тамъ сраженіе. Онъ былъ сжатъ до такой степени, благодаря быстротѣ нашихъ движеній, что первое столкновеніе обѣихъ армій произошло въ

тотъ же день. Русскіе утвердились сзади Эйлау; городъ и его въѣзды они заняли только арьергардомъ, подъ командою Барклая-де-Толли. Сультъ вытѣснилъ его послѣ упорнаго боя, въ продолженіе котораго городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и нашъ центръ расположился тамъ на ночлегъ.

На другой день, 8 февраля, разсвѣтъ озарилъ положеніе обѣихъ армій. Русскіе стояли къ городу ближе, нежели предполагалъ первоначально Наполеонъ. Обманутый неточными развѣдками Мюрата и утвердившись въ своихъ предположеніяхъ дѣйствіями предъидущихъ дней, императоръ считалъ русскихъ если не въ полномъ отступленіи, то покрайней мѣрѣ предполагалъ, что они стояли гораздо дальше. Корпусъ Сульта проснулся почти подъ непріятельскими выстрѣлами. На разсвѣтѣ Наполеонъ проѣзжалъ по рядамъ и строилъ армію къ битвѣ. Въ центрѣ нашей позиціи находилось кладбище, гдѣ и утвердилась гвардія; возлѣ подымалась эйлауская церковь, которая, какъ и городъ, стояла на небольшой возвышенности. Вокругъ насъ почва, заваленная трупами, носила слѣды сраженія, бывшаго наканунѣ. Впереди лежало поле битвы. Равнина, покрытая замерзшимъ снѣгомъ, шла понижаясь, начиная отъ нашихъ эйлаускихъ позицій до Ротенена, гдѣ снова подымалась на другомъ концѣ, съ легкимъ волнообразіемъ. Ледъ былъ такъ толстъ, что большую часть дня бились на озерахъ, не подозрѣвая ихъ существованія. Небо было мрачно; сѣверный вѣтеръ тамъ и сямъ подымалъ вихри снѣга; на этомъ печальномъ фонѣ выдѣлялись черныя массы русской арміи, прислонявшейся къ высотамъ отъ Заусcгартена къ Шмодиттену тремя линіями. Они стояли непоколебимо, поочередно развертываясь или строясь въ колонны къ атакѣ, сзади артиллеріи, состоявшей изъ четырехсотъ орудій.

Таково было зрѣлище, поразившее нашихъ солдатъ, когда они проснулись. Картина эта тѣмъ болѣе способна поразить

ихъ воображеніе, что они не имѣли въ этой войнѣ ни одного изъ тѣхъ увлеченій, которое было бы способно прикрыть то, что было мрачнаго въ этой сценѣ. Не для большей свободы или благоденствія отечества, они шли встрѣчать смерть, подвергались столькимъ лишеніямъ на этомъ страшномъ полѣ битвы, но по прихоти этого требовательнаго вождя, и по прихоти, въ которой онъ не отдавалъ отчета никому, ибо что онъ приводилъ въ свое оправданіе за отказъ столь выгоднаго и почетнаго мира? То Пондишери, то поляковъ, то турокъ... Въ сущности они знали, что руководило имъ только желаніе покорить Европу и удержать королевство, которое силою оружія попало къ нему въ руки. Если эти мысли не колебали ихъ отваги, то скорѣе онѣ могли уменьшить ихъ пылъ, нежели придать рвенія. Если великіе поводы бываютъ ошибочны, то надобно по крайней мѣрѣ, чтобъ существенныя нужды были удовлетворяемы; мораль солдатъ тогда тѣсно связана съ ихъ физическимъ благосостояніемъ: наши же солдаты, не смотря на ежедневные успѣхи, были лишены хлѣба и водки, принуждены сами добывать съѣстные припасы и подвергались страшнымъ лишеніямъ съ открытія кампаніи. Страданія русскихъ хотя и были серьезны, однако гораздо меньше [25]): это негостепріимное небо было для нихъ небомъ ихъ родины, въ немъ они видѣли помощника, въ холодѣ — почти освободителя. Наконецъ они шли не по прихоти тирана опустошать чужеземную страну, а, ставъ на своей границѣ для защиты ея отъ насъ, они покрайней мѣрѣ могли думать, что сражались за свой очагъ.

Трудно опредѣлить даже приблизительно настоящую цифру обѣихъ армій, готовыхъ схватиться на снѣжой равнинѣ Эйлау—такъ національное самолюбіе и съ той и съ другой стороны постаралось затемнить этотъ вопросъ, остающійся

---

[25]) По свидѣтельству Фезензака, который, будучи въ плѣну у русскихъ, могъ все видѣть собственными глазами. *Прим. автора.*

запутаннымъ. Съ Наполеономъ была вся армія за исключеніемъ корпусовъ—Ланна, оставленнаго въ Варшавѣ, Бернадотта, оставшагося позади, и Нея, находившагося недалеко и имѣвшаго дѣло съ Лестокомъ, котораго онъ нейтрализовалъ. Ему оставались корпуса Даву, Ожеро, Сульта, гвардія и кавалерія Мюрата. Въ этихъ корпусахъ не могло быть менѣе семидесяти тысячъ человѣкъ. Историки, показывающіе цифру его арміи ниже, весьма затрудняются объяснить—какимъ образомъ, введя въ Германію триста тысячъ человѣкъ, онъ не могъ поставить на поле битвы болѣе пятидесяти четырехъ тысячъ. Они разрѣшаютъ затрудненіе, увѣряя, что онъ покинулъ сзади шестьдесятъ тысячъ отсталыхъ, не полагая, что этимъ подвергаютъ Наполеона гораздо болѣе строгой критикѣ, чѣмъ еслибъ у него оказалось нѣсколькими тысячами войска больше въ эйлаускомъ сраженіи. Въ замѣну, эти господа, считающіе шестьдесятъ тысячъ отсталыхъ во французской арміи, не предполагаютъ въ русской ни одного, хотя послѣдняя сдѣлала несравненно большіе и труднѣйшіе походы нежели наша—похвала самая лестная, не смотря, что имѣла цѣлью уменьшить достоинство непріятеля и которая покажется преувеличенною, если подумать, что между поляками было множество дезертировъ. Устраняя фантастическіе отчеты, надиктованные послѣ событія національною и военною щекотливостью, въ этомъ случаѣ можно положиться на оцѣнку превосходнаго судьи, который самъ принималъ участье въ этой войнѣ, генерала Жомини, утверждающаго, что силы съ обѣихъ сторонъ были равны, за исключеніемъ артиллеріи, въ которой русскіе превосходили количествомъ, а французы мѣткостью стрѣльбы.

Густымъ массамъ русской арміи Наполеонъ противопоставилъ болѣе тонкую, но болѣе растянутую, отчего огонь его былъ гораздо опустошительнѣе. Онъ отдѣлилъ часть корпуса Сульта въ Эйлау, а другую поставилъ лѣвѣе города; въ центрѣ, на кладбищѣ и около стояла гвардія, на почвѣ

заваленной трупами убитыхъ наканунѣ; на правомъ флангѣ въ деревнѣ Ротененъ была другая дивизія Сульта, поддержанная корпусомъ Ожеро; немного позади, въ интервалахъ, образуемыхъ этими позиціями, помѣщалась кавалерія Мюрата. Что касается корпуса Даву, то будучи посланъ наканунѣ по направленію къ Домнау и призванъ поспѣшно, онъ могъ вступить въ дѣло только немного позже, появляясь на оконечности русскаго лѣваго фланга, почти у него въ тылу. Еслибъ атака Даву удалась, ихъ лѣвый флангъ опрокинулся бы къ центру, и вся армія отрѣзана была бы по направленію къ Кенигсбергу, гдѣ корпусъ Нея перегородилъ бы ей дорогу.

Уже началась страшная канонада между подвижными укрѣпленіями артиллеріи, прикрывавшей фронтъ обѣихъ армій; непоколебимыя подъ этимъ убійственнымъ огнемъ, выносящимъ цѣлые ряды, и та и другая безстрашно ожидаютъ рукопашной схватки. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ онѣ стараются разбить другъ друга пушечными выстрѣлами, словно дѣло шло о крѣпостной стѣнѣ, но брешь, пробиваемая ядрами, закрывается сама собою. Русскіе, привыкшіе къ быстрому и страшному наступленію Наполеона, какъ бы растерялись въ виду этого новаго его пріема; они по видимому опасаются одного изъ его ужасныхъ сюрпризовъ, ему свойственныхъ. Однако, будучи, по своему открытому положенію больше насъ подвергнуты дѣйствію артиллеріи, они колеблятся первые и начинаютъ маневрировать на нашемъ первомъ флангѣ, словно съ цѣлью обойдти его, но вскорѣ вниманіе ихъ серьезно отвлечено въ другую сторону, жаркая перестрѣлка раздается у нихъ на флангахъ со стороны Серпаллена: это Даву, вступающій въ свою очередь на поле битвы, гоня передъ собою двѣ непріятельскія дивизіи. Появленіе его должно было по плану Наполеона составить рѣшительное событіе дня, такъ какъ прибытіе Нея, вызваннаго немного позже изъ Кенигсберга, должно было дополнить результаты.

Былъ часъ по полудни, а небо не только не прояснилось, а постепенно становилось пасмурнѣе. Чтобъ дать надлежащій ходъ сильной диверсіи своего генерала и помѣшать русскимъ броситься всѣми силами на его одинокій корпусъ, Наполеонъ рѣшился наконецъ перейдти въ наступленіе. Онъ выдвигаетъ на оконечность праваго фланга дивизію Сентъ-Илера, чтобъ онъ подалъ помощь Даву, и посылаетъ въ атаку на центръ русской арміи корпусъ Ожеро. Пока Сентъ-Илеръ идетъ къ Серпаллену, Ожеро, со шпагою въ рукѣ, хотя уже нѣсколько дней болѣнъ, увлекаетъ дивизіи Дежардена и Геделе сквозь настоящій ураганъ ядеръ и картечи. Прежде чѣмъ они доходятъ до непріятеля, ихъ накрываетъ снѣжный вихрь, залѣпляя глаза, хлеща по лицу, дѣлая безполезнымъ оружіе и замедляя ходъ. Русскіе, стоящіе спиною къ вѣтру и несошедшіе съ своихъ позицій, могутъ цѣлиться въ непріятеля и сметаютъ артиллерійскимъ огнемъ эти колеблющіяся массы которыя словно неспособны ни податься назадъ, ни идти впередъ. Въ нѣсколько минутъ половина корпуса Ожеро выбыла изъ строя; его генералы и высшіе офицеры убиты или ранены; самъ онъ пораженъ въ голову. И вотъ русская кавалерія бросается, рубитъ и преслѣдуетъ наши бѣгущіе остатки: это уже не пораженіе, но полнѣйшее истребленіе.

Минута была критическая. Русскіе эскадроны гнали нашихъ солдатъ до самаго кладбища, гдѣ стоялъ Наполеонъ. Осыпаемая въ этой оградѣ ядрами, гвардія защищала не безъ труда этотъ центральный пунктъ, служившій ключемъ нашимъ позиціямъ. Приведенный, весь въ крови, Ожеро горько жаловался, что его оставили. Небо прояснилось, и можно было увидѣть весь объемъ бѣдствія. Наполеонъ разсудилъ, что необходимо было огромное усиліе, для склоненія побѣды вновь на нашу сторону. По его приказанію Мюратъ собралъ въ одинъ легіонъ двадцать четыре эскадрона кавалеріи и съ этою неотразимою массою бросился въ атаку на русскій центръ. Во-первыхъ онъ прогналъ непріятельскую конницу,

потомъ прорвалъ первую линію пѣхоты, проскочивъ, пробился сквозь вторую и нѣсколько разъ кидался на третью, но безуспѣшно. Весь его пылъ исчезъ передъ этою непоколебимою твердостью, и ему пришлось возвращаться назадъ послѣ такой страшной сѣчи. Но линіи наполовину опрокинутыя подъ этою невѣроятною лавиною людей и лошадей, сохранили свою позицію и сомкнулись затѣмъ, а онъ принужденъ снова пробиваться чрезъ пѣхоту.

Этотъ великолѣпный прорывъ русскаго центра остался безъ рѣшительныхъ послѣдствій; но въ продолженіе этого времени одна изъ непріятельскихъ колоннъ, отважившаяся зайдти въ Эйлау, была взята почти цѣликомъ, и Даву довершилъ свое движеніе. Вспомоществуемый дивизіею Сентъ-Илера, онъ отбросилъ лѣвый русскій флангъ отъ Серпаллена къ Зауссгартену, потомъ погналъ до деревни Кусшиттена, но тамъ онъ былъ остановленъ отрядами, которые Бенигсенъ посылалъ одинъ за другимъ на него. Не смотря на блестящій успѣхъ этой атаки, борьба все еще была нерѣшительна, ибо истощенный центръ нашъ только слабо поддерживалъ Даву. Впрочемъ по всѣмъ вѣроятіямъ эта фланговая атака окончилась бы тѣмъ, что серьезно повредила бы Бенигсену, еслибы одно событіе не появилось русскимъ на выручку. Лестокъ ускользнулъ съ частью своего корпуса отъ преслѣдованія Нея, пока этотъ маршалъ, не зная, что дѣлалось въ Эйлау, гналъ другую по направленію къ Кенигсбергу, — союзные пруссаки появились въ Альтгофѣ, на оконечности русскаго праваго фланга. Пройдя безъ остановки въ тылу русской арміи до оконечности лѣваго ея фланга, онъ развернулъ свои восемь тысячъ человѣкъ передъ корпусомъ Даву, который долженъ былъ отступить въ свою очередь. Этотъ неожиданный случай въ нѣсколько минутъ измѣнилъ порядокъ вещей. Благодаря ему, русскіе снова овладѣли всѣмъ полемъ, какое потеряли было съ этой стороны. Вмѣсто того, чтобъ защищаться, они напали на наши войска, которыя отступили.

Можетъ быть общее усиліе по всей ихъ линіи дало бы имъ окончательную побѣду, и мы испытали бы вторую Полтаву, или узнали бы въ миніатюрѣ бѣдствія отступленія изъ Россіи, какъ вдругъ Ней, потерявшій столько часовъ въ безполезныхъ схваткахъ и будучи извѣщенъ его адъютантомъ Фезензакомъ, явился наконецъ со стороны Шмодиттена — слишкомъ поздно, чтобъ измѣнить чувствительно исходъ этого нерѣшительнаго дня, но довольно рано для того, чтобъ помѣшать чашкѣ вѣсовъ склониться въ пользу нашихъ противниковъ.

Ночь опустилась на страшное поле битвы, на которомъ валялось около сорока тысячъ человѣкъ, убитыхъ, умирающихъ и раненыхъ. „Какая рѣзня и безъ результатовъ!“ воскликнулъ на другой день маршалъ Ней, отворачивая глаза отъ этихъ кучъ труповъ, наваленныхъ на бѣломъ саванѣ снѣга. „Какая рѣзня и *безъ причины!*“ могъ бы онъ воскликнуть еще съ большимъ основаніемъ. Солдаты наши сражались не изъ интереса и не изъ принципа. Безъ любви и безъ ненависти они умирали изъ чужаго каприза, какъ гладіаторы цирка. Покрайней мѣрѣ половина жертвъ этой бойни пала въ нашихъ рядахъ, ибо если канонада въ началѣ дѣла была болѣе убійственна для русскихъ нежели для насъ, за то аттаки наши отбивались нѣсколько разъ, а на войнѣ ничто столько не влечетъ за собою потери какъ неудавшаяся аттака. Для генерала подобнаго Наполеону, особенно въ такомъ разстояніи отъ нашего операціоннаго базиса, нерѣшительное сраженіе было не успѣхомъ, если не пораженіемъ, а серьезность этого еще увеличивало всѣмъ памятное обязательство его „отбросить русскихъ *за Нѣманъ*“. Между тѣмъ русскіе не только продолжали отступленіе,—а Наполеонъ ихъ не тревожилъ и не гналъ къ Нѣману,—и направлялись къ Кенигсбергской долинѣ, не имѣющей другаго выхода кромѣ въ море, словно держали пари, что не мы ихъ къ тому принудили. Въ замѣну Наполеонъ остался обладателемъ поля битвы, и хотя

не могъ ничего предпринять, но это былъ не такой человѣкъ, чтобъ не воспользоваться обстоятельствомъ для превращенія неудачи въ побѣду. Въ дѣйствительности армія его находилась въ такомъ плачевномъ состояніи, что ему было невозможно удержать долго свои позиціи, въ виду рѣшительнаго непріятеля. Генералы Бенигсенъ, Кноррингъ и Толстой умоляли главнокомандующаго возобновить бой; но онъ понесъ значительныя потери, и его солдаты умирали съ голоду. Непреклонная воля Наполеона его одолѣла.

Такова цѣна упорства на войнѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что непреклонное и упорное поведеніе Бенигсена принудило бы его къ немедленному отступленію. Это такъ справедливо, что даже при добровольномъ отступленіи русскихъ главные генералы арміи заявляли мнѣніе, что мы должны ретироваться за Вислу, и самъ Наполеонъ не былъ далекъ отъ этого. На другой день битвы, въ письмѣ къ генералу Дюроку, одному изъ немногихъ, внушавшихъ ему довѣріе по причинѣ молчаливаго и осторожнаго характера, онъ писалъ: „Вчера при Эйлау было очень кровавое сраженіе. Поле битвы осталось за нами, *но если съ той и съ другой стороны погибло много народу*, удаленіе мое дѣлаетъ мнѣ эту потерю *гораздо чувствительнѣе*... Очень можетъ быть, для того, чтобъ имѣть спокойныя зимнія квартиры, *я пойду на лѣвый берегъ Вислы* [26])“. Отъ этого было далеко, судя потому, что наканунѣ писалъ Бертье къ Жозефинѣ въ перехваченномъ письмѣ: „*Завтра Кенигсбергъ будетъ имѣть честь принимать императора*“. Признаться, что удаленіе дѣлаетъ ему его потери болѣе чувствительными—значило сознаться, что безуміе его политики извратило его военные взгляды, всегда столь вѣрные и глубокіе, ибо оно одно привело его до того положенія, гдѣ каждый полученный ударъ считается вдвое,

---

[26]) Наполеонъ къ Дюроку, 9 февраля 1807 г. *Прим. автора.*

и гдѣ онъ не могъ воспользоваться и пятою долею своихъ силъ. Но онъ чувствовалъ все, что отступленіе на Вислу имѣло бы прискорбнаго какъ моральное дѣйствіе, и не только поспѣшилъ оттолкнуть эту мысль, какъ только бездѣйствіе Бенигсена указало ему возможность уклониться отъ столь унизительной крайности, а немедленно началъ воспѣвать побѣду съ тою увѣренностью, которая столь долго обманывала самихъ его солдатъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ диктовки письма къ Дюроку, онъ писалъ Камбасересу напечатать въ *Монитерѣ*, что „русская армія *потерпѣла полное пораженіе*: что она потеряла отъ десяти до двѣнадцати тысячъ плѣнныхъ, четырнадцать тысячъ убитыхъ и раненыхъ“. Что же касается насъ, то мы потеряли полторы тысячи убитыхъ и четыре тысячи раненыхъ [27]). Въ своемъ бюллетенѣ онъ, такъ сказать, оскорбилъ страданія солдатъ, показавъ такія незначительныя потери, поэтому онъ объявилъ тысячу девять сотъ убитыхъ и пять тысячъ семьсотъ раненыхъ — цифра во всякомъ случаѣ ниже дѣйствительной [28]). Вскорѣ по прошествіи печальныхъ впечатлѣній первой минуты, онъ не побоялся исчислить потерю русскихъ въ тридцать тысячъ человѣкъ и пятнадцать или шестнадцать генераловъ. Потомъ по прибытіи въ Ландсбергъ, когда уже не было передъ глазами поля битвы—свидѣтеля истребленія цѣлаго корпуса его арміи, онъ написалъ въ своемъ 61 бюллетенѣ, *„что счсатливъ Кенигсбергъ, что въ разсчеты французскаго генерала входило принудить русскую армію къ занятію этой позиціи!“* Дѣтская въ особенности не ловкая бравада, ибо она безъ сомнѣнія возбуждала въ умахъ вопросъ, на который онъ могъ дать одинъ только отвѣтъ. Послѣдній изъ солдатъ былъ въ состояніи понять, что если въ разсчеты Бонапарте не вошло нанести

---

[27]) Наполеонъ къ Камбассересу, 9 февраля 1807 г. *Прим. автора.*

[28]) 58-й бюллетень. *Прим. автора.*

столь необыкновенный и столь рѣшительный ударъ, то потому, что онъ убѣдился въ его невозможности.

Чтобъ дать понятіе о его циническомъ безстыдствѣ и о томъ какъ мало вѣроятія заслуживаютъ его военные отчеты, я приведу два увѣренія, заключающіяся въ двухъ письмахъ, писанныхъ въ одинъ день и относящихся къ *одному и тому же факту*, т. е. къ числу нашихъ раненыхъ въ эйлаускомъ сраженіи. „Мой кузенъ, писалъ онъ къ Камбасересу: — повѣривъ счеты, оказывается, что потеря, понесенная нами въ эйлаускомъ сраженіи, преувеличена въ *Монитерѣ* скорѣе нежели уменьшена. *Мы лишились тысячи три раненыхъ и полторы тысячи убитыхъ*“. Къ Дарю онъ пишетъ: „Господинъ Дарю, по вашему отчету отъ 8 марта, количество раненыхъ, принятыхъ въ торнскіе госпитали, показано только въ четыре тысячи. *Это мало, должно быть больше*; я считалъ отъ семи до восьми тысячъ раненыхъ [29]).“ Онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ разсчитывать на эту цифру, что въ рапортахъ корпусныхъ командировъ число это доходило до двѣнадцати тысячъ. Какимъ образомъ могъ онъ не знать, что торнскіе госпитали далеко не имѣли возможности помѣстить всѣхъ этихъ несчастныхъ, что большая ихъ часть или разбрелась съ отсталыми по окрестностямъ, или осталась вслѣдствіе затруднительности перевозки?

„Мнѣ было поручено слѣдовать съ генераломъ Кольберомъ, прикрывавшимъ отступленіе, пишетъ Фезензакъ: — и поэтому мы отправились послѣдними. Дорога была запружена экипажами, всевозможными повозками, увязшими въ снѣгу. Многіе раненые, ѣхавшіе въ этомъ транспортѣ, тщетно умоляли насъ не покидать ихъ... Генералъ послалъ офицера поручить всѣхъ этихъ несчастныхъ эйлаускому бургомистру и начальнику русскаго авангарда, казаки котораго занимали

[29]) Наполеонъ къ Камбасересу и Дарю 11 марта 1807 г. *Прим. автора*.

уже городъ" [30]). Въ сравненіи съ этимъ постыднымъ притворствомъ, донесеніе, въ которомъ Бенигсенъ смѣло приписываетъ себѣ побѣду, но показывая потерю въ *двѣнадцать тысячъ*, можетъ считаться образцомъ правдивости [31]).

Впрочемъ лучше всего о настоящемъ положеніи нашихъ дѣлъ послѣ эйлаускаго сраженія показываетъ полная перемѣна, происшедшая на другой же день въ политикѣ Наполеона относительно того самаго прусскаго короля, котораго онъ третировалъ съ такою суровостью и презрѣніемъ. Еще наканунѣ онъ выказывалъ сомнѣніе, возстановитъ ли когда нибудь его престолъ, и во всякомъ случаѣ заявлялъ публично, что никогда не возвратитъ ему польскихъ провинцій. Но какъ смягчилось его расположеніе на другой день послѣ битвы! „Любезный братъ, писалъ онъ къ нему 13 февраля: — посылаю къ вашему величеству адъютанта моего, генерала Бертрана, облеченнаго моимъ полнымъ довѣріемъ. Онъ вамъ скажетъ вещи, которыя, надѣюсь, будутъ вамъ пріятны. Вѣрьте, что это *самая пріятнѣйшая минута въ моей жизни!* Льщу себя надеждою, что настанетъ время продолжительной дружбы между нами".

Генералу Бертрану было поручено предложить королю Фридриху Вильгельму возстановленіе прусской державы до Эльбы, въ чемъ Наполеонъ упорно отказывалъ ему нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, и тотъ отдѣльный мирный договоръ, ко-

---

[30]) *Souvenirs militaires*, Фезензака. Другой очевидецъ Робертъ Уильсонъ вполнѣ подтверждаетъ справедливость этого разсказа. Русскіе захватили 200 этихъ повозокъ нагруженныхъ ранеными. Всѣ сосѣднія деревни были завалены нашими больными: *A sketch of the campaign etc*
Прим. автора.

[31]) „Повергаю къ стопамъ вашего величества, писалъ онъ къ императору Александру:—*двѣнадцать знаменъ*, взятыхъ у непріятеля." Знамена эти были отвезены полковникомъ Бенендорфомъ въ Петербургъ, гдѣ всѣ могли ихъ видѣть, что не помѣшало Наполеону писать въ своемъ 59 бюллетенѣ „что одинъ только полкъ потерялъ своего орла, вслѣдствіе случайности". *Прим. автора.*

торый онъ считалъ невозможнымъ. Бертрану предписывалось представить прусскому королю, что союзъ его съ Россіею былъ ни чѣмъ инымъ какъ замаскированнымъ вассальствомъ, что страданія народовъ его не позволяли ожидать согласія Англіи, „что Наполеонъ хотѣлъ одинъ имѣть славу преобразовать прусскую націю, могущество которой необходимо для всей Европы". Конечно было поздно признавать эти истины, но эйлауское сраженіе открыло ему глаза. Оно повело его также къ другимъ открытіямъ. Примиряясь съ Пруссіею, что ему оставалось дѣлать съ этими несчастными поляками, которыхъ онъ увлекъ, скомпрометировалъ и каждый день торопилъ вступать подъ свои знамена? „Генералъ Бертранъ, говорилось въ инструкціи Наполеона:—дастъ замѣтить относительно Польши, что съ тѣхъ поръ какъ императоръ ее узналъ, онъ не придаетъ ей больше никакой цѣны" [32]).

Это отреченіе Наполеона отъ его естественныхъ союзниковъ не было способно подвинуть прусскаго короля на ту *вѣчную дружбу*, которую предлагалъ ему Бертранъ; притомъ же онъ тѣсно былъ связанъ съ Россіею, чтобъ заключить миръ безъ нее, и поэтому требовалъ конгресса для обсужденія условій европейскаго мира. Но Наполеонъ, недавно еще столь горячо сочувствовавшій этой мысли, теперь видѣлъ въ ней одни лишь неудобства. Онъ напомнилъ прусскому королю, „что вестфальскій конгрессъ продолжался восемнадцать лѣтъ", настаивалъ на требованіи отдѣльнаго договора, во всякомъ случаѣ заявляя готовность вступить въ соглашеніе съ Россіею и Англіею, *если онѣ хотѣли этого дѣйствительно*, что онъ отрицалъ. „Я гнушался бы собою, продолжалъ онъ:—еслибъ сталъ причиною такого пролитія крови; но если Англія считаетъ это пролитіе крови полезнымъ для

[32]) Инструкція генералу Бертрану, 13 февраля 1807 года.
Прим. автора.

своихъ намѣреній и для своей монополіи, что же я могу тутъ сдѣлать?“ [33]).

Эта дурная уловка плохо прикрывала его настоящую мысль. Три мѣсяца тому назадъ тяжкія условія, въ которыя онъ поставилъ Пруссію, давали ему вѣрное средство держать въ страхѣ союзныя державы и влiять на нихъ; поэтому онъ и требовалъ общаго конгресса. Теперь же, напротивъ положеніе этихъ державъ довольно улучшилось, чтобъ позволить имъ помогать дѣятельно въ пользу своего союзника: вотъ почему онъ хотѣлъ имѣть дѣло только съ однимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ. Противорѣчіе было только кажущимся, и эта игра въ великодушіе была толька ловушкою.

---

[33]) Наполеонъ къ прусскому королю, 26 февр. 1807 г. *Прим. автора.*

ГЛАВА II.

Ложные переговоры.—Досуги Остероде и Финкенштейна (мартъ — май 1807).

Такимъ образомъ неудалась неискренняя и недостойная попытка, внушенная единственнымъ желаніемъ раздѣлить нашихъ противниковъ. Здѣсь не доставало достоинства, также какъ откровенности и истинной ловкости: можно ли было льстить столь открыто, на другой день послѣ неудачи, тому кого наканунѣ третировали съ такимъ грубымъ презрѣніемъ.

Отбросивъ храбро непріятельскіе аванпосты, чтобъ достигнуть спокойно зимовки, Наполеонъ перенесъ свою главную квартиру въ Остероде, къ границамъ старой Пруссіи. Онъ опирался на Торнъ, какъ опирался два мѣсяца тому назадъ на Варшаву. Онъ установилъ свою армію за Пассаржею и Алле. Конецъ лѣваго фланга его былъ въ Браунсбергѣ, центръ тянулся отъ Морунгена до Алленшейна, правый флангъ отъ Гильгенбурга до Вилленберга. Позиціи эти, хотя и болѣе сосредоточенныя нежели прежнія, не были ни слишкомъ крѣпки, ни достаточно безопасны; онѣ въ особенности находились далеко отъ нашихъ центровъ продовольствія, что подвергало наши войска страшнымъ лишеніямъ во всю остальную зиму. Въ своей корреспонденціи Наполеонъ самъ начерталъ живыми красками картину бѣдствій, испытанныхъ не разъ на-

шими солдатами безъ хлѣба, безъ водки, безъ башмаковъ, безъ крова, среди льдовъ и снѣга. Нельзя однако-жь не согласиться, что съ военной точки зрѣнія, его дивный инстинктъ не обманывалъ его, и что сдѣлавъ разъ ошибку, перенеся войну въ такія негостепріимныя страны, онъ извлекалъ изъ этого возможно бо́льшую пользу, гордо перенося эти первыя суровости фортуны вмѣсто того, чтобъ смириться и признать себя побѣжденнымъ. Его непоколебимое поведеніе было внушительно для непріятеля, который не смѣлъ болѣе тревожить спокойствія нашихъ войскъ; онъ еще болѣе вліялъ этимъ на Австрію, вмѣшательство которой въ этотъ моментъ было бы всемогущимъ, и которая не съумѣла воспользоваться случаемъ. Отступательное движеніе, напротивъ, ободрило бы нашихъ враговъ во всей Европѣ; оно можетъ быть послужило бы сигналомъ къ всеобщему на насъ ополченію. Смѣлое и искусное намѣреніе, которое Наполеонъ съумѣлъ привести въ исполненіе, служитъ поразительною критикою мѣръ, принятыхъ Бенигсеномъ. Генералъ этотъ дѣйствительно понесъ большія потери, но его наступательныя дѣйствія среди зимы шли до тѣхъ поръ слишкомъ успѣшно, чтобъ онъ долженъ былъ отъ нихъ отказаться; и чѣмъ больше выказывалъ Наполеонъ желанія оставаться въ мирѣ до начала весны, тѣмъ меньше Бенигсенъ долженъ былъ предаваться бездѣйствію, на которое онъ осудилъ себя во всю остальную зиму.

Различные успѣхи нашихъ войскъ и нашихъ союзниковъ на другихъ пунктахъ, мало-по-малу ослабили пагубныя впечатлѣнія Эйлау. Савари, которому временно поручено было командованіе корпусомъ Ланна, по случаю болѣзни послѣдняго, освободилъ доступы къ Нареву, столь необходимые намъ для занятія Варшавы и разбилъ русскихъ подъ Остроленкою. Въ теченіе февраля Лефебръ осадилъ Данцигъ, Мортье занялъ окрестности Стральзунда, котораго не могъ осадить за недостаткомъ боевыхъ припасовъ. Силезская армія наша ускорила осаду Нейсса и Глаца; наконецъ наши союз-

ники турки держались не безъ успѣха на Дунаѣ противъ Михельсона, который долженъ былъ высылать на Бугъ отряды для поддержки Бенигсена.

Въ Константинополѣ султанъ Селимъ, превосходно вспомоществуемый Себастіани, одержалъ истинную дипломатическую и военную побѣду надъ англо-русскимъ союзомъ. По объявленіи войны Россіи и по отъѣздѣ ея посланника Италинскаго, султанъ Селимъ подвергся предостереженіямъ и устрашеніямъ Англіи; онъ уступилъ было на время, но вскорѣ раскаялся въ своей слабости. Англіи тѣмъ скорѣе хотѣлось покончить съ нерѣшительностью султана, что до сихъ поръ она оказала Россіи не слишкомъ значительное содѣйствіе, а съ другой стороны боялась, чтобъ держава эта не пріобрѣла части турецкихъ провинцій, вслѣдствіе счастливой войны. Флотъ адмирала Докуорта, призванный съ испанскихъ береговъ къ Дарданелламъ, имѣлъ порученіе подкрѣпить требованіе британскаго кабинета. Англійскій министръ Арбутнотъ предъявилъ Портѣ грозный ультиматумъ; онъ потребовалъ отъ султана присоединенія къ англо-русскому союзу и высылки Себастіани (5 февр.). Послѣ отказа Селима Арбутнотъ отплылъ съ соотечественниками на свой флотъ. Немедленно была объявлена война Англіи. Докуортъ отважно вошелъ въ проливъ съ своею слабою эскадрою подъ пушками замковъ дарданельскихъ; онъ выдержалъ ихъ дурно-направленный огонь, сжегъ и истребилъ встрѣтившіяся суда и бросилъ якорь у Принцевыхъ острововъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ сераля (25 февраля). Въ Константинополѣ, гдѣ не было принято никакихъ оборонительныхъ мѣръ, царствовалъ ужасъ. Докуортъ настаивалъ на немедленномъ принятіи ультиматума, условія котораго были еще усилены новыми требованіями. Въ этотъ первый моментъ паники, одно ядро, пущенное въ сераль, принудило бы султана и его столицу къ немедленной покорности; но гуманность остановила англій-

скаго адмирала; онъ согласился на переговоры и потерялъ всѣ плоды своей удачной отваги.

Себастіани, выказавшій при этомъ обстоятельствѣ много характера, хладнокровія и ловкости, поѣхалъ къ султану, ободривъ его; онъ указалъ ему на возможность выиграть время и устроить защиту, уговорилъ англичанъ отдалиться на нѣкоторое разстояніе и занималъ ихъ нѣсколько дней мнимыми переговорами. Въ продолженіе этого времени онъ уставилъ берега батареями, вооружилъ канонерскія лодки, расположилъ старые корабли въ оборонительную линію и велѣлъ французскимъ офицерамъ, которыхъ прислалъ ему Наполеонъ, обучать турецкихъ артиллеристовъ. 26 февраля Докуортъ увидѣлъ наконецъ, что надъ нимъ подшутили. Онъ не только уже не былъ въ состояніи устрашать, но въ свою очередь подвергался угрозамъ; ему необходимо было пройдти обратно чрезъ узкій проливъ, подъ огнемъ артиллеріи, которая сдѣлалась страшною. Онъ стоялъ униженный передъ Константинополемъ, который уже смѣялся надъ его нападеніемъ. Къ довершенію несчастья, противные вѣтры не позволяли ему занять позицію передъ городомъ и начать наступательныя дѣйствія. Каждый лишній день увеличивалъ его опасность, адмиралъ принужденъ былъ удалиться и пошелъ, но уже какъ бѣглецъ мимо дарданельскихъ батарей, камнеметныя мортиры которыхъ причинили его судамъ серьезныя поврежденія (3 марта) [34].

Неожиданная энергія Селима и успѣшность его сопротивленія настояніямъ Британскаго кабинета, внушили живѣйшую радость Наполеону, доказывая возможность диверсіи, на дѣйствительность которой онъ никогда много не разсчитывалъ. Извѣстія эти достигли къ нему только въ апрѣлѣ 1807

---

[34]) Донесеніе Докуорта адмиралу Коллингвуду отъ 21 февраля (3 марта) 1807 г. *(Annual register for the year 1807, appendix to the chronicle.)* — Письма Себастіани къ Мармону. 4 марта 1807 г. *Прим. автора.*

года. Онъ рѣшился вступить въ болѣе тѣсный союзъ съ Селимомъ и въ тоже время укрѣпить его союзомъ съ Персіею, изъ которой надѣялся извлечь не меньшую выгоду. Онъ велѣлъ заявить торжественно въ *Монитерѣ*, что русскіе предлагали миръ Персіи, но что Фетали-Шахъ отвергъ это предложеніе, воскликнувъ: „*Что пока другъ его великій императоръ будетъ въ войнѣ съ русскими, они не должны надѣяться ни мира, ни перемирія!*" [35]). Онъ предложилъ Селиму оружіе, припасы, солдатъ и всевозможную помощь. „Ты оказался, писалъ онъ къ нему отъ 3 апрѣля: — достойнымъ потомкомъ Селима и Солимана. Ты просилъ у меня нѣсколько офицеровъ, посылаю тебѣ ихъ.... Генералы, офицеры, всевозможное оружіе, даже деньги—все къ твоимъ услугамъ; потребуй только ясно, и все будетъ тебѣ прислано немедленно. Устройся съ персидскимъ шахомъ, который также врагъ русскихъ; уговори его не поддаваться и съ живостью нападать на общаго нашего непріятеля." Въ такомъ же смыслѣ онъ писалъ и къ шаху, подбивая его напасть разомъ на англичанъ и на русскихъ [36]), и съ тѣхъ поръ занялся устройствомъ миссіи генерала Гордона, который поѣхалъ только въ маѣ того же года. Письмо къ Селиму оканчивается слѣдующимъ образомъ: „*Здѣсь мнѣ предлагали миръ. Мнѣ предлагали выгоды, какихъ я могъ желать*, но хотѣли, чтобъ я согласился на порядокъ вещей, установленный Систовскимъ трактатомъ [37]), и я *отказался*. Я отвѣчалъ, что Портѣ должна быть обезпечена полная независимость..."

Въ этомъ постскриптумѣ сколько словъ, столько лжи.

---

[35]) Монитеръ 2 апрѣля 1807 г. *Прим. автора.*

[36]) Наполеонъ къ Селиму 3 апрѣля 1807 г., къ Персидскому шаху того же числа. *Прим. автора.*

[37]) Систова крѣпость въ Европейской Турціи (въ Румеліи, на правомъ берегу Дуная, верстахъ въ 40 отъ Никополя. Здѣсь въ 1791 г. былъ заключенъ мирный договоръ между Австріею и Турціею. *Прим. перев.*

Если Наполеонъ серьезно цѣнилъ союзъ Турціи съ Персіею, если онъ дѣйствительно оказывалъ такое вниманіе и дружбу этимъ двумъ государямъ, удивленнымъ немного такою неожиданною нѣжностью, такъ именно потому, что послѣдовательныя его заискиванья у Пруссіи и Австріи были принимаемы съ недовѣріемъ и холодностью. То же надобно сказать и о преувеличенныхъ его заявленіяхъ симпатіи, съ какимъ онъ навязывался къ шведамъ, когда Мортье, разбивъ ихъ въ Пассевалкѣ, заключилъ съ ними перемиріе, устранившее ихъ на время отъ коалиціи. „Императоръ, говоритъ Наполеонъ по этому поводу въ своемъ 72 бюллетенѣ:—всегда чувствовалъ истинную скорбь—воевать съ великодушною, храброю націею, которая *исторически и географически другъ Франціи*... Императоръ всегда приказывалъ обращаться съ шведами какъ съ друзьями, съ которыми мы поссорились, но съ которыми природа вещей не замедлитъ примирить насъ. Въ этомъ самые дорогіе интересы обоихъ народовъ. *Если они причиняли намъ зло, то когда нибудь раскаются въ этомъ, а мы хотѣли бы исправить зло, которое имъ сдѣлали*“. Ничего не можетъ быть истиннѣе и справедливѣе: но отчего же эти слова въ устахъ его были только притворствомъ, внушеннымъ непріятностями данной минуты, вмѣсто того, чтобъ служить искреннимъ и продолжительнымъ выраженіемъ его политики? Швеція, Турція, Персія, Польша—были дѣйствительно единственные союзники, съ которыми съ тѣхъ поръ онъ могъ имѣть дружественныя сношенія, но эти народы вскорѣ должны были узнать въ ущербъ себѣ, что значилъ въ его глазахъ союзъ, даже основанный на обоюдности интересовъ, преданій, симпатіи, о которой распространялся съ такимъ восторгомъ. Когда онъ писалъ эти декларации, стоившія ему такъ мало, онъ уже нѣсколько времени подумывалъ о случайности соглашенія съ Россіею или Австріею, соглашеніи, неизбѣжнымъ условіемъ котораго долженствовало быть оставленіе или пожертвованіе столь хваленыхъ имъ союзовъ.

Послѣ несчастной и неловкой попытки задобрить прусскаго короля на другой день послѣ эйлауской битвы, Наполеонъ снова обратился къ Австріи. Будучи напуганъ собственнымъ одиночествомъ, онъ кромѣ того былъ серьезно встревоженъ мало скрываемыми вооруженіями этой державы, которая весьма основательно ссылалась на необходимость дойти до положенія, въ которомъ она могла бы заставить уважать свой нейтралитетъ. Онъ чувствовалъ очень хорошо, что послѣ всѣхъ обидъ, причиненныхъ имъ Австріи, немного нужно было вѣнскому кабинету, чтобъ отъ этого недовѣрія перейти къ открытымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Итакъ онъ рѣшился во что бы то ни стало вступить съ нимъ въ дружбу. „Чего хочетъ Австрійскій домъ? писалъ онъ Талейрану 3 марта.—Если онъ желаетъ договора, гарантирующаго цѣлость Турціи, — я согласенъ. Если онъ хочетъ трактата, *по которому, въ виду того, что Россія собирается увеличить территорію на счетъ Турціи, — обѣ державы дѣйствовали бы сообща для пріобрѣтенія равной этому выгоды*, и это можно будетъ сдѣлать". Выказавъ столь явно, какъ онъ дорожилъ и интересами своего добраго друга Селима и этою *цѣлостностью*, о которой онъ упоминалъ во всѣхъ своихъ манифестахъ, онъ велѣлъ Талейрану снова предложить часть Силезіи, наконецъ написать ему „что нужно дѣлать для привлеченія Австріи". Но предположивъ, что Австрія не знала заискиванья его въ противоположномъ смыслѣ у прусскаго короля, что невѣроятно,—какое довѣріе могла внушить ей попытка, столь внезапная, столь полная, столь постыдная легкость пожертвованія своими самыми вѣрными союзниками, и наконецъ такая кротость и ласковость послѣ такого высокомѣрія?

Викентій, которому Талейранъ сдѣлалъ это неожиданное предложеніе, выказалъ болѣе удивленія нежели готовности, Онъ отвѣчалъ, что дворъ его не имѣлъ ни малѣйшаго желанія овладѣвать остатками Турціи или обогащаться на счетъ

другихъ сосѣдей, но требовалъ только гарантіи относительно своихъ настоящихъ владѣній. Наполеонъ возобновилъ попытку: „Необходимо, писалъ онъ Талейрану 9 марта;—чтобъ господинъ Викентій сказалъ намъ—чего они желаютъ, ибо все это должно окончиться соглашеніемъ между Франціею и Австріею, или между Франціею и Россіею. Безпокойства Австріи не должны имѣть мѣста, ибо планъ императора таковъ: возстановить прусскому королю его тронъ и его владѣнія, и поддержать цѣлостность Порты“. Такъ какъ Австрія не желаетъ раздѣла Турціи, онъ снова ссылается на великій принципъ нераздѣльности. „Что касается Польши, прибавляетъ онъ тотчасъ же:—*это заключается въ первой части фразы*“, т. е. что по возстановленіи владѣній прусскаго короля, о Польшѣ не будетъ болѣе рѣчи. Такимъ образомъ онъ цѣнитъ столь же дешево польскихъ солдатъ, какъ и друзей своихъ турокъ. Онъ предлагаетъ пожертвовать ими Австріи, какъ предлагалъ уже Пруссіи. Но покрайней мѣрѣ въ это время избѣгаетъ ли онъ вредить имъ и посылать ихъ впередъ? Нѣтъ, онъ никогда не былъ столь щедръ ни на ихъ кровь, ни на ихъ средства. За два дня передъ тѣмъ, 6 марта, онъ писалъ Заіончеку поторопиться сформированіемъ корпуса *въ двадцать пять тысячъ человѣкъ*; онъ призывалъ подъ свои знамена все дворянство праваго берега Вислы; въ тотъ же день онъ извѣщалъ Талейрана о своемъ намѣреніи поднять Волынь и Подолію! Но можетъ быть онъ имѣлъ причины жаловаться на ихъ медленность и вялость? Еще разъ нѣтъ, и онъ самъ сознается въ этомъ въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ: „Постарайтесь, писалъ онъ Талейрану въ эту самую минуту:—убѣдить Гувьона, что онъ слишкомъ нерасположенъ къ полякамъ. *Мнѣ кажется*, они оказываютъ столько услугъ сколько имъ могутъ позволить обстоятельства“ [38]). Изъ этого

---

[38]) Наполеонъ къ генералу Заіончеку 6 марта 1807 г., къ Талейрану того же числа. *Прим. автора.*

видно правы или не правы были благоразумные поляки, не довѣряясь Наполеону.

Австрійскій кабинетъ весьма холодно встрѣтилъ эту попытку, онъ пребывалъ въ непроницаемой осторожности. Наполеонъ былъ менѣе всего созданъ для того, чтобъ долго переносить подобное загадочное поведеніе съ какимъ бы то ни было противникомъ. Эта австрійская неподвижность привела его въ нетерпѣніе, раздражила, и онъ началъ грозить. Онъ уже болѣе не старался обольстить Австрію, но приготовлялся поставить ее въ необходимость избрать между союзомъ и войною. Чтобъ вѣрнѣе устрашить ее, онъ рѣшился на чрезвычайное средство. Едва прошло четыре мѣсяца какъ онъ взялъ восемьдесятъ тысячъ рекрутъ, подлежавшихъ набору только черезъ годъ; онъ въ силу новаго злоупотребленія власти призвалъ въ мартѣ 1807 еще восемьдесятъ тысячъ рекрутъ 1808 года. Онъ сдѣлалъ Франціи невѣроятное сознаніе, что ему необходимы два набора въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, и что все, при всемъ его геніи, ему недостаточно было пятисотъ сорока тясячной арміи для защиты народной чести! И онъ сказалъ еще не все, ибо намѣревался произвести въ октябрѣ наборъ 1809 г. „Я хочу вооружить восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, писалъ онъ къ Талейрану 30 марта: — а въ сентябрѣ вооружу снова восемьдесятъ тысячъ". Въ тоже время какъ посредствомъ новаго нарушенія закона онъ исторгъ у законодательнаго корпуса постановленіе объ этой безчестной мѣрѣ, онъ изъ любезности къ сенаторамъ нагло мотивировалъ ее фантастическою новостью, что Англія сдѣлала наборъ въ двѣсти тысячъ человѣкъ [39]). Онъ предупредилъ своихъ наперсниковъ, Камбасереса и Лакюэ, что возраженія безполезны, что онъ ихъ знаетъ напередъ, не послушаетъ никакого представленія, не потерпитъ ни малѣйшей отсрочки, и что

---

[39]) *Сообщеніе въ Сенатъ.* *Прим. автора.*

такова его неизмѣнная воля. Талейранъ получилъ приказаніе заявить Австріи, что наши наборы только отвѣтъ на ея собственныя вооруженія и на двусмысленную политику, „что онъ ждетъ ея отвѣта на наши предложенія, чтобъ сдѣлать нашей арміи полуоборотъ направо изъ Бретани въ Нормандію... Что съ ея стороны будетъ безуміе привлечь къ себѣ театръ войны.... что онъ готовъ допустить австрійскаго офицера осмотрѣть свою армію, который увидитъ своими глазами, сколько онъ можетъ послать войскъ въ Баварію раньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ... Наконецъ, что Австрія должна содѣйствовать миру на основаніи сдѣланныхъ ей предложеній, но чтобъ она не причиняла ему болѣе безпокойствъ, и прекратила угрозы.

Столь нахальные вызовы, слѣдуя немедленно за нѣжностями, въ состояніи были вывести изъ терпѣнія государственныхъ людей, наиболѣе расположенныхъ къ уступчивости, и можетъ быть Австрія, не смотря на всю свою тогдашнюю слабость, не перенесла бы подобнаго тона, еслибъ онъ былъ переданъ ей во всей своей грубости. Но, по счастливому стеченію обстоятельствъ, въ тотъ самый моментъ, когда Наполеонъ бросалъ ей этотъ безумный вызовъ, она поручила передать ему свое посредничество у союзниковъ. Наполеонъ писалъ свое письмо 19 марта, а на другой день 20, онъ получилъ донесеніе Талейрана, сообщавшаго ему предложеніе австрійскаго кабинета. Онъ ощутилъ горькое разочарованіе, ибо это благосклонное предложеніе разрушало всѣ его угрозы, отнимая у него всѣ къ нимъ поводы, и сохраняло за Австріею преимущество ея выжидательнаго положенія. Не смотря на свои лицемѣрныя заявленія въ пользу мира, онъ въ сущности не имѣлъ никакого желанія заключить его, съ тѣхъ поръ какъ многочисленныя подкрѣпленія пополнили пробѣлы его арміи, и его заискиванья у различныхъ державъ имѣли цѣлью пріобрѣсти лишняго союзника, а не заключеніе мира. Онъ не зналъ что дѣлать съ обязательными услугами вѣн-

скаго двора, отъ котораго ему нужно было только добиться вспомоществованія его арміи. Однако онъ сознавалъ всю серьезность этого обстоятельства и не скрывалъ отъ себя, что австрійское вмѣшательство могло довести дѣло до войны въ короткое время. Смущеніе его обнаруживается въ постоянномъ колебаніи его рѣчи и поведенія. Прежде всего онъ предписалъ Талейрану вести себя двусмысленно, не отвѣчать ни да, ни нѣтъ, требовать отъ Австріи, чтобъ она прекратила вооруженіе, и явилась съ бѣлымъ жезломъ въ рукѣ какъ мировой судья [40]). Черезъ нѣсколько дней онъ торопилъ его понуждать Австрію, заявлялъ готовность принять посредничество, и просилъ даже продлить перемиріе отъ трехъ до шести мѣсяцевъ [41]). 16 апрѣля онъ офиціально принялъ посредничество, снова настаивая на перемиріи [42]); но вскорѣ онъ одумался. Прежде всякаго перемирія онъ потребовалъ Данцигъ и Грауденцъ, сильно обложенные его войсками; порицалъ Талейрана за принятіе въ основаніе *status praesens*; предписалъ ему не принимать на себя никакого обязательства, притворяться ничего незнающимъ и оттягивать; онъ смотрѣлъ на вмѣшательство Австріи какъ на *несчастье* и потому необходимо, чтобъ все, даже самое мѣсто для собранія конгресса—могло служить предметомъ обсужденія [43]).

Во всѣхъ этихъ переговорахъ, развязку которыхъ такъ легко предвидѣть, его положительное отсутствіе принциповъ и всякаго порядка въ поведеніи, невѣроятная измѣнчивость мыслей, руководимыхъ однимъ лишь интересомъ минуты и то съ наиболѣе его личной, наиболѣе эфектной точки зрѣнія—перерождались въ непредусмотрительность и безразсудство. Не нужно было столько для уничтоженія проекта, который

---

[40]) Наполеонъ къ Талейрану 20 марта. *Прим. автора.*
[41]) 16 и 26 марта. *Прим. автора.*
[42]) 7 и 16 апрѣля. *Прим. автора.*
[43]) Наполеонъ къ Талейрану 21 апрѣля. *Прим. автора.*

для Австріи служилъ лишь уловкою, и которому другія державы не придавали ни на минуту серьезнаго значенія. Они приняли въ принципѣ австрійское посредничество; но въ дѣйствительности держались неопредѣленныхъ объясненій, и въ ихъ дѣйствіяхъ ничего не было существеннаго и окончательнаго кромѣ Бартенштейской конвеціи (26 апрѣля), соединявшей тѣснѣе союзъ Фридриха Вильгельма съ Александромъ. Оба государя снова соединялись для общей обороны и для новаго устройства Европы; они обязались частнымъ образомъ *не дѣлать для себя никакихъ завоеваній въ продолженіе всей войны* (§ 13). Обязательство это, конечно безкорыстное, но, можетъ быть, немного преждевременное, достаточно доказываетъ иллюзіи, порожденныя въ ихъ умахъ нерѣшительностью эйлауской битвы.

Пока съ той и съ другой стороны обмѣнивались эти мирныя заявленія, подобныя скрытнымъ движеніямъ, съ помощью которыхъ генералы стараются открыть слабыя стороны своего противника, Наполеонъ, поселившись въ Остероде, а потомъ въ замкѣ Финкенштейнѣ (1 апрѣля), дѣятельно занялся нравственнымъ и матерьяльнымъ улучшеніемъ своей арміи, обезпеченіемъ продовольствія, сначала столь недостаточнаго, настояніемъ о прибытіи подкрѣпленій и формированіемъ рекрутъ. 4 апрѣля Камбасересъ и Ренье де Сенъ-Жанъ д'Анжели явились отъ его имени въ пришедшій въ ужасъ сенатъ и потребовали набора рекрутъ 1808 г. Камбасересъ клялся всѣми святыми, что эти молодые люди не выйдутъ изъ Франціи. Онъ упирался на „*отеческую милость* его величества, который не желалъ, чтобъ новые рекруты испытывали трудныя военныя дѣйствія, прежде нежели освоятся съ ними постепенно". Потомъ было прочтено донесеніе Бертье, который утверждалъ, что никогда арміи его величества не были столь многочисленны, такъ хорошо обучены и организованы, но что необходимо было пополнить потери, понесенныя въ сраженіяхъ и „*отъ истребленія болѣзнями*"—страшное по своему

лаконизму слова и которое отлично выражало предусмотрѣнную убыль, этого огромнаго опредѣленнаго удара. Реньо говорилъ послѣдній. Онъ соболѣзновалъ объ императорѣ, „который употребилъ все для достиженія мира, и сердце котораго обливалось кровью при требованіи этого новаго набора. Онъ соболѣзновалъ также о рекрутахъ: „Собственно говоря, это будутъ, сказалъ онъ:—только *національные гвардейцы* корпуса́, *въ которыхъ дѣти, повинуясь голосу природы*, замѣнятъ, такъ сказать, своихъ отцовъ подъ департаментскими орлами.... Это очень огорчаетъ императора, о чемъ свидѣтельствуетъ бюллетень объ Эйлау, гдѣ скорѣе дышетъ скорбь, нежели радость о побѣдѣ [44])".

Эта слезливая іеремiада тронула сенаторовъ, которые были слишкомъ чувствительны, чтобъ отказать этому Тибуллу [45]) рекрутчины. Набирать и изгонять (*conscrir et proscrir*), таковы были первое и послѣднее слова императорскаго правительства, по выраженію одного современника [46]). Наполеонъ былъ очень далекъ отъ сантиментальности, приписываемой ему Реньо; *отеческая* доброта его заключалась въ возстановленіи помощью безпощадныхъ строгостей дисциплины, весьма потерпѣвшей въ послѣднее время. „Съ грустью я видѣлъ, писалъ онъ Сульту:—что крестьянинъ прошелъ изъ Эльдиттена въ Либштадтъ. Неужели мы никогда не научимся служить? Заяцъ не долженъ пройдти чрезъ линію. Перваго кто пройдетъ, велѣно разстрѣлять—*правъ ли онъ или виноватъ* [47])". Кажется, съ помощью такихъ средствъ совершаютъ на войнѣ то, что принято называть *великими дѣлами*. Вос-

---

[44]) Монитеръ 8 апрѣля 1807 г. *Прим. автора.*

[45]) Тибуллъ *Albius Tibullus*, латинскій поэтъ Августова вѣка, другъ Горація и Виргилія. Онъ оставилъ четыре книги *элегій*, дышащихъ глубокимъ чувствомъ, кроткою задумчивостью, отличающихся нѣжностью и гармоничностью языка. *Прим. перев.*

[46]) Дону: *Essai sur les garanties*. *Прим. автора.*

[47]) Наполеонъ къ Сульту, 28 февраля. *Прим. автора.*

пользовавшись свободнымъ временемъ, которое предоставилъ ему Бенигсенъ, онъ принялся энергически за осаду крѣпостей, державшихся еще въ Силезіи, какъ Нейссъ и Глацъ, и въ Пруссіи, какъ Грауденцъ и Гольбергъ. Въ особенности онъ старался овладѣть Данцигомъ—предпріятіе чрезвычайно трудное, честь исполненія котораго ему хотѣлось отдать старику Лефебру, но которое въ сущности было ведено двумя превосходными офицерами — инженеромъ и артиллеристомъ, Шасслу, и Ларибоазьеромъ. Данцигъ былъ обложенъ 8 марта, и съ этихъ поръ осада продолжалась правильно двадцатитысячнымъ корпусомъ, составленнымъ частью изъ вспомогательныхъ войскъ.

Этотъ періодъ, относительнаго спокойствія, позволялъ равномѣрно ему оглядываться и на внутреннія наши дѣла, находившіяся въ не весьма утѣшительномъ положеніи. Такъ какъ онъ, вручивъ часть своей власти государственному канцлеру Камбасересу, все-таки хотѣлъ остаться центромъ администраціи и интересовъ, то легко понять, что послѣ такого долгаго отсутствія, среди столь безпорядочныхъ, столь сложныхъ событій, онъ былъ очень невыгодно помѣщенъ, чтобъ давать внутреннему управленію ежедневный толчекъ, безъ котораго ничто не могло болѣе идти во Франціи. Все тамъ было подчинено этой необузданной фантазіи и потому все остановилось въ тоже время, и изъ его корреспонденцій видно, что для разрѣшенія малѣйшаго спора, для полученія его мнѣнія по дѣлу оперныхъ пѣвцовъ, необходимо было искать завоевателя среди эйлаускихъ снѣговъ. Какъ компетентны должны быть его рѣшенія — объ этомъ и говорить излишне. Общая неурядица, глубокое безпокойство, плачевная инерція во всѣхъ отрасляхъ національной дѣятельности — вотъ неизбѣжныя послѣдствія подобной системы. Тревоги, возбужденныя опаснымъ положеніемъ нашей арміи при Эйлау, конечно не могли ослабить зла.

Страданія эти связывались съ его политикою; какъ бы

ни было велико его желаніе помочь горю, отъ него не зависѣло это до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратился бы къ менѣе химерическимъ видамъ. Не въ природѣ вещей, чтобъ человѣкъ,—будь онъ геніальнѣе Бонапарте,—могъ управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе такимъ обширнымъ, за пятьсотъ миль отъ своей границы, среди волненій, случайностей и безчисленныхъ надобностей боевой жизни. Когда Наполеонъ, въ теченіе дня, сдѣлалъ отъ пятнадцати до двадцати миль верхомъ, для объѣзда войскъ, продиктовалъ десять приказаній относительно движеній арміи, на предназначенной имъ шахматной доскѣ, когда распорядился относительно мѣстъ, чтобъ доставить войскамъ на данные пункты продовольствія и разные припасы, послалъ корпуснымъ командирамъ инструкціи для единства дѣйствій, при такихъ разнообразныхъ операціяхъ, для веденія осадъ и переговоровъ,—много ли ему оставалось времени, силъ и энергіи, заниматься внутренними дѣлами имперіи. Угодливые писатели, которые представляютъ намъ Бонапарте человѣкомъ, несшимъ безъ труда это громадное бремя, и изъ лагеря при Остероде двигавшимъ имперію въ качествѣ личности всезнающей и вездѣ присутствующей,—употребляютъ, можно сказать языкъ, болѣе приличный теологіи, нежели исторіи. По странной аномаліи, это тѣ же самые писатели, которые, приписавъ ему шестьдесятъ тысячъ отсталыхъ при Эйлау, выставляютъ его неспособнымъ управлять громадною машиною, организованною имъ подъ названіемъ великой арміи.

Противорѣчіе это достаточно указываетъ на все, что должно исключить изъ ихъ разсказовъ. Истинно то, что даже съ военной точки зрѣнія, Наполеонъ былъ съ тѣхъ поръ какъ бы подавленъ громадностью своихъ предпріятій; онъ успѣвалъ еще иногда насиловать невозможное при помощи своего генія и дѣятельности, но несвязность и недостатки его дѣла, обнаруживались на каждомъ шагу, и все казалось готово было разрушиться при первой неудачѣ. Онъ управ-

лялъ номинально имперіею; дорожа чрезмѣрностью преимуществъ своей власти, онъ хотѣлъ удержать въ своихъ рукахъ всѣ нити администраціи, но въ сущности видѣлъ себя въ необходимости поручать большую часть важныхъ отправленій людямъ, покорная посредственность и полная ничтожность которыхъ успокоивали его подозрительную щекотливость. Онъ зорко лишь наблюдалъ за полиціею, дипломатіею и войною,— которыя, правду сказать, въ его глазахъ были единственными существенными органами правительства. Веденіе текущихъ дѣлъ онъ ввѣрилъ статсъ-секретарю Море [48]), который, будучи обязанъ разбирать министерскіе портфели и приготовлять необходимыя резолюціи, представлялъ для этого данныя въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ ему было выгоднѣе. Неутомимый труженикъ съ гибкимъ, изворотливымъ умомъ, безъ опредѣленныхъ принциповъ и собственныхъ взглядовъ, но обладавшій дѣловою рутиною и знавшій слабости своего властелина,—этотъ превосходный бюрократъ избавлялъ Наполеона отъ бремени труда, тягость котораго подавляла бы послѣдняго, среди его военныхъ занятій. Подъ предлогомъ упрощенія и резюмированія дѣлъ, онъ мало-по-малу устранялся

[48]) Морѐ, Гуго Бернаръ, герцогъ Бассано, родился въ Дижонѣ въ 1763 г. умеръ въ 1834 г. Онъ былъ сынъ знаменитаго доктора, состоялъ сперва адвокатомъ въ бургундскомъ парламентѣ. По прибытіи въ Версаль въ 1789 г. онъ издавалъ бюллетени Національнаго Собранія, положивъ такимъ образомъ основаніе *Moniteur universel*. Будучи отправленъ въ Неаполь въ качествѣ посланника въ 1792 г., онъ былъ захваченъ на дорогѣ австрійцами и освобожденъ только въ 1795 въ обмѣнъ на дочь Людовика XVI. Послѣ 8 брюмера генералъ Бонапарте, которому онъ оказалъ множество услугъ, когда послѣдній былъ простымъ поручикомъ, назначилъ его секретаремъ консуловъ, потомъ статсъ-секретаремъ въ 1804 г. Онъ сопровождалъ Наполеона во всѣхъ кампаніяхъ, участвовалъ во всѣхъ самыхъ тайныхъ совѣщаніяхъ, и держалъ редакцію его инструкцій и бюллетеней. Получивъ въ 1811 году титулъ герцога Бассано, онъ въ тоже время былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а въ 1813 г. военнымъ.

Прим. перев.

отъ контроля, и подавалъ императору только подписывать декреты, которые самъ сочинялъ.

Еслибъ Море въ этомъ случаѣ руководился, или преимуществомъ какой нибудь системы, или желаніемъ власти,— этотъ родъ тайной узурпаціи могъ бы сдѣлаться опаснымъ для него; но какъ онъ искалъ только удовлетворенія партіи, болѣе жаждущей прибыльныхъ мѣстъ и назначеній, нежели высшаго вліянія на государство, и какъ онъ обладалъ въ рѣдкой степени тѣми достоинствами, которыя Наполеонъ наиболѣе цѣнилъ въ своихъ слугахъ, — рвеніемъ и преданностью, то и благосклонность, которою онъ пользовался, еще укрѣпилась современемъ. Тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія хорошаго управленія дѣлами—было вредно, что орудіе царствовало вмѣсто хозяина, что имперіею заправлялъ человѣкъ, объемъ способностей котораго не превосходилъ способностей превосходнаго канцелярскаго чиновника. Въ этомъ случаѣ можно повѣрить Савари, одному изъ самыхъ слѣпыхъ поклонниковъ Наполеона, хотя эти критики были ему надиктованы скорѣе завистью, нежели искренностью. Заявляя съ прискорбіемъ о вліяніи, захваченномъ въ тотъ моментъ Море, онъ прибавляетъ: „Императора увѣрили, что въ Парижѣ не понимали, какъ онъ могъ быть такъ дѣятеленъ, зналъ всѣ мелочи, все читалъ. Низкая лесть, имѣвшая печальныя послѣдствія!... Манера эта работать, началась въ Варшавѣ. Она была удобна для императора, которому не говорили о жалобахъ, какія она возбуждала, и слишкомъ выгодна для кого-то, кто искалъ власти, *чтобъ желать ея перемѣны*“ [49]).

Такимъ образомъ, самымъ посредственнымъ изъ подчиненныхъ были поручены: управленіе внутренними текущими дѣлами, веденіе ежедневныхъ компликацій, которыя въ цен-

---

[49]) Mémoires du duc de Rovigo, t. III. *Прим. автора.*

трализованномъ государствѣ неизбѣжно требуютъ хозяйскаго глаза, какъ напримѣръ административныя и судебныя назначенія, публичныя работы, финансы, юстиція, отношенія между частными лицами и государствомъ и важные экономическіе интересы. Франція управлялась лишь какъ простая провинція великой имперіи. Повременамъ, левъ хотѣлъ показать, что онъ бодрствовалъ, и назначалъ своими когтями нѣкоторыя мѣры для устрашенія враговъ, или для того, чтобъ его подданные шли по прямому пути. Порою онъ какъ бы заявлялъ о своемъ присутствіи, посредствомъ той или другой инструкціи, посланной кому нибудь изъ разныхъ агентовъ, но единственная корреспонденція, которую Наполеонъ дѣятельно поддерживалъ — была его корреспонденція съ Фуше. Ему казалось, что съ помощью этого министра, онъ наконецъ успѣлъ укротить этого неуловимаго противника, называемаго общественнымъ духомъ, и который насмѣхается надъ ударами, ему наносимыми. Въ этомъ яростномъ преслѣдованіи, Наполеонъ поражалъ постоянно трибуну, печать, журналы, гостиныя, но не смотря на всѣ усилія, не могъ добраться до общественнаго мнѣнія. Насмѣшливый Протей [50]) тутъ какъ тутъ—принимаетъ съ улыбкою недовѣрія его химерическія выдумки, его романъ всемірнаго владычества и его мнимыя побѣды. Послѣ Пултуска и Эйлау, его лживые бюллетени никого уже не обманывали во Франціи,—письма изъ арміи же возстановляли истину. Какимъ же образомъ защититься отъ подобныхъ опроверженій? Вскорѣ онъ запрещаетъ всякую переписку между арміею и Франціею [51]). „Велите пускать въ ходъ слѣдующія но-

---

[50]) Протей „Proteus", морское божество, сынъ Нептуна и Өетиды, онъ пасъ стада своего отца. Онъ зналъ будущее, но открывалъ его только понуждаемый силою и принималъ всевозможные образы, чтобъ только избѣгнуть тѣхъ, кто тревожилъ его вопросами. (Georg. lib. IV).
Прим. перев.

[51]) Мѣра эта началась при осадѣ Данцига. *Прим. автора.*

вости, писалъ онъ къ Фуше.—*Распространяйте ихъ сперва въ гостиныхъ, потомъ велите печатать въ журналахъ.* Русская армія разстроена до такой степени, что иные ея полки доведены до 150 человѣкъ. Въ Россіи не остается больше войска; *русская армія проситъ мира*; она обвиняетъ нѣкоторыхъ вельможъ, что они продали русскую кровь англичанамъ [52])."

Фуше усердствовалъ. Онъ дошелъ даже до того, что велѣлъ сфабриковать письмо, беретъ на себя увѣрить Францію, что русскіе были совершенно разбиты нашими солдатами. Но Наполеонъ былъ недоволенъ, хотя самъ въ другихъ случаяхъ училъ такимъ штукамъ Фуше. „Я видѣлъ въ журналахъ, пишетъ онъ 27 марта:—мнимое письмо, будто бы написанное въ Россіи, это очень дурно!... Вообще все, что печатается для *направленія общественнаго мнѣнія*, по моему, сочинено въ ложномъ духѣ, и словно авторъ самъ думалъ, что сказанное имъ неправда". Можетъ быть было простодушіемъ требовать отъ Фуше слѣпой, убѣдительной вѣры апостола. Это значило наивно признаться, что общественное мнѣніе подкупило самую полицію, обыкновенно столь уличаемую, и еслибъ онъ присмотрѣлся ближе, то нашелъ бы ей союзника даже въ собственной совѣсти.

Мнѣніемъ были *всѣ*, и это-то дѣлало его столь крѣпкимъ и неуловимымъ. Вотъ причина страннаго и дѣтскаго раздраженія Наполеона противъ тѣхъ, которые въ его глазахъ представляли въ какой бы то ни было мѣрѣ это коллективное, неутомимое существо, которое онъ преслѣдовалъ безуспѣшно. Чѣмъ болѣе онъ считалъ себя безсильнымъ противъ этого безличнаго и анонимнаго врага, тѣмъ болѣе возрастала его ненависть къ тѣмъ, кто могъ видѣть и осязать этого врага. Въ концѣ марта 1807 г., этотъ завоеватель, армія ко-

---

[52]) Наполеонъ къ Фуше, 28 февраля. *Прим. автора.*

тораго, съ новыми наборами простиралась до шестисотъ тысячъ человѣкъ, вдругъ узналъ, что одна женщина появилась въ окрестностяхъ Парижа, — и могущественный духъ его былъ взволнованъ. Письма его наполнены ругательствами противъ этой особы, и упреками, адресованными къ министрамъ, за то, что они терпѣли ея присутствіе: „Я приказывалъ, пишетъ онъ къ Камбасересу: — выслать госпожу Сталь въ Женеву.... Женщина эта продолжаетъ свое ремесло *интригантки*. Она приблизилась къ Парижу, вопреки моимъ приказаніямъ. *Это настоящая чума*. Я хочу, чтобъ вы серьезно поговорили объ этомъ съ министромъ, а *не то, буду принужденъ приказать жандармамъ схватить ее*. Не спускайте глазъ также съ Бенжаменъ-Констана, я не хочу болѣе терпѣть отъ *этой клики* [53]).

Госпожа Сталь была снова выгнана, и Наполеонъ вздохнулъ свободнѣе. Но онъ не могъ касаться этого предмета, не теряя хладнокровія; можно бы сказать, что его воображеніе поражено и предчувствуетъ, что этотъ благородный умъ, столь вѣрно измѣряющій ложное величіе имперіи, будетъ нѣкогда присутствовать при его паденіи, и этотъ родъ суевѣрнаго вдохновенія внушаетъ ему ругательства и почти смѣшную ярость: „Вижу съ удовольствіемъ, пишетъ онъ къ Фуше 18 апрѣля:—что нѣтъ больше помину о госпожѣ Сталь.... *Эта женщина настоящій воронъ. Она считаетъ, что буря уже наступила, и пресыщалась интригами и глупостями, Пускай улетаетъ на свое Женевское озеро*“. Вѣрное и основательное предчувствіе! Могло-ли быть въ самомъ дѣлѣ для него болѣе зловѣщее предсказаніе, какъ это ненавистное имя? Оно напоминало ему постоянно, что не смотря на его могущество, обаяніе и изумительные успѣхи, было въ душѣ его современниковъ нѣчто, неодолимо ему сопротивлявшееся, и

[53]) Наполеонъ къ Камбасересу 26 марта 1807 г. *Прим. автора.*

чего при всей своей силѣ, онъ не могъ ни сломить, ни покорить даже у беззащитной женщины. Это нѣчто, столь крѣпкое и вмѣстѣ столь ломкое, столь живучее подъ наружностью смерти, было—верховнымъ властелиномъ человѣческихъ дѣлъ, который можетъ иногда вытерпѣть временныя насилія, но безъ котораго въ этомъ мірѣ не дѣлается ничего великаго и продолжительнаго, — это былъ духъ справедливости и свободы,—это сегодняшняя жертва, и завтрашній побѣдитель.

Странно, что, изгоняя съ неумолимою и трусливою ненавистью всякую независимую мысль и возвышенное чувство, Наполеонъ не терялъ ни минуты изъ виду проекта возрожденія великихъ литератуныхъ эпохъ. Отъ этого самаго времени, остались два надиктованные имъ документа, относящіеся къ ободренію литературы и устройству спеціальныхъ училищъ, служащіе любопытнымъ доказательствомъ безпорядка и безсвязности его идей. Онъ признаетъ въ нихъ, что государство мало компетентно въ этомъ дѣлѣ, что ему нечего заниматься раздачею мѣстъ поэтамъ, которыхъ награда въ одобреніи публики; но въ тоже время онъ хочетъ поручить *администраціи рекомендовать авторовъ вниманію* этой самой публики. Ободренія властей не произвели эффекта, какого онъ ожидалъ, и онъ пытается найдти средство въ офиціальной цензурѣ. Онъ удивляется Ришлье, который предписалъ академіи критику Сида — эта мелочная черта остроумнаго министра, кажется ему геніальною; онъ видитъ въ ней зародышъ плодотворнаго учрежденія, и желаетъ, чтобъ слѣдовали этому великому примѣру: „Если, пишетъ онъ по этому поводу:—институтъ, по требованію императора, подвергнетъ критикѣ Георгики, аббата де Делиля, не какъ переводъ, *но какъ образецъ языка, поэзіи и вкуса*, или лучшую пѣсню изъ поэмы о *Мореплаваніи* Эменара, или одну изъ лучшихъ одъ Лебрена, или даже—чтобъ показать безпристрастіе—лучшій отрывокъ изъ стихотвореній Фонта-

на, можетъ быть критикуемый авторъ сперва и посердится, но вскорѣ почувствуетъ, что выборъ его сочиненія служитъ ему похвалою, въ то время какъ публика *заинтересуется, научится, сформируется.* Какъ только *учредится правильно* разумная критика, тогда можно будетъ запретить *систему критики настоящей*, или по крайней мѣрѣ исправлять ея излишества. Институтъ, величайшее средство въ рукахъ министра!" [54]) О, величіе всемірнаго генія! Изгонять госпожу Сталь и учреждать институтъ, какъ верховное судилище административной критики, чтобъ достигнуть уничтоженія критики свободной — какое остроумное и могущественное средство поднять французскую литературу и какое титло для вѣчнаго восхищенія глупцовъ! Когда подумаешь, что такія грустныя внушенія такъ долго считались образцомъ мудрости и ума, нельзя не позволить себѣ удовольствія, прикоснуться пальцемъ къ дереву идола и не вызвать звуковъ его пустоты. Напрасно близорукіе умы хотѣли оспаривать это право историка: если правда, что прошедшее — урокъ будущаго, и что нація просвѣщается и укрѣпляется, обсуждая съ твердостью свои ошибки, то обязанность историка раскрывать передъ нею во всей наготѣ иллюзіи, которыя довели ее до заблужденія.

Въ тотъ же день Наполеонъ диктовалъ, относительно обученія географіи и исторіи,—инструкціи болѣе разумныя, но гдѣ равномѣрно обнаруживалась узкая заботливость, вносимая имъ въ каждое дѣло. Независимо отъ предпочтенія исторіи военной, видно, что онъ хотѣлъ сдѣлать изъ исторіи простой перечень чиселъ и фактовъ, родъ анатоміи событій, обнаженныхъ отъ всего, что могло имъ дать смыслъ, нравоученіе, заключеніе. „Легко понять, писалъ онъ въ этой замѣткѣ: — что моя *тайная мысль* — соединеніе людей,

---

[54]) 19 апрѣля 1807 г. *Прим. автора.*

которые продолжают *исторію не философскую, не религіозную,—но исторію фактовъ*". Исторія безъ заключенія, наука безъ обобщенія, общество безъ принциповъ, — вотъ окончательно невозможность, о которой онъ мечталъ. Во всемъ онъ стремился къ уничтоженію идеальности и въ нѣкоторомъ родѣ даже души вещей, ибо очень хорошо чувствовалъ, что этотъ верховный принципъ былъ сильно противъ него. Развѣ не онъ желалъ, чтобъ говорили о Мирабо, не упоминая ни о вдохновеніи, ни о величіи, ни о могуществѣ Мирабо то-есть объ его идеяхъ? Во время принятія Мори въ академію, президентъ безсмертныхъ, аббатъ Сикоръ, счелъ приличнымъ уничтожить память Мирабо. Этотъ излишекъ рвенія обезпокоилъ Наполеона, который желалъ, чтобъ равномѣрно удерживались отъ похвалы и порицанія. „Есть вещи въ этомъ засѣданіи академіи, которыя мнѣ не нравятся, писалъ онъ къ Фуше.—Не подобало президенту ученаго собранія говорить о Мирабо. Если онъ долженъ былъ говорить, *то не иначе, какъ о его слогѣ* — одно это могло его касаться" [55]). Говорить только о слогѣ Мирабо! Это все равно, если бы онъ хотѣлъ, чтобъ будущее говорило только о правописаніи Наполеона. И онъ поручилъ Фуше говорить о Мирабо *съ похвалою*, для возстановленія равновѣсія, какъ будто бы слава великаго человѣка зависитъ отъ академической рѣчи или отъ восхваленій полицейскаго!

Средства, придуманныя Наполеономъ для направленія промышленности и торговли, были не дѣйствительнѣе поощреній, предлагаемыхъ имъ литературѣ. Сперва онъ потребовалъ отъ государственнаго совѣта изслѣдованій о причинахъ зла и средствъ для его прекращенія. Но какимъ обра-

---

[55]) Наполеонъ къ Фуше 20 мая. Издатели Корреспонденціи напечатали это мѣсто такъ: „*онъ не долженъ былъ говорить о его слогѣ,*" что совершенно не имѣетъ смысла. *Прим. автора.*

зомъ отъ собранія чиновниковъ получить полезный отвѣтъ на подобные вопросы? Зло заключалось въ немъ самомъ,— эта была безумная система завоеваній до крайности, безконечной войны, всеобщаго давленія, это были—континентальная блокада, тревога кредита, конфискаціи, преждевременные наборы и безплодность всѣхъ отраслей промышленности. Государственный совѣтъ, спѣша уничтожить дѣйствіе, не трогая причины, отвѣчалъ предложеніемъ, довольно смѣшнымъ въ столь серьезныхъ обстоятельствахъ—велѣть меблировать епископскіе дома и префектуры, чтобъ дать работу промышленности, неимѣвшей занятій. Это остроумное средство пришлось не по вкусу Наполеону, но не лучше было и то, которымъ онъ замѣнилъ его. Онъ рѣшилъ—сумму въ полмильона франковъ въ мѣсяцъ или шесть мильоновъ въ годъ выдать взаймы пострадавшимъ мануфактурамъ, съ двойнымъ условіемъ, что мануфактуры будутъ продолжать свое дѣйствіе и отдадутъ на сохраненіе въ спеціальный магазинъ количество товаровъ, цѣною по крайней мѣрѣ вдвое полученной ссуды. Сообщая этотъ проэктъ Камбасересу, Наполеонъ говоритъ: „Такой заемъ, *я предполагаю, дастъ мнѣ гипотеку.* Если по нашимъ гражданскимъ законамъ она мнѣ не слѣдуетъ, дайте указъ, по которому бы я получилъ ее“ [56]). Вотъ какія познанія имѣлъ въ законахъ, приписываемыхъ ему же, *великій законодатель*, безсмертный творецъ кодекса, предметъ удивленія потомства! Но этотъ заемъ съ гипотекою или безъ нея, долженъ былъ повести его дальше, нежели онъ думалъ. Превративъ государство въ заемщика подъ залогъ и въ сотоварища промышленности, надобно было идти послѣдовательно и сдѣлать изъ него купца, ибо взятые имъ на сохраненіе товары, могли очень скоро испортиться, и требовалось найдти имъ помѣщеніе. Наполеонъ, казалось, одно

---

[56]) Наполеонъ къ Камбасересу, 26 марта 1807 г. *Прим. автора.*

время имѣлъ это намѣреніе, полагая принудить нейтральные корабли вывозить наши продукты, привезя намъ свои, но угроза эта имѣла лишь то послѣдствіе, что они удалились отъ нашихъ портовъ.

Вспомоществованіе это могло принести пользу въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, но неизбѣжная его публичность представляла для негоціанта серьезный вредъ, ибо она явилась какъ бы въ нѣкоторомъ родѣ объявленіемъ банкротства, и притомъ безполезно было бы и доказывать его недостаточность. Шесть мильоновъ для покрытія такого дефицита—капля въ морѣ. Что же касается дополнительныхъ мѣръ, прибавленныхъ Наполеономъ, какъ устройство въ Парижѣ мастерской для военныхъ поставокъ, приглашеніе женѣ и сестрамъ поощрять покупкою, повелѣніе отдѣлать за-ново свои покои въ Тюильри — то это скорѣе похоже на мысли ребенка нежели государственнаго человѣка, и если это обыкновенно приводится какъ доказательство добраго намѣренія, то здѣсь можно также найдти болѣе поразительное доказательство безсилія. Подобныя старанія могли бы быть плодотворны при условіи затронуть истинную причину столькихъ бѣдствій, то есть безумную политику, ихъ породившую; если же нельзя вѣрить, что Наполеонъ ошибался въ этомъ отношеніи, не отрицая въ немъ всей прозорливости, то можно смѣло утверждать, что эти бѣдствія касались его лишь на столько, на сколько могли вредить его обаянію и популярности. Онъ занимался этимъ до извѣстной степени во Франціи, ибо онъ зналъ какую страшную силу народныя страданья могли въ данный моментъ сообщить мстительности общественнаго мнѣнія, но въ другихъ странахъ, подчиненныхъ нашему вліянію, онъ заботился такъ, какъ бы дѣло шло о жителяхъ Сатурна.

Изъ всѣхъ странъ болѣе терпѣть приходилось Голландіи, ибо она не была богата произведеніями почвы какъ Италія, ни изобиловала добычею отъ Европы, какъ Франція. Разо-

ренная войною, потерею своихъ колоній, принужденнымъ бездѣйствіемъ своего флота, перерывомъ своихъ коммерческихъ сношеній,—это маленькое государство, собственной почвы котораго было недостаточно для его прокормленія, подверглось послѣднему удару континентальной блокады. Тѣмъ не менѣе отъ него потребовали содержанія арміи болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ [57]). Свидѣтель столькихъ бѣдствій, король Людовикъ старался смягчить ихъ своею простотою, бережливостью, уваженіемъ къ нравамъ, преданіямъ и обычаямъ слабаго народа, но справедливо гордился великими воспоминаніями его исторіи. Конечно въ реформахъ, произведенныхъ этимъ благонамѣреннымъ человѣкомъ, были нѣкоторыя мѣры и неудобныя, но онъ серьезно относился къ своей королевской обязанности, желалъ заслужить любовь своихъ подданныхъ—и это было преступленіе, котораго не могъ простить ему Наполеонъ. Людовикъ, не смотря на всѣ настоянія брата, отказался учредить конскрипцію и новые налоги, отказалъ въ пожертвованіи интересами протестантовъ въ пользу католическаго меньшинства, пріобрѣлъ себѣ репутицію кротости и доброты, учредилъ вокругъ трона нѣсколько почетныхъ должностей для вознагражденія заслуженныхъ людей. Давно уже гроза собиралась надъ нимъ,—достаточно мгновенія, чтобъ она разразилась. 12 января, корабль нагруженный порохомъ, разорвало въ Лейденѣ и разрушило около осьмисотъ домовъ. Король Людовикъ, по своимъ плохимъ финансовымъ средствамъ не могъ помочь горю, а потому открылъ публичную подписку, доставившую нѣсколько мильоновъ флориновъ; больше и не требовалось, чтобъ привести Наполеона въ отчаяніе; вся накопившаяся досада его вылилась за однимъ разомъ потоками жалобъ и ругательствъ.

---

[57]) *Documents sur la Hollande*, par le roi Louis. *Прим. автора.*

„Ничего не можетъ быть хуже *этой подписки*, открытой по вашему повелѣнію въ королевствѣ, писалъ онъ Людовику. — Вы управляете этою націею слишкомъ помонашески. Доброта короля должна быть величественная, а не монашеская. Король приказываетъ, и ничего ни у кого не проситъ.... До меня дошли вѣсти о *возобновленіи дворянства*, которыхъ не могу дождаться объясненія. *Неужели вы до такой степени потеряли разсудокъ* и забываете то, чѣмъ мнѣ обязаны?... Развѣ вы ожидаете публичнаго заявленія моего крайняго неудовольствія? Содержите мои войска, набирайте побольше рекрутъ. Государь, прослывшій такимъ добрымъ въ первый годъ своего царствованія, становится государемъ, надъ которымъ смѣются на второй годъ. Если говорятъ о королѣ:“ онъ добрякъ, „значитъ царство не удалось.... Первое дѣло, которое вамъ предстояло,—какъ я и совѣтовалъ,—учредить конскрипцію!... Я предложилъ вамъ совѣты; а вы отвѣчаете мнѣ краснорѣчивыми комплиментами и продолжаете *дѣлать глупости!*... Ваши ссоры съ женою становятся также извѣстны въ публикѣ.... Вы поступаете съ молодою женщиною, словно командуете полкомъ... У васъ отличнѣйшая и *добродѣтельнѣйшая* жена, а вы дѣлаете ее несчастною. Предоставьте ей танцовать сколько угодно, — это прилично ея возрасту. Моей женѣ сорокъ лѣтъ, а я ей изъ лагеря пишу, чтобъ ѣздила на балы; вы же хотите, чтобъ двадцатилѣтняя женщина жила словно въ монастырѣ и словно кормилица безпрерывно возилась съ ребенкомъ! Жена ваша слишкомъ добродѣтельна; еслибъ она была кокеткою, она водила бы васъ за носъ“ [58]).

Очень вѣроятно, что въ этомъ потокѣ укоровъ не одинъ имѣлъ основаніе. Да и кто не заслужилъ бы ихъ въ такомъ

---

[58]) Наполеонъ къ голландскому королю, 4 апрѣля 1807 года. *Прим. автора.*

трудномъ положеніи, въ какое поставилъ онъ Людовика въ качествѣ супруга, женивъ его противъ воли,—въ качествѣ короля, принудивъ его принять корону, которой тотъ не хотѣлъ? Но если таково было управленіе, какому подчинялись эти независимыя, хотя и вассальныя королевства, созданіемъ которыхъ онъ тщеславился, то позволительно сказать, что званіе короля, у подобнаго величества, было послѣднимъ званіемъ, какое только могъ принять человѣкъ, хоть сколько нибудь уважающій собственное достоинство. Притѣсненія, въ которыхъ Наполеонъ укорялъ бѣднаго Людовика по поводу королевы Гортензіи, представляя ему въ примѣръ собственное поведеніе относительно Жозефины, тѣмъ болѣе странны, что нѣсколько уже мѣсяцевъ отношенія его къ графинѣ В.... полькѣ, знаменитой какъ по красотѣ, такъ и по преданности, были всему міру извѣстны. Даже преувеличивая вліяніе, какое эта страсть имѣла на его сердце, въ ней видѣли причину его недавнихъ неуспѣховъ, и громко говорили, что онъ нашелъ Капуу въ Польшѣ.

Исторія въ этомъ отношеніи не имѣетъ надобности прибѣгать къ нескромности камердинера [59]). Всѣ современные мемуары говорили объ этой связи.

„Императоръ, говоритъ въ числѣ прочихъ Савари слогомъ трубадуровъ той эпохи:—платилъ дань, подобно офицерамъ, красотѣ полекъ. Онъ не могъ устоять противъ прелестей одной изъ нихъ, полюбилъ ее нѣжно и былъ любимъ взаимно“. Вѣсть объ этомъ романѣ дошла и до Парижа, и огорчила Жозефину, которая неотступно просила позволенія пріѣхать въ Варшаву. Вотъ причина множества стереотипныхъ писемъ, сохранившихся въ *Корреспонденціи* Наполеона, смыслъ которыхъ казался бы нѣсколько загадочнымъ, еслибъ не было извѣстно, что они имѣли цѣлью и успокоить нѣжнѣйшими

---

[59]) *Записки* Констана и пр. *Прим. автора.*

увѣреніями встревоженную супругу, и отклонить ее отъ желаннаго его присутствія: „Будь весела, довольна, живи счастливо, не печалься. Я люблю тебя, думаю о тебѣ, желаю быть съ тобою.—Но не пріѣзжай“. Приключеніе это обыкновенное, и мы полагаемъ, что мало найдемъ интереснаго въ этихъ альковныхъ хроникахъ, особенно въ то время, когда любовь велась съ барабаннымъ боемъ, также какъ и все остальное. Но характеристично то, что въ самый моментъ, когда онъ жилъ въ двойномъ прелюбодѣяніи съ женою другаго, Наполеонъ выставлялъ себя брату какъ примѣръ супружества.

Въ числѣ упрековъ Людовику заключался отказъ его дать католикамъ вліяніе, котораго Наполеонъ требовалъ для нихъ. Въ этомъ случаѣ, надобно сказать, императоръ не думалъ о невозможномъ возстановленіи, но полагалъ пріобрѣсти себѣ сторонниковъ, преувеличивая относительную важность католическаго значенія въ Голландіи. Онъ очень хотѣлъ имѣть католиковъ какъ орудіе, но не намѣревался уступить имъ ни малѣйшей частицы своей власти. Со времени своихъ ссоръ съ римскимъ дворомъ въ особенности, онъ наблюдалъ за духовенствомъ и не спускалъ глазъ съ его захватовъ. Остался отъ него документъ, отъ 5 марта того же года: это превосходная его резолюція на просьбу французскихъ епископовъ по поводу празднованія воскресенья. Эти почтенные прелаты полагали воспользоваться его отсутствіемъ и учинить захватъ, который всегда имъ былъ близокъ къ сердцу. Онъ отлично выставляетъ всѣ мерзости ихъ претензіи:

„Противно божественному праву, говоритъ онъ: — мѣшать человѣку, имѣющему нужду въ воскресенье, какъ и въ другіе дни недѣли, работать для куска хлѣба. Правительство можетъ постановить подобный законъ въ такомъ только случаѣ, когда даетъ даромъ хлѣбъ тому, у кого его нѣтъ... Вѣдь Боссюэтъ сказалъ: „ѣшь быка и будь христіаниномъ“. Онъ хочетъ весьма основательно, чтобъ истинно-ре-

лигіозные законы отличаемы были отъ обязанностей, изобрѣтенныхъ лишь въ виду распространенія власти духовенства". Общество, прибавляетъ онъ чрезвычайно справедливо: — не составляетъ созерцательнаго ордена. Нѣкоторые законодатели хотѣли сдѣлать изъ него *монашескій монастырь*, и ввести правила, приличествующія лишь монастырямъ... Надобно остерегаться, чтобъ, получивъ подобную уступку, не захотѣли потребовать другихъ. Заставивъ правительство вмѣшаться въ дѣла, находящіяся внѣ его вѣдѣнія, насъ опять приведутъ къ тѣмъ жалкимъ временамъ, когда попъ считалъ себя въ правѣ съѣсть гражданина, когда тотъ не ходилъ къ обѣднѣ". Какъ жаль, что формулируя такія великолѣпныя и справедливыя мысли противъ католическаго абсолютизма, онъ не хотѣлъ видѣть въ какой степени они примѣнялись къ его собственному правительству. Нѣтъ, можно бы ему отвѣчать, общество несоздано быть монастыремъ, но не создано оно быть и казармою. Этой силѣ правительства, которой, по его мнѣнію, не принадлежало право вмѣшиваться въ празднованіе воскресенья, развѣ не хотѣлъ онъ подчинить не только интересы, но даже мнѣнія гражданъ. Не ее ли онъ хотѣлъ заставить дѣйствовать, думать, даже чувствовать за нихъ? Не мечталъ ли онъ сдѣлать изъ государства непогрѣшимую власть, изъ института родъ свѣтской инквизиціи, которая вносила бы правовѣріе даже въ литературную критику? Между цезаризмомъ религіознымъ—идеаломъ римскихъ доктринъ, и цезаризмомъ политическимъ, составлявшимъ основаніе его системы,—были только номинальныя различія. Это были два вида одного понятія, два проявленія одного духа; и если онъ остерегался перваго, то единственно потому, что открылъ въ немъ опасность для втораго.

ГЛАВА III.

Фридландская кампанія.—Тильзитское свиданіе (іюнь, іюль 1807).

Мѣсяцы мартъ, апрѣль и май прошли среди этихъ разнообразныхъ занятій, и военныя приготовленія выполнялись съ единствомъ и точностью, представляя поразительную противоположность съ вялостью и безсвязностью операцій союзниковъ. Новые наборы въ числѣ ста шестидесяти тысячъ человѣкъ были посланы частью въ Нормандію и Бретань для замѣны старыхъ войскъ, которыхъ онъ вывелъ изъ этихъ провинцій, частью направлены на Италію, чтобъ смѣнить тамъ дивизіи Буде и Молитора, вызванныя на Эльбу, частью наконецъ распредѣлили въ двадцать новыхъ пѣхотныхъ полковъ и десять кавалерійскихъ, которыми онъ усилилъ свою армію. Этимъ распредѣленіемъ высказывается движеніе, какое онъ далъ громадной массѣ, имѣвшейся у него въ распоряженіи. Будучи предостереженъ эйлаускою неудачею и сомнительнымъ поведеніемъ Австріи, онъ почувствовалъ опасность своего одиночества въ такомъ огромномъ отдаленіи отъ того, что можно назвать его естественными резервами, и увеличивая ихъ силу, столь уже значительную, онъ также передвинулъ ихъ центръ. Изъ Франціи, Италіи, Голландіи онъ послалъ ихъ на Эльбу, онъ наводнилъ ими Германію.

Независимо отъ корпуса Мортье, освободившагося вслѣдствіе перемирія съ Швеціею, корпуса Лефевра, сдѣлавшагося свободнымъ по сдачѣ Данцига, у насъ была обсерваціонная армія въ Германіи около ста тысячъ человѣкъ [59]), сформированная изъ контингентовъ голландскихъ, испанскихъ, итальянскихъ, баварскихъ, вюртемберскихъ, саксонскихъ, старыхъ и новыхъ рекрутъ, къ которымъ онъ присоединилъ нѣсколько французскихъ дивизій, и вскорѣ войска, находившіяся въ Силезіи. Армія эта находилась подъ командою маршала Брюна. Она занимала сѣверную Германію отъ Гамбурга до Штеттина, угрожая съ одной стороны Швеціи, а съ другой колеблющейся Австріи, и служила точкою опоры арміи, которою командовалъ непосредственно самъ Наполеонъ, и которую укомплектовалъ отлично. Эта вторая армія, считавшаяся дѣйствующею, состояла почти изъ ста семидесяти тысячъ человѣкъ. Онъ пополнилъ всю ея убыль и превосходно ремонтировалъ кавалерію. Будучи снабжена всевозможными припасами въ особенности благодаря многимъ крѣпостямъ, попавшимъ къ намъ въ руки, она сдѣлалась теперь гораздо страшнѣе нежели при началѣ кампаніи.

Это время, очень выгодно употребленное Наполеономъ, союзники растратили на безполезныя демонстраціи, или на приготовленія, непропорціональныя цѣли, которой предполагали достигнуть. Вслѣдствіе унизительной неудачи подъ Константинополемъ, англичане отплыли къ Египту, но были побиты послѣ краткаго и безполезнаго занятія Александріи. Экспедиціи, отправленныя ими противъ Буэносъ-Айреса или на другіе пункты колоній, принадлежавшихъ Франціи или ея союзникамъ, въ большинствѣ не могли похвалиться успѣхомъ; онѣ не принесли выгоды общему дѣлу и послужили только къ раздраженію Россіи, которая уже была оскорблена отказомъ Англіи гаранти-

---

[59]) Такъ исчисляетъ ее Наполеонъ въ письмѣ къ Брюну отъ 30 мая 1807 г., включая поляковъ и Силезскую армію. *Прим. автора.*

ровать заемъ въ шесть мильоновъ фунтовъ стерлинговъ [60]). Въ замѣну англичане пренебрегли единственною диверсіею, которая могла быть выгодна ихъ союзникамъ, именно предположенною, но постоянно откладываемою высадкою экспедиціоннаго корпуса на берега Балтики, съ цѣлью освободить одновременно Стральзундъ и Данцигъ. Единственною попыткою помочь защитникамъ Данцига въ продолженіе всей осады были дѣйствія русскихъ; но такъ какъ послѣднія употребили недостаточно силъ, то войска ихъ принуждены были снова сѣсть на суда, понеся чувствительныя потери, и крѣпость сдалась чрезъ двѣ недѣли.

Осада эта, которой начало было въ особенности очень затруднительно, доставила Лефевру титулъ герцога Данцигскаго—отличіе, стяжавшее этому старому сообщнику 18 брюмэра всю славу подвига, честь котораго всецѣло принадлежала Шасселу и Ларибоазьеру (24 мая). Вскорѣ потомъ сдались Нейсъ и Глацъ въ Силезіи. Бенигсенъ видѣлъ какъ одна за другою падали позиціи, которыя онъ занималъ у насъ въ тылу, и при видѣ ихъ опасности не бросался на насъ съ цѣлью воспользоваться затрудненіемъ, какое они намъ причиняли; паденіе ихъ тоже не внушало ему необходимости быть осторожнымъ. Онъ съ своей стороны получилъ большія подкрѣпленія въ эти три мѣсяца бездѣйствія, но гораздо меньше нашихъ. Императоръ Александръ послалъ ему гвардію „Братцы, служите честью!" сказалъ императоръ, прощаясь съ солдатами, и они въ одинъ голосъ отвѣчали: „мы сдѣлаемъ все возможное, прощайте, государь!" Одна дивизія пошла съ гвардіею, что составляло силы Бенигсена около ста двадцати пяти тысячъ человѣкъ, считая пруссаковъ и корпусъ, остававшійся на Наревѣ. Резервный тридцатитысячный корпусъ, подъ командою князя Лобанова, шелъ къ нему на соеди-

---

[60]) Въ январѣ 1807 г. Письмо лорда Гоуика къ Дугласу, 13 января-

неніе. Значительная эта разница въ силахъ, особенно когда былъ упущенъ случай нанести выгодный ударъ во время осады Данцига, казалось долженъ былъ съ тѣхъ поръ внушить Бенигсену систему медленности, которую русскіе генералы усвоили только въ 1812 году, да и русскій главнокомандующій хотѣлъ одно время ей слѣдовать, если вѣрить одной остротѣ, которую приписывали ему тогда въ Петербургѣ: „я хочу, будто бы онъ сказалъ:—пилить Бонапарте“ [61]). Тактика эта была бы тѣмъ выгоднѣе, что войска его обладали больше благонадежностью, нежели пыломъ и превосходили однородностью и силою сопротивленія эту огромную космополитическую армію, которая собиралась сдѣлать нашествіе на ихъ отечество.

Но необходимо было рѣшиться покинуть укрѣпленный Гейльсбергскій лагерь, пожертвовать богатыми магазинами Кенигсберга, а ничего нѣтъ труднѣе на войнѣ какъ держаться системы осторожности, особенно послѣ успѣховъ и съ арміею, пріученною къ бою и воодушевленною надеждами на побѣду. Поставленный въ необходимость или атаковать насъ или ретироваться послѣдовательно за Прегель и Нѣманъ, Бенигсенъ не могъ противиться желанію начать наступленіе, и на этотъ разъ ему подала эту мысль надежда захватить корпусъ Нея. Войска наши оставались на ихъ позиціяхъ на Пассаржѣ, отъ Браунсберга, гдѣ стоялъ Бернадотъ, до Гогенштейна, гдѣ находился корпусъ Даву. Далѣе къ югу къ Омулеву, квартировалъ Массена, котораго Наполеонъ вызвалъ изъ Италіи, а недалеко оттуда въ Нейденбургѣ Заіончекъ съ двадцатью тысячами поляковъ. Въ центрѣ отъ Остероде до Либштадта стояли корпуса Ланна и Сульта, опираясь на корпусъ Мортье, державшій ся не много назади къ нижней Вислѣ. Ней одинъ занималъ въ Гуттштадтѣ,

[61]) Ле Метръ *Correspondance diplomatique*, mars 1807. *Прим. авт.*

позицію, находившуюся впереди Пассаржи и не въ большомъ разстояніи отъ Гейльсберга—укрѣпленнаго лагеря Бенигсена.

Эта уединенная и открытая позиція въ странѣ, лѣса которой скрывали отъ насъ движенія непріятеля, подвергали корпусъ Нея серьезнымъ опасностямъ. Бенигсенъ рѣшился захватить его съ цѣлью воспользоваться безпорядкомъ, какой долженъ былъ произвести этотъ смѣлый ударъ въ нашихъ мѣсторасположеніяхъ войскъ. Русская армія, двинувшись 5-го іюня, атаковала насъ нечаянно на многихъ пунктахъ разомъ. Двѣ изъ этихъ атакъ въ Спанденѣ и Ломиттенѣ были не болѣе какъ демонстраціями, предназначенными угрожать отрядамъ Бернадотта и Сульта, которые стояли съ этой стороны на Пассаржѣ; но другія болѣе значительныя на лѣвомъ флангѣ Нея въ Вольфсдорфѣ, на правомъ въ Гуттштадтѣ, наконецъ въ тылу у него въ Бергфридѣ, имѣли цѣлью отрѣзать его отъ остальной арміи. Планъ былъ превосходно составленъ и это внезапное нападеніе поставило сперва моршала Нея въ положеніе чрезвычайно опасное; но Бенигсенъ, будучи плохо вспомоществуемъ генерами Сакеномъ и Горчаковымъ, въ дѣлѣ, требовавшемъ большаго единства, точности и быстроты — ничего не могъ сдѣлать противъ хладнокровія и неустрашимости своего противника. 5 іюня пока наши отряды держались въ Сponденѣ и Ломиттенѣ, Ней, осаждаемый силами втрое большими, отступалъ до Анкендорфа, но шагъ за шагомъ и постоянно отбиваясь. На другой день, онъ могъ добраться къ Деппену и удалился за Пассаржу, послѣ битвы, которую онъ далъ, чтобъ прикрыть это трудное и столь славное для него отступленіе.

Потерпѣвъ эту первую неудачу, русскіе въ свою очередь начали отступать, ибо вся французская армія, быстро собранная Наполеономъ, шла на нихъ съ цѣлью прогнать, и уже обходила ихъ правый флангъ. Бенигсенъ возвратился въ Гейльсбергъ, рѣшась дать тамъ сраженіе въ надеждѣ, что большое сосредоточеніе и укрѣпленный лагерь помогутъ урав-

нять его силы, меньшія численностью противъ непріятеля. Оттуда уже онъ видѣлъ 10 числа, какъ подходили корпуса Сульта, Лана, Даву, гвардія и кавалерія Мюрата. Сильный арьергардъ, оставленный Бенигсеномъ для прикрытія дорогъ къ укрѣпленному лагерю, подвергшись стремительному натиску нашего авангарда, принужденъ былъ отступить послѣ тяжкой и кровавой схватки. Но и войска наши только въ 9 часовъ вечера подошли къ непріятельскимъ окопамъ. Укрѣпленный Гейльсбергскій лагерь, расположенный на обоихъ берегахъ рѣки Алле, которой мы занимали только правый берегъ, — представлялъ большія преимущества для русской арміи, дозволяя ей дѣйствовать на обоихъ берегахъ по выбору, но имѣлъ то неудобство, что раздѣлялся на двое, и Наполеонъ питалъ надежду воспользоваться этимъ естественнымъ препятствіемъ и овладѣть каждою половиною отдѣльно. Вслѣдствіе этого, разсчитывая на пылъ солдатъ, онъ немедленно велѣлъ атаковать окопы лѣваго берега корпусамъ Сульта и Ланна, поддержаннымъ гвардіею и кавалерію Мюрата. Сультъ бросился первый, но будучи встрѣченъ убійственнымъ огнемъ, и атаками русской кавалеріи, не могъ овладѣть этою сильною позиціею. Мюратъ и Ланнъ ходили въ свою очередь, но безъ успѣха. Одному генералу Леграну удалось взять редутъ, который онъ и занялъ полкомъ, но былъ выгнанъ картечью. Наконецъ вступила въ дѣло и гвардія, бросившись на помощь двумъ нашимъ дивизіямъ, которымъ угрожала опасность. День, начавшійся успѣхомъ, окончился не опасною, но весьма кровавою неудачею. Эта безполезная бойня продолжалась до поздней ночи, а корпусъ Сульта въ особенности понесъ большія потери. У Гейльсбергскихъ окоповъ мы потеряли отъ осьми до десяти тысячъ убитыми и ранеными, между тѣмъ какъ русскіе, благодаря превосходству своихъ позицій, потеряли не болѣе половины этого количества.

На другой день Наполеонъ, вмѣсто того, чтобъ снова

идти на приступъ, могшій сдѣлаться гибельнымъ, рѣшился овладѣть этою позиціею, стараясь обойдти ее, въ томъ убѣжденіи, что Бенигсенъ изъ одного страха видѣть себя упрежденнымъ по пути къ Кенигсбергу снимется съ лагеря. Вслѣдствіе этого онъ двинулся на Ландсбергъ, рискуя самъ потерять свои сообщенія, что онъ могъ сдѣлать безъ боязни, принимая во вниманіе значительное превосходство своихъ силъ надъ непріятельскими. Бенигсенъ немедленно выступилъ изъ Гейльсберга, изъ котораго онъ не могъ сдѣлать серьезнаго операціоннаго базиса, за недостаткомъ нужнаго продовольствія [62]): перейдя на правую сторону Алле, онъ сжегъ мосты. 11, 12 и 13 іюня обѣ арміи спускались параллельно по теченію этой рѣки, но русскіе были принуждены огибать ея завороты, въ то время какъ наши передніе корпуса, пройдя на сѣверъ кратчайшими дорогами, послали развѣдчиковъ до окрестностей Кенигсберга. Мюратъ и Даву вблизи угрожали этому городу, гоня передъ собою Лестока и пруссаковъ. Сультъ дошелъ до Крейцберга съ цѣлью подкрѣпить движеніе; Ланнъ былъ въ Домнау. Въ нѣкоторомъ разстояніи за нимъ впереди и сзади Эйлау шли корпуса Мортье, Нея, гвардія съ Наполеономъ и наконецъ Викторъ, замѣнившій Бернадотта, раненаго въ Шпанденѣ. Таково было положеніе нашей арміи 13 іюня. Съ другой стороны Алле шла русская армія къ высотамъ Фридланда. Наполеонъ въ этотъ моментъ только и думалъ о взятіи Кенигсберга до прибытія Бенигсена. Всѣ его приказанія отдавались въ этомъ смыслѣ. Онъ не сомнѣвался, что появленіе Сульта, разсчитанное вмѣстѣ съ приходомъ Даву и Мюрата, заставитъ городъ рѣшиться на сдачу. Онъ считалъ Бенигсена въ полномъ отступленіи и не предполагалъ въ немъ ни малѣйшаго намѣренія атаковать насъ; но во всякомъ случаѣ приказалъ Ланну занять

---

[62]) Такова причина, на которую онъ ссылается самъ въ своемъ рапортѣ отъ 11 іюня 1807 г. *Прим. автора.*

Фридландъ, который съ Веглау представляли единственные пункты, чрезъ которые русскіе могли перейдти въ наступленіе.

Но невѣроятное оказалось истиннымъ, и неосторожность Бенигсена открыла Наполеону, который не ожидалъ ничего подобнаго, случай къ одному изъ его самыхъ блистательныхъ торжествъ. Бенигсенъ находился подъ прикрытіемъ Алле; онъ могъ, спустившись по этой рѣкѣ, достигнуть безопасно Прегеля, и при маломъ сопротивленіи намъ Кенигсберга придти туда во время, чтобъ дать намъ сраженіе. Какой же настоятельный поводъ могъ понудить его переправиться на лѣвый берегъ Алле, чтобъ атаковать насъ? Внезапное рѣшеніе русскаго главнокомандующаго объясняли различными причинами. Говорили, что онъ надѣялся опередить насъ передъ Кенигсбергомъ, слѣдуя по кратчайшей дорогѣ, но какимъ же образомъ допустить, чтобъ онъ могъ пойдти на всю армію, которая упредила его? Самъ онъ въ письмахъ къ императору Александру ограничиваетъ свое оправданіе ссылкою на необходимость обезопасить себя отъ нападенія на лѣвый флангъ. Французы, говорилъ онъ, обнаруживали намѣреніе идти на Фридландъ и Пегау съ цѣлью отрѣзать его отъ Прегеля. Вслѣдствіе этого онъ послалъ пѣхоту овладѣть Фридландомъ, чтобъ дать отдохнуть своимъ войскамъ въ безопасности. Пѣхота эта была атакована, онъ ее поддержалъ и мало-по-малу далъ себя увлечь въ общее дѣло. Объясненіе не весьма правдоподобно, ибо нѣтъ сомнѣнія, что движеніе нашей арміи было на Кенигсбергъ, а не на Фридландъ и Веглау. Вѣроятнѣе, что разбросанность нашихъ корпусовъ подала ему мысль о фланговой атакѣ, которая удалась бы, еслибъ была ведена съ большею энергіею и рѣшимостью.

Какъ бы то ни было, отрядъ русскихъ занялъ Фридландъ вечеромъ 13 іюня, выгнавъ изъ него гусарскій полкъ, посланный Ланномъ для завладѣнія городомъ. 14-го въ три часа утра

русскіе начали выходить на равнину, командуемую Фридландомъ. Количество войскъ, переправившихся послѣдовательно на лѣвый берегъ Алле, было не болѣе какъ отъ пятидесяти пяти до шестидесяти тысячъ [63]). Этого было достаточно, чтобъ разбить по одиночкѣ наши корпуса, хотя находившіеся невдали другъ отъ друга, но главное и заключалось въ томъ, чтобъ не дать имъ времени сосредоточиться. Необходимо было напасть на нихъ съ тою изумительною быстротою, какую умѣлъ придавать своимъ движеніямъ одинъ только Бонапарте, ибо по соединеніи они должны были представлять массу силъ превосходнѣе русской арміи, которая кромѣ того имѣла огромную невыгоду—принять битву стоя тыломъ къ рѣкѣ. Еще разбросанные отъ Эйлау до Фридланда корпуса Ланна, Нея, Мортье, Виктора и гвардія, имѣла не менѣе осьмидесяти или девяносто тысячъ. Одинъ только Ланнъ занималъ возлѣ Фридланда деревни и лѣса Постенена. Легко было разбить этотъ одинокій корпусъ до прибытія Мортье, который стоялъ ближе всѣхъ къ нему, и доказательствомъ, что на войнѣ все зависитъ отъ исполненія, служитъ то, что положеніе, въ которомъ Бенигсенъ потерпѣлъ несчастье, было совершено сходно съ тѣмъ, въ какомъ находился Наполеонъ при Іенѣ, гдѣ онъ одержалъ одну изъ своихъ блестящихъ побѣдъ. Тамъ мы тоже сражались, приминяясь къ рѣкѣ и оврагу, но вмѣсто того, чтобъ дать непріятелю время осмотрѣться и сосредоточиться, вмѣсто того чтобъ переправиться чрезъ Саалу утромъ въ день битвы, и на глазахъ у пруссаковъ, Наполеонъ переправился ночью

---

[63]) По русскимъ донесеніямъ 46,000,—цифра столь же невѣрная, какъ и преувеличенія ихъ противниковъ. Мы расчитывали валовую цифра войскъ, вышедшихъ въ кампанію, исключая 1) корпусъ, оставленный на Наревѣ, 2) корпусъ Лестока и дивизію Каменскаго, посланную въ Кенигсбергъ, 3) войска, оставшіяся на правомъ берегу, 4) потери, понесенныя въ предъидущихъ дѣлахъ. *Прим. автора.*

для того, чтобъ имѣть возможность атаковать ихъ сначала со всѣми соединенными своими силами. Бенигсенъ, напротивъ, употребилъ большую часть утра на переправу чрезъ мосты Алле, принужденъ былъ оставить на другомъ берегу болѣе половины своей артиллеріи, пускалъ въ дѣло свои дивизіи послѣдовательно, атаковалъ Ланна слабо, разрозненно и слѣдовательно далъ время другимъ корпусамъ явиться къ нему на помощь. Ланнъ, укрѣпившійся въ Постененѣ, выдержалъ первый натискъ русскихъ съ энергіею достойною похвалы, принявъ во вниманіе значительную малочисленность. Какъ только онъ сознаkъ опасность своего положенія, немедленно сталъ посылать гонца за гонцомъ къ Наполеону. Императоръ не могъ вѣрить такой смѣлости со стороны Бенигсена; онъ полагалъ, что это была лишь простая демонстрація. Но количество русскихъ войскъ, развернутыхъ на лѣвомъ берегу, возрастало съ часу на часъ. Русскій главнокомандующій, забывая цѣну времени и не торопясь захватить добычу, которую въ своемъ высокомѣріи, считалъ уже у себя въ рукахъ, казалось, заботился болѣе объ установкѣ на полѣ сраженія, нежели о захватѣ корпуса Ланна. Часть войскъ его заняла позицію въ остромъ почти углу, образуемомъ рѣкою, огибающею городъ,—а другая чрезмѣрно растянулась вправо, по направленію къ Генрихсдорфу, какъ бы разсчитывая окружить своего слабаго противника. Но уже корпусъ Мортье, кавалерія Груши и Нансути прибѣжали на помощь къ Ланну и побѣда сдѣлалась затруднительнѣе. Они стремительно атаковали русскую линію, заставили ее отступить и заняли Генрихсдорфъ послѣ упорнаго сопротивленія. Во всякомъ случаѣ очевидно, что они не могли тамъ держаться безъ сильнаго подкрѣпленія. Они съ трудомъ выдерживали натискъ массъ, окружавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и можно было предвидѣть печальный для нихъ исходъ. Но въ эту рѣшительную минуту прибылъ изъ Постенена Наполеонъ съ гвардіею и Неемъ, имѣя недалеко позади кор-

пусъ Виктора, и это доказываетъ невѣроятную нерѣшительность его противника: онъ могъ проѣхать по фронту обѣихъ армій и сдѣлать распоряженія къ битвѣ, какъ бы дѣлалъ это въ началѣ дня. Въ сущности это начиналось второе сраженіе. Мортье порученъ былъ нашъ крайній лѣвый флангъ въ Генрихсдорфѣ и за нимъ, съ тѣмъ чтобъ, не принимая атакъ непріятеля, онъ выманивалъ его дальше на равнину; Ланнъ поставленъ въ центрѣ между Постененомъ и Генрихсдорфомъ. На правомъ только флангѣ сосредоточены корпуса Нея, Виктора и гвардія, которой Наполеонъ предоставлялъ рѣшительный ударъ, долженствовавшій рѣшить побѣду. Русскіе, бывъ сильнѣе насъ утромъ, теперь сдѣлались слабѣе и могли только ускользнуть съ помощью поспѣшнаго отступленія чрезъ фридландскіе мосты; вотъ пунктъ, противъ котораго мы должны были сосредоточить всѣ наши усилія, ибо съ занятіемъ нами или уничтоженіемъ этихъ мостовъ, русская армія у насъ во власти. Наполеонъ поручилъ Нею взять эти мосты во что бы то ни стало.

Въ пять съ половиною часовъ этотъ маршалъ двинулся подъ прикрытіемъ страшной артиллеріи, обстрѣливавшей сосредоченнымъ огнемъ городъ. Колонны его по выходѣ изъ лѣсу, въ которомъ до тѣхъ поръ стояли, были атакованы русскою кавалеріею, но послѣднюю отбилъ Латуръ-Мобургъ, кинувшись съ драгунами. Въ то же самое время Сенармонъ, начальникъ артиллеріи Виктора, по необыкновенно смѣлому внушенію, выдвинулъ свои орудія шаговъ на четыреста впередъ къ русской линіи и сломилъ, не давъ времени развернуться. Ней шелъ стремительно. Когда онъ прибылъ къ пруду, образуемому у самыхъ городскихъ стѣнъ такъ называемыхъ Мельничьимъ ручьемъ, онъ былъ внезапно атакованъ русскою гвардіею, оберегавшею этотъ постъ. Дивизія Биссока бросилась въ штыки, но отступила въ безпорядкѣ. Колонна Нея сильно пострадала и поворотила полуразбитая. Къ счастью, генералъ Дюпонъ увидѣлъ опасность,

онъ бросился въ свою очередь съ дивизіею, пошатнулъ русскую гвардію и потомъ, послѣ упорнаго боя, отбросилъ ее къ Фридланду. Ней собралъ свои войска, которыя поколебались было на время, и всѣ вмѣстѣ бросились въ пылавшій городъ, преслѣдуя русскихъ. О сопротивленіи не было рѣчи, каждый бѣжалъ какъ попало, и нестройная масса солдатъ всѣхъ оружій стремилась къ единственному открытому ей выходу; части бѣжавшихъ удалось попасть на мосты, остальные сброшены въ Алле.

Пока Ней довершалъ это дѣло истребленія, давшее намъ побѣду, Ланнъ и Мортье, которые до тѣхъ поръ ограничивались только удержаніемъ русскаго фланга подъ командою князя Горчакова, начали напирать на него сильнѣе. Князь, получившій немного поздно приказаніе Бенигсена отступать, не могъ рѣшиться исполнить приказаніе; онъ находился между Фридландомъ съ сожженными мостами и непроницаемымъ полукругомъ, которымъ сжали его Ланнъ и Мортье. Однако ни онъ, ни войско его не думало о сдачѣ. Въ то время какъ послѣдніе батальоны продолжали обороняться, онъ въ отчаяніи поскакалъ съ своею кавалеріею вдоль Алле, гдѣ солдаты его нашли бродъ, и русскіе ускользнули, покровительствуемые темнотою ночи.

Непріятель потерялъ подъ Фридландомъ около двадцати тысячъ убитыми и ранеными, а французская армія едва половину этого [64]). Бенигсенъ поспѣшилъ къ Прегелю, а от-

---

[64]) Конечно эти цифры приблизительныя, ибо въ этомъ отношеніи отчеты какъ французскіе такъ и русскіе до такой степени несправедливы, что невозможно добраться до истины даже относительной. Наполеонъ считаетъ потери непріятеля убитыми въ 18,000, а свои въ 500 человѣкъ! Въ русскихъ донесеніяхъ общая потеря показана въ 8,000. По ихъ счету они потеряли 16 орудій, а Наполеонъ говоритъ 120. Срав. 79 и 80 бюллетени, рапортъ Бенигсена императору Александру, Плото, Жимини, Мортье, Дюма, Роберта Уильсона и *Mémorial du dépôt de la guerre,* tome VIII.

Прим. автора.

туда въ Тильзитъ, гдѣ присоединились къ немъ Лестокъ и Каменскій, очистившіе Кенигсбергъ, при извѣстіи о фридландской побѣдѣ. 19 мая русская армія отступила за Нѣманъ, уничтоживъ мостъ въ Тильзитѣ. Территорія имперіи была еще неприкосновенна, корпусъ князя Лобанова присоединился къ арміи, и Нѣманъ представлялъ Бенигсену сильную оборонительную линію, но войска его упали духомъ, и одна выразительная особенность обнаруживала истощеніе государства: солдаты наши, преслѣдуя русскихъ, дошли до рѣки и увидѣли на другомъ берегу башкировъ и калмыковъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами—послѣдній резервъ имперіи. Александръ попросилъ перемирія, Наполеонъ предложилъ свиданіе, которое и было принято. Оспаривали вопросъ — кто сдѣлалъ предложеніе—Александръ или Наполеонъ? Если еще неутверждено, что сдѣлалъ его Дюрокъ отъ имени своего государя, то можно утвердить à priori положительно, ибо шагъ этотъ сообразенъ съ характеромъ и привычками Наполеона. Онъ зналъ за собою, употребляя его нѣсколько разъ съ необыковеннымъ счастьемъ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, родъ обаянія, которое производила его особа на людей, мало способныхъ судить его, и даже началъ преувеличивать въ себѣ это страшное могущество, употребляя его съ успѣхомъ. Онъ былъ не далекъ отъ того, чтобъ считать его непогрѣшимымъ, и въ эффектѣ, имъ производимомъ, не различалъ болѣе, что слѣдовало относить къ страху, къ лести и къ очарованію, возбужденными его чудесною судьбою. Личное свиданіе съ императоромъ Александромъ представляло ему вмѣсто отдаленнаго и всегда непрямаго вліянія, которое могъ онъ оказывать на конгрессъ,—случай сосредоточить на одномъ человѣкѣ, отъ котораго зависѣло, эту силу обаянія, надѣленную природою и изъ которой онъ создалъ искусство, которое могло бы быть несравненно, еслибъ было менѣе видимо. Онъ не упустилъ воспользоваться такимъ драгоцѣннымъ случаемъ.

Императоръ Наполеонъ не измѣнялъ своихъ намѣреній, ни своей политики. При чрезвычайной перемѣнчивости, едва вѣроятной что касается до выбора средствъ, онъ преслѣдовалъ цѣль съ упорствомъ, доходившимъ до пункта помѣшательства. Въ сущности главнымъ предметомъ его помысловъ не переставала ни на минуту быть Англія, ибо онъ чувствовалъ справедливо, что тамъ находился главный очагъ континентальнаго сопротивленія. Съ начала настоящей войны онъ составилъ себѣ программу „разбить Англію на континентѣ". Онъ наполовину исполнилъ эту программу и если не могъ похвалиться, что побѣдилъ Англію, то обезоружилъ континентъ. Россія, лишенная почти возможности воевать, ничего не могла сдѣлать ему. Опасно было бы думать завоевать ее, ибо если Европа уже покорилась, то все еще дрожала. Но можетъ быть было не невозможно заручиться помощью этой державы, и тогда какое упрощеніе проектовъ Наполеона. Союзникъ, необходимость котораго пріобрѣсти себѣ между европейскими державами онъ почувствовалъ не много поздно, котораго во время неудачи да и послѣ Эйлау онъ искалъ поочередно въ Австріи и Пруссіи, удержавъ разбитыхъ, ослабленныхъ имъ же, а слѣдовательно друзей весьма сомнительныхъ,—этотъ союзникъ осуществлялся для него въ державѣ молодой, честолюбивой, по своему уже отдаленію не имѣвшей существеннаго и прямаго повода вредить интересамъ Франціи. Съ пріобрѣтеніемъ этого союзника должна была склониться вся Европа и вмѣсто того, чтобъ разбить Англію на континентѣ, Наполеонъ могъ разбить ее съ континентомъ, который весь пошелъ бы подъ его знаменами. Стоило только обезсилить Англію, и какая другая держава была бы въ состояніи ему противиться. За этимъ онъ уже видѣлъ — не завоеванье Европы, а всемірную имперію.

Расположеніе императора Александра проходило скорѣе отъ унынія, а не отъ надежды. Онъ былъ униженъ своею быстрою неудачею, огорченъ своею неблагодарною ролью по-

средника Европы, утомленъ своимъ безкорыстіемъ, вознагражденнымъ столь плохо, и кромѣ того недоволенъ своими старыми союзниками. Англія ничего не сдѣлала для его поддержки, она только думала о самой себѣ. Слабые преемники Фокса не видѣли, что, допуская истребленіе союзниковъ и подвергая опасности общее дѣло для того, чтобъ овладѣть нѣсколькими колоніями, они подвергали и собственное отечество возможно большей опасности. Что касается Австріи, то она умѣла только предложить безполезныя размышленія, въ то время когда спасла бы все одна диверсія ея арміи. Одна Пруссія оказала Александру отважное и искреннее содѣйствіе, но безъ существенной пользы. Неужели это была награда за его безчисленныя пожертвованія для общей независимости? Угрожалъ ли кто хоть на минуту его территоріи или народной чести? Нѣтъ, все что сдѣлалъ Александръ, это было,—по крайней мѣрѣ, онъ такъ полагалъ,—для общаго блага, для общественнаго европейскаго права, для цивилизаціи, въ видахъ рыцарскихъ и безукоризненныхъ; и если въ этихъ побужденіяхъ принимали какое нибудь участье иллюзіи молодаго человѣка и раннее самолюбіе, по крайней мѣрѣ онѣ были чисты отъ всякаго узкаго и эгоистическаго честолюбія. Не пора ли наконецъ ему было подумать объ интересахъ своей короны, о благосостояніи и безопасности своихъ подданныхъ, отказаться отъ утопій, отъ филантропическихъ мечтаній?

Ничего не могло быть опаснѣе для Александра и въ особенности для дѣла, которое онъ до тѣхъ поръ поддерживалъ, какъ подобное расположеніе въ моментъ, когда онъ готовился свидѣться съ могущественнымъ искусителемъ, который протягивалъ ему руку, ибо эти чувства были именно тѣ самыя, какія Наполеону хотѣлось бы внушить ему. Льстить подобнымъ чувствамъ и ободрять ихъ было всегдашнею его тактикою каждый разъ, когда онъ хотѣлъ присоединить какую нибудь державу къ своей системѣ, напримѣръ Англію во

время знаменитыхъ переговоровъ съ лордомъ Уайтвортомъ, Пруссію когда онъ предлагалъ ей Гановеръ,—Россію, когда онъ ослѣпилъ своими ложными обѣщаніями императора Павла. Точно также поступилъ онъ и съ самимъ императоромъ Александромъ, когда послѣ Аустерлица, стараясь увлечь князя Долгорукаго, онъ воскликнулъ: „Ну чтожь, пусть Россія расширяется на счетъ своихъ сосѣдей!" Это внушеніе было отвергнуто тогда съ презрѣніемъ, и даже послѣ Аустерлица, Александръ отказался выслушать его. Но какъ съ тѣхъ поръ времена измѣнились! Счастье его противника только увеличивалось, благодаря препятствіямъ, которыя ставили ему; ничто не удержалось передъ нимъ, ни что ни въ старыхъ системахъ, ни въ новыхъ идеяхъ. Питтъ умеръ съ горя; Нельсонъ умеръ отъ послѣдней побѣды; Фоксъ умеръ осмѣянный; Прусская монархія была смята въ одинъ день, во Франціи уничтожилась всякая оппозиція. Законы, свобода, добродѣтель, геній—все было порабощено. Не было ли это знаменіе судьбы, доказательство, что это владычество безъ прецедентовъ заключалось въ силѣ вещей, и не лучше ли было присоединиться къ нему нежели погибнуть, бравируя его?

Съ первыхъ словъ, которыми обмѣнялись оба императора, поцѣловавшись и ступивъ на паромъ Тильзита, Наполеонъ могъ судить, какъ измѣнились чувства Александра послѣ Аустерлица: „Я ненавижу англичанъ, какъ вы ихъ ненавидите", сказалъ царь.—„Если такъ, отвѣчалъ Наполеонъ:—то миръ заключенъ". Вся досада, все обольщеніе Александра заключались въ этой простой фразѣ, и здѣсь же находился для Наполеона узелъ всѣхъ вопросовъ необходимыхъ ему для разрѣшенія. Послѣ главнаго предмета — расторженія англійскаго союза, все уже было второстепеннымъ. Будучи увлеченъ противъ Англіи, онъ уже не долженъ былъ дорожить другими своими континентальными союзниками, онъ дѣлался солидарнымъ съ Франціею, заинтересованнымъ

облегчить ей препятствія, а если еще и оставалась въ немъ какая нибудь щекотливость, то ее надѣялись успокоить, щедро выдѣливъ ему его долю.

Первое это свиданіе продолжалось два часа. Оба государя такъ заинтересовались имъ, что условились нейтрализировать городъ Тильзитъ для возобновленія на свободѣ своихъ переговоровъ. Прусскій король поспѣшилъ туда, чтобъ лично хлопотать о своемъ дѣлѣ, весьма скомпрометированномъ и которое плохо защищалъ его могущественный другъ. Этотъ несчастный король—жертва собственной честности, ибо онъ объявилъ намъ войну, доведенный только до отчаянія неблаговидными поступками, былъ помѣхою для всѣхъ; онъ напоминалъ Александру обязательства и обѣщанія, трудныя для исполненія, Наполеону безчестныя нарушенія международнаго права. Будучи лишенъ всего королевства, за исключеніемъ Мемеля, покинутый царедворцами, которые отдаляются всегда при несчастьи монарха, онъ видѣлъ, какъ докучливый свидѣтель, дружескіе переговоры, къ которымъ его не допускали. Озабоченное лицо его опечаливало этотъ родъ медоваго мѣсяца дружбы, повидимому безконечной. За это на него сердились и не стѣснялись скрывать отъ него неудовольствія. День проходилъ въ смотрахъ, въ военныхъ празднествахъ, въ пирахъ, на которыхъ офицеры обѣихъ армій, въ знакъ братства, обмѣнивались орденами. Вечеромъ оба императора запирались вдвоемъ бесѣдовать о своихъ дѣлахъ.

Императоръ Александръ, казалось, былъ въ восхищеніи отъ этой короткости съ героемъ столькихъ страшныхъ подвиговъ. Государь этотъ, имѣвшій тогда не болѣе двадцати осьми лѣтъ, обладалъ лицомъ исполненнымъ добродушія и благородства, изящными формами дворянина конца XVIII столѣтія—типъ, съ тѣхъ поръ исчезнувшій, и въ которомъ природа соединялась съ знатностью въ мѣрѣ, которая, можетъ быть, никогда уже не повторится болѣе. Къ этой изыскан-

ной мягкости нравовъ и языка прибавьте лѣнивую грацію востока, тонкость и почти женскую гибкость, — придающія столько прелести славянскому характеру. Конечно ничто столько не могло представить болѣе полной противоположности съ Наполеономъ въ этотъ моментъ его карьеры. Серьезный, осторожный, говорившій притчами въ эпоху своихъ дебютовъ, онъ, съ тѣхъ поръ, какъ не видалъ болѣе надобности принуждать себя, сдѣлался неумѣреннымъ въ словахъ и жестахъ, крайне бѣгло выражалъ рѣзкія абсолютныя мнѣнія, выработалъ себѣ рѣчь огненную, цвѣтистую, но вмѣстѣ неровную и безсвязную. Никто не могъ подобно ему быть въ одно время ласковымъ и повелительнымъ, вкрадчивымъ и высокомѣрнымъ, но все это было у него безъ мѣры, какъ у человѣка, увѣреннаго съ своихъ дѣйствіяхъ, привыкшаго ослѣплять, покорять, быть всегда на сценѣ. Поэтому онъ легко становился напыщеннымъ, когда хотѣлъ быть благороднымъ, тривіальнымъ, когда хотѣлъ быть простымъ, бросая охотно и итальянскую арлекинаду въ монологъ, начатый величественно. Безъ сомнѣнія, въ рѣчахъ его было могущественное обаяніе, но скорѣе какъ родъ вооруженнаго слова, которое, не убѣждая собесѣдника, подавляло его и внушало недовѣріе: въ нихъ слишкомъ чувствовались — лукавство, разсчетъ, намѣреніе захватить, увлечь изобиліемъ, стремительностью идей, и изъ этого вытекало, что разговоръ его нерѣдко былъ длиннымъ монологомъ. Отъ него уходили изумленные, доведенные до отчаянія, но не убѣжденные. Его природная рѣзкость обнаруживалась каждую минуту преувеличенною жестикуляціею и неожиданными выходками. Больше всего ему недоставало естественности. Онъ не обладалъ спокойствіемъ, простымъ и тихимъ достоинствомъ человѣка, владѣющаго самимъ собою, который говоритъ прямо что хочетъ, и въ особенности который знаетъ чѣмъ обязанъ относительно другихъ. Въ игрѣ этого превосходнаго актера былъ очень важный недостатокъ—именно эта прозрачность

непомѣрнаго презрѣнія, которое онъ питалъ къ роду человѣческому. Вѣжливость, придающая такую большую цѣну общественнымъ отношеніямъ, не заключается въ болѣе или менѣе незначительныхъ манерахъ, она основана на уваженіи другаго, а если не чувствуютъ этого уваженія, то велико искусство умѣть изобразить его. Такъ Маколей, сравнивая Наполеона съ Цезаремъ, не могъ вѣрнѣе сказать, что Цезарь имѣлъ надъ первымъ то преимущество, что былъ *изысканнымъ джентльменомъ*. Это почти таже справедливая острота Талейрана: „*Какая жалость, что такой великій человѣкъ такъ дурно воспитанъ*". Судя не по отзывамъ его враговъ, но по увѣреніямъ самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ его служителей, — Наполеонъ въ своей короткости проявлялъ фамильярность тирана, которой уважающій себя человѣкъ не могъ выносить ни минуты. Меневаль, его старинный секретарь, описываетъ, что онъ въ умиленіи дралъ уши своимъ собесѣдникамъ иногда до крови, билъ ихъ по щекамъ, садился къ нимъ на колѣни. Эти любезности служили у него признакомъ особенной благосклонности, и встрѣчались люди высокопоставленные, которые были счастливы и гордились этими знаками благоволенія. Привычки эти порождали разногласіе въ его обхожденіи съ чужими; оно грѣшило или большею свободою, когда онъ хотѣлъ нравиться, или декламаторскою напыщенностью, когда хотѣлъ быть внушительнымъ.

При своемъ желѣзномъ сложеніи, которое онъ еще закалилъ въ военныхъ походахъ, онъ получилъ наклонность къ полнотѣ. По собственному признанію Наполеонъ никогда не чувствовалъ себя лучше какъ во время этой тяжелой кампаніи, гдѣ онъ проѣзжалъ верхомъ по тридцати миль въ снѣгахъ. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что военныя тревоги сдѣлались необходимостью его темперамента, его гигіены и въ нѣкоторомъ родѣ неизбѣжною пищею бѣшеной дѣятельности, какая была господствующею чертою его на-

туры. Война придавала ему сонъ и аппетитъ. Онъ буквально жилъ тѣмъ, что убивало другихъ. Польская кампанія, въ которой онъ потерялъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, служила ему цѣлительнымъ упражненіемъ, и онъ вынесъ изъ нея самые цвѣтущіе результаты. Этотъ избытокъ здоровья повредилъ немного его античный обликъ, оставшійся у всѣхъ на памяти со времени итальянскихъ войнъ, сдѣлалъ тяжелымъ это тѣло, казавшееся нѣкогда какъ бы сожигаемымъ огнемъ генія; но необыкновенная подвижность его инквизиторскаго проницательнаго взгляда, постоянное волненіе всей его особы—обнаруживали внутреннее волненіе этого пылкаго, всегда дѣятельнаго ума. Въ немъ много оставалось корсиканскаго. Онъ прошелъ чрезъ утонченную цивилизацію, чрезъ этотъ, такъ сказать, философскій хаосъ конца XVIII столѣтія, усвоивая и захватывая съ необыкновенною способностью все, что могло ему быть полезно: идеи, формы и языкъ; но въ сущности внутренній человѣкъ въ немъ мало измѣнился. Онъ сохранилъ до нѣкоторой степени суевѣріе своихъ соотечественниковъ какъ признакъ происхожденія. Онъ, въ комъ вся религія да и то чаще притворная, нежели дѣйствительная заключалась въ вѣрованіи въ свою звѣзду, иногда, по словамъ Меневаля, невольно крестился при вѣсти о какой нибудь большой опасности или о серьезномъ событіи. Наконецъ подъ кажущимся добродушіемъ и кошачьею граціею его манеръ, когда онъ хотѣлъ казаться благосклоннымъ, скрывалась прежняя жестокость и непреодолимое недовѣріе островитянина, всегда остерегающагося непріятелей. Замѣтили, что въ продолженіе девятнадцати дней, которые оба императора провели вмѣстѣ въ изліяніяхъ нѣжной дружбы, Александръ ежедневно обѣдалъ у Наполеона, но Наполеонъ ни разу не отвѣдалъ куска хлѣба у Александра. То же самое недовѣріе обнаруживалъ онъ и при Эрфуртскомъ свиданіи. При посѣщеніяхъ царя онъ являлся всегда окруженный свитою, число которой и сила представляли самую рѣзкую

противоположность съ полною довѣрчивостью русскаго государя [65]).

Только путемъ наведенія извѣстна часть дружескихъ сообщеній, обмѣненныхъ взаимно въ продолженіе этихъ долгихъ совѣщаній. Преимущественно бесѣды эти велись безъ свидѣтелей, но самыя условія Тильзитскаго трактата говорятъ довольно ясно, чтобъ имѣть надобность прибѣгать къ безполезнымъ предположеніямъ. Вещь знаменательная и новая—та, что уступки предлагаетъ побѣдитель, и принимаетъ ихъ побѣжденный. Это потому, что для Наполеона не важно было надиктовать миръ истощенной Россіи, но пріобрѣсти во что бы то ни стало и навсегда сердце Александра, и какъ онъ самъ говоритъ въ запискѣ, адресованной этому императору, „перейдти въ одинъ мигъ изъ открытой войны кь самымъ дружескимъ отношеніямъ“ [66]). Подъ вліяніемъ господствующей мысли и по своей постоянной методѣ какъ въ дипломатіи, такъ и на войнѣ—посвящать все главной цѣли,—Наполеонъ положилъ къ ногамъ молодаго царя всѣ интересы наши ъ союзниковъ и всегдашнія преданія французской политики. Онъ клялся Турціи никогда не заключать мира безъ нея и поддерживать ея цѣлость, а императору Александру предлагаетъ Молдавію и Валахію или по крайней мѣрѣ берется доставить ему княжества, и въ случаѣ сопротивленія Турціи, чтожъ? обѣ державы могутъ раздѣлить ее! Онъ также не дорожитъ Персіею, которую втянулъ въ эту войну и на содѣйствіи которой построилъ столько исполинскихъ фантазій: посланникъ его Гордонъ едва успѣлъ прибыть въ Тагеранъ, какъ все уже было разрушено. Что касается Польши, которую онъ поощрялъ и такъ широко эксплуатировалъ, о ней не могло быть и рѣчи—

---

[65]) Де Метръ, *Correspondance diplomatique*, publiée par Albert Blanc. *Прим. автора.*

[66]) Наполеонъ къ Александру, 4 іюля 1807. *Прим. автора.*

все что онъ сдѣлаетъ для нея—отдастъ Саксоніи провинціи, принадлежавшія прежде Пруссіи. Онъ даже увеличитъ прибавкою двухсотъ тысячъ душъ — часть доставшуюся Россіи, по раздѣлу этой злополучной страны. Изъ того, что онъ самъ называлъ нашими естественными и необходимыми союзниками, оставалась одна Швеція, вовлеченная противъ воли своимъ королемъ въ войну съ Франціею. Почему Александру не отнять у него Финляндію? Прилично ли петербургскимъ красавицамъ слушать изъ своихъ дворцовъ выстрѣлы шведскихъ пушекъ? Пусть онъ не колеблется обобрать государя, служившаго столь долго подъ русскими знаменами! Пусть учится ставить свои интересы выше симпатій. Вотъ единственная политика, достойная великой имперіи. Она обезпечиваетъ Россіи вѣрныя и положительныя выгоды, между тѣмъ какъ рыцарство Александра и его планы европейскаго возрожденія приносили однѣ лишь неудачи. И чего же требуютъ отъ него взамѣнъ такихъ громадныхъ уступокъ и вліянія, которое будетъ ихъ залогомъ? Отреченія отъ мечтаній, признанныхъ химерическими, нейтралитета въ вопросахъ, некасающихся ни въ чемъ серьезныхъ интересовъ Россіи, содѣйствія, которому достаточно обнаружиться, чтобъ побѣдить—такъ будетъ оно неотразимо!

Такъ говоритъ искуситель на ухо молодому человѣку, котораго думалъ ослѣпить, не подозрѣвая, что самъ былъ жертвою обмана собственнаго упоенія. Дѣйствительно Наполеонъ въ сущности на свой счетъ устраиваетъ этотъ союзъ, котораго плоды надѣется одинъ пожать современемъ. Что дастъ ему Александръ въ замѣну тѣхъ пріобрѣтеній, которыя расточаютъ ему съ такою щедростью? одни обѣщанія и слова и ничего болѣе. Онъ признаетъ новыя королевства, основанныя Наполеономъ, но вѣдь отъ этого признанія они не сдѣлаются же прочнѣе. Онъ обѣщаетъ присоединиться къ мѣрамъ, принятымъ противъ Англіи, но это обстоятельство неопредѣленное, исполненіе котораго еще далеко, обяза-

тельства съ такимъ смысломъ, что подвержено многимъ истолкованіямъ и которое невозможно будетъ ослабить, если не устранить совсѣмъ. Конечно онъ жертвуетъ своимъ другомъ, прусскимъ королемъ, но пожертвованіе это не имѣетъ ничего окончательнаго, ему оставляется часть владѣній, которая можетъ послужить къ пріобрѣтенію остальной. Во всякомъ случаѣ онъ даетъ только неизвѣстное въ обмѣнъ на вѣрное. Все что ему уступаютъ,—непреложно, а что онъ отдаетъ, только временно. И характеристическій симптомъ: Наполеонъ исполняетъ свои обязательства первый и платитъ впередъ. Этотъ глубокій знатокъ сердца человѣческаго, кажется, не подозрѣваетъ, что иногда должники не платятъ своихъ долговъ; онъ болѣе не знаетъ, что люди не постоянны, что они слишкомъ не заботятся о вѣчной признательности, особенно въ политикѣ, и когда имъ выгодно быть неблагодарными. Ему и въ голову не приходитъ, что Александръ, въ виду огромныхъ предлагаемыхъ ему интересовъ, можетъ чистосердечно дать обязательства, которыя, переставъ приносить пользу, могутъ показаться ему весьма неудобными къ исполненію!

Поэтому Александру не было никакой надобности прибѣгать къ двоедушію, чтобъ казаться въ восторгѣ отъ побѣдителя, который шелъ къ нему съ полными руками подарковъ вмѣсто того, чтобъ предписывать строгіе законы войны. У него требовали только „будущихъ вещей", что не стоитъ никогда много, когда эквивалентъ заплаченъ наличными. Въ настоящую минуту онъ квитался лишь удивленіемъ, тонкими и нѣжными любезностями съ великимъ человѣкомъ, которому очень хотѣлось привлечь его къ своимъ планамъ, открыть ему прекрасную душу и познакомить его съ тайнами своей великой политики. Не приходило ль ему тогда на мысль, что поведеніе этого героя относительно союзниковъ, скомпрометировавшихъ себя для него, въ особенности относительно Турціи, которую онъ вовлекъ въ войну,

представляло ему самому полезный примѣръ для размышленія, а можетъ быть современемъ и для подражанія? Позволительно предполагать, что этотъ урокъ не былъ для него потерянъ, и извѣстно изъ свидѣтельства прозорливаго наблюдателя, бывшаго его довѣреннымъ, что Александръ изъ этихъ продолжительныхъ и дружескихъ общеній съ Наполеономъ вынесъ впечатлѣніе страха и недовѣрія, основаннаго на весьма вѣрной оцѣнкѣ его характера [67]).

Установивъ сдѣлку и обозначивъ почву, оставалось только привести ее въ исполненіе, условиться нѣкоторымъ образомъ на счетъ процедуры, чтобъ замаскировать немного въ глазахъ свѣта нечаянность этого поворота. Между обоими императорами было условлено представить эту коалицію Европѣ въ формѣ попытки въ пользу мира. Оба государя должны были предложить одновременно посредничество— одинъ Англіи, другой Турціи, и какъ они предвидѣли, что это посредничество не будетъ принято, то они потребуютъ отъ европейскихъ державъ присоединенія къ лигѣ, что имъ позволитъ запастись на счетъ тѣхъ, которые заупрямятся.

Таковъ былъ духъ знаменитыхъ тильзитскихъ условій. Часть договора, которую требовалось представить публикѣ, устанавливала границы новаго. Прусскаго королевства. Наполеонъ въ уваженіе его величества всероссійскаго императора, согласился *возстановить* прусскому королю его провинціи, лежащія на правомъ берегу Эльбы, за исключеніемъ польскихъ отданныхъ Саксоніи, вычтя предварительно владѣнія цѣною въ двадцать шесть милльоновъ, которыя Наполеонъ распредѣлилъ уже въ пользу своихъ генераловъ. Онъ считалъ себя какъ бы законнымъ обладателемъ прусскихъ владѣній и дѣлался такимъ образомъ благодѣтелемъ короля, которому удостоивалъ удѣлить кое-что. Этою статьею, столь унизи-

---

*) Correspondance du prince Czartoryski avec Alexandre, publiée par Ch. de Mazade. *Прим. автора.*

тельною по формѣ и столь ничтожною въ сущности, отнима-
лось у короля Фридриха Вильгельма четыре милльона жи-
телей изъ девяти. Напрасно онъ старался склонить Напо-
леона къ болѣе умѣреннымъ чувствамъ, стараясь показать
ему свое право и добрую волю въ дѣлѣ по нарушенію Ан-
шпаха. Этимъ онъ доказалъ какъ мало зналъ своего против-
ника, ибо что онъ могъ сдѣлать наиболѣе опаснаго для сво-
ихъ интересовъ,—это доказывать свою правоту. Если онъ
въ самомъ дѣлѣ былъ правъ, то чтожь это завоеваніе какъ
не разбойничество? Прекрасная прусская королева сдѣлала
не меньшую ошибку, когда въ отчаяніи обратилась къ ры-
царскимъ чувствамъ человѣка, который такъ жестоко оскор-
билъ ее въ своихъ бюллетеняхъ. Самъ Наполеонъ съ не весьма
деликатными намеками разсказалъ о безполезныхъ ея уси-
ліяхъ тронутъ его. Вмѣсто всякихъ уступокъ онъ предло-
жилъ ей розу. „По крайней мѣрѣ съ Магдебургомъ", сказала
королева умоляющимъ голосомъ.— „Замѣчу вашему величе-
ству, отвѣчалъ онъ сурово:—что предлагаю я, а получаете вы".

Въ договорѣ потомъ слѣдовало двойное предложеніе по-
средничества Англіи и Турціи, и императоръ Александръ
обязался немедленно очистить Молдавію и Валахію до окон-
чательнаго заключенія трактата. Наполеонъ ввелъ эту статью
скорѣе какъ бы изъ гуманнаго уваженія къ себѣ самому,
нежели въ интересахъ Турціи, ибо онъ далъ обязательство
Александру уступить ему *во всякомъ случаѣ* эти провинціи.
Впрочемъ въ тотъ моментъ въ Константинополѣ вспыхнула
революція, словно для того, чтобъ доставить ему необходи-
мый предлогъ и избавить его самого отъ остатка щекотли-
вости. Ничтожный Селимъ, кинувшійся по его наущенію
въ эту гибельную войну, былъ свергнутъ съ престола и по-
саженъ въ тюрьму янычарами, изъ зависти къ милиціи, во-
оруженной по-европейски, которую онъ учредилъ по совѣту
Наполеона. Вслѣдствіе этого благопріятнаго событія импе-
раторъ французовъ считалъ себя освобожденнымъ отъ всѣхъ

обязательствъ относительно Турціи. Договоръ, наконецъ, заключалъ въ себѣ торжественное признаніе Неаполитанскаго и Голландскаго королей, Рейнскаго союза, и Жерома въ качествѣ короля вестфальскаго. Королевство это должно было образоваться частью изъ владѣній Пруссіи на лѣвомъ берегу Эльбы, частью изъ Гессенъ-Касселя.

Къ этому трактату, который долженствовалъ быть обнародованнымъ немедленно, присоединялись прибавочныя статьи и договоръ о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, — предназначенныя ссхраняться въ тайнѣ, и которыхъ даже до сихъ поръ мы не имѣемъ подлиннаго текста, хотя и знаемъ ихъ содержаніе. Статьи заключали въ себѣ уступку Франціи Іоническихъ острововъ, Катарскихъ устьевъ, признаніе Іосифа *Сицилійскимъ* королемъ съ тѣмъ, чтобъ Наполеонъ вознаградилъ короля Фердинанда Белеарскими островами, или Кандіею. Союзный договоръ предусматривалъ случай непринятія Англіею и Турціею посредничества. Еслибы, какъ видно было по всему, Англія отвѣчала отказомъ, обѣ державы немедленно имѣли соединить вмѣстѣ половину своихъ силъ и предъявить свои требованія тремъ дворамъ — Копенгагенскому, Стокгольмскому и Лиссабонскому, что должно было, по всѣмъ вѣроятіямъ, позволить Россіи наложить руку на Финляндію, а Франціи занять Португалію. Что касается до Вѣнскаго двора, то его такъ повелительно не принуждали высказаться, но взаимно обязывались „сильно настаивать“. Еслибъ съ своей стороны Порта отказалась, то было условлено освободить отъ ига турокъ всѣ провинціи, исключая *Константинополя и Румеліи.* Для Англіи отказъ былъ равнозначителенъ войнѣ со всею Европою; для Турціи онъ равнялся раздѣлу [68]) и совершенному разрушенію ея владычества.

---

[68]) Горденъ, *Histoire des traités*, t. X.—Биньонъ, *Histoire diplomatique*. Де Клеркъ, *Recueil des traités etc.* *Прим. автора*

Кромѣ этихъ условій, подлинность которыхъ неоспорима, были при тильзитскомъ свиданіи условія словесныя по двумъ вопросамъ, давно занимавшимъ Наполеона насчетъ Рима и Испаніи. Фактъ довольно вѣроятный относительно Испаніи, хотя конечно нельзя утверждать положительно. Такъ какъ фамилія Бонапарте замѣнила на стольких тронахъ фамилію Бурбоновъ и царствовала даже въ такихъ земляхъ, которыми послѣдняя никогда не владѣла, то мало вѣроятно, чтобъ Наполеонъ скрывалъ отъ Александра свое намѣреніе привлечь Испанію къ своей системѣ и устроить новый семейный договоръ между народами западной Европы. Что же касается свѣтской власти папы, можно сказать, что она считалась почти за ничто въ Европѣ, въ особенности въ глазахъ императора греко-россійскаго исповѣданія; она не могла составлять никакого затрудненія между двумя державами, и было бы излишнею предосторожностью искать согласія монарха, для котораго она не имѣла никакого интереса.

Огромное зданіе, проектированное въ Тильзитѣ, основывалось въ сущности на однѣхъ гипотезахъ. Надобно было предполагать, что императоръ Александръ считалъ себя какъ бы связаннымъ вѣчными обѣтами, относительно человѣка, который никогда не сдерживалъ своихъ обѣщаній; надобно было предполагать, что этотъ молодой монархъ, который могъ лишь увлечься на минуту обѣщанными ему пышными выгодами, измѣнился совершенно, позабылъ навсегда свое прошедшее, свои понятія, симпатіи, что перемѣнилъ мгновенно свою природу, свой характеръ, даже отечество — чтобъ сдѣлаться безвозвратно слѣпымъ сторонникомъ политики, которую отвергалъ до тѣхъ поръ. Надо было предполагать что Наполеонъ будетъ вѣренъ своему слову, что онъ исполнитъ до іоты обѣщанія по большей части словесныя и не раскается никогда, заключивши невыгодный трактатъ; надобно было предполагать, что европейскіе народы останутся до конца безстрастными и довольными зрителями этого на-

сильственнаго переворота ихъ учрежденій, обычаевъ, національныхъ связей, вѣковыхъ преданій, что они согласятся быть орудіемъ собственнаго притѣсненія; что съ уничтоженіемъ арміи и съ нисправерженіемъ правительства все сказано, а остальнымъ нечего заниматься. Общественное мнѣніе, нравственная сила, національная гордость, народныя преданія, патріотическія чувства, любовь къ свободѣ, — все это почиталось несуществующимъ. Стирая прежнія географическія названія считали, что уничтожаютъ націи, и Европа въ глазахъ этихъ властителей была лишь инертною массою, способною принять какія имъ было угодно формы.

Никогда правдоподобіе не было столь ужасно для европейской свободы, такой противоестественный цезаризмъ, который Наполеонъ пытался воскресить самыми безумными анахронизмами, не казался столь близкимъ къ укрѣпленію какъ въ ту минуту, когда онъ появился въ свѣтъ, опираясь съ одной стороны на московскій колоссъ, съ другой на безпримѣрную военную державу. Можно было полагать, что все погибло, и между тѣмъ эти грандіозные планы, этотъ торжествующій замыселъ, эта страшная лига была не болѣе какъ пугало, видѣніе, фантазія. Наполеонъ приготовилъ въ Тильзитѣ только стихіи для новаго соперничества: онъ поднялъ и укрѣпилъ собственными руками противника, болѣе опаснаго нежели какой нибудь другой, ибо находился внѣ его нападеній. Въ каждой статьѣ этого мира скрывался поводъ къ войнѣ. Этотъ ненавистникъ идеалогіи съумѣлъ сдѣлать въ Тильзитѣ лишь то, что онъ презрительно называлъ „политикою фантазіи“. Онъ явился туда съ цѣлью обмануть и возвратился обманутый скорѣе собственною жадностью, нежели двоедушіемъ Александра. Онъ тамъ цинически измѣнилъ стариннымъ и вѣрнымъ союзамъ, и вынесъ оттуда лишь сомнительную дружбу безъ будущаго. Здѣсь онъ дѣйствовалъ не подъ гнетомъ настоятельной необходимости, но совершенно по доброй волѣ, съ полнымъ сознаніемъ того,

что дѣлалъ, и побуждаемый единственно бѣшенствомъ честолюбія. Нѣтъ надобности въ другомъ судьѣ для оцѣнки политики этихъ непредусмотрительныхъ условій: „Молдавія и Валахія, писалъ онъ Александру 28 февраля 1811: — составляютъ треть Европейской Турціи. Это пріобрѣтеніе отыметъ всю силу у Турціи и можно сказать *уничтожаетъ эту имперію, мою самую старинную союзницу*. Изъ искренней дружбы къ вашему величеству я призналъ присоединеніе этихъ прекрасныхъ земель, но безъ *моего довѣрія* къ продолженію этой дружбы, *многія самыя несчастныя кампаніи не принудили бы Францію допустить ограбить такимъ образомъ ея самую старинную союзницу*." Что онъ могъ сказать болѣе самаго суроваго о самомъ себѣ? Пожертвовать союзникомъ и отдать двѣ провинціи въ замѣну дружбы и дружбы монарха, дѣйствительно было новостью въ лѣтописяхъ дипломатіи. „Я согласился, продолжаетъ онъ:—чтобъ ваше величество удержали за собою Финляндію, составляющую треть Швеціи, и которая такъ важна для вашего величества, что можно сказать: со времени этого присоединенія нѣтъ болѣе Швеціи, ибо Стокгольмъ теперь на аванпостахъ королевства... Однако Швеція, не смотря на лживую политику своего короля, *была также однимъ изъ древнѣйшихъ друзей Франціи*."

Нужно ли наконецъ его свидѣтельство относительно столь спорнаго возстановленія Польши и мотивовъ, побудившихъ его покинуть эту націю, также естественную союзницу Франціи? „Вашему величеству надоѣли клеветами. Я хочу, говорятъ, возстановить Польшу. *Я властенъ былъ это сдѣлать въ Тильзитѣ*. Чрезъ двѣнадцать дней послѣ сраженія подъ Фридландомъ я могъ быть въ Вильнѣ... Я могъ сдѣлать это въ 1810, когда русскія войска воевали въ Турціи... *Я могъ бы возстановить ее еще и теперь*." Здѣсь онъ самъ горговоритъ обо всемъ, что сдѣлалъ; вотъ пожертвованія гордостью, честью, благородствомъ, которыя онъ вмѣнилъ

себѣ въ обязанность и съ какою цѣлью, въ какихъ видахъ? безъ вознагражденія, безъ гарантіи, полагаясь только на дружбу Александра, даже менѣе—на обѣщаніе дружбы! Можно поддерживать въ теоріи, что обязательства, заключенныя въ Тильзитѣ, были обоюдны. Но на практикѣ эта обоюдность исчезала, ибо Наполеонъ долженъ былъ немедленно исполнить свои обязательства, между тѣмъ какъ исполненіе обязательствъ Александра было вмѣстѣ и далеко и неопредѣленно. Одинъ давалъ, другой обѣщалъ сдѣлать, по старинной формулѣ *do ut facies*,—вѣчный источникъ обмана. Чтобъ не видѣть всего, что заключалось въ этомъ договорѣ невыгоднаго, надо было Наполеону быть ослѣплену пристрастіемъ или непонятною страстью. Это потому, что онъ разсчитывалъ пріобрѣсти не дружбу, но сообщника! Онъ думалъ подчинить навсегда энтузіазмъ Александра, позабывая, что энтузіазмъ этотъ горѣлъ уже не на одномъ алтарѣ. Этотъ холодный, положительный умъ въ свою очередь обманулся и во время обмана слѣдовалъ политикѣ чувства. Этотъ разсчетливый человѣкъ разъ въ жизни сыгралъ роль Донъ-Кихота. Поэтому, подписавъ Тильзитскій договоръ, первымъ движеніемъ его было—его нарушить.

ГЛАВА IV.

Тильзитская политика.—Завоеваніе и угнетеніе нейтральныхъ державъ.—Происхожденіе испанской войны. (Августъ—октябрь 1807).

Наполеонъ возвратился изъ Тильзита, облеченный нѣкотораго рода европейскою диктатурою. Всѣ большія державы были послѣдовательно побѣждены, ослаблены, завоеваны. Австрія потеряла послѣ Аустерлица четверть своей территоріи; Пруссія была почти уничтожена при Іенѣ; одна Россія оставалась еще на ногахъ, но съ условіемъ помогать политикѣ, противъ которой она такъ сильно боролась. Весь континентъ трепеталъ предъ Наполеономъ. Никогда въ новѣйшія времена, ни одинъ государь не обладалъ такимъ колоссальнымъ могуществомъ. Людовикъ XIV появился на сцену міра, окруженный большею пышностью и величіемъ; но онъ никогда не достигалъ этой головоломной высоты; онъ никогда не имѣлъ въ рукахъ такой громадной массы войска. Въ этихъ блистательныхъ успѣхахъ, бросившихъ столько блеска на имя Бонапарте, безъ сомнѣнія, много было нечаянностей, были непродолжительныя насилія надъ порядкомъ вещей. Добытые результаты имѣли болѣе наружной прочности, нежели дѣйствительной. Если смотрѣть на нихъ хладнокровно, они казались вызовомъ, брошеннымъ уму человѣческому, опроверженіемъ всѣхъ законовъ исторіи; но зародышъ разрушенія, который они носили въ себѣ самихъ, былъ еще

скрытъ отъ всѣхъ, и взоръ поражался единственно исполинскими пропорціями этого безграничнаго, безпримѣрнаго владычества. Всѣ спрашивали съ тоскою—какое онъ сдѣлаетъ изъ него употребленіе? Не было-ли въ этомъ неоспоримомъ всевластіи чѣмъ утолить, наконецъ, эту ненасытную душу? Съумѣлъ ли Наполеонъ довольствоваться—господствовать вліяніемъ, вмѣсто того, чтобъ порабощать силою? Не время ли было Наполеону дать отдохнуть своимъ изнуреннымъ солдатамъ, подумать объ укрѣпленіи столькихъ скороспѣлыхъ созданій, импровизированныхъ, повидимому, въ минуту горячки, поправить бѣдствія войны, испытать на людяхъ владычество кротости и великодушія? Не было ли у него въ продолженіе всей кровавой карьеры хоть одной четверти часа удержу и уступки, хоть минутной улыбки для своей фортуны, въ замѣну неслыханныхъ милостей, которыми она осыпала его?

Сомнѣнія эти, которыя долженствовали тогда представляться не одному уму, были непродолжительны. Наполеонъ не прошелъ еще разстоянія, отдѣлившаго Парижъ отъ того самаго Тильзита, гдѣ онъ расточалъ столько ласкательствъ Александру, какъ уже томимый нетерпѣніемъ воспользоваться скорѣе этимъ могущественнымъ соучастьемъ, онъ обратился съ угрозою къ слабымъ державамъ, жившимъ въ своемъ нейтралитетѣ, и которыя, по поводу покоренія большихъ державъ, находились у него въ рукахъ. Онъ даже изъ Дрездена предъявилъ свои требованія этимъ несчастнымъ правительствамъ, которыя съ тѣхъ поръ были противъ него беззащитны. Ему не терпѣлось вывести ихъ изъ этого состоянія, въ которомъ они искали своего спасенія. Онъ имъ поставилъ дилемму: война съ Англіею, или война съ Франціею; то и другое равнялось для нихъ разрушенію. Въ невозможности къ сопротивленію, въ какой они находились, можно предполагать, что первымъ движеніемъ ихъ должно было броситься въ руки Наполеону, ибо ему стоило только протянуть руку,

чтобъ ихъ уничтожить, между тѣмъ какъ Англія могла только вредить имъ въ торговлѣ, да въ колоніяхъ; но примѣръ Голландіи, Швейцаріи, Генуи, Италіи, еще живъ и могъ указать, что Наполеонъ дѣлалъ со своими союзниками. Это повелительное требованіе представляло имъ въ сущности только выборъ самоубійства. Главнѣйшею изъ этихъ державъ была Данія, которой флотъ, сравнительно значительный, и крѣпкія морскія позиціи Наполеонъ хотѣлъ употребить въ свою пользу противъ Англіи. Потомъ слѣдовали Португалія, Папскія владѣнія, наконецъ Этрурское королевство, которое Наполеонъ продалъ, но не отдалъ, Испанскому дому, взамѣну за Луизьяну, исторгнувъ его изъ рукъ Австрійскаго дома. Относительно этихъ трехъ державъ, намѣренія его были болѣе опредѣленны, нежели относительно Даніи, покровительствуемой до нѣкоторой степени ея отдаленнымъ положеніемъ; онъ рѣшился просто присвоить ихъ себѣ,—употребляя во всякомъ случаѣ необходимыя перемѣны.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, Португалія менѣе всего вмѣшивалась въ споры Европы. Она заботилась только жить въ мирѣ, развивать свои коммерческіе источники, обмѣнивать свои вина и колоніальные продукты на мануфактурныя произведенія, доставляемыя Англіею. Но и это мирное настроеніе не предохранило ее отъ насилій Наполеона. Съ 1801 года, Первый Консулъ, для того чтобъ принудить ее закрыть порты англичанамъ, увлекъ Испанію объявить ей войну, и Португалія принуждена была не только подчиниться этому требованію, но и уступить Испаніи провинцію Оливенцу и заплатить намъ двадцать пять милльоновъ. Позже, въ мартѣ 1804 г., во время возобновленія непріятельскихъ дѣйствій съ Англіею, послѣ разрыва Аміэнскаго трактата, Первый Консулъ, по правильному договору (подписанному 1-го марта), возвратилъ Португаліи, за шестнадцать милльоновъ, право открыть свои порты на все продолженіе войны: онъ торжественно призналъ ея нейтралитетъ. Наши дѣйстви-

тельныя отношенія къ Португаліи были основаны на этомъ договорѣ; она тщательно исполняла тягостныя условія, не подавала ни малѣйшаго повода къ жалобамъ и, полагаясь на силу трактата, считала себя свободною отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія.

При такомъ-то порядкѣ вещей, словно громовой ударъ,— поразило ее требованіе Наполеона. Онъ желалъ уже не той или другой уступки со стороны Португаліи, а хотѣлъ забрать ея флотъ, богатства, территорію. Дѣйствительно, въ первый моментъ онъ написалъ Талейрану, заявить Португаліи, чтобъ она заперла свои порты для англичанъ, „въ противномъ случаѣ Наполеонъ объявитъ ей войну и конфискуетъ англійскіе товары [69])“. Но онъ тотчасъ же почти одумался, ибо былъ увѣренъ, что Португалія поспѣшитъ исполнить всѣ его желанія, какъ бы ни были они несправедливы. И онъ потребовалъ, чтобъ она не только заперла порты для Англіи, но чтобъ и объявила ей войну; кромѣ конфискаціи англійскихъ товаровъ, онъ велѣлъ также конфисковать всякую собственность, принадлежащую англичанамъ. Тяжелыя эти условія должны были быть приняты безпрекословно и немедленно, а какъ онъ предвидѣлъ, что ихъ начнутъ обсуждать прежде исполненія, и какъ даже самъ желалъ этого, чтобъ имѣть предлогъ напасть на Португалію, даже не получивъ отвѣта, онъ сформировалъ, подъ названіемъ *жирондскаго обсерваціоннаго корпуса*, армію въ двадцать пять тысячъ человѣкъ изъ легіоновъ, оставленныхъ въ Бретани и Нормандіи. Войско это предназначалось занять Португалію подъ начальствомъ Жюно, бывшаго посланникомъ въ этомъ королевствѣ (2 августа 1807 г.). Въ тоже время онъ послалъ португальскому регенту требованіе, кото-

---

[69]) Наполеонъ къ Талейрану. Дрезденъ, 11 іюля 1807 г.

Прим. автора.

раго неопредѣленныя и смягченныя выраженія, казалось, имѣли цѣлью скорѣе усыпить его, нежели заставить рѣшиться. Но какое рѣшеніе ни принялъ бы этотъ государь, участь его уже была рѣшена; одного еще не зналъ Наполеонъ, это—что онъ сдѣлаетъ съ Португаліею, овладѣвъ ею; но и эта неизвѣстность была непродолжительна.

Одно обстоятельство скоро упростило его мысли на этотъ счетъ,—именно неумѣренное желаніе отнять у Испаніи Этрурское королевство. Сказать правду, эта уступка Тосканы Бурбонскому дому всегда была фиктивною и номинальною со стороны Наполеона. Онъ никогда не переставалъ держать тамъ гарнизонъ и командовать посредствомъ своихъ генераловъ. Въ продолженіе войны съ Пруссіею и Россіею, онъ принужденъ былъ вызвать оттуда войска на другіе пункты, и этрурская королева, регентша послѣ смерти своего мужа, оставленная безъ средствъ къ защитѣ, должна была допустить англійскую торговлю проникнуть въ портъ Ливорно. Наполеонъ не упустилъ такого прекраснаго случая конфисковать англійскіе товары и вмѣстѣ съ ними и самое королевство. Онъ приказалъ принцу Евгенію направить на Ливорно шесть тысячъ человѣкъ, для овладѣнія англичанами и ихъ собственностью [70]). Регентша была увѣдомлена объ этой экспедиціи только черезъ мѣсяцъ, 16 сентября, когда уже все было кончено. Наполеонъ дѣйствовалъ, какъ онъ выражается, „изъ бдительности, касательно своихъ интересовъ и общаго врага [71])“; онъ не имѣлъ другой цѣли какъ только сохранить Ливорно для своей сестры и кузины. Но онъ не говорилъ ей, до какой степени простиралась эта заботливость, она шла гораздо дальше. Занятіе Ливорно ей внезапно открыло глаза; онъ конечно не могъ обходиться

[70]) Наполеонъ къ Евгенію, 16 августа. *Прим. автора.*

[71]) Къ Маріи Луизѣ, этрурской регентшѣ, 16 сентября. *Прим. автора.*

болѣе безъ Тосканы, нужной ему для пополненія итальянскихъ владѣній—и наконецъ необходимой. И чрезъ нѣсколько дней послѣ успокоенія своей доброй сестры, этрурской регентши, 25 сентября 1807 года, онъ писалъ къ Дюроку: *„Необходимо отнять это безобразіе отъ итальянскаго полуострова!“* Но какимъ образомъ сдѣлать эту ученую операцію, ему—творцу этого безобразія, не оскорбивъ серьезно Испаніи, которую онъ еще хотѣлъ пощадить? Средство было очень простое,—вознаградить ее Португаліею, употребленіе которой также найдено заранѣе. И онъ поручилъ Дюроку предложить Изквіердо, повѣренному испанскаго двора, „взять часть Португаліи для этрурской королевы, другую для принца Мира... Я желаю, прибавляетъ онъ, чтобъ Изквіердо *представилъ мнѣ какой нибудь проектъ объ этомъ* [72])“.

Въ Италіи было другое безобразіе, еще болѣе рѣзкое для щекотливыхъ глазъ Наполеона — это Римскія владѣнія. Провинція эта, какъ онъ писалъ Евгенію, стѣсняла ему сообщенія съ его Неаполитанскимъ королевствомъ. Это была главнѣйшая жалоба Наполеона противъ папы, но такъ какъ ему трудно было заявить ее, то у него нашлись другія, ибо онъ не стѣснялся относительно жалобъ противъ тѣхъ, кого хотѣлъ погубить. Какъ измѣнились времена съ прекрасныхъ дней коронаціи и конкордата! Между св. престоломъ и Наполеономъ съ тѣхъ поръ обмѣнивались только оскорбительными и грозными словами съ одной стороны, и отравленными сладостями съ другой—настоящія послѣдствія этого лицемѣрнаго договора, гдѣ подъ маскою религіи, играла роль одна лишь алчность честолюбія. На обманъ, испы-

---

[72]) Наполеонъ къ Дюроку 25 сентября. Неизмѣнно почти приписывали Изквіердо инниціативу Фонтенеблосскаго трактата. Это предположеніе настоящій *нонсенсъ* для того, кто имѣетъ понятіе о политикѣ и о характерѣ Наполеона; но оно становится недоказаннымъ въ присутствіи этой цитаты. *Прим. автора.*

танный по поводу легатствъ, на всевозможные захваты, въ которыхъ онъ имѣлъ право упрекать Наполеона, на занятіе Анконы и Чивитта-Веккіи, на отнятіе папскихъ доходовъ, на конфискацію герцогства Беневенто и Понте Корво,—Пій VII отвѣчалъ только духовнымъ оружіемъ: онъ отказалъ распространить на Венецію итальянскій конкордатъ, отказалъ уничтожить первый бракъ Жерома, вступить во французскій союзъ и утвердить назначеніе нѣкоторыхъ епископовъ. Онъ отомстилъ какъ мстятъ слабые, ограждаясь своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ, но не выходя изъ своего традиціоннаго права первосвященника.

Наполеона это еще болѣе раздосадовало, ибо онъ чувствовалъ все свое безсиліе нападать на него въ подобномъ положеніи. Поэтому Наполеонъ разсудилъ кстати—къ предъявленному требованію присоединить новое, въ которомъ надѣялся на поддержку общественнаго мнѣнія. Онъ поручилъ Талейрану потребовать отъ Римскаго двора, чтобъ число французскихъ кардиналовъ на соборахъ, гдѣ обсуждались дѣла церкви, было пропорціонально съ римскими кардиналами. „Талейранъ прибавитъ, говорилъ Наполеонъ, „что время окончить всѣ эти маленькія ссоры, которыя не перестаютъ заводить со мною; что я очень сердитъ и негодую на угрозы отлучить меня отъ церкви, объявить лишеннымъ трона; что ему остается только посадить меня въ монастырь и *велѣть меня высѣчь, подобно Людовику Благодушному*; что если захотятъ съ этимъ покончить, то будутъ посланы полномочія кардиналу-легату, находящемуся въ Парижѣ, если же нѣтъ, то прекратятся всѣ сношенія *и угрозы, которыя я презираю*". (22 іюля).

Такъ какъ Талейранъ имѣлъ извѣстную привычку очень смягчать форму этихъ дипломатическихъ требованій, которыя онъ обязанъ былъ передавать иностраннымъ государямъ, Наполеонъ приказалъ принцу Евгенію сообщить папѣ письмо, считавшееся конфиденціальнымъ, въ которомъ императоръ

выражалъ своему пріемному сыну всѣ свои неудовольствія противъ Римскаго двора. Письмо это, болѣе рѣзкое нежели предшествующее было предназначено испугать тѣхъ, которыхъ нельзя было убѣдить. Наполеонъ съ помощью устрашенія получилъ все отъ стариковъ, управлявшихъ совѣтами церкви; онъ ихъ видѣлъ не разъ столь слабыми и жалкими, и былъ вполнѣ увѣренъ покорить ихъ окончательно страхомъ. Онъ не зналъ поповскаго упрямства. „Сынъ мой, писалъ онъ въ этой длинной діатрибѣ, исполненной гнѣва:— я видѣлъ въ письмѣ его святѣйшества, которое конечно онъ не писалъ мнѣ, что — угрожаетъ. Неужели онъ полагаетъ, что права трона менѣе священны въ глазахъ Бога, нежели въ глазахъ тіары? Короли были прежде папъ. Они хотятъ, по ихъ словамъ, обнародовать зло, причиненное мною религіи. *Безумцы, они не знаютъ, что нѣтъ въ мірѣ уголка, гдѣ бы я не сдѣлалъ для религіи больше добра нежели пап а вреда!* Папа, который учинилъ бы подобное безразсудство, пересталъ бы быть въ моихъ глазахъ папою. Я считалъ бы его не иначе какъ *Антихристомъ*.... Еслибъ это было такъ, я устранилъ бы мои народы отъ всякаго сообщенія съ Римомъ *и учредилъ бы въ немъ полицію*. Римскій дворъ проповѣдуетъ мятежъ два года..... Что хочетъ сдѣлать Пій VII, донося на меня христіанству? отдать *мои троны* подъ духовное запрещеніе, отлучить меня отъ церкви? Неужели онъ думаетъ, что отъ этого у моихъ солдатъ выпадетъ изъ рукъ оружіе? *Онъ хочетъ дать кинжалъ въ руки моимъ народамъ, чтобъ зарѣзать меня*? Нѣкоторые попы проповѣдовали эту доктрину. Не считаетъ ли онъ меня Людовикомъ Благодушнымъ?.. Настоящій папа очень могущественъ; папы созданы не для того, чтобъ управлять. Пусть подражаютъ они апостоламъ Петру и Павлу... Право, я начинаю краснѣть за всѣ глупости, которыя Римскій дворъ позволяетъ себѣ со мною; и можетъ быть недалеко время, если будутъ продолжать смущать мои царства, — когда я

признаю папу только *римскимъ епископомъ*... Я соединю церкви галликанскую, итальянскую, нѣмецкую, польскую *и созову соборъ, чтобъ дѣлать свои дѣла безъ папы и поставить свои народы внѣ претензій римскихъ поповъ*".

Вслѣдствіе этого потока оскорбительныхъ ругательствъ, этихъ жалобъ, столь странныхъ въ устахъ человѣка, уничтожавшаго собственноручно всѣ претензіи, на которыя жаловался, являлся ультиматумъ Наполеона Римскому двору. Онъ заявлялъ требованіе относительно числа кардиналовъ, долженствовавшаго быть пропорціально населенію, требовалъ распространенія итальянскаго конкордата на Венецію, наконецъ назначенія епископовъ, явно намекая на расколъ, какъ на неизбѣжное слѣдствіе болѣе продолжительнаго сопротивленія его повелѣніямъ [73]). Ультиматумъ этотъ однакожъ относился къ духовному владыкѣ, но былъ другой, обращенный къ свѣтскому государю, который нѣсколько уже разъ Наполеонъ ставилъ въ извѣстность Римскому двору, и который онъ возобновлялъ въ не менѣе повелительныхъ выраженіяхъ, именно приглашеніе тѣсно соединиться съ Франціею и выгнать ея враговъ съ папской территоріи. Въ сущности все это было не болѣе какъ тактика. Съ Римомъ какъ съ Португаліею онъ преувеличивалъ жалобы и количество претензій собственно для того, чтобъ одинъ какой нибудь отказъ позволилъ ему дѣйствовать по усмотрѣнію. Онъ искалъ не удовлетворенія, но предлога захватить Папскія владѣнія. Угрозы Наполеона произвели ожидаемый ужасъ на св. престолъ: папа поспѣшилъ назначить своимъ посредникомъ кардиналъ Литту. Но императоръ, рѣшившій напередъ не одобрять этого выбора, велѣлъ отвѣтить Римскому двору, что вступитъ въ переговоры только съ кардиналомъ Байяномъ, заявляя, что при дальнѣйшемъ колебаніи будетъ принужденъ

---

[73]) Наполеонъ къ принцу Евгенію, 22 сентября 1807 г. *Прим. авт.*

присоединить къ Итальянскому королевству три провинціи Анкону, Урбинъ и Камерино [74]). Это были именно тѣ провинціи, на которыя незадолго передъ тѣмъ, онъ указывалъ Евгенію, какъ на необходимыя для его сообщенія съ Неаполемъ. Убѣжденіе его въ этомъ случаѣ повидимому еще укрѣпилось. Назначеніе кардинала Байяна, на которое поспѣшилъ согласиться папа въ выраженіяхъ самыхъ дружественныхъ [75]), чтобъ смягчить его, не отсрочило ни на минуту вѣрнаго пророчества.

Въ тоже почти время когда кардиналъ выѣзжалъ изъ Рима въ Фонтенебло, генералъ Леморруа вступалъ во владѣніе провинціями св. престола именемъ императора. Это нашествіе, какъ и на Ливорно и Португалію; служило только прелюдіею мѣръ болѣе серьезныхъ и болѣе рѣшительныхъ. Но вотъ какъ Наполеонъ писалъ въ эту же эпоху: *„необходимо сдѣлать дѣло для признанія, что о немъ думали.“*

Пока приводились въ исполненіе эти предварительныя мѣры противъ жертвъ, обреченныхъ въ Тильзитѣ на покрытіе издержекъ по примиренію Франціи съ Россіею, Наполеонъ увидѣлъ какъ одна добыча, на которую онъ льстился болѣе всего, ускользала отъ него въ моментъ, когда онъ протянулъ руку, чтобъ схватить ее. Англичане забрали датскій флотъ въ Копенгагенѣ, послѣ бомбардировки этого города, и это событіе произвело въ Европѣ громадное впечатлѣніе. Какимъ образомъ Англія узнала о секретныхъ тильзитскихъ условіяхъ — до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Министры, спрошенные по этому поводу въ парламентѣ, подтверждая достовѣрность полученныхъ ими свѣдѣній, упорно отказались объявить, кто имъ сообщилъ ихъ. Есть важныя основанія предполагать, что сообщилъ ихъ сэръ Робертъ Уильсонъ,

---

[74]) Наполеонъ къ Шампаньи, 28 августа 1807 г. *Прим. автора.*

[75]) Папа Пій VII къ Наполеону, 11 сентября 1807 г. *Прим. автора.*

служившій въ теченіе двухъ лѣтъ въ русской арміи. Нельзя отрицать также, что они получили ихъ и отъ самого императора Александра, который, если вѣрить *Запискамъ* генерала Бутурлина, былъ въ душѣ привязанъ къ англійскому союзу. Достовѣрно то, что англичане знали — мало нужды какимъ способомъ, — что Наполеонъ рѣшился съ согласія Александра, овладѣть морскими средствами Даніи, чтобъ употребить ихъ противъ Англіи. „Его величество, говоритъ по этому поводу декларація Британскаго кабинета отъ 25-го сентября 1807 г.:—получилъ *самыя положительныя свѣдѣнія* о рѣшеніи, принятомъ настоящимъ главою французовъ, занять Голштинію и принудить Данію запереть Зундскіе проливы для британскихъ кораблей [76])". Англійскіе министры едва-ли были бы лучше извѣщены, еслибъ прочли письмо Наполеона къ Бернадотту.

Администрація не находилась уже болѣе въ рукахъ слабыхъ продолжателей Фокса. Неспособность, выказанная кабинетомъ Гренвилля въ веденіи войны, его разногласія съ королемъ по поводу уступокъ ирландцамъ, служившимъ въ арміи,—выдвинули друзей Питта, и новое министерство перешло къ Каннингу и Костельригу. Оба эти государственные человѣка не отличались конечно щекотливостью. Но, очутясь во главѣ власти, стоившей имъ угодливости королю, конечно они выказали болѣе энергіи, рѣшимости и смысла, нежели ихъ предшественники. Они поняли опасность, грозившую ихъ отечеству, и необходимость быстрой рѣшимости, если хотѣли разрушить намѣренія своихъ могущественныхъ противниковъ. Дѣйствительно, опасность угрожала самая неизбѣжная. Данія была не въ состояніи сопротивляться настойчивымъ требованіямъ Наполеона. Бернадоттъ съ своею арміею находился на границахъ Голштиніи. „Необходимо, чтобъ Данія объявила войну Англіи, или я объявлю

---

[76]) Annual Register. State Papers. *Прим. автора.*

войну Даніи, писалъ ему Наполеонъ 2 августа 1807 г.,—въ послѣднемъ случаѣ, вы назначены овладѣть всѣмъ датскимъ континентомъ". Извѣщеніе это преобразилось 17 августа въ формальное приказаніе [77]). Несчастный регентъ, въ виду угрозы потерять половину своихъ владѣній, давно рѣшился, или покрайней мѣрѣ обѣщалъ уступить, ибо съ 31 іюля Наполеонъ жаловался, въ письмѣ къ Талейрану, на неисполненіе *обѣщаній* Даніи; но государь этотъ зналъ, какой подвергался жестокой тираніи, основательно страшился мщенія Англіи и искалъ, какъ бы выиграть время, затягивая дѣло.

Къ несчастью этого отважнаго маленькаго народа датскаго, отданнаго на жертву спорамъ, въ которыхъ онъ хотѣлъ остаться нейтральнымъ, положеніе его не терпѣло ни какой средней мѣры, и съ той минуты, когда одна изъ воюющихъ сторонъ нарушала его нейтралитетъ, другая была роковымъ образомъ доведена до его непризнанія. Датскій флотъ, предоставленный собственнымъ средствамъ, ни мало не безпокоилъ Англію, но будучи присоединенъ къ громаднымъ средствамъ, которыми располагалъ уже Наполеонъ, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ весь континентъ дѣйствовалъ съ нимъ за-одно,—флотъ этотъ становился опаснымъ оружіемъ. Онъ состоялъ тогда изъ двадцати линейныхъ кораблей, шестнадцати фрегатовъ, десяти бриговъ и значительнаго количества канонирскихъ лодокъ. Снабженные превосходными моряками, суда эти могли быть для Наполеона могучимъ подкрѣпленіемъ и перетянуть вѣсы на его сторону. Вотъ обстоятельства, которыхъ нельзя терять изъ вида, когда хотятъ разсмотрѣть безпристрастно насилія англичанъ въ Копенгагенѣ. Англійскій министръ предупредилъ Наполеона; онъ велѣлъ бомбардировать Копенгагенъ, предложивъ пред-

---

[77]) Наполеонъ къ Бертье, 17 августа 1807 г. *Прим. автора.*

варительно Даніи защищать ее, гарантировать ея владѣнія и колоніи, предоставить въ ея распоряженіе „всѣ средства защиты морской, военной и денежной [78])“. Предвидя, по словамъ одного изъ ея адмираловъ, „зло, которое Франція намѣревалась сообщить съ помощью датскаго флота [79]), онъ тщетно настаивалъ, чтобъ ему отдали на сохраненіе флотъ, который обѣщалъ возвратить, какъ возвратилъ Португаліи. Въ глазахъ Европы на него падала вся гнусность этого событія, которое долго гремѣло; но Европѣ тогда было неизвѣстно и она узнала уже впослѣдствіи, что датскій флотъ, въ ту минуту когда онъ велѣлъ захватить его, былъ наканунѣ перехода въ руки Наполеона, которому датскій регентъ обѣщалъ уже покорность.

Почти немедленнымъ слѣдствіемъ этого происшествія было уничтоженіе предложенія посредничества, которое императоръ Александръ обязался сдѣлать Англіи. Британскій кабинетъ отвѣтилъ уже на это, требуя чрезъ лорда Левесона Гоуэра, сообщенія секретныхъ статей тильзитскаго договора. Требованіе это, прямо задѣвавшее вопросъ за живое, показало Александру, что его разгадали; оно принудило его снять маску объявленіемъ войны, что поставило наконецъ вещи въ собственномъ ихъ свѣтѣ. Истинно то, что съ Тильзита Александръ секретно служилъ только французской политикѣ, и Англія должна была предпочесть открытую непріязнь измѣнамъ притворной дружбы. Этимъ разрывомъ обнаружились обязательства, принятыя на себя Александромъ при свиданіи съ Наполеономъ, и теперь императору французовъ предстояло исполнить то, что онъ обѣщалъ Александру.

Но Наполеонъ не успѣлъ разстаться съ царемъ, какъ уже раскаявался въ своихъ значительныхъ уступкахъ. По-

---

78 British declar. Sept. 25. *Прим. автора.*

79) Прокламація адмирала Гембіи, 16 августа. *Ann. Reg.* *Прим. автора.*

добно тому, какъ во всѣхъ своихъ дипломатическихъ сдѣлкахъ, онъ старался взять обратно то, что отдалъ. Турція, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, приняла его предложеніе посредничества, что немедленно устранило предвидѣнную въ Тильзитѣ случайность войны, имѣвшей послѣдовать за раздѣленіемъ Оттоманской имперіи. Принятіе это,—весьма искусная уловка со стороны Порты,—поставило Наполеона въ необходимость потребовать, по смыслу формальнаго обѣщанія, сопровождавшаго предложеніе о посредничествѣ, предварительнаго очищенія Дунайскихъ княжествъ русскими войсками; но такъ какъ онъ словесно обѣщалъ императору Александру не настаивать на этомъ очищеніи, то очутился между двумя противорѣчивыми обѣщаніями, и его обманъ обнаружился. Къ этому неловкому положенію присоединились еще представленія Себастьяни, который энергически высказывалъ всю неполитичность допустить Турцію подпасть русскому владычеству. По всѣмъ этимъ причинамъ, Наполеонъ пожалѣлъ, что такъ далеко зашелъ съ Александромъ, и не смѣя еще нарушить такихъ недавнихъ обѣщаній, искалъ уже случая увернуться отъ ихъ исполненія.

Онъ послалъ въ Петербургъ Савари, поручивъ ему утѣшать царя великолѣпными обѣщаніями и направить противъ Швеціи желанія, которыя Александръ питалъ относительно Турціи. Но Финляндія была уже въ глазахъ его подаркомъ ничтожнымъ, а чѣмъ болѣе хотѣли привлечь его на эту сторону, тѣмъ болѣе онъ настаивалъ на томъ, что ему обѣщали съ другой. Онъ представлялъ, конечно справедливо — и собственную вѣрность въ исполненіи своихъ обязательствъ, возраставшее раздраженіе старой русской партіи, которой нужно было представить значительныя выгоды для оправданія себя за союзъ, дѣйствительно непопулярный въ Россіи— примѣръ тому холодность, съ какою русское общество встрѣтило нашего посланника. Не желая огорчить Александра, Наполеонъ тѣмъ не менѣе настаивалъ получить согласіе на

очищеніе, покрайней мѣрѣ временное, Молдавіи и Валахіи. Для большаго вліянія на императора Александра, Наполеонъ продолжалъ военное занятіе Пруссіи. По тильзитскому договору, очищеніе Пруссіи должно было совершиться по уплатѣ военной контрибуціи, сумма которой не была однакожъ условлена. Наполеонъ назначилъ ее самъ съ такою безпощадностью, которая, принявъ во вниманіе такое разоренное и истощенное государство, какъ Пруссія, была ни что иное какъ грабежъ. Сумма эта, окончательные сроки которой подлежали еще опредѣленію, простиралась до шести сотъ одного милльона двухсотъ тысячъ франковъ. Независимо отъ этой громадной для того времени цифры, Пруссія заплатила щедрый выкупъ произведеніями искусствъ и всевозможными реквизиціями [80]). Невозможностью Пруссіи расплатиться онъ воспользовался, чтобъ прокормить на ея счетъ свои войска болѣе года. Кромѣ того, присутствіе его арміи на прусской территоріи служило ему также постоянною угрозою противъ Россіи. Вскорѣ онъ не побоялся высказать ясно царю, что согласится на уступку княжествъ, лишь успѣетъ взамѣну завладѣть Силезіею. Таково было странное порученіе, которое Коленкуръ долженъ былъ передать Александру. Коленкуръ, подобно Савари, игралъ роль въ дѣлѣ герцога Энгіенскаго; правда, онъ въ этомъ принималъ далеко не прямое участье, поддержавъ только движеніе Орденера на Эттенгеймъ, но тѣмъ не менѣе это была дьявольская иронія посылать подобныхъ людей. Коленкуръ, не оспаривая словесныхъ тильзитскихъ обѣщаній, долженъ былъ объявить ихъ какъ простую предусмотрительность, нисколько необязательную, а что до очищенія Силезіи, онъ имѣлъ приказаніе

---

[80]) По донесенію Виконти, предметы искусства, взятые въ сѣверной Германіи, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: картинъ 350, рукописей 282, статуй 50, бронзов. мед. 392 и пр.

показывать видъ, что считаетъ его равносильнымъ очищенію княжествъ. Наполеонъ соглашался уступить ихъ Александру, лишь бы Александръ согласился предоставить ему этотъ послѣдній обрывокъ Пруссіи.

Когда появились эти первыя облака надъ русскимъ союзомъ, желаніе увлечь Австрію къ разрыву съ Англіею, или покрайней мѣрѣ къ вступленію въ континентальную блокаду, наконецъ предупредить всякую диверсію съ ея стороны для полнаго осуществленія различныхъ предпріятій, начатыхъ имъ на западѣ, требовало отъ Наполеона дать какое нибудь удовлетвореніе Вѣнскому двору, для полученія его согласія, Онъ колебался нѣсколько времени между мирнымъ способомъ и насиліемъ, ибо готовъ былъ поступить и съ Австріею такъ же безпощадно какъ съ Даніею; онъ достигъ наконецъ цѣли, уступивъ ей крѣпость Браунау, которую удерживалъ вслѣдствіе занятія русскими устьевъ Каттаро. Онъ не имѣлъ впрочемъ болѣе никакого предлога отказывать долѣе, потому что Россія отдала ему и Корфу и устья Каттаро. Кое-какіе обмѣны территоріи на берегахъ Изонца, устроенные полюбовно между Итальянскимъ королевствомъ и Австріею, помогли успокоить Вѣнскій кабинетъ, который очень боялся, чтобъ проектъ его посредничества, предложенный послѣ эйлаускаго сраженія, не принесъ ему несчастья. Въ этомъ Вѣнскій дворъ не ошибался, и Наполеонъ былъ далекъ, чтобъ простить ему, но съ него было пока довольно согласія Австріи на континентальную блокаду и на нейтралитетъ въ сложныхъ дѣлахъ, въ которыя онъ впутался.

Такое зрѣлище представляло Европа въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, послѣ тильзитскаго свиданія. Между двумя колоссами, подававшими другъ другу руки чрезъ развалины прежнихъ большихъ континентальныхъ державъ, не было болѣе никакой силы, могшей оказать сопротивленіе. Всѣ промежуточныя государства были парализованы безсиліемъ или страхомъ, а наши солдаты вездѣ были готовы уничтожить послѣд-

ніе слѣды независимости у тѣхъ, кого слабость или отдаленіе отдавало на произволъ бурь. Названіе *обсерваціоннаго корпуса*, какимъ Наполеонъ неизмѣнно называлъ различныя арміи, которыя посылалъ противъ Этруріи, Римскихъ владѣній, Португаліи, какъ бы имѣло цѣлью, что онъ эти державы почиталъ недостойными объявленія войны; занимая ихъ, онъ просто принималъ противъ нихъ полицейскія мѣры. Одна Данія предупредила неизбѣжное нашествіе, бросившись къ намъ въ руки послѣ копенгагенской катастрофы. Нельзя уже было овладѣть ея флотомъ, но несчастьемъ ея воспользовались для оправданія предпріятій, начатыхъ задолго до развязки англійской экспедиціи, да и самое занятіе Португаліи было представлено какъ простое удовлетвореніе за бомбардированіе датской столицы. Въ одной корреспонденціи, которую Монитеръ напечаталъ какъ бы присланную изъ Лиссабона, португальскій народъ былъ выставленъ словно самъ требовалъ, чтобъ его завоевали въ отмщеніе за Данію: „Мы хотимъ стать за общее дѣло континента, говоритъ этотъ соотечественникъ Камоэнса. — Оскорбленіе нанесенное всѣмъ государямъ жестокою копенгагенскою экспедиціею, оправдаетъ нашу войну... Мы въ ней упрочимъ *свою независимость*... Ненависть къ Англіи!—вотъ чувство настоящаго поколѣнія“ [81]). Португальцы и не подозрѣвали, что съ такимъ нетерпѣніемъ желали пожертвовать собою дѣлу континентальной блокады. Кромѣ этихъ различныхъ операцій, Наполеонъ приготовлялъ въ тайнѣ двѣ большія экспедиціи, направленныя одна противъ Сардиніи, другая противъ Сициліи, этой необходимой жемчужины въ коронѣ Іосифа. Обѣ были предназначены къ постыдной неудачѣ, увѣнчивавшей всегда его морскіе походы; но успѣхъ этихъ предпріятій казался невозможнымъ, а съ ихъ осуществленіемъ—какое могло съ той поры остановить его препятствіе?

---

[81]) Moniteur, 2 октября 1807 г. *Прим. автора.*

Между тѣмъ странно и достойно замѣчанія, что рядомъ съ беззащитными державами, противъ которыхъ Наполеонъ не имѣлъ ни одной законной жалобы, и которыхъ поражалъ только изъ честолюбія, была одна единственная, которая подала ему дѣйствительный поводъ къ жалобѣ, конечно доведенная до отчаянія длиннымъ рядомъ оскорбленій и дурнаго обращенія, и Наполеонъ вмѣсто того, чтобъ наказать ее, повидимому не помнилъ объ этомъ совершенно и казался даже къ ней благосклоннымъ и предупредительнымъ. Государствомъ этимъ была Испанія, а предметомъ жалобы прокламація принца Мира въ эпоху Іены—слабое желаніе возмущенія, тотчасъ же почти отвергнутое, но достовѣрное, хотя и прикрытое темными обстоятельствами. Занятый тогда другими дѣлами, Наполеонъ безпрекословно принялъ данныя ему объясненія; онъ довольствовался, въ видѣ залога дальнѣйшей покорности Испаніи, присылкою оккупаціоннаго корпуса изъ Ромоны на берега Балтики. Съ тѣхъ оръ, онъ устроилъ дѣло сѣвера, возвратился въ Парижъ и противъ всякаго ожиданія не вспомнилъ обиды. Испанскій дворъ, боясь одной изъ тѣхъ вспышекъ гнѣва, къ которымъ такъ привыкъ, послалъ къ нему герцога Фріаса поздравить и умилостивить его. Наполеонъ принялъ этого посланнаго чрезвычайно благосклонно, онъ не только не жаловался, а напротивъ писалъ 8 октября къ испанскому королю, благодаря за его постоянное поведеніе какъ *вѣрнаго союзника* Франціи; онъ привлекалъ его къ своимъ видамъ противъ Португаліи, настаивалъ, чтобъ онъ присоединился къ намъ принудить Англію къ миру, но ни слова о знаменитой прокламаціи. Великодушіе это было тѣмъ болѣе необыкновенно, что Наполеонъ всегда обращался съ Испаніею чрезвычайно грубо, въ то время, когда не имѣлъ никакого повода упрекать ее. Теперь же, когда онъ имѣлъ право жаловаться, имѣя на своей сторонѣ всѣ видимости,—онъ молчалъ. Казалось онъ или держалъ свое неудовольствіе въ запасѣ или совсѣмъ забылъ о немъ. Какимъ же намѣреніямъ

приписывалось это молчаніе? Какой онъ имѣлъ интересъ быть великодушнымъ? Извѣстно лишь то, что это милосердіе было невѣроятно, и что подобное новое поведеніе достаточно объясняло, что относительно Испаніи онъ питалъ какой–то замыселъ.

Но что жъ это за новый нечаянный ударъ, столь глубоко задуманный, и какими онъ осуществится средствами? Самъ Наполеонъ еще не зналъ этого, ибо онъ былъ не изъ тѣхъ, которые заранѣе опутываютъ себя опредѣленнымъ планомъ въ предпріятіи, гдѣ честолюбіе его не допускало никакихъ границъ; но онъ непремѣнно рѣшился сдѣлать что нибудь. Былъ ли этотъ планъ такъ же новъ и такъ же недавенъ, какъ привыкли утверждать обыкновенно? Давно уже Наполеонъ третировалъ Испанію какъ одно изъ жалкихъ королевствъ, въ которыхъ государь былъ номинальною властью. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что онъ въ своей рѣчи при открытіи Законодательнаго Корпуса, 16 августа 1807 г. сравнивалъ Испанію съ Голландіею, Швейцаріею, съ Неаполитанскимъ и Итальянскими королевствами: нашествія его на эту несчастную страну дѣйствительно начались гораздо раньше, нежели какъ утверждаютъ обыкновенно. Вслѣдъ за іеною, упоминая о слухахъ, появившихся по поводу прокламаціи принца Мира, онъ писалъ Камбасересу: „Откуда вы взяли, что Испанія вошла въ коалицію? *Всѣ крѣпости въ моихъ рукахъ.*“ Безъ сомнѣнія здѣсь было не безъ огромнаго хвастовства, которымъ онъ умѣлъ пользоваться при случаѣ, но въ немъ имѣлось и своя частица истины. У Наполеона были корабли и солдаты во многихъ портахъ Испаніи, онъ имѣлъ многочисленныхъ соучастниковъ между агентами испанскаго правительства, и зналъ хорошо какъ воспользоваться ими съ успѣхомъ въ данную минуту.

Между множествомъ вопросовъ, поднятыхъ происхожденіемъ этого темнаго испанскаго дѣла, есть одинъ, который французскими историками рѣшается почти неизмѣнно въ пользу

Наполеона, именно вопросъ относящійся къ его праву вмѣшиваться въ дѣла Пиренейскаго полуострова. Право это, по ихъ мнѣнію, основано во-первыхъ на измѣнѣ принца Мира, а во-вторыхъ на томъ, что они называютъ необходимостью принять мѣры относительно возрожденія Испаніи. Для оцѣнки этихъ увѣреній достаточно бросить простой взглядъ назадъ на прежнія отношенія Наполеона къ Испанскому двору. Вовлеченная въ войну противъ Англіи, въ силу договора, исторгнутаго у слабаго короля, но который обусловливалъ по-крайней мѣрѣ полную взаимность между двумя державами, Испанія нашла только насиліе, грабежи и всевозможныя оскорбленія въ союзѣ, гдѣ она надѣялась найдти покровительство и безопасность. Обманутая въ дѣлѣ этрурскихъ владѣній, въ которомъ ей дали только фиктивное королевство, въ замѣну великолѣпной колоніи, ограбленная въ эпоху Амьэнскаго трактата, стоившаго ей острова св. Тройцы, вопреки самыхъ формальныхъ статей союза, оскорбленная публично и съ крайнимъ безстыдствомъ въ особѣ своего короля во время заключенія договора о шести мильонахъ въ мѣсяцъ, она снова увидѣла себя вовлеченною въ гибельную войну противъ воли; она потеряла въ ней свои колоніи и свою торговлю, она геройски пожертвовала намъ свой флотъ при Трафальгарѣ. И въ вознагражденіе за такую покорность и преданность она въ глубокомъ униженіи видѣла какъ третировали ея короля съ величайшимъ презрѣніемъ при всякомъ случаѣ, когда онъ пытался оказать какое нибудь сопротивленіе несправедливымъ требованіямъ; она видѣла какъ Наполеонъ распоряжался самовластно всѣми средствами королевства; она видѣла какъ онъ, изгнавъ въ пользу своего брата Іосифа испанскую династію изъ Неаполя, запуталъ ее въ свои силки, доведя ее до возмущенія вслѣдствіе оскорбленій и вымогательствъ. Но это не все; послѣ всѣхъ этихъ жестокихъ испытаній, послѣ кровавой жертвы Трафальгара и вслѣдствіе переговоровъ Наполеона съ кабинетомъ Фокса, въ

Испаніи вдругъ узнали, что распоряжаясь испанскою территоріею какъ своею собственностью, этотъ вѣроломный союзникъ предлагалъ послѣдовательно Англіи и Россіи уступку Балеарскихъ острововъ для вознагражденія какого нибудь пере обобраннаго имъ государя. Давно уже мѣра терпѣнія переполнилась, и только послѣ этого послѣдняго открытія принцъ Мира считалъ удобнымъ моментъ свергнуть иго, воспользовавшись случаемъ, который представляла ему прусская война. Здѣсь надобно заявить громко, что единственная ошибка Мануэля Годоя въ этомъ проектѣ мятежа, столь рано оставленномъ, заключалась въ томъ, что онъ не предпринялъ его раньше, а въ особенности не велъ настойчиво, во что бы то ни стало, и если онъ былъ противъ кого нибудь измѣнникомъ, то развѣ противъ своей разоренной страны, проданной и униженной этимъ чужестранцемъ.

Вотъ относительно право, которое вытекало изъ мнимой измѣны принца Мира. Что же касается до того, которое мотивируютъ возрожденіемъ Испаніи, дѣлая изъ Наполеона родъ провидѣнія, назначеннаго возраждать государства, оно обнаруживаетъ у писателей, приводящихъ его, такую степень суевѣрія, что необходимо побѣдить отвращеніе, чтобъ серьезно оспаривать факты, на которыхъ опирается эта гнусная теорія возрожденія посредствомъ рабства. Что Испанія находилась въ упадкѣ со временъ Изабеллы и Карла V — оспаривать это никому не придетъ и въ голову. Огромныя усилія Испаніи въ XVI вѣкѣ для владычества надъ Европою, неслыханные размѣры, которые придала она своей колонизаціи—причина истощенія для метрополіи, а болѣе всего желѣзное ярмо католическаго деспотизма, осуществленнаго въ инквизиціи, уничтоженіе промышленнаго мавританскаго населенія, неслыханное увеличеніе монастырей—вотъ то вѣковое зло, которое преждевременно остановило столь блистательный сперва полетъ испанской націи. Не смотря на всѣ эти печальные прецеденты, философскій духъ, проникавшій всюду

въ XVIII столѣтіи, окончилъ тѣмъ, что проникъ и въ католическую Испанію. Онъ имѣлъ тамъ орудіемъ короля съ добрыми намѣреніями. Суровый Карлъ III, съ помощью просвѣщеннаго министра Аронды, ввелъ въ Испанію эру реформъ и улучшеній. Клерикальное владычество было поражено въ самое сердце въ особѣ іезуитовъ, расширена гражданская свобода, поднята промышленность. Элементы этого счастливаго возрожденія не переставали существовать въ Испаніи, но зрѣлище страшныхъ конвульсій, послѣдовавшихъ за блестящею зарею французской революціи, произвело въ этой странѣ, какъ и во многихъ другихъ, время застоя, какъ бы оцѣпенѣнія, за которымъ послѣдовала война. За этою войною съ перемѣннымъ счастьемъ, насталъ оборонительный и наступательный союзъ, болѣе гибельный для Испаніи, чѣмъ безконечныя военныя дѣйствія; но несчастья ея начались преимущественно съ назначенія Наполеона Первымъ Консуломъ. Онъ былъ главнымъ виновникомъ этого поворота къ упадку, который осмѣливаются приводить какъ доказательство правоты его захватовъ. Онъ втолкнулъ Испанію два раза въ войну, которую она отвергала; онъ разорилъ торговлю Испаніи и ея возрождающихся колоній, своими вымогательствами истощилъ испанскую казну, онъ, вопреки мнѣнія своихъ моряковъ, далъ сигналъ къ истребленію испанскаго флота, пославъ его на трафальгарскую бойню; наконецъ онъ былъ первымъ виновникомъ несогласій, начавшихъ волновать Пиренейскій полуостровъ. Если общественная ненависть соединялась уже очевидно съ именемъ и особою Мануэля Годоя, то собственно потому, что его считали орудіемъ и покорнымъ слугою французской политики, которой онъ дѣствительно подчинялся, но подчинялся проклиная ее; и если народное воображеніе, въ поискахъ за героемъ, восторгалось молодымъ Астурійскимъ принцемъ, наслѣдникомъ престола, то потому что видѣло въ немъ естественнаго врага этому вліянію.

Неужели это были права, призывавшія Наполеона исполнять роль возстановителя Испаніи? И, предположимъ, что успѣхъ увѣнчалъ бы его предпріятіе, — какое же онъ могъ оказать ей благодѣяніе? Что жь было завиднаго въ правительствѣ, которое далъ онъ Франціи? Какимъ образомъ оправдать это странное превращеніе цезаризма въ искупителя народовъ? Конечно Испанія значительно отстала на пути просвѣщенія и матерьяльныхъ улучшеній, но хотя она и подчинялась самовластному управленію, однако была далека отъ того деспотизма, который тяготѣлъ надъ Франціею. Обыкновенно объ ея положеніи въ ту минуту — судятъ по скандальнымъ придворнымъ хроникамъ и ложной статистикѣ, которую Наполеонъ велѣлъ составить для оправданія своихъ захватовъ; но если и допустить ихъ справедливость, то не въ нихъ еще заключалась вся жизнь этой страны. Испанія обладала обширною провинціальною и муниципальною свободою, подъ сѣнью которой могло возрастать и развиваться большое число благоденствующихъ и независимыхъ существованій. Нѣкоторыя изъ этихъ провинцій, какъ Наварра и Баскійскія области были настоящими республиками, опредѣлявшія свои налоги и управлявшіяся сами собою. Королевская власть была снова ограничена, но кротко и снисходительно, она не склонялась передъ закономъ, но уважала преданія, и ошибка ея преимущественно происходила отъ слабости и безпечности. Дворъ былъ вѣтренъ и испорченъ, какъ древніе дворы, но въ сравненіи съ знаменитыми скандалами императорскаго двора, даже связь королевы съ Годоемъ, кото рая приводила въ такое негодованіе добродѣтельныхъ хвалителей имперіи, могла считаться чертою патріархальныхъ нравовъ. Впрочемъ какова бы ни была испорченность придворныхъ, нація была честна и здорова. Испанецъ славился въ Европѣ своею отвагою, трезвостью, вѣрностью слову, щекотливостью относительно чести; вѣрованія его были запоздалы, но онъ имѣлъ вѣрованія. Съ основаніями столь рѣд-

кихъ качествъ народъ испанскій скорѣе могъ дать что нибудь французамъ, какими сдѣлалъ ихъ Наполеонъ, нежели заимствоваться отъ послѣднихъ. Единственный подарокъ, вполнѣ несомнѣнный, который могли ему поднести эти странные миссіонеры свободы, былъ бичъ чужестраннаго владычества.

Итакъ отбросимъ эти постыдные софизмы, которые долго служили оправданіемъ захватовъ, возвращеніе которыхъ можно дѣйствительно предупредить, лишь представляя ихъ во всей отвратительной наготѣ. Тоже можно сказать и о басняхъ, сочиненныхъ Наполеономъ и повторяемыхъ съ тѣхъ поръ благосклонными хвалителями, съ цѣлью свалить на второстепенныхъ фигурантовъ этой печальной драмы отвѣтственность за иниціативу или за дальнѣйшее развитіе дѣлъ Испаніи. Здѣсь какъ и въ Венсенской катастрофѣ, какъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ его жизни, относительно которыхъ онъ боится мстительнаго свѣта исторіи, этотъ знаменитый обманщикъ, счастливый авторъ собственной легенды, употреблялъ усилія навалить кучу двусмысленностей и противорѣчій, и, какъ покажемъ дальше, дошелъ до поддѣлки лживыхъ документовъ, чтобъ устранить себя отъ строгостей будущаго, — а успѣхъ этихъ историческихъ подлоговъ, еще болѣе можетъ быть изумительный нежели всѣ его политическія и военныя хитрости, доказываетъ, что онъ не слишкомъ ошибался на счетъ человѣческаго легковѣрія. Наполеонъ писалъ мало, — и имѣлъ причины — объ испанскихъ дѣлахъ, но за то онъ много говорилъ объ этомъ. Въ обширныхъ томахъ, имъ надиктованныхъ, встрѣчается одна только замѣтка въ нѣсколько страницъ, относительно пребываній во Франціи государей, лишенныхъ престоловъ. Въ этой замѣткѣ, фигурирующей въ его замѣчаніяхъ *Manuscrit de Sainte Hélène*, онъ старается доказать, что онъ имѣлъ большой интересъ велѣть умертвить Фердинанда VII и брата его Донъ Карлоса, смерть котораго, говоритъ онъ, все бы покончила; онъ утверждаетъ, что

совѣтъ отдѣлаться отъ этихъ двухъ молодыхъ принцевъ былъ данъ Талейраномъ — и ставитъ себѣ въ заслугу отверженіе этого совѣта. Онъ не говоритъ ничего даже о происхожденіи этой войны, но въ своихъ разговорахъ, которые, какъ онъ считалъ, будутъ тщательно подхвачены его внимательными наперсниками, и которые дѣствительно сдѣлались источникомъ, гдѣ историки чаще всего черпали свои свѣдѣнія, онъ выражается точнѣе.

Тамъ онъ положительно приписываетъ Талейрану первую мысль о нашествіи на Испанію, какъ приписалъ иниціативу, относительно убійства герцога Энгіенскаго. Онъ говорилъ это О'Меора, повторяетъ Ласказу: „Это Талейранъ, говоритъ императоръ:—побудилъ къ испанской войнѣ, *хотя и съумѣлъ показать въ публикѣ, что противился этому*" [82]). Послѣднее слово чрезвычайно характеристично. Какъ! Талейранъ съумѣлъ подбить Наполеона на это гибельное дѣло и въ то же время могъ увѣрить публику, что противился этому и еще въ глазахъ у императорской полиціи? Это уже было не искусство, но просто волшебство. Ласказъ прибавляетъ: „Также вслѣдствіе *нѣкотораго рода злости* Наполеонъ избралъ Валансай мѣстопребываніемъ Фердинанду". Конечно это не выдумка. Выборъ Валансая—имѣніе Талейрана—для тюрьмы государя, сверженнаго съ престола, часто приводился какъ доказательство дѣйствительнаго соучастья этого дипломата въ планахъ Наполеона; но отсюда видно, что должно думать объ этомъ. Это была одна изъ тѣхъ мефистофельскихъ продѣлокъ, столь любимыхъ Наполеономъ, вдохновеніемъ въ родѣ того, которое побудило его послать Савари и Коленкура къ императору Александру, и если выборъ Валансая и доказываетъ что нибудь, то скорѣе въ пользу Талейрана нежели въ его собственную, ибо доказываетъ, что

---

82) *Mémorial* Ласказа. *Прим. автора.*

на дипломата гнѣвались за его сопротивленіе, и наказывали его компрометируя. Запоздалые друзья памяти Наполеона, менѣе опрометчивые нежели ихъ предшественники, хотѣли бы теперь, чтобъ исторія не обращала никакого вниманія на журналы, составленные на о. св. Елены о ежедневныхъ разговорахъ. Пусть эти сборники исполнены ложныхъ выдумокъ — чего никто лучше насъ не доказалъ — но эти выдумки сочинены самимъ Наполеономъ, а не его наперсниками, писавшими подъ его диктовку; онѣ исходятъ неоспоримо отъ него, заключаютъ значительную часть истины, ибо только съ помощью извращенной истины составляется искусная ложь; онѣ выказываютъ одну изъ болѣе выразительныхъ чертъ его характера, и тѣмъ болѣе должны быть обсуждаемы, что служатъ первымъ источникомъ вымысловъ, которые были послѣ коментированы и украшены другими. Гдѣ была бы впрочемъ историческая справедливость, еслибъ должна была разсматривать, какъ простую фантазію, ложныя свидѣтельства, которыя оставилъ человѣкъ о себѣ и о другихъ. Поразительное согласіе журналистовъ Ласказа и О'Меары служитъ для каждаго благомыслящаго неоспоримымъ доказательствомъ вѣрности ихъ редакторовъ, но такое точное подтвержденіе, какое получили они отъ вновь вышедшаго изданія [83]), не оставляетъ болѣе никакого сомнѣнія: въ ихъ разсказахъ говоритъ самъ Наполеонъ. Переписка вѣрна касательно основанія, если не относительно формы. Журналъ полковника Кемпбеля, англійскаго коммиссара на островѣ Эльбѣ, заключаетъ въ себѣ тѣ же свидѣтельства, иногда формулированныя въ тѣхъ же выраженіяхъ. Здѣсь также еще Наполеонъ вліянію Талейрана приписываетъ иниціативу испанской войны и смерти герцога Энгіенскаго. „Талейранъ,—говоритъ онъ:—

---

[83]) *Napoleon at Fontainebleau and Elba: S-r Neil Campbell's journal.* *Прим. автора.*

попалъ въ немилость, вслѣдствіе представленія королей Баварскаго и Вюртембергскаго, у которыхъ онъ вынудилъ значительныя суммы денегъ; но онъ продолжалъ посѣщать вечера императора, и для того, чтобъ снова войти въ милость, онъ предложилъ ему воспользоваться распрями, возникавшими въ Испаніи." И онъ прибавляетъ, что Талейранъ часто убѣждалъ его „отдѣлаться отъ Бурбоновъ посредствомъ убійства".

Показаніе это, весьма подозрительное, покрайней мѣрѣ съ перваго раза, чтобъ не сказать болѣе, вмѣстѣ съ подтвержденіемъ, заключающимся въ неизданныхъ мемуарахъ Камбасереса, личности полугрубоватой, которая не могла простить Талейрану его превосходства и насмѣшекъ,—служитъ единственнымъ авторитетомъ, на который опираются еще и теперь, чтобъ свалить отвѣтственность за испанскія дѣла на этого государственнаго человѣка. Въ тогдашнихъ документахъ нѣтъ никакого слѣда его дѣйствительнаго вліянія на эти событія. Онъ участвуетъ здѣсь въ видѣ свидѣтеля, довѣреннаго лица, чиновника, но играетъ лишь роль второстепенную и пассивную. Талейранъ дѣйствительно въ эту эпоху впалъ въ полу-немилость и нисколько не вслѣдствіе представленія иностранныхъ дворовъ, но потому что, возненавидѣвъ роль, въ которой пользовались его искуствомъ, но никогда не слѣдовали совѣтамъ, онъ просилъ уволить его отъ обязанности министра иностранныхъ дѣлъ. Мѣсто его занялъ Шампаньи, орудіе болѣе покорное. При посредствѣ своего министра иностранныхъ дѣлъ Шампаньи и наперсника своего Дюрока, Наполеонъ совершаетъ всѣ предварительныя мировыя сдѣлки, долженствующія окончиться нашествіемъ на Испанію. Талейранъ, привязанный ко двору должностью оберъ-камергера, сопровождаетъ Наполеона въ Фонтэнебло, и изъ депешъ Изгвіердо видно, что онъ посвященъ нѣсколько въ проекты императора, что испанскій посланникъ въ особенности старается употребить въ свою пользу его предполагаемый кредитъ, но онъ вмѣшивается въ эти приготовительныя мѣры только

случайно и въ разговорахъ. Скажемъ больше: онъ не зналъ ихъ настоящей цѣли, онъ думалъ, что дѣло шло только объ овладѣніи провинціями Эбро, и никогда не имѣлъ другаго разговора съ Изгвіердо [84]). Всѣ рѣшительныя предложенія сдѣланы Дюрокомъ, такимъ же невольнымъ актеромъ, какъ и Шампаньи. Въ продолженіе всего этого періода, до самой развязки знаменитыхъ Байонскихъ сценъ—существуетъ полный перерывъ переписки Наполеона съ Талейраномъ; первое письмо по выходѣ его изъ министерства, написано къ нему императоромъ отъ 25-го апрѣля 1808 года, когда уже все было кончено.

Это одни только предположенія; но если всмотрѣться въ характеръ и умъ этихъ двухъ личностей, ихъ историческое прошлое, ихъ темпераментъ,—то является вопросъ—какимъ образомъ такое неправдоподобное обвиненіе могло быть принято безъ другихъ доказательствъ, кромѣ подтвержденій человѣка, столько разъ уличеннаго въ клеветѣ? Спрашивается—какъ могла установиться эта легенда о Талейранѣ, въ которой онъ, какъ злой духъ, привязывается къ Наполеону, чтобъ шагъ за шагомъ привлечь его къ пропасти? Здѣсь дѣло не въ томъ, чтобъ возстановить доброе имя этой перемѣнчивой, продажной души, но воздать каждому по заслугамъ, ибо это первая обязанность исторической справедливости. Кто знакомъ съ складомъ ума Наполеона, съ его образомъ дѣйствій и мыслей, съ его нравомъ, съ дѣлами всей жизни,—то увѣреніе, что въ столь важномъ обстоятельствѣ, въ столь обширномъ, опасномъ и столь хладнокровно задуманномъ предпріятіи, онъ могъ быть увлеченъ какъ бы противъ воли дурными совѣтами,—самая странная фантазія, какую только можно выдумать. Какъ! онъ человѣкъ скрытный по преимуществу, не

[84]) Любопытныя депеши Изгвіердо изданы вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными документами въ *Mémoires pour servir à l'histoire, de la révolution d'Espagne de Torrente (Nellerto).* *Прим. автора.*

слушавшій ни чьихъ совѣтовъ кромѣ собственныхъ, открывавшій свои намѣренія только послѣ ихъ исполненія, онъ такой знатокъ и искусникъ въ измѣнахъ, совершившій столько самыхъ утонченныхъ коварствъ, представляется намъ въ видѣ заблудшаго, испорченнаго безнравственными совѣтниками, въ видѣ добраго молодаго человѣка, развращеннаго примѣрами дурнаго сообщества! Онъ взываетъ къ этому извиненію, приличному только женщинамъ и дѣтямъ, и ему даруютъ его безъ всякой справки, основываясь только на его словѣ! И вотъ спѣшатъ оправдать эту невинную душу, какъ будто возможно обольщеніе, какъ будто эти гнусныя мошенничества не носили до малѣйшихъ подробностей отпечатка его руки, его коварнаго генія; словно изъ каждой перипетіи этой умно-веденной комбинаціи и даже изъ самой тѣни этихъ черныхъ козней не подымался вопль, торжественный крикъ очевидности: *tu es ille vir*—это ты сдѣлалъ!

Наполеонъ въ этомъ обстоятельствѣ подчинялся тѣмъ менѣе вліянію Талейрана, что не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на его совѣты и во множествѣ случаевъ, гдѣ имѣлъ большой интересъ имъ слѣдовать. Именно въ эпоху Аустерлица, когда благосклонность его къ Талейрану доходила даже до дружбы, мы видѣли, какъ онъ съ невозмутимымъ упрямствомъ, иногда даже съ насмѣшкою, отвергалъ всѣ старанія, дѣйствительно чрезвычайно замѣчательныя, этого министра привести императора къ болѣе разумной и умѣренной политикѣ. Мнѣнія Талейрана, за которыя говорили и разсудокъ, и сила вещей, и одобренія всѣхъ благомыслящихъ, ни на одну іоту не измѣнили плановъ безразсудной политики; а теперь хотятъ, когда дѣло коснулось предпріятія столь опаснаго, столь противнаго видамъ этого умѣреннаго прозорливаго ума, врага всѣхъ крайностей,—теперь хотятъ, чтобъ эти мнѣнія сдѣлались побудительною причиною рѣшимости! Талейранъ мало былъ расположенъ къ щекотливости; прежде всего это былъ угодливый царедворецъ; но никогда у него не оспаривали такта

и находчивости. Давно уже его испугалъ безумный ходъ и гигантскія стремленія политики Наполеона; здравый смыслъ его возмутился и встревожился. Какая же ему выгода была толкать его противъ своего убѣжденія, въ такія громадныя затѣи? Напротивъ собственный интересъ требовалъ отвращать его отъ этого, хоть бы даже для того, чтобъ сохранить выгоды своего привилегированнаго положенія. Во всякомъ случаѣ это не былъ человѣкъ, который скомпрометировалъ бы себя безполезными возраженіями, и очень вѣроятно, что будучи посвященъ немного позже въ эти намѣренія, которыя уже приводились въ исполненіе и о которыхъ съ нимъ не совѣтовались, онъ рѣшился согласиться на то, чему уже не могъ помѣшать; но подобное согласіе не имѣетъ ничего общаго съ приписываемымъ ему вліяніемъ. Такъ какъ роль, которую ему придаютъ, противна и его интересамъ, и его характеру, и извѣстной наклонности въ пользу умѣренности, то обвинителямъ его надлежитъ представить доказательства болѣе вѣскія нежели доводы, лишенные всякаго вѣроятія.

Что бы ни говорили, по словамъ самого Наполеона, чтобъ затемнить этотъ вопросъ отвѣтственности, столь важной въ исторіи,—чѣмъ ближе къ нему присматриваешься, тѣмъ яснѣе видно, что въ дѣлѣ Испаніи, какъ и въ дѣлѣ герцога Энгіенскаго, Бонапарте совѣтовался только съ своими необузданными страстями: инціатива—его, мысли—его, самое исполненіе—его, ибо агенты ничего не дѣлаютъ безъ его приказанія. Съ самаго момента, когда онъ касается Этруріи, испанскаго владѣнія, въ его умѣ зрѣетъ уже эта гибельная мысль, уже зародившаяся прежде, и шагъ за шагомъ можно прослѣдить ея развитіе. Въ предупрежденіе протестовъ со стороны Испанскаго двора, онъ предлагаетъ ему послѣдки Браганцкаго дома, котораго заставилъ подписать ультиматумъ; и этотъ раздѣлъ Португаліи послужитъ ему въ свою очередь средствомъ къ нечувствительному порабощенію Испаніи. Что

же касается его ультиматума, то онъ самъ знаетъ непримѣнимость его до такой степени, что не ожидаетъ даже отвѣта отъ регента, чтобъ распорядиться Португаліею. Онъ получилъ этотъ отвѣтъ только 12 октября, а съ 25 сентября поручилъ уже Дюроку войдти въ соглашеніе съ Изгвіердо относительно раздѣла Португаліи. Представители этой несчастной страны, столь недостойно принесенные въ жертву за то, что повѣрили договору, подписанному Наполеономъ, сдѣлали для его умилостивленія всѣ уступки, какихъ могъ требовать оскорбленный побѣдитель, или союзникъ, которому измѣнили. Они не только согласились пристать къ континентальной блокадѣ, конфисковать англійскіе товары, запереть англичанамъ порты, но обязались объявить войну Англіи, своей старинной союзницѣ, будучи убѣждены, что эта мѣра, исторгнутая у нихъ несчастьемъ, не будетъ вмѣнена имъ въ преступленіе. На одинъ только пунктъ условій, продиктованныхъ Наполеономъ, регентъ послалъ умоляющее представленіе. Онъ считалъ несовмѣстнымъ съ своею честью конфисковать частную собственность, принадлежавшую англичанамъ, и не могъ утвердить этой статьи. Этого только и нужно было Наполеону; онъ тотчасъ же отозвалъ своего посланника изъ Лиссабона и приказалъ Ожеро вступить въ Испанію, чтобъ идти на Португалію [85]).

Заявляя объ этомъ фактѣ Испанскому королю, въ тотъ же день, 12 октября, Наполеонъ писалъ ему: „Я условлюсь съ вашимъ величествомъ, чтобъ поступить съ Португаліею, какъ вамъ будетъ угодно, и во всякомъ случаѣ верховное владычество будетъ принадлежать вамъ, какъ вы, кажется, того желали.“ Карлъ VII ни мало не хотѣлъ этого безпокойнаго подарка, онъ принялъ его противъ воли, какъ вознагражденіе за Этрурію, но далеко еще не подозрѣвалъ—какую пользу

[85]) Наполеонъ къ Шампаньи, 12 октября 1807 г.; военному министру Кларке того же числа. *Прим. автора.*

Наполеонъ намѣревался извлечь изъ этого благодѣянія. Онъ и не думалъ, что становясь солидарнымъ съ этими беззаконіями онъ отдавался въ руки могущественному сообщнику. Что намѣреніе завладѣть всѣми или частью испанскихъ провинцій явилось въ этотъ моментъ въ головѣ Наполеона, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Жюно уже вступилъ въ Испанію, а монархъ его послалъ ему 17 октября инструкціи, въ числѣ которыхъ находятся эти знаменательныя строки:

„Прикажите мнѣ сдѣлать описаніе всѣхъ провинцій, чрезъ которыя вы пройдете, дорогъ, характера мѣстности, и пришлите мнѣ. Поручите *инженернымъ офицерамъ* эту работу, *которую очень важно имѣть.* Чтобъ я могъ видѣть разстояніе между деревнями, характеръ страны и ея средства.“ Здѣсь дѣло шло, какъ это весьма очевидно, объ Испаніи, а не о Португаліи. Странный способъ являться въ дружественную страну! Къ чему могли стремиться подобныя распоряженія? Съ какою цѣлью инженернымъ офицерамъ снимать планы въ краю, чрезъ который проходятъ въ качествѣ союзниковъ? Все это странно и подозрительно.

Но возможно ли безпокоиться? Наполеонъ возобновилъ переговоры съ Изгвіердо и въ ту самую минуту, согласно съ нимъ, составлялъ условія знаменитаго Фонтэнеблосскаго трактата, который предлагалъ Испаніи добычу, которой она жаждала, и въ то же время приготовлялъ Наполеону выходъ на сцену. Онъ предоставляетъ Испаніи самыя неожиданныя выгоды. Онъ хочетъ, чтобы всѣ были успокоены и удовлетворены. Принцъ Мира, боясь ненависти наслѣдника престола, опасается случайностей будущаго: ему устраиваютъ въ южной Португаліи независимое княжество, откуда со временемъ онъ можетъ бравировать своихъ непріятелей; Этрурская королева недовольна и ограблена: ей съ дѣтьми даютъ на сѣверѣ другое княжество подъ названіемъ *сѣверной Лузитаніи.* Испанскій король въ свою очередь желаетъ удо-

влетворенія,—ему обѣщаютъ половину Португальскихъ колоній и даютъ пышный титулъ *императора обѣихъ Америкъ.* Въ этомъ раздѣлѣ такой богатой добычи Наполеонъ забываетъ только самого себя. Ему достаточно осчастливить своихъ союзниковъ, и онъ оставляетъ у себя на сохраненіи только провинціи Бейру, Трасъ-осъ-Монтесъ, Эстрамадуру, центръ и сердце Португаліи, и это единственно„ *чтобъ располагать ими въ пользу всеобщаго мира* [86]),“ и въ этомъ случаѣ ихъ обладатель, кто бы онъ ни былъ, долженъ признать верховную власть короля Испанскаго. Однако среди этихъ столь успокоительныхъ статей втиснулась одна, вброшенная какъ бы небрежно въ концѣ одного прибавленія, которая для менѣе довѣрчиваго наблюдателя, какъ Изгвіердо, не предвѣщала бы ничего хорошаго для испанской монархіи. Въ этой статьѣ значится, „что новый французскій корпусъ въ 40,000 человѣкъ соберется въ Байонѣ, чтобъ быть готовымъ вступить въ Испанію и перейдти въ Португалію, въ случаѣ англичане прислали бы подкрѣпленіе и грозили нападеніемъ [87]).“ Дѣйствительно это значило предвидѣть несчастье очень издалека. Жюно вступилъ съ 25,000 человѣкъ, Испанія посылаетъ столько же. Какимъ же образомъ предполагаютъ, что эти 50,000 человѣкъ, которымъ Испанія такъ легко можетъ послать подкрѣпленіе, очутились бы въ опасности отъ весьма гадательной высадки англичанъ и были недостаточны для ихъ отраженія?

Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, предположеніе не безусловно невозможно, хотя цифра 40,000 была бы преувеличена, и подкрѣпленіе гораздо больше экспедиціоннаго корпуса. Испанскій уполномоченный однакожь принялъ предосторожность прибавить въ статьѣ, „что новый корпусъ вступитъ въ Испа-

[86]) Фонтенеблосскій трактатъ, статьи III и VIII. *Прим. автора.*
[87]) Прибавленіе къ статьѣ IV. *Прим. автора.*

нію не иначе, какъ съ согласія обѣихъ договаривающихся сторонъ.“ Ему не пришло въ голову, что французскій корпусъ, очутясь на этой беззащитной границѣ, можетъ легко вступить, не спрашивая дозволенія. Наполеонъ, безъ сомнѣнія, не способенъ къ подобному нарушенію слова; извѣстно, какое уваженіе внушаютъ ему границы! Еслибъ неразсудительный министръ Испанскаго короля могъ читать новыя инструкціи, посланныя Наполеономъ Жюно 13 октября, чрезъ три дня послѣ подписи Фонтэнеблосскаго трактата, онъ менѣе вѣровалъ бы въ его добрыя намѣренія, и началъ бы питать нѣкоторое подозрѣніе. Въ письмѣ этомъ Наполеонъ предлагаетъ своему генералу явиться въ качествѣ друга, „вступить на португальскую территорію какъ на *территорію испанскую*“,—сближеніе, не имѣющее ничего успокоительнаго для послѣдней—и прибавляетъ немного ниже: „Я уже велѣлъ сообщить вамъ, что уполномочиваю васъ вступить *въ качествѣ союзника*—это для того, чтобъ вы могли овладѣть флотомъ, *но что я уже рѣшилъ овладѣть Португаліею.*“ Овладѣть ею для Испаніи, подумаютъ безъ сомнѣнія? Ни мало, ибо онъ оканчиваетъ слѣдующими словами: „Какъ только вы будете имѣть въ рукахъ различныя крѣпости, назначьте французскихъ комендантовъ и овладѣйте этими крѣпостями. Не имѣю надобности говорить вамъ, *что не должно оставлять въ рукахъ испанцевъ никакой крѣпости*, въ особенности въ сторонѣ, которая должна остаться у меня въ рукахъ.“ (Со словъ трактата).

Эти точныя предписанія, посланныя Жюно немедленно по заключеніи трактата, и приказанія снять инженернымъ офицерамъ планы испанскихъ мѣстностей, а также сосредоточеніе сорокатысячнаго корпуса на испанской границѣ—три эти обстоятельства достаточно указываютъ, что Фонтэнеблоскій трактатъ не только ни минуту не считался серьезнымъ въ глазахъ его автора, какъ предполагаютъ, но Наполеонъ смотрѣлъ на него, какъ на болѣе легкое средство

обмануть Испанію, какъ на предлогъ занять ея территорію, какъ на введеніе къ болѣе обширнымъ замысламъ. Послѣднимъ, не менѣе знаменательнымъ указаніемъ предпріятій Наполеона, служитъ сохраненіе безусловной тайны, которой онъ требуетъ отъ короля Карла относительно всѣхъ, кто могъ бы открыть ему глаза. Фонтэнеблосскій трактатъ остается тайною для всѣхъ министровъ [88]). Между этою слабою головою и императоромъ не должно быть никакихъ посредниковъ. Толкованіе трактата, раздѣлъ добычи, поддержка съ обоюднаго согласія военнаго занятія — сколько случайностей, споровъ, неожиданныхъ удачъ можетъ выйдти изъ этого, въ особенности въ обезсиленной, раздираемой партіями странѣ, и для человѣка столь искуснаго изобрѣтать случайности и пользоваться ими! Ему теперь только этого и нужно, всѣ горючіе матерьялы для громаднаго пожара собраны, не достаетъ только искры; ему стоитъ только подождать, а остальное докончитъ его коварство и фортуна.

---

[88]) Это фактъ, сперва заявленный Цеваллосомъ въ его знаменитомъ *Отчетѣ* (1808), оспариваемый потомъ Эскониквизомъ, былъ подтвержденъ неопровержимымъ образомъ *Мемуарами* Азанзы и О'Фарилля—такими-же министрами короля Карла какъ и Цеваллосъ. *Прим. автора.*

ГЛАВА V.

Учрежденіе дворянства. — Уничтоженіе Трибуната. (Августъ— октябрь 1807).

Пока Наполеонъ на различныхъ пунктахъ приготовлялъ все для возженія войны, Франція, вѣря его обѣщаніямъ, наперерывъ торжествовала благоденствіе мира. Довольно, онъ сказалъ; онъ дастъ наконецъ какой нибудь отдыхъ этой истощенной странѣ и займется внутреннимъ благосостояніемъ. Онъ хочетъ быть самъ своимъ первымъ министромъ и возобновить въ экономическомъ порядкѣ всѣ чудеса, составлявшія его военную славу. Онъ достаточно уже игралъ роль полководца, пора ему приложить свой геній къ развитію богатствъ Франціи; онъ хочетъ увеличить во сто разъ ея промышленные и торговые источники. Англія, правда, еще противится, но что нужды, если весь континентъ покоренъ? Чтобъ смирить ее нужно только предоставить ей зачахнуть въ одиночествѣ. Вотъ мечты, которыя Наполеонъ ободряетъ объясненіями, принимаемыми съ жадностью.

При своемъ возвращеніи въ Парижъ онъ былъ встрѣченъ съ такою лестью, низость которой превосходитъ все доселѣ виданное въ этомъ родѣ, и о которой будутъ упоминать въ самомъ отдаленномъ потомствѣ каждый разъ, когда захотятъ указать на крайнюю степень униженія, до какого могутъ

дойдти люди, заклейменные рабствомъ. „Государь, сказалъ ему президентъ сената, Ласепедъ, исчерпавъ всевозможныя гиперболы и вспоминая подвиги послѣдней кампаніи:— вотъ чудеса, для вѣроятія которыхъ потребовались бы цѣлыя столѣтія, и для совершенія которыхъ вашему величеству потребовалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ... Нельзя достойно восхвалить ваше величество. Ваша слава слишкомъ возвышенна: необходимо стать на разстояніе потомства, чтобъ открыть ея исполинскую высоту". Сегье сказалъ отъ имени апелляціонной палаты: „Наполеонъ выше человѣческой исторіи. Онъ выше удивленія; только любовь въ состояніи возвыситься до него!" Архіепископъ парижскій напрасно пытался бороться съ Сегье; онъ заявилъ, „что лѣтописи міра не представляютъ другаго столь чудеснаго и памятнаго примѣра", но это показалось блѣднымъ, холоднымъ и почти подозрительнымъ. Но Фрошо, сенскій префектъ, заслужилъ пальму первенства съ помощью остроумнаго способа, съ которымъ онъ съумѣлъ унизить своихъ соперниковъ, превознося властелина: „*Всѣ эти дѣла*, воскликнулъ онъ въ какомъ-то экстазѣ:—*дѣйствительно выше нашего понятія*. Единственное средство выразить ихъ — будетъ молчаніе, налагаемое изумленіемъ" [89]).

Засѣданіе Законодательнаго Корпуса было открыто 16 августа рѣчью, въ которой Наполеонъ выставилъ въ широкихъ чертахъ событія, измѣнившія поверхность Европы. Онъ говорилъ, что во всемъ, что сдѣлалъ, имѣлъ въ виду лишь *благо своихъ народовъ*, которое въ его глазахъ дороже для него собственной славы. Потомъ онъ обратился къ самой націи выразить свое удовольствіе: „Французы, сказалъ онъ:—поведеніе ваше въ это послѣднее время, когда вашъ императоръ находился болѣе нежели за 500 миль, *увеличило и мое уваженіе и мнѣніе, какое я имѣлъ о вашемъ харак-*

---

[89]) Moniteur, 29 ноября 1807 г. *Прим. автора.*

терѣ. Я горжусь быть первымъ между вами, вы добрый и великій народъ!" И для того, чтобъ рѣшительно доказать, что онъ считалъ этотъ народъ въ особенности *добрымъ*, и выразить свою признательность, онъ заявилъ, „*что имѣя въ виду воспрепятствовать возвращенію всѣхъ феодальныхъ титловъ, несовмѣстимыхъ съ учрежденіями имперіи*, онъ создалъ различныя имперскія званія для приданія новаго блеска главнѣйшимъ подданнымъ". Учреждать новое дворянство для того, чтобъ помѣшать возврату феодализма! Дѣйствительно, надобно было сильно разсчитывать на *доброту* французовъ, чтобъ даровать имъ подобное благодѣяніе въ столь откровенныхъ выраженіяхъ! Съ помощью такой же фразеологіи, въ декретѣ, возстановлявшемъ государственныя тюрьмы, Наполеонъ приводитъ одну изъ причинъ, основанную на необходимости „гарантировать свободу и равенство". Этотъ драгоцѣнный подарокъ сопровождался обѣщаніемъ, осуществить которое было не такъ легко: „Я хочу, говоритъ Наполеонъ:—чтобы во всѣхъ частяхъ моей имперіи, *даже въ самой маленькой хижинѣ*, благосостояніе граждан *и цѣнность земли* увеличивались, вслѣдствіе общей системы улучшеній, которую я составилъ". Наконецъ императоръ заявилъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ, „что онъ обдумалъ разные способы для *упрощенія* и *усовершенствованія* учрежденій". Усовершенствованіе это было дворянство; упрощеніе это было уничтоженіе Трибуната.

Созданіе большихъ помѣстій и огромныя пожалованія начались еще съ 1806 года. Наполеонъ хотѣлъ ихъ распространить и обобщить посредствомъ полной системы, и хотя статутъ относительно императорскаго дворянства обнародованъ только 11 марта 1808 г., однако я буду говорить о немъ теперь, потому что большая часть приготовительныхъ мѣръ этого статута предупредила обнародованіе его нѣсколькими мѣсяцами. Возстановленіе дворянства—одно изъ дѣйствій, которое Наполеонъ осуждалъ охотнѣе всего на о. св.

Елены. Правда, онъ открылъ въ этомъ учрежденіи впослѣдствіи множество выгодъ, о которыхъ никогда не думалъ, и между прочимъ *примиреніе Франціи съ Европою* [90])—предметъ, который, казалось, не слишкомъ занималъ его во время его царствованія. Но онъ сознавалъ, что въ концѣ концовъ оно оскорбляло духъ равенства націи, и ему самому принесло больше вреда, нежели пользы. Разсматривая съ точки зрѣнія успѣха, мѣра эта въ самомъ дѣлѣ никогда не была популярною, даже у многихъ изъ тѣхъ, для кого она, казалось, исполняла наилучшія желанія. Она не была ни въ понятіяхъ, ни въ интересахъ, ни въ нравахъ. Привилегированный классъ до революціи жалѣлъ о своихъ прежнихъ титлахъ; никто не думалъ требовать новыхъ. Видно изъ „Корреспонденціи" Наполеона, что онъ принужденъ былъ приказать Бернадотту, чтобъ тотъ носилъ титулъ принца Понте-Корво. Почетный легіонъ, который представляли теперь какъ родоначальника новаго дворянства, постановивъ прежде, что онъ предназначался для предупрежденія возврата этихъ суетныхъ отличій, пріобрѣлъ огромную популярность, хотя сперва и отвергался всѣми свѣтлыми людьми; но императорское дворянство, не заслуживъ ни ненависти, ни любви въ продолженіе эфемернаго своего существованія, сохраняло всегда въ глазахъ народныхъ классовъ нѣчто смѣшное. Отчего? Они конечно затруднились бы вывести причины; однакожь въ этомъ случаѣ ихъ инстинктъ былъ гораздо проницательнѣе, нежели такъ называемые глубокіе разсчеты автора этого искусственнаго произведенія.

Народъ чувствовалъ смутно, что эта аристократія, импровизированная въ нѣсколько часовъ, по капризу воли человѣка, считавшаго себя призваннымъ дополнять дѣло столѣтій, и открытая какъ пріютъ для ветхихъ остатковъ раб-

---

[90]) Mémoiral Ласказа. *Прим. автора.*

скаго чиновничества,— было все что угодно, только не аристократія. Учрежденіе ея дѣйствительно устраняло большую часть неудобствъ, въ которыхъ упрекаютъ олигархіи, но оно не представляло никакихъ преимуществъ дворянства и слѣдовательно было только тягостнымъ повтореніемъ. Аристократическія учрежденія имѣли свою причину бытія въ исторіи; аристократы часто занимали главныя мѣста, не смотря на свои недостатки, развивали великіе характеры, серьезныя добродѣтели, развивали рѣдкіе примѣры человѣческаго существа; но, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, самую сущность аристократіи составляетъ власть, потому что нѣтъ аристократіи безъ независимости. Въ особенности въ странахъ монархическихъ аристократія не можетъ имѣть другой причины бытія, потому что самыми привилегіями своими ставитъ преграду захватамъ королевской власти.

Итакъ во всѣхъ странахъ, гдѣ аристократія съумѣла выполнить это великое назначеніе, она осталась любима націею, не смотря на неудобства, неразлучныя съ ея существованіемъ и помимо постояннаго стремленія цивилизаціи къ соціальному равенству. Когда она успѣвала предохранить народъ отъ абсолютной власти, можно сказать, что она оправдала свое существованіе и можно отпустить ей. Во Франціи напротивъ, гдѣ аристократія никогда не умѣла своими заслугами пріобрѣсти прощенія за свои привилегіи, гдѣ со всѣми своими блестящими и благородными качествами, она всегда выказывала полную политическую неспособность, гдѣ, въ особенности со временъ Людовика XIV, она было только дополненіемъ къ королевской пышности, даже осуществленіемъ царедворческаго духа, учрежденіе это оставило лишь ненавистныя воспоминанія, и, можетъ быть, въ правѣ будутъ сказать, что оно не мало способствовало мутить и развращать уравнительныя страсти, столь часто увлекаемыя за предѣлы ихъ цѣли. Конечно Наполеонъ подымалъ дворянство не какъ преграду абсолютной власти, ибо онъ не давалъ ему ни одного

атома политическаго вліянія; оно въ глазахъ его, какъ и въ глазахъ Людовика XIV, было не болѣе, какъ родъ почетнаго кортежа, предназначеннаго возвысить блескъ трона. Но здѣсь разстояніе между намѣреніемъ и произведеннымъ эффектомъ было такъ велико, что оно одно объясняетъ насмѣшливую улыбку, встрѣчавшую повсюду новое дворянство. Дворянство Людовика XIV мало имѣло дѣйствительной власти, хотя еще и пользовалось значительными привилегіями, но оно имѣло покрайней мѣрѣ гордыя преданія, монополію изящныхъ манеръ и несравненной элегантности, обаяніе древности рода, однимъ словомъ все положительно чуждое наполеоновскому дворянству. Всякая аристократія, стремящаяся къ продолженію въ потомствѣ, принуждена принимать въ свою среду новыхъ людей, которыхъ она мало-по-малу проникаетъ своимъ духомъ, и которые въ этомъ превращеніи не всегда избѣгаютъ смѣшнаго; но не была никогда видана въ мірѣ эта аристократія, вся составленная цѣликомъ изъ выскочекъ, это дворянство, всѣ члены котораго были *мѣщанами во дворянствѣ*. Эти импровизированные дворяне были тѣмъ болѣе неуклюжи въ столь новой для нихъ роли, что не имѣли другаго руководства, кромѣ собственныхъ претензій, и тѣмъ менѣе способны были прибавить какой нибудь блескъ трону, что все имѣли отъ него, и относительно императора были поставлены въ положеніе самой узкой и униженной зависимости.

Ничтожное съ политической точки зрѣнія, новое дворянство было ничтожно и съ точки зрѣнія обаянія, и ни въ чемъ не отвѣчало духу тщеславія, вдохновившему его автора. Что-же касается до поводовъ, офиціально представленныхъ Камбассересомъ и Ласепедомъ—обязательными хвалителями этой мѣры, публика упорно отказалась считать ихъ серьезными. Это, говорили они, дворянство, основанное на заслугахъ, а не на привилегіяхъ, дань, принесенная культу предковъ, послѣдній ударъ феодальному дереву, новая награда, при-

бавленная къ публичнымъ наградамъ. Но всѣ знали, начиная съ мыслителей XVIII вѣка, что заслуга—дѣло личное, и это значило скорѣе отрицать ее, нежели поощрять, сдѣлать изъ нея имущество, передаваемое потомству. Да и самая передача почестей предназначалась только богатымъ, въ ущербъ бѣдныхъ, ибо, по опредѣленію статута, чтобъ передать титло *принца* необходимо было удостовѣреніе въ доходѣ двухъ сотъ тысячъ франковъ, титлу *графа* нуженъ былъ доходъ въ тридцать тысячъ франковъ, и наконецъ пятнадцать тысячъ для *барона* и три тысячи для *кавалера*. Титло ничего не значило безъ денегъ; будучи лишено этого могущественнаго знаменателя, оно погибало вмѣстѣ съ своимъ обладателемъ.

Не менѣе смѣшно было бы претендовать, что учрежденіе дворянства устраняло привилегіи и такимъ образомъ не нарушало принципа равенства. Всѣмъ было извѣстно, что статутъ возстановлялъ въ пользу вновь пожалованныхъ дворянъ привилегированную собственность, предоставлялъ имъ учреждать неотчуждаемые майораты, передаваемые мужскому колѣну по праву первородства, въ нарушеніе принциповъ гражданскаго кодекса. Наконецъ была странная иллюзія воображать, что наносился послѣдній ударъ древнему дворянству возстановленіемъ всѣхъ предразсудковъ, составлявшихъ его силу. Относительно титловъ старинное дворянство всегда превосходило въ важности новѣйшее, и если что могло дать старымъ титламъ всю утраченную ими цѣнность, то безспорно одно возобновленіе этого обветшалаго учрежденія. Независимо отъ этой унизительности, возникающей изъ неизбѣжнаго уравненія, почести эти подверглись нѣкотораго рода уничиженію, вслѣдствіе щедрости, съ которою были раздаваемы, и самаго способа ихъ раздачи. Онѣ не назначались извѣстнымъ лицамъ въ силу спеціальнаго выбора императора и во вниманіе личныхъ заслугъ, но слѣдовали по праву извѣстнымъ категоріямъ чиновниковъ, какъ рядъ до-

бавочной награды, присущей ихъ должности. Входили въ бюрократическую винтовальную машину простымъ чиновникомъ, а выходили графомъ или барономъ. Это была настоящая самопроизвольная порода, быстро поднявшая всѣ старые пергаменты. Высшіе сановники были—принцы; министры, сенаторы, архіепископы, статсъ-секретари—графы; президенты избирательныхъ коллегій, президенты палатъ, мэры главныхъ городовъ были бароны; члены Почетнаго Легіона были кавалеры. Что-же касается префектовъ, генераловъ, офицеровъ, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ,— императоръ предоставлялъ себѣ право выбора.

Императорское дворянство, эти странные похороны нравовъ и понятій прежняго правительства, сбитыхъ съ настоящаго пути, по мнѣнію Наполеона, составляло административный механизмъ. Оно имѣло въ его глазахъ другую заслугу—конфисковать въ свою пользу всѣ прежнія и новѣйшія отличія и выбивать ихъ съ его портретомъ, какъ мелкую монету его собственной славы. Онъ хотѣлъ, чтобъ въ новой Франціи все считалось съ него, и онъ охотно закутывалъ старинныя знаменитости республики въ титла, напоминавшія только имперію, и подъ которыми спутанное воспоминаніе находило только его креатуру. Когда говорили Массена, то думали о Цюрихской побѣдѣ; но когда говорили герцогъ Риволи, думали о человѣкѣ, создавшемъ этого герцога. Онъ надѣялся постепенно снять нѣкоторымъ образомъ *клеймо* съ стараго дворянства, заставивъ его посредствомъ милостей, которыми располагалъ, надѣть его собственную ливрею, и дѣйствительно онъ добился до нѣкотораго количества этихъ интересныхъ превращеній. Ему доставляло удовольствіе — изъ стариннаго герцога дѣлать новаго графа,—рѣшительная демонстрація въ пользу превосходства его дѣла.

Для того, чтобы въ средѣ новаго дворянства обезпечить преобладаніе военнаго элемента, который онъ основательно считалъ главнымъ двигателемъ своей системы, онъ своимъ

товарищамъ по оружію произвелъ новую раздачу того, что онъ называлъ *продуктами* войны. Въ его глазахъ это было единственное вѣрное средство привязать ихъ къ своей особѣ и привлечь къ своему дѣлу. Съ первой еще итальянской кампаніи, онъ началъ примѣнять эту теорію, открыто объявленную въ прокламаціяхъ; но будучи принужденъ иногда дѣйствовать съ весьма ограниченными средствами и остерегаясь общественнаго мнѣнія, онъ не могъ дать всего простора своимъ идеямъ. Теперь же, когда онъ дѣйствовалъ на всю Европу и никакая сила не была въ состояніи воспрепятствовать его волѣ, онъ осуществилъ въ полномъ объемѣ виды, которые обнаруживалъ до тѣхъ поръ только по частямъ. Въ концѣ концовъ этотъ пріемъ былъ тотъ-же самый, какой употребляли варвары-завоеватели, раздавая своимъ товарищамъ земли и богатство побѣжденныхъ. Въ Италіи, Польшѣ, Ганноверѣ, Испаніи, Вестфаліи Наполеонъ завладѣлъ имѣньями на сумму около двухсотъ пятидесяти милльоновъ. Онъ былъ, говорятъ, законнымъ ихъ владѣльцемъ, ибо имѣнія эти достались отъ прежнихъ государей, духовныхъ или свѣтскихъ, а не отъ народа: софизмъ удобный для грабителей, потому что если побѣда можетъ передавать особѣ побѣдителя права на собственность побѣжденнаго, то Наполеонъ имѣлъ столько же права для овладѣнія имуществомъ народовъ, какъ и имуществомъ государей. Притомъ, какимъ образомъ поддерживать, что народы не имѣли никакого права на имѣнія существенно національныя, что они могли равнодушно смотрѣть на переходъ этихъ имѣній въ чужія или непріятельскія руки?

Часть этихъ имуществъ Наполеонъ отдалъ коронованнымъ слугамъ, которымъ въ различныхъ странахъ образовалъ королевства. Остальное, на сумму около полутораста милльоновъ, роздалъ важнѣйшимъ генераламъ въ видѣ майоратовъ. Съ этими пожалованьями, которыя были увеличены еще впослѣдствіи, иные изъ нихъ получили до милльона дохода.

Желая въ тоже время удовлетворить болѣе быстрымъ способомъ жажду поскорѣе насладиться, которая приняла безразсудные размѣры у этихъ солдатъ, отрѣшившихся отъ всякаго стариннаго патріотическаго честолюбія и мало увѣренныхъ въ будущемъ, при столь требовательномъ властелинѣ, онъ взялъ въ счетъ слѣдуемой контрибуціи одиннадцать миллъоновъ и отдалъ имъ половину наличными, половину государственною рентою. Бертье получилъ миллъонъ, Ней, Даву, Сультъ, Бессьеръ по шестьсотъ тысячъ, Массена, Бернадоттъ, Мортье, Викторъ по четыреста тысячъ и т. д. На офицеровъ и солдатъ онъ раздалъ осьмнадцать миллъоновъ, распредѣленныхъ пропорціонально за службу и за раны.

Награды, выданныя Наполеономъ высшимъ гражданскимъ чинамъ были столь незначительны въ сравненіи съ военными, что невозможно ошибиться въ его намѣреніи оказать видимо предпочтеніе военному элементу предъ гражданскимъ. Въ этомъ случаѣ онъ слѣдовалъ истинѣ и логикѣ своей системы; онъ дѣйствовалъ какъ диктаторъ и вмѣстѣ трибунъ этой солдатской демократіи, избравшей его вождемъ. Не имѣя возможности давать ей внутри—имущества прежнихъ привилегированныхъ классовъ, онъ къ средствамъ завоеванія примѣнилъ еще родъ аграрнаго закона къ иностраннымъ націямъ. Даже когда онъ возстановилъ дворянство, эти фанатизированные люди продолжали видѣть въ немъ Гракха и въ тоже время Цезаря; они прощали ему созданіе герцоговъ, потому что онъ сдѣлалъ одного изъ крестьянскаго сына, и они вѣрили, что собственная ихъ фортуна увеличится также какъ и его, благодаря этому неистощимому ager publicus, которымъ была Европа.

Окончательное уничтоженіе Трибуната, объявленное въ замаскированныхъ выраженіяхъ въ императорской рѣчи, было отложено до конца законодательной сессіи. Прежде чѣмъ объявить этому собранію послѣдній предѣлъ послѣдовательныхъ улучшеній къ нему приложенныхъ, Наполеонъ счелъ

кстати заставить его еще разъ пародировать въ этой церемоніи, становившейся безполезною и болѣе короткою, которую называли сессіею. Сессія 1807 года была открыта однимъ изъ тѣхъ блистательныхъ *отчетовъ о положеніи*, въ которыхъ апологія принимала тонъ апоѳеозы, и которая, казалось, имѣла только цѣлью обозначить ораторамъ ноту, какая должна была звучать въ ихъ рѣчахъ. Этому распоряженію слѣдовали съ невыразимою покорностью; законодательная работа ограничивалась съ тѣхъ поръ голосованьемъ; не было болѣе ни случайнаго, ни непредвидѣннаго, никакого противорѣчія, исчезло даже обсужденіе. Законодательныя пренія 1807 года, хотя имѣли предметомъ проекты весьма разнообразныхъ и очень важныхъ законовъ, какъ напримѣръ весь торговый кодексъ, не могли и въ двадцатой доли сравняться съ преніями сессій при консульствѣ, и даже сотой, если исключить чисто хвалебныя рѣчи. Всякая дѣйствительная работа производилась въ Государственномъ Совѣтѣ, одобрялась Трибунатомъ и утверждалась Законодательнымъ Собраніемъ. Это нескончаемое соединеніе обожанія, гдѣ любовь, восторгъ и признательность къ государю выступаютъ изъ береговъ каждую минуту и при каждомъ случаѣ. Раскройте случайно эту скучную коллекцію, прочтите первую попавшуюся рѣчь: „Господа, геній, который управляетъ нами, видитъ все и не пренебрегаетъ ничѣмъ"…. О какомъ же подвигѣ, о какомъ новомъ благодѣяніи идетъ дѣло? О проектѣ закона относительно гипотечныхъ надписей [91]).

Что въ самомъ дѣлѣ было существеннаго въ этихъ безмѣрныхъ, недостойныхъ похвалахъ? Здѣсь было въ особенности ослѣпленіе, причиненное успѣхомъ. Чувство это было искренно, ибо имѣло основаніе, и теперь еще, послѣ всѣхъ

---

[91]) Засѣданіе 3 сентября 1807 г. Discours de Mouricault *(Archives parlementaires)*. *Прим. автора.*

событій, доказавшихъ на сколько этотъ блескъ былъ эфемернымъ, съ трудомъ отдѣлываешься отъ обаянія. Между тѣмъ, не смотря на фантастическую картину нашего благоденствія, начертанную министромъ внутреннихъ дѣлъ Крете, на эти тріумфы, болѣе блестящіе, нежели прочные, на эти громадныя работы, заявленныя съ громкимъ шумомъ, но исполненныя большею частью только на бумагѣ, не взирая на тринадцать тысячъ четыреста миль дорогъ, осьмнадцать рѣкъ, превращенныхъ въ судоходныя, на десять каналовъ, продолжаемыхъ или начатыхъ, на улучшеніе шерсти и семь національныхъ овечьихъ заводовъ, на ссуды мануфактурамъ, не смотря на полезныя зданія, какъ житницы изобилія и пышные памятники, какъ Вандомская колонна, не взирая наконецъ на обманчивый миръ, о которомъ Крете говоритъ, „что побѣдитель подписалъ его, *не выговоривъ себѣ никакой выгоды*", на миръ, который уже не существовалъ во время этихъ лживыхъ восхваленій, не смотря на столько блестящихъ или обширныхъ видимостей,—Франція не обладала ни благоденствіемъ, ни истиннымъ величіемъ.

Она дѣйствительно не благоденствовала, ибо не только не была обезпечена,—необходимое условіе для благоденствія народовъ, но всѣ бѣды, порожденныя столь долголѣтнею войною, тяготѣли еще надъ нею, и это значило оскорблять здравый смыслъ публики, увѣряя ее, съ помощью грубаго оптическаго обмана, что бѣдствія эти исчезли мгновенно, какъ бы по мановенію волшебной палочки. Дѣйствительно она не обладала и величіемъ, ибо все, что имѣла она великаго, было задушено, изгнано, доведено до молчанія. Она еще могла съ гордостью указать міру на своихъ генераловъ и солдатъ, хотя армія, всегда геройская, но перешедшая отъ культа отечества и свободы къ культу славы, отъ культа славы къ обожанію богатствъ—была уже испорчена и выродилась; но гдѣ же были ея великіе граждане? Гдѣ были ея великіе ораторы, великіе публицисты, великіе фило-

софы, великіе писатели? Гдѣ было покрайней мѣрѣ ихъ потомство?

Всѣ, кто выказывалъ хоть искру генія или гордости, были принесены въ жертву одному человѣку; они исчезли— одни подъ колесами его колесницы, другіе, принужденные прозябать въ какомъ нибудь забытомъ уголкѣ; но что важнѣе—ихъ племя, казалось, исчезло навсегда. Оно не было дѣйствіемъ минутнаго кризиса, оно захватывало будущность и, повидимому, должно было продлиться во вѣки. Франція была сдавлена какъ бы желѣзною сѣтью, и выходы изъ нея со всѣхъ сторонъ заперлись для всего, что было молодо, благородно, пылко, сгарало жаждою интеллектуальной и моральной дѣятельности. Да, что бы тамъ ни говорили, Франція страдала въ продолженіе этихъ удушливыхъ годовъ, когда все наиболѣе благородное и возвышенное въ ея геніи было обречено на мрачное и молчаливое безплодіе. И это не прошло безнаказаннымъ, что народъ, занимавшій такую высокую степень въ умственномъ мірѣ, не имѣлъ болѣе ни краснорѣчія, никакой борьбы мысли; онъ былъ болѣнъ въ глубинѣ души, и чтобъ не отчаяваться въ виду преторіанскихъ побѣдъ, чтобъ стоять на ногахъ, по выраженію Лафайетта, надобно было быть героемъ. Кто можетъ сказать сколько благородныхъ сердецъ изныло въ этихъ темныхъ мученіяхъ? Исторія, вѣроятно, никогда не можетъ болѣе приподнять какъ уголокъ этой завѣсы. Достовѣрно лишь то, что большинство лучшихъ людей, юность которыхъ прошла въ эту несчастную эпоху, когда самая надежда казалась навсегда запрещенною, впослѣдствіи говорили объ этомъ съ нѣкотораго рода ужасомъ. Эти благородныя страданія мало оставили слѣдовъ, и самая память ихъ погибла. Они открываются лишь историку посредствомъ глубокаго безмолвія, но намъ осталось отъ нихъ безсмертное свидѣтельство въ одной страницѣ, написанной огненными буквами и которое останется до тѣхъ поръ, пока нашъ языкъ не исчезнетъ съ

лица земли. Въ то самое время, когда Наполеонъ торжественно вступалъ среди распростертаго народа, когда воздухъ дрожалъ отъ шумныхъ офиціальныхъ кликовъ, многочисленныя копіи этой мстительной страницы, напечатанной сперва въ *Меркуріѣ*, переходили изъ рукъ въ руки, распространяемыя невидимыми врагами и пожираемыя съ неутолимою жадностью. Вотъ что въ ней говорилось:

„Когда въ уничижительномъ молчаніи слышатся только звуки цѣпей невольника и голосъ доносчика; когда все трепещетъ предъ тираномъ, и становится одинаково опаснымъ какъ искать его благосклонности, такъ и подпасть его гнѣву, историкъ кажется облеченнымъ народною местью. Напрасно Неронъ благоденствуетъ, Тацитъ уже родился въ предѣлахъ имперіи; онъ выростаетъ въ неизвѣстности возлѣ праха Германика, и уже неподкупное Провидѣніе дало неизвѣстному ребенку славу властителя міра. Если роль историка прекрасна, она часто подвержена опасностямъ; но есть алтари, какъ алтарь чести, которые, будучи покинутыми, требуютъ жертвоприношенія. Богъ не уничтоженъ потому только, что храмъ опустѣлъ. Вездѣ, гдѣ остается шансъ на счастье —въ попыткѣ на него,— нѣтъ героизма; великодушные подвиги тѣ, предвидѣнное послѣдствіе которыхъ—несчастье и смерть. Наконецъ, что значитъ бѣдствіе, если ваше имя, произнесенное въ потомствѣ чрезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ вашей смерти, заставитъ биться благородное сердце [92]).„

---

[92]) Статья эта начало статьи Шатобріана на *Voyage pittoresque et historique, en Espagne par de Laborde* (Mercure de France du 4 juillet 1807). Въ печатной статьѣ многія мѣста вставлены между началомъ и концомъ страницы, между прочимъ слѣдующее: «Вскорѣ авторъ лѣтописей покажетъ въ обожествляемомъ тиранѣ только *скомороха, поджигателя и отцеубійцу*, подобно первымъ египетскимъ христіанамъ, которые съ опасностью жизни проникали въ идольскіе храмы, схватывали въ глубинѣ мрачнаго святилища божество, которому преступленіе принуждало кадить ѳиміамъ страха, и *влекли на солнечный свѣтъ вмѣсто бога какое-то ужасное чудовище. рим. автора.*

Въ тотъ день когда Шатобріанъ написалъ эти нетлѣнныя строки въ присутствіи торжествующей силы и среди унынія, отчаянія и ужаса всѣхъ, въ комъ билось еще благородное сердце,—онъ осуществлялъ самую душу Франціи. Онъ заставлялъ ее говорить языкомъ, ея достойнымъ, и занялъ мѣсто между тѣми великими свидѣтелями дѣлъ человѣческихъ, голосъ которыхъ раздается чрезъ столѣтія. Его самыя лучшія сочиненія могутъ предаться забвенію, но эта страница останется соединенною съ воспоминаніемъ объ имперіи, какъ неизгладимое пятно и какъ протестъ этого, принесеннаго въ жертву, меньшинства, жалобы котораго не могли даже найдти отголоска. Этотъ мечтатель совершилъ въ тотъ день подвигъ человѣка. Въ жизни его нашли много непослѣдовательностей, мелочей и пустаго тщеславія. У Шатобріана были почти всѣ слабости человѣка, характеръ котораго управляется сердцемъ; самая литературная его слава была разорвана въ куски тѣми, кто наиболѣе хвалилъ его; но этотъ порывъ великодушнаго сердца заглаживаетъ все, и въ короткій мигъ поэтъ достигъ истиннаго величія. Однимъ взмахомъ крыльевъ онъ воспарилъ до тѣхъ возвышенныхъ пространствъ, гдѣ геній сливается съ героизмомъ.

Шатобріанъ избѣгнулъ наказанія, благодаря ходатайству друга своего Фонтана и внѣшнимъ обстоятельствамъ, явившимся развлечь Наполеона. Писатель поплатился только конфискаціею своей части въ *Меркуріѣ*, что впрочемъ равнялось всему его состоянію. Занятіямъ того же рода должно приписать относительную безнаказанность, какую Наполеонъ предоставлялъ генералу Мале, вслѣдствіе открытія первыхъ попытокъ заговора, совершенно подобнаго тому, который чуть было не удался въ 1812 г. Намѣреніе это, задуманное въ продолженіе неопредѣленности польской кампаніи, было открыто полиціею еще до начала исполненія. Но виновникъ его съумѣлъ скрыть истинный характеръ замысла отъ столь нѣкогда проницательнаго взора императора, который доволь-

ствовался тѣмъ, что посадилъ его въ государственную тюрьму, не предавая суду. Умъ Наполеона болѣе и болѣе погружался въ большія соображенія внѣшней политики, и какъ ни удивительна была его дѣятельность, но его одолѣвала сложность подробностей; онъ долженъ былъ поспѣвать вездѣ и терпѣть небрежности и пробѣлы. Съ тѣхъ поръ какъ онъ управлялъ дѣлами почти всей Европы, онъ могъ посвятить Франціи только общій взглядъ, схватывалъ лишь поверхность, наблюдалъ за подробностями исполненія отчасти, какъ бы случайно, и лишь заботился объ общемъ ходѣ.

И такъ какъ вмѣсто того, чтобъ расширять свободу дѣйствій своихъ сотрудниковъ, онъ стѣснялъ ихъ независимость, то изъ этого и послѣдовало, что большая часть актовъ его внутренней политики носила поспѣшный и поверхностный характеръ, или оставалась въ зачаткахъ, какъ монументы, столь пышно возвѣщенные и окончаніе которыхъ онъ завѣщалъ своимъ преемникамъ. Но если многія изъ этихъ созданій являлись на показъ и скорѣе походили на театральныя декораціи нежели на прочныя зданія, то иныя изъ нихъ были внушены истиннымъ чувствомъ народныхъ потребностей.

Такимъ образомъ можно безспорно похвалить учрежденіе во многихъ департаментахъ мастерскихъ и пріютовъ благотворительности, въ виду близкаго запрещенія нищенства, обнародованія торговаго кодекса, толчекъ, данный канализаціи, учрежденіе служебныхъ кассъ, придуманныхъ Молліеномъ, съ цѣлью замѣнить казну банкирами, которые такъ тягостно для него учитывали облигаціи генеральныхъ сборщиковъ. Послѣдняя мѣра была геніальнымъ упрощеніемъ и прекратила разорительный для государства ажіотажъ. Она была личнымъ дѣломъ этого министра, также какъ и другое, не менѣе счастливое улучшеніе—введеніе отчетности, частью двойной, въ финансовую администрацію. Сбавка банковыхъ процентовъ по 4 на 100, облегчила торговыя и промышлен-

ныя сдѣлки; преобразованіе отчетной коммиссіи, давно уже признанной неудовлетворительною, — въ счетную палату, приведенную въ лучшую возможность исполнять дѣла, внесло порядокъ, свѣтъ и быстроту въ ликвидацію государственныхъ счетовъ. Всѣ эти мѣры были превосходны почти во всѣхъ отношеніяхъ.

Однакоже организація счетной палаты представляла поприще для справедливой критики. Если она была, какъ указываетъ опытъ, орудіемъ самаго точнаго контроля, быстраго и самаго тонкаго, она тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ниже учрежденія, занимавшаго ея мѣсто при старомъ правительствѣ, и тѣмъ болѣе ниже созданныхъ революціею. Старинныя счетныя палаты имѣли право верховнаго суда; онѣ произносили приговоры, тогда какъ новая палата поставлена была въ исключительную зависимость отъ исполнительной власти. Со времени учредительнаго собранія отчетныя бюро составлялись изъ коммиссаровъ, назначаемыхъ законодательною властью и подчинявшихся ея наблюденію. Принципъ могъ быть дурно примѣняемъ, отчетныя бюро оставляли желать многаго, особенно относительно численности. Пять коммиссаровъ, увеличенные до семи по конституціи VIII года, были какъ бы погребены подъ кучею неоконченныхъ прежнихъ отчетовъ; но здѣсь, какъ почти во всемъ, законодатели 1789 г. видѣли вѣрно и судили справедливо. Дѣйствительно власти, которая вотируетъ налогъ, принадлежитъ и послѣдній контроль общественныхъ денегъ. За неимѣніемъ этого естественнаго и спасительнаго подчиненія счетной палаты Законодательному Корпусу, было одно только средство организовать ее сообразно съ системою гарантій, — именно дать ей полную независимость судебнаго учрежденія. Но подобное учрежденіе было бы безсмыслицею и аномаліею въ императорской администраціи. Наполеонъ образовалъ счетную палату какъ и все другое, и сдѣлалъ изъ нея орудіе власти. Онъ раздѣлилъ ее на три отдѣленія, что соотвѣт-

ствовало самой дѣятельности палаты; далъ членамъ большое жалованье и преимущество несмѣняемости, но стѣснилъ кругъ ея вѣдѣнія и придалъ роль простаго чиновничества. При старомъ правительствѣ она была судебнымъ мѣстомъ. Онъ далъ ей право контролировать агентовъ правительства, но въ пользу самого правительства, а не государства. Различіе понять легко. Интересъ каждаго правительства имѣть неподкупныхъ контролеровъ, провѣрять употребленіе какъ прихода, такъ и расхода, и счетная палата превосходно исполняла это назначеніе. Но необходимость гораздо нужнѣе министру, назначающему расходы, нежели чиновнику, исполняющему по приказу, ибо сколько разъ бывали примѣры, что власть дѣлалась источникомъ выгодъ и предметомъ постыдныхъ спекуляцій общественнымъ достояніемъ. Здѣсь счетная палата была безусловно обезоружена; она была административнымъ механизмомъ въ рукахъ самого министра, котораго надлежало контролировать. „Палата, говоритъ 18 § закона:—не можетъ ни въ какомъ случаѣ присвоить себѣ право судить *назначающихъ ассигновки*". И Деформонъ прибавилъ въ своемъ изложеніи причинъ: „Палата должна быть строга въ своихъ разборахъ—съ получающими, а не съ *предписывающими ассигновки*.... ей невозможно было бы глубоко обсудить причины и поводы, заставившіе дать то или другое назначеніе. Она не въ состояніи судить правительства [93])". Не судя его, она могла представить дѣло законодательному корпусу, своему естественному судьѣ. Въ самой сферѣ дѣлъ, подчиненныхъ ея юрисдикціи, палата не могла рѣшать окончательно, ибо просившее отчетное лицо имѣло трехмѣсячный срокъ для подачи апелляціи государственному совѣту. Такимъ образомъ правительство оконча-

---

[93]) *Archives parlementaires*; séance du 5 semptebre 1807.

Прим. автора.

тельно было собственнымъ судьею, и нація въ финансовыхъ дѣлахъ, какъ и во всѣхъ другихъ, не имѣла противъ него серьзеныхъ средствъ ни для контроля, ни для удовлетворенія.

Радикальный этотъ недостатокъ всѣхъ новыхъ учрежденій выказался въ формахъ, гораздо менѣе успокоительныхъ въ сенатусъ-консультѣ отъ 12 октября. Законъ этотъ имѣлъ цѣлью, по выраженію Трельяра, *очистительную мѣру*, которая должна была освободить судное вѣдомство отъ испорченныхъ элементовъ, могшихъ въ него пробраться, и отдѣлить золото отъ позорившей его лигатуры. Это очищеніе было новымъ ударомъ для судебной власти, уже столь слабой и столь зависимой. Конституція VIII года облекла судей несмѣняемостью. Гарантія эта, весьма недостаточная въ виду соблазновъ повышенія и страха императорскихъ строгостей, была сильно ослаблена и казалась одною лишь тѣнью. Право наблюденія и выговора, присвоенное главному судьѣ, и дисциплинарное право разсмотрѣнія и отрѣшенія, присвоенное кассаціонной палатѣ, имѣли цѣлью отдавать судей во власть правительства. Эти средства упрощенія въ соединеніи съ обыкновенными средствами юстиціи, не только были достаточны, но даже превосходили мѣру, ибо не нужно было столько различныхъ орудій, чтобъ покорить вѣроломнаго судью, и было еще важнѣе поставить независимость неподкупныхъ судей внѣ всякаго стѣсненія. Существовало еще другое укротительное учрежденіе, которое при консульскомъ правительствѣ отрѣшало отъ должности судей, имена которыхъ не поддерживались на избирательныхъ спискахъ — излишняя карательная мѣра, сдѣлавшаяся непримѣнимою, при системѣ избирательныхъ коллегій. Уничтоженіе его послужило предлогомъ, чтобъ опрокинуть слабую преграду, защищавшую еще судебное сословіе противъ министерской власти. Сенатусъ-консультъ заявилъ, что будетъ приступлено къ общему экзамену всѣхъ, принадлежащихъ къ судейскому званію. Экзаменъ этотъ поручался коммиссіи изъ десяти се-

наторовъ, назначенныхъ императоромъ, которая должна была рѣшить окончательно объ оставленіи или отставкѣ судей. Мѣра эта была уничтоженіемъ принципа несмѣняемости, ибо если императоръ имѣлъ право предписать ее сегодня, то кто могъ гарантировать судей противъ новаго произвола на завтра. Итакъ обязательства, принятыя на себя Трельяромъ относительно будущаго, были не болѣе какъ насмѣшкою. И какъ бы не чувствуя себя еще достаточно успокоенными этимъ сильнымъ очищеніемъ,—прибавили въ другой статьѣ сенатусъ-консульта, что съ этихъ поръ право несмѣняемости будетъ даваться судьямъ только послѣ пятилѣтней службы, если императоръ найдетъ ихъ достойными.

Въ сущности это великое покушеніе на честь судейскаго сословія и на независимость юстиціи—было только жалкимъ политическимъ пріемомъ. Въ эпоху судебной организаціи значительное число упавшихъ духомъ республиканцевъ искали честнаго убѣжища въ этихъ безпристрастныхъ и почтенныхъ должностяхъ. Съ тѣхъ поръ произошли удивительныя перемѣны, и почувствовалась необходимость поставить судебный персоналъ въ уровень съ новыми нравами и понятіями. Но такъ какъ большинство этого вѣдомства не подавало своимъ поведеніемъ никакихъ неблагопріятныхъ поводовъ, то для того, чтобъ удобнѣе было ихъ столкнуть, и приступили къ этой непрямой, окольной мѣрѣ [94]).

Законодательный Корпусъ заключилъ свою кратковременную сессію, вотируя безъ провѣрки и обсужденія финансовый законъ, который и представленъ ему былъ только для проформы. Все тамъ было приблизительно и произвольно. Не только расходы текущаго года, опредѣленные въ 730 милльоновъ, были гораздо ниже постоянной цифры, въ сущ-

---

[94]) *Тибодо.* *Прим. автора.*

ности восходившей до 788 миллъоновъ; но ни одинъ изъ балансовъ пяти предъидущихъ лѣтъ не былъ провѣренъ окончательно, и продолжалось взысканіе недоимокъ до 1802 года. Всѣ расходныя вѣдомости, представленныя правительствомъ, основывались на гадательныхъ цифрахъ. 700 миллъоновъ считалось достаточно на нужды 1806 г.; ихъ обозначили приблизительно въ 689 миллъоновъ, но онъ поглотилъ 770, и никто еще не зналъ этого. Къ счастью, доходы увеличились неожиданно, но Законодательный Корпусъ не видѣлъ этой цифры, также какъ и цифры расходовъ. Ее назначали всегда около 720 миллъоновъ. Все содержалось въ неизвѣстности для того, чтобъ все могло быть рѣшено по произволу. Очевидная недостаточность источниковъ бюджета для покрытія различныхъ дефицитовъ, не помѣшала Наполеону уменьшить военный налогъ на десять сантимовъ, противу назначеннаго со времени разрыва съ Англіею. Онъ потребовалъ кредита лишь въ 600 миллъоновъ на издержки 1808 г. Дѣйствительно, благодаря 60 миллъонамъ, взятымъ у Австріи въ 1806 г., 600 миллъонамъ взятымъ у Пруссіи въ 1807 г., онъ имѣлъ въ рукахъ легкое средство покрыть всѣ эти недоимки, и онъ пользовался этимъ въ широкихъ размѣрахъ. За всѣми издержками, ему должно было оставаться въ запасѣ около 300 миллъоновъ, — могущественный рычагъ въ столь дѣятельныхъ рукахъ и который, подъ названіемъ армейской казны, могъ вмѣстѣ служить источникомъ для удовлетворенія какой нибудь неожиданной случайности. Эти 300 миллъоновъ, которые онъ хранилъ съ ревнивою заботливостью скупца, были вмѣстѣ и излишкомъ и необходимостью; это была фантазія и крайній источникъ на черный день, защита противъ возможной измѣны фортуны, затаенный кушъ для послѣдней ставки въ игрѣ противъ Европы.

Когда Законодательный Корпусъ окончилъ съ покорностью вотировку всѣхъ проектовъ законовъ, разсмотрѣніемъ кото-

рыхъ онъ былъ удостоенъ, собранію этому объявили въ самый день закрытія сессіи, сенатусъ-консультъ объ уничтоженіи Трибуната. Собственно говоря, что, полагая конецъ этому учрежденію, уничтожали только слова. Постепенными очищеніями и усовершенствованіями, Трибунатъ давно уже былъ доведенъ до такой степени, что представлялъ только тѣнь совѣщательнаго собранія, или какъ сказалъ Булай дела-Мертъ въ своемъ рапортѣ „недостатокъ, заключающій въ себѣ противорѣчіе [95]).“ Прибавимъ, что безъ малѣйшаго затрудненія можно было уничтожить и самый Законодательный Корпусъ, такъ онъ мало вліялъ на дѣйствія правительства и на ходъ дѣлъ. Посредствомъ своихъ декретовъ, сенатусъ-консультовъ или просто съ помощью рѣшеній Государственнаго Совѣта, Наполеонъ самовластно распоряжался съ большею частью вопросовъ, компетентность которыхъ всегда принадлежала законодательной власти. Но Законодательный Корпусъ казался ему еще нужнымъ; названіе это притомъ же напоминало ему семь лѣтъ нѣмоты и рабства; между тѣмъ какъ имя Трибуната вызывало тягостныя воспоминанія законнаго сопротивленія и умѣреннаго, но твердаго гражданскаго мужества. Изгнавъ изъ этого учрежденія отважное меньшинство, которое осмѣлилось не бояться его тираніи, онъ послѣдовательно ограничилъ его до пятидесяти членовъ, состоявшихъ изъ его креатуръ, раздѣленныхъ на пять отдѣленій и которые совѣщались только какъ бы втайнѣ. Наконецъ онъ отнялъ у Трибуната самыя существенныя преимущества для перенесенія въ сенатъ; но не смотря на всѣ усилія, обезоруживъ сперва, оподлить ихъ, имя Трибуната сохранило еще нѣкоторое популярное обаяніе. Краснорѣчіе его ораторовъ было какъ бы послѣднимъ вздохомъ задушаемой свободы, послѣднимъ эхомъ возгласовъ французской ре-

---

[95]) Засѣданіе 18 сентября 1807. *Прим. автора.*

волюціи. Эти искалѣченные обломки напоминали зданіе; они напоминали націи, что у нея были и болѣе счастливые дни, и болѣе возвышенныя стремленія; однимъ словомъ, они представляли преданія, побѣжденныя сегодня, но которыя могли торжествовать завтра, ибо ничто изъ возвышающаго, облагораживающаго природу человѣческую и приносящаго ей честь, никогда не побѣждается окончательно. По всѣмъ этимъ причинамъ самое имя Трибуната было несносно и долженствовало исчезнуть.

Вслѣдствіе этого, Булай де ла-Мертъ, заявилъ отъ имени императора Трибунату объ его уничтоженіи. Онъ охотно отдаетъ справедливость добродѣтелямъ членовъ этого собранія. „Они, говоритъ онъ:—*постоянно оказывались умнѣе самого учрежденія*. Но со времени имперіи трибунатъ представлялъ только *видъ установленія безполезнаго, неумѣстнаго и несоотвѣтственнаго*, и уничтоженіе его „было не столько перемѣною, сколько улучшеніемъ въ нашихъ учрежденіяхъ". Законодательный Корпусъ наслѣдовалъ три сессіи созванныя для совѣщанія при закрытыхъ дверяхъ и подавалось мнѣніе совмѣстно съ ораторами государственнаго совѣта. Что касается трибуновъ, еще дѣйствовавшихъ, имъ открыли пріютъ въ законодательномъ собраніи. Тѣ, чьи полномочія кончались, были помѣщены частью въ новую счетную палату, частью въ административныхъ учрежденіяхъ. Но изъ боязни, чтобъ Законодательный Корпусъ, не слишкомъ пришелъ въ восторгъ отъ дарованнаго ему драгоцѣннаго права—говорить въ секретномъ комитетѣ и выражать свое мнѣніе публикѣ чрезъ органъ коммиссіи,—сенатусъ-консултъ опредѣлилъ, „что впредь никто не можетъ быть членомъ законодательнаго корпуса, *не достигнувъ полнаго сорокалѣтняго возраста*" (§ 10). Человѣкъ этотъ, въ двадцать шесть лѣтъ бывшій главнокомандующимъ итальянскою арміею, въ тридцать первымъ консуломъ, который даже въ описываемое время имѣлъ всего тридцать восемь лѣтъ, бу-

дучи императоромъ и властителемъ столькихъ королевствъ,— не хотѣлъ, чтобъ люди могли заниматься общественными дѣлами прежде достиженія возраста, до котораго ему самому было еще далеко. Наглая претензія, ясно говорившая, какъ онъ считалъ себя выше прочихъ людей, говорившая въ особенности какъ онъ полагалъ своею обязанностью не довѣрять молодости и ея благороднымъ стремленіямъ. При подобныхъ мѣрахъ предосторожности нечего было бояться, чтобъ законодательный корпусъ попытался злоупотребить предоставляемою ему свободою. Фонтанъ, выхвалявшій съ постояннымъ энтузіазмомъ всѣ хорошія и дурныя дѣйствія Наполеоновой политики, воскликнулъ, что „эти собранія, которыя удивлялись своему молчанію, и которыхъ безмолвіе прекратилось, *не услышатъ шума народныхъ бурь*". Дѣйствительно, они были весьма устранены отъ всякаго сюрприза въ этомъ родѣ. „Будемъ же достойны такого благодѣянія, продолжалъ онъ:—пусть, трибуна будетъ безъ бурь и получаетъ рукоплесканія лишь за скромное торжество разума. Да является здѣсь въ особенности правда съ отвагою, но съ мудростью и блистаетъ всѣмъ свѣтомъ. Великій государь долженъ любить ея блескъ. Она одна достойна его, чего ему бояться ее? Чѣмъ больше смотрятъ на него, тѣмъ больше онъ возвышается, чѣмъ болѣе его судятъ, тѣмъ болѣе удивляются ему". Для того, чтобъ украсить свои льстивыя похвалы, этотъ риторъ употреблялъ такія же старанія, какъ ювелиръ при отдѣлкѣ алмазовъ; онъ забылъ, что краснорѣчіе удобнѣе всего для того, чтобъ выставить низкое чувство.

Поразить Трибунатъ было не довольно, нѣтъ, захотѣли еще чтобъ онъ показалъ себя счастливымъ и признательнымъ за ударъ, положившій конецъ его политическому существованію: „Предлагаю вамъ, сказалъ Горіонъ Низасъ:— повергнуть къ подножію трона адресъ, который поразитъ народы тою мыслью, что мы приняли сенатскій указъ безъ сожалѣнія о своихъ должностяхъ, не безпокоясь за отечество,

и съ такими чувствами любви и преданности къ монарху, которыя будутъ жить вѣчно въ нашихъ сердцахъ! „Предложеніе это было принято единодушно, и Трибунатъ послѣдній разъ возвысилъ свой голосъ, прежде чѣмъ пасть въ волны Леты. Трибуны заявили передъ императоромъ, что въ актѣ, положившемъ конецъ ихъ должностямъ, „они находятъ только новый поводъ повергнуть къ подножію трона *чувства уваженія и признательности*....“ Они считали себя не столько окончившими свою карьеру, сколько достигшими цѣли всѣхъ своихъ усилій и награды за свою преданность [96]). Постыдныя слова эти болѣе всякихъ разсужденій говорятъ, чрезъ какой рядъ превращеній провели Трибунатъ прежде нанесенія ему смертельнаго удара! И вотъ собраніе, работы котораго приносили честь дѣлу свободы Франціи, окончило такимъ образомъ свое существованіе, въ которое было повержено своимъ собственнымъ учредителемъ. Въ дѣйствительности оно перестало жить задолго до своего окончательнаго упраздненія, но исчезновеніе его все-таки было знаменательнымъ фактомъ. Что такое значила эта *императорская конституція*, имя которой появлялось столь часто въ офиціальныхъ манифестахъ, если однимъ почеркомъ пера можно было уничтожить то, что считалось важнымъ государственнымъ учрежденіемъ? Самая конституція не была-ли вся въ рукѣ, державшей это перо?

Теперь пора возвратиться къ положенію Испаніи и разсказать событія, упредившія тамъ предусмотрительность Наполеона.

---

[96]) Засѣданіе 18 сентября 1807 г.: *Archives parlementaires*.
Прим. автора.

ГЛАВА VI.

Экскуріальскій заговоръ. — Жюно въ Португаліи, а Наполеонъ въ Италіи (октябрь 1807.—Январь 1808).

Мы оставили Жюно съ его арміею на походѣ въ Испанію, съ порученіемъ занять Португалію и овладѣть ею для Наполеона, вопреки условіямъ Фонтэнеблосскаго трактата, нарушеннаго тотчасъ же по заключеніи. Мы видѣли, что онъ проходилъ по этимъ провинціямъ дружественнымъ образомъ, снимая вездѣ на походѣ планы для невѣдомыхъ цѣлей, пока другая, сорокатысячная армія сосредоточивалась на испанской границѣ. Эти угрожающіе, но неизвѣстные еще признаки расположенія Наполеона относительно Мадридскаго двора, въ тоже время получили, вслѣдствіе дѣйствій нашего посланника Богарнэ, дополнительное значеніе, проливающее новый свѣтъ для исторіи. Старинный членъ Учредительнаго собранія, старый солдатъ арміи принца Конде, Богарнэ былъ братомъ перваго мужа Жозефины; онъ замѣнилъ въ Мадридѣ генерала Бернонвилля. Простой и благородной души, исполненный иллюзій и добрыхъ намѣреній, весьма способный уступить великодушному движенію, посланникъ этотъ былъ человѣкъ, менѣе всего созданный для того, чтобъ проникнуть задачу политики, которой служилъ. Но поэтому-то его и выбрали, ибо его прямота должна была внушать довѣріе, а

Наполеонъ, всегда любившій рвеніе въ своихъ слугахъ, не любилъ во многихъ случаяхъ, чтобъ они были слишкомъ проницательны. Ему нуженъ былъ въ Мадридѣ агентъ испытанной преданности, извѣстной честности, прозорливость котораго ни въ какомъ случаѣ не могла сдѣлаться стѣснительною, и который обманулъ бы другихъ тѣмъ легче, что самъ будетъ обманутъ первый. Видѣлъ-ли Наполеонъ въ Богарнэ человѣка, который самымъ лучшимъ образомъ соединялъ всѣ эти условія, когда онъ назначалъ его посланникомъ въ мартѣ 1807 г., это не совсѣмъ вѣроятно; но истинно то, что случайно или преднамѣренно—у него былъ въ Мадридѣ человѣкъ, въ какомъ онъ нуждался, что онъ заставилъ его играть эту роль, и что ему трудно было найдти личность, которая могла бы лучше исполнить ее какъ по своимъ качествамъ, такъ и по недостаткамъ. Наиболѣе плодовитый умъ—необходимо ограниченъ въ своихъ комбинаціяхъ; на войнѣ, какъ и въ политикѣ, Наполеонъ часто повторяется, и копируетъ себя самого до такой степени, что можно привести его систему во всемъ до извѣстнаго количества неизмѣнныхъ пріемовъ; онъ въ этомъ случаѣ обкрадывалъ самъ себя. Приступъ къ испанскому дѣлу представляетъ съ приступомъ къ дѣлу венеціанскому поразительное сходство; и Богарнэ приходилось исполнить при Мадридскомъ дворѣ такое же порученіе, какое исполнилъ Виллегардъ при венеціанской республикѣ съ неменьшимъ ослѣпленіемъ и чистосердечіемъ. Извѣстныя дѣла обыкновенно поручаются агентамъ сомнительной честности; величайшее искусство заключается въ томъ чтобъ заставить честнаго человѣка исполнить ихъ.

По прибытіи въ Мадридъ, Богарнэ сдѣлался центромъ тысячи интригъ слабаго, раздѣленнаго двора, для котораго представитель Наполеона казался страшнымъ вліяніемъ. Между непопулярнымъ фаворитомъ, ненавистнымъ націи по своей легкомысленности и угодливости иностранцу, и молодымъ принцемъ, который былъ только извѣстенъ своею не-

навистью къ этому фавориту, личное предпочтеніе посланника не могло подлежать сомнѣнію, и полученныя имъ инструкціи были не такого свойства, чтобъ отвести его отъ этой склонности. Весьма естественно онъ долженъ былъ симпатизировать принцу Астурійскому, хотя бы даже изъ оппозиціи принцу Мира, соблюдая во всякомъ случаѣ осторожность, предписываемую его званіемъ. Внутренніе раздоры Испанскаго двора незадолго приняли характеръ страшной ненависти, какъ это всегда бываетъ, когда подобныя несогласія находятъ пищу въ національныхъ страстяхъ и дѣйствительной тревогѣ. Послѣ безполезнаго старанія обезоружить и задобрить принца Астурійскаго, женивъ послѣдняго на своей собственной свояченицѣ доннѣ Маріи-Луизѣ Бурбонской, Мануэль Годой заботился только объ одномъ— воспользоваться королевскою милостью и усилить собственную власть до такой степени, чтобъ быть въ состояніи въ данную минуту самому предлагать условія, и сдѣлать безсильною ненависть своихъ враговъ въ будущемъ, какъ она была безсильна въ настоящемъ. Поэтому онъ и запасся нѣкоторыми новыми почестями, такъ сказать, назначивъ ихъ самъ себѣ, какъ титулъ высочества, званіе генералъ-адмирала, начальство надъ главною королевскою квартирою. Наконецъ онъ исхлопоталъ себѣ княжество Альгаваресъ въ Португаліи, по Фонтэнеблосскому трактату, какъ вѣрное убѣжище отъ предвидѣнныхъ преслѣдованій. Эти предосторожности, смыслъ которыхъ ни для кого не былъ тайною, будучи преувеличены общественнымъ легковѣріемъ, раздувшимъ до фантастическихъ суммъ сокровища, собранныя съ этою цѣлью, только приводили въ большее отчаяніе противниковъ принца Мира и отравляли народную злобу. Носилась молва, что онъ хотѣлъ измѣнить линію престолонаслѣдія и даже помышлялъ о перемѣнѣ династіи.

Пока онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ укрѣпить свое положеніе и увеличить еще это неслыханное богатство,—

предметъ огромной зависти, — его мнимая жертва, принцъ Астурійскій, жилъ въ уединеніи, выказывая притворную грусть, подозрительный собственному семейству, въ открытой почти враждѣ съ своимъ отцомъ—королемъ. Онъ поддерживалъ тайныя сношенія со всѣми недовольными, представляя честолюбивымъ милости новаго царствованія, народу химерическую надежду возрожденія униженной Испаніи. Въ сущности партія игралась не между Карломъ VI и сыномъ его, принцемъ Астурійскимъ, но между двумя фаворитами, изъ которыхъ одинъ, Мануэль Годой, былъ любимцемъ отца, а другой, Жуанъ Эскоиквизъ, любимцемъ сына. Этотъ каноникъ, прежній наставникъ принца Астурійскаго, былъ тщеславный писатель, нахальный честолюбецъ, который достаточно далъ себѣ оцѣнку, переведя поочереди *„Потерянный Рай“* Мильтона, и „Господина Ботта“ Пиго Лебрсна. Человѣкъ вѣтренный, но прикрывавшій это духовнымъ саномъ, ограниченнаго ума, хотя не лишеннаго нѣкоторой тонкости. не знавшій свѣта и дѣлъ, но убѣжденный, что познаніе книгъ давало ему и познаніе людей, Эскоиквизъ видѣлъ въ занимаемыхъ имъ должностяхъ при наслѣдникѣ престола только легкое средство заранѣе овладѣть умомъ своего воспитанника. Онъ надѣялся играть въ царствованіе Фердинанда такую роль, какую Годой игралъ при Карлѣ. Удаленный въ Толедо вслѣдствіе своихъ первыхъ интригъ, лукавый каноникъ возвратился въ Мадридъ съ марта 1807 г.; онъ принялся за свои происки съ энергіею, подстрекаемою жаждою мести.

Эскоиквизъ не замедлилъ узнать расположеніе Богарнэ, и рѣшился воспользоваться этимъ для принца Астурійскаго. Онъ зналъ, что король и дворъ трепетали предъ Наполеономъ: удайся ему заручиться такимъ могущественнымъ покровительствомъ, кредитъ фаворита, столь уже поколебленный у націи, не имѣвшій другой опоры, кромѣ безумнаго пристрастія королевы и ослѣпленія короля, долженъ былъ бы

уступить предъ такимъ сильнымъ вліяніемъ. По словамъ каноника—средство пріобрѣсти дружбу Наполеона было очень простое. Императоръ французовъ слишкомъ былъ лакомъ на родственные союзы съ королями; дѣло шло только о томъ, чтобъ получить отъ него для принца Астурійскаго руку одной изъ принцессъ императорской фамиліи. Вслѣдствіе этого, Эскоиквизъ вступилъ въ сношенія съ французскимъ посланникомъ въ теченіе 1807 г., и съ первыхъ же свиданій сообщилъ ему эту странную просьбу. Богарнэ былъ очень радъ, но, изъ боязни скомпрометировать себя — такъ была необычайна просьба наслѣдника престола помимо отца,—обѣщалъ снестись съ своимъ правительствомъ. Дѣйствительно онъ сообщилъ въ Парижъ эту просьбу, сперва въ общихъ выраженіяхъ, потомъ съ самыми ясными подробностями. Наполеонъ предписалъ ему поощрять эти предложенія, но замѣтилъ, что они были еще слишкомъ неопредѣленны, чтобъ принять какое нибудь положительное рѣшеніе. Богарнэ продолжалъ свои таинственныя сношенія съ Эскоиквизомъ, чтобъ заставить послѣдняго высказаться яснѣе, и продолжалъ ихъ не только съ согласія, но даже по приказанію правительства. И Наполеону такъ хотѣлось, чтобъ Богарнэ обманулся, чтобъ рѣзче выставить свое благородство, что — неслыханное дѣло, неимѣвшее прецедентовъ въ дипломатіи — онъ оставилъ его въ невѣдѣніи относительно заключенія Фонтенеблосскаго трактата! Разоблачая личныя преимущества, предоставляемыя этимъ трактатомъ Годою уступкою княжества Альгарвесъ, былъ бы положенъ конецъ услужливости посланника относительно Фердинанда, разъяснилось бы коварство двойной игры, отъ дальнѣйшаго участья въ которой Богарнэ, безъ сомнѣнія, отказался бы. Кажется, однакожъ, что Наполеонъ, устыдясь употреблять свою дипломатію на подобныя интриги, или скорѣе изъ боязни скомпрометировать себя въ нихъ, думалъ одно время запретить Богарнэ идти дальше. Дѣйствительно существуетъ

письмо его къ Шампаньи, въ которомъ императоръ высказываетъ въ одно время и энергическое порицаніе по поводу дѣйствій, которыя онъ совѣтывалъ, и боязнь, чтобъ посланникъ его не попалъ въ разставляемыя ему сѣти [97]). Но письма эти или служили заблаговременнымъ отпирательствомъ, предвидя случай, или уничтожались нижеслѣдующими инструкціями, ибо Богарнэ не только не прекратилъ опасныхъ переговоровъ, но продолжалъ ихъ энергичнѣе нежели когда нибудь и продолжалъ съ дозволенія своего правительства. Настояніями своими, онъ довелъ уже дѣло до того, что не существовало никакой неопредѣленности, въ чемъ сначала упрекали его. 30 сентября онъ жаловался, что имѣлъ только словесныя обѣщанія, и требовалъ *гарантій*, прежде чѣмъ давать дальнѣйшій ходъ дѣлу. Наконецъ 12 октября, онъ получилъ чрезъ Эскоиквиза родъ прошенія на имя императора французовъ отъ 11 числа, подписаннаго принцемъ Астурійскимъ. Молодой принцъ взывалъ „къ герою, затмѣвавшему всѣхъ предшествующихъ героевъ", и описавъ, притѣсненія, которымъ подвергался, умолялъ „объ его отеческомъ покровительствѣ"; онъ просилъ „удостоить его соизволеніемъ породниться съ императорскою фамиліею".

Безполезно доказывать важность подобной выходки при монархическомъ правительствѣ. Какъ бы ни была оскорбительна для родительскихъ правъ просьба о супружествѣ, она была ничто въ сравненіи съ доносомъ сына на отца и этимъ воззваніемъ къ вмѣшательству посторонняго государя. Письмо это, сопоставленное съ еще болѣе компрометирующими письмами, которыя въ ту самую минуту сочинялись совѣтниками принца Астурійскаго и которыя въ скоромъ времени должны были быть захвачены у него, установляло настоящій заговоръ, если не противъ самого короля, по крайней мѣрѣ противъ его правительства.

---

[97]) Отъ 7 октября 1807 г. *Прим. автора.*

Такова именно была точка, до которой Наполеонъ довелъ испанскія дѣла во время подписанія Фонтэнеблосскаго трактата. Пока его войска проходили территорію полуострова съ формальнымъ приказаніемъ не исполнять ни одного изъ условій трактата, они собирались на границѣ подъ предлогомъ защиты этого трактата, агенты его въ Мадридѣ поощряли подъ рукою возмущеніе сына противъ отца. Готовый воспользоваться ихъ интригами, имъ же направляемыми, и, обладая рѣшительнымъ документомъ, въ которомъ умоляли его о правосудіи, онъ, молча, выжидалъ благопріятнаго случая: онъ могъ въ данный часъ вмѣшаться или въ качествѣ рыцаря–покровителя невинности, или въ качествѣ мстителя за непризнаваемыя права королевскія и родительскія. Положеніе это было превосходно подготовлено для его выхода на сцену; и если, какъ поддерживаютъ тѣ, которые не хотятъ видѣть никакого отношенія во всѣхъ этихъ событіяхъ, одинъ случай произвелъ эти благопріятныя обстоятельства, столь искусно разсчитанныя, то необходимо будетъ согласиться, что этотъ случай выказалъ здѣсь и добрую волю и чрезвычайно замѣчательное искусство.

Между тѣмъ Наполеонъ принужденъ былъ высказаться немного раньше чѣмъ предполагалъ, вслѣдствіе событія, весьма впрочемъ объяснимаго въ виду тѣхъ раздоровъ, въ какихъ находился мадридскій дворъ. За принцемъ Астурійскимъ присматривали весьма строго. Замѣчено было, что ночи проводилъ онъ за письмомъ, и дѣятельно поддерживалъ тайную переписку. Король, въ которомъ были уже возбуждены подозрѣнія, велѣлъ захватить неожиданно его бумаги. 28 октября, и на другой день, 29-го приказалъ ему отдать шпагу и находиться подъ арестомъ въ своихъ покояхъ, въ Эскуріалѣ. Въ его бумагахъ во-первыхъ нашли записку, писанную его рукою, въ которой онъ доносилъ отцу о мнимомъ заговорѣ принца Мира, замышлявшемъ, по его словамъ, уничтожить всю королевскую фамилію, чтобъ очистить себѣ путь къ

трону; потомъ записку Эскоиквиза, подтверждавшую просьбу руки французской принцессы, и наконецъ шифръ, предназначенный для корреспонденціи принца. Записка Фердинанда заключала въ себѣ хоть въ темныхъ выраженіяхъ, но весьма ясный намекъ на отношенія королевы къ принцу Мира. Открытіе это, столь гнусное со стороны сына, правду сказать, имѣло очень странное сходство съ тѣми извѣтами, какіе дѣлалъ королю самъ Наполеонъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Впрочемъ въ этихъ различныхъ бумагахъ упоминалось о королѣ съ величайшимъ уваженіемъ, и ничто не обнаруживало о покушеніи на его особу. Но королева представлялась какъ сообщница фаворита, и признанія Фердинанда не замедлили открыть болѣе серьезныя улики, которыя казались направленными противъ самого короля. Это былъ декретъ, написанный и подписанный принцемъ Астурійскимъ, но съ пробѣломъ для числа, и въ которомъ онъ уполномочивалъ герцога Инфантадо принять начальство надъ Новою Кастиліею немедленно послѣ смерти своего отца — короля. Что значило подобное приказаніе, и какимъ образомъ объяснить его? Принцъ сослался на кратковременную болѣзнь, перенесенную королемъ нѣсколько времени назадъ, и на свою боязнь быть захваченнымъ врасплохъ. Но если такъ хорошо приготовляются къ подобному несчастью, то недалеко и до желанія его, и этотъ актъ былъ такого свойства, что могъ подвергнуться еще болѣе неблагопріятнымъ истолкованіямъ.

Легковѣрный Карлъ IV, еще преувеличивая важность этихъ преступныхъ интригъ, возбужденный королевою, раздраженіе которой весьма понятно, ибо она была оскорблена разомъ какъ женщина и какъ государыня, убѣдился, что онъ избѣгнулъ настоящаго заговора, направленнаго на его жизнь или корону. Онъ объявилъ публично виновника въ воззваніи къ испанскому народу, заявилъ, что велитъ преслѣдовать его вмѣстѣ съ его сообщниками. Онъ до такой степени былъ

далекъ отъ подозрѣнія, что Наполеонъ могъ участвовать въ этихъ происках, что въ то же время писалъ къ нему, какъ къ другу, съ трогательнымъ добродушіемъ жалуясь на удручавшія его несчастья. Онъ высказалъ намѣреніе наказать принца, отмѣнивъ законъ, назначавшій его наслѣдникомъ престола. Въ заключеніе, онъ просилъ Наполеона „помочь ему указаніями и совѣтами".

Письмо это было отъ 9 октября 1807 г. На другой день король писалъ второе, которое не было обнародовано, но существованіе котораго извѣстно, съ жалобою на Богарнэ, о поступкахъ котораго онъ зналъ еще не совершенно [98]). Наполеонъ былъ еще въ Фонтэнебло и слѣдовательно могъ его получить со всѣми объясненіями эскуріальскихъ сценъ не раньше 7 или 8 числа. Онъ приготовилъ все для занятія Испаніи, и войска и предлоги; однако эта неожиданная перипетія препупредила его предвидѣнія. Изъ одного его письма къ военному министру Кларке, усматривается, что 2-й обсерваціонный корпусъ Жиронды, подъ командою Дюпона, долженъ былъ вступить въ дѣло лишь 1 декабря. Письмо Испанскаго короля и вѣсти, полученныя имъ изъ Мадрида, разомъ измѣнили его намѣренія. Между 8 и 11 ноября, въ умѣ его произошла перемѣна. Считая планъ свой открытымъ, онъ осыпалъ угрозами Моссерока, офиціальнаго посланника мадридскаго двора; онъ объяснялъ ему, что такъ какъ осмѣливаются обвинять Богарнэ, то онъ пойдетъ на Испанію. Въ то же время онъ написалъ Кларке одно за другимъ, два длинныхъ письма. Въ первомъ онъ приказываетъ ускорить выступленіе Дюпона и его отставшихъ полковъ. Они пойдутъ, не останавливаясь. Кларке прикажетъ *подъ величайшею тайною вооружить пограничныя съ Испаніею крѣпости* и снабдить огромными запасами даже крѣ-

---

[98]) См. въ собраніи документовъ, изданномъ Лоренте, письмо Изгвіердо къ Годою, отъ 16 и 17 ноября 1807 г. *Прим. автора.*

пости *восточныхъ Пиринеевъ*. „Если тамъ увидятъ запасы говоритъ онъ:—можно сказать, что это для жирондской арміи". Но эта жирондская армія, слѣдующая вблизи за Жюно, не удовлетворяла уже болѣе его нетерпѣнію, и онъ послалъ Кларке новое приказаніе, настоятельнѣе прежняго. Онъ рѣшился направить къ испанской границѣ третью армію, взятую изъ резервовъ, оберегавшихъ берега Рейна, все еще подъ названіемъ *обсерваціоннаго океанскаго корпуса*. Чтобъ движеніе это совершилось, Кларке имѣлъ отправить ее *по почтѣ*, изъ Меца, Нанси и Седана, по направленію къ Бордо. Все, что было у него въ распоряженіи изъ кавалеріи, кирасиръ, конныхъ егерей, драгунъ, гусаръ, все Наполеонъ послалъ къ Пиринеямъ, и уже не корпусъ Дюпона, а эта новая армія долженствовала быть на границѣ Испаніи къ 1-му декабря. „Вы позаботитесь, писалъ онъ Кларке: — объявить генераламъ отдать приказы для ободренія войскъ и о необходимости ускорить походъ, *для поданія помощи португальской арміи противъ высадки, приготовляемой англичанами* [99]). Въ то же время онъ приказалъ подвинуть назадъ сто тысячъ, занимавшихъ Германію, чтобъ имѣть ихъ подъ рукою. Часть ихъ онъ призвалъ во Францію, а остальные отступили отъ Вислы на Эльбу и на Одеръ.

Необыкновенная эта поспѣшность доказываетъ до очевидности, что Наполеонъ съ этого момента возъимѣлъ намѣреніе, исполненное позже, — явиться въ Испанію самовластнымъ посредникомъ между Карломъ IV и его сыномъ. Будучи вооруженъ письмомъ сына, искавшаго его покровительства, письмомъ отца,—обвинявшаго сына, онъ разсчиталъ, что настала пора вмѣшательства и схватился за это съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Однако на другой день 12, *въ четыре часа утра*, онъ снова писалъ Кларке, но уже въ дру-

---

[99]) Наполеонъ къ Кларке, 11 ноября 1807 г. *Прим. автора.*

гомъ смыслѣ: „Если приказаніе мое, отданное вамъ во вчерашнемъ письмѣ, объ отправкѣ войскъ по почтѣ, еще не исполнено, то я желаю, чтобъ вы остановили его... Сегодня обстоятельства не такъ настойчивы".

Такимъ обраaомъ въ моментъ нападенія на добычу, Наполеонъ пятился, увертывался. Что же такое происходило въ его умѣ? Все объясненіе этой внезапной перемѣны заключалось въ новыхъ событіяхъ, совершившихся въ Мадридѣ. Нравственное смущеніе человѣка, останавливающагося предъ нанесеніемъ удара,—не имѣло здѣсь рѣшительно мѣста. Принцъ Астурійскій, испуганный до крайности послѣдствіями, какія могъ повлечь за собою гнѣвъ короля, и оборотомъ, принятымъ уголовнымъ слѣдствіемъ, выдалъ своихъ сообщниковъ съ неблагодарностью, свойственною подобнымъ людямъ, но въ то же время далъ показанія, которыя должны были погубить его, и послужить ему спасеніемъ. Обличая герцога Инфандато и Эскоиквиза, онъ разсказалъ о свиданіи послѣдняго съ французскимъ посланникомъ, о проектѣ его просить руку принцессы императорской фамиліи, наконецъ о формальномъ предложеніи, которое онъ, по совѣту Богарнэ, послалъ Наполеону. Встрѣтивъ съ крайнимъ испугомъ неожиданно руку императора въ интригахъ, въ которыхъ никто и не подозрѣвалъ его участья, принцъ Мира, знавшій по страшному опыту, чего могло стоить ему оскорбленіе гордости Наполеона, рѣшился немедленно потушить дѣло, и объявить наслѣдника престола непричастнымъ, чтобъ отнять у императора всякій предлогъ къ вмѣшательству. Но по странной непослѣдовательности, выгораживая обвиненіе принца, онъ настаивалъ на преслѣдованіи его сообщниковъ, потому ли. что считалъ общую амнистію невозможною, послѣ шума, надѣланнаго заговоромъ, или не могъ рѣшиться потерять случай поразить своихъ заклятыхъ враговъ. Онъ продиктовалъ Фердинанду два письма, въ которыхъ молодой принцъ умолялъ родителей о прощеніи, потомъ обнародовалъ ихъ

въ королевскомъ декретѣ отъ 5 ноября, которымъ король объявлялъ прощеніе сыну, во вниманіе его раскаянія и просьбъ королевы.

Что касается до другихъ обвиненныхъ, они должны были предстать предъ судомъ. Но министръ юстиціи, маркизъ Кабалерро имѣлъ приказаніе устранить изъ процесса все, что могло скомпрометировать французскаго посланника. Годой чувствовалъ такую необходимость щадить Наполеона въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, до такой степени боялся вновь подвергнуться гнѣву столь опаснаго соперника, что нечего и искать въ другомъ мѣстѣ разгадки, относительно быстроты, съ какою онъ положилъ конецъ процессу. Когда говорятъ, что онъ отступилъ предъ взрывомъ общественнаго мнѣнія, то забываютъ, что этотъ взрывъ произошелъ позже, и потомъ, что лучшее средство оправдаться за починъ процесса — преслѣдованіе его до конца. Впрочемъ депеша Изгвіердо чрезъ нѣсколько дней утвердила его въ этомъ мнѣніи. „Императоръ, сказалъ ему Шампаньи:—требуетъ прежде всего, чтобъ ни подъ какимъ предлогомъ, въ этомъ дѣлѣ, не было публиковано ничего, что могло бы имѣть какое бы то ни было отношеніе къ императору или къ его посланнику.“—„А если Богарнэ *оказался виновнымъ*, настаивалъ Изгвіердо:—то надобно ли отмѣнить дѣйствіе королевскаго правосудія, къ стыду націи?“—„Не требуйте у меня отвѣта, отвѣчалъ Шампаньи: — таково приказаніе его величества. *Это необходимо*“. (Депеша отъ 17 ноября).

Это знаменательное приказаніе убѣдило Мануэля Годоя, что догадка его была справедлива; онъ повиновался въ точности. Въ процессѣ друзей Фердинанда, герцоговъ Инфантадо и Сенъ-Карлоса, не было ни одного намека о роли, какую въ этихъ событіяхъ игралъ французскій посланникъ. Судьи выказали почтенную независимость, отказавшись осудить сообщниковъ, когда былъ оправданъ главный виновникъ; они оправдали ихъ, не смотря на улики, тяготѣвшія надъ ними,

не смотря на явное неудовольствіе короля и на угрозы мстительной королевы. Отважное поведеніе этихъ судей блистательно доказываетъ, что какъ ни была тогда уничижена Испанія, въ ней можно указать на примѣры чести и гражданской добродѣтели, которыхъ напрасно искали бы во Франціи въ царствованіе Наполеона.

Вслѣдствіе искуснаго отступленія Годоя, ударъ былъ отстраненъ и дѣло кончено. Что же станетъ дѣлать Наполеонъ? Такъ какъ онъ видитъ съ неудовольствіемъ, — объ этомъ сколько разъ было писано,—что посланникъ его вмѣшался въ эти интриги, то онъ безъ сомнѣнія отзоветъ его, о чемъ и король Испанскій просилъ настоятельно. Ничуть не бывало, онъ болѣе нежели когда нибудь нуждался въ его слѣпой вѣрѣ и въ ненависти къ принцу Мира, онъ его оставилъ въ центрѣ дѣйствія мирно продолжать дѣло раздора, и написалъ испанскому королю письмо, съ цѣлью усыпить его:

„Господинъ братъ, говоритъ онъ:—по истинѣ я долженъ сообщить вашему величеству, *что я никогда не получалъ никакого письма отъ принца Астурійскаго*, что ни посредственно, ни непосредствено *не слышалъ о немъ*, до такой степени, что не погрѣшая можно сказать, *что не знаю о его существованіи.*“ Это называютъ удивительнымъ благородствомъ, словно онъ не имѣлъ важнаго интереса спасти принца, словно это была не лучшая карта! Онъ говоритъ ему потомъ о Португаліи; онъ только и думаетъ объ этой экспедиціи, это единственное важное дѣло; оно не позволяетъ ему заниматься домашними ссорами своего союзника, и король долженъ прежде всего содѣйствовать экспедиціи. „*Какія нибудь придворныя дрязги*, безъ сомнѣнія, тягостныя для чувствительнаго отцовскаго сердца, не могутъ имѣть никакого вліянія на общія дѣла“... Онъ наконецъ надѣется, что его величество нашелъ хоть какое нибудь утѣшеніе въ его участьи, ибо никто не привязанъ къ нему болѣе

его [100])". Онъ поручилъ это письмо своему камергеру Турнону, проницательному и скромному наблюдателю. Онъ поручилъ ему „наблюдать при проѣздѣ мнѣніе страны обо всемъ происходящемъ—въ пользу ли оно принца Астурійскаго или принца Мира. *Вы замѣчайте также*, продолжалъ онъ:— *но не показывая вида, положеніе крѣпостей Пампелуны и Фонтарабіи*.... Вы соберете *самыя* положительныя справки объ испанской арміи, о пунктахъ, которые она занимаетъ теперь и пр. [101]).

Въ тотъ же день, 13 ноября, онъ приступилъ къ дѣйствію болѣе важному и болѣе рѣшительному нежели все, что до сихъ поръ дѣлалъ. Онъ поручилъ Кларке дать приказаніе Дюпону перейдти границу съ тою второю арміею, которая, по трактату, подписанному двѣ недѣли назадъ, не должна была вступать въ Испанію иначе, какъ съ согласія короля [102]). Онъ не велитъ болѣе войскамъ своимъ отправляться по почтѣ, ибо планъ его измѣнился. Со времени прощенія Карломъ сына, онъ не могъ болѣе вмѣшиваться для освобожденія угнетеннаго принца, но онъ имѣлъ въ виду сослаться на необходимость поддержать Португальскую армію, которой никто не угрожалъ. Вслѣдствіе возбужденія въ которомъ находились умы, — новыя событія не должны замедлить представить ему желаемый предлогъ. Фердинандъ, котораго Наполеонъ, повидимому, хотѣлъ защитить противъ отца и оправдалъ отъ обвиненія въ иностранной перепискѣ, котораго ободрялъ чрезъ посредство Богарнэ, могъ подумать, что его поддерживаютъ и необходимо стараться отомстить. Въ случаѣ, это не состоялось бы, могло явиться сто другихъ случаевъ отъ одного присутствія чужеземнаго войска на

---

[100]) Наполеонъ къ Испанскому королю, 13 января 1807. *Прим. автора.*

[101]) Наполеонъ къ Турнону, 13 ноября. *Прим. автора.*

[102]) Къ Кларке въ тотъ же день. *Прим. автора.*

испанской территоріи. Поэтому онъ приказалъ Дюпону вступить, но не далѣе Витторіи; оттуда онъ долженъ былъ послать офицеровъ по всѣмъ направленіямъ для изученія страны [103]).

Въ то время какъ втихомолку совершилась эта операція, повидимому почти незначительная и столь страшная въ сущности, Наполеонъ хотѣлъ казаться тутъ не причемъ или по крайней мѣрѣ подать видъ, что не приписывалъ этому никакой важности. Онъ даже уѣхалъ въ Италію, велѣвъ заявить шумно объ этомъ путешествіи. Онъ устроилъ такъ, чтобъ торжественно въѣхать въ Миланъ въ тотъ самый день, когда Дюпонъ украдкою вступитъ въ Испанію. Какимъ образомъ подумать, чтобъ этотъ человѣкъ, занятый празднествами и оваціями при торжественныхъ кликахъ своихъ добрыхъ итальянскихъ народовъ, готовился нанести этотъ ударъ Жарнака [104]) испанской монархіи? Если его войска нападаютъ на испанскую территорію, то безъ сомнѣнія это вслѣдствіе какого нибудь недоразумѣнія, какого нибудь дурно понятаго предписанія. Испанскій посланникъ по неволѣ отсрочитъ свой протестъ до болѣе благопріятнаго времени. Теперь императоръ далеко и ему не дотого, чтобъ заняться этимъ дѣломъ. А между тѣмъ наши войска продолжали походъ и наводняли испанскія провинціи. Наполеонъ слѣдилъ за ними, назначалъ имъ стоянки, по наружности какъ бы весь преданный итальянскимъ дѣламъ и единственно занятый благоденствіемъ своихъ народовъ. Благодаря этому отдаленію

---

[103]) ib.

[104]) Жарнакъ, дворянинъ королевской палаты при Франциске I и Генрихѣ II, поссорясь съ дворяниномъ Шатэньере, выпросилъ позволеніе у Генриха II биться на поединкѣ (1547). Жарнаку приходилось плохо, какъ вдругъ онъ неожиданно ударилъ своего противника въ подколѣнокъ. Съ тѣхъ поръ подобный ударъ получилъ названіе *Жарнаковскаго удара*. Это былъ послѣдній поединокъ, дозволенный французскими королями. *Прим. перев.*

Наполеонъ находился внѣ всякихъ нескромныхъ вопросовъ до момента снятія маски. Итальянское это путешествіе было геніальною его чертою. Антагонисты Наполеона, видавшіе въ этомъ только желаніе его насладиться семейною радостью съ братьями Іосифомъ и Люціаномъ и „обнять своего милаго сына" принца Евгенія,—жалкіе цѣнители этой души, столь богатой комбинаціями. Какимъ образомъ могутъ они до такой степени не признавать его генія? Наполеонъ, шумно отправляющійся въ Италію, въ моментъ когда солдаты его врываются въ Испанію, тотъ же самый человѣкъ, что Наполеонъ, запирающійся въ Мальмезонѣ въ минуту, когда приводятъ въ Парижъ герцога Энгіенскаго. Опять это Наполеонъ, остающійся тутъ же въ Италіи, когда полагаетъ, что флоты его соединились въ Ламаншѣ для пораженія Англіи; это Наполеонъ, медлящій въ Булони въ то время, какъ его армія вступаетъ въ Дунайскую долину, чтобъ нанести ударъ Австріи. Здѣсь онъ взятъ живьемъ: можно привести сотни примѣровъ подобнаго рода. Никогда личность не была болѣе вѣрна своему характеру, и это значитъ умельчить и страшно портить ее, если самые блестящіе разсчеты его приписывать то персту судьбы, то движеніямъ пустой сантиментальности. которыя отвергнулъ бы онъ съ презрѣніемъ. Необходимо протестовать отъ имени самаго героя противъ ханжескаго лиризма, который намъ испортилъ этотъ совершеннѣйшій образецъ плутовства и предумышленности.

Жюно, понуждаемый и подстрекаемый Наполеономъ, которому во что бы то ни стало хотѣлось захватить португальскій флотъ, продолжалъ идти къ Лиссабону. Истомленные солдаты его едва были въ состояніи нести оружіе. „Я не понимаю, писалъ императоръ:—чтобъ подъ предлогомъ недостатка продовольствія, походъ Жюно могъ замедляться хоть на одинъ день. Причина эта лишь достаточна для тѣхъ, кто ничего не хочетъ дѣлать. Двадцать тысячъ человѣкъ могутъ прожить вездѣ, даже въ пустынѣ." (5 ноября). Жюно, котораго

Наполеонъ съ нѣкотораго времени третировалъ весьма сурово и который видѣлъ въ этомъ походѣ случай снова войдти къ нему въ милость, рѣшился исполнить во что бы то ни стало эти тягостныя приказанія. Войска его состояли исключительно почти изъ молодыхъ рекрутъ, большая часть которыхъ не достигла еще возраста, требуемаго для военной службы, ибо взяты были въ счетъ будущаго набора. И съ этими неопытными дѣтьми, неспособными выносить продолжительныхъ походовъ, Жюно долженъ былъ, по разсчету Наполеона. пройдти въ тридцать пять дней пространство, отдѣляющее Байону отъ Лиссабона, по гористой странѣ по ужаснымъ дорогамъ, то чрезъ пустыню, то среди бѣднаго, непріязненнаго, полудикаго населенія, безъ продовольствія, безъ всякихъ средствъ. Вступивъ въ Испанію 17 октября, Жюно прибылъ въ первыхъ числахъ ноября въ Саламанку, покинувъ уже за собою большое количество отсталыхъ. Онъ выступилъ 12 ноября, направляясь чрезъ Ціудадъ-Родриго, потомъ по пустыннымъ ущельямъ Моранеи, грабя по пути все, чтобъ не умереть съ голоду, оставляя по дорогѣ солдатъ, изнуренныхъ усталостью, которые почти тотчасъ же погибали подъ ножами возставшихъ обывателей. Въ Алькантарѣ онъ нашелъ кое-какіе запасы и могъ дать своимъ войскамъ отдохнуть и оправиться. Отъ Алькантары онъ пошелъ правымъ берегомъ Таго, но по чрезвычайно труднымъ дорогамъ и крутизнамъ. Дорога эта, огибая зубцами многочисленныя предгорія, отдѣлявшіяся отъ цѣпи Бейты и спускавшіяся до самой рѣки, представляла непрерывный почти рядъ неровностей, которыя сдѣлались непроходимы по случаю обильныхъ дождей, превратившихъ каждый ручей въ потокъ. Новыя эти препятствія не остановили Жюно; генералъ этотъ, казалось, помѣшался на одномъ пунктѣ и мало безпокоился, что вся армія могла остаться на дорогѣ, лишь бы ему самому придти въ назначенный день. Онъ продолжалъ этотъ трудный походъ съ четырьмя или пятью тыся-

чами человѣкъ, похожихъ болѣе на привидѣнія, чѣмъ на солдатъ, оборванныхъ, съ оружіемъ негоднымъ къ употребленію, съ окровавленными ногами, безъ башмаковъ, безъ артиллеріи, безъ обоза, совершенно въ разсыпную, и въ такомъ-то видѣ печальномъ и вмѣстѣ смѣшномъ, 30 ноября, утромъ онъ явился предъ Лиссабономъ. Онъ прибылъ именно въ срокъ, назначенный Наполеономъ; но еслибъ въ португальской арміи нашлась горсть рѣшительныхъ людей, чтобъ напасть на этотъ легіонъ привидѣній, ни одинъ изъ нашихъ солдатъ не пережилъ бы этой безумной выходки. Къ счастью для Жюно и его войска, обаяніе великой арміи прикрывало его слабость [105]).

Въ моментъ когда голова французской колонны показалась въ окрестностяхъ Лиссабона, португальскій флотъ, задержанный нѣсколько дней противными вѣтрами, отплылъ въ Бразилію, унося регента, его мать, все королевское семейство, дворъ, а также друзей и слугъ, которые хотѣли до конца раздѣлить его судьбу, всего около семи или восьми тысячъ душъ отправились искать новаго отечества за океаномъ. Регентъ, обожаемый своими поддаными за доброту сердца и кротость управленія, не могъ безъ глубокой скорби рѣшиться на такое жестокое изгнаніе и хотѣлъ помочь столькимъ беззащитнымъ несчастливцамъ, которые едва знали по имени виновника ихъ бѣдствій. Онъ силился еще умилостивить Наполеона, изъявилъ готовность согласиться на всѣ требуемыя уступки, даже относительно конфискаціи имѣній и арестованія лицъ. Все было напрасно, даже посланиика его Маріальву не допустили на французскую территорію. Отъ него требовали его королевства. Въ дождливый и холодный день 27 ноября онъ вышелъ изъ дворца Ахуды, окруженный

---

[105]) Генералъ Фоа: *Histoire des guerres de la Péninsule.*

Прим. автора.

своимъ семействомъ, среди растроганной толпы, которая провожала его благословеніями и рыданіями. Возлѣ него кошла, какъ живой образъ несчастья, его мать королева, которая давно уже страдала умопомѣшательствомъ и, очутясь вдругъ среди шума, движенія и свѣта, казалось искала вокругъ блуждающими глазами объясненія этой сцены отчаянія. Посадка на суда совершилась среди глубокой тоски, подъ покровительствомъ англійской эскадры, которою командовалъ сэръ Сидней Смитъ. Португальскій флотъ удалился въ моментъ, когда французскія ядра могли его настигнуть Эти тысячи невинныхъ людей, все преступленіе которыхъ заключалось въ томъ, что они соблазнили жадность безжалостнаго завоевателя, отправлялись сквозь тысячу опасностей искать за морями невѣрнаго случайнаго убѣжища, покидая имѣніе, очагъ, родственниковъ, друзей, разрывая — и большинство навсегда — эти тысячи священныхъ узъ, называемыхъ отечествомъ. Никогда со времени римскихъ изгнаній величественный образъ Тацита не казался болѣе истиннымъ: *mare exiliis plenum.* И человѣкъ, который для удовлетворенія своей жадности доводилъ до этого жалкаго положенія такое огромное число несчастливцевъ, на которыхъ онъ никогда не имѣлъ повода жаловаться, былъ доволенъ, спокоенъ, высокомѣренъ, его называли великимъ!

Жюно мирно поселился въ Лиссабонѣ, гдѣ онъ мало-помалу собралъ остатки своей арміи, и безъ боя овладѣлъ всею Португаліею, предоставивъ только роль зрителей двумъ вспомагательнымъ корпусамъ Солано и Таранко. Буйный по природѣ, но добрый и великодушный, Жюно тотчасъ же началъ заботиться о томъ, чтобъ заставить португальцевъ забыть нечувствительно бѣдствія ихъ отечества при кротости его управленія; но ему предстояло исполнять приказанія неумолимаго властелина, который вѣрилъ только во власть, поддерживаемую страхомъ. Наполеонъ упрекалъ за мягкость, какъ за измѣну; ему поскорѣе хотѣлось завладѣть

достояніемъ этого несчастнаго, маленькаго, беззащитнаго народа. „Надежда, питаемая вами на торговлю и благосостояніе, писалъ ему императоръ:—чистѣйшая химера! какая торговля въ странѣ, блокированной и находящейся въ такихъ неопредѣленныхъ военныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находится Португалія?“ Поэтому надобно было конфисковать, сажать въ тюрьму, ссылать, налагать чудовищныя контрибуціи. Онъ получилъ приказаніе обезоружить и выслать во Францію всѣ португальскія войска и всѣхъ подозрительныхъ лицъ, сохранявшихъ какую нибудь привязанность къ королевской фамиліи [106]). Жюно надѣялся, что все окончилось этими безжалостными мѣрами, какъ Наполеонъ прислалъ ему изъ Милана декретъ, дополнившій на много лѣтъ разореніе и бѣдствія португальцевъ. Этимъ декретомъ налагалась на Португалію новая контрибуція во сто милліоновъ франковъ, *чтобъ служить*, по словамъ Наполеона, *для выкупа всѣхъ имѣній, подъ какимъ бы владѣніемъ они ни принадлежали частнымъ лицамъ* [107]). Послѣ этого начала, представлявшаго частныя имѣнія какъ бы принадлежавшими по праву императору французовъ, было бы лишнимъ прибавлять, что всѣ имѣнія государственныя, королевскія и эмигрировавшихъ вельможъ онъ считалъ своею собственностью, также какъ и общественные доходы. Само собою разумѣется, что оккупаціонный корпусъ долженъ былъ содержаться на средства народа, имъ угнетаемаго, и имѣлъ кромѣ того получить награду, равнявшуюся половинному содержанію (§ 9). Вслѣдствіе этихъ ужасныхъ грабежей, отяготившихъ трехмилліонный народъ, лишенный въ тоже время своихъ колоній, торговли и всѣхъ источниковъ, королевство было какъ бы пожрано сразу. Но въ этомъ императорскомъ

---

[106]) Наполеонъ къ Жюно, 20 декабря. *Прим. автора.*
[107]) Декретъ, 23 декабря 1807 г. § 1. *Прим. автора.*

и королевскомъ декретѣ лучше всего выражала духъ, сопутствовавшій нашимъ завоеваніямъ, небольшая статейка слѣдующаго содержанія: „Съ 1 декабря настоящаго года, *каждый человѣкъ нашей Португальской арміи будетъ получать по бутылкѣ вина*, независимо отъ походнаго продовольствія, *назначеннаго* нашими приказаніями (§ 8).“ Историки наперерывъ восторгаются грандіозными словами: „Браганцскій домъ пересталъ царствовать!“ Высокомѣрная декламаторская фраза, предназначенная прикрывать подлый и презрительный поступокъ. Эта бутылка вина менѣе эпична, но она ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ порядкомъ вещей. Всегда говорили о славѣ, даже по поводу подвиговъ, сущихъ разбоевъ, но еще болѣе разсчитывали на сильнѣйшую пружину новаго героизма—на алчность и корыстолюбіе.

Въ виду всего происходившаго въ Португаліи, въ виду презрѣнія, оказываемаго относительно самыхъ положительныхъ и ясныхъ обязательствъ, сосредоточенія войскъ на собственной территоріи, — Испанскій дворъ началъ догадываться, что приготовлялся какой-то необыкновенный сюрпризъ, котораго онъ легко могъ сдѣлаться жертвою. Поэтому онъ хотѣлъ въ одно и то же время добиться отъ Наполеона объясненія его намѣреній, и обезоружить его, предлагая ему новый залогъ покорности и усердія. Не смотря на запирательство Наполеона по поводу просьбы принца Астурійскаго о женитьбѣ, было множество несомнѣнныхъ доказательствъ, что онъ поощрялъ его, если даже не внушалъ; вслѣдствіе этого рѣшено было возобновить просьбу, представляя ее на этотъ разъ отъ самаго правительства и съ соблюденіемъ всѣхъ принятыхъ формальностей. Король Карлъ написалъ къ нему въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, умоляя объ этомъ союзѣ, какъ о милости для своего дома. Немного погодя онъ написалъ ему второе письмо съ просьбою объ исполненіи и обнародованіи Фонтенеблосскаго трактата, о которомъ Жюно такъ мало заботился въ Португаліи

Двойная эта выходка была искусна, ибо она отнимала у Наполеона малѣйшій даже поводъ къ жалобѣ на Испанію. Но Мадридскій дворъ былъ и слишкомъ слабъ, и очень нерѣшителенъ, и весьма простъ, чтобъ избѣгнуть западни. Наполеонъ, видимо смущенный, погрузился въ молчанье. Именно, во избѣжаніе требованій отвѣта въ этомъ родѣ, онъ уѣхалъ въ Италію, но въ силу своей постоянной привычки сохранять всевозможные шансы, представлявшіеся ему, чтобъ въ случаѣ надобности выбрать болѣе выгодный, онъ думалъ и о принятіи предложенія испанскаго короля, еслибъ встрѣтилась необходимость. Между различными комбинаціями, волновавшими его, была одна, на которой онъ останавливался не разъ, именно мысль посадить брата своего Люціана на Португальскій престолъ, еслибъ Люціанъ согласился развестись съ женою, для которой онъ пожертвовалъ расположеніемъ перваго консула. У Люціана отъ перваго брака была дочь невѣста и Наполеонъ съ нѣкоторыхъ поръ самъ хотѣлъ выдать ее замужъ [108]). Эта Люціанова дочь могла, еслибы потребовали того обстоятельства, сдѣлаться залогомъ новаго союза между Наполеономъ и Испанскимъ домомъ. Въ этомъ случаѣ португальскій тронъ для Люціана и по всѣмъ вѣроятіямъ уступка Франціи испанскихъ провинцій на сѣверѣ Эбро была бы цѣною великой чести, оказанной Бонапартами Бурбонамъ.

Высокомѣрное и непоколебимое упорство Люціана на требованія брата вскорѣ уничтожили это мимолетное желаніе. Послѣ нѣсколькихъ часовъ свиданія въ Мантуѣ, оба брата разстались раздраженными и недовольными другъ другомъ ([109]). Наполеонъ настоялъ, какъ онъ говорилъ, получить дочь Люціана „въ свое распоряженіе“, и Люціанъ сог-

---

[108]) Это видно изъ письма Элизы къ Люціану, отъ 20 іюня 1807 г. *Прим. автора.*

[109]) *Mémoires du roi Joseph.* *Прим. автора.*

ласился послать ее въ Парижъ. „Люціанъ, писалъ Наполеонъ къ Іосифу: — казалось мнѣ, былъ волнуемъ различными чувствами, и не имѣлъ достаточно силы воли рѣшиться на что нибудь. Я исчерпалъ всѣ средства, какія были въ моей власти уговорить его, чтобъ онъ посвятилъ свои способности для меня и для отечества. Если онъ хочетъ прислать ко мнѣ дочь, то пусть же ѣдетъ немедланно и чтобъ онъ мнѣ прислалъ на письмѣ, что поручаетъ ее въ полное мое распоряженіе, ибо нельзя терять ни минуты, такъ какъ событія спѣшатъ, *и необходимо, чтобъ судьбы мои совершились.*" (17 декабря). Дочь Люціана дѣйствительно отправилась въ Парижъ; но такъ такъ Люціанъ упорно отказывался отъ короны, долженствовавшей стоить ему домашняго счастья, дѣвушка эта сдѣлалась игрушкою безпорядочной фантазіи. Не успѣла она еще доѣхать до Парижа, какъ Наполеонъ уже бросилъ свое намѣреніе на счетъ предполагавшагося брака.

Императоръ выѣхалъ изъ Италіи, посѣтивъ Миланъ, Венецію, Туринъ, угостившіе его великолѣпными празднествами. Желая дать залогъ патріотическимъ надеждамъ итальянцевъ онъ торжественно усыновилъ Евгенія и назначилъ своимъ наслѣдникомъ на итальянскую корону. Народамъ предложено было наслаждаться церемоніею, которая какъ бы представлялась символомъ будущей независимости націи. Въ ожиданіи этого весьма сомнительнаго будущаго, онъ имъ не далъ даже и тѣни Законодательнаго корпуса, который отнялъ у нихъ въ 1805 году и замѣнилъ собраніемъ канцеляристовъ подъ именемъ *совѣщательнаго Сената.* Онъ оставилъ во время проѣзда различные планы полезныхъ общественныхъ работъ, изъ которыхъ иныя были фантазіями, предназначенными поражать воображеніе, а другіе дѣйствительно нужные, какъ улучшеніе дорогъ, каналовъ и укрѣпленіе городовъ — обстоятельство, котораго онъ никогда не упускалъ изъ виду. Онъ ассигновалъ нѣсколько милліоновъ на венеціанскій портъ,

но уже было не въ его власти исправить развалины, имъ же произведенныя. Венеція была мертвымъ городомъ, и тотъ кто ее убилъ, не былъ уже въ состояніи воскресить ее. Работы, начатыя тамъ по его приказанію, такъ и остались недоконченными [110]). Онъ велѣлъ учредить *общину* на необитаемой вершинѣ горы Сенись и обѣщалъ всевозможныя милости и льготы несчастнымъ, которые пожелали бы тамъ поселиться. Больница, казармы и тюрьма—вотъ что служило центромъ привлеченія для будущей колоніи, которая должна была пользоваться правами общины *свыше пяти тысячъ душъ* [111]). Несмотря на *fiat lux* этой всемогучей воли, природа осмѣлилась не повиноваться. Остались казармы, больница и тюрьма, но жизнь не сошла на эти негостепріимныя вершины. Отъ пышнаго наполеоновскаго декрета не сохранилось ничего, кромѣ нѣсколькихъ малыхъ домиковъ, построенныхъ для пріюта дорожныхъ сторожей.

Наполеонъ также въ Миланѣ выдалъ декретъ, который усилилъ еще строгости континентальной блокады и былъ достойнымъ дополненіемъ сумасбродства берлинскаго декрета. Актъ этотъ впрочемъ имѣлъ оправданіе въ приказѣ Адмиралтейства совѣта, который былъ не менѣе своеволенъ и несправедливъ чѣмъ мѣры самаго Наполеона. Отъ возмездія къ возмездію Англія дошла наконецъ до того, что усвоила на моряхъ политику такую же притѣснительную, какой онъ слѣдовалъ на континентѣ. Приказомъ отъ 11 ноября 1807 г. Британскій кабинетъ принуждалъ всѣ нейтральные флоты, торговавшіе съ Франціею, или ея союзниками заходить обязательно въ Англію и уплачивать опредѣленную подать. Эта тиранская претензія могла быть предявлена временно силою, но она была такого свойства, что

[110]) Графъ Скиписъ: La Dominatiou française en Italie de 1800 à 1805. *Прим. автора.*

[111]) Декретъ 27 декабря 1807, §§ 24 и 33. *Прим. автора.*

могла по системѣ извѣстнаго времени неминуемо возмутить державы, заботившіяся о своемъ достоинствѣ и о своихъ интересахъ, въ особенности Соединенные штаты, молодое и гордое государство, которое не потерпѣло бы склонять свой флагъ передъ подобнымъ оскорбленіемъ. Но Наполеонъ отвѣчалъ на эту мѣру такимъ образомъ, чтобъ обратить противъ Франціи всѣ неудовольствія, которыми она призвана была воспользоваться. На этотъ неловкій вызовъ, поразившій тѣхъ, кого въ интересахъ Англіи было щадить для привлеченія къ своему дѣлу, онъ возразилъ актомъ тысячу разъ безумнѣе, постановивъ „что каждое судно какой бы ни было націи", которое только подвергнется осмотру англійскаго корабля, будетъ, единственно въ силу этого факта, *лишено національности* и объявлено *призомъ*. И онъ поручилъ исполненіе этого декрета, который легче было издать нежели приложить къ дѣлу, своимъ кораблямъ и своимъ *каперамъ*. Эта хвастливая похвальба его обязывала его дѣйствительно захватывать все что оставалось еще нейтральнаго флота въ мірѣ. Но между Англіею и имъ существовала та огромная разница, что она *могла* отправлять свое право обыска, тогда какъ онъ былъ не въ состояніи исполнить своей угрозы. Это уже не была болѣе политика, но школьная декламація: къ несчастью эта декламація, несмотря на свою смѣшную сторону, тѣмъ не менѣе была гибельна.

Наполеонъ возвратился въ Парижъ 3 января 1808 года. Только 10 онъ рѣшился отвѣчать на письмо короля Испанскаго, писанное 18 ноября. Онъ заявилъ такую же готовность скрѣпить союзъ двухъ государствъ, и *охотно соглашался* на бракъ принца Астурійскаго съ принцессою Франціи. Но явилась неожиданная щекотливость по поводу этого принца, котораго онъ собирался защищать, когда того обвинялъ отецъ; казалось теперь онъ не могъ болѣе смотрѣть на него какъ на оклеветаннаго человѣка, а требовалъ разъясненія: „Ваше величество должны понимать, писалъ онъ:— что

нѣтъ честнаго человѣка, который захотѣлъ бы породниться съ *сыномъ, который обезчещенъ вашимъ заявленіемъ*, не имѣя свѣдѣній, что онъ прощенъ вами окончательно." Словно самое предложеніе короля было недостаточно яснымъ въ этомъ отношеніи! Что же касается до предложенія обнародовать Фонтэнеблосскій трактатъ, онъ отвергъ его какъ неудобное и преждевременное. Оно дѣйствительно связало бы ему руки относительно Европы, ибо есть извѣстная степень безстыдства несовмѣстимая съ свѣтомъ гласности. Она въ особенности образумила бы испанскій народъ, который въ продолженіе всего національнаго кризиса казался на столько выше своихъ властителей въ здравомъ смыслѣ и проницательности.

Во время своего пребыванія въ Италіи Наполеонъ избѣгалъ касаться римскихъ дѣлъ, но онъ давно уже рѣшился покончить съ упорствомъ папы. Онъ воспользовался возвращеніемъ въ Парижъ, чтобъ совершить окончательно занятіе римскихъ владѣній, которыхъ различныя провинціи онъ занималъ уже не одинъ разъ. 10 января онъ велѣлъ послать приказъ генераламъ Міоллису и Лемаруа, чтобъ они отправлялись одинъ изъ Милана, другой изъ Неаполя, разсчитавъ походъ такимъ образомъ, чтобъ одновременно проникнуть въ Папскія владѣнія. Міоллисъ какъ начальникъ экспедиціи, долженъ былъ идти на Римъ „*подъ предлогомъ пройдти чрезъ этотъ городъ въ Неаполь* [112])." Занявъ городъ, онъ обязанъ былъ овладѣть замкомъ св. Ангела, оказывать папѣ всевозможныя почести, но объясняя, что ему поручено занять Римъ, *чтобъ арестовать разбойниковъ Неаполитанскаго королевства*, которые искали здѣсь убѣжища. Видно, что съ слабыми, также какъ и съ сильными была одна и та же откровенность, внушаемая императорскою политикою. Въ мо-

---

[112]) Наполеонъ къ принцу Евгенію, 10 января 1808 г.

Прим. автора.

ментъ приближенія Міоллиса къ воротамъ Рима, посланникъ Алькье долженъ былъ вручить кардиналу статсъ-секретарю ноту, въ которой излагались всѣ настоящія или вымышленныя жалобы императора на Римскій дворъ. Говорилось снова о неаполитанскихъ разбойникахъ, *обагренныхъ французскою кровью*, объ агентахъ королевы Каролины, объ англійскихъ агентахъ, *возмущавшихъ спокойствіе Италіи* и проч. Въ нотѣ объявлялось, что Міоллисъ не выйдетъ изъ Рима до тѣхъ поръ, *пока этотъ городъ не будетъ очищенъ отъ всѣхъ враговъ Франціи* [113]). Въ одномъ параграфѣ депеши, написанномъ шифромъ для Алькье, заключались слѣдующія слова надиктованныя Наполеономъ:

„Императору угодно этими пріемами пріучить римскій народъ и французскія войска жить вмѣстѣ, чтобъ на случай, если римскій дворъ будетъ безумствовать какъ въ настоящее время, *то чтобъ онъ нечувствительноересталъ существовать, какъ свѣтская власть, незамѣтно ни для кого*.“ Точно такой же остроумный пріемъ употребилъ Наполеонъ и въ Испаніи. Міоллисъ долженъ былъ ссылаться то на необходимость идти въ Неаполь, то на необходимость защищать тылъ непріятельской арміи, что было противорѣчиво; точно также и генералы, ежедневно входившіе въ Испанію, должны были ссылаться то на приказъ идти на Кадиксъ противъ высадки англичанъ, то на необходимость прикрывать тылъ португальской арміи. Благодаря этимъ хитростямъ все шло съ изумительною легкостью, но надобно было ужь слишкомъ разсчитывать на глупость человѣческую, чтобъ вѣрить, что эти два предпріятія окончатся и никто не спохватится. Кромѣ того было въ высшей степени рискованно и неполитично вести эти дѣла разомъ, поражать верховнаго первосвященника въ то же время какъ нападать на народъ, привязанный до фанатизма къ католической церкви, усложнять войну національную войною

[113]) Къ Шампаньи, 22 января. *Прим. автора.*

религіозною и прибавлять къ могуществу національнаго чувства страшную силу религіозныхъ страстей. Умъ, не видѣвшій подобной опасности, или открывъ ее, несъумѣвшій отложить мелочнаго удовлетворенія мести, такой умъ никогда не обладалъ истиннымъ политическимъ геніемъ.

Наполеонъ такъ далеко тогда не подозрѣвалъ всей важности этихъ двухъ предпріятій, долженствовавшихъ служить пропастью для его фортуны, что казалось съ нетерпѣніемъ желалъ создать новыя ссоры, словно не было мѣста для его дѣятельности. Настойчивыя требованія Россіи объ исполненіи тильзитскихъ обѣщаній относительно Дунайскихъ княжествъ, безпокоили его до такой степени, что онъ былъ почти готовъ начать войну съ этою державою. Въ этотъ самый моментъ, т. е. 12 января 1808 г. онъ поставилъ Себастіани слѣдующій вопросъ: „Если русскіе желаютъ сохранить Молдавію и Валахію, намѣрена ли Порта *вести войну совмѣстно съ Франціею?* и какія у нея военныя средства?“ Миланскій декретъ съ другой стороны поставилъ его въ чрезвычайно дурныя отношенія съ Соединенными Штатами. Онъ велѣлъ захватить тѣ изъ ихъ кораблей, которые подвергались британскому обыску, но во избѣжаніе разрыва обязанъ былъ объявить, что суда эти секвестрованы временно, а не въ качествѣ приза. Наконецъ онъ велъ приготовленія къ огромному сицилійскому походу, которому приписывалъ капитальную важность; онъ объявилъ блокаду острова Сардиніи, какъ союзника Англіи, задумалъ походъ для снабженія Корфу съѣстными припасами, другой чтобъ наказать алжирскаго бея, третій на Мартинику и въ Сенегалъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ составилъ столько плановъ и проектовъ, что не могъ бы привести ихъ въ исполненіе въ продолженіе долговременнаго царствованія.

ГЛАВА VII.

Аранжуэцкая революція.—Байонская западня (январь—май 1808).

Однако французскія войска продолжали вступать въ Испанію, словно и не существовало границы. Послѣ Дюнона прибылъ Монсей съ тридцатью тысячами человѣкъ; послѣ Монсея восточно-пиринейская дивизія подъ командою Дюшана была направлена изъ Перпиньана въ Барцелону—движеніе чрезвычайно трудно объяснимое предлогомъ прикрыть португальскую армію. Въ то же время съ другаго конца Пиринейской цѣпи приближалась дивизія Арманьяка, направляясь изъ Сенъ-Жанъ-Пье-де-Поръ на Пампелуну. „Не показывая ничего, писалъ Наполеонъ:—онъ займетъ цитадель и укрѣпленія [114].“ Монсей долженъ былъ двигаться изъ Витторіи до Бургоса, протянуться какъ можно болѣе по краю подъ предлогомъ заставлять страну менѣе терпѣть. Число войскъ, отправленныхъ до тѣхъ поръ въ Испанію, простиралось до 80,000 человѣкъ, не считая корпуса Жюно. Этого однакожъ было недовольно по мнѣнію Наполеона, и онъ ускорилъ походъ къ Пиринеямъ многихъ избранныхъ корпусовъ и своей гвардіи подъ командою Бессьера. Для пополненія за однимъ разомъ всѣхъ этихъ

---

[114]) Наполеонъ къ Кларке 28 января 1808 г. *Прим. автора.*

пробѣловъ безъ призыва во Францію оккупаціонной германской арміи, онъ сдѣлалъ впередъ наборъ 1809 года, и Сенатъ вотировалъ его со своею обычною услужливостью. Онъ всѣхъ вооружалъ вокругъ себя. Онъ хотѣлъ, чтобъ Іеронимъ изъ своего маленькаго королевства съ двумя миллъонами жителей выставилъ 40,000. „У меня 800,000 подъ ружьемъ, писалъ онъ:—и я набираю еще 80,000.“ (10 января). Донесеніе Шампаньи, напечатанное въ Монитерѣ отъ 24 января, объясняло всѣ эти наборы и движенія войскъ, необходимостью защитить полуостровъ противъ высадки, затѣянной англичанами въ окрестностяхъ Кадикса. Похвальная забота, если должно было цѣнить ее по количеству войскъ для нея потребныхъ. Донесеніе Шампаньи оканчивалось этими вѣщими словами: *„Итакъ весь полуостровъ удостоился обратить вниманіе вашего величества.“*

Но признательность становилась болѣе и болѣе затруднительною для несчастныхъ, на которыхъ распространялось великодушное покровительство Наполеона. Какъ ни были они сами расположены обольщаться, вѣрить самымъ несбыточнымъ мечтамъ, они не могли болѣе сомнѣваться, что приготовлялась какая-то махинація, чрезвычайно опасная для Испаніи и ея государя. Сѣть, опутывавшая ихъ съ каждымъ днемъ, стѣснялась болѣе и болѣе; и не смѣя уже думать разорвать ее, они старались только о томъ, чтобъ не подать ихъ могущественному противнику никакого повода къ жалобѣ, въ надеждѣ, весьма конечно сомнительной, заставить его отступить отъ неловкости объявить свои намѣренія. Они считали, не безъ основанія, невозможнымъ сопротивленіе. Испанская армія была разбросана частью въ Гамбургѣ, частью въ Португаліи, гдѣ Жюно имѣлъ приказаніе слѣдить за нею и удерживать,—частью, наконецъ, у южнаго побережья, куда ее послали по требованію Наполеона противъ мнимой высадки англичанъ. Остальныя же войска были не въ состояніи держаться и противъ одного нашего армейскаго

корпуса. И при томъ, какимъ образомъ съ оружіемъ въ рукахъ встрѣчать солдатъ, являвшихся въ качествѣ союзниковъ, братьевъ. Въ такомъ положеніи, по мнѣнію совѣтниковъ испанскаго двора, необходимо было ожидать большаго разъясненія намѣреній императора. Впрочемъ, можетъ быть, они были и не такъ зловѣщи, какъ предполагалось. Можно ли допустить съ его стороны такое коварство, чтобъ онъ думалъ свергнуть съ престола государя, который заявилъ ему столько доказательствъ дружбы и довѣрія? Во всякомъ случаѣ, развѣ нельзя было всегда отплыть въ Америку по примѣру Браганцкаго дома, призвавъ націю къ оружію.

Вслѣдствіе этого предписано было генералъ-капитанамъ различныхъ провинцій, принимать французскія войска самымъ дружественнымъ образомъ. И послѣднія воспользовались этимъ для овладѣнія вездѣ крѣпостями и цитаделями, находившимися у нихъ подъ рукою. Дарманьякъ въ Пампелунѣ, Дючемъ въ Монжуихѣ и Фигьерѣ, впослѣдствіи самъ Мюратъ въ С.-Себастіано, большею частью дѣйствуя неохотно, но будучи обязаны слѣдовать инструкціямъ, пускали въ ходъ самыя постыдныя мошенничества, чтобъ овладѣть съ помощью измѣны тѣми крѣпостями, какихъ не могли взять силою. Дѣйствія эти, въ смыслѣ которыхъ трудно было ошибаться, начали ужасать короля, королеву и фаворита. До сихъ поръ Наполеонъ къ самымъ угрожающимъ своимъ мѣрамъ примѣшивалъ столько дружескихъ заявленій, что колебаніе дозволялось душамъ, ослѣпленнымъ умышленнымъ легковѣріемъ. Не прислалъ ли онъ недавно въ подарокъ королю и его фавориту четырнадцать великолѣпныхъ лошадей съ своей конюшни? Но нельзя было долѣе закрывать глаза: всѣ эти знаки сочувствія были только ловушками. И для него теперь настала удобная пора, чтобъ мадридскій дворъ понялъ наконецъ его намѣренія, ибо онъ уже ничѣмъ не могъ ихъ уничтожить. Ему нужно было, чтобъ

испанскій дворъ встревожился и избавилъ его отъ труда снимать маску для нанесенія послѣдняго удара.

Къ устрашенію, произведенному движеніями его войскъ, онъ присоединилъ угрозы языка, исполненнаго двусмысленностей, искусственная темнота котораго изобличала однакоже глухое раздраженіе. Бѣдный король, вслѣдствіе письма, въ которомъ Наполеонъ такъ мало выказалъ готовности соединить императорскую принцессу *съ обезчещеннымъ сыномъ*, рѣшился не возвращаться болѣе къ этому предложенію. Теперь же Наполеонъ, казалось, вмѣнялъ ему это молчанье въ преступленіе. „Ваше величество, писалъ онъ 25-го февраля 1808 года: — просили у меня руки французской принцессы для принца астурійскаго. Я отвѣчалъ 10 января, *что я согласенъ*. Ваше величество не упоминаете уже болѣе объ этомъ супружествѣ. Все это оставляетъ въ тѣни много важныхъ предметовъ въ интересахъ моихъ народовъ. Ожидаю отъ вашей дружбы *разъясненія всѣхъ моихъ сомнѣній*“. Въ то же самое время, какъ онъ искалъ этой невѣроятной ссоры съ королемъ, онъ игралъ роль оскорбленнаго государя: выгналъ изъ Парижа Изквіердо, уполномоченнаго по Фонтэнеблосскому трактату, внушивъ ему однакожъ, чрезъ Дюрока и Талейрана новый проектъ трактата, — настоящее политическое страшилище, предписывавшее Испаніи уступку провинцій Эбро взамѣнъ за Португалію и руку французской принцессы. Проектъ этотъ, несчитавшійся ни на минуту серьезнымъ, имѣлъ только цѣлью усилить смятеніе и страхъ мадридскаго двора. И Наполеонъ успѣлъ отлично, ибо Изквіердо, два мѣсяца уже терпѣвшій множество оскорбленій и видѣвшій вблизи приготовленія, направленныя противъ его родины, пріѣхалъ въ Мадридъ съ сердцемъ, переполненнымъ ужаса и отчаянія. Въ моментъ его пріѣзда, опасенія его подтвердились актомъ, объяснявшимъ, что всѣ эти предварительныя мѣры переходили отъ проектовъ къ исполне-

нію: актъ этотъ былъ назначеніе Мюрата главнокомандующимъ Испанскою арміею.

Мюратъ уѣхалъ съ инструкціями чисто военными. Наполеонъ предписывалъ ему содержать армію въ самомъ строгомъ порядкѣ, тщательно сохранять свои сообщенія, велѣть занимать важнѣйшіе пункты, остающіеся позади; но ничего не говорилъ ему о цѣли похода, предоставляя себѣ сообщить ему изо дня въ день свои дальнѣйшія намѣренія. Мюратъ долженъ былъ до новаго приказа избѣгать всякаго сообщенія съ мадридскимъ дворомъ, и на вопросы послѣдняго отвѣчать однимъ молчаньемъ. Этимъ ограничивались его инструкціи, но Наполеонъ, нуждавшійся въ Испаніи въ помощникѣ, рвеніе котораго возбуждалось бы страстями болѣе предпріимчивыми, нежели простая преданность, сдѣлалъ все, не принимая относительно Мюрата никакого формальнаго обязательства, чтобъ легковѣрный зять его [115]) былъ убѣжденъ, что императоръ просилъ его на испанскій тронъ. Убѣжденіе это поощрялось полу-словами, двусмысленными намеками, которые Наполеонъ позволялъ себѣ позже и совсѣмъ неожиданно. Если онъ не дѣлалъ этого при Мюратѣ, то при тѣхъ изъ окружавшихъ, которые, по его мнѣнію, не умѣли хранить тайны. „Можетъ наступить время, писалъ онъ Іерониму, подавая ему надежду на великое герцогство Бергское:— когда Мюратъ получитъ назначеніе *въ другомъ мѣстѣ*". Гдѣ же могло быть это другое мѣсто? Очевидно нигдѣ, кромѣ Испаніи. Мюратъ вѣрилъ этому, какъ и всѣ близкіе, окружавшіе императора, и если въ продолженіе своего краткаго начальствованія онъ и развертывалъ глубину коварства и беззастѣнчивую дерзость, которыя казались мало соотвѣтственными его суетному и легкому характеру, то это можно приписать только крайнему возбужденію честолюбія, кото-

---

[115]) Мюратъ былъ женатъ на сестрѣ Наполеона Каролинѣ Бонапарте.
Прим. автора.

рое работало какъ бы для самого себя. Мюратъ въ этомъ дѣлѣ долженствовалъ быть обманутъ и мистифированъ вполнѣ, такъ же какъ и Богарнэ, надъ которымъ онъ такъ весело подсмѣивался въ кругу своихъ пріятелей.

Мюратъ прибылъ въ Испанію 1 марта, и основалъ свою главную квартиру въ Бургосѣ. Оттуда онъ медленно направлялъ свою армію на Мадридъ концентрическимъ движеніемъ. Дюпонъ шелъ чрезъ Валладолидъ, Монсей чрезъ Аранду такимъ образомъ, чтобъ прибыть первому на гребень горъ Гвадарамы, командующихъ Мадридомъ. Какъ только Монсей перейдетъ за Сомо-Сіерру, Дюпонъ долженъ былъ слѣдовать съ главною массою силъ до Сеговіи, или даже до С. Ильдефонса, чтобъ имѣть возможность поддержать его [116]). Жюно имѣлъ приказаніе подкрѣплять это движеніе, направляясь на Эльвасъ и Бадожоцъ, гдѣ онъ долженъ былъ удерживать корпусъ Солано. Въ то же время поручалось Богарнэ сообщить испанскому правительству о близкомъ вступленіи въ Мадридъ двухъ французскихъ дивизій, *направляющихся въ Кадиксъ*. Онъ долженъ былъ распустить слухъ, что Наполеонъ не замедлитъ проѣхать чрезъ этотъ городъ, *слѣдуя для осады Габралтара, а оттуда въ Африку*. Ему предписывалось также успокоить сторонниковъ принца Мира и вмѣстѣ сторонниковъ принца Астурійскаго, и если тотъ и другой захотѣли бы поѣхать въ Бургосъ для свиданія съ императоромъ, то поощрить ихъ [117]).

Письмами отъ 14 и 16 марта Наполеонъ формально приказывалъ Мюрату не только приблизиться къ Мадриду, но и вступить въ него. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ самымъ тщательнымъ образомъ избѣгать малѣйшаго непріязненнаго дѣйствія и расточать самыя миролюбивыя увѣре-

---

[116]) Наполеонъ къ Мюрату 6 и 9 марта 1808 г. *Прим. автора.*

[117]) Наполеонъ къ Шампаньи, 9 марта. *Прим. автора.*

нія. „Продолжайте дѣйствовать мягко, писалъ ему Наполеонъ отъ 16. Успокоивайте короля, принца Мира, принца Астурійскаго, королеву. *Главное вступить въ Мадридъ*, дать отдыхъ войскамъ и запастись продовольствіемъ. Скажите, что я пріѣду согласить и устроить дѣла". Но если императоръ хотѣлъ во что бы то ни стало избѣгнуть столкновенія съ испанскимъ народомъ прежде овладѣнія королевствомъ, онъ не менѣе желалъ испугать дворъ, чтобъ отдѣлаться отъ него, и столь вѣрно разсчитывалъ на послѣдствія, какихъ должно было ожидать отъ столь естественнаго страха, что даже предвидѣлъ случай, когда онъ укроется въ Севилью или убѣжитъ въ Кадиксъ. Если дворъ скроется въ Севилью, и какъ это могло быть только на время, то Мюратъ имѣлъ приказаніе *оставить тамъ его въ покоѣ* и даже выказать *дружескія чувства*, чтобъ усилить смятеніе и недовѣріе этимъ поведеніемъ, очевидно притворнымъ и лживымъ; если же дворъ переѣдетъ въ Кадиксъ, то это было бы уже бѣгство явное— король скомпрометированъ предъ народомъ, и адмиралъ Розили, занимавшій этотъ портъ съ французскою эскадрою, имѣлъ приказаніе арестовать его въ минуту отплытія, чтобъ этою мѣрою предупредить уступку испанскихъ колоній—неизбѣжное послѣдствіе бѣгства короля въ Америку.

По мѣрѣ того, какъ совершилось это безпримѣрное нашествіе, это завладѣніе вооруженною рукою дружественнымъ краемъ, въ который завоеватели являлись со словами мира и братства, общественное неудовольствіе, сначала сдерживаемое неизвѣстностью, удивленіемъ, незнаніемъ событій, начинало обнаруживаться съ силою, пропорціональною долгому оцѣпенѣнію, въ которомъ находилось; испанскій народъ, всегда нелюбившій иностранцевъ, приходилъ въ негодованіе при видѣ этихъ невѣдомыхъ легіоновъ, занимавшихъ его территорію, подъ предлогомъ ея охраны; но не подозрѣвая еще истинной цѣли этого движенія войскъ, принималъ нашихъ солдатъ не только безъ недовѣрія, но иногда съ го-

товностью. Ненависть и гнѣвъ устремлялись исключительно на особу фаворита, который, по мнѣнію народа, привлекалъ французовъ въ Испанію, чтобъ сдѣлать изъ нихъ орудіе для своего личнаго честолюбія. Кое какое вѣроятіе этому предположенію придавалось тѣмъ, что недальновидный Годой, при началѣ нашествія, желая уклониться отъ справедливыхъ упрековъ и успокоить общественное мнѣніе—велѣлъ распустить слухъ, что вступленіе французскихъ войскъ было условлено между королемъ и императоромъ. Объясненію этому повѣрили и обратили противъ него; на него взваливали отвѣтственность за каждую перемѣну, ему приписывали самые черные замыслы противъ государя, противъ наслѣдника, противъ самой націи. Въ то же время въ силу непослѣдовательности, обычной мнѣніямъ большинства, перетолковывали во вредъ ему хорошо извѣстныя доказательства участья, расточаемыя Богарнэ принцу Астурійскому; слышались громкія предсказанія, что это вмѣшательство, вызванное фаворитомъ, обрушится на его голову и послужитъ въ пользу его жертвы. При этомъ видѣли уже Наполеона, простиравшаго руку надъ головою Фердинанда, возлагавшую на него испанскую корону, которая приняла прежній блескъ, вслѣдствіе близкаго родства съ могущественнымъ императоромъ.

Въ этотъ самый моментъ неопредѣленные, но настойчивые слухи начали разносить по Мадриду молву о близкомъ отъѣздѣ двора. Послѣдній находился тогда въ нѣсколькихъ миляхъ въ Аранжуэцѣ и дѣйствительно располагалъ переѣхать въ Андалузію. Въ виду шествія французовъ, въ виду демонстрацій Наполеона, то двусмысленныхъ, то угрожающихъ, и упорнаго отказа Мюрата дать какое либо объясненіе, Годой понялъ, наконецъ все. Благодаря содѣйствію королевы, онъ могъ уговорить короля уѣхать въ Севилью, городъ, который, лежа за рѣкою и цѣпью горъ, не представлялъ возможности захвата врасплохъ, и который на-

ходился по близости моря. Войскамъ велѣно было собраться въ Аранжуэцъ, а корпусу португальской арміи предписано идти въ Андалузію; наконецъ, подъ строжайшею тайною начались приготовленія къ отъѣзду. Но при королевскомъ семействѣ находился зоркій доносчикъ въ особѣ принца Астурійскаго, который, будучи постоянно обманываемъ Богарнэ и видя во французахъ вооруженныхъ освободителей, пришедшихъ защищать его, считалъ этотъ отъѣздъ разрушеніемъ всѣхъ своихъ надеждъ. Намѣреніе, обнаруженное имъ и министрами, которымъ считалъ обязанностью открыться въ послѣднюю минуту, вскорѣ стало извѣстно всему Мадриду. Это произвело въ столицѣ необыкновенное волненіе. Здѣсь увидѣли всѣ западни, приписываемыя фавориту народнымъ воображеніемъ. Въ виду возраставшаго волненія, король старался опровергнуть слухъ посредствомъ прокламаціи, но не успѣлъ возстановить довѣрія. Раздраженная и недовѣрчивая толпа, состоявшая изъ людей всѣхъ классовъ, бросилась изъ Мадрида и окрестностей въ Аранжуэцъ охранять королевское жилище, а въ случаѣ надобности помѣшать двору исполнить его намѣреніе. Этотъ духъ недовѣрія и мятежа не замедлилъ сообщиться самимъ солдатамъ, принявшимся на половину присматривать за королемъ и его фаворитомъ.

При подобномъ порядкѣ вещей, самомалѣйшій случай служитъ искрою пожара. Вечеромъ, 17 марта, между одиннадцатью и двѣнадцатью часами, дама тщательно закутанная вуалью, въ сопровожденіи почетной стражи, вышла изъ жилища принца Мира. Явился патруль, находившійся недалеко, потребовалъ, чтобъ дама открыла лицо, и въ послѣдовавшей затѣмъ свалкѣ кто-то выстрѣлилъ изъ ружья. Въ ту же минуту, словно по сигналу, со всѣхъ концовъ сбѣжалась разъяренная толпа. Осадивъ дворецъ Годоя, она разбила двери, опрокинула стражу и ворвалась съ криками мщенія и смерти. Толпа не нашла предмета своей ненависти, но почтительно остановилась предъ принцессою Мира, въ которой

видѣла жертву Годоя. Она излила потомъ свой гнѣвъ на мебель, картины и другія произведенія искусства, превратила все въ щепки и лохмотья, и удалилась, не предпринявъ ничего противъ двора, но усиливъ самый строгій надзоръ за нимъ.

Въ эти тяжелыя минуты растерявшійся король думалъ только спасти того, кого онъ называлъ своимъ другомъ. Для успокоенія толпы онъ отрѣшилъ Годоя отъ всѣхъ должностей, отставилъ брата его Діэго отъ командованія гвардіею. День 18 марта прошелъ безъ происшествій. Годоя считали въ безопасности и полагали, что все кончено, какъ вдругъ 19-го, въ 10 часовъ утра, страшный шумъ раздался вокругъ жилища фаворита. Разнеслась вѣсть, что онъ открытъ и арестованъ: толпа начала громко требовать выдачи его, чтобъ разорвать въ куски. Вскорѣ появился блѣдный, окровавленный Годой подъ защитою лейбъ-гвардейцевъ, которые прикрывая его лошадьми, не могли однакожъ, вполнѣ устранять его отъ ударовъ, наносимыхъ ему со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ они провели его въ свою казарму, избавивъ отъ ярости народа, который преслѣдовалъ его проклятіями. Тотъ, кого прихоть судьбы, поднявъ сперва на огромную высоту, бросила потомъ на солому темницы, присутствовалъ въ теченіе тридцати шести часовъ при всѣхъ сценахъ, столь не похожихъ на сцены, видѣнныя имъ прежде. Онъ не проронилъ ни одного изъ криковъ этой толпы, жаждавшей его крови. При первомъ шумѣ, Годой, понялъ въ чемъ дѣло, хотѣлъ было сперва бѣжать чрезъ потайную дверь, но такъ какъ этотъ выходъ былъ оберегаемъ какъ и другіе, то онъ укрылся на чердакъ и легъ, завернувшись въ цыновку. По прошествіи тридцати шести часовъ въ этомъ невыносимомъ положеніи онъ вынужденъ былъ выйдти изъ своего убѣжища, былъ узнанъ однимъ часовымъ, и его арестовали. Не считая Годоя безопаснымъ въ казармѣ, куда отвели его гвардейцы, король, постоянно безпокоясь о немъ, и съ цѣлью

успокоить умы и обезопасить узника, послалъ сына своего Фердинанда, сдѣлавшагося идоломъ большинства. Торжествующій принцъ съ дурно скрытою радостью явился къ павшему фавориту, и обѣщалъ, что жизнь его будетъ спасена. Разсказываютъ, что въ Годоѣ въ эти критическія минуты явился проблескъ гордости, доказывавшій, что сердце его было не безъ отваги. „Развѣ ты уже король, что прощаешь?“ спросилъ онъ у своего смертельнаго врага.—„Нѣтъ, отвѣчалъ Фердинандъ:—но скоро буду“.

Онъ могъ дѣйствительно этому повѣрить, при видѣ быстроты, съ которою слѣдовали событія, и еще въ этотъ самый день судьба, казалось, подтвердила это. Карета въ шесть лошадей, предназначенная для перевезенія фаворита, котораго король во что бы то ни стало хотѣлъ удалить изъ Аранжуэца, остановилась у двери гвардейскихъ казармъ. Толпа разсвирѣпѣла болѣе нежели когда нибудь, бросилась на экипажъ, обрѣзала постромки, разбила карету и прогнала прислугу. При этомъ извѣстіи король Карлъ IV, утомленный этою продолжительною борьбою, испуганный непопулярностью—при чемъ припомнились ему трагическія сцены французской революціи, обнаружилъ намѣреніе отказаться отъ престола въ пользу своего сына. Королева, заботившаяся только объ опасности Годоя, схватилась съ жаромъ за это послѣднее средство спасенія, и никто изъ присутствовавшихъ не отговаривалъ ее. Актъ отреченія былъ составленъ немедленно, и къ семи часамъ вечера его обнародовали въ Аранжуэцѣ. Народъ встрѣтилъ его съ продолжительными радостными криками, которые въ ту же ночь донеслись до Мадрида. На другой день тамъ былъ провозглашенъ Фердинандъ VII среди настоящаго бреда, въ которомъ ненависть къ павшему фавориту равнялась съ восторгомъ къ новому государю. Народъ бросился и началъ грабить родственниковъ и друзей Годоя, топтать ногами его бюсты. — А по улицамъ торжественно носили портреты молодаго государя,

котораго щедро надѣляли всѣми добродѣтелями, ибо чаще всего народное воображеніе опрокидываетъ одного идола для того, чтобъ воздвигнуть другаго. Въ такихъ случаяхъ не судятъ, а обожаютъ или ненавидятъ; тогда въ глазахъ людей нѣтъ середины, а есть богъ или чудовище.

Пока этотъ народъ оглушалъ себя собственными кликами и рукоплескалъ наступленію эфемернаго царствованія, Мюратъ втихомолку спускался съ покатостей Гвадарамы. Онъ былъ только въ милѣ отъ Мадрида. Аранжуэцкая революція представляла ему совершенно измѣненное положеніе. Съ одной стороны не исполнилось намѣреніе бѣгства, на которое онъ не разсчитывалъ, съ другой онъ встрѣтилъ молодаго и популярнаго короля, вмѣсто колеблющагося и преклоннаго. Случай этотъ, весьма невѣроподобный въ такой странѣ, не былъ предусмотрѣнъ Наполеономъ. Бѣгство двора считалось уже какъ бы совершившимся фактомъ. Онъ такъ былъ хорошо извѣщенъ агентами, что ожидалъ даже минуты его исполненія, но ожидалъ еще съ большимъ любопытствомъ—какой эффектъ произведетъ оно въ Мадридѣ: „Предполагаю, писалъ онъ Мюрату въ томъ же письмѣ, гдѣ предсказывалъ отъѣздъ короля въ Севилью:—что получу извѣстіе *обо всемъ, что произошло 17 или 18 марта въ Мадридѣ* [117])". Предусмотрѣнный кризисъ начался очень хорошо, дѣйствительно въ теченіе этихъ двухъ дней, но кончился совершенно иначе, какъ предполагали.

Но если Мюратъ не имѣлъ особой инструкціи для усложненія, которое не было предусмотрѣно, у него были инструкціи и общія, которыя указывали ему ясно, что дѣлать, еслибы не подсказало ему это собственное честолюбіе, возбужденное до высшей степени ложными надеждами. „Успокойте всѣхъ, писалъ ему Наполеонъ во всѣхъ письмахъ:—соблюдайте равновѣсіе между всѣми партіями; я хочу не только остаться

---

[117]) Наполеонъ къ Мюрату, 23 марта. *Прим. автора.*

другомъ Испаніи, но быть въ состояніи одолѣть сопротивленіе силою; скажите испанцамъ, что я пріѣду, что относительно ихъ страны питаю наилучшія намѣренія. Пришлите мнѣ принцевъ въ Бургосъ и Байону, если найдете возможнымъ [118])." Совершится ли бѣгство двора или не совершится, а эти различныя предписанія обнаруживаютъ очевидную запасную мысль предстать предъ испанскою націею самовластнымъ распорядителемъ между двумя партіями, ее раздѣляющими. Съ насильственнымъ нарушеніемъ равновѣсія въ пользу одной изъ этихъ партій, Мюратъ по духу инструкцій долженъ былъ возстановить его въ пользу другой, не предрѣшая, впрочемъ, ничего, относительно сущности самого спора. Но онъ принялся за это съ такою тонкостью и такимъ маккіавелизмомъ, какіе только одно честолюбіе могло придать его уму, не блиставшему вообще значительно силою разсчета.

Онъ находился у воротъ Мадрида, когда получилъ отъ Этрурской королевы, которую зналъ въ Италіи — она пріютилась у его родныхъ послѣ того какъ была изгнана изъ королевства Наполеономъ—письмо, въ которомъ она умоляла его сжалиться надъ свергнутыми съ трона государями и принцемъ Мира. Напомнивъ Мюрату узы дружбы, связывавшія его съ Годоемъ, королева неотступно умоляла его взять принца подъ свое покровительство и пріѣхать въ Аранжуэцъ повидаться съ королемъ. Мюратъ не поѣхалъ, но послалъ своего адъютанта Монтіона. Офицеръ этотъ видѣлъ изгнанныхъ государей, былъ свидѣтелемъ ихъ горести, страха, ихъ тревоги за Годоя, страшнаго озлобленія противъ сына, котораго обвиняли они во всѣхъ несчастіяхъ. Монтіонъ передалъ письмо королевы Испанской, наполненное самыми покорными мольбами: онъ съ императоромъ были един-

[118]) Письма Наполеона къ Мюрату отъ 8 до 16 марта.

Прим. автора.

ственною надеждою на спасеніе. Она обращалась къ его дружбѣ, къ его гуманнымъ чувствамъ. Принцъ Мира былъ такъ жестоко преслѣдуемъ собственно за свою преданность Франціи и императору. Она просила лишь дать ей возможность окончить дни въ странѣ, которая благопріятствовала бы ихъ здоровью съ мужемъ, и окончить ихъ вмѣстѣ съ королемъ и ихъ единственнымъ другомъ, который былъ также и другомъ Мюрату (22 марта).

Странно, что въ явно поддѣланныхъ письмахъ, которыя гораздо позже Наполеонъ велѣлъ напечатать въ *Монитёрѣ*, подъ заглавіемъ писемъ испанской королевы, оставлено много мѣстъ, въ которыхъ съ тою же наивностью выражено желаніе жить въ уединеніи, столь мало совмѣстимое съ честолюбивыми жалобами, ей приписанными: „Пусть великій герцогъ, говоритъ она въ другомъ изъ этихъ писемъ: — походатайствуетъ у императора, чтобъ моему мужу, королю, мнѣ и принцу Мира дали чѣмъ жить всѣмъ троимъ вмѣстѣ, гдѣ нибудь въ благопріятномъ для нашего здоровья климатѣ, безъ власти и безъ интригъ“ [119]). Конечно, это не были чувства королевы, которая стремилась—снова взойти на тронъ. Но для политики Мюрата и Наполеона было нужно, чтобъ она казалась такою и выражала чувства, которыхъ не имѣла, да и было не трудно, впрочемъ, довести ее притворяться въ этомъ, подавая ей надежду къ отмщенію.

Получивъ эти свѣдѣнія отъ своего адъютанта, Мюратъ немедленно задумалъ воспользоваться всѣмъ могуществомъ, придаваемымъ ему этою ролью покровителя, чтобъ получить отъ короля протестъ противъ отреченія. Если отказъ отъ престола не былъ вынужденъ у него насиліемъ, то по крайней мѣрѣ продиктованъ страхомъ и не сопровождался никакими формальностями, употребительными въ подобномъ слу-

---

[119]) Письма Испанской королевы были напечатаны 5 февраля 1810 г.
Прим. автора.

чаѣ. Монтіонъ снова поѣхалъ въ Аранжуэцъ 23 марта. Онъ возвратился оттуда съ бумагою, подписанною заднимъ числомъ, 21-мъ марта, въ которой король заявлялъ, что отрекся отъ короны „для того, чтобъ избѣгнуть величайшаго несчастья и устранить пролитіе крови своихъ подданныхъ, вслѣдствіе чего актъ становился недѣйствительнымъ". Вооружась этимъ документомъ и рѣшась держать его въ тайнѣ, пока Наполеонъ рѣшитъ какъ удобнѣе употребить его, вознамѣрившись съ другой стороны не признавать Фердинанда, пока получится приказаніе, Мюратъ, какъ мы видимъ, не побуждалъ никого; онъ оставлялъ вещи, какъ онѣ были, ловко предоставляя императору свободу дѣйствій. Онъ принялъ только нѣкоторымъ образомъ охранительную мѣру въ предписанномъ ему положеніи, даже несравненно улучшилъ его съ точки зрѣнія задуманнаго произвола, потому что вслѣдствіе этого протеста вмѣсто короля было только два претендента на корону, опиравшихся и тотъ и другой на спорныя права.

Среди пламенныхъ страстей, волновавшихъ испанскій народъ, мало было мѣста для предусмотрительности или разсужденія. Поэтому на вступленіе Мюрата въ Мадридъ 23 марта смотрѣли какъ на вспомогательную силу для поддержки новаго царствованія. Онъ велѣлъ обнародовать прокламацію, въ которой предавалъ общественному негодованію тѣхъ, которые старались возбудить *несправедливое и смѣшное недовѣріе* къ французской арміи. Большинство повѣрило ему на слово. Всѣ знали, что давно уже Богарнэ былъ совѣтникомъ и рѣшительнымъ сторонникомъ принца Астурійскаго; значитъ императоръ былъ за принца, хотѣлъ женить его на одной изъ своихъ племянницъ, и французскія войска могли только утвердить тронъ Фердинанда. Публика не всматривалась ближе, и обитатели Мадрида приняли нашихъ солдатъ съ отверзтыми объятіями. Французы на другой день присутствовали при вступленіи Фердинанда въ его столицу.

Пріемъ этотъ далъ поводъ къ такимъ взрывамъ радости и любви, что становится удивительнымъ, какъ Мюратъ, при всей своей ловкости, не былъ, подобно другимъ наблюдателямъ, пораженъ дикою энергіею, которая обнаруживалась въ восторгахъ народа.

Для корреспонденціи между Парижемъ и Мадридомъ требовалось тогда не менѣе шести или семи дней. Значитъ, Наполеонъ получилъ только 27 марта письмо, въ которомъ Мюратъ извѣщалъ его о событіяхъ 18—20 марта, т. е. объ Аранжуэцкой революціи, о паденіи Годоя, объ отреченіи короля. Что же касается протеста, онъ узналъ о немъ лишь 30 марта, ибо Мюратъ самъ имѣлъ его въ рукахъ только 23 и послалъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, 24. Но Наполеонъ прежде еще, чѣмъ познакомился съ этимъ столь важнымъ для него актомъ, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, начерталъ Мюрату программу поведенія, смыслъ которой заключался въ томъ, что онъ заранѣе одобрялъ все сдѣланное главнокомандующимъ: „Я получилъ ваше письмо отъ 20, писалъ онъ ему 27 марта. — Вы должны стараться, чтобъ не произошло никакого вреда королю, королевѣ и принцу Мира... *До тѣхъ поръ пока будетъ признанъ мною новый король, вы должны поступать такъ какъ бы старый король не переставалъ царствовать;* вы должны ожидать объ этомъ моихъ приказаній“. Невозможно болѣе ясно опредѣлить общаго смысла политики, которой слѣдовалъ Мюратъ, какъ подъ диктовку своего честолюбія, такъ и прежнихъ инструкцій. Что же касается до намѣренія, вдохновлявшаго Наполеона въ этомъ положеніи высшаго безпристрастія, которое онъ хотѣлъ принять между двумя королями, оно обнаруживается во всей своей желанной полнотѣ въ слѣдующемъ письмѣ, отправленномъ въ тотъ же день, 27 марта, къ его брату, королю Голландскому:

„.... Я рѣшился возвести французскаго принца на испанскій престолъ. Климатъ Голландіи вамъ неблагопріятенъ.

Отвѣчайте мнѣ категорически. Если я васъ сдѣлаю Испанскимъ королемъ, согласны ли вы, могу ли я на васъ разсчитывать?.. Не довѣряйтесь никому и не говорите ни слова о содержаніи этого письма, ибо нужно прежде совершиться факту, для того, чтобъ сказать, что объ немъ думали".

Такимъ образомъ рѣшеніе Наполеона свергнуть съ престола испанскихъ Бурбоновъ, чтобъ замѣнить ихъ принцемъ своей династіи, рѣшеніе обнаруживаемое до сихъ поръ множествомъ весьма ясныхъ признаковъ, подтверждается вещественно, отъ 27 марта документомъ неоспоримой подлинности. Въ эту минуту Наполеонъ еще не зналъ о протестѣ Карла IV, который дошелъ до него лишь 30 съ депешею Мюрата, и который возбудилъ въ немъ только одно — это полнѣйшее и точнѣйшее имъ когда либо одобреніе поведенія великаго герцога Бергскаго: „Я получилъ ваши письма *съ письмами короля Испанскаго*, пишетъ онъ. Вы хорошо поступили, не признавъ принца Астурійскаго. Вы должны помѣстить короля Карла IV въ Эскуріалѣ, обращайтесь съ нимъ съ величайшимъ уваженіемъ, объявите, что онъ по прежнему царствуетъ въ Испаніи, до тѣхъ поръ, пока я признаю революцію. *Я предполагаю, что принцъ Мира пріѣдетъ чрезъ Байону*". Эти послѣднія слова, будучи сопоставлены съ инструкціею, предписывавшею Мюрату выслать принцевъ въ Бургосъ, и съ однимъ мѣстомъ изъ письма, посланнаго въ тотъ же день къ Бессьеру, доказываютъ, что Наполеонъ, не приказывая опредѣлительно Мюрату выслать къ нему силою королеву, короля и Годоя, намекалъ ему во всякомъ случаѣ принять на себя эту смѣлую иниціативу. Давъ ему замѣтить, что онъ ее предвидѣлъ, онъ заставлялъ его предполагать, что мѣра вытекала сама изъ себя: „Покровительствуйте принцу Мира, писалъ онъ Бессьеру:—его посылаютъ во Францію для его же спасенія. Примите съ глубокими уваженіемъ короля и Карла IV и королеву, если великій герцогъ *направитъ* ихъ въ вашу сторону".

Съ 27 марта Наполеонъ не только приказывалъ и одобрилъ все, что было до тѣхъ поръ сдѣлано Мюратомъ въ Испаніи, но онъ пошелъ гораздо дальше этого, ибо онъ внушилъ уже ему то, что должно было исполниться гораздо позже, и располагалъ короною, предлагая ее своему брату Людовику. Чрезвычайно важно помнить всѣ эти обстоятельства для того, чтобъ судить безпристрастно объ одномъ самомъ дерзкомъ и до сихъ поръ общепринятомъ подлогѣ, на какой только можно указать въ печальномъ репертуарѣ историческихъ обмановъ. Документъ, о которомъ я намекаю, есть весьма извѣстное письмо Наполеона къ Мюрату отъ 29 марта 1808 г. Письмо это первый разъ было напечатано Ласказомъ въ *Mémorial de Sainte-Hélène;* его перепечаталъ Монтолонъ, который утверждаетъ, какъ и самъ Ласказъ, что получилъ его лично отъ Наполеона. Оно до такой степени носитъ на себѣ отпечатокъ слога и понятій императора, что обмануло всѣхъ историковъ, которые позволили себѣ замѣтить, какъ оно противорѣчитъ всему тому, что онъ писалъ до и послѣ этого письма. Явясь послѣдними и съ болѣе вѣрными средствами для изысканій, издатели *Correspondance*, удостовѣряя, что не могли найдти ни оргинала, ни черноваго, ни даже подлинной копіи съ этого документа, они не поколебались помѣстить его въ хронологическомъ порядкѣ между письмами императора, не заботясь ни объ интересахъ исторической истины, ни объ ошибкахъ, которымъ они подвергали довѣріе своихъ читателей.

Письмо это, написанное съ очевиднымъ намѣреніемъ взвалить на Мюрата отвѣтственность за испанскія событія, есть не что иное, какъ длинное увѣщаніе, въ которомъ Наполеонъ предсказываетъ своему зятю съ проницательностью, какую историкъ не колеблется назвать *сверхъестественною*, всѣ затрудненія имѣющія возстать вокругъ него. Онъ горько жалуется, что былъ увлеченъ и скомпрометированъ безразсудною поспѣшностью: „Онъ боится, чтобъ Мюратъ не

ошибся и не обманулъ его самого, относительно положенія Испаніи. Мюратъ не долженъ думать, что нападаетъ на безоружную націю; *испанцы народъ новый, энергическій*, обладающій отвагою и энтузіазмомъ людей, не изнуренныхъ политическими страстями. Аристократія и духовенство господствуютъ въ Испаніи. *Они подымутъ массы, которыя продолжатъ войну до безконечности...* У Испаніи сто тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ; *будучи раздѣлены на многихъ пунктахъ, они послужатъ ядромъ для полнаго возстанія всей монархіи...* Онъ можетъ много сдѣлать для Испаніи, но какія лучше средства для этого? Поѣдетъ ли онъ въ Мадридъ? Исполнитъ ли онъ актъ великаго протектората, рѣшивъ между отцомъ и сыномъ?.. Не должно ничего ускорять, надо совѣтоваться съ ходомъ событій... Онъ не одобряетъ его за столь поспѣшное вступленіе въ Мадридъ, надо было держаться отъ него въ десяти миляхъ. Мюратъ озаботится пригласить его на свиданіе съ Фердинандомъ *только тогда, когда сочтетъ положеніе вещей въ такомъ порядкѣ, что Наполеонъ долженъ признать его королемъ Испанскимъ.* Онъ будетъ дѣйствовать такимъ образомъ, чтобъ испанцы не могли подозрѣвать, какое рѣшеніе приметъ Наполеонъ, что будетъ не трудно, *ибо онъ и самъ еще ничего не знаетъ*". Потомъ слѣдуетъ нѣсколько плановъ, задуманныхъ императоромъ для возрожденія Испаніи и усовершенствованія ея учрежденій. Наполеонъ снова рекомендуетъ Мюрату, какъ онъ долженъ щадить всѣхъ обитателей, а въ особенности дворянъ и духовенство, исчисляетъ нѣсколько обѣщаній, какія нужно дать испанцамъ. Письмо оканчивается военными инструкціями, которыя мы разсмотримъ ниже.

Въ этомъ сообщеніи, непомѣрно длинномъ и многорѣчивомъ, съ перваго раза поражаетъ, во первыхъ, чрезвычайная разность въ тонѣ и языкѣ, отличающая его отъ всѣхъ писемъ, которыя Наполеонъ писалъ къ Мюрату до и послѣ 29 марта. Въ немъ и его слогъ и его духъ—въ этомъ нѣтъ

ни малѣйшаго сомнѣнія; но, будучи сопоставлено съ другими, оно тѣмъ не менѣе производитъ самый разительный диссонансъ. Въ немъ нѣтъ ни наполеоновской сжатости, ни его практической воздержности, ни прямой быстрой манеры, а чувствуется просто литературное сочиненіе. Онъ относится ко всѣмъ предметамъ тѣми пышными и торжественными общими мѣстами, которыя напоминаютъ монологи, обращенные къ наперсникамъ трагедій. На сколько Наполеонъ въ своей перепискѣ съ Мюратомъ точенъ, кротокъ, строгъ, повелителенъ, на столько онъ здѣсь неопредѣленъ, пространенъ и слабъ. Вмѣсто грубости, которую онъ употреблялъ обыкновенно, когда имѣлъ поводъ быть недовольнымъ, онъ только не одобряетъ его въ выраженіяхъ, исполненныхъ великодушной умѣренности. Вмѣсто того, чтобъ обращаться къ нему во второмъ лицѣ, какъ во всѣхъ письмахъ этого времени, *безъ малѣйшаго исключенія* [120]), онъ называетъ его *императорскимъ высочествомъ* — странность тѣмъ болѣе поразительная, что даже въ продолженіе первыхъ лѣтъ, когда Мюратъ сдѣлался королемъ, Наполеонъ отказывалъ ему въ титулѣ *величества*. Вмѣсто того, чтобъ сказать прямо чего онъ хочетъ и не хочетъ, онъ ему читаетъ полный курсъ политики о прошедшемъ и о будущемъ Испаніи; онъ даетъ ему совѣты, которые самъ всегда ставилъ ни во что; наконецъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ развертываетъ передъ нимъ рядъ предсказаній, изъ которыхъ малѣйшее, еслибъ только мелькнуло у него въ головѣ, было бы уже достаточно, чтобъ онъ измѣнилъ радикально свои планы.

Но какъ ни очевидны эти несообразности для опытнаго глаза, они ни что въ сравненіи съ противорѣчіями подробностей, представляемыми этимъ документомъ, когда ихъ сли-

---

[120]) Здѣсь вѣроятно произошло какое нибудь недоразумѣніе, потому что г. Ланфре приводитъ письма Наполеона къ Мюрату, въ которыхъ императоръ называетъ его вездѣ *вы*. *Прим. перев.*

чить съ точными приказаніями и инструкціями, которыя Наполеонъ писалъ въ то же время и къ тому же лицу. Что онъ скрылъ отъ Мюрата, сдѣланное королю Людовику предложеніе какъ бы отъ нерѣшимости, которая не была въ его характерѣ, это не удивительно. Что онъ говоритъ ему объ испанцахъ, какъ о народѣ молодомъ и энергическомъ, объ аристократіи и духовенствѣ, какъ о двухъ могущественныхъ классахъ въ Испаніи, въ то время, когда все его поведеніе доказываетъ, что онъ не вѣрилъ ни въ эту энергію, ни въ это всемогущество, когда онъ упрекалъ его „за приданіе слишкомъ большой важности мнѣнію города Мадрида и фантазіямъ черни [121])“ — это еще можно допустить, ибо дѣйствія человѣка не всегда согласны съ его мыслями. Но какимъ образомъ объяснить невѣроятное опроверженіе самого себя, если не предположить минутнаго умопомѣшательства? „*Я не одобряю*, пишетъ онъ въ этомъ мнимомъ письмѣ 29 марта:—*рѣшенія вашего императорскаго высочества овладѣть такъ поспѣшно Мадридомъ; надобно было стоять съ арміею въ десяти миляхъ отъ Мадрида*“. Но вѣдь этотъ приказъ вступить въ Мадридъ данъ Наполеономъ 9 марта и съ этого дня возобновлялся постоянно. И это не все; съ 9 марта онъ приказываетъ ему вступить, *даже силою*, если нужно, такъ онъ далекъ отъ страха, придаваемаго ему апокрифическимъ письмомъ: *если возгорится война, все погибло*. Онъ предпочиталъ мирныя средства, но нисколько не отступалъ и предъ употребленіемъ силы: „Если бы случилось, писалъ онъ ему: — что испанцы были бы въ состояніи защищаться въ Мадридѣ, генералъ Дюпонъ долженъ направиться чрезъ С. Ильдефонсъ, соединиться съ вами, и идти на Мадридъ, *для совокупности дѣйствій*, если это нужно“. 14 марта, посылая ему самыя точныя военныя инструкціи, чтобъ не оставить ничего не предусмотрѣннымъ, онъ прибавляетъ: „Полезнѣе

---

[121]) Наполеонъ къ Мюрату, 9 апрѣля. *Прим. автора.*

всего прибыть въ Мадридъ мирно, расположить корпуса по дивизіямъ, чтобъ они казались многочисленнѣе и проч.“ 16 марта онъ настаиваетъ снова: „Главное прибыть въ Мадридъ, дать отдохнуть войскамъ и запастись продовольствіемъ“. 19 марта онъ еще настойчивѣе: *„Я предполагаю, что вы получите это письмо въ Мадридъ я былъ бы чрезвычайно радъ узнать, что войска мои туда мирно вступили“.*

Наполеонъ до такой степени самъ все расположилъ и установилъ относительно этого похода Мюрата на Мадридъ, что зналъ и заранѣе количество переходовъ, и точный день вступленія. Отъ 9 марта онъ поручаетъ Шампаньи предупредить Богарнэ, „что 22 или 23 марта пятидесятитысячная французская армія вступитъ въ Мадридъ“, а 23 марта, день въ который войска наши очутились у воротъ Мадрида, онъ пишетъ Мюрату: *„Предполагаю, что вы прибыли сегодня, или что завтра вступите въ Мадридъ“.* Съ этого момента, онъ о вступленіи въ испанскую столицу говоритъ уже какъ о совершившемся фактѣ; изъ страха, чтобъ у Мюрата не было недостатка въ войскахъ для подавленія возстанія, онъ приказываетъ Депьеру идти форсированнымъ маршемъ на Мадридъ съ императорскою гвардіею (26 марта). А между тѣмъ хотятъ, чтобъ этотъ самый человѣкъ, въ письмѣ къ Мюрату 29 марта, къ Мюрату, у котораго, какъ ему было извѣстно, имѣлись столь положительныя и столь настойчивыя приказанія, говорилъ ему о вступленіи въ Мадридъ, какъ о фактѣ совершившемся противъ его воли? Неужели такому разсчетливому человѣку, какъ Наполеонъ, осмѣливаются приписать подобный промахъ?

Упреки, которые будто бы онъ дѣлалъ Мюрату въ другихъ отношеніяхъ, тоже не менѣе объяснимы: „Вы предпишете Дюпону, говоритъ онъ еще: — *идти поспѣшно*“. И такъ это движеніе онъ самъ съ точностью обозначалъ въ своихъ инструкціяхъ отъ 14 марта и въ слѣдующіе дни, въ которыхъ велитъ привести въ Мадридъ большую часть кор-

пуса Дюпона; и намѣренія его въ этомъ отношеніи до такой степени рѣшительны, что онъ возвращается къ нимъ 27 марта въ самыхъ формальныхъ выраженіяхъ: „Я могу только вамъ повторить *то, что уже вамъ приказалъ*—соединить корпуса *Монсея и Дюпона въ Мадридѣ*". Что касается до поведенія относительно вспомогательныхъ войскъ Солано, противорѣчіе, не будучи столь рѣзко, не менѣе дѣйствительно между фиктивными и настоящими приказаніями: „Допустите Солано перейдти Бадажоцъ, говорится въ мнимомъ документѣ... Держитесь постоянно на разстояніи отъ испанскихъ войскъ; *если война возгорится, все пропало*". Послѣднія слова достаточно указываютъ умъ, диктовавшій это придуманное послѣ распоряженіе; видно, что хотѣли себѣ, послѣ событія, приписать честь предусмотрительности, которой не имѣли. Давно уже приказано было Жюно помѣшать во что бы то ни стало Солано идти на Кадиксъ или на Мадридъ, также какъ и генералъ Мерле имѣлъ повелѣніе удерживать въ Бургосѣ испанскій корпусъ, занимавшій Галицію, а первою обязанностью Мюрата было поддерживать и тотъ и другой. Относительно же свиданія Наполеона съ Фердинандомъ—таже невозможность согласить мнимое письмо со всѣми предшествующими и послѣдующими. Наконецъ противъ подлинности этого документа говоритъ письмо Наполеона къ Мюрату отъ 9 апрѣля, въ которомъ онъ ему пишетъ: Вижу изъ вашего письма отъ 3 апрѣля, *что вы получили мое письмо отъ 27 марта. Мое письмо отъ 30...* „Савари, который долженъ къ вамъ пріѣхать, еще лучше объяснитъ вамъ мои намѣренія". И ни слова о такомъ важномъ, такомъ длинномъ и пространномъ письмѣ, какъ отъ 29 марта! Предположивъ, что онъ не могъ самъ себя опровергнуть подобнымъ образомъ, можно ли допустить, чтобъ онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на депешу, которая должна была совершенно опровергнуть всѣ планы Мюрата? Можно ли допустить, чтобъ онъ не только хранилъ о ней положительное

молчанье, но и продолжалъ отдавать своему главнокомандующему приказанія, которыя во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчили тѣмъ, какія заключались въ этой депешѣ.

Что столь рѣзкія противорѣчія ускользнули отъ историковъ, немогшихъ знать *Корреспонденціи* Наполеона, и что въ знаменитомъ письмѣ отъ 29 марта они видѣли великолѣпную геніальную мысль Наполеона, парализованную неблагоразуміемъ и честолюбіемъ Мюрата, это понятно; но чтобъ выдавать намъ его за подлинное, послѣ того, какъ мы имѣли всѣ матеріалы процесса передъ глазами, невозможно, если здравый смыслъ и распознаваніе имѣютъ какое нибудь право надъ легковѣріемъ и предубѣжденіемъ. Страстный почитатель памяти Наполеона, предшественникъ нашъ въ этой исторіи, пораженный подобно намъ, неразрѣшимыми противорѣчіями, которыя представляютъ это письмо отъ 29 марта, относительно всего предшествующаго и послѣдующаго, возстановилъ нѣкоторыя изъ нихъ съ видимымъ смущеніемъ въ одномъ изъ остроумнѣйшихъ разсужденій [122]). Онъ представляетъ намъ, не безъ краснорѣчія, зрѣлище любопытной борьбы въ его умѣ— между критикою и идолопоклонствомъ, потомъ въ моментъ заключенія, не имѣя возможности ни вѣрить, чтобъ Мюратъ когда нибудь получилъ подобное необыкновенное посланіе, ни допустить, чтобъ Наполеонъ могъ лгать, утверждая, что его написалъ, онъ отдѣлывается съ помощью тонкаго оборота, который, по его мнѣнію, все улаживаетъ и говоритъ, что депеша была дѣйствительно написана, но не отправлена. Она въ его глазахъ „ни что иное, какъ геніальное безразсудство“ и задумана въ моментъ, когда Наполеонъ „могъ быть озаренъ сверхъестественнымъ свѣтомъ“. Объясненіе, ничего необъясняющее, ибо невѣроятность и невозможность не въ томъ, что подобное письмо было послано, но что могло

---

[122]) Тьеръ, *Histoire du Consulat et de l'Empire,* t. VIII. Appendice. *Прим. автора.*

быть написано, что человѣкъ при здравомъ умѣ могъ, въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ и когда дѣло касалось одного изъ вѣрнѣйшихъ приближенныхъ, не только противорѣчить, но совершенно отрицать положительныя, ясныя, повторенныя приказанія, которыя онъ диктовалъ или писалъ собственноручно въ теченіе двадцати дней сряду. Вотъ тайна, вотъ загадка. Но допустивъ непослѣдовательность и раскаяніе, все таки подлинность не выдерживаетъ критики, ибо въ такомъ случаѣ апокрифическое письмо носило на бы себѣ характеръ одного изъ тысячи тѣхъ контръ-приказаній, какія встрѣчаются въ корреспонденіи Наполеона, въ то время какъ въ немъ нѣтъ ни слова, которое подтверждало бы хоть одну изъ перемѣнъ тактики, столь ему свойственныхъ. Оно предполагаетъ прежнія приказанія въ томъ же смыслѣ, оно въ связи съ системою, которой слѣдовали, оно заключаетъ въ себѣ весь ансамбль догадокъ и политическихъ пріемовъ, о которыхъ нѣтъ и рѣчи въ другихъ документахъ; однимъ словомъ его смыслъ, цѣль, причина существованія—подлогъ предназначенный обмануть исторію. Поддѣльщикомъ не могъ быть и не былъ никто, кромѣ самого Наполеона. Но, вышеупомянутый мною историкъ восклицаетъ: „онъ былъ слишкомъ гордъ для такого поступка!“ Странное ослѣпленіе послѣ всѣхъ поддѣлокъ, какія этотъ авторъ принужденъ былъ внести въ свою лѣтопись! Развѣ Наполеонъ былъ слишкомъ гордъ, когда въ продолженіе своего четырнадцатилѣтняго царствованія, поддѣлывалъ ежедневно въ *Монитерѣ* всѣ дипломатическія бумаги, внѣшнія извѣстія, пренія палатъ и даже административныя донесенія? Развѣ онъ былъ слишкомъ гордъ, когда впослѣдствіи на о. св. Елены сочинилъ шесть томовъ мемуаровъ, которыхъ каждая строчка—ложь? Развѣ онъ былъ слишкомъ гордъ, когда принимая посѣтителей, которыхъ онъ зналъ готовность хватать съ жадностью каждое его слово,—дѣлалъ ихъ присяжными пропагандистами ихъ ложныхъ свидѣтельствъ? Какое вѣроятіе,

чтобъ столь великая, благородная душа унизилась до подделки лишняго вымысла? Что Наполеонъ нагло лгалъ современникамъ каждый день и каждый часъ въ свое царствованіе, съ этимъ должно согласиться, но если онъ не былъ систематическимъ хулителемъ собственной славы, то какъ же можно допустить мысль, чтобъ онъ рѣшился лгать потомству?

Я не стану извиняться предъ тѣми, которые увидятъ лишь безполезное отступленіе отъ предмета въ подробномъ разборѣ, которому я подвергнулъ одну изъ историческихъ поддѣлокъ, наиболѣе характеристичныхъ, какія пользовались кредитомъ со времени поддѣлокъ постановленій первыхъ папъ. Когда написано столько томовъ объ одномъ сраженіи, конечно, я въ свою очередь могу посвятить нѣсколько страницъ этой менѣе блистательной побѣдѣ надъ истиною и правосудіемъ. Между дѣйствительно безчестными актами, приписываемыми Наполеону, есть такіе, которыхъ истину засвидѣтельствовалъ я вѣрными доказательствами, другіе, которые нашелъ я сомнительными, и наконецъ такіе, отъ которыхъ я не поколебался очистить его память. Здѣсь я еще выскажу свою мысль, не заботясь о томъ, что въ ней можетъ быть щекотливаго, для лицъ, такъ долго питавшихся угодливыми вымыслами, ибо имъ должно умѣть принимать истину, а не истинѣ принаравливаться къ ихъ слабому темпераменту. Я объяснилъ уже, что письмо отъ 29 марта подложно, и громко утверждаю, что поддѣлыватель ни кто другой, какъ Наполеонъ. Если, какъ и нельзя слишкомъ сомнѣваться, это сужденіе подтверждено окончательнымъ приговоромъ будущаго, то необходимо признать, что въ этомъ темномъ испанскомъ дѣлѣ есть то, что еще постыднѣе всѣхъ ловушекъ, пущенныхъ здѣсь въ ходъ—это черта Скапэновскаго [123]) мошенничества, которымъ Наполеонъ успѣлъ от-

[123]) Намекъ на комедію Мольера, написанную въ 1671: «*Fourberies de Scapin*» мошенничества Скапэна. *Прим. перев.*

части, въ теченіе полувѣка взвалить отвѣтственность и иниціативу этого рѣшительнаго событія на вѣтреннаго Мюрата, который былъ не болѣе какъ его орудіемъ и игрушкою.

Будучи далекъ отъ политики умѣренности и отсрочекъ, которую Наполеонъ захотѣлъ приписать себѣ впослѣдствіи, онъ наконецъ разсудилъ, что настала пора дѣйствовать. Два обстоятельства указываютъ это явственно: одно—отъѣздъ его въ Бордо, куда онъ прибылъ 4 апрѣля, другое—посылка въ Мадридъ Савари, его довѣреннаго исполнителя. Инструкціи, данныя Наполеономъ Савари, по всѣмъ вѣроятіямъ были словесныя, а потому трудно знать весь ихъ объемъ. Дѣйствія Савари достаточно говорятъ, что это могло быть. Порученіе его состояло въ томъ, чтобъ привлечь Фердинанда въ Байону. Что же касается до того, что онъ разсказываетъ въ своихъ *Мемуарахъ*, это ничто иное, какъ очевидное рабское подражаніе апокрифическому документу, который я разбиралъ. Все, что онъ говоритъ о роли Наполеона—не болѣе какъ сплетеніе грубыхъ басенъ, разсказываемыхъ съ самымъ невиннымъ спокойствіемъ и простодушіемъ. Чтобъ дать понятіе объ искренности этого апостола, довольно сказать, что Савари не колебался приписать одному Мюрату путешествіе Фердинанда въ Байону. Что же касается его, Савари, онъ если и сопровождалъ молодаго короля въ этомъ несчастномъ путешествіи, то съ единственною цѣлью „воспользоваться его станціями“; собственно случай устроилъ такъ, что его карета очутилась въ числѣ экипажей „королевской свиты“; однимъ словомъ онъ также былъ чуждъ всему этому событію, какъ и въ дѣлѣ герцога Энгіэнскаго. Кромѣ того, онъ съ авторитетомъ очевидца объясняетъ, что Наполеонъ возъимѣлъ мысль о сверженіи испанскихъ Бурбоновъ, только убѣдясь лично въ Байонѣ въ неспособности Фердинанда и бывъ нѣкоторымъ образомъ вынужденъ къ этому мятежемъ, вспыхнувшимъ въ Мадридѣ по случаю въѣзда короля во Францію.

Было бы ребячествомъ опровергать серьезно подобныя увѣренія. *Корреспонденція* Наполеона показываетъ до очевидности, что какъ прежде, такъ и послѣ порученія Савари, и въ особенности во всемъ касающемся путешествія обоихъ королей въ Байону, Мюратъ соображался только съ желаніями, нѣсколько разъ выраженными Наполеономъ: „Я вамъ сказалъ, пишетъ онъ ему 5 апрѣля:—чтобъ отправить прежняго короля въ Эскуріалъ *и во всякомъ случаѣ совершенно овладѣть имъ;* привезти принца Мира въ Байону... Что же касается новаго короля, вы увѣдомляете меня, что онъ долженъ прибыть въ Байону. *Я думаю, что это можетъ быть только полезно*". Со времени порученія Савари, Мюратъ играетъ лишь второстепенную роль, и предоставляетъ Савари орудовать предпріятіемъ. Онъ смиренно покоряется предписаніямъ человѣка, болѣе посвященнаго въ самыя сокровенныя желанія властелина: „Желательно, пишетъ ему Наполеонъ 9 апрѣля 1808:—чтобъ принцъ Астурійскій былъ въ Мадридѣ или *выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу.* Въ послѣднемъ случаѣ я его подожду въ Байонѣ. Было бы грустно, еслибъ онъ избралъ *третье*" (то есть было бы грустно, еслибъ ему удалось ускользнуть). "*Савари знаетъ всѣ мои намѣренія* и долженъ былъ вамъ сообщить ихъ. Когда извѣстна цѣль, къ которой стремишься, то подумавъ немного, легко находятся средства". На другой день, 10 апрѣля, увѣдомляя его объ отъѣздѣ Рейля „съ инструкціями въ смыслѣ инструкцій Савари", онъ прибавляетъ: „Когда предположенная мною цѣль и которую вамъ сообщитъ Савари, будетъ исполнена, вы можете объявлять словесно во всѣхъ разговорахъ, что я намѣренъ не только сохранить цѣлость провинцій и независимость страны, но также и привилегіи всѣхъ классовъ, что я желаю видѣть Испанію счастливою, и проч. Желающіе *либеральнаго правительства* и возрожденія Испаніи, найдутъ ихъ въ моей системѣ... Гранды, которые захотятъ значенія и почестей — чего не имѣли при

прежнемъ правительствѣ, снова ихъ получать и проч." Здѣсь уже говоритъ будущій государь. Наконецъ онъ узнаетъ изъ писемъ Мюрата о прибытіи Савари въ Мадридъ, и высказываетъ ему свое удовольствіе въ выраженіяхъ, свидѣтельствующихъ о совершенномъ согласіи, господствовавшемъ между тремя этими личностями: „Я узналъ съ удовольствіемъ о прибытіи Савари. *Инструкціи мои были совершенно сообразны съ тѣмъ, что вы намѣревались предпринять*" (12 апрѣля).

Въ моментъ, когда Наполеонъ писалъ это письмо, прошло уже два дня, какъ король Фердинандъ VII, склоненный обѣщаніями, которыя далъ ему Савари именемъ императора, выѣхалъ въ путь на встрѣчу Наполеону, вопреки мнѣнію болѣе благоразумныхъ своихъ совѣтниковъ. Онъ покинулъ Мадридъ 10 апрѣля, оставивъ управленіе королевствомъ верховной юнтѣ [124]) на время своего отсутствія. Трудно было бы объяснить подобное ослѣпленіе, еслибъ мы не знали къ какимъ безумнымъ крайностямъ можетъ продолжительная неувѣренность привести умъ, волнуемый разомъ надеждою, страхомъ и жаждою царствовать. Впрочемъ положеніе Фердинанда было таково, что даже еслибъ онъ и подозрѣвалъ, какъ это случалось съ нимъ иногда, существованіе окружавшихъ его интригъ, то ему было очень трудно принять какое нибудь рѣшеніе, не подвергаясь неприличію и даже опасностямъ. Въ виду возраставшаго скопленія французскихъ войскъ въ Мадридѣ, нельзя было тамъ оставаться долѣе, не подчиняясь Мюрату. Послѣдній былъ уже хозяиномъ горо-

---

[124]) По-испански собственно собраніе. Въ Испаніи сперва этимъ именемъ назывались коммерческій и частный совѣтъ и совѣтъ управленія табачными доходами, но впослѣдствіи оно перешло и на различные административные совѣты и политическія собранія. Въ 1808 г. юнты стали во главѣ возстанія противъ французовъ; кромѣ *провинціальныхъ юнтъ* была центральная, которой ввѣрена была организація возстанія.
Прим. перев.

да, и обнаруживалъ тонъ и поведеніе завоевателя. Съ другой стороны—бѣжать, чтобъ искать болѣе вѣрнаго убѣжища, значитъ совершить именно то, въ чемъ упрекали, словно въ преступленіи, короля Карла IV, и что привело его къ ниспаденію. Кромѣ того, это значило разорвать открыто съ императоромъ Наполеономъ. Если онъ питалъ не совсѣмъ дружественныя намѣренія, это значило доставлять ему единственный предлогъ, который позволилъ бы ему осуществить ихъ, ибо ни Фердинандъ, ни наставникъ его Эскоиквизъ—острякъ, питавшійся классическими воспоминаніями, не могли допустить, чтобъ великій человѣкъ, герой, достигшій до такой степени славы и могущества, согласился унизиться до похищенія короны, употребляя разбойничьи средства. Нѣтъ, мысль объ этой западнѣ не приходила, не могла придти ему въ голову; все, что онъ могъ желать это какая нибудь территоріальная уступка, на берегу Эбро въ замѣну Португаліи, какъ недавно еще увѣрялъ Изквіердо послѣ новой поѣздки въ Парижъ. И такъ нѣтъ сомнѣнія, что можно тронуть его сердце, выказавъ безграничное довѣріе; это случалось во множествѣ трагедій.

По истинѣ поведеніе Мюрата нисколько не было успокоительнымъ. Онъ не только отказывался признать новаго государя, но настаивая уступить желаніямъ Наполеона, онъ часто показывалъ ему презрительную холодность, словно гнушался играть долѣе принятую на себя роль притворщика. Не лучше ли однакожъ, обратиться къ благородному Богарнэ, который говорилъ то же самое и совѣтовалъ броситься въ объятія Наполеона? Не больше ли посланникъ зналъ въ этомъ случаѣ нежели генералъ? И, если его свидѣтельство, не было достаточно, то развѣ не имѣлось удостовѣренія Савари, который — признакъ знаменательный — расточалъ Фердинанду титло короля и величества, въ которыхъ ему отказывалъ Мюратъ, и объявлялъ со всею военною откровенностью, „что прибылъ въ Мадридъ привѣт-

ствовать короля отъ имени императора, что Наполеонъ желалъ только единственно удостовѣриться, были-ль чувства Фердинанда столь же благопріятны для Франціи, какъ чувства короля Карла — и въ такомъ случаѣ поспѣшить признать его; что наилучшее средство достигнуть этого скорѣе—было свиданіе между двумя государями, которое тѣмъ легче осуществить, что Наполеонъ ѣхалъ уже въ Мадридъ и конечно, будетъ расположенъ въ пользу принца, если послѣдній поспѣшитъ къ нему на встрѣчу [125])".

Такимъ образомъ была рѣшена эта роковая поѣздка, несмотря на мольбы нѣкоторыхъ преданныхъ слугъ, предвидѣвшихъ ловушку. Хотя онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о въѣздѣ Наполеона въ Испанію, хотя онъ самъ положительно зналъ отъ брата, инфанта донъ Карлоса, выѣхавшаго за нѣсколько дней прежде, что Наполеона еще не было, Фердинандъ полагалъ не ѣхать дальше Бургоса. Онъ прибылъ туда 12 апрѣля. Городъ этотъ занятъ уже былъ Бессьеромъ, который получилъ отъ Савари приказаніе, вскорѣ подтвержденное Рейлемъ, употребить, если нужно будетъ силу, чтобъ принудить молодаго короля продолжать путь до Байоны. Фердинандъ обнаружилъ нѣкоторую нерѣшимость, вскорѣ разсѣянную увѣреніями Савари. Въ Витторіи онъ узналъ, что Наполеонъ не проѣхалъ Бордо. Эта рѣшительная демонстрація фальши и клеветы, которыя пущены были въ ходъ для того, чтобъ увлечь его за предѣлы королевства — освѣтили его сразу. Онъ велѣлъ пригласить Савари, жаловался на обманъ и объявилъ, что рѣшился не ѣхать дальше. До Бургоса населеніе высказывало восторгъ, хотя поѣздку вообще не одобряли. Но съ приближеніемъ къ границѣ раздавались только вопли сожалѣнія объ этомъ безразсудномъ путеше-

---

[125]) Эскоиквизъ: *Des motifs, qui ont engagé le roi Ferdinand à se rendre à Bayonne.* — Цеваллосъ: *Exposé des moyens employés pour usurper la couronne d'Espagne.* *Прим. авт.*

ствіи. Здравый смыслъ народа, при видѣ кавалерійскихъ эскадроновъ, которые развертывались со всѣхъ сторонъ при проѣздѣ королевской свиты, замыкая всѣ выходы подъ предлогомъ почетнаго конвоя,—скоро разгадалъ тайну всей этой, столь искусно придуманной комбинаціи; толпа тѣснилась возлѣ экипажей, умоляя короля не ѣздить дальше. Въ Витторіи народное волненіе приняло такой угрожающій характеръ, что Савари хотя и имѣлъ уже въ рукахъ всѣ средства одолѣть сопротивленіе короля и былъ до крайности раздраженъ отказомъ послѣдняго продолжать путь, — предпочелъ однакожъ, предупредить катастрофу: прежде чѣмъ употребить силу, онъ рѣшился съѣздить къ Наполеону за новыми интрукціями, или за новыми способами для обмана своей жертвы.

Будучи окруженъ полками дивизіи Вердье и кавалеріею Бессьера, Фердинандъ чувствовалъ необходимость остерегаться Наполеона. По крайней мѣрѣ онъ хотѣлъ имѣть отъ него успокоительное объясненіе. Въ слѣдствіе этого, въ день своего прибытія въ Витторію, онъ написалъ ему письмо, въ которомъ напоминалъ всѣ доказательства покорности и преданности со времени восшествія своего на престолъ, контръприказаніе испанскимъ войскамъ, возвращавшимся изъ Португаліи, дорого стоющіе расходы на французскія войска, несмотря на разстройство финансовъ, принятіе ихъ въ столицѣ, и наконецъ путешествіе инфанта донъ Карлоса и свое собственное. На всѣ эти заявленія преданности, Наполеонъ отвѣчалъ молчаніемъ и упорнымъ отказомъ признать Фердинанда. Теперь по усиленнымъ настояніямъ Савари и въ силу его увѣреній, что Наполеонъ желалъ только „знать, внесетъ ли новое царствованіе перемѣну въ политику обѣихъ державъ“, онъ прибылъ въ Витторію и проситъ его величество прекратить тягостное положеніе, въ которомъ онъ находится по причинѣ молчанія.

Савари прибылъ въ Байону въ одно почти время съ императоромъ и привезъ Фердинанду отвѣтъ Наполеона: „Братъ! писалъ императоръ: — я получилъ письмо вашего королевскаго высочества. Изъ бумагъ, полученныхъ вами отъ короля, вашего родителя, вы должны были убѣдиться, *что я постоянно принималъ въ васъ участье;* въ настоящемъ обстоятельствѣ вы позволите мнѣ говорить съ вами *съ благородною откровенностью.* По прибытіи въ Мадридъ я надѣялся склонить моего августѣйшаго друга на нѣкоторыя необходимыя реформы въ его государствѣ... Дѣло на сѣверѣ задержало мое путешествіе; совершились аранжуэцкія событія. Я не судья въ томъ, что произошло, но знаю, что опасно пріучать народы проливать кровь и оказывать самимъ себѣ правосудіе". Послѣ этого исполненія добрыхъ намѣреній и назидательныхъ правилъ, Наполеонъ ходатайствовалъ въ пользу принца Мира, процессъ котораго не могъ не обезславить королевы, и по этому говорилъ онъ: „Ваше высочество, не имѣете на корону другихъ правъ, кромѣ переданныхъ вамъ *вашею матерью*"—слова не менѣе оскорбительныя для Фердинанда, какъ и для его престарѣлыхъ родителей. Онъ объяснялъ желаніе свое *побесѣдовать* съ Фердинандомъ — необходимостью узнать — было ли отреченіе Карла добровольно или принужденно: „Говорю вашему королевскому высочеству и испанцамъ, и всему міру, что если отреченіе короля Карла произошло отъ его собственнаго движенія, если здѣсь не было насилія со стороны аранжуэцкаго возстанія, я безъ всякаго затрудненія допущу его *и признаю ваше королевское высочество Испанскимъ королемъ.* Послѣ этой ораторской предосторожности, столь вѣроломной со стороны человѣка, у котораго въ карманѣ былъ протестъ, надиктованный его агентами королю Карлу, онъ переходитъ къ вопросу о женитьбѣ. Онъ порицалъ принца за предложеніе, сдѣланное безъ вѣдома отца, ибо, говорилъ онъ съ сокрушеніемъ по поводу этого поступка, что онъ самъ внушилъ молодому

принцу чрезъ посредство Богарнэ, „что со стороны наслѣднаго принца всякое обращеніе къ иностранному государю—*преступно*". Онъ впрочемъ, во всякомъ случаѣ, хотѣлъ позабыть это преступленіе и снова одобрялъ иллюзіи несчастнаго молодаго человѣка слѣдующими словами, которыя заботливо велѣлъ исключить, когда счелъ удобнымъ напечатать этотъ документъ въ *Монитерѣ:* „Бракъ французской принцессы съ вашимъ королевскимъ высочествомъ *я считаю согласнымъ съ интересами моихъ народовъ*, и въ особенности обстоятельствомъ, которое привяжетъ меня новыми узами *къ дому, которымъ я могъ только хвалиться со времени моего восшествія на престолъ*".

Письмо это отъ 16 апрѣля. На другой день, 17, онъ писалъ къ Бессьеру: „Прилагаю здѣсь копію съ письма, которое везетъ Савари къ принцу Астурійскому. Если принцъ Астурійскій пріѣдетъ въ Байону — очень хорошо. *Если онъ возвратится въ Бургосъ, вы арестуете его и отправите* въ Байону [126])".

Фердинандъ оставался въ Витторіи подъ надзоромъ нашихъ войскъ, какъ плѣнникъ, въ глазахъ безпокойнаго, взволнованнаго народа, готоваго на все для спасенія своего короля. Здѣсь еще онъ не имѣлъ недостатка въ предостереженіяхъ. Старинный министръ, бывшій въ немилости, Моріонъ Люисъ Урквіо, выѣхалъ изъ своего убѣжища поклониться Фердинанду и былъ свидѣтелемъ разстройства, отчаянія его совѣтниковъ. Въ трогательной рѣчи, исполненной очень мудрыхъ и пророческихъ предположеній, онъ усиливался отклонить ихъ отъ безразсуднаго рѣшенія. Онъ упрекалъ ихъ, что они унижали достоинство монархіи, провожая короля какъ вассала и почти какъ просителя къ иностранному государю, безъ приглашенія, безъ приготовленій, безъ

---

[126]) Наполеонъ къ Бессьеру, 17 апрѣля 1808. *Прим. авт.*

всякихъ употребительныхъ формальностей; онъ указывалъ имъ на западню, разоблачилъ имъ ходъ коварной политики Наполеона, цѣль, которую они преслѣдовали и готовились достигнуть съ помощью послѣдняго мошенничества. И когда Инфантадо воскликнулъ, что онъ клеветалъ на героя, Урквіо отвѣчалъ: „Вы не знаете героевъ, прочтите Плутарха и увидите, что большая часть изъ нихъ воздвигла свое величіе на кучахъ труповъ!“ Краснорѣчивые его доводы, помѣщенные тогда же въ письмѣ, котораго нельзя читать безъ восхищенія [127]), были подкрѣплены Іосифомъ Герваромъ и герцогомъ Могономъ, который предложилъ планъ бѣгства на Бильбао чрезъ Мондрогонъ. Но усилія ихъ разбились о слѣпое довѣріе Эскоиквиза, Цеваллоса, герцоговъ Санъ-Карлоса и Инфантадо, которые совершенно овладѣли умомъ короля. Письмо Наполеона, по двусмысленности иныхъ мѣстъ, въ состояніи было заставить ихъ призадуматься, но успокоительныя объясненія Савари, его обѣщанія на счетъ скораго признанія и повторенныя увѣренія о благосклонности императора изгладили всякое грустное впечатлѣніе и было рѣшено продолжать королю путешествіе. Въ моментъ, когда онъ собирался садиться въ карету, народъ взволновался и обрѣзалъ постромки. Фердинандъ принужденъ былъ показаться толпѣ, чтобъ успокоить ее: онъ заявилъ, что уѣзжаетъ добровольно, увѣренъ въ дружбѣ императора Наполеона и обѣщалъ скоро возвратиться.

На другой день, 20 апрѣля, онъ съ своею свитою переправился чрезъ небольшую рѣчку, служащую границею между двумя государствами и удивился тишинѣ и уединенію этихъ мѣстъ, видѣвшихъ нѣкогда пышныя свиданія дворовъ испанскаго и французскаго, и гдѣ онъ ожидалъ увидѣть лица, посланныя къ нему на встрѣчу Наполеономъ. Такъ

---

[127]) Письмо къ донъ Грегоріо де ла Куэста, отъ 13 апрѣля. Люренте: *Mémoires pour servir etc.* *Прим. автора.*

онъ доѣхалъ до Байоны, встрѣтивъ только троихъ испанскихъ грандовъ, которымъ онъ поручилъ поѣхать для привѣтствія Наполеона. Въ обмѣнъ за эту вѣжливость они привезли самое зловѣщее извѣстіе, слышанное ими отъ самого императора. Наполеонъ объявилъ имъ на-прямикъ, что съ этихъ поръ Бурбоны не могли болѣе царствовать въ Испаніи. Сообщеніе это начало наконецъ открывать ему глаза и наполнило сердце горестью, но не было уже времени къ возвращенію. Теперь онъ находился въ рукахъ у врага и могъ надѣяться только на его добрую волю.

Пріѣхавъ въ Байону съ самыми мрачными предчувствіями, онъ былъ встрѣченъ у воротъ Дюрокомъ и Бертье, которые проводили его къ домику весьма жалкой наружности, назначенному для его пребыванія. Черезъ часъ его посѣтилъ Наполеонъ. Поселившись въ замкѣ Морокъ, въ недальнемъ разстояніи отъ города, императоръ прибылъ верхомъ поздравить своего гостя съ пріѣздомъ. Онъ обнялъ его чрезвычайно дружески, поговорилъ нѣсколько времени о вещахъ постороннихъ и уѣхалъ, пригласивъ въ тотъ же день обѣдать. Къ вечеру придворныя кареты привезли Фердинанда со свитою въ замокъ Морокъ, гдѣ императоръ принялъ его самымъ дружественнымъ образомъ. Этотъ радушный пріемъ быстро разсѣялъ грустныя впечатлѣнія дня. Правда, замѣчено было, что Наполеонъ титуловалъ Фердинанда только принцемъ Астурійскимъ, но какъ признанію долженствовали предшествовать нѣкоторыя политическія соглашенія между двумя государями, то это никого и не встревожило. Спокойная увѣренность эта, однакожь, не долго продолжилась. Тотчасъ же послѣ обѣда Наполеонъ откланялся своимъ гостямъ, удержавъ лишь каноника Эскоиквиза, которому рѣшился немедленно сообщить свою волю. Савари, которому поручено было исполнить такую же обязанность относительно Фердинанда, получилъ приказаніе послѣдовать за принцемъ въ Байону.

Наполеонъ сразу разгадалъ наивно-тщеславный характеръ каноника, страсть его къ интригамъ, претензіи на роль государственнаго человѣка и къ веденію важныхъ дѣлъ. Онъ рѣшился ослѣпить его и задобрить, надѣясь посредствомъ его подчинить Фердинанда такому же рѣшительному вліянію, какое обѣщалъ себѣ произвести на стараго короля съ помощью принца Мира. Оставшись наединѣ съ Эскоиквизомъ, онъ принялъ дружественный, ласкающій тонъ, столь обольстительный и столь неожиданный въ устахъ могущественнаго и страшнаго человѣка. Онъ обратился къ нему, какъ къ мужу высокаго ума, мужу государственному, свободному отъ обыкновенныхъ предразсудковъ. Сперва онъ сообщилъ ему свое намѣреніе свергнуть съ престола Бурбоновъ, вознаграждая Фердинанда Этрурскимъ королевствомъ. Что касается Испаніи, она образуетъ независимую державу, и онъ даже не желалъ *взять отъ нее и одной деревушки.* При этомъ тягостномъ открытіи Эскоиквизъ пришелъ въ крайнее изумленіе. Тогда Наполеонъ напомнилъ аранжуэцкія сцены, находилъ съ своей стороны невозможностью признать отреченіе, вынужденное насиліемъ, сослался на отсутствіе формъ, на положительный протестъ, уничтожавшій это отреченіе; и когда добрый каноникъ усиливался доказать ему, что оно было свободно и добровольно: „Оставимъ это! воскликнулъ вдругъ Наполеонъ, отбросивъ ораторскія предосторожности, чтобъ идти прямѣе къ цѣли:—а скажите мнѣ, могу ли я упускать изъ виду то, что интересы моей имперіи и моего дома требуютъ, чтобъ Бурбоны не царствовали болѣе въ Испаніи? Еслибъ даже во всемъ, что вы мнѣ сказали, вы были правы, я отвѣчалъ бы вамъ: Плохая политика!“ И императоръ началъ излагать причины, по которымъ Испанія была необходимымъ владѣніемъ для его системы. Теперь уже Наполеонъ не могъ довѣриться никакому государю изъ Бурбонскаго дома, еслибъ даже этотъ государь женился на принцессѣ изъ дома Бонапарте, — ибо это не

была бы серьезная гарантія. Не ему предлагать подобные воздушные замки. Одна только была разумная, основательная причина — это сверженіе Бурбоновъ съ престола. Онъ на это рѣшился еще съ Тильзита и имѣлъ одобреніе Русскаго императора; скоро вся Европа и самая Испанія будутъ апплодировать, ибо онъ приноситъ испанцамъ либеральную конституцію и полное возрожденіе. Можетъ быть на нѣкоторыхъ пунктахъ *чернь* и возстанетъ, ного за не будутъ *религія и монахи*, и недовольные укротятся: „Вѣрьте мнѣ, присовокупилъ онъ:—и я говорю это изъ опыта—*страны, гдѣ много монаховъ чрезвычайно удобны къ порабощенію*".

И когда онъ съ чрезвычайною бѣглостью развертывалъ эту картину предъ глазами видимо польщеннаго слушателя, который, не смотря на печаль, гордился, что его избрали повѣреннымъ въ такихъ грандіозныхъ планахъ, Наполеонъ, будучи самъ доволенъ эффектомъ произведеннымъ на собесѣдника, радовался своему обаянію: онъ околдовывалъ его ласками, смѣялся, жестикулировалъ, то щипалъ за ухо добраго каноника, то принималъ осанку повелителя вселенной.

Когда Наполеонъ разыгрывалъ эту странную комедію въ присутствіи бѣднаго Эскоиквиза, Савари съ меньшимъ трудомъ отдѣлывался предъ Фердинандомъ. Онъ хладнокровно объявилъ, что Наполеонъ рѣшился замѣнить династію Бурбоновъ своею собственною, и что по этому слѣдовало Фердинанду отказаться отъ короны. О Савари будетъ сказано все, если доказать, что онъ явился смотря прямо въ глаза передать это порученіе несчастному молодому человѣку, котораго съ помощью лжи онъ самъ шагъ за шагомъ привелъ къ пропасти. Онъ одинъ изъ тѣхъ, заслуга которыхъ заключается въ томъ, чтобъ умѣть переносить счастье и несчастье; о Савари можно сказать, что никто лучше этого драгоцѣннаго слуги не владѣлъ измѣною съ большею ловкостью, хладнокровіемъ и даже гордостью; видно, что онъ тутъ въ своей

стихіи [128]). На другой день и въ слѣдующія числа Наполеонъ возобновлялъ переговоры съ Эскоиквизомъ. Онъ снова предложилъ ему для Фердинанда, въ замѣну требуемаго отреченія, то самое Этрурское королевство, которымъ онъ уже барышничалъ два раза, обманывая съ неизмѣнною наглостью всѣхъ, которые были столь просты, что принимали вознагражденіе отъ руки грабителя. На этотъ разъ совѣтники Фердинанда сопротивлялись съ почтеннымъ упорствомъ, но доказывается тѣмъ ослѣпленіе, къ которому довели ихъ фантазіи, что упорствуя въ отказѣ, они надѣялись привести императора къ соглашенію, будучи твердо убѣждены, что онъ хотѣлъ только ихъ напугать, и просилъ больше, чтобъ получить.

Соскучившись медленностью того, что онъ самъ называлъ *своею Байонскою трагедіею*, Наполеонъ понялъ, что присутствіе короля Карла, королевы и въ особенности принца Мира, овладѣвшаго обоими, ему было положительно необходимо для того, чтобъ сломать упорство Фердинанда. Согласно съ его повторенными приказаніями, Мюратъ успѣлъ наконецъ извлечь Годоя изъ рукъ правительственной юнты, которая не хотѣла выпускать его ни за что изъ боязни лишиться и малой доли популярности, которою она пользовалась. Онъ немедленно послалъ его въ Байону, куда тотъ и прибылъ 26 апрѣля. Король и королева поспѣшили отправиться тою же дорогою, но обнародовавъ прежде, по настоятельной просьбѣ Наполеона [129]) протестъ, въ которомъ

---

[128]) Савари въ своихъ *Мемуарахъ* рѣшительно утверждаетъ, что разговоръ этотъ съ Фердинандомъ онъ имѣлъ гораздо позже, и основываясь на этомъ, многіе писатели объявили его оклеветаннымъ. Но время этого разговора подтверждается *достовѣрно* двумя письмами Цевиллоса, оба написанныя 27 апрѣля 1808, изъ которыхъ одно напечатано въ *Монитерѣ* (5 Февраля 1810), а другое въ Мемуарахъ Азонзы и О'Фарилля. *Прим автора.*

[129]) Наполеонъ къ Мюрату, 25 апрѣля. *Прим. авт.*

Карлъ IV, отказывался отъ своего отреченія, какъ отъ вынужденнаго насиліемъ.

Король и королева пріѣхали въ Байону, въ высшей степени раздраженные противъ своего сына, которому они приписывали всѣ свои несчастья. Имъ опротивѣло королевство, которое могло быть для нихъ только бременемъ, послѣ всѣхъ доказательствъ ненависти и презрѣнія, какія получили они отъ своихъ подданныхъ, и были счастливы соединиться въ безопасномъ мѣстѣ съ другомъ, котораго не надѣялись болѣе увидѣть. Что касается послѣдняго, то будучи обязанъ спасеніемъ жизни Наполеону, и который кромѣ того опасался всего отъ императора, онъ готовъ былъ на все, чтобъ только сдѣлать ему угодное. Ни что болѣе этихъ чувствъ не могло благопріятствовать осуществленію замысловъ Наполеона, ибо ему было легко съ помощью отца получить отреченіе сына, и еще легче добиться для себя отъ Карла уступки короны, которая не могла имѣть никакой цѣны въ глазахъ послѣдняго. По этому начали заручаться согласіемъ принца Мира, котораго не трудно было расположить въ свою пользу при томъ состояніи отчаянія, въ какомъ онъ находился. Наполеонъ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи наказать Фердинанда, заставивъ его просить прощенія у родителей—вѣрное средство польстить сердцамъ, въ которыхъ осталась живою одна только страсть—мщеніе. Онъ исчислилъ ему потомъ богатыя вознагражденія, которыя должны ихъ утѣшать за потерю невѣрнаго царствованія, раздираемаго партіями, которое было бы гнусно, еслибъ поддерживалось силою и презрительно, еслибъ уступить народнымъ прихотямъ.

Карлъ IV съ королевою въѣхалъ въ Байону 30 апрѣля. Вездѣ по дорогѣ Наполеонъ велѣлъ оказывать имъ королевскія почести съ пышностью и необыкновенными церемоніями, которыя должны были тронуть ихъ тѣмъ болѣе, что они встрѣтили совсѣмъ другой пріемъ отъ испанцевъ. По выходѣ изъ

кареты, старый король, простой и добрый, неспособный догадаться о черной интригѣ, которою его опутали, со слезами бросился въ объятія того, кто разорилъ его домъ, внесъ стыдъ и возмущеніе въ его семейство и собирался въ скоромъ времени предать Испанію огню и мечу; онъ прижалъ его къ сердцу, называя своимъ другомъ и покровителемъ. Наполеонъ, съ добродушною улыбкою, принялъ эти доказательства дружбы, которыя для добраго и честнаго человѣка были бы тяжелѣе проклятій. Въ то время, какъ старикъ, котораго онъ такъ подло погубилъ, въ отвѣтъ на постоянную дружбу, предавался этимъ изліяніямъ признательности и съ гнѣвомъ отталкивалъ объятія сына, Наполеонъ въ качествѣ дилеттанта, занимался изученіемъ физіономій у актеровъ этой сцены. На другой день, 1 мая, въ письмѣ къ Талейрану, послѣ продолжительнаго перерыва корреспонденціи, онъ сообщалъ свои замѣчанія: „Король Карлъ, писалъ онъ:—честный человѣкъ. Не знаю вслѣдствіе ли своего положенія или обстоятельствъ *онъ кажется откровеннымъ и добрымъ.* О королевѣ довольно вамъ сказать, что ея сердце и исторія написаны на ея физіономіи... Принцъ Мира похожъ *на быка;* въ немъ есть что-то изъ Дарю... Конечно слѣдуетъ его оправдать отъ ложныхъ обвиненій, *но необходимо оставить прикрытымъ легкимъ слоемъ презрѣнія*".

Портретъ принца Астурійскаго еще менѣе былъ польщенъ; правда, что изъ всѣхъ этихъ личностей онъ оказывалъ больше сопротивленія его волѣ: „Принцъ Астурійскій очень глупъ, очень золъ и большой врагъ Франціи". Извѣстно, что Фердинандъ VII широко осуществилъ, только позже, это печальное предсказаніе; но будь онъ гораздо болѣе счастливаго характера, трудно ему было не сдѣлаться такимъ, вслѣдствіе вступленія въ жизнь при подобныхъ предзнаменованіяхъ. Наполеонъ разсказывалъ потомъ съ негодованіемъ, что, велѣвъ задерживать курьеровъ несчастнаго принца, онъ прочелъ въ одномъ изъ его писемъ выраженіе *„проклятые*

французы". Его возмутило это гнусное оскорбленіе. Ко всѣмъ своимъ измѣнамъ прибавляя постыдный пріемъ нарушенія тайны писемъ, онъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ найдти въ перепискѣ своей жертвы благословенія ему и его солдатамъ!

Старый король и королева съ радостью встрѣтили своего фаворита. Годой немедленно сообщилъ имъ волю Наполеона. Они не имѣли власти и даже не хотѣли противиться этому. Они желали только спокойствія и обезпеченности частной жизни. Но ихъ ненависть и досада, относительно сына, которому они приписывали всѣ свои несчастья, только возрастали и они съ дикимъ почти рвеніемъ схватились за представлявшійся имъ случай къ отмщенію. Король Карлъ велѣлъ позвать Фердинанда къ Наполеону и въ присутствіи императора, королевы и Годоя, наговоривъ ему ужасныхъ упрековъ, потребовалъ назадъ похищенную корону. Королева, присоединясь къ супругу, разразилась ругательствами и проклятіями. Принцъ хладнокровно опровергъ обвиненія въ почтительныхъ выраженіяхъ, но съ твердостью и какъ, не смотря на болѣе и болѣе угрожающія настоянія, продолжалъ упорствовать въ отказѣ,—старикъ, страдавшій ревматизмомъ, всталъ колеблясь и замахалъ тростью надъ головою молодаго человѣка.

Вслѣдствіе этой печальной сцены, вопросъ былъ снова поднятъ съ помощью переписки. Фердинандъ согласился возвратить корону, но съ условіемъ сдѣлать отреченіе въ Мадридѣ, въ собраніи Кортесовъ [130]) и единственно въ пользу

---

[130]) Такъ въ Испаніи и Португаліи называются собранія, предназначенныя обсуждать законы и вотировать налоги.

Въ Испаніи Кортесы состоятъ изъ двухъ палатъ — палаты *Proceres* (пэровъ), гдѣ засѣдаютъ прелаты, испанскіе гранды и извѣстное количество знатнѣйшихъ гражданъ, имѣющихъ дохода болѣе 15,000 франковъ,—и палаты *Procuratores* (депутатовъ), въ которую можетъ быть принятъ каждый испанецъ, достигнувшій 30 лѣтняго возраста и имѣющій болѣе 3,000 фр. годоваго дохода. Депутаты избираются на 3 года.

Карла IV. Карлъ отвергъ эти условія въ письмѣ, надиктованномъ Наполеономъ и въ которомъ онъ установляетъ, „что Испанія можетъ быть спасена только императоромъ“ (2 мая). Чрезъ два дня онъ издалъ декретъ, въ силу котораго Мюратъ облекался всѣми его полномочіями въ Испаніи и получалъ званіе намѣстника королевства. Фердинандъ все еще противился. Неизвѣстно до какой крайности дошелъ бы Наполеонъ, чтобъ смирить своего плѣнника, еслибъ одно очень важное обстоятельство не явилось избавить послѣдняго отъ новыхъ насилій.

5 мая, около четырехъ часовъ, прискакалъ изъ Мадрида адъютантъ Мюрата и привезъ Наполеону словесное извѣстіе о возмущеніи, вспыхнувшемъ въ этой столицѣ. Факты сопровождавшіе и послѣдовавшіе за вступленіемъ французскихъ войскъ въ Испанію, были до такой степени ясны и имѣли такой очевидный характеръ обмана, насилія, презрѣнія ко всѣмъ правамъ, и даже къ щекотливости, которой стараются не затрогивать у самыхъ необразованныхъ народовъ, что

Государь сзываетъ и распускаетъ Кортесы. Происхожденіе Кортесовъ одинаково древне съ происхожденіемъ монархіи, но они состояли прежде изъ вельможъ и прелатовъ; буржуазія вошла въ нихъ только въ XI вѣкѣ. Власть ихъ, сперва очень сильная, въ особенности въ Аррагоніи, мало по малу уменьшилась предъ возрастаніемъ королевской власти, со времени соединенія Кастиліи и Аррагоніи посредствомъ брака Изабеллы и Фердинанда-Католика (1469) и особенно со времени Карла V. Въ эту эпоху Кортесы, возмутившіеся подъ предводительствомъ Падиллы, были побѣждены въ Вилладорѣ (1522). Съ тѣхъ поръ перестали сзывать эти собранія, а если и сзывали, то для того, чтобъ передать имъ безусловныя приказанія короля. Въ 1810 г. Кортесы были возстановлены; въ 1812 они обнародовали знаменитую конституцію по образцу французской 1741; но въ 1814 Фердинандъ VII уничтожилъ Кортесы. Возстановленные въ 1820 послѣ возстанія Ріего, они снова были упразднены французскою экспедиціею 1823. Наконецъ по смерти Фердинанда VII (1833) Кортесы снова возстановлены; въ царствованіе двухъ королевъ Христины и Изабеллы, болѣе и болѣе они пріобрѣтали власти.

Прим. перев.

раздраженіе испанской націи противъ лицемѣрныхъ хищниковъ, принесшихъ ей рабство подъ видомъ братства, быстро приняло самые тревожные размѣры. Но Мюратъ думалъ только о тронѣ, къ которому онъ полагалъ уже, что прикасался, и на возстаніе смотрѣлъ какъ на счастливый случай, очищавшій ему дорогу. Самъ Наполеонъ не только не боялся возстанія, а пламенно желалъ его съ тѣхъ поръ, какъ государи были у него во власти. Здѣсь онъ оставался вѣренъ своему 13 вандемьера, каирскому возстанію и старинному содержанію писемъ къ Іосифу. Хорошій, примѣрно подавленный мятежъ, послѣ котораго остается продолжительное впечатлѣніе террора, — былъ въ его глазахъ превосходнымъ основаніемъ для новаго владычества и вѣрнымъ залогомъ долгаго спокойствія. Что же касается поголовнаго возстанія всей націи, то онъ не видѣлъ никогда ничего подобнаго и не вѣрилъ въ возможность этого феномена. Другимъ не менѣе ошибочнымъ его мнѣніемъ было то, что владѣя Мадридомъ, онъ владѣлъ всею Испаніею. Судя обо всѣхъ странахъ съ предразсудками централизаціонными, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о силѣ, какую сохранили въ Испаніи провинціальныя учрежденія, и о развиваемомъ ими патріотизмѣ. Онъ предвидѣлъ кризисъ, желалъ его, въ случаѣ надобности способенъ былъ его вызвать; но не подозрѣвалъ въ этомъ ни малѣйшей опасности. Онъ тотчасъ же предписалъ Мюрату избрать хорошія военныя позиціи, стать лагеремъ по возможности дивизіями и въ окрестностяхъ города, и въ случаѣ мятежа занимать только вершины улицъ, не вводя въ нихъ войска.

Волненіе, произведенное въ Мадридѣ, столькими нечаянностями и послѣдовательными униженіями, увеличивалось еще до неимовѣрной степени нахальными и деспотическими пріемами Мюрата. Оно ожидало только случая, чтобъ превратиться въ открытую войну, когда узнали, что главнокомандующій Наполеона располагалъ отправить въ Байону

послѣднихъ членовъ королевско-испанскаго семейства, т. е. инфанта донъ Франциско, самаго младшаго брата Фердинанда, донъ Антоніо, его дядю, и Этрурскую королеву съ дѣтьми. Когда Мюратъ заявилъ свои намѣренія верховной Юнтѣ, она сперва воспротивилась ихъ исполненію; но какъ она имѣла отъ Фердинанда лишь противорѣчивыя приказанія, требовавшія то сопротивленія, то покорности, смотря по преобладанію въ немъ страха или досады, и какъ войска, которыми она могла располагать въ Мадридѣ, простирались всего до трехъ тысячъ, то она испугалась и изъявила согласіе. 2 мая 1808, утромъ, собралась толпа на дворцовой площади въ ожиданіи отъѣзда. Первая появилась Этрурская королева и сѣла въ карету съ дѣтьми; такъ какъ она мало пользовалась любовью, вслѣдствіе отношеній своихъ къ Мюрату, то ее и пропустили безпрепятственно. На площади оставались двѣ кареты, и разнеслась молва, что инфантъ донъ Франциско плакалъ и отказывался ѣхать. Въ этотъ моментъ прибылъ адъютантъ Мюрата и направился къ дворцу; на него напалъ народъ, и съ трудомъ избавили его отъ смерти. Немедленно посланы были войска разогнать сборище; они начали стрѣлять по этой безоружной толпѣ, которая разбѣжалась по всѣмъ направленіямъ, взывая о мщеніи. Одиночные солдаты наши были умерщвлены въ небольшомъ количествѣ; войска Мюрата были давно уже готовы къ сраженію. Занявъ главные выходы изъ города, они начали очищать улицы картечью. Битва была весьма не равна, чтобъ могла долго продолжаться. Когда ряды патріотовъ порѣдѣли, Мюратъ пустилъ гвардейскую кавалерію, польскихъ уланъ и мамелюковъ, которые преслѣдовали бѣглецовъ и рубили ихъ даже на порогахъ жилищъ. Испанскія войска, стоявшія по квартирамъ, не принимали никакого участья въ борьбѣ, за исключеніемъ артиллерійской роты, которая выдала народу паркъ, ввѣренный ея надзору, и офицеры которой Вермаде и Доказъ — пали, геройски за свою родину. Эт-

былъ единственный пунктъ, гдѣ возстаніе могло оказать какое нибудь сопротивленіе, и по отнятіи парка все было кончено Потеря наша состояла изъ трехсотъ или четырехсотъ убитыми, а у инсургентовъ отъ семи до осьми сотъ человѣкъ, на сколько можно заключить изъ разсказовъ совершенно противорѣчивыхъ. Юнта ходатайствовала у Мюрата, который обѣщалъ общую амнистію въ замѣнъ безусловной покорности.

Это обѣщаніе французскаго генерала привело все въ порядокъ, и большинство инсургентовъ, довѣряя его слову, разошлось по домамъ, какъ вдругъ разнеслась вѣсть, что убійства возобновились, но на этотъ разъ не имѣя оправданія въ мятежѣ. Мюратъ, безъ сомнѣнія полагая, что уронъ не былъ достаточно ужасенъ, велѣлъ схватить по домамъ многихъ испанцевъ, возвратившихся къ своимъ занятіямъ, и вопреки данному слову, велѣлъ разстрѣлять сотни безъ суда—памятный примѣръ холодной и обдуманной жестокости, которую жажда власти можетъ внушить человѣку, рожденному съ добрыми и благородными инстинктами. На этотъ разъ Мюратъ имѣлъ въ виду не укрощеніе, но безопасность будущаго королевства; онъ дѣйствовалъ не какъ генералъ, но въ качествѣ короля; съ перваго же раза онъ возвышался къ великой политикѣ, предоставляя щекотливость мелкимъ умамъ, неспособнымъ понимать государственныхъ причинъ. Онъ создавалъ себѣ такія права на испанскую корону, какихъ не могъ не признать Наполеонъ, не отрицая самого себя, ибо никогда уроки этого учителя въ маккіавелизмѣ не были прилагаемы съ подобною силою, вѣрностью и такъ кстати.

Но кровь, пролитая Мюратомъ, не должна была принести пользы ни учителю, ни его ученику. Относительно Наполеона можно сказать, что день 2 мая нанесъ смертельный ударъ его владычеству—такъ негодованіе, порожденное имъ въ сердцахъ всѣхъ испанцевъ, было глубоко и единодушно.

Что касается Мюрата, его ожидало страшное разочарованіе. Позволительно думать, что въ глубинѣ души онъ ощущалъ нѣкоторый стыдъ и нѣкоторое угрызеніе совѣсти за подобную жестокость, но нѣсколько горьче должны были сдѣлаться эти чувства, когда онъ увидѣлъ, что награда за все это ускользнула отъ него. Въ тотъ самый день, когда онъ велѣлъ разстрѣлять мадридскихъ патріотовъ, Наполеонъ увѣдомилъ его изъ Байоны, что онъ долженъ былъ отказаться навсегда отъ столь желаннаго трона, отъ трона, за который онъ пролилъ такъ много крови и самъ нарушилъ клятву. Ему, конечно, предлагали богатое вознагражденіе, но вознагражденіе, которое онъ считалъ почти оскорбительнымъ для себя въ припадкѣ гордости и честолюбія, овладѣвшихъ его душою. „Я предназначаю Неаполитанскаго короля царствовать въ Мадридѣ, писалъ ему Наполеонъ.—Я хочу вамъ дать королевство Неаполитанское или Португальское. Отвѣчайте мнѣ немедленно, что вы объ этомъ думаете, ибо необходимо, чтобъ это сдѣлалось въ одинъ день" (2 мая).

Въ ожиданіи, что отраженіе мадридскаго возстанія почувствуется во всемъ королевствѣ, гдѣ оно должно отозваться, какъ призывъ къ оружію, Наполеонъ могъ вѣрить, что онъ воспользуется самыми лучшими его плодами. Прежде всего событіе помогло ему побѣдить упорство Фердинанда, съ которымъ онъ не могъ совладать до тѣхъ поръ. Король Карлъ, побуждаемый императоромъ, снова потребовалъ сына, назвалъ его виновникомъ мадридскаго возстанія, грозилъ подвергнуть его за это отвѣтственности и наконецъ объявилъ, что теперь болѣе нежели когда нибудь ему оставалось одно только средство къ оправданію—отказаться отъ короны. И когда принцъ неподвижный, опустивъ глаза, хранилъ упорное молчаніе, императоръ обратился къ нему съ самыми страшными угрозами: „Если вы сегодня до полуночи не признаете вашего отца законнымъ королемъ и не попросите его въ Мадридъ, съ вами будетъ поступлено, какъ съ мятежни-

комъ". Слова эти занесены императоромъ въ его Корреспонденцію, но достовѣрные свидѣтели утверждаютъ, что онъ грозилъ Фердинанду смертью, и это показаніе весьма вѣроятно. Устрашенный принцъ уступилъ наконецъ. Онъ подписалъ два послѣдовательныхъ отреченія — одно отъ 6 мая въ пользу своего отца и въ качествѣ фактическаго короля, другое отъ 10 въ пользу Наполеона и въ качествѣ наслѣдника престола. Король Карлъ даже не ожидалъ этихъ двухъ актовъ, чтобъ уступить Наполеону всѣ свои права на престолъ Испаніи и Индій, въ замѣну Компьенскаго и Шамборскаго замковъ и ренты въ тридцать милльоновъ реаловъ (5 мая). Въ обмѣнъ на свои права Фердинандъ получилъ Наваррскій замокъ съ доходомъ въ 400,000 франковъ и на 600,000 пожизненной ренты. Троимъ инфантамъ назначены были пожизненныя пенсіи. Такимъ образомъ Испанія съ колоніями была пріобрѣтена Наполеономъ за десять милльоновъ франковъ въ годъ, но сумму эту должна была платить сама Испанія! „Все это вмѣстѣ составитъ десять милльоновъ, писалъ Наполеонъ къ Молльену, 9 мая. — *Всѣ эти суммы будутъ выплачены Испаніею*". Исторія этой мировой сдѣлки была бы не полна, еслибъ мы не прибавили, что уже три мѣсяца послѣ ея заключенія, Фердинандъ просилъ французское казначейство объ уплатѣ пенсіона за два первыхъ мѣсяца [131]). Содержаніе короля Карла уплачивалось не лучше, и онъ въ сентябрѣ только получилъ слѣдовавшее за іюнь мѣсяцъ.

Наполеонъ торжествовалъ, былъ внѣ себя отъ радости. Кто могъ оспаривать его права? Какія условія, какой контрактъ были заключены болѣе правильно, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ? Одно только ему не нравилось. Король Карлъ,

---

[131]) См. въ *Mémoires du roi Joseph*, письмо Азанцы къ Урквійо, отъ 18 августа 1818 г. *Прим. автора.*

повидимому, смирялся предъ своимъ несчастьемъ, это былъ „добрый, честный человѣкъ“, но Фердинандъ былъ мраченъ и молчаливъ: „Что касается принца Астурійскаго, писалъ императоръ къ Талейрану 6 мая: — это человѣкъ, внушающій мало участья. Онъ глупъ до такой степени, что я не могу добиться отъ него ни слова. Что бы ни сказали ему, онъ не отвѣчаетъ. Журятъ ли его, или говорятъ ему любезности, онъ никогда не перемѣнится въ лицѣ. Кто видѣлъ его, для того характеръ его обрисовывается однимъ словомъ: „понура“.

Наполеонъ не могъ понять, какимъ образомъ Фердинандъ не выказывалъ большаго удовольствія. Онъ былъ даже не прочь претендовать на его признательность. Чего же не доставало этой свирѣпой личности? чего ему было больше надобно? развѣ не все устроилось въ должномъ порядкѣ? развѣ онъ не долженъ былъ понимать, что его печаль оскорбляла радость героя? Наполеонъ поспѣшилъ устранить эту печальную фигуру; онъ отправилъ принца также какъ и его братьевъ въ Валансай, давъ имъ *почетный конвой* изъ двадцати четырехъ *жандармовъ*. Вслѣдствіе цинической и злобной ироніи, которая никогда не покидала его, онъ поручилъ мятежному Талейрану заботиться объ ихъ удовольствіяхъ: „Я желаю, писалъ онъ ему по этому поводу: — чтобъ эти принцы были приняты безъ наружнаго блеска, но *прилично* и чтобъ вы употребили всевозможныя старанія для ихъ развлеченія. Если у васъ въ Валансаѣ есть театръ и вы выпишете нѣскольскихъ артистовъ, это будетъ недурно. Можете пригласить госпожу Талейранъ съ четырьмя или пятью дамами. *Если принцъ Астурійскій привяжется къ какой нибудь хорошенькой женщинѣ*, тутъ я не вижу ничего неприличнаго, *въ особенности если бы это было вѣрно*. Мнѣ очень важно, чтобъ принцъ Астурійскій не сдѣлалъ никакой неудачной выходки. Я желаю, чтобъ онъ забавлялся и былъ

занять. Политика требовала, чтобъ его посадить въ Бичъ или *какой нибудь другой укрѣпленный замокъ;* но такъ какъ онъ отдался въ мои руки, обѣщалъ мнѣ—ничего не дѣлать безъ моего приказанія, и въ Испаніи все идетъ по моему желанію, — то я рѣшился послать его въ деревню, *окруживъ удовольствіями и надзоромъ.* Пусть такъ пройдетъ май и часть іюня, испанскія дѣла выяснятся, и *я тогда увижу, что мнѣ дѣлать.* Что касается васъ, то ваше порученіе *довольно почетно.* Принимать у себя троихъ высокихъ особъ для ихъ забавы—совершенно въ характерѣ поэзіи и въ характерѣ вашего званія [132])".

Не говорятъ какія чувства волновали душу Талейрана при чтеніи письма, ввѣрявшаго ему это *почетное порученіе,* но можно судить изъ этихъ позорныхъ порученій, что онъ не могъ уклониться безнаказанно, что если этотъ государственный человѣкъ сдѣлался съ тѣхъ поръ однимъ изъ заклятыхъ враговъ Наполеона, то не потому, что ему не доставало поводовъ къ жалобамъ. Наполеонъ зналъ, что Талейранъ въ дружескомъ кругу позволялъ себѣ говорить весьма свободно объ этомъ знаменитомъ испанскомъ предпріятіи. Дипломатъ хвастался, что отсовѣтывалъ и объяснялъ, что оно не политично и невозможно. Хорошо, въ такомъ случаѣ онъ будемъ скомпрометированъ навсегда за то, что игралъ въ немъ самую плачевную, самую позорную роль, скомпрометированъ тѣмъ, что служилъ въ одно времяи тюремщикомъ и сводникомъ государю, лишенному престола. И этотъ то Наполеонъ на о. св. Елены, открывая великую душу благочестивому Ласказу, говорилъ объ этомъ какъ о „*родѣ шалости!*" Дѣйствительно прелестная шалость! и которая

---

[132]) Издатели *Correspondance de Napoléon* не поостереглись напечатать этотъ характеристическій документъ. Этимъ обязаны г. Тьеру.

Прим. автора.

достойно завершаетъ длинный рядъ гнусностей, окончившихся въ двухъ байонскихъ договорахъ [133]).

Оставалось только завладѣть этимъ великолѣпнымъ королевствомъ, пріобрѣтеніе котораго обошлось такъ дешево, ибо хотя Испанія и была уже наводнена нашими войсками, мы были еще далеко отъ занятія всѣхъ провинцій. Но это завладѣніе не могло представлять никакого затрудненія—Наполеонъ былъ въ томъ убѣжденъ, и надобно было, чтобъ всѣ думали какъ онъ: „Важнѣйшую часть дѣла я считаю сдѣланною, писалъ онъ 6 мая:—могутъ еще произойдти какія нибудь волненія; *но добрый урокъ, данный городу Мадриду и тотъ, который недавно достался Бургосу, должны непремѣнно рѣшить дѣло*". А 14 мая онъ извѣщалъ Камбасереса: „*Общественное мнѣніе Испаніи склоняется по моему желанію. Спокойствіе возстановлено вездѣ и кажется, что нигдѣ не будетъ нарушено*". 16 онъ писалъ Талейрану: „Испанскія дѣла *идутъ хорошо* и скоро будутъ *вполнѣ окончены*".

Тщетная и жалкая мечта! Нѣтъ, испанскія дѣла не были окончены, они только начинались. Но развѣ всѣ вѣроятности и видимости не были въ его пользу? Не долженъ ли былъ онъ вѣрить, онъ, властелинъ нѣсколькихъ царствъ, что легко покончитъ съ націею безъ вождей, безъ денегъ, безъ арміи и отдѣленною моремъ отъ всѣхъ континентальныхъ державъ, исключая той, которая угнетала ее. Вѣроятно ли, чтобъ сборище горожанъ и мужиковъ могло противиться легіонамъ, завоевавшимъ Европу? И такъ все споспѣшествовало, чтобъ обмануть его, даже неслыханная не-

---

[133]) См. и сравн. объ этой эпохѣ *Мемуары* Цеваллоса, Эскоиквиза Азанцы и О'Фарилля, *Mémoires Historiques* аббата Прадта, Souvenirs diplomatiques лорда Голланда, Histoire графа Торено, Mémoires Боссе. Что касается до *Mémoires du prince de la Paix*, то хотя они и редактировались на глазахъ у Годоя, они заключаютъ въ себѣ мало полезныхъ свѣдѣній.

Прим. автора.

понятная легкость, съ которою онъ привелъ къ счастливому окончанію подготовку захвата. Самые его успѣхи помогали скрывать передъ нимъ эту ловушку для его фортуны. Онъ рѣшился ввести свои войска въ Испанію, — они были приняты съ распростертыми объятіями; онъ захотѣлъ овладѣть крѣпостями,—ему ихъ отдали; онъ потребовалъ удаленія испанскихъ войскъ,—ихъ выслали; онъ потребовалъ занятія столицы,—ему уступили; онъ старался привлечь обоихъ королей во Францію,—они туда пріѣхали, онъ потребовалъ, чтобъ они отказались отъ престола,—и они отказались. Съ перваго момента все покорилось, все склонилось предъ его волею, уступило его хитрости или насилію, онъ не встрѣтилъ ни одного препятствія ни отъ людей, ни отъ вещей — такъ эта старая монархія одряхлѣла, обветшала, истощилась. И теперь когда у него здѣсь сто двадцать пять тысячъ войска,— кто осмѣлится говорить о сопротивленіи? Но тутъ то и ожидаетъ кара этого непобѣдимаго — ибо этотъ слабый противникъ схватываетъ Наполеона, сжимаетъ его столь крѣпко и упорно, что никто не въ состояніи освободить его. Подобно бойцу древней легенды онъ сразу ударомъ могучей руки раскололъ стволъ вѣковаго дуба. Но вотъ разрозненныя части внезапно сблизились, и рука его ущемилась въ этихъ живыхъ тискахъ. Онъ хочетъ высвободить ее, — клещи болѣе сжимаются. Мясо и дерево сплотились. Исполинъ смущенъ, онъ колеблетъ землю отчаянными своими движеніями Безполезная ярость! Дерево-побѣдитель держитъ его, тѣснѣе и тѣснѣе сдавливаетъ своего узника, а ночь наступаетъ и хищные звѣри начинаютъ блуждать вокругъ своей добычи

ГЛАВА VIII.

Возстаніе въ Испаніи. — Восшествіе на престолъ короля Іосифа. (Май — іюнь 1808).

Вѣсть о разстрѣляніяхъ 2 мая, распространившись между населеніемъ, уже встревоженнымъ, взволнованнымъ, негодующимъ на присутствіе столькихъ иностранныхъ войскъ на его территоріи, произвела во всѣхъ испанцахъ продолжительный гнѣвный трепетъ. Но когда узнали гнусныя подробности байонской измѣны и послѣдовавшее за нею двойное отреченіе, отъ одного конца Полуострова до другаго раздался одинъ лишь крикъ, огромный, внезапный, громовый, крикъ мщенія и истребленія, предназначенный гремѣть вѣчно, и такой, какого еще не слышала вселенная! Можно было сказать, что громадное вулканическое потрясеніе подняло землю Испаніи на всей поверхности. Въ одинъ день и въ одинъ часъ — безъ уговоровъ и безъ приказанія поднялась вся нація, воспламененная единодушнымъ чувствомъ. Эти огромныя движенія, увлекающія цѣлый народъ въ одинъ потокъ ненависти, любви и энтузіазма — не были для Европы новымъ зрѣлищемъ. Не разъ давала ей его Франція, въ продолженіе долгихъ перипетій революціи; но какъ во всѣхъ централизованныхъ государствахъ — то столица, то нѣсколько человѣкъ импровизиро-

ванныхъ диктаторовъ желали и рѣшали, а большинство за ними слѣдовало. Большинство слѣдовало съ восторгомъ и преданностью, часто слѣпыми; у него не было ни мысли, ни инициативы. Но оригинальность и величіе испанскаго возстанія, то, что придаетъ ему особенный характеръ въ исторіи — заключается въ томъ, что не только провинціи, всѣ города и даже деревни поднялись по собственному побужденію, но что нѣкоторымъ образомъ каждый человѣкъ, въ моментъ крайней опасности, осмѣлился, въ своемъ одиночествѣ, посмотрѣть въ глаза тирану вселенной и объявить ему войну отъ себя. Всегда легко и часто не весьма славно слѣдовать за движеніемъ, увлекающимъ толпы, но когда человѣкъ, безъ свидѣтелей, и единственно подъ вліяніемъ чести безстрашно приступаетъ къ рѣшенію, подвергающему его жизнь и состояніе вѣрному почти истребленію, тѣ, кому предстоитъ разсказывать о подобныхъ фактахъ, должны склоняться предъ ними съ уваженіемъ, ибо у нихъ рѣдкій и возвышенный феноменъ, называемый — героизмомъ.

Примѣръ этотъ подавали тысячи человѣкъ въ одинъ и тотъ же мигъ, прибѣгая съ оружіемъ въ рукахъ въ небольшіе центры своего кантона или провинціи. Будутъ ли имъ подражать и ихъ поддерживать? Они этого не знали, они знали одно, что предпочтутъ смерть позору владычества, положеннаго при подобныхъ предвѣстьяхъ. Надобно при томъ сказать, что никогда въ новѣйшія времена завоеваніе не представлялось подъ такимъ гнуснымъ, возмутительнымъ видомъ. Нашествіе на Испанію носило на себѣ особенный характеръ, даже между предпріятіями Наполеона, въ которыхъ обманъ всегда занималъ такое видное мѣсто. Онъ здѣсь превзошелъ себя, но къ несчастью превзошелъ и мѣру, которую были въ состояніи перенести его современники, ибо извѣстно, что никакая европейская нація не была тогда на столько уничижена, чтобъ терпѣливо снести безчестье, подавившее весь народъ испанскій. Вотъ о чемъ величайшій

изъ людей не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Онъ не только не видѣлъ ни одного изъ предшествующихъ признаковъ этой великой народной судороги, а напротивъ считалъ себя обезпеченнымъ и былъ вполнѣ доволенъ собою. Посредствомъ остроумнаго соображенія онъ избавилъ Испанію отъ ужасовъ насильственнаго завоеванія и пріобрѣлъ почти безъ пролитія крови цѣну десятилѣтней рѣзни; весь міръ долженъ быть ему признателенъ за избранный имъ мирный пріемъ, и скоро испанцы начнутъ благословлять имя своего *возстановителя;* онъ дальше этого ничего не видѣлъ. Въ этомъ случаѣ отсутствіе нравственнаго смысла, грубое незнаніе щекотливости патріотизма, чести индивидуальнаго или народнаго чувства достоинства, — что составляетъ характеристическую черту этой нечестивой души,—равняются недостатку ума, ибо его коварства, столь тщательно обдуманныя, идутъ въ разрѣзъ съ цѣлью, его глубокіе разсчеты — одна ошибка, его преступленіе—почти глупость. Чтобъ ничего не подозрѣвать, совсѣмъ не предвидѣть послѣдствій, долженствовавшихъ естественно возникнуть изъ такихъ мерзостей, у гордаго и страстнаго народа, необходимо заблужденіе ума, кажущееся едва вѣроятнымъ; и понятно, что впослѣдствіи Наполеонъ рѣшился даже написать подлогъ, чтобъ оправдать свой геній въ ущербъ чести, но для оправданія ему необходимо было передѣлать всю свою Корреспонденцію, свидѣтельствующую,— что бы ни говорили—о наиболѣе странномъ, о наиболѣе непонятномъ ослѣпленіи, не только до возстанія, но и долго послѣ того, какъ оно вспыхнуло.

Героическая и отчаянная рѣшимость овладѣвшая испанцами при извѣстіи о байонскихъ событіяхъ, имѣла всю внезапность взрыва; во всякомъ случаѣ возстанію нужно было нѣсколько дней для организаціи. Вообще оно вспыхнуло отъ 24 до 30 мая 1808, и почти при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Сигналъ не исходилъ ни изъ

города, ни изъ деревень; онъ былъ поданъ въ одно и тоже время на всѣхъ пунктахъ. Въ деревняхъ, селахъ, на дорогахъ, люди собирались добровольно; они шли въ главный городъ провинціи; они находили обывателей уже возставшихъ или готовыхъ къ возстанію; они смѣщали нерѣшительныя или подозрительныя власти, учреждая инсуррекціонныя юнты, завладѣвали арсеналами, вооружали народъ, объявляли поголовное возстаніе. Вездѣ добровольная дань стекалась въ кассы новаго правительства и всѣ способные носить оружіе вступали подъ его знамена. Дворяне, крестьяне, мѣщане, попы, солдаты, всѣ сословія соперничали въ соревнованіи. Ничего нѣтъ ложнѣе мнѣнія тѣхъ, которые упрямятся до сихъ поръ представить это возстаніе, какъ „дѣло монаховъ". Я скоро докажу его происхожденіе и непрочность. Надобно сказать къ чести испанскаго духовенства, что оно не только не выказало угодливости, свойственной католической церкви относительно того, что оно называетъ установившимися властями, но оно энергически высказалось въ пользу національнаго движенія, однако не опередило его, а только за нимъ послѣдовало, и въ особенности въ началѣ—въ поведеніи его не разъ обнаруживалось колебаніе. Нельзя позабыть, что между наиболѣе заискивающими, которые поспѣшили привѣтствовать въ Байонѣ эфемерное царствованіе Іосифа, въ первомъ ряду фигурировали представители инквизиціи. Религіозныя страсти безъ сомнѣнія имѣли свою долю участья въ испанскомъ возстаніи. Вліяніе это возрасло въ особенности, когда Наполеонъ, ласкавшій ихъ сперва до чрезвычайности, увидѣлъ безполезность своихъ усилій задобрить поповъ, послѣ объявленія войны папѣ, разорвалъ съ ними немедленно въ не менѣе мечтательной надеждѣ привязать къ себѣ философскія мнѣнія. Но также несправедливо приписывать это возстаніе религіозному фанатизму, какъ и фанатизму монархическому, что пытались утверждать другіе; сила его и слава въ томъ, что оно соединило всѣхъ дви-

гателей и всѣ мнѣнія, отъ суевѣрія крестьянина до республиканскаго почти патріотизма университетскихъ студентовъ. Рядомъ съ батальонами, собравшимися подъ знаменами испанскихъ святыхъ, виднѣлись въ инсургентской арміи роты *Брута* и *Катона*, роты *Народа* съ девизомъ: *Свобода или смерть*. Возстаніе это есть существенно—революція независимости, и вотъ что сдѣлало его непобѣдимымъ. Поэтому оно остается вѣчнымъ урокомъ для народовъ, которыхъ угрожаютъ національному существованію, научая ихъ предпочитать самыя страшныя бѣдствія иностранному владычеству, даже прикрытому видимыми улучшеніями.

Среди необыкновеннаго единодушія этого возстанія, только двѣ категоріи людей являются расположенными не къ утвержденію того, что совершилось, но полюбовно сдѣлаться съ порядкомъ вещей, который они считали неизбѣжнымъ, и это тѣ категоріи, что во всѣ времена и во всѣхъ странахъ сгибались самымъ смиреннымъ образомъ предъ обстоятельствами: чиновники и придворные. Надобно еще сказать, что ихъ отступничество было не только весьма частно, но очень непродолжительно, ибо огромное большинство первыхъ или осталось вѣрно національному дѣлу, или возвратилось къ нему послѣ короткаго колебанія; что же касается до вторыхъ, то какъ они привязаны были ко двору, а не къ монарху, то надобно быть такимъ наивнымъ, какъ король Іосифъ, чтобъ удивляться ихъ угодничеству или отступничеству. Впрочемъ, надобно согласиться, что достаточныхъ причинъ къ покорности и принятію совершившихся фактовъ было довольно для тѣхъ и другихъ, и они не ошиблись, проповѣдуя соотечественникамъ смиреніе, казавшееся самимъ закономъ необходимости. Чего хотѣли, чего надѣялись, организуя сопротивленіе? Неужели питали безумную мысль восторжествовать надъ оружіемъ Наполеона? Нѣтъ, подобная мечта не могла придти ни одному разсудительному человѣку. Единственнымъ возможнымъ результатомъ возстанія было — по-

раженіе, пораженіе непоправимое, потому что ко всѣмъ бѣдствіямъ войны оно прибавило бы бѣдствіе анархіи. Легкость, съ какою совершилось паденіе прежней династіи, достаточно указывала, что тутъ былъ „предѣлъ, назначенный Провидѣніемъ". Принимая новаго государя изъ рукъ Наполеона, Испанія ни мало не отрекалась отъ своей независимости, она видѣла ее и священною, прочнѣе нежели когда нибудь и поддерживаемою всею силою имперіи. Освободившись отъ устарѣлаго и неспособнаго короля, будучи управляема государемъ, котораго рекомендовали его личныя качества и просвѣщенный умъ, Испанія могла наконецъ приступить къ реформамъ и улучшеніямъ, которыми пользовались всѣ европейскіе народы; она могла снова занять высокое мѣсто, которое занимала между державами. Всѣ эти блага, которыми можно было пользоваться, почти тотчасъ же должны были заставить позабыть неправильности, хотя и сознательныя, но уже перешедшія въ совершившійся фактъ, а добрымъ гражданамъ слѣдовало думать только о томъ, чтобъ предупредить неисправимыя бѣдствія быстрымъ согласіемъ на новое правительство [134]).

Софизмы эти были правдоподобны; въ началѣ въ особенности не одинъ искренній патріотъ попадался на нихъ изъ боязни, чтобъ столько благородныхъ усилій не привели къ окончательному разоренію и уничтоженію Испаніи. Но народное чувство не колебалось ни минуты и предпочитая самую смерть обѣщанному счастью, видѣло вѣрнѣе и дальше, нежели мудрецы. Тамъ, гдѣ недостаетъ политическихъ разсчетовъ,—торжествуетъ инстинктъ простыхъ, ибо героизмъ какъ и геній есть дѣло вдохновенія, а не разсужденія, и во всѣхъ отчаянныхъ положеніяхъ Жанна д'Аркъ всегда одержитъ верхъ надъ Макіавелли.

---

[134]) Разсужденія эти не мечтательны — они составляютъ точное резюме того, что адресовали къ согражданамъ Юнты—чрезвычайная байонская и верховная мадридская. *Прим. автора.*

Изъ всѣхъ испанскихъ провинцій Астурійское княжество высказалось первымъ, если только можно назвать иниціативою одновременное движеніе. Небольшая эта страна, затерянная на крайнемъ сѣверѣ, сжатая между горами и моремъ, безъ сообщенія съ другими провинціями, служила послѣднимъ убѣжищемъ пелазгамъ во время вторженія арабовъ; по своей энергіи и патріотизму оно было достойно служить колыбелью войны за независимость. Съ 9 мая астурійская Юнта, собравшись въ Овіэдо, рѣшила, при всеобщемъ одобреніи народа,—не повиноваться приказаніямъ Мюрата, и ея президентъ маркизъ Санта-Круцъ объявилъ, „что гдѣ онъ ни увидѣлъ бы человѣка возставшаго противъ Наполеона, онъ возьметъ ружье и пойдетъ съ нимъ вмѣстѣ [135])". Около полуночи 24 мая, въ городѣ и окрестныхъ деревняхъ ударили въ набатъ, схватили коменданта, присланнаго Мюратомъ, овладѣли арсеналомъ, въ которомъ хранилось сто тысячъ ружей. На другой день Юнта собралась, организовала оборону и издала декретъ о призывѣ осьмнадцати тысячъ человѣкъ; потомъ представители этой скромной страны, едва замѣтной на картѣ Европы, охваченные невыразимымъ энтузіазмомъ, торжественно объявили войну утѣснителю народовъ. Блестящій припадокъ безумія, столь же достойный вниманія исторіи, какъ и безсмертное вдохновенье, толкнувшее триста спартанцевъ на встрѣчу цѣлой арміи! И, начавъ эту столь чудовищно-неравную борьбу, астурійская юнта до такой степени была убѣждена въ распоряженіи только собственными средствами и дѣйствовала лишь отъ своего собственнаго частнаго имени, что не ожидая долго и ни съ кѣмъ не совѣтуясь, отправила немедленно въ Англію съ просьбою о присылкѣ на помощь британскихъ силъ, — двухъ депутатовъ, изъ которыхъ одинъ виконтъ Матароза, извѣстный

---

[135]) Торено *Hist. de la révolution d'Espagne.* *Прим. авт.*

впослѣдствіи подъ именемъ графа Торено, оставилъ намъ самый точный и справедливый разсказъ объ этихъ событіяхъ. Посланные Юнты высадились въ Фальмутѣ, ночью 6 іюня, и на другой день въ семь часовъ утра они были приняты въ адмиралтействѣ. Они привезли Каннингу объявленіе войны, сдѣланное астурійскою юнтою императору французовъ, королю Итальянскому, и просьбу, адресованную его Британскому величеству. При такомъ необычайномъ извѣстіи, глубокій умъ Каннинга, при полномъ недостаткѣ свѣдѣній, тотчасъ же угадалъ—какое страшное потрясеніе должно было произойдти на полуостровѣ, чтобъ произвести столь неслыханныя событія. Онъ понялъ, что такое живое и глубокое волненіе не могло быть отдѣльнымъ фактомъ, что эта вспышка была только эпизодомъ необозримаго пожара; онъ обѣщалъ депутатамъ энергическую помощь Великобританіи и вскорѣ далъ имъ на бумагѣ оффиціальное увѣреніе отъ имени Кабинета.

Въ то время, какъ астурійскіе горцы издавали свои военные клики, подобный же крикъ отвѣчалъ имъ на другомъ концѣ Полуострова въ Карѳагенѣ. Тамъ это было желаніе сохранить для Испаніи эскадру, которую Наполеонъ велѣлъ отправить въ Тулонъ адмиралу Сольцедо, что ускорило событія. При видѣ этого безчестнаго грабежа, произведеннаго среди бѣлаго дня, какъ самое законное дѣло, граждане запылали гнѣвомъ и негодованіемъ. Извѣстіе о байонскихъ отреченіяхъ, прибывшія въ тоже самое время, окончательно подвинуло къ возстанію. Извѣстно было, что эскадра должна зайдти прежде въ Масонъ,—и тамъ то замыслили остановить ее. Тотчасъ же отправились къ генералъ-капитану, отрѣшили его, замѣстивъ однимъ изъ своихъ сторонниковъ, созвали инсуррекціонную Юнту, и открыли арсеналы и склады оружія въ сосѣднихъ провинціяхъ. Исполнивъ это, инсургенты поспѣшили отправить въ Масонъ флотскаго офицера, который вручилъ Сольцедо приказаніе остановиться, и эскадра была

спасена отъ грабителей 20, 22, мая). Мурція тотчасъ же послѣдовала этому примѣру. Другой городъ на томъ же берегу, богатая и многолюдная Валенція, не ожидала сигнала къ возстанію. Въ Валенціи одного чтенія номера *Мадридской газеты* достаточно было, чтобъ поднять народъ. Въ продолженіе часа весь городъ былъ на ногахъ и оглашалъ воздухъ криками: „Да здравствуетъ Фердинандъ! Смерть французамъ!“

Къ несчастью дѣло не ограничилось словами. Здѣсь, какъ въ большей части городовъ, гдѣ большія сборища народа, раздраженіе большинства, дошедшее до изступленія, привело къ плачевнымъ сценамъ, которымъ отважные граждане напрасно старались воспротивится. Графъ Серветлонъ, который измѣнилъ возстанію, притворившись, что служитъ ему, избѣгнулъ смерти, благодаря только преданности дочери, кототорая вырвала изъ рукъ обвинителей письменныя доказательства его измѣны; но баронъ Альбалотъ, заподозрѣнный, хотя невинный, былъ разорванъ въ куски разъяренною толпою, — новый примѣръ ошибокъ этихъ краткосрочныхъ судовъ, которые судятъ безъ разбора и караютъ зря. Чрезъ нѣсколько дней населеніе Валенціи, попавшее во власть фанатика попа, каноника Кольво, опозорило свою революцію убійствомъ французскихъ резидентовъ, укрывшихся въ цитадели. Но эти убійства вскорѣ были наказаны казнью Кольво и его сообщниковъ, и городъ, устыдясь ихъ злоупотребленій, вскорѣ загладилъ ихъ подвигами, возвратившими ему уваженіе всего свѣта.

Въ началѣ возстанія эти кровавыя сцены, которыя съ возникновеніемъ войны становятся чаще справедливымъ, хотя неумолимымъ возмездіемъ — далеко нельзя назвать общимъ фактомъ; можно даже утверждать, что онѣ исключительны, въ особенности если принять во вниманіе силу страстей тогда бушевавшихъ. Французовъ, поселившихся во Испаніи, почти вездѣ защищали отъ народной ярости, не смотря на

ненависть, которой они сдѣлались предметомъ. Что касается до побитыхъ чиновниковъ, то если наказаніе ихъ было неправильно и вмѣстѣ преувеличено, то на службу ихъ правительству Мюрата смотрѣли конечно, какъ на преступленіе. Во многихъ городахъ довольствовались отрѣшеніемъ чиновниковъ; въ другихъ просто вербовали ихъ въ инсуррекцію. Въ Валладолидѣ жилъ генералъ — капитанъ донъ Грегоріо де ла-Куэста, старый солдатъ и хорошій патріотъ, но человѣкъ высокомѣрнаго и упрямаго характера, привыкшій вѣрить только военной регулярной силѣ и потому считавшій сопротивленіе безполезнымъ. Инсургенты, видя, что ни просьбами, ни доводами, ни угрозами они не могли склонить стараго генерала на сторону возстанія, поставили передъ его балкономъ висѣлицу и предложили избрать смерть или начальство надъ инсуррекціонными силами. Этотъ неотразимый доводъ положилъ конецъ щекотливости старика, потому ли что Куэста испугался, или наконецъ понялъ, что подобная энергія могла сдѣлаться могущественнымъ орудіемъ освобожденія.

Возстаніе Валенціи произошло вскорѣ послѣ возстанія Астуріи, страны сосѣдственной во многихъ пунктахъ. Событіе это отдало во власть инсургентовъ порты и арсеналы Ферраля и Короньи—завладѣть которыми давно уже хлопоталъ императоръ. Но тутъ къ сожалѣнію произошло убійство генералъ-капитана Филангьера, котораго любили за кротость и прямоту характера. Въ то же время вспыхнуло возстаніе въ провинціи Сантандеръ, угрожавшее очень близко сообщеніямъ нашимъ чрезъ Пиринеи. Въ королевствѣ Аррагонскомъ инсуррекція поднялась въ Сарагоссѣ, гдѣ народъ угадалъ и выбралъ героя въ лицѣ донъ Жозе Палафокса; наконецъ Старая Кастилія и Каталонія — дополнили возстаніе сѣверныхъ провинцій. Однѣ только баскія провинціи, наводненныя нашими солдатами, пробѣгавшими ихъ по всѣмъ направленіямъ, отказывались принять участье въ движеніи. Весь югъ

уже былъ въ огнѣ. Тамъ, какъ и вездѣ, взялись за оружіе, не зная что дѣлалось въ остальной Испаніи. Инсуррекціонная севильская Юнта, до такой степени была увѣрена, что дѣйствовала одна за всѣхъ, что наивно приняла названіе *верховной Юнты Испаніи и Индій*, будучи убѣждена, что служила единственнымъ убѣжищемъ истинному патріотизму, пародируя по своему прекрасный стихъ поэта: „Римъ болѣе не Римъ, онъ весь тамъ, гдѣ я.“

Къ сожалѣнію этотъ возвышенный національный порывъ былъ опозоренъ убійствомъ графа Аквиллы. Въ Андалузіи было болѣе всего испанскихъ войскъ, благодаря предосторожности Наполеона, который выгналъ ихъ изъ Мадрида. Довольно было ихъ въ Севильѣ, больше въ Кадиксѣ и въ лагерѣ св. Роха возлѣ Гибралтара. Эти такъ называемыя проницательныя соображенія имѣли послѣдствіемъ то, чтобъ изъ Андалузіи, страны естественно укрѣпленной крутизнами Сіерры Морены, сдѣлать самый страшный центръ испанскаго возстанія. Такъ какъ севильскія войска приняли немедленное участіе въ національномъ дѣлѣ, юнта подумала тотчасъ же объ овладѣніи Кадиксомъ — первымъ портомъ полуострова, и лагеремъ св. Роха, гдѣ находились важнѣйшія вооруженныя силы. Кастаносъ, начальникъ лагеря, согласился немедленно по прибытіи посланныхъ севильской Юнты. Депутатъ же, отправленный въ Кадиксъ, встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе. Генералъ-капитаномъ въ Кадиксѣ былъ тотъ самый Солано, который дѣлалъ вмѣстѣ съ Жюно кампанію въ Португалію, въ качествѣ командира вспомогательныхъ войскъ. Недовольный сперва печальною ролью въ этомъ дѣлѣ, но будучи послѣ задобренъ ласкательствами Мюрата, Солано рѣшился подчиниться новому царствованію. Употребивъ все, чтобъ остановить движеніе, онъ подчинился неохотно, когда увидѣлъ неодолимую силу, и обѣщалъ повиноваться народной волѣ.

Но не въ его власти было разсѣять недовѣріе и неудовольствіе, увертками его вызванныя въ душѣ народа, котораго нѣсколько дней назадъ онъ былъ идоломъ. Захваченный въ домѣ друга, въ которомъ онъ скрывался, Солано былъ казненъ на площади Кадикса, и умеръ съ отвагою, которая доставила бы ему честь, еслибъ онъ употребилъ ее противъ враговъ своей родины. На его мѣсто назначенъ былъ генералъ-капитанъ донъ Томасъ Морла. Юнта приказала ему аттаковать французскій флотъ, который съ трафальгарской катастрофы стоялъ въ кадикской гавани. Морла послалъ грозное требованье командору адмиралу Розили, и велѣлъ сдѣлать необходимыя приготовленія, чтобъ въ случаѣ сопротивленія бомбардировать эскадру. Розили выигралъ нѣсколько дней переговорами, потомъ занялъ положеніе посрединѣ рейда, внѣ городскихъ выстрѣловъ, будучи убѣжденъ, что его не замедлитъ выручить корпусъ Дюпона, который долженъ занять Андалузію.

Жаэнъ и Кордова быстро присодинились къ севильскому движенію. Гренада вооружила все свое здоровое населеніе; оно увлекло за собою швейцарскія войска, которыми Теодоръ Редингъ командовалъ въ Малагѣ. Въ Бадажозѣ, столицѣ Эстрамадуры, народъ ожидалъ дня св. Фердинанда, чтобъ пристать къ инсуррекціи. Онъ возсталъ почти подъ пушками Французовъ, занимавшихъ Эльвасъ, недалеко оттуда, и тотчасъ же принялся починять городскія укрѣпленія, пришедшія въ упадокъ. Въ Эстрамадурѣ вскорѣ образовался отрядъ войска въ двадцать тысячъ, который оказалъ большую услугу народному дѣлу, отрѣзавъ сообщеніе Жюно съ французскою Андалузскою арміею.

Изъ этого бѣглаго взгляда на испанскую инсуррекцію видно, съ какимъ единодушіемъ и доброю волею вспыхнуло это великое движеніе. Было бы также ребячествомъ объяснять его вліяніемъ извѣстнаго класса, или частнымъ, монархическимъ, религіознымъ суевѣріемъ, — какъ и приписывать

ручью образованіе океана. Не монархическое чувство возмущалось противъ Наполеона, ибо конечно не республику онъ вносилъ въ Испанію; тѣмъ болѣе это не было чувство религіозное, ибо, не говоря уже объ оставленіи религіозныхъ понятій, совершившихся вездѣ вслѣдствіе философской борьбы XVIII столѣтія, даже въ Испаніи, Наполеонъ въ глазахъ испанскаго духовенства былъ еще возстановителемъ алтарей, большою поддержкою католичества. Еще ничего или почти ничего не знали о его ссорахъ съ папою. Онъ оскорбилъ и возмутилъ неизгладимыми обидами во-первыхъ чувство чести и врожденной справедливости, присущія совѣсти каждаго человѣка, во-вторыхъ великое чувство индивидуальное и вмѣстѣ коллективное, обнимающее всѣ другія, и называемое патріотизмомъ.

Пока обнаруживался этотъ великій народный кризисъ, въ которомъ Испанія должна была окрѣпнуть или пасть, Наполеонъ, находясь въ Байонѣ, ускорялъ пріѣздъ брата своего Іосифа, котораго хотѣлъ сдѣлать испанскимъ королемъ, и прибытіе упрямыхъ депутатовъ, которые волею-неволею обязаны были предложить ему корону отъ имени народа, и наконецъ то, что онъ называлъ *преобразованіемъ* королевства, которое ему не принадлежело болѣе. Онъ передалъ Іосифу свои намѣренія въ короткомъ и повелительномъ письмѣ, недопускавшемъ возраженій: „Корону эту я предназначаю вамъ.... Въ Мадридѣ — вы во Франціи, а Неаполь на концѣ свѣта. Поэтому я хочу, чтобъ немедленно по полученіи этого письма вы предоставили регентство кому угодно, командованіе войсками маршалу Журдану и отправлялись въ Байону... Вы получите это письмо 19, выѣдете 20 и будете здѣсь 1 іюня.“ (10 мая). Повелительный этотъ тонъ былъ разсчитанъ по поводу извѣстной неохоты Іосифа покидать королевство, въ которомъ онъ считалъ себя укрѣпившимся, и также имѣя въ виду его легкій, уступчивый характеръ. Дѣйствительно очень вѣроятно, что во время своей поѣздки въ

Италію, Наполеонъ говорилъ Іосифу о восшествіи его на испанскій престолъ, какъ о возможной случайности. Если онъ впослѣдствіи предложилъ эту корону Людовику, то по всѣмъ вѣроятностямъ оттого, что старшій братъ выказалъ мало готовности. Достовѣрно лишь то, что Іосифъ противъ воли выѣхалъ изъ Неаполитанскаго королевства и отправился, если не съ расположеніемъ не повиноваться, по крайней мѣрѣ будучи весьма мало доволенъ перемѣною, которую ему навязывали, и съ тайною надеждою отъ нея отдѣлаться [136]). Но Наполеонъ заранѣе принялъ всѣ мѣры предосторожности, чтобъ согласіе Іосифа было такъ сказать вынуждено, и чтобъ онъ согласился, прежде чѣмъ имѣлъ бы время осмотрѣться. Въ началѣ мая онъ старался получить отъ мадридской верховной юнты и кастильскаго совѣта заявленіе, призывающее Іосифа на испанскій престолъ. Императоръ надѣялся придать байонской западнѣ видъ уступчивости желаніямъ народа. Но эти два собранія, послѣ настоятельныхъ просьбъ, прислали ему бумагу наполненную чрезвычайными предосторожностями, и потому онъ надѣялся уже извлечь большую пользу отъ подобія собранія Кортесовъ. Онъ созвалъ ихъ въ Байону подобно тому, какъ нѣкогда сзывалъ цизальпинскихъ депутатовъ въ Ліонъ и которые, явясь для утвержденія свободы своей страны, уѣхали, отдавъ ему эту свободу. Необыкновенная эта Юнта, имѣвшая дать въ одно время короля и конституцію Испаніи, была созвана на 10 іюня; она долженствовала соединить въ себѣ представителей грандовъ, духовенства, религіозныхъ орденовъ, университетовъ, арміи, высшей коммерціи, колоній и даже инквизиціи.

Дѣйствительно она состояла частью изъ испанскихъ грандовъ, сопровождавшихъ государей въ Байону и которыхъ

---

[136]) См. Міо де Мелито, который немного не согласенъ въ этомъ съ *Souvenirs* Станислава Жарардена, и *Memoires* короля Іосифа.

Прим. автора.

Наполеонъ удержалъ во Франціи, частью изъ высшихъ чиновниковъ, спѣшившихъ удержать свое положеніе при всѣхъ правительствахъ, наконецъ частью изъ всѣхъ личностей, которыхъ удалось привлечь пышными обѣщаніями, угрозами или ласкательствами. Она должна была заключать въ себѣ сто пятьдесятъ депутатовъ, а въ сущности собрано не болѣе половины.

Торжественная эта пародія на формы и принципы національнаго верховнаго правительства долженствовала быть только предисловіемъ комбинацій Наполеона. Посвящая себя возрожденію Испаніи, онъ имѣлъ въ особенности въ виду овладѣть ея источниками. Это онъ дѣлалъ во всѣхъ странахъ, которыя намѣревался осчастливить, это же онъ сдѣлалъ съ несчастной Португаліей, и не должно приписывать благотворному и цивилизаціонному стремленію проэктовъ, внушенныхъ единственно жадности честолюбца. Лихорадочное нетерпѣніе, съ которымъ Наполеонъ занялся испанскими финансами, флотомъ и особенно колоніями происходило всецѣло отъ иллюзіи, внушившей ему, что онъ нашелъ громадныя средства для осуществленія своихъ проектовъ относительно остальнаго міра; съ нашей стороны было бы насмѣшкою надъ добрымъ читателемъ, еслибъ мы выставляли это честолюбіе добрымъ и великодушнымъ, чтобъ прикрыть захватъ благодѣяніями. Конечно, если онъ былъ способенъ ощущать эти добродѣтельныя чувства, то не имѣлъ недостатка въ случаѣ приложить ихъ къ дѣлу. Между народами, которые онъ держалъ подъ желѣзною палкою, у него былъ большой выборъ, еслибъ онъ хотѣлъ развернуть эту очистительную филантропію. Къ несчатью каждая строчка его корреспонденціи доказываетъ, что занимаясь Испаніею онъ думалъ только о себѣ.

Въ первыя минуты онъ испыталъ родъ ослѣпленія, при мысли, что налагалъ руку на такія богатѣйшія владѣнія. Онъ высчиталъ сколько піастровъ можетъ принести ему

Мексика, и послалъ по всѣмъ направленіямъ вѣстовыя суда. которыя понесли въ испанскія колоніи романъ байонскаго отреченія, составленный такимъ образомъ, чтобъ отвратить ихъ отъ разрыва. Онъ считалъ по пальцамъ корабли,— страшная подмога, которую испанскій флотъ и многочисленные порты полуострова позволяли ему прибавить къ его эскадрамъ. До конца сентября онъ хотѣлъ имѣть 35 новыхъ кораблей. Присоединивъ ихъ къ 42 кораблямъ, которые у него уже были и къ 54, которые онъ возьметъ у союзныхъ державъ и даже у Россіи, сумма составитъ 132 военныхъ корабля [137]). При этой мысли воображеніе его воспламенялось, и онъ охотно готовъ былъ воскликнуть, какъ въ Булони: „Англія моя!" Онъ написалъ бѣдному Декрѐ до шести писемъ въ одинъ день, сообщая свои великолѣпные планы. Но въ то время, когда онъ развивалъ эти фантастическіе виды, которые существовали только на бумагѣ, и которые по какому то странному заблужденію украсили названіемъ реорганизаціи испанскаго флота, всѣ порты Полуострова находились уже въ рукахъ инсургентовъ. Чтобъ дать понятіе о мнимой пользѣ, которую Испанія получила бы отъ толчка, даннаго ея морскимъ средствамъ, достаточно сказать, что всю эту армаду онъ предназначалъ для исполинской экспедиціи въ Египетъ и Индію, или въ Алжиръ, то наконецъ въ Сицилію, чтобъ отомстить неудачу экспедиціи Гонтама, погибшей прежде, нежели онъ началъ свои операціи [138]). Самая вѣрная польза, которую испанскія эскадры могли извлечь изъ его заботливости—заключалась въ томъ, что ихъ повели бы къ новому Трафальгару.

Смыслъ *реорганизаціи*, затѣянной Наполеономъ относительно испанской арміи, еще яснѣе улучшеній, о которыхъ онъ мечталъ для флота. Улучшеніе это заключалось просто

---

[137]) Наполеонъ къ Декрѐ, 28 мая 1808 г. *Прим. автора.*

[138] Наполеонъ къ Декрѐ, 26, 28, 29 мая 1808 г. *Прим. автора.*

въ томъ, чтобъ погнать во Францію немного войскъ, оставшихся еще въ Испаніи. Онъ предположилъ направить ихъ сперва на сѣверъ, „чтобъ предоставить имъ случай раздѣлить славу съ корпусомъ Романы", славу, заключавшуюся въ томъ, чтобъ умереть съ голоду и со скуки на берегахъ Балтики. Что же касается финансовъ, наконецъ, что онъ изобрѣлъ наиболѣе остроумнаго, когда увидѣлъ, что въ испанской казнѣ не оказалось ни реала,— это дать Испаніи взаймы двадцать пять милльоновъ изъ французскаго банка, взявъ въ залогъ коронные брильянты [139]). Надобно ли еще говорить, что если онъ предназначилъ часть этихъ денегъ на флотъ, чтобъ ускорить постройку кораблей, то большая доля должна была окупить издержки по водворенію брата Іосифа. И развѣ это не чистѣйшая насмѣшка представлять подобныя дѣйствія, какъ геніальную мысль, которая, еслибъ могла осуществиться, то обезпечила бы благополучіе и величіе испанскаго народа.

Собственно говоря, это были весьма посредственные воздушные замки, готовые разрушиться при первомъ дуновеніи противнаго вѣтра; но тотъ, кто ихъ строилъ, дошелъ, силою пристрастія и успѣховъ, до того, что каждое хорошее или дурное предпріятіе считалъ непогрѣшимымъ, собственно потому, что положилъ на него руку. Необыкновенная легкость, съ которою осуществилось его новое завоеваніе, возбудило до опьяненія ту силу воображенія, которая всегда составляла мощь и слабость его генія, но которую онъ умѣлъ лучше покорять въ концѣ своей карьеры. Онъ не сомнѣвался болѣе ни въ чемъ, онъ былъ законнымъ и рѣшительнымъ властелиномъ великолѣпной монархіи Карла Пятаго, надъ которою никогда не заходило солнце. Онъ былъ, по выраженію *Монитера*, «*облеченъ во всѣ права Испанскаго дома*» [140]).

---

[139]) Наполеонъ къ Мюрату, 28 мая; къ Мольену, 3 іюня 1808 г. *Прим. автора.*

[140]) Монитеръ, 16 мая 1808 г. *Прим. автора.*

Наслѣдникъ столькихъ королей существовалъ еще гдѣ-то, но доведенный до нѣкотораго рода нищенства и въ такомъ жалкомъ положеніи, что Наполеонъ съ презрѣніемъ отворачивалъ отъ него взоры. Этотъ жалкій бѣднякъ вспоминалъ, что мѣсяцъ еще назадъ онъ назывался королемъ Испанскимъ! Изъ всѣхъ своихъ титуловъ онъ сохранилъ только одну безвредную формулу и осмѣливался употреблять ее въ слезныхъ мольбахъ, съ которыми обращался къ могущественному императору. Наполеонъ оскорбился смѣлостью и неприличіемъ этого царственнаго Лазаря: „Принцъ Фердинандъ, писалъ онъ къ Талейрану:—въ письмахъ ко мнѣ называетъ меня *своимъ кузеномъ*. Постарайтесь дать понять господину Санъ-Карлосу, *что это смѣшно* и что онъ долженъ *называть меня просто государемъ*“ (24 мая). Не равняется ли это фразѣ „называйте меня просто монсеньеромъ“ цареубійцы Камбассереса. Обладатель этого обширнаго государства — онъ и не должно полагать, чтобъ былъ когда нибудь другой. И онъ посылаетъ повелѣнія своимъ подданнымъ, какъ природный король, съ полною увѣренностью въ повиновеніи. Однихъ онъ назначаетъ въ Кортесы въ Байону, гдѣ нужна ему ихъ преданность, другихъ назначаетъ губернаторами въ колоніи. Грегоріо дела-Куэста посылаетъ назначеніе вице-короля Мексиканскаго (26 мая). Но Кортесы не являются, колоніи отказываются признать его, а Григоріо Куэста, въ тотъ самый день, когда Наполеонъ послалъ ему дипломъ вице-короля Мексиканскаго, (26 мая), принимаетъ начальство надъ инсургентскими силами Леоне и Валладолида. Въ сущности императоръ до сихъ поръ только обладатель воображаемаго королевства.

Эта невозмутимая увѣренность распространяется на военныя дѣйствія, какъ и на все остальное, и самыя вѣрныя извѣстія о страшномъ вспыхнувшемъ возстаніи ни мало его не колеблютъ. Императоръ не только не видѣлъ его наступленія, но когда оно и настало, онъ не подозрѣвалъ ни его силы, ни значенія. Когда Мюратъ сначала обнаружилъ нѣ-

который страхъ и изъявилъ скромныя желанія утишить обывателей кроткими мѣрами, Наполеонъ упрекнулъ его въ этомъ, какъ въ слабости и рекомендовалъ „призвать разсудокъ на помощь характеру“ (17 мая). Чего боялся Мюратъ? Развѣ не были приняты всѣ мѣры предосторожности? Намъ нѣтъ повода нигдѣ бояться ничего серьезнаго.

То же самое и съ Португаліею, гдѣ Наполеонъ занялъ у Жюно четыре тысячи человѣкъ для Дюпона, котораго посылаетъ на Андалузію и Кадиксъ. Чего же можетъ опасаться Жюно? „Англичане не въ состояніи предпринять ничего, ибо хорошо знаютъ, что будутъ уничтожены“ [141]). Вотъ что онъ писалъ, когда Уэсли былъ наканунѣ высадки. Не оставался ли у Жюно, кромѣ собственныхъ войскъ, испанскій осьмитысячный корпусъ? Ему даже не приходило въ голову, что эти испанцы могутъ взбунтоваться. Что касается Дюпона, онъ онъ далъ ему только 9,000 солдатъ для занятія Андалузіи и Кадикса, но развѣ же у него не было 8,000 швейцарцевъ, находившихся на службѣ въ Испаніи, и вѣрность которыхъ равно была обезпечена?

Итакъ всѣ его военныя догадки строились на предположеніяхъ, и когда возстаніе принудило его дѣйствовать сильно и рѣшительно, иллюзіи его не только не разсѣялись, а превратились въ ослѣпленіе, примѣровъ котораго мало представляетъ исторія. Онъ сдѣлалъ первую ошибку, упорствуя управлять военными дѣйствіями издали, не выѣзжая изъ Байоны, онъ, который такъ строго порицалъ этотъ пріемъ у Директоріи и конвентскихъ комитетовъ. Вторая его ошибка заключалась въ томъ, что онъ раздѣлилъ свои силы, вопреки собственнымъ принципамъ вмѣсто того, чтобъ соединить ихъ для нанесенія сильныхъ ударовъ. У Наполеона была тогда на Полуостровѣ, если вѣрить собственному его исчисле-

---

[141]) Наполеонъ къ Бертье, 18 мая. *Прим. автора.*

нію [142]) армія отъ 110 до 120 тысячъ человѣкъ, независимо отъ португальской. Этого было недовольно для покоренія цѣлой націи, фанатизированной ненавистью къ чужестранцу, но достаточно, чтобъ занять хорошія оборонительныя позиціи въ самомъ центрѣ страны и разбивать всѣ инсургентскія арміи, которыя осмѣливались бы показаться въ чистомъ полѣ, пока прибытіе подкрѣпленія позволило бы предпринять что нибудь большее. Но подобные виды были слишкомъ скромны для Наполеона. Онъ рѣшилъ подавить инсуррекцію во всѣхъ пунктахъ, гдѣ она вспыхнула. Онъ разбросалъ войска по разнымъ направленіямъ, принявъ, правда, предосторожность, что эти отряды подкрѣплялись меньшими, которые должны были соединяться въ случаѣ надобности, но онъ не предусмотрѣлъ обстоятельствъ, когда эти отряды не могли соединиться, что случалось чаще всего. Такимъ образомъ, направляя маршала Монсея на Валенцію, онъ отрядилъ изъ Барцелоны генерала Шабрана для занятія позиціи на промежуточномъ пунктѣ между Барцелоною и Валенціею. Тактика эта прилагалась на всѣхъ пунктахъ. Отрядъ Жюно и дивизія Веделя должны были подкрѣплять издали движеніе Дюпона на Андалузію; бригада Сабатье имѣла поддерживать на извѣстномъ разстояніи экспедицію Мерля противъ Сантандера [143]), Вердье противъ Логроно. Наконецъ онъ отправилъ изъ Мадрида небольшой отрядъ въ три или четыре тысячи человѣкъ для подкрѣпленія въ случаѣ надобности тѣхъ 10,000 человѣкъ, которыхъ онъ послалъ противъ Сарагоссы подъ начальствомъ Лефевбра—Доноэтта [144]).

---

[142]) Цифры эти заимствованы изъ ситуаціоннаго листка, помѣченнаго 18 іюля, гдѣ силы наши въ Испаніи опредѣляются въ 116,000 человѣкъ. Количество это не могло значительно измѣниться съ начала іюня: это впрочемъ минимумъ. *Прим. автора.*

[143]) Наполеонъ къ Бессьеру, 3 іюня. *Прим. автора.*

[144]) Наполеонъ къ Мюрату, 8 іюня.

Вездѣ одно и тоже упорное желаніе занять всю страну съ помощью эшелонированныхъ корпусовъ, и одно и тоже разбрасыванье силъ. Онъ былъ убѣжденъ, что войскамъ его стоило только появиться, чтобъ разсѣять эти жалкія скопища. Вездѣ также онъ даетъ однѣ и тѣже инструкціи своимъ генераламъ: „*Показывать примѣры*". Давно уже они знали, что значило это слово въ устахъ его. Жечь, грабить, разстрѣливать—вотъ кровавая программа,—отъ выполненія которой иные изъ нихъ устранялись, но которую большинство осуществляло со строгостью, которая перешла уже во вкусъ, также какъ и въ привычки арміи.

Какъ ни недостаточны были эти распоряженія, но сначала они имѣли видъ успѣха. Войска наши легко справлялись съ инсургентами, когда встрѣчали ихъ въ чистомъ полѣ или въ неукрѣпленныхъ городахъ. Вердье безъ труда разбилъ ихъ въ Логроно, Фреръ въ Сеговіи, Лассаль въ Торквемадѣ (6-го іюня, гдѣ начался рядъ казней правильною бойнею, потомъ у моста Кабезона передъ Валладолидомъ, гдѣ Куэста сражался прислонясь къ рѣкѣ. Мерль, посланный къ Сантандеру, пособивъ Ласаллю одержать побѣду, разбилъ съ такою же легкостью Веларде въ Лантуэно, въ то время какъ Лефевръ-Деноэттъ на походѣ къ Сарогоссѣ отбросилъ послѣдовательно арагонскія банды къ Туделѣ (8 іюня) и Маллену (13 іюня). Во всѣхъ этихъ дѣлахъ сопротивленіе инсургентовъ было почти незначительно; мы сражались только съ скопищами горожанъ и крестьянъ, дурно дисциплинированныхъ, дурно вооруженныхъ, которыхъ ставила въ тупикъ быстрота и единство нашихъ движеній. Самое лучшее понятіе о ихъ неопытности и неумѣлости представляетъ пропорція потерь съ обѣихъ сторонъ. Въ Логроно у нихъ было сто убитыхъ, у насъ одинъ; въ Кабезонѣ у нихъ пятьсотъ, у насъ отъ пятнадцати до двадцати; въ Туделѣ триста, а у насъ десять; въ Малленѣ наконецъ они потеряли около ты-

сячи, а мы двадцать. И большая часть этихъ несчастныхъ скорѣе погибла въ бѣгствѣ подъ саблями нашихъ кавалеристовъ, нежели въ дѣлахъ, которыя продолжались лишь по нѣсколько минутъ. Изъ этой пропорціи видно, что эта была сущая бойня, а не сраженіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова. И для тѣхъ, которые убивали этихъ беззащитныхъ бѣглецовъ, которые принесли опустошеніе въ край, куда ихъ не призывали — ни страсть, ни мысль, ни даже тѣнь неудовольствія, это называлось силою; для иныхъ же напротивъ, которые умирали на порогѣ своихъ поруганныхъ жилищъ, призывая все, что милѣе и священнѣе для человѣка — это называлось разбойничествомъ.

Обѣ экспедиціи, восточная и южная, въ особенности Дюпоновская, которая должна была окончиться такъ печально, были не менѣе блистательны сѣверной. Монсей, который долженъ былъ покорить Валенцію, приближался тихо къ Куэнцѣ, почти на половинѣ дороги отъ Мадрида (11 іюня), и тамъ благоразумно поджидалъ Шабрана, который обязанъ былъ помочь ему, выступивъ изъ Барцелоны и слѣдуя вдаль по берегу. Шабранъ, дѣйствительно, подобно ему выступилъ 4 іюня и дошелъ до Таррагоны. Но сзади его возстала вся Каталонія, не смотря на крѣпости, которыми владѣли мы въ разныхъ пунктахъ; генералъ Дюгемъ былъ осажденъ инсургентами въ Барселонѣ, такъ что рисковалъ потерять сообщеніе съ экспедиціоннымъ корпусомъ, и Шабранъ вынужденъ былъ остановиться подобно Монсею, но еще съ большею боязнью быть вынуждену къ отступленію. Черезъ нѣсколько дней стало извѣстно, что легкія торжества Деноэтта окончились въ Саррагоссѣ, гдѣ его удержалъ Палафоксъ.

Походъ Дюпона въ Андалузію былъ счастливѣе и быстрѣе. Съ 1 іюня генералъ этотъ вступилъ стремительно съ силами около четырнадцати тысячъ, въ длинныя ущелья Сіерры-Морены, которымъ вскорѣ было суждено сдѣлаться свидѣтелями его пораженія. Дюпона можно назвать однимъ

изъ любимыхъ генераловъ Наполеона. Въ Альбекѣ, Галлѣ, Фридландѣ онъ стоялъ въ первомъ ряду по блестящимъ подвигамъ храбрости; онъ былъ на ходу къ маршальскому званію, и императоръ предложилъ ему Андалузскую кампанію, какъ случай заслужить награду, бывшую цѣлью военной карьеры. И вотъ онъ отправился исполненный рвенія, надеждъ и желанія отличиться. Какъ и Монсей, онъ долженъ былъ присоединить къ себѣ на дорогѣ множество испанскихъ и швейцарскихъ вспомогательныхъ войскъ; онъ испыталъ такую же неудачу, успѣвъ собрать только около двухъ тысячъ швейцарцевъ, сомнительная вѣрность которыхъ очень нуждалась въ ободреніи. Въ Байонѣ онъ узналъ, что вся Андалузія взялась за оружіе, и что ему приходилось выдержать нѣсколько правильныхъ сраженій прежде достиженія Кадикса. Тѣмъ не менѣе онъ направился на Кордову чрезъ Алндужаръ. Кордуанская армія, желавшая сражаться своими средствами, какъ и севильская вышла къ нему до самаго моста Алколеа на Гвадалквивирѣ. Не смотря на свое численное меньшинство, Дюпонъ разбилъ ее, но встрѣтилъ такое живое сопротивленіе, какого не ожидалъ, и понесъ болѣе чувствительныя потери, нежели прочіе генералы, бывшіе въ дѣлахъ въ одно и тоже время (7 іюня). Онъ преслѣдовалъ испанцевъ по пятамъ по Кордуанской дорогѣ, и появился передъ Кордовою послѣ усиленнаго нѣсколько часоваго перехода подъ солнечнымъ зноемъ. Не получивъ согласія на сдачу крѣпости, онъ велѣлъ разбить ворота ядрами, и солдаты его ворвались въ городъ, убивая и разрушая все, что попадалось на пути. Они входили въ дома, предаваясь гнуснымъ оргіямъ, потомъ, упившись, ограбили соборъ, взломали общественныя кассы, ограбили монастыри и богатые дома. Генералъ захватилъ въ однихъ казначействахъ десять милльоновъ реаловъ на военныя надобности.

Послѣ этого прекраснаго подвига, Дюпонъ, для окончательнаго исполненія порученія долженъ былъ идти немед-

ленно на Севилью и Кадиксъ, но, не чувствуя себя въ силахъ слѣдовать дальше, онъ заперся въ Кордовѣ, въ ожиданіи подкрѣпленій, которыя дозволили бы ему докончить дѣло. И такъ послѣ успѣховъ болѣе кажущихся, нежели прочныхъ въ началѣ этой сложной кампаніи, которою Наполеонъ распоряжался изъ Байоны, вездѣ обнаруживались остановки, мотивированныя недостаточностью нашихъ силъ предъ множествомъ предпріятій: Монсей былъ остановленъ въ Куэнцѣ, Шабранъ въ Таррогонѣ, Лефевръ-Деноэттъ въ Сарагоссѣ; наконецъ Дюгэмъ былъ запертъ въ Барцелонѣ, а Дюпонъ въ Кордовѣ. Съ 10 іюня все сдѣлалось неопредѣленнымъ, и насъ держали въ страхѣ на всѣхъ пунктахъ, парализованныхъ единственнымъ недостаткомъ этихъ безсвязныхъ операцій.

Далеко не подозрѣвая опасности этого положенія, Наполеонъ не переставалъ не сомнѣваться въ успѣхѣ. 9 іюня онъ громко уже заявилъ о торжественномъ вступленіи Дюпона въ Севилью, Монсея въ Валенцію, и прибавилъ, что будущій въѣздъ Іосифа въ Испанію „*окончательно разсѣетъ смуты, прояснитъ умы и возстановитъ вездѣ спокойствіе* [145])". Понятно, что первые успѣхи надъ возстаніемъ могли ему внушить подобную иллюзію, но дурныя вѣсти, полученныя въ слѣдующіе же дни, нисколько не открыли ему глазъ. Онъ то и дѣло сердился на Монсея за медленность и повторялъ какъ ему, такъ и Шабрану, приказанія идти на Валенцію; онъ считалъ взятіе Сарагоссы до такой степени вѣрнымъ, что послалъ инженернаго полковника „привести замокъ въ положеніе внушительное и чтобъ онъ могъ удерживать городъ [146]): „наконецъ 19 іюня, когда уже ему были извѣстны всѣ элементы этого затруднительнаго положенія, онъ по какому-то, едва вѣроятному заблужденію,

---

[145]) Наполеонъ къ Талейрану, 9 іюня 1808. *Прим. авт.*
[146]) Наполеонъ къ Бертье, 17 іюня. *Прим. автора.*

дошелъ даже до приказа, чтобъ обезоруживая мятежниковъ, въ каждомъ городѣ формируемы были роты *національной гвардіи*, которыя помогали бы алькадамъ, брали на себя отвѣтственность и поддерживали спокойствіе страны.„ Вотъ, прибавляетъ онъ „что должно было бы дѣлать въ Толедо, Аранжуэцѣ, Сеговіи и *вездѣ въ другихъ мѣстахъ* [147])". Наполеонъ эти блестящія соображенія излагалъ своему довѣренному Савари, который только что прибылъ въ Мадридъ уговорить Мюрата заболѣть серьезно вслѣдствіе его ошибокъ.

Къ счастью у него было наконецъ подъ рукою въ Байонѣ драгоцѣнное специфическое средство, которое, по его мнѣнію, необходимо должно было положить конецъ раздорамъ Испаніи. Впрочемъ эти смуты и раздоры не должны были никого удивлять; во всѣ времена они были обязательнымъ послѣдствіемъ кризисовъ, именуемыхъ междуцарствіемъ. Присутствіе и коронація короля Іосифа готовились привести все въ порядокъ, соединить не только мирныхъ, но и тѣ столь многочисленные классы, которые сверхъ всего нуждаются въ правильномъ положеніи вещей. Іосифъ былъ извѣстенъ въ Европѣ какъ государь мирнаго и кроткаго характера; нѣтъ сомнѣнія, что испанцы, будучи поставлены въ необходимость избрать или этого принца, или бѣдствія безнадежной анархіи, конечно, изберутъ его, по крайней мѣрѣ какъ изъ двухъ золъ меньшее, не смотря на свою подозрительную національную щекотливость. По этому надо было, чтобъ Іосифъ принялъ корону и показался какъ можно скорѣе своему народу—успокоить, утишить, согласить умы. Наполеонъ зналъ, что Іосифъ оставилъ Неаполь съ сожалѣніемъ, и не былъ ни мало увѣренъ въ его окончательныхъ распоряженіяхъ, и вслѣдствіе этого рѣшился увлечь его и ослѣпить съ момента прибытія, чтобъ не дать ему времени осмотрѣться.

---

[147]) Наполеонъ къ Савари, 19 іюня *Прим. автора.*

Іосифъ выѣхалъ въ концѣ мая. Когда стало извѣстно о приближеніи его къ Байонѣ, Наполеонъ, не дождавшись его прибытія поспѣшилъ обнародовать декретъ, провозглашавшій его королемъ Испаніи и Индіи, въ виду настоятельной необходимости „обезпечить счастье Испаніи, полагая конецъ междуцарствію“. Декретъ, конечно, ссылался на желанія юнты, кастильскаго совѣта и мадридскаго муниципалитета, но эти ссылки не имѣли ни малѣйшаго намека на какую бы то ни было уступку народной волѣ, а Наполеонъ передавалъ свои права, какъ старый король. Декретъ этотъ появился 6 іюня; на другой день, 7, Іосифъ прибылъ въ По и узналъ о своемъ восшествіи. Онъ ничего не зналъ о томъ, что произошло въ Испаніи, ибо всѣ новости тщательно задерживались. Наполеонъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу за нѣсколько миль отъ Байоны, посадилъ въ свою карету, осыпалъ демонстраціями и нѣжностью, ему не свойственными, и наконецъ съ обычною стремительностью изложилъ всѣ намѣренія, придуманныя имъ для благоденствія, величія и прочности новой монархіи [148]).

Когда братья прибыли въ Байону, бѣдному Іосифу едва удавалось выговорить слово. Въ Байонѣ сцена измѣнилась; путешественнику не дали ни минуты отдыха. По выходѣ изъ кареты онъ увидѣлъ внизу дворцовой лѣстницы императрицу, окруженную статсъ-дамами, которыя привѣтствовали его съ новымъ королевствомъ. Внутри дворца ожидалъ его другой сюрпризъ. Входя въ парадную гостиную, онъ былъ торжественно встрѣченъ всѣми депутаціями, которыхъ велѣлъ созвать Наполеонъ, и которые явились частью добровольно, частью насильно въ Байону изъ всѣхъ городовъ, занятыхъ французскою арміею. Здѣсь собрались люди, носившіе самыя знатныя испанскія имена — герцоги Оссуна,

---

[148]) См. Міо де Мелито, Mémoires короля Іосифа и Торено, столь свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ. *Прим. автора.*

Инфантадо, Фріасъ, принцъ Кастель-Франко, графы Санта-Колонна и Фернанъ-Нупецъ; рядомъ съ ними были епископы, прежніе министры, придворные, высшіе чиновники и даже инквизиторъ донъ Раймундо Этенардъ-и-Салинасъ. И вся эта знать — покорные и преданные подданные, — это видно изъ всѣхъ ихъ пріемовъ. Они провозглашаютъ и привѣтствуютъ Іосифа королемъ, потомъ каждая депутація, составляющая юнту, читаетъ ему поздравительный адресъ.

Іосифъ, находясь словно въ лихорадкѣ послѣ продолжительнаго путешествія и отъ голоду — ибо онъ не ѣлъ съ утра, а было уже десять часовъ вечера, — былъ очарованъ, на половину оглушенъ этою неожиданностью. Суетный отъ природы, онъ принималъ эти оваціи съ наслажденіемъ, но съ видомъ только что проснувшагося человѣка, который еще не увѣренъ, что видитъ все на яву. Впрочемъ, одинъ весьма непріятный случай примѣшалъ фальшивую ноту въ этотъ концертъ благословеній. Герцогъ Инфантадо по прочтеніи своего поздравительнаго адреса отъ имени грандовъ, проговорилъ слова оскорбительно неблагозвучныя: „Государь, сказалъ онъ Іосифу: — испанскіе законы не дозволяютъ намъ представить ничего другаго вашему величеству. *Мы ожидаемъ пока выскажется нація и уполномочитъ насъ дать болѣе свободный порывъ нашимъ чувствамъ*". Этотъ неожиданный отзывъ къ испанской націи и ея непризнаннымъ правамъ произвелъ невыразимое дѣйствіе на Наполеона; онъ бросился къ Инфантадо, осыпалъ его упреками, совѣтовалъ присоединиться скорѣе къ инсургентамъ нежели скрываться за подобными увертками и кончилъ своимъ главнымъ доводомъ, т. е. грозилъ велѣть разстрѣлять его. Испуганный герцогъ извинился, и мятежный адресъ его былъ немедленно измѣненъ, но эпизодъ этотъ бросилъ нѣкоторую холодность въ церемонію, которая до тѣхъ поръ шла удачно [149]). Замѣтили

[149]) Цеваллосъ, Прадтъ. *Прим. автора.*

много успокоительныхъ словъ, сказанныхъ Іосифомъ инквизитору въ отвѣтъ на его привѣтствіе, ибо такъ какъ французы явились во Францію во имя прогресса и миссіонерами цивилизаціи, то предполагалось, что по крайней мѣрѣ они захотятъ заслужить честь уничтоженія этого гнуснаго и непопулярнаго трибунала. Но это лишь впослѣдствіи, когда увидѣли безполезность охранять духовенство, они сочли удобнымъ сдѣлать эту уступку философскимъ идеямъ. Іосифъ отвѣчалъ инквизитору съ самою благосклонною улыбкою „что хотя и есть страны, гдѣ допущены многія исповѣданія, однако Испанія должна считать себя счастливою, что въ ней чтили *одно только истинное*". Нельзя было дать болѣе яснаго обѣщанія—освятить принципъ государственныхъ религій.

По окончаніи этого торжества, Іосифъ сдѣлался королемъ; нъ уже болѣе не могъ отдѣлаться отъ этого. Въ слѣдующіе дни, хотя онъ и не зналъ еще, какой терновый вѣнецъ надѣвалъ себѣ на голову, онъ началъ прозрѣвать истину, но уже не было времени оттолкнуть этотъ ужасный подарокъ; онъ былъ королемъ, а Наполеонъ не принадлежалъ къ числу людей, которые позволили бы ему отступленіе. 15 іюня, депутаты этой юнты, которая была такъ удачно названа *чрезвычайною*, открыли свои засѣданія, несмотря на численную недостаточность членовъ, и вслѣдствіе самой безполезной формальности начали обсуждать проектъ конституціи, для одобренія, а не для разбора которой они были созваны. Было бы безполезно и скучно останавливаться на этомъ мертворожденномъ произведеніи — блѣдной копіи всѣхъ сочиненій въ этомъ родѣ, исшедшихъ отъ Наполеона. Творенія эти не имѣютъ даже тѣхъ приманокъ, на которыя такъ легко ловятся народы; они дышутъ только однообразіемъ, пустотою и ничтожествомъ. Я удовольствуюсь лишь напоминаніемъ, что этотъ *возобновитель* Испаніи осмѣлился предложить ей какъ подарокъ счастливаго восшествія Сенатъ, въ которомъ

фигурировало два комитета—*индивидуальной свободы* и *свободы печати*, дѣйствовавшіе такъ успѣшно во французскомъ Сенатѣ, и Законодательный Корпусъ, обсужденія котораго должны оставаться въ тайнѣ. Первый параграфъ этой Конституціи былъ слѣдующій: „Государственною религіею есть религія католическая. *Никакая другая не дозволена* [150]).

Іосифъ составилъ потомъ министерство изъ людей, окружавшихъ его и большая часть которыхъ были прежніе министры. Многіе изъ нихъ были люди отличнаго ума. Они присоединились къ нему, вслѣдствіе болѣзни, привязывающейся къ людямъ, когда они однажды испытали уже власть, другіе въ химерической надеждѣ, что имъ удастся измѣнить порядокъ вещей. Урквіо былъ государственнымъ секретаремъ, Азанца министромъ Индій, Мазарредо морскимъ министромъ, О'Фарилль военнымъ, Кобаррусъ финансовъ, Цеваллосъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Для внутренныхъ дѣлъ Наполеонъ обратилъ взоръ на историка Іовеллоноса, человѣка честнаго и популярнаго. Іовеллоносъ отказался, не смотря на просьбы нѣкоторыхъ своихъ друзей. Наполеонъ тѣмъ не менѣе велѣлъ напечатать о его назначеніи въ *Мадридской газетѣ*, съ цѣлью ли легче получить его согласіе послѣ подобнаго заявленія, или для того, чтобъ погубить въ глазахъ національной партіи посредствомъ этой настойчивой клеветы, прекратить которую недоставало духа у Іосифа. Въ судьбѣ этого короля по-неволѣ было также предназначеніе имѣть министровъ по-неволѣ. Наконецъ Іосифъ назначилъ своихъ высшихъ сановниковъ. 7 іюля все было кончено и устроено — воззваніе новаго короля, вѣчная признательность придворныхъ, Конституція, министерство, должности двора, присяга въ вѣрности, даже медали выбитыя на память. Іосифу—недоставало только подданныхъ.

---

[150]) См. Испанскую Конституцію въ Монитерѣ 15 іюля.

Прим. автора.

ГЛАВА IX.

Капитуляція въ Бойненѣ и Цинтрѣ. — Французы отброшены къ Эбро.—(іюль—сентябрь 1808.)

Въ продолженіе трехъ недѣль, посвященныхъ этимъ приготовленіямъ, положеніе нашей Испанской арміи сильно ухудшилось. Ближайшія подкрѣпленія, какими Наполеонъ могъ располагать, находились на Рейнѣ и на Эльбѣ, исключая нѣсколькихъ старыхъ полковъ, вступившихъ уже во Францію и которые онъ долженъ былъ раздробить не много повсюду, между тѣмъ какъ силы инсургентовъ увеличивались съ каждымъ днемъ. На востокѣ маршалъ Монсей, понуждаемый Наполеономъ идти во что бы то ни стало на Валенцію, прибылъ къ стѣнамъ этого города въ послѣднихъ числахъ іюня, послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ схватокъ. Послѣ штурма, стоившаг триста человѣкъ, онъ долженъ былъ убѣдиться въ невозможности овладѣть Валенціею и возвратился въ Куэнцу, сквозь множество опасностей. На западѣ испанское возстаніе не только сохранило свои позиціи, но значительно укрѣпилось, вслѣдствіе одного очень важнаго событія: вся Португалія, возставъ противъ Жюно, который не только не могъ послать Бессьеру и Дюпону подкрѣпленій требуемыхъ Наполеономъ, но едва держался на своихъ по-

зиціяхъ. На югѣ наша кадикская эскадра, тщетно прождавъ объявленнаго прибытія Дюпона, должна была сдаться инсургентамъ.

Этотъ самый генералъ, видя, что ему грозили прервать сообщенія съ Сіерра-Мореною и чувствуя себя не въ безопасности въ Кордовѣ, гдѣ во-первыхъ справа къ Севильѣ тѣснила его армія Кастаноса, а слѣва Гренадская армія, которая шла на Жаенъ,—отступилъ до Андужара. Тамъ онъ очутился подъ прикрытіемъ Гвадалквивира и оперся о дефилеи Сіерры-Морены. По приказанію Наполеона Савари послалъ ему въ подкрѣпленіе дивизію Веделя, остававшуюся на срединномъ пунктѣ въ Толедо; но помощь эта пригодная для поддержки сообщеній была, далеко недостаточна для Дюпона, чтобъ перейдти въ наступленіе.

Андалузская испанская армія, изъ всѣхъ инсургентскихъ армій была не только многочисленнѣе, дисциплинированнѣе и страшнѣе по количеству регулярныхъ войскъ, но отличалась еще и пламенными страстями. Солдаты наши во время отступленія изъ Кордовы на Андужаръ, съ ужасомъ убѣдились, при видѣ изуродованныхъ труповъ ихъ товарищей, что имѣютъ дѣло съ врагомъ, не ждавшимъ никакой пощады и который самъ не щадилъ никого. Въ Италіи и Германіи они не знали дурныхъ послѣдствій отъ грабежа городовъ; это, казалось имъ, производило спасительное впечатленіе на обывателей, а такъ какъ ихъ инстинкты разгула и грабежа находили въ этомъ выгоду, то они и пользовались малѣйшимъ предлогомъ. Въ Любекѣ достаточно было нѣсколько шаекъ бѣглецовъ, прошедшихъ чрезъ городъ безъ вѣдома обывателей, чтобъ подать сигналъ къ огромному опустошенію. Часто поводомъ служилъ одинъ выстрѣлъ изъ какого нибудь дома. И все-таки нѣмцы хорошо принимали нашихъ солдатъ, которые, впрочемъ, нерѣдко умѣли заслужить себѣ извиненіе беззаботною легкостью, которую они вносили даже въ самые безпорядки, какъ и во

всемъ. Макіавелли замѣтилъ, что французы народъ, насилія котораго были самыя сносныя, ибо говоритъ, онъ, не умѣютъ они сберегать плода и раздѣляютъ его обыкновенно съ тѣми, кого ограбили ([151]). Авантюристы имперіи грабили съ увлеченіемъ и веселостью, о чемъ свидѣтельствуютъ современныя пѣсни, прославляя Венеру, Бахуса и Беллону, т. е. насиліе и пьянство въ одно время съ войною. Они повидимому питали убѣжденіе, что все это дѣлали съ такою граціею, что невозможно было на нихъ сердиться. Но испанецъ, болѣе щекотливый чѣмъ нѣмецъ, очень дурно принялъ эти милыя шутки. Послѣ грабежа Кордовы онъ началъ регулярно убивать всѣхъ нашихъ одиночныхъ солдатъ, которые попадались только подъ руку. Иногда испанцы рѣзали ихъ съ утонченностями неслыханной жестокости, имѣвшей цѣлью подѣйствовать глубже на впечатлѣніе грабителей, и произведшей дѣйствительно тяжелое ощущеніе. По возвращеніи въ Андужаръ корпусъ Дюпона потерялъ большую часть увѣренности столь необходимой для того, что называется моралью солдата.

Недостаточное подкрѣпленіе, которымъ Наполеонъ могъ располагать, было направлено частью на Сарагоссу, гдѣ генералъ Вердье началъ вести осаду (1 іюля), частью на Каталонію, гдѣ Дюгэмъ, тревожимый инсургентскими шайками принужденъ былъ призвать Шабрана изъ Таррагоны. Онъ предназначалъ остальное Бессьеру, который стоя въ Бургосѣ съ значительными силами, имѣлъ порученіе сдерживать инсургентовъ Галиціи, Астуріи, Леона и Старой Кастиліи, которыми командовалъ старикъ Куэста, получивъ въ помощники генерала Блаке. Корпусу Бессьера, по мнѣнію Наполеона, было предназначено нанести рѣшительный ударъ кампаніи. Онъ предоставлялъ Бессьеру честь одержать родъ испанской Іенской побѣды; всѣ другія дѣйствія даже Дюпо-

---

[151]) *Ritratt di Francia.* *Прим. автора.*

на и Монсея были второстепенныя. По мнѣнію императора въ равнинахъ Старой Кастиліи заключался узелъ нашего военнаго положенія; стоило только разрѣзать этотъ узелъ и всѣ другія средства защиты Испаніи падутъ сами собою. Въ этомъ отношеніи иллюзія Наполеона полная, и она появляется въ такомъ свѣтѣ, какого лучше желать нельзя, то въ его письмахъ къ Іосифу, то въ обстоятельныхъ нотахъ, диктованныхъ для Савари. Бессьеру слѣдовало посылать всѣ возможныя подкрѣпленія, ибо онъ прикрываетъ Мадридъ „*и тамъ то заключается все* [152])“ И если Дюпонъ потерпитъ неудачу, и это неважно; но ударъ нанесенный маршалу Бессьеру, *былъ бы ударомъ въ сердце арміи, который* навелъ бы столбнякъ [153]).“ Савари, находясь на мѣстѣ, могъ имѣть болѣе вѣрныя понятія нежели императоръ—ибо надобно отдать справедливость даже Савари—взялъ на себя послать Дюпону, настоятельно требовавшему помощи, новое подкрѣпленіе, состоявшее изъ дивизіи Гобера. Наполеонъ крѣпко сердился на него за это: „*у Дюпона больше силъ нежели надобно.*“ И Гобера слѣдовало отправить къ Бессьеру: „Мнѣ очень досадно, писалъ Наполеонъ: что Савари не почувствовалъ своей ошибки въ колебаніи подкрѣпить Бессьера... Дивизію Гобера я назначилъ этому маршалу [154]).“ И онъ прибавляетъ послѣ заключеніе, которое еще яснѣе переводитъ его мысль: „*Настоящій способъ подкрѣпить Дюпона—послать войска Бессьеру.*“

Что Наполеонъ здѣсь положительно ошибался, въ этомъ убѣдилъ его вскорѣ страшный урокъ; но не будетъ излишнимъ показать за симъ и какъ онъ ошибался. Этотъ великій полководецъ сдѣлалъ здѣсь ту самую ошибку, надъ кото-

---

[152]) Примѣчанія для Савари, 13 іюля *шестое Замѣчаніе.* *Прим. автора.*

[153]) Id. *Четвертое Замѣчаніе.* *Прим. автора.*

[154]) Наполеонъ къ Іосифу, 13 іюля. *Прим. автора.*

рой онъ часто смѣялся въ началѣ своей карьеры, когда какой нибудь противникъ упрекалъ его „что онъ не сражался по правиламъ.“ Онъ также примѣнялъ къ испанцамъ политическую и военную рутину, которая такъ удавалась ему съ старинными централизованными государствами Европы, не подозрѣвая, что онъ очутился въ виду совершенно новыхъ обстоятельствъ, и что здѣсь ни люди, ни вещи не походили на тѣхъ людей и на тѣ вещи, съ которыми онъ имѣлъ дѣло до тѣхъ поръ. Іена была возможна съ военною державою, потому что если регулярныя войска, составляющія силу подобнаго государства, будучи по природѣ неспособны перестроится сами, подвергнутся пораженію, государство остается безъ защиты. Но это слово не имѣеть смысла, когда дѣло шло о силахъ, набираемыхъ инсуррекціею, ибо во-первыхъ эти силы совершенно свободныя сгупировывались самопроизвольно послѣ сраженія, а во-вторыхъ каждая армія представляла только самое себя, потому что въ Испаніи было столько армій сколько провинцій.

Недовѣріе, съ которымъ Наполеонъ отрицалъ силу и серьезность этого возстанія, зависѣло отъ иллюзій другаго рода или скорѣе отъ сильнаго склада его ума. Эта чисто разсчетливая душа не могла понять ни дикаго и безкорыстнаго фанатизма, ни порывовъ героическаго безумія, овладѣвшаго всею націею. Здѣсь былъ нравственный феноменъ, превосходившій его разумѣніе. Если несчастные рекруты, набиравшіеся съ помощью многочисленной жандармеріи, шли на смерть. чтобъ получить галуны, крестъ или чинъ — это ему казалось дѣломъ нетолько простымъ, но даже нормальнымъ, какъ теченіе временъ года; но чтобъ бѣдные крестьяне, мирные горожане, не будучи понуждаемы или нанимаемы, шли на смертъ за отечество, за свободу — *это старое вранье*, какъ выражалась наполеоновская солдатчина, — тутъ было нѣчто, превосходившее его воображеніе; ему говорили нелѣпыя сказки! А однако же онъ видѣлъ движеніе 1792!

Но это было такъ давно, а Испанія такъ мало революціонна! Не меньшею ошибкою было воображать, что завладѣвъ Мадридомъ, — владѣли всѣмъ. Когда взяли Берлинъ, значитъ овладѣли Пруссіею, когда взяли Вѣну — значитъ овладѣли Австріею; это было почти справедливо. Но когда взяли Мадридъ, то овладѣли именно такимъ только пространствомъ, какое занимала столица. Въ Испаніи, благодаря крѣпкой и сильной провинціальной конституціи этой страны, центръ находился вездѣ и нигдѣ. Значитъ здѣсь нечего было думать о какомъ нибудь громадномъ ударѣ на одномъ пунктѣ, потому что не было этого пункта, и армія Куэсты не была головою возстанія, какъ и Мадридъ сердцемъ страны. Вся эта фантасмагорія великихъ военныхъ эфектовъ была здѣсь ошибочна, безъ всякаго возможнаго примѣненія; окончательно покорялись только тѣ, кого убивали, и какъ писалъ Іосифъ чрезъ мѣсяцъ „необходимо было сто тысячъ постоянныхъ эшафотовъ, для поддержки государя, осужденнаго царствовать надъ испанцами. [155]).“

Какъ бы ни былъ могуществен̂ъ предразсудокъ, установившійся въ пользу чудной проницательности наполеоновскаго генія, нельзя не согласиться, что отъ него ускользнули вполнѣ такія поразительныя, характеристическія черты испанскаго возстанія, и все это вопреки фактамъ, вопреки самымъ положительнымъ и яснымъ свѣдѣніямъ. Ему начали открываться глаза лишь послѣ того, какъ армія его была отброшена на Эбро. Іосифъ вступилъ въ Испанію 9 іюля. Съ этого числа императоръ получалъ каждый день и отъ очевидца, которому конечно не было надобности скрывать истину, самыя вѣрныя и необходимѣйшія свѣдѣнія. При первомъ же вступленіи на испанскую территорію бѣдный Іосифъ замѣтилъ, что на его сторонѣ не было ни кого. При видѣ свирѣпыхъ физіономій, попадавшихся на дорогѣ, и той холодно-

---

[155]) Іосифъ къ Наполеону 14 августа 1808. *Прим. автора.*

сти, съ которою встрѣчали его предупредительность; при возраставшемъ смущеніи тѣхъ, которые приняли его сторону и жалѣли уже объ этомъ; при своемъ одиночествѣ, онъ наконецъ убѣдился въ глубокой всеобщей ненависти, предметомъ которой было французское владычество, и въ тоже время удостовѣрился въ недостаточности нашей арміи для покоренія двѣнадцати милльоновъ возставшихъ испанцевъ. „Никто не говорилъ до сихъ поръ правды, писалъ онъ къ Наполеону отъ 12 іюля.—Дѣло въ томъ, что нѣтъ ни одного испанца, который былъ бы за меня, исключая небольшой кучки, бывшей на юнтѣ и путешествующей со мною. Другіе, прибывъ сюда, скрылись, испугавшись единодушнаго мнѣнія своихъ соотечественниковъ.“ И въ заключеніе онъ потребовалъ „много войска и денегъ“.

Рядомъ съ этими открытіями Наполеонъ сдѣлалъ другое не менѣе тягостное для его самолюбія, что генералы и самъ Савари, смотрѣли на его царствованіе какъ бы на несуществующее, и отдавая ему для формы дань уваженія, продолжали повиноваться одному только императору. Онъ съ живостью обратился къ брату и основательно потребовалъ дѣйствительной власти, такъ какъ ему принадлежали ея невыгоды. На этотъ разъ, какъ то исключительно Наполеонъ, будучи недоволенъ на Савари, который, превысивъ свои инструкціи, послалъ подкрѣпленіе Дюпону,—притворился, что не одобряетъ своего намѣстника. Онъ выражался о Савари съ полнѣйшимъ презрѣніемъ и порицалъ его *неспособность*. Это, говорилъ онъ, *человѣкъ исполнительный*, хорошій для второстепенныхъ операцій, но у котораго нѣтъ ни достаточно опытности, ни достаточно разсчета, чтобъ управлять большою машиною. Но только это удовлетвореніе на словахъ и получилъ Іосифъ. Пока Наполеонъ живъ, небудетъ другой власти кромѣ его въ Испаніи. Іосифъ подобно Мюрату питалъ химеру — привязать къ себѣ новыхъ подданныхъ кротостью и ласковостью, онъ хотѣлъ назначить министрами людей уважаемыхъ,

положить конецъ грабежамъ, позорившимъ французскую армію, и устранить отъ дѣлъ человѣка, подобнаго Савари, который, по его словамъ, *исполнялъ тягостныя обязанности.* На представленія его смотрѣли съ презрительнымъ сожалѣніемъ, какъ на жалобы больнаго ребенка, или на фантазіи разстроенной головы.

Но вотъ порядокъ вещей долженъ измѣниться,—по крайней мѣрѣ такъ съ увѣренностью предсказывали въ Байонѣ. Бессьеръ могъ наконецъ дать Куэстѣ и Блаку, такъ давно ожидаемое сраженіе, имѣвшее рѣшить судьбы Испаніи. Подъ командою обоихъ этихъ генераловъ была армія около двадцати тысячъ человѣкъ, набранныхъ въ Галиціи, Старой Кастиліи и Астуріи; но они были раздѣлены чувствомъ соперничества, которое столько вредило единству команды, а войска ихъ, хотя и одушевленныя лучшими стремленіями, были не болѣе опытны какъ и въ началѣ кампаніи. Бессьеръ могъ выставить противъ нихъ силу, почти меньшую на половину, но отрядъ его, весь состоявшій изъ превосходныхъ войскъ, давалъ ему большое преимущество. Изъ Бургоса, гдѣ была его главная квартира, онъ быстро пошелъ на встрѣчу инсургентамъ и встрѣтилъ ихъ 14 іюля возлѣ Медины де Ріо Секо, между Валладолидомъ и Бенавенте. Будучи стремительно атакована, эта масса тяжело и неуклюже выстроенная въ двѣ линіи, не подававшія одна другой никакой помощи,—какъ бы остолбенѣла отъ удивленія въ виду быстроты нашихъ движеній. Бессьеръ сперва сосредоточилъ всѣ свои силы противъ корпуса Блакъ, который не замедлилъ разсѣяться. И только когда Блака побѣжалъ, регулярныя войска Куэсты вмѣшались, чтобъ поправить дѣло. При первыхъ натискахъ они опрокинули все, встрѣчавшееся на пути и овладѣли одною изъ нашихъ батарей; но Бессьеръ обратилъ теперь всѣ свои силы противъ испанскаго резерва. Атакованный нашею кавалеріею, онъ скоро потерялъ свои преимущества и поворотилъ въ свою очередь. Тогда вся наша линія одновременно

бросилась на инсургентовъ, отступленіе которыхъ превратилось въ полнѣйшее пораженіе. Это былъ моментъ для совершенія того, что Наполеонъ называлъ примѣромъ, исполненіе котораго было поручено кавалеріи генерала Лассаля. Она бросилась во всѣхъ направленіяхъ, преслѣдуя двадцать пять тысячъ бѣглецовъ объятыхъ страхомъ. Изрублено было на мѣстѣ отъ четырехъ до пяти тысячъ инсургентовъ. Наша потеря состояла изъ семидесяти убитыми и трехсотъ ранеными. Городъ Медина де Ріо-Секо былъ немедленно занятъ и разграбленъ.

Примѣръ былъ такъ великолѣпенъ, словно самъ Наполеонъ распоряжался его исполненіемъ. И онъ смотритъ на эту побѣду какъ на капитальное рѣшительное событіе; въ его глазахъ — возстаніе было поражено въ самое сердце: „Это событіе, писалъ онъ Іосифу: — *самое важное въ Испанской войнѣ* и даетъ рѣшительный характеръ всѣмъ дѣламъ“ [156]). Онъ обращается къ Бессьеру съ чрезмѣрными поздравленіями, онъ который былъ такъ скупъ на это: „никогда сраженіе, писалъ онъ ему:— не было выиграно при болѣе важныхъ обстоятельствахъ; оно рѣшаетъ дѣла Испаніи [155])“. Іосифу только стоитъ убѣдиться, но не смотря на эти успокоительныя предсказанія, онъ долженъ сознаться, что не все окончилось такъ, какъ ему хотѣлось бы вѣрить. Онъ вступилъ въ Бургосъ подъ впечатлѣніемъ этой ужасающей побѣды и не только не встрѣтилъ тамъ упадка духа отъ неудачи при Ріо-Секо, но на всѣхъ лицахъ увидѣлъ тоже выраженіе ненависти и недовѣрія, которыя поразили его при вступленіи въ Испанію. „Страхъ не заставляетъ меня смотрѣть преувеличенно, писалъ онъ брату.—Съ тѣхъ поръ какъ я въ Испаніи я говорю себѣ ежедневно: жизнь моя не дорога мнѣ,

---

[156]) Наполеонъ къ Іосифу, 17 іюля 1808. *Прим. автора.*

[157]) Бессьеру, въ тотъ же день. *Прим. автора.*

и я вамъ отдаю ее... Я не испуганъ своимъ положеніемъ, но оно единственное въ исторіи: у меня здѣсь нѣтъ ни одного сторонника [158])...

Савари, углубившійся болѣе Іосифа въ центръ Испаніи, еще больше его боялся того, что видѣлъ, слышалъ, и тревожныхъ извѣстій, доходившихъ изъ Андалузіи. Въ своемъ смятеніи онъ взялъ на себя приказать войскамъ сосредоточиться въ Мадридѣ и написалъ въ Байону, что въ Испаніи предстоитъ еще дѣлать все. Наполеонъ немедленно велѣлъ ему чрезъ Бертье отмѣнить это отступательное движеніе, которое будучи исполнено во-время, спасло бы корпусъ Дюпона, и сдѣлалъ формальный выговоръ за столь основательную оцѣнку Савари:—„Императоръ находитъ, писалъ Бертье: что вы не правы, сказавъ, что въ теченіе шести недѣль ничего не сдѣлано... Всѣ благоразумные люди въ Испаніи положительно перемѣнили образъ мыслей и на возстаніе смотрятъ съ чрезвычайною грустью. Дѣла находятся въ наилучшемъ положеніи со временъ битвы при Ріо-Секо [159])". Вслѣдствіе этого Наполеонъ хотѣлъ, чтобъ на всѣхъ пунктахъ перешли въ наступленіе; наконецъ онъ согласился, но только 18 іюля, чтобъ Дюпону послали дивизію Гобера. Савари нѣсколько дней какъ уже отправилъ ее, но даже и этому подкрѣпленію не суждено было предохранить насъ отъ Бойлена. Наполеонъ никогда не былъ болѣе спокоенъ и довѣрчивъ относительно успѣха своего предпріятія. 21 іюля онъ нашелъ удобнымъ выѣхать изъ Байоны и отправиться въ южныя французскія провинціи, но предъ отъѣздомъ надиктовалъ длинную ноту, въ которой подробно разсмотрѣлъ всѣ случайности нашего военнаго положенія, назначивъ каждому генералу образъ дѣйствія. Въ особенности онъ разсмотрѣлъ

---

[158]) Іосифъ къ Наполеону, 18 іюля 1808. *Прим. автора.*

[159]) Бертье къ Савари, 18 іюля. Письмо, помѣщенное въ *Корреспонденціи короля Іосифа.* *Прим. автора.*

позицію Дюпона, „на которую, говорилъ онъ, должны обращаться всѣ заботы". Онъ похвалилъ его за то, „что онъ удержался за горами въ долинахъ Андалузіи", чѣмъ окончательно доказывается, что онъ одобрялъ его остановку въ Андужарѣ, онъ предписалъ ему перейдти въ наступленіе съ двадцатью пятью тысячами человѣкъ, ибо, прибавилъ онъ: „нѣтъ сомнѣнія, *что даже съ двадцатью тысячами генералъ Дюпонъ опрокинетъ все что встрѣтитъ*". Потомъ предписавъ Монсею занять снова Санъ-Клементе и продолжать грозить Валенціи, Вердье—тѣснить Сарагоссу, Рейми соединиться съ Дюгэмомъ въ Каталоніи, онъ такимъ образомъ резюмируетъ положеніе:

„*Нечего бояться* со стороны маршала Бессьера ни на сѣверѣ Кастиліи, ни въ королевствѣ Леоне; *нечего бояться* въ Арагоніи, Сарагосса падетъ днемъ раньше, или днемъ позже; *нечего бояться* въ Каталоніи; *нечего бояться* за сообщенія Бургоса съ Байоною... Единственный пунктъ, который угрожаетъ — это со стороны генерала Дюпона; но имѣя двадцать пять тысячъ человѣкъ, *онъ имѣетъ больше нежели нужно для достиженія великихъ результатовъ*... При нуждѣ и даже съ двадцатью одною тысячью человѣкъ у него будетъ болѣе осьмидесяти шансовъ изъ ста [160]".

Нота эта была надиктована въ Байонѣ 21 іюля 1808, а въ этотъ самый день Дюпонъ, разбитый и окруженный въ Байленѣ, подписывалъ капитуляцію, въ силу которой весь его корпусъ сдавался какъ военно-плѣнный. Намъ необходимо обратиться не много назадъ, чтобъ понять причину этого замѣчательнаго несчастья.

Укрѣпившись въ Андужарѣ съ 18 іюля, послѣ очищенія Кордовы, Дюпонъ занялъ на Гвадалквивирѣ не весьма обезпеченныя позиціи. Рѣка эта, почти высыхающая лѣтомъ,

---

[160] Notes sur la position actuelle de armée d' Espagne, 21 juille, 1808. *Прим. автора.*

имѣла на многихъ пунктахъ броды и представляла ему въ нѣкоторомъ родѣ идеальную оборонительную линію. Фронтъ его былъ почти открытъ, да и тылъ не былъ лучше защищенъ. Хотя андужарская позиція и считалась запирающею входъ въ это длинное ущелье Сіерры-Морены, которое тянется отъ Байлена къ Вальдепенскому проходу чрезъ Гвараманъ, Каролину, С. Елену и Деспена-Перросъ; однако она совсѣмъ не выполняла этой цѣли, ибо независимо отъ большой дороги, пролегавшей чрезъ эти мѣста, существовали три или четыре меньшія дороги, проходимыя для пѣхоты и которыя, начиная отъ Менжибара, Линареса, Баазы и Убеды, шли не только къ Байлену, шли до Каролины и даже до Деспенъ-Перроса, т. е. на всѣхъ существенныхъ пунктахъ сообщеній нашихъ съ Мадридомъ. Если хотѣли дѣйствительно сохранить этотъ проходъ Сіерры-Морены, надобно было отступить до Каролины, составляющей его ключъ, ибо самая позиція Байлена могла быть легко обойдена. Такъ какъ все было предпочтительнѣе предъ оборонительнымъ положеніемъ на дурныхъ позиціяхъ, гораздо лучше было бы Дюпону атаковать, выбравъ удобное время, въ особенности когда онъ получилъ подкрѣпленіе въ шесть тысячъ человѣкъ, приведенное Веделемъ въ концѣ іюня, но онъ имѣлъ положительное приказаніе держаться въ Андужарѣ. Савари, который объ опасности Дюпона зналъ гораздо вѣрнѣе самого императора, хотѣлъ отозвать его по сю сторону горъ, когда увидѣлъ, что Наполеонъ сильно порицалъ его планъ—приближать всѣ силы къ Мадриду [161]); но крайнее неудовольствіе императора на всякое отступательное движеніе—заставило его отложить этотъ проектъ, и онъ рѣшился исполнить его лишь въ то время, когда уже было поздно.

---

[161]) Переписка Савари съ Дюпономъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Въ письмѣ отъ 16 іюля онъ формально увѣдомляетъ его о своемъ намѣреніи вскорѣ отозвать его къ Мадриду.

Прим. автора.

Таково было положеніе Дюпона въ первыхъ числахъ іюля 1808. Будучи обязанъ защищать позиціи ни мало неукрѣпленныя, въ странѣ нездоровой и лихорадочной, съ осемнадцатью тысячами солдатъ, большею частью очень молодыхъ и весьма мало пріученныхъ къ войнѣ, которые по недостатку съѣстныхъ припасовъ довольствовались только половинною дачею, ему предстояло сразиться съ самою сильною и многочисленною арміею, какая была только въ Испаніи. Войска всѣхъ родовъ, которыми командовалъ Кастаносъ послѣ соединенія инсургентовъ гренадскихъ съ севильскими, таэнскими и кадикскими, простирались не менѣе какъ до тридцати пяти тысячъ человѣкъ, большая половина которыхъ состояла изъ регулярныхъ. Правда къ Дюпону пришло 7 іюля новое подкрѣпленіе въ три или четыре тысячи человѣкъ, приведенныхъ генераломъ Гоберомъ, но это подкрѣпленіе не могло возстановить равновѣсія. Чтобъ сохранить сообщенія, постоянно угрожаемыя гверильясами, Дюпонъ долженъ былъ разсѣять свои войска отъ Андужара до Каролины и держать ихъ безпревывно въ движеніи. Невозможная задача, которую онъ обязанъ былъ выполнить, могла резюмироваться такимъ образомъ: со всѣми силами въ двадцать двѣ тысячи человѣкъ ему предстояло оберегать и защищать на своемъ фронтѣ линію Гвадалквивира отъ Андужара до Убеды на пятнадцать миль протяженія; въ тылу— ущелье въ двадцать миль длины.

15 іюля, послѣ нѣсколькихъ попытокъ Кастаносъ началъ свои дѣйствія. Два его генерала Редингъ и маркизъ Купиньи, одинъ швейцарецъ, другой французскій эмигрантъ, заняли позиціи на Гвадалквивирѣ, первый въ Менжибарѣ, второй въ Виллануэвѣ, оба угрожая обойдти Андужаръ чрезъ Байленъ, въ то время какъ самъ Кастаносъ, стоя въ Аржониллѣ, угрожалъ лагерю Дюпона съ фронта. Послѣдній предвидѣлъ атаку; онъ поставилъ въ Байленѣ дивизію Веделя, передъ Менжибаромъ—генерала Лижэ-Белэра съ небольшимъ отря-

домъ. Въ Андужарѣ дѣло ограничилось канонадою между Кастаносомъ и Дюпономъ; въ Менжибарѣ Лиже-Белэръ былъ отброшенъ Редингомъ, но къ нему на помощь поспѣлъ изъ Байлена Ведель и прогналъ Рединга за Гвадалквивиръ. До сихъ поръ все шло хорошо. Во всякомъ случаѣ однакожъ стало очевидно, что непріятель, благодаря своему численному превосходству могъ умножить свои демонстраціи на большемъ количествѣ пунктовъ, нежели сколько мы могли оберегать ихъ въ одно время; для того, чтобъ сохранить одинъ, мы припуждены были сохранить другой, не менѣе существенный для нашей безопасности, и эти перекрестные переходы долженствовали быть для насъ чрезвычайно опасными.

Предвидя возобновленіе этой атаки и встревоженный немного количествомъ войскъ, выведенныхъ Кастаносомъ 15 іюля, Дюпонъ отправилъ Веделю приказаніе прислать ему „*батальонъ*, а въ случаѣ противъ него немного непріятеля, то и *бригаду*". На другой день, 16, ревностный его помощникъ, услыхавъ возобновившуюся канонаду въ сторонѣ Андужара, прибѣжалъ не съ бригадою, но съ цѣлою дивизіею, оставивъ въ Менжибарѣ только отрядъ Лиже-Белэра. За эту ошибку поплатились немедленно. Едва только ушелъ Ведель, Редингъ снова явился въ Менжибаръ, переправившись съ бою чрезъ Гвадалквивиръ и погналъ Лиже-Белэра, который ретировался къ Байлену. Позиція эта была занята генераломъ Гоберомъ, пришедшимъ туда наканунѣ изъ Каролины. При звукѣ пушечнаго выстрѣла онъ поспѣшилъ на помощь къ Лиже-Белэру, но былъ убитъ, и генералъ Дюпонъ, принявшій начальство, былъ отброшенъ къ Байлену. Столь важный менжибарскій проходъ очутился въ рукахъ у испанцевъ.

Дюпонъ, который сперва одобрилъ движеніе Веделя, увидѣлъ всю важность ошибки, узнавъ о смерти Гобера и о разбитіи его дивизіи. 16 вечеромъ онъ приказалъ Веделю

„быстро идти къ Байлену, соединиться съ войсками Дюфура и отбросить непріятеля къ Менжибару за рѣку"... 17 утромъ онъ подтвердилъ приказаніе, рекомендуя кромѣ того наблюдать за Гаэзою и Каролиною—пунктами столь существенными для нашихъ сообщеній. Ведель уже прибылъ въ Байленъ, но къ величайшему удивленію не нашелъ тамъ никого. Сбитый ложными донесеніями, которыхъ почти невозможно было ему провѣрить, ибо у насъ не было въ Испаніи ни одного шпіона даже на вѣсъ золота, Дюфуръ выступилъ въ полночь на поиски непріятеля по направленію къ Каролинѣ, куда Редингъ могъ дѣйствительно пройдти, минуя Байленъ, имѣя двѣ поперечныя дороги одну чрезъ Линстесъ, другую чрезъ Вильчесъ. Обманутый подобно Дюфуру и проникнутый прежде всего важностью удержать наши сообщенія и помочь товарищу, Ведель пошелъ также какъ и онъ на Каролину, не озаботясь послать разъѣздовъ къ Менжибару, и Дюпонъ, обманутый въ свою очередь, одобрилъ его вполнѣ. Такимъ образомъ сцѣплялись ошибки, которыя можно назвать неизбѣжными, по поводу этого усложненнаго положенія, ибо не будь этихъ ошибокъ, сдѣланы были бы другія, не менѣе важныя; Ведель соединился съ Дюфуромъ въ Гварамѣ. Тамъ слухи о походѣ Рединга на Каролину подтвердились, и оба генерала болѣе и болѣе углублялись въ дефилеи Сіерры-Морены, оставляя не занятыми въ тылу два поста чрезвычайной важности, Байленъ и Менжибаръ, которые они считали внѣ всякаго нападенія, ибо предполагали непріятеля въ Сіеррѣ (17 іюля).

Редингъ, за которымъ отправились такъ далеко, не покидалъ окрестностей Менжибара. Онъ воспользовался появленіемъ нѣсколькихъ гверильясовъ въ Сіеррѣ, чтобъ укрѣпить слухи, имѣвшіе цѣлью разбросить противниковъ. Едва онъ увидѣлъ ихъ отсутствіе, какъ занялъ Байленъ совмѣстно съ дивизіею Купиньи, и отрѣзалъ такимъ образомъ Дюпону естественное отступленіе Онъ исполнилъ это движеніе

18 іюля съ силами около осьмнадцати тысячъ человѣкъ. Конечно онъ самъ рисковалъ очутиться между двухъ огней, въ случаѣ скораго возвращенія Веделя, имѣя однакожъ обезпеченное отступленіе на Менжибаръ; при томъ же, разсчитывая свои движенія съ Кастаносомъ, стоявшимъ предъ Андужаромъ, онъ имѣлъ такое численное превосходство надъ Дюпономъ, что разсчитывалъ, не безъ основанія, успѣть разбить его, прежде всякой диверсіи. Съ величайшимъ изумленіемъ, въ тотъ же день 18 іюля, Дюпонъ узналъ о присутствіи непріятельскаго корпуса въ Байленѣ, не зная о его количествѣ. Онъ рѣшился очистить немедленно Андужаръ, чтобъ возстановить сообщенія съ своими генералами.

Съ наступленіемъ ночи выступивъ поспѣшно изъ лагеря, Дюпонъ успѣлъ, благодаря искуснымъ предосторожностямъ, обмануть бдительность Кастаноса, находившагося предъ Андужаромъ. У Дюпона было еще около одинадцати тысячъ человѣкъ, состоявшихъ изъ дивизіи Барбу, кавалеріи Фрезіа, гвардейскихъ моряковъ, парижской гвардіи и швейцарскаго полка. Будучи принужденъ остерегаться съ двухъ сторонъ, стѣсняемый нескончаемымъ рядомъ семисотъ или осьмисотъ фуръ нагруженныхъ больными и багажемъ, онъ помѣстилъ эти фуры въ центръ и раздѣлилъ войска на два отряда, изъ которыхъ слабѣйшій поставленъ въ головѣ, потому что онъ считалъ Рединга менѣе опаснымъ нежели Кастаносъ. По крайней мѣрѣ миля разстоянія раздѣляла эти отряды, которые, еслибъ были соединены для перваго натиска, можетъ быть, пробили бы себѣ дорогу. 19 около трехъ часовъ утра голова нашей колонны наткнулась у Румблара—потокъ немного впереди Байлена—на аванпосты Рединга, который съ своей стороны готовился идти къ Андужару. Дѣло началось въ четыре часа только съ двумя бригадами съ нашей стороны—сила едва достаточная для защиты. Остальныя войска наши, призванныя немедленно отъ хвоста къ головѣ, являлись только послѣдовательно—что отняло

единство и необходимую мощь прорвать непріятельскія массы. Солдаты наши бросились съ необыкновенною храбростью, нѣсколько разъ отбрасывали первую испанскую линію, но не могли смять второй, а артиллерія Рединга, превосходя количествомъ нашу, въ короткое время сбила наши батареи.

Около десяти часовъ утра, наши позиціи были со всѣхъ сторонъ окружены испанцами. Кавалерійскія атаки храбро произведенныя драгунами генерала Фрезіа и конно-егерями генерала Дюпре, отбросили непріятеля въ безпорядкѣ къ его главнымъ силамъ, но это не дало намъ преимущества. Испанскій резервъ оставался непоколебимъ. Бой однакожъ шелъ медленнѣе. Солдаты наши, истощенные семимильнымъ походомъ и страшнымъ зноемъ, страдая отъ ужасной жажды въ этой безводной пустынѣ, начали терять бодрость. Бились за овладѣніе цистерною, за нѣсколько капель воды, остававшейся въ высохшемъ руслѣ потока. Въ отчаяніи Дюпонъ направилъ послѣднее усиліе пробиться къ югу, но и это не удалось предъ непроницаемою преградою арміи Рединга. Изъ строя выбыло полторы тысячи человѣкъ, въ числѣ которыхъ большое число офицеровъ; самъ Дюпонъ былъ раненъ. На высотахъ появились вооруженные крестьяне, стрѣлявшіе по нашимъ изъ за камней и деревьевъ; швейцарцы, не желавшіе сражаться противъ своихъ соотечественниковъ, которые находились въ испанскихъ рядахъ, дезертировали. Вскорѣ у насъ въ тылу раздались пушечные выстрѣлы. Это армія Кастаноса, спѣшившая, подъ начальствомъ Пены, принять участіе въ сраженіи, и которая заперла намъ всѣ выходы. Какимъ же образомъ сопротивляться этой новой арміи, когда не могли побѣдить первой? Это послѣдній ударъ. Было уже около двухъ часовъ пополудни, Дюпонъ попросилъ перемирія у Рединга, и тотъ согласился. Что же касается капитуляціи, которой онъ попросилъ въ то же время, то просьба эта отправлена была къ Кастаносу, который отказалъ и потребовалъ безусловной сдачи.

Въ продолженіе этихъ переговоровъ тянувшихся весь вечеръ 19 и часть утра 20, генералъ Ведель, возвратившись изъ Каролины, гдѣ онъ не нашелъ непріятеля, явился, потерявъ напрасно много времени, въ тылу у Рединга. Прибывъ къ Байлену послѣ сраженія къ пяти часамъ пополудни, онъ немедленно атаковалъ испанцевъ, отдыхавшихъ, разсчитывая на перемиріе; онъ взялъ у нихъ тысячу плѣнныхъ и нѣсколько орудій. Но приказаніе Дюпона вскорѣ положило конецъ этому сраженію, и Ведель узналъ о переговорахъ начатыхъ съ испанцами. Отказъ Кастаноса предоставилъ Дюпону случай возобновить бой 20 іюля съ помощью дивизіи Веделя. Если положеніе его между Кастаносомъ и Редингомъ было одно изъ критическихъ, то и позиція Рединга между Дюпономъ и Веделемъ оказывалось не менѣе неблагопріятною. Одинъ смѣлый ударъ, исполненный съ тою энергіею, примѣры которой самъ Дюпонъ подавалъ въ Альбекѣ, Галле, Фридландѣ и при другихъ схваткахъ, вѣроятно открылъ бы ему путь, конечно цѣною большихъ пожертвованій. Но солдаты его были совершенно деморализованы, изнурены усталостью и всевозможными лишеніями два дня сряду. Самъ Дюпонъ упалъ духомъ, что доказывается тѣмъ, что онъ не принялъ на себя иниціативы этого смѣлаго рѣшенія, а собралъ военный совѣтъ, у котораго испрашивалъ мнѣнія относительно положенія корпуса. Героическія движенія рѣдко бываютъ коллективны, и потому его могло спасти только одно вдохновеніе въ этомъ родѣ. Дюпонъ былъ способенъ на эти внезапныя просвѣтленія и не разъ это доказывалъ, но онъ былъ изъ тѣхъ воиновъ, упругость которыхъ скорѣе въ соображеніи нежели въ характерѣ и душа которыхъ легко бросается изъ одной крайности въ другую. Дюпонъ былъ веселый человѣкъ и фантазеръ, пріятный собесѣдникъ и любитель литературы; будучи уже генераломъ онъ писалъ на соисканіе преміи за стихи. Сочиненія его обнаруживаютъ явную наклонность къ напыщенности и де-

кламаціи; даже въ военныхъ разсказахъ нѣтъ у него сжатости и строгости военнаго стиля. Наконецъ онъ никогда не испытывалъ неудачъ, и былъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ цѣнятъ при успѣхѣ; онъ никогда не былъ главнокомандующимъ, а первый разъ, что его предоставили самому себѣ, онъ очутился въ положеніи, исполненномъ почти непреоборимыхъ затрудненій.

И такъ какъ легко было предвидѣть, совѣтъ рѣшилъ, что всякое сопротивленіе безполезно. Съ Кастаносомъ возобновлены были переговоры при посредствѣ генерала Шабера, генерала Мареско, проѣзжавшаго мимо и не принадлежавшаго къ арміи, и императорскаго шталмейстера Виллутрея, который уже договаривался о перемиріи. Кастаносъ готовъ былъ согласиться на возвращеніе нашихъ войскъ къ Мадриду, когда по несчастному случаю къ нему въ руки попалась депеша, въ которой Савари, болѣе и болѣе убѣжденный въ необходимости сосредоточить войска вокругъ столицы, предписывалъ Дюпону именно принять это направленіе. Тогда Кастаносъ возвратился къ прежнимъ своимъ требованіямъ—чтобъ окруженныя дивизіи сдались безусловно. По просьбѣ французскихъ уполномоченныхъ онъ согласился дозволить Дюпону возвратиться моремъ, но съ условіемъ, чтобъ дивизіи Веделя и Дюфура были включены въ капитуляцію. Уполномоченные наши имѣли слабость согласиться на это условіе, въ весьма странной надеждѣ спасти двѣ дивизіи находившіяся въ опасности, вредя двумъ другимъ, имѣвшимъ свободный выходъ. Вслѣдствіе этого они сочинили капитуляцію, по которой весь корпусъ Дюпона, сложивъ оружіе, долженъ былъ отправиться чрезъ Санъ-Лукаръ и Роту къ морю, чтобы потомъ сѣсть на суда и отплыть во Францію. 11-й параграфъ заботливо оберегалъ вещи высшихъ офицеровъ, „*которыя не должны быть подвергаемы никакому осмотру*", а въ 15-мъ параграфѣ говорилось, что генералы „*примутъ необходимыя мѣры къ отыска-*

нію и возвращенію священныхъ сосудовъ, которые могли быть взяты при различныхъ встрѣчахъ, и въ особенности при взятіи Кордовы."

Когда актъ, въ которомъ были вписаны эти унизительныя условія, привезли къ Дюпону, Ведель нѣсколько часовъ тому назадъ исчезъ, оставивъ передъ непріятельскими аванпостами только жидкую цѣпь своихъ войскъ. Генералъ этотъ съ своими двумя дивизіями былъ внѣ всякаго нападенія; капитуляція, которая по непонятной фикціи, считала его плѣннымъ, когда онъ находился на свободѣ, не была еще подписана. Прямая и непреложная обязанность Дюпона запрещала ему подписывать условія ни въ какомъ случаѣ. Испанцы разъярились, узнавъ объ изчезновеніи Веделя и грозили Дюпону перерѣзать его корпусъ; онъ долженъ былъ попытаться и предоставить имъ отвѣтственность въ преступленіи, неимѣющемъ оправданія. Онъ уступилъ угрозамъ и послалъ Веделю приказъ возвратиться. Покрайней мѣрѣ онъ могъ посланному съ приказомъ офицеру дать словесный совѣтъ не повиноваться; но онъ не сдѣлалъ этого. Ведель, очутившійся уже въ С. Еленѣ, повинуясь,, по единодушному почти отзыву офицеровъ съ неудовольствіемъ, повелъ войска назадъ въ Байленъ, гдѣ они и раздѣлили печальную участь корпуса Дюпона; и болѣе двадцати тысячъ солдатъ этой столь гордой арміи за однимъ разомъ попали подъ власть непріятеля, котораго они большее всго презирали [162]).

Едва капитуляція успѣла заключиться, какъ уже была нарушена. Севильская юнта отказалась утвердить ее, и войска Дюпона, подвергаясь чрезвычайно дурному обращенію, оставались военноплѣнными до 1814 года, за исключеніемъ высшихъ офицеровъ, которые были отправлены во Францію.

---

[162]) По *донесенію* Реньо де Сенъ-Жанъ д'Анжели о *байленской капитуляціи,* корпусъ Дюпона передъ битвою при Байленѣ имѣлъ *подъ ружьемъ* 22,830 человѣкъ и въ *наличности* 27,067. *Прим. автора.*

Когда Дюпонъ съ горечью пожаловался на это вѣроломство, андалузскій губернаторъ Томасъ Морла отвѣчалъ ему слѣдующее: „Ваше превосходительство, писалъ онъ отъ 10 августа:—обязываете меня высказать горькія истины. Какое право имѣете вы требовать исполненія договора, заключеннаго въ пользу арміи, которая вступила въ Испанію подъ видомъ союза и дружбы, взяла въ плѣнъ нашего короля и его семейство, ограбила его дворцы, умертвила и обобрала его подданныхъ, опустошила его деревни, захватила корону? Если ваше превосходительство не желаете навлечь на себя справедливаго негодованія народа, которое я стараюсь утишить, то озаботьтесь своимъ поведеніемъ изгладить чувства тѣхъ ужасовъ, какіе совершены вами въ Кордовѣ....“

На эти жалобы отвѣчать было нечего, развѣ только то, что преступленіе одного, не давало права на преступленіе другому. Такимъ образомъ въ одинъ день была потеряна вся эта Андалузская армія, словно ее поглотила разверзшаяся земля. Обстоятельства, погубившія ее, были такъ многочислены и сложны, что всѣ начальники могли съ вѣроятіемъ считать себя за это отвѣтственными, не замѣчая, что существенная причина катастрофы вся заключалась въ слѣпой волѣ, которая заставила ихъ защищаться на неудобной позиціи. Всѣ дѣлали промахи, иные даже ошибки, но всѣ были поставлены въ такое положеніе, что невозможно было не ошибиться, и они грѣшили чаще всего отъ избытка рвенія. Дюпонъ имѣлъ неосторожность оставаться въ Андужарѣ противъ своего убѣжденія; неся на себѣ отвѣтственность главнокомандующаго, онъ долженъ былъ ослушаться подобно Монсею, и отступать или до самой Каролины, или, если бы тамъ не было продовольствія, то за Сіерру-Морену; онъ имѣлъ неосторожность не пожертвовать по крайней мѣрѣ частью багажа и не принять сраженія со всѣми своими соединенными силами. Наконецъ въ переговорахъ онъ выказалъ печальную слабость, дозволивъ включить въ капитуля-

цію, дивизіи Веделя и Дюфура. Ведель идущій на Андужаръ съ цѣлою дивизіею, когда у него требовали только бригады, теряющій драгоцѣнное время по возвращеніи изъ Каролины въ Байленъ, не менѣе достоинъ порицанія; наконецъ Дюфуръ, пренебрегшій сдѣлать рекогносцировку къ Менжибару прежде чѣмъ идти на поиски Рединга, совершилъ одну изъ самыхъ гибельныхъ ошибокъ [163]); но самымъ главнымъ виновникомъ былъ тотъ, кто поставилъ ихъ въ это ужасное положеніе, возбудивъ противъ нихъ ненависть народовъ,—тотъ ослѣпленный полководецъ, который считалъ себя въ состояніи изъ Байоны, въ шести или семи дняхъ разстоянія, распоряжаться операціями, требовавшими рѣшенія каждую минуту. Одинъ Наполеонъ былъ истиннымъ виновникомъ Байленскаго пораженія, помѣшавъ Андалузской арміи перейдти Сіерру-Морену, какъ требовали Дюпонъ и Савари. Еслибъ Савари повиновался ему въ точности, гибель Дюпона совершилась бы еще скорѣе, ибо онъ получилъ бы подкрѣпленіе дивизіи Гобера только послѣ 20 іюля. Всѣ эти генералы, которымъ такъ жестоко измѣнила военная фортуна, были только несчастны; они бились храбро, оказали блестящія заслуги, и значило бы страннымъ образомъ тревожить ихъ память, еслибъ потребовать отъ нихъ, чтобъ они скорѣе допустили перебить себя до послѣдняго, нежели согласиться на условія Кастоноса. Одинъ человѣкъ осмѣлился упрекнуть ихъ, что они не пали въ битвѣ. Но самъ онъ сколько разъ по волѣ судьбы, подвергался выбору между смертью и пораженіемъ? Березина, Лейпцигъ, Фонтэнебло, Ватерлоо — и какъ онъ отвѣчалъ на это?

---

[163]) См. о дѣлѣ Байлена. *Observation*, генерала Дюпона и его *Lettre sur l'Espagne* въ 1808; *Précis des opération en Andalousie* генерала Веделя, рапортъ Реньо, *допросные пункты* Дюпона и Веделя, изданные послѣднимъ; *Histoire des guerres de la Péninsule* генерала Фуа; *Étude historique sur la capitulation de Baylen* Сентъ-Морисъ-Кабани; Торено, Непиръ: *Hist. de la guerre de la Pén.*; Робертъ-Сутея: *History of the peninsular War.* *Прим. автора.*

Наполеонъ однакожъ продолжалъ свое торжественное шествіе чрезъ южные города Торбъ, Аженъ, Тулузу, Бордо, постоянно будучи увѣренъ, что, по его словамъ: „нечего было больше бояться въ Испаніи.“ Іосифъ прибылъ въ Мадридъ 20 іюля подъ совершенно другими впечатлѣніями. Напрасно *Монитеръ* увѣрялъ, что путешествіе его въ Испанію было одною лишь продолжительною оваціею, что вступленіе его въ Мадридъ совершалось „при восклицаніяхъ громадной толпы народа“ [164]); напрасно братъ повторялъ ему во всѣхъ письмахъ: „Будь бодръ и веселъ и не сомнѣвайся въ полномъ успѣхѣ“, Іосифъ не успокоивался. Онъ не находилъ, по словамъ его, ни одного реала въ казначействахъ [165]), всѣ вокругъ бѣжали отъ него; во всѣхъ взорахъ виднѣлась неумолимая вражда. Онъ первый сознавалъ, что эти непріязненныя чувства имѣли сильное основаніе, и какъ честный человѣкъ возмущался обидами, которыя причиняла наша армія его будущимъ подданнымъ. Онъ донесъ уже брату о постыдныхъ поступкахъ иныхъ изъ нашихъ офицеровъ, которые сорвали серебрянныя пряжки изъ придворной упряжи [166]); вскорѣ онъ донесъ о еще болѣе отвратительной торговлѣ церковными вещами, награбленными въ церквахъ и монастыряхъ городовъ, отданныхъ на расхищеніе: „Если ваше величество, писалъ онъ Наполеону 22 іюля:—прикажете написать генералу Колэнкуру, что вамъ извѣстно о неоднократно организованномъ грабежѣ въ церквахъ и домахъ Куэнцы, вы сдѣлаете доброе дѣло. *Я знаю, что торговля священными сосудами въ Мадридѣ надѣлала здѣсь много вреда.*“ 24-го іюля онъ настаивалъ на этомъ и на другихъ затруднительныхъ пунктахъ своего положенія; онъ доносилъ на генераловъ, подражавшихъ Колэнкуру; онъ умолялъ

---

[164]) *Монитеръ* отъ 25 іюля и 6 августа 1808. *Прим. автора.*
[165]) Іосифъ къ Наполеону 21 іюля. *Прим. автора.*
[166]) 15, 16 іюля. *Прим. автора.*

брата — *отозвать воровъ* [167]). Онъ основательно сравнивалъ испанское движеніе съ движеніемъ французской революціи. „Если Франція, говоритъ онъ:—могла поставить милліонъ человѣкъ подъ ружье, почему же Испанія не можетъ выставить полумилліона? Врагъ мой—весь храбрый, доведенный до отчаянья народъ. Объ убійствѣ меня говорятъ публично... этому народу не давали никакой пощады, которой онъ заслуживалъ." Потомъ возвращаясь къ доводамъ императора: „Нѣтъ, государь, пишетъ онъ: — честные люди также противъ меня какъ и плуты. Вы ошибаетесь: *ваша слава погибнетъ въ Испаніи.*"

Эти представленія, жалобы, эта пророческая боязнь, столь глубоко прочувствованная, только раздражали Наполеона; онъ видѣлъ въ нихъ слабость робкаго сердца и испуганнаго воображенія. Онъ старался по своему ободрить эту оробѣвшую душу. Какъ бы то ни было, а покореніе Испаніи фактъ совершившійся. Оно уже признано Европою. „Я получилъ сегодня утромъ извѣстія изъ Россіи и письмо отъ императора. Дѣло Испаніи тамъ старинное дѣло, и все ужь было улажено!" Дѣло Испаніи улаженное въ Россіи! Гораздо лучше было бы для насъ, еслибъ оно уладилось въ Мадридѣ. Дѣйствительно, Наполеонъ, письмомъ отъ 8 іюля, увѣдомлялъ императора Александра о перемѣнахъ, предпринятыхъ имъ въ Испаніи: „*Будучи обязанъ*, писалъ онъ: — *вмѣшаться* въ испанскія дѣла, онъ, *неодолимою силою обстоятельствъ*, былъ приведенъ къ системѣ, которая, *обезпечивая счастье Испаніи*, обезпечивала спокойствіе имперіи. Въ этомъ положеніи Испанія *долженствовала быть* болѣе независимою отъ Наполеона, нежели когда бы то ни было [168])." Къ этимъ откровеннымъ объясненіямъ онъ присоединилъ, съ цѣлью повредить испанскому возстанію, увѣреніе служившее исходною

---

[167]) 16, 24 іюня. *Прим. автора.*

[168]) Наполеонъ къ Александру 8 іюля 1808. *Прим. автора.*

точкою всѣмъ баснямъ, нагроможденнымъ по этому поводу: „Я былъ очень доволенъ, писалъ онъ къ Александру:—всѣми особами высшаго класса, всѣми людьми богатыми или образованными. *Одни монахи*, предвидя уничтоженіе злоупотребленій, и *агенты инквизиціи*, предчувствуя конецъ своего существованія, *волнуютъ страну*."

Письмо Іосифа и самая Корреспонденція императора служатъ самымъ лучшимъ опроверженіемъ этой нахальной лжи. Духовенство, послѣ придворныхъ и высшихъ сановниковъ, высказывало наибольшее расположеніе къ сближенію. Оно было вовлечено въ народное движеніе и дѣйствовало отважно, но не создавало его. Нѣсколько разъ Іосифъ и самъ Наполеонъ хвалили примирительныя чувства, которыя высказывало духовенство: „Офицеръ Бессьера, писалъ Наполеонъ 25 іюля, черезъ нѣсколько дней послѣ письма къ Александру:—утверждаетъ, *что попы и даже монахи весьма желаютъ спокойствія*." Свидѣтельство Іосифа еще опредѣлительнѣе. 25 іюля онъ пишетъ къ брату: „Я собиралъ у себя всѣхъ начальствующихъ лицъ чернаго и бѣлаго духовенства и говорилъ съ ними въ продолженіе часа. Мнѣ кажется, они ушли съ добрымъ расположеніемъ." На другой день, 27, разбирая чувства народа вообще, онъ возвращается къ этому же предмету: „*Гранды и богатые*, говоритъ онъ:—въ особенности женщины—*гнусны*." Это объ „особахъ высшаго класса, о людяхъ богатыхъ или образованныхъ", которыхъ Наполеонъ выставлялъ *очень удовлетворительными*. Что касается духовенства, вотъ что говоритъ Іосифъ: „Духовенство, которое я видѣлъ вчера, *ведетъ себя сегодня очень хорошо*. Мнѣ донесли, что многіе попы внушали народу добрыя чувства [169])."

Наполеонъ отвѣчалъ только 30 іюля на жалобы и зловѣщія предсказанія Іосифа: „Братъ, писалъ онъ ему:—слогъ

[169]) Іосифъ къ Наполеону, 27 іюля 1808. *Прим. автора.*

вашего письма отъ 24, мнѣ не нравится. Дѣло не въ томъ, чтобъ умереть, но чтобъ жить и быть побѣдителемъ, *а вы имъ еще будете. Я найду въ Испаніи Геркулесовы столбы, но не границы моего могущества.*" Онъ потомъ исчисляетъ подкрѣпленія, направляемыя въ Испанію, и доходя до жалобъ Іосифа на воровъ и грабителей:—*Коленкуръ*, говоритъ онъ:— *очень хорошо поступалъ въ Куэнцѣ. Городъ разграбленъ—это право войны, потому что онъ былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ...* Положеніе ваше можетъ быть тягостнымъ въ качествѣ короля, но какъ для генерала—оно блистательно."

На другой день, послѣ того какъ онъ писалъ эти наглыя жестокія слова, служившія какъ бы вызовомъ правосудію, здравому смыслу, человѣчеству и самой фортунѣ, онъ получилъ извѣстіе, что Дюпонъ не только не перешелъ въ наступленіе, но ретировался: „Дюпона атакуютъ, и онъ обязанъ отступить. Это непонятно!" (1 августа.) Дѣйствительно непонятно при тѣхъ иллюзіяхъ, которыя онъ упорствовалъ сохранять, не смотря на увѣдомленія служащихъ, на тревожныя предостереженія брата, даже на самую очевидность вещей. Печальную истину онъ узналъ только 2 августа. Бронзовое сердце его не взволновалось ни на минуту при разсказѣ о несчастьяхъ его товарищей по оружію; ударъ почувствовала одна лишь его гордость. Невозможно ему было не предвидѣть главнѣйшихъ послѣдствій этого—онъ не могъ не предвидѣть, что непобѣдимое его обаяніе исчезнетъ, Испанія утратится на долго, можетъ быть навсегда, многочисленнымъ врагамъ предстоитъ надежда; но вмѣсто того, чтобъ обвинять собственное ослѣпленіе, онъ думалъ только о томъ какъ бы преслѣдовать, опозорить, поразить жертвы его непредусмотрительности. Чтобы погубить Дюпона, онъ пустилъ въ ходъ всю ярость, какъ нѣкогда дѣйствуя противъ Вилльнева: „Прочтите эти бумаги, писалъ онъ къ Кларке, отъ 3 августа: „и вы увидите было ль отъ сотворенія міра что нибудь глупѣе, нелѣпѣе, подлѣе. Значитъ теперь оправданы Маккъ, Гогенлоэ

20*

и проч. Я желаю знать какіе суды должны судить этихъ генераловъ, и какія наказанія законъ опредѣляетъ за подобное преступленіе." „Эти трусы, писалъ онъ въ другомъ письмѣ:— сложатъ головы на эшафотѣ!" Впрочемъ въ этомъ гнѣвѣ было много притворства, да иногда онъ и притворялся очень искусно — доказательствомъ чего служитъ шутовская почти фраза, обращенная имъ къ Даву: „Дюпонъ обезчестилъ наше оружіе, онъ выказалъ столько же глупости, сколько и малодушія. Когда вы узнаете это современемъ, *у васъ волосы встанутъ дыбомъ на головѣ.*" (23 августа).

Байленская катастрофа повлекла за собою очищеніе Мадрида, который очутился открытымъ со стороны юга. Іосифъ поспѣшно оставилъ эту столицу 29 іюля. Прошло только восемь дней какъ онъ вступилъ въ нее. Наканунѣ двѣ тысячи служителей покинули дворецъ какъ зачумленное мѣсто [170]. Придворные вели себя подобно служителямъ. Ни одинъ изъ нихъ не сопровождалъ Іосифа въ его бѣгствѣ. Французская армія отступила къ Эбро. Начальники ея не считали достаточно прочною линію Дуэро, которую рекомендовалъ Наполеонъ въ интересахъ Португальской арміи, столько же угрожаемой какъ и Испанская. Вердье долженъ былъ снять осаду Сарагоссы, послѣ новаго приступа, столь же убійственнаго и безплоднаго, какъ и всѣ предшествовавшіе. Іосифъ перенесъ главную свою квартиру въ Миранду, гдѣ присоединился къ нему маршалъ Журданъ, котораго онъ давно уже просилъ у Наполеона, и наша армія, соединившись на Эбро, растянула свои стоянки отъ Бильбао къ Туделѣ, на очень хорошей оборонительной позиціи, которая позволяла ей ожидать подкрѣпленія и объявленнаго прибытія императора.

Не успѣлъ окончиться августъ, какъ новая неудача, столь же почти гибельная какъ и байленская, затмила славу

---

[170]) Іосифъ Наполеону, 14 августа. *Прим. автора.*

французскаго оружія. Болѣе мѣсяца не было никакихъ извѣстій о Португальской арміи. Молчаніе это происходило не только отъ испанскаго возстанія, прервавшаго всѣ сообщенія между Франціею и Лиссабономъ, но также и отъ возстанія португальскаго населенія. Жюно занималъ лишь четыре или пять крѣпостей въ Португаліи, когда 1 августа, въ устьѣ Мондего показался англійскій флотъ съ дессантомъ. Англійская армія находилась подъ начальствомъ молодаго генерала, отличившагося уже въ Индіи твердостью и мудростью своего военнаго поведенія, сэра Артура Уэллесли, столь извѣстнаго впослѣдствіи подъ именемъ Велингтона. Будучи посланъ поддержать испанское возстаніе, Артуръ Уэллесли явился сперва предъ Короньею; но галицiйскіе инсургенты, даже послѣ пораженія при Ріо-Секо, подобно андалузскимъ, отказались отъ всякаго чужеземнаго подкрѣпленія; они приняли отъ Англіи помощь только деньгами и боевыми припасами. Вслѣдствіе этого Уэллесли избралъ театромъ своихъ операцій узкій и крутой португальскій берегъ, изъ котораго вскорѣ образовалъ укрѣпленный неприступный лагерь, о который должно было сокрушиться все могущество Наполеона.

Высадившись съ десятью тысячами человѣкъ и получивъ чрезъ нѣсколько дней подкрѣпленіе еще въ четыре тысячи, Уэллесли поспѣшилъ перейдти въ наступленіе до прибытія сэра Гью Дельраймпля, который долженъ былъ командовать арміею по достиженіи ею полнаго комплекта. Жюно понялъ опасность, которой подвергался, еслибъ допустилъ атаковать себя англичанамъ въ городѣ съ трехъ-сотъ-тысячнымъ населеніемъ, готовымъ возстать. Онъ составилъ очень разумный планъ идти на непріятельскую армію и отбросить ее къ морю, прежде прибытія ея подкрѣпленій. Но для осуществленія этого плана не были бы излишни всѣ его соединенныя силы. Онѣ простирались еще до двадцати девяти тысячъ человѣкъ; Жюно не съумѣлъ сосредоточить ихъ во время. Онъ упорствовалъ сохранить большую часть занимаемыхъ имъ по-

зицій; вызвалъ Келлерманна изъ Сетубаля, но оставилъ гарнизоны въ Эльвасѣ, Сантаремѣ, Альмендѣ, Пениче и Пальмелѣ, независимо отъ того, который удерживалъ Лиссабонъ. Кромѣ того онъ подвергъ величайшей опасности пятитысячный отрядъ, которому поручилъ наблюденіе за англичанами, подъ командою генерала Делаборда. Атакованный Артуромъ Уэллесли, возлѣ Рамны, на весьма передовой относительно его силъ позиціи, Делабордъ выдержалъ натискъ арміи втрое сильнѣйшей и удержалъ за собою поле съ блестящею храбростью; но тѣмъ не менѣе ему необходимо было поспѣшно отступить, потерявъ пятьсотъ убитыми, и кампанія началась неудачею, что всегда вредно вліяетъ на солдатъ, 15 августа [171]).

Вслѣдствіе этого сраженія Уэллесли зашелъ впередъ до Вимеиро, гдѣ къ нему присоединились двѣ новыя бригады, увеличившія его корпусъ до осьмнадцати тысячъ человѣкъ. Жюно наконецъ удалось собрать свои главныя силы; у него было около тринадцати тысячъ войска [172]). Со своей стороны онъ пошелъ впередъ до Торресъ-Ведрасъ противъ англійскихъ позицій. Для Жюно насталъ моментъ „отбросить англичанъ къ морю" по программѣ, столько разъ начертанной Наполеономъ. Они, казалось, хотѣли облегчить ему это дѣло, остановясь на высотахъ Вимеиро, тыломъ къ утесистымъ берегамъ океана. Уэллесли не выбиралъ этой позиціи. Онъ составилъ планъ гораздо лучше — идти прямо вдоль по морскому берегу, чтобъ обойдти армію Жюно, по-

---

[171]) Фоссé: *Hist. des guerres de la Péninsule*, t. IV.—Депеша Веллингтона къ виконту Кастельриджу, отъ 17 августа 1808. (*The dispatches of the duke of Wellington* vol. IV). *Прим. автора.*

[172]) Понятно, что здѣсь невозможно держаться французскихъ донесеній, которыя понижаютъ эту цифру на девять тысячъ изъ весьма понятнаго интереса. Веллингтонъ въ своемъ рапортѣ говоритъ, что у Жюно были собраны всѣ его силы — что также ошибочно. Изъ историковъ лордъ Лондондери ближе всего подходитъ къ истинѣ. (*Story of the peninsular war*). *Прим. автора.*

мѣстившись между нею и Лиссабономъ, въ окрестностяхъ Мафры; но приказаніе помощника главнокомандующаго Бурарда заставило его ожидать въ Вимеиро прибытія новаго десятитысячнаго корпуса подъ командою генерала Мура. Къ счастью его тотъ же поводъ побудилъ Жюно атаковать его немедленно.

Рано утромъ, 21 августа, Жюно началъ свое движеніе и и къ осьми часамъ атаковалъ позицію Уэллесли. Генералъ Лабордъ, поддержанный гренадерами Луазона и Томьера, стремительно бросился на высоты Вимеиро на правый флангъ англичанъ, казавшійся относительно мало защищеннымъ. У англичанъ почти не было кавалеріи, но ихъ пѣхота отличалась крѣпостью и стойкостью. Мѣткій огонь ихъ многочисленныхъ батарей быстро остановилъ нападающихъ и вскорѣ отбросилъ ихъ въ безпорядкѣ на скаты, по которымъ они взбирались. Нападеніе наше на лѣвый флангъ, какъ второстепенное и потому слабо поддержанное, было еще менѣе удачно, и оба бригадные генерала, руководившіе имъ, выбыли изъ строя. Тогда Жюно послалъ свой резервъ, состоявшій изъ избранныхъ войскъ, подъ командою Келлермана, велѣвъ его поддержать своей артиллеріи подъ начальствомъ полковника Фуа. Гренадеры Келлермана бѣглымъ шагомъ взошли по покатости и очутились на высотахъ Вимеиро; но ихъ приняли убійственными выстрѣлами, такъ что они принуждены были отступить, батареи наши были подбиты прежде нежели заняли позиціи, и начальникъ артиллеріи былъ тяжело раненъ; наконецъ кавалерія наша, сдѣлавшаяся безполезною по причинѣ гористой почвы, ограничилась только защитою отступленія нашихъ батальоновъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ отбрасывали. Атака наша не удалась на всѣхъ пунктахъ, а англійская армія осталась невредима на своихъ позиціяхъ.

Былъ уже полдень, и мы потеряли тысячу восемьсотъ человѣкъ и тридцать орудій. Англичане лишились только

ста тридцати четырехъ убитыми и триста тридцати пяти ранеными [173]). Жюно скомандовалъ отступленіе, которое онъ и совершилъ, не будучи тревожимъ. Уэллесли хотѣлъ насъ преслѣдовать, но онъ уже сдалъ командованіе арміею, и Буррардъ, принявшій начальство послѣ сраженія, не дозволилъ ему докончить побѣду. Впрочемъ, это преслѣдованіе было бы затруднительно за недостаткомъ кавалеріи. На другой день послѣ военнаго совѣта, на которомъ признана была невозможность занимать долѣе Португалію, Жюно послалъ въ англійскій лагерь генерала Келлермана договориться на счетъ очищенія. Съ прибытіемъ новаго англійскаго подкрѣпленія обстоятельство это дѣлалось настоятельнѣе. Послѣ перемирія и долгихъ преній, длившихся около десяти дней, уполномоченные подписали наконецъ 30 августа условія въ Цинтрѣ. Русская эскадра, блокируемая въ лиссабонскомъ портѣ и постоянно отказывавшаяся присоединиться къ Жюно, захотѣла также имѣть свою долю въ договорѣ. По ходатайству ея адмирала Сенявина она должна была оставаться въ видѣ залога въ какомъ нибудь англійскомъ портѣ до заключенія мира между обѣими державами.

Цинтрскій договоръ предоставилъ арміи Жюно совершенно неожиданныя условія. Съ прибытіемъ Мура дѣйствительно сдѣлалось возможнымъ взять ее въ плѣнъ, если не уничтожить. Разбитая, деморализованная, окруженная испанскимъ и португальскимъ возстаніями, и кромѣ того тридцатью тысячами превосходныхъ войскъ, она бы не могла избѣгнуть выбора — или пасть на послѣднемъ полѣ битвы, или сдаться военно-плѣнною. Въ сущности таково было мнѣніе Артура Уэллесли, который съ сожалѣніемъ видѣлъ какъ терялись плоды двухъ побѣдъ [174]); но гордое поведеніе

---

[173]) Рапортъ Веллингтона генералу Буррарду, 21 августа 1808. *(Dispatches).* *Прим. автора.*

[174]) Онъ такимъ образомъ резюмировалъ свое мнѣніе въ письмѣ къ лорду Кастельриджу: „Чрезъ десять дней послѣ сраженія 21 числа, мы

Жюно и могущественное еще обаяніе оружія Наполеона были внушительны для генерала Дейльрампля и его помощника Буррарда. Они предоставили Жюно родъ капитуляціи, по которой французская армія должна была совершенно очистить португальскую территорію, но съ оружіемъ, багажемъ и безъ сдачи военно-плѣнною. Англійское правительство брало на себя перевезти ее въ Лоріанъ и Рошфоръ. Цинтрская капитуляція возбудила страшное неудовольствіе въ Англіи, а также въ Испаніи и Португаліи; но тѣмъ не менѣе была исполнена съ благородною точностью въ продолженіе сентября мѣсяца. Британскій кабинетъ удовольствовался тѣмъ, что троихъ генераловъ, которыхъ обвиняло общественное мнѣніе, отдалъ подъ судъ, который и оправдалъ ихъ [175]).

Въ моментъ, когда войска Жюно садились на суда плыть во Францію, смущенныя быстрымъ пораженіемъ и неувѣренностью какъ ихъ примутъ, съ другой оконечности Европы армія плыла въ Испанію въ совершенно другомъ расположеніи духа. Избѣгнувъ тысячи опасностей, послѣ чудеснаго почти бѣгства, она готовилась присоединиться къ защитникамъ испанскаго отечества, чтобъ умереть или побѣдить вмѣстѣ съ ними. Это была та самая армія Романы, которую Наполеонъ измѣннически увелъ на берега Балтики съ цѣлью уменьшить силы страны, которую онъ хотѣлъ покорить. Считая ее все еще недостаточно удаленною отъ Испаніи въ Гамбургѣ, гдѣ онъ сперва расположилъ ее, онъ большую ея часть отправилъ на островъ Фіонію — датское владѣніе, гдѣ

не ушли впередъ, мы даже ушли меньше того сколько могли и должны были сдѣлать вечеромъ же въ день битвы." *(Dispatches)*

Прим. автора.

[175]) Въ оправданіяхъ своихъ они ссылались на весьма существенное затрудненіе—преслѣдовать армію Жюно, не имѣя кавалеріи, и на выгоду немедленнаго очищенія Португаліи. *(Report of the Board of inquiry. Ann. Reg.* 1808).

Прим. автора.

она и была заключена между корпусомъ Бернадотта и моремъ Но эти тонкія предосторожности, цѣлью которыхъ было скорѣе погубить солдатъ, столь мало приготовленныхъ къ суровому климату, обратились во вредъ тирану, ибо Романа могъ ускользнуть благодаря только морю. Завязавъ сношенія съ англійскими крейсерами, онъ овладѣлъ Ниборгомъ и Лангеландомъ и отплылъ 13 августа съ десятью тысячами человѣкъ. Остальныя пять тысячъ изъ его корпуса не успѣли сѣсть на суда во-время. Этотъ-то поступокъ Наполеонъ и его хвалители назвали: *измѣною Романы!*

Въ теченіе одного мѣсяца съ 15 іюля по 20 августа Наполеонъ испыталъ болѣе неудачъ нежели въ продолженіе всей своей карьеры. Отбитый отъ Валенціи и Сарагоссы, скорѣе раздавленный нежели разбитый при Байленѣ и Вимеиро, прогнанный наконецъ со всего Полуострова до самаго Эбро, онъ увидѣлъ позоръ своего оружія въ странѣ неорганизованной, безоружной, у народа, военныя силы котораго онъ презиралъ больше всего, и котораго онъ занималъ уже всю территорію. Нація эта, которую онъ такъ хорошо оковалъ въ первый моментъ нечаянности, сдѣлала только движеніе, и однимъ разомъ разорвала цѣпи. Имперія этимъ самымъ получила ударъ въ сердце; въ самомъ дѣлѣ, что такое была она—какъ не длинный, послѣдовательный рядъ нечаянностей. Это пораженіе, долженствовавшее быть столь тяжкимъ для ея гордости,—было названо искупленіемъ грѣховъ. Но значило бы ругаться надъ всѣми понятіями о правосудіи, сказавъ, что Наполеонъ понесъ наказаніе за то, что постыдно не успѣлъ въ одномъ изъ самыхъ гнуснѣйшихъ предпріятій, какія когда либо пытался осуществить могущественный злодѣй. Нѣтъ, столько невинно-пролитой крови, столько матерей, повергнутыхъ въ отчаяніе, столько беззащитныхъ людей, въ теченіе многихъ лѣтъ павшихъ жертвою бѣшеннаго убійства, столько преступленій, затѣянныхъ, совершенныхъ, поддержанныхъ съ холоднымъ пред-

намѣреніемъ, не искупаются такъ легко, и самое продолжительное заключеніе на о. св. Елены было незначительнымъ наказаніемъ сравнительно съ огромностью покушенія. Не станемъ говорить о карѣ относительно этого человѣка, поставимъ его смѣло выше остальнаго человѣчества, и въ такомъ случаѣ мы отдадимъ только себѣ справедливость, считая себя существами низшей породы, созданными для того, чтобъ быть вѣчною игрушкою и добычею какихъ-нибудь привилегированныхъ чудовищъ.

ГЛАВА X.

Европа послѣ Байлена.—Эрфуртское свиданіе. (Августъ—октябрь 1808).

Извѣстіе о байленской и цинтрской капитуляціи произвело во всей Европѣ невыразимое впечатлѣніе. Для того, чтобъ составить себѣ о немъ вѣрное понятіе, надобно припомнить смертную слабость, бездну отчаянія, въ которую столько обмановъ и пораженій ввергли всѣхъ тѣхъ, кто ожидалъ освобожденія отъ политическихъ и военныхъ комбинацій правительствъ. Затмившаяся на моментъ въ Эйлау звѣзда Наполеона снова появилась болѣе блестящая, нежели когда нибудь. Самые настойчивые утомились и считали борьбу поконченною. Это колоссальное могущество, казалось, имѣло за собою роковую силу неумолимыхъ законовъ природы и исторіи. Это возвращались безотрадныя времена Римской имперіи: необходимо было жить, обрекая себя на задушеніе, отказываясь бороться съ порядкомъ вещей.

И вотъ въ одинъ день разсѣялся зловѣщій кошмаръ и возродилась надежда. Великій урокъ, данный Испаніей міру, тѣмъ болѣе казался охватывающимъ, что былъ именно тотъ въ какомъ тогда наиболѣе нуждалась Европа. Тамъ дѣйствительно сдѣлала все нація, а не правительство. Все это было обезкуражено, убито, ибо всѣ усилія кабинетовъ пали жал-

кимъ образомъ, а тутъ испанская революція говорила народамъ: „Ваше спасеніе въ васъ самихъ!“ Она говорила индивидуумамъ: „Разсчитывай только на себя, и ты побѣдишь,“ и въ доказательство своихъ словъ проводила свои дѣйствія. То чего соединенныя европейскія правительства не могли сдѣлать въ восемь лѣтъ войны, она совершила въ одну кампанію съ нѣсколькими горстями инсургентовъ. Она два раза подвергла этихъ столь страшныхъ орловъ самому кровавому оскорбленію, какое только испытывало французское оружіе. Матеріальные результаты этой побѣды были довольно хороши, ибо непріятель за однимъ ударомъ былъ отброшенъ къ подошвамъ Пиринеевъ, но моральное ихъ дѣйствіе было неисчислимо.

Это наставленіе не имѣло нужды въ комментаріяхъ; оно блистало словно молнія во мракѣ и вмѣстѣ поражало всѣ взоры. Очарованіе было уничтожено навсегда; слабая сторона колосса открылась; побѣдитель королей не былъ еще побѣдителемъ народовъ; партія, столько разъ проигранная противъ него, начиналась новою ставкою. Англія рѣшилась тѣснѣе соединиться съ Испаніею. Она привезла инсургентамъ субсидіи, оружіе, огромное количество боевыхъ припасовъ. Она поторопилась, съ необычайною дѣятельностью, сформировать и отправить свои войска, всегда столь медленныя на подъемъ; она повидимому рѣшилась защищать территорію Полуострова какъ свою собственную.

Въ Германіи отраженіе испанскихъ событій было родомъ электрическаго потрясенія, породившаго одно явленіе, до тѣхъ поръ не существовавшее—*германскую націю.* Великое умственное возрожденіе Германіи XVIII столѣтія, безъ сомнѣнія, приготовило пути, устанавливая моральную личность этого народа; но только среди бѣдствій завоеванія и иностраннаго нашествія совершилось это знаменитое зачатіе, и въ первый разъ произнесено было слово *германскаго отечества.* Всѣ старыя ссоры, всѣ запоздалыя ненависти между

сѣверною и южною Германіею, между большими и малыми государствами, между монархами и старинным дворянствомъ, между дворянами и мѣщанами, между домами Австрійскимъ и Бранденбургскимъ, исчезли мгновенно, уступивъ мѣсто единодушному чувству—ненависти къ французскому владычеству. Иниціатива не принадлежала никакому классу въ особенности, она была всеобщая и одновременная. Профессоръ философіи Маврикій Арндтъ основалъ *Тугендбундъ*, это общество добродѣтели, въ которое поступали въ одно время ремесленники, вельможи, военные и статскіе. Опытъ показалъ, что нравы и характеръ страны были положительно неблагопріятны для партизанской войны. Самъ отважный маіоръ Тилль былъ вынужденъ сознать эту истину послѣ своихъ несчастныхъ и вмѣстѣ героическихъ усилій организовать возстаніе во время польской войны. Впрочемъ французское занятіе, благодаря Рейнскому союзу и огромному количеству нашихъ войскъ, было глубже вкоренено въ Германіи нежели въ Испаніи. Слѣдовательно это громадное народное возстаніе должно было дѣйствовать медленно въ формѣ тайныхъ обществъ.

Организація Тугендбунда довольно похожа на ту, какую позже принялъ *Карбонаризмъ*. Центральный комитетъ, находившійся внѣ вліянія императорской полиціи, управлялъ издали обществомъ, разбившимся на множество частныхъ комитетовъ. Провинціальные комитеты не сообщались между собою, такъ что открытіе одного не подвергало опасности другихъ. Общество распространилось мало-по-малу до самыхъ провинцій Рейнскаго Союза; оно приготовило свои силы въ тишинѣ до наступленія часа народнаго возстанія. Самые знатные, какъ и самые бѣдные считали за честь принадлежать къ нему. Прежніе министры, Гарденбергъ и Шарнгорстъ, генералы Блюхеръ и Гнейзенау, герцогъ Брауншвейгскій Эльсъ, маіоръ Тилль и докторъ Янъ были дѣятельнѣйшими членами. Вскорѣ почва старой Германіи покрылась

сходными обществами, которыя привились къ этому главному учрежденію. Дѣйствія правительствъ, принужденныхъ, какъ и частныя лица, къ притворству, окольными и тайными средствами, великолѣпно помогали этому обширному заговору. Ему служили два министра, которыхъ твердость характера равнялась высокому уму: въ Пруссіи баронъ Штейнъ, въ Австріи графъ Стадіонъ.

Баронъ Штейнъ, кажется, изъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ первый понялъ, что Германія не могла иначе быть спасена какъ съ помощью огромнаго національнаго возстанія. Нельзя у него отнять чести, что онъ былъ главнымъ двигателемъ, самымъ смѣлымъ, самымъ настойчивымъ и самымъ умнымъ. Великій этотъ министръ еще болѣе былъ великимъ гражданиномъ. Онъ чувствовалъ, что для того, чтобъ глубоко взволновать народныя массы, до тѣхъ поръ лишенныя всякаго участія въ значительныхъ интересахъ страны, необходимо ихъ призвать къ публичной жизни: онъ чувствовалъ, что не дѣлаютъ патріотовъ изъ людей, прикрѣпленныхъ къ землѣ, и что необходимо было воспользоваться единственнымъ случаемъ потребовать у дворянства пожертвованія его главнѣйшихъ преимуществъ. Поэтому онъ захотѣлъ, чтобъ предшествіемъ войны за независимость было освобожденіе прусскаго третьяго сословія. Только съ людьми свободными онъ надѣялся побѣдить Наполеона. Онъ вычеркнулъ изъ прусскаго законодательства послѣдніе слѣды рабства, и изъ мужика сдѣлалъ гражданина. Онъ уничтожилъ барщину; дозволилъ крупнымъ землевладѣльцамъ раздробить ихъ имѣнія; далъ общинамъ самоуправленіе, допустилъ имъ назначеніе муниципальныхъ совѣтовъ, и слѣдовательно образовалъ столько же маленькихъ центровъ, исполненныхъ жизни, дѣятельности, гражданскаго соревнованія. Мѣщанамъ онъ облегчилъ возможность пріобрѣтать поземельную собственность—что составляло до тѣхъ поръ исключительную привилегію дворянства, и открылъ дворянамъ доступъ къ промышлен-

нымъ и торговымъ занятіямъ — терпимость, которая была для нихъ гнусна, потому что служила признакомъ равенства. Таковъ былъ предметъ трехъ декретовъ изъ Мемеля, декретовъ спасительныхъ, изданныхъ съ октября и ноября 1807 г., и которымъ Пруссія обязана тѣмъ, что осталась націею. И всѣ эти реформы—та же революція—онъ производилъ безъ шума, безъ малѣйшей изъ популярныхъ наградъ, столь дорогихъ обыкновеннымъ трибунамъ.

Въ то же время какъ Штейнъ налагалъ смѣлую руку на старинныя злоупотребленія, онъ также упорно боролся съ нашими требованіями относительно назначенія военной контрибуціи, которую Наполеонъ затягивалъ со времени Тильзита, чтобъ подольше занимать прусскую территорію. Противъ французской администраціи въ Пруссіи онъ организовалъ глухое, но сильное сопротивленіе, которое обнаруживалось только доносами и, давая чувствовать себя всегда и вездѣ, парализовало всѣ наши мѣры. Этотъ странный заговоръ было тѣмъ легче дисциплинировать, что орудіями его служили самые администраторы; ибо Наполеонъ, ввѣривъ управленіе Пруссіею своему представителю Дарю, принужденъ былъ оставить ему большую часть прежнихъ прусскихъ чиновниковъ. Приказаній Дарю никто, никогда не ослушивался, но ихъ исполняли въ противоположномъ смыслѣ, притворяясь, что дурно ихъ поняли. Отсюда непрерывныя непріятности, безпрерывно возрождавшіяся затрудненія, глубоко раздражавшія прусское населеніе, которое уже пришло въ отчаяніе отъ страшныхъ наложенныхъ на него тягостей [176]).

Сфера дѣятельности барона Штейна не ограничивалась Пруссіею; онъ неусыпно старался распространить ее на всю Германію и въ особенности на провинціи, присоединенныя къ французской имперіи. „Раздраженіе увеличивается въ

---

[176]) *Mémoires tirées des papiers d'un Homme d'État.* (Гарденбергъ). Шель, *Hist. abr. des Traités.* *Прим. автора.*

Германіи съ каждымъ днемъ, писалъ онъ 15 августа 1808 князю Сайнъ-Витгенштейну, находившемуся тогда на водахъ въ Мекленбургѣ. — Надобно ею питать и волновать народъ. Мнѣ хотѣлось бы имѣть возможность поддерживать связи въ *Гессенѣ* и *Вестфаліи*, чтобъ тамъ приготовились къ извѣстнымъ случайностямъ, чтобъ постарались завязать сношенія съ людьми энергическими и благомыслящими... *Испанскія дѣла производятъ весьма живыя впечатлѣнія. Они доказываютъ то, что давно уже должно было предвидѣть.* Было бы полезно распространить тамъ новость, только осторожно..." Это знаменательное письмо было перехвачено у Кнопа въ Шпандау и тотчасъ же доставлено Наполеону маршаломъ Сультомъ. Хотя оно открывало только уголокъ завѣсы, но достаточно говорило императору о важности событій, приготовлявшихся въ Германіи. Но въ порывѣ гордости и весь еще преданный намѣренію отомстить Испаніи примѣрнымъ наказаніемъ, онъ видѣлъ въ письмѣ Штейна лишь могучее средство—покончить съ сопротивленіемъ Пруссіи его денежнымъ требованіямъ, и принудить короля Фридриха Вильгельма отставить министра. Будучи вынужденъ къ отступленію, чтобъ сосредоточить всѣ свои силы противъ испанцевъ, онъ воспользовался этимъ событіемъ, чтобъ произвести отступленіе самымъ выгоднымъ для себя образомъ. Онъ воспользовался письмомъ, но пренебрегъ увѣдомленіемъ, которое въ немъ заключалось. Онъ велѣлъ напечатать его въ *Мониторѣ* [177]), приписавъ эти простыя слова: „Жаль Прусскаго короля, что у него министры *столько же неискусны сколько и безчестны.*" Короткая приписка эта была смертнымъ приговоромъ администраціи Штейна. Великій патріотъ удалился, чтобъ не компрометировать отечества; но планы его и реформы тѣмъ не менѣе должны были остаться въ душѣ прусскаго правительства, и вотъ гдѣ была опасность. „Я по-

177) Мониторъ 8 сентября 1808. *Прим. автора.*

требовалъ, писалъ Наполеонъ къ Сульту 10 сентября: — чтобъ Штейнъ былъ изгнанъ изъ министерства, а иначе Прусскій король не вступитъ въ свои владѣнія. Я велѣлъ конфисковать его владѣнія въ Вестфаліи."

Эти удовлетворенія ему были оказаны, какъ и всѣ, какихъ онъ требовалъ въ эту критическую минуту; но самая легкость, съ которою онъ ихъ получилъ, должна была его убѣдить, что разсчитывали на средства еще скрытыя, но вѣрныя— отомстить впослѣдствіи. Принцъ Вильгельмъ Прусскій нѣсколько уже мѣсяцевъ жилъ въ Парижѣ для окончательнаго опредѣленія прусскаго долга. Шампаньи отъ имени Наполеона увѣдомилъ его, что въ самый короткій срокъ необходимо уплатить сто сорокъ милльоновъ, назначенныхъ императоромъ. Въ то же время принцъ долженъ былъ подчиниться и тяжелымъ условіямъ, которыя налагали на его короля. Условіе, опредѣлявшее цифру долга, обязывало, чтобъ до окончательной уплаты десять тысячъ французовъ занимали крѣпости Глогау, Штетинъ и Кюстринъ на содержаніи, если не на жалованьи прусскаго короля; чтобъ въ теченіе десяти лѣтъ сряду прусская армія ограничивалась 82,000 человѣкъ, и чтобъ король ни въ какомъ случаѣ не могъ увеличить ее призывомъ милиціи (отдѣльные §§ I и III). Наконецъ король Фридрихъ-Вильгельмъ обязывался въ случаѣ войны съ Австріею [178]) предоставить въ распоряженіе императора дивизію въ 16,000 человѣкъ.

Таковъ былъ первый плодъ политики Штейна. Но пораженіе его было скорѣе кажущееся нежели дѣйствительное, ибо въ его планы входило — доводить все до крайности, и онъ болѣе разсчитывалъ на отчаяніе, произведенное чрезмѣрностью зла и обидъ, чѣмъ на мелкія ловкости кабинетной

---

[178]) Конвенція 8 сентября 1808 г. Клеркъ: Recueil des traités.
Прим. автора.

политики. Это жестокое злоупотребленіе силы могло только служить его намѣреніямъ, ибо въ томъ невыносимомъ положеніи, въ какомъ находились прусскія монархія и нація, онѣ не могли жить иначе какъ въ постоянномъ заговорѣ. Принуждены были принять трактатъ, но старались всячески уклоняться отъ него. Военный министръ Шарнгорстъ съ военной точки зрѣнія осуществилъ всѣ реформы, какія другъ его Штейнъ ввелъ въ гражданскомъ строѣ. Онъ открылъ буржуазіи доступъ къ высшимъ чинамъ; онъ неуклонно держалъ армію въ количествѣ 42,000 человѣкъ, но имѣлъ въ дѣйствительности 200,000, благодаря тому, что держалъ солдатъ въ войскахъ именно столько времени, сколько нужно было лишь для обученія.

Въ Австріи, графъ Стадіонъ, принужденный создать могущественную аристократію и всемогущественное духовенство, не могъ совершить великихъ народныхъ реформъ. Впрочемъ у него не было поддержки сильныхъ и серьезныхъ сѣверныхъ населеній. Но если онъ употреблялъ менѣе радикальныя мѣры, тѣмъ съ неменьшею энергіею трудился для общаго дѣла. Австрійская армія реорганизована была въ большой комплектъ эрцъ-герцогомъ Карломъ, который обучалъ ее безпрерывно. Къ этой дѣйствующей трехсотъ-тысячной арміи присоединенъ резервъ во сто тысячъ. Кромѣ того Стадіонъ на всемъ пространствѣ имперіи учредилъ національную милицію. Все почти здоровое населеніе вступило въ нее съ восторгомъ безъ различія классовъ. Добровольныя приношенія стекались въ правительственныя казначейства. Наконецъ въ первый разъ патріотическое движеніе обнаружилось въ этой исскуственной имперіи, которая никогда не была отечествомъ. Австрія сдѣлалась націею изъ ненависти и страха чужеземнаго владычества, сдѣлала воззваніе къ общественному мнѣнію краснорѣчивымъ перомъ Генца, и ставъ защитницею человѣческихъ правъ и европейской свободы, этотъ феноменъ судилъ о политикѣ Наполеона. Онъ

говорилъ— какъ роли перемѣнились въ Европѣ, со времени великой французской революціи, и какъ мнимый наслѣдникъ людей 89-го былъ далекъ отъ принциповъ, ему внушенныхъ ими.

Вооруженія Австріи не могли не привлечь вниманія императора французовъ; ибо, присвоивая себѣ право имѣть 800,000 подъ ружьемъ, Наполеонъ не былъ ни мало расположенъ терпѣть что нибудь подобное у другихъ иностранныхъ державъ. 16 іюля Шампаньи сдѣлалъ запросъ Меттерниху о намѣреніяхъ его правительства относительно мнимыхъ насилій, сдѣланныхъ французскимъ подданнымъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ обратился съ болѣе рѣзкими настояніями по вопросу о вооруженіяхъ: „Чего желаетъ ваше правительство? Зачѣмъ оно смущаетъ миръ на континентѣ? Принцы ваши посѣщаютъ провинціи и призываютъ народъ къ защитѣ отечества. Все населеніе отъ осьмнадцати до сорока пяти лѣтъ взялось за оружіе.... народъ вашъ въ страхѣ, сосѣди встревожены. Всюду говорятъ: чего хочетъ Австрія? Какая опасность угрожаетъ ей“ и проч. [179]). Отвѣтъ Меттерниха (отъ 22 іюля 1808 г.) былъ ясенъ и неопровержимъ. Всѣ государства сосѣднія съ Австріею, — Италія, Баварія, Вестфалія, даже великое герцогство Варшавское преобразовали свои военныя учрежденія и приняли французскую конскрипцію. Австрія не можетъ же отстать отъ этого движенія, она подражаетъ своимъ сосѣдямъ, производя реформы, сходныя съ тѣми, какія они совершили. Ея резервъ и національная гвардія—учрежденіе, заимствованное у Франціи для того, чтобъ стать на одну ногу съ другими европейскими державами. Другаго смысла нѣтъ въ томъ, что называютъ ея вооруженіями [180]).

---

[179]) Документы, сообщенные Сенату, въ засѣданіи 14 апрѣля 1808 г., № III. *Arch. parl.* *Прим. автора.*

[180]) Ib. № V.

На эту затруднительную отповѣдь, Шампаньи отвѣчалъ затрогивая вопросъ по поводу предложеній на водахъ Теплица и Карлсбада. Онъ ссылался на арестованіе двухъ курьеровъ, ѣхавшихъ въ Далмацію, арестованіе, которое впослѣдствіи превратится въ *убійство* въ манифестѣ Наполеона; наконецъ онъ предложилъ снятіе лагерей Силезіи—мѣра, на которую рѣшилось французское правительство, вслѣдствіе испанскихъ событій. Но онъ не предложилъ единственной мѣры, которая была бы убѣдительнѣе, именно уменьшенія вооруженныхъ силъ Франціи и ея союзниковъ, пропорціонально съ цифрою, которой онъ требовалъ отъ Австріи [181]). Съ этихъ поръ притязанія Наполеона не могли имѣть другаго характера какъ дипломатическое насиліе.

Впрочемъ это и былъ именно тотъ смыслъ, какой онъ хотѣлъ дать имъ. Онъ скоро понялъ, что съ точки зрѣнія международнаго права онъ не могъ принуждать Австрію въ избранномъ ею чисто оборонительномъ положеніи; и съ этого момента онъ рѣшился вывести ее изъ этого положенія съ помощью войны, которой однакожъ не хотѣлъ начинать прежде усмиренія Испаніи, намѣреваясь выиграть время угрозами и застращиваніемъ—средства еще дѣйствительныя съ державою, приготовленія которой далеко не были окончены. Не успѣлъ Наполеонъ возвратиться въ Парижъ изъ путешествія по южнымъ и западнымъ провинціямъ (14 августа 1808 г.), какъ уже возобновилъ съ Меттернихомъ переговоры, съ того мѣста, гдѣ они были прерваны, Шампаньи. 15 августа среди торжественной аудіенціи, данной высшимъ государственнымъ учрежденіямъ и членамъ дипломатическаго корпуса, императоръ лично обратился къ австрійскому посланнику. Въ присутствіи изумленнаго собранія онъ ударился въ одно изъ тѣхъ страшныхъ отступленій, которыя сдѣлались

[181]) Ib. Шампаньи къ Меттерниху, 30 іюля 1808 г. *Прим. автора.*

знамениты со времени свиданія съ Уайтвортомъ. Онъ воспользовался натянутою осторожностью дипломата, чтобъ осыпать его въ свою очередь недостойными ругательствами и вопросами, на которые не давалъ времени отвѣчать:

„Итакъ Австрія хочетъ объявить намъ войну, или желаетъ устрашить насъ? Кто нападаетъ на васъ и отъ кого вы думаете защищаться? Развѣ не все мирно вокругъ васъ? Развѣ между вами и мною были какія нибудь даже легкія неудовольствія со времени Пресбургскаго мира? Вы призываете народъ къ защитѣ отечества; вы увеличиваете полки въ 1300 человѣкъ. У васъ 14,000 лошадей подъ артиллеріею, вы вооружаете крѣпости, а между тѣмъ вашъ курсъ, столь низкій, еще понизился. Не говорите, что вы должны были заботиться о своей безопасности; вы знаете, что я не требую отъ васъ ничего. Я разставилъ отряды моихъ войскъ, чтобъ они находились въ упражненіи; *они размѣщены въ чужихъ странахъ, а не во Франціи, потому что это менѣе убыточно.* Но если вы вооружаетесь, я тоже буду вооружаться. Если надо, я сдѣлаю наборъ въ 200,000 человѣкъ. За васъ не будетъ ни одна держава на континентѣ. Русскій императоръ самъ предложитъ вамъ оставаться спокойными. Вашъ императоръ не можетъ на меня пожаловаться. Я занималъ его столицу, большую часть его провинцій, и все почти было возвращено. *Я даже удержалъ Венецію только для того, чтобъ оставлять менѣе поводовъ къ несогласію!* Но война будетъ вопреки вамъ и вопреки мнѣ. Народъ вашъ негодуетъ, онъ позволилъ себѣ измѣнничества, потому что больше повѣрилъ вашимъ мѣропріятіямъ, нежели воззваніямъ въ пользу мира. *Вотъ причина убійства трехъ моихъ курьеровъ, ѣхавшихъ въ Далмацію.* Еще подобныя оскорбленія, и война неизбѣжна, *ибо насъ можно убивать, но не оскорблять безнаказанно....* Вы говорите, что у васъ армія въ 400,000 человѣкъ. Вы хотите ее удвоить. Слѣдуя вашему примѣру, *вскорѣ придется даже вооружать женщинъ!*

При подобномъ порядкѣ вещей, война сдѣлается желательною, чтобъ привести къ развязкѣ. Острая, но краткая боль, гораздо лучше продолжительнаго страданія“ [182]).

Такова была—согласно со спискомъ, который Шампаньи послалъ генералу Андреосси, вычеркнувъ заботливо ярыя выраженія, — эта безсвязная и неприличная выходка. Она устраняла всѣ существенныя затрудненія въ положеніи обѣихъ державъ; устраняла всѣ серьезныя претензіи со стороны Меттерниха, она была исполнена компрометирующихъ признаній, лживыхъ или оскорбительныхъ извѣтовъ, но имѣла въ высшей степени тотъ характеръ, который хотѣла имѣть, т. е. характеръ публичной угрозы. Удивительнѣйшей чертою длинной діатрибы безспорно былъ упрекъ въ неблагодарности, обращенный къ Австрійскому императору! Въ заключеніе Наполеонъ прибавилъ требованіе, чтобъ Австрія остановила свои вооруженія и признала Іосифа королемъ Испанскимъ. Въ невозможности принять непосредственно вызовъ, Вѣнскій кабинетъ медлилъ и отвѣчалъ неопредѣленными обѣщаніями, но ни на минуту не откладывалъ своихъ приготовленій, такъ такъ что Наполеонъ весьма слабо успѣлъ въ своей попыткѣ устрашенія.

Неболѣе счастливъ былъ императоръ и при другомъ дворѣ, который онъ довелъ до послѣдняго униженія и постоянно подчинялъ себѣ съ помощью страха. Св. престолъ, обыкновенно столь враждебный къ самымъ законнымъ инсуррекціямъ, былъ, можетъ быть, чувствительнѣе всякаго европейскаго двора къ успѣхамъ испанскаго возстанія. Сказать правду, онъ одинъ имѣлъ больше поводовъ къ жалобамъ на Наполеона нежели всѣ прочіе кабинеты, взятые вмѣстѣ. Вслѣдствіе неудавшагося порученія кардинала Байона, императоръ овладѣлъ папскими провинціями, прикрывъ ихъ

---

[182]) Шампаньи къ Андреосси, 16 августа 1808 г. *Прим. авт.*

странными именами департаментовъ *Метауро*, *Музонъ* и *Тронто*—названіе, выбранное съ намѣреніемъ, чтобъ отклонить воспоминаніе, и подъ которымъ никому въ голову не пришло бы считать ихъ Римскими владѣніями. Потомъ онъ втихомолку овладѣлъ и самымъ городомъ Римомъ (2 февраля 1808 г.). Генералъ Міоллисъ наложилъ руку на всѣ общественныя учрежденія, и управлялъ вѣчнымъ городомъ какъ простою префектурою. Папа протестовалъ противъ этого занятія своей столицы, и хоть этотъ протестъ былъ чисто-евангельской кротости, Наполеонъ отвѣчалъ на него—избавленіемъ папы отъ нечестивыхъ совѣтниковъ, вводившихъ его въ заблужденіе. Онъ приказалъ жандармамъ схватить и вывезти на границу всѣхъ кардиналовъ, которые не были римскими подданными. Онъ перевелъ въ свои войска солдатъ папской арміи, обѣщавъ имъ „что впредь ими не будутъ командовать попы“ [183])—честь, за которую эти несчастные должны были поплатиться дорого. Всѣ эти насилія увѣнчались занятіемъ Квиринала, и Пій VII увидѣлъ себя нетолько лишеннымъ всѣхъ преимуществъ верховной власти, но и подъ строгимъ надзоромъ, словно узникъ въ своемъ собственномъ жилищѣ (7 апрѣля 1808 г.).

Однако въ моментъ начатія борьбы съ Испаніею, Наполеонъ увидѣлъ немного поздно, по своему обыкновенію, что предпринялъ много затѣй разомъ и что его несогласія съ Римскимъ дворомъ могли серьезно повредить его замысламъ относительно испанской націи. 13 апрѣля 1808 года, онъ написалъ къ принцу Евгенію: „Сынъ мой, *я чрезвычайно занятъ;* вотъ почему я желаю, чтобъ римскія дѣла были отложены до 10 мая. Въ ожиданіи прикажи управлять временно четырьмя легатствами, какъ я велѣлъ. Не для чего взваливать себѣ на руки все за однимъ разомъ“ [184]). Пред-

---

[183]) Приказъ генерала Міоллиса отъ 27 мая 1808 г. *Прим. авт.*
[184]) *Мемуары* принца Евгенія t. IV. *Прим. авт.*

метомъ отсрочки, предложенной императоромъ, было обнародованіе декрета, которымъ Наполеонъ объявлялъ отмѣну „*дара Карла Великаго, его августѣйшаго предшественника*", относительно провинцій Урбино, Анконы, Мачераты и Камерино; но отмѣна эта опоздала. Міоллисъ не только издалъ декретъ, но, въ собственномъ дворцѣ св. отца, велѣлъ схватить его статсъ-секретаря Габріелли. Съ тѣхъ поръ между папствомъ и имперіею загорѣлась смертельная война. Можно было предвидѣть ея взрывы и заглушить шумъ силою устрашенія, молчанія, таинственности, но нельзя уже было остановить ея хода, и она продолжалась безостановочно до паденія одного изъ противниковъ.

Легко представить себѣ каково при такомъ порядкѣ вещей долженствовало быть впечатлѣніе Римскаго двора при извѣстіи о нашихъ неудачахъ въ Испаніи. Они произвели въ Ватиканѣ дѣйствіе настоящей небесной манны. Протесты св. престола, до тѣхъ поръ столь робкіе, приняли немедленно рѣзкій и высокомѣрный тонъ, которые самого кардинала Пакка, подписывавшаго ихъ въ качествѣ преемника Габріелли, огорчили немного, какъ онъ заявляетъ въ своихъ *Мемуарахъ*. Начиная съ августа 1808 г., всѣ дѣйствія французской администраціи въ Папскихъ владѣніяхъ подавали случай къ пылкимъ протестамъ, которые приклеивались неуловимыми агентами на стѣнахъ Рима. Чѣмъ болѣе Наполеонъ старался о прекращеніи несогласій, къ усыпленію своихъ противниковъ, чѣмъ болѣе хлопоталъ избѣгать новыхъ поводовъ къ несогласіямъ, тѣмъ сильнѣе Пій VII возвышалъ голосъ и старался привлечь вниманіе Европы, еще разсѣянной и равнодушной. Неудачи наши однакожь были не на столько серьезны, чтобъ св. отецъ осмѣлился рѣшиться на какія нибудь крайнія мѣры; но онъ приготовился прибѣгнуть къ своему духовному оружію, которое у него содержалось въ исправности; онъ пересматривалъ и съ любовью ласкалъ въ тишинѣ кабинета отлучительную буллу, давно уже приго-

товленную, и которую онъ собирался при первомъ благопріятномъ моментѣ обрушить на голову Наполеона [185]).

Это общее положеніе континента, повидимому не весьма тревожное въ эту минуту, могло сдѣлаться болѣе опаснымъ, когда Наполеонъ ввелъ бы лучшія свои войска въ Испанію. Поэтому, не зная самыхъ тревожныхъ симптомовъ этого порядка вещей, онъ тотчасъ же почувствовалъ необходимость уменьшить требованія и на этотъ разъ серьезно заручиться помощью Россіи. Надобно было или отказаться отъ Испаніи, чего не допускала его гордость, или показаться Европѣ съ такими силами, чтобъ отнять у нее охоту мѣшать нашимъ операціямъ на Полуостровѣ. Союзъ съ Александромъ всегда былъ наилучшимъ средствомъ сдерживать европейскія державы. Къ несчастью, обманъ испытанный императоромъ Александромъ послѣ Тильзитскаго мира, не могъ вселить ему довѣрія къ Наполеону. Нѣсколько времени конечно успѣли занять воображеніе Александра фантастическими планами раздѣленія Турціи и экспедиціею въ Индію; но изъ всѣхъ обѣщанныхъ земель ему только выдали Финляндію. Но пріобрѣтеніе это, взятое вооруженною рукою изъ владѣній родственника союзника, истощавшагося на общее дѣло, въ Россіи смотрѣли недовольными глазами, гдѣ давно уже ничего не опасались отъ сосѣдства Швеціи. Короткость Александра съ Наполеономъ была непопулярна между его подданными; она имъ сдѣлалась ненавистна со времени Тильзитскаго обмана, и въ Петербургѣ громко говорили объ этомъ.

Отношенія, въ одно время очень натянутыя, Наполеона съ Русскимъ дворомъ, становились благопріятнѣе по мѣрѣ усложненія испанскихъ дѣлъ. Послѣ Байленской капитуляціи они сдѣлались совершенно дружественными. Императоръ

---

[185]) *Мемуары* кардинала Пакка. *Прим. автора*

Александръ былъ слишкомъ проницателенъ, чтобъ не понять смысла этихъ переходовъ. Онъ очень хорошо понялъ, что чѣмъ больше Наполеонъ сдѣлаетъ себѣ затрудненій въ Испаніи, тѣмъ больше принужденъ будетъ дѣлать уступокъ Россіи. Вмѣсто того, чтобъ дѣлать малѣйшее возраженіе на предпріятіе своего искренняго друга, Александръ говорилъ о нихъ безпрестанно съ Коленкуромъ какъ о дѣлѣ самомъ естественномъ и законномъ. Съ легко-понятною радостью онъ видѣлъ возникновеніе и увеличеніе препятствій, долженствовавшихъ укрѣпить его положеніе. Желая успокоить нетерпѣніе Россіи, Наполеонъ съ половины марта объявилъ Толстому, что расположенъ удовлетворить Россію во всѣхъ пунктахъ, очистить Пруссію, успокоить Польшу, уладить восточныя дѣла, но что желалъ бы имѣть прежде новое свиданіе съ Александромъ, на которомъ рѣшилъ бы окончательно всѣ эти вопросы.

Послѣ Байлена эти заявленія дружбы дошли до нѣжности. Наполеонъ сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣться съ Александромъ, прижать его къ сердцу и изгладить воспоминаніе о прошлыхъ недоразумѣніяхъ. Какъ онъ теперь далекъ отъ намѣренія сохранить Силезію въ качествѣ вознагражденія за княжества —намѣреніе, казавшееся ему такъ естественнымъ! Изъ всего этого теперь можетъ быть одинъ только вопросъ о безплодномъ пугалѣ польской независимости. Роли перемѣнились. Александръ болѣе уже не проситель какъ въ Тильзитѣ; онъ можетъ самъ предлагать условія и въ случаѣ надобности поддержать ихъ. Онъ до такой степени вліяетъ на положеніе Австріи, что она сама ему предлагаетъ эти провинціи Молдавію и Валахію, которыми Наполеонъ такъ давно манилъ его. Союзъ съ Россіею, который для императора французовъ въ Тильзитѣ былъ только приличіемъ честолюбія, теперь для него необходимость. Это чувствовали какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Вслѣдствіе этого было условлено видѣться въ Эрфуртѣ въ концѣ сентября 1808 г.

Удовлетворить русское честолюбіе, устроить при этой могущественной поддержкѣ, на нѣсколько мѣсяцевъ спокойствіе въ Европѣ, которое дозволило бы ему подавить навсегда испанское возстаніе — вотъ былъ новый планъ, за который Наполеонъ ухватился съ обычною своею дѣятельностью, и который онъ имѣлъ огромные шансы сохранить, благодаря несогласіямъ, какія удалось ему возбудить между вождями старинной европейской коалиціи. Раздѣленные передъ нимъ, какъ вожди гальской конфедераціи передъ Цезаремъ, они испытали бы уже ту же участь, еслибъ новый актеръ, испанскій народъ, не пришелъ положить свой мечъ на вѣсы. Отъ одного его въ этотъ моментъ зависѣли судьбы Европы, и противъ него-то Наполеонъ обращалъ всѣ свои усилія. Онъ отдѣлался отъ Пруссіи трактатомъ 8 сентября, отдѣлался по крайней мѣрѣ на время отъ Австріи при помощи русскаго союза, и отвелъ къ Пиринеямъ главнѣйшіе корпуса своей огромной арміи, занимавшей Германію. Въ прежнія эпохи своей карьеры онъ совершалъ важныя дѣла съ малыми средствами, теперь ему понадобилась система болѣе скорая, болѣе способная поразить людское воображеніе. Это уже не итальянская кампанія, но онъ приготовлялъ противъ Европы походъ Ксеркса. Онъ желалъ показаться ей истребителемъ, вооруженный молніями, подобно богу, мстящему за свое величіе.

5 сентября 1808 г. его министры Шампаньи и Кларке явились отъ его имени въ Сенатъ. Шампаньи, какъ министръ внѣшнихъ сношеній, сообщилъ этому собранію договоры, заключенные въ Байонѣ съ государями, лишенными престола въ Испаніи. Эти, печальной знаменитости документы, сопровождались двумя не менѣе странными донесеніями этого министра въ подкрѣпленіе захвата испанскаго трона. Въ первомъ изъ этихъ донесеній, помѣченныхъ заднимъ числомъ отъ 24 апрѣля, представивъ всѣ поводы, налагавшіе на Наполеона обязанность *возобновить* Испанію и „начать снова

дѣло Людовика XIV", онъ заявилъ эту немного рискованную аксіому, произведшую въ Европѣ то, что называется въ наше время продолжительнымъ ощущеніемъ: *„то что совѣтуетъ политика,—правосудіе дозволяетъ"*. Потомъ онъ выставилъ обязанность положить конецъ несогласіямъ, столь искусно возбуждаемымъ между отцемъ и сыномъ, необходимость *отомстить дѣло монарховъ*, не оставить безнаказаннымъ *оскорбленія величію престоловъ* и не покидать Испанію на жертву жадности Англіи: „Ваше величество, говоритъ этотъ достойный министръ:—неужели вы оставите эту новую добычу Англіи для поглощенія?" [186]). Не было опасности, чтобъ Наполеонъ оставилъ другимъ дѣло, съ которымъ самъ такъ хорошо умѣлъ справиться!

Въ другомъ донесеніи отъ 1 сентября представлялись вкратцѣ акты чудовищной неблагодарности, которыми испанцы отвѣчали на благодѣтельныя намѣренія императора. Развращающее золото англичанъ, страсти *испанской черни*, вліяніе *монаховъ, интриги агентовъ инквизиціи, опасавшихся реформы* —обманули столь справедливыя, столь благородныя надежды. Но „дозволитъ ли Наполеонъ, чтобъ Англія могла сказать: Испанія одна изъ моихъ провинцій!... Нѣтъ, никогда, государь. Чтобъ предупредить подобный стыдъ и такія несчастія,— *два милльона храбрецовъ готовы, если нужно, переступить Пиринеи.*"

Кларке поручено было доказать, что послѣднія слова не были пустою метафорою. Донесеніе Кларке начиналось утвержденіемъ, что никогда во Франціи не существовало лучшихъ и болѣе многочисленныхъ армій, и вслѣдствіе этого онъ заключилъ, потребовавъ у Сената не обыкновенной уже конскрипціи въ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, но набора въ *сто шестьдесятъ тысячъ*. Захватъ впередъ былъ уже

---

[186]) Документы, сообщенные Сенату въ засѣданіи 5 сентября: *Archives parlementaires.* *Прим. автора.*

не годовой, а шестнадцати-мѣсячный. Непомѣрный этотъ призывъ поражалъ въ одно время и молодыхъ людей, которые подлежали только конскрипціи 1810 г., и тѣхъ которые избѣгнули прежнихъ, столь тягостныхъ наборовъ: „и что же тутъ было бы необыкновеннаго, говоритъ Кларке: — еслибъ громадное населеніе Франціи представило зрѣлище милльона невооруженныхъ человѣкъ, готовыхъ наказать Англію". Необыкновенно было то, что этотъ милльонъ вооруженныхъ людей, сталъ за дѣло, некасавшееся его, и что онъ смиренно допускаетъ себя намѣтить, какъ стадо, отправляемое на бойню. О революціи говорили, что она пожирала своихъ дѣтей, подобно Сатурну, но что значили убійства Террора въ сравненіи съ этимъ страшнымъ принесеніемъ въ жертву людей, исполненнымъ хладнокровно, съ спокойнымъ удовольствіемъ жнеца, срѣзывающаго колосья.

Виновникъ этихъ человѣко-убійственныхъ дѣлъ обратился самъ посредствомъ предложенія въ Сенатъ, чтобъ дать ему лучше почувствовать необходимость повиновенія: „Онъ налагалъ, говоритъ онъ:—*съ довѣріемъ* эти новыя пожертвованія на свои народы; это было необходимо, чтобъ избавить ихъ отъ пожертвованій болѣе значительныхъ, чтобъ привести къ великимъ результатамъ всеобщаго мира." Каждая война во время имперіи была послѣднею, подобно какъ во время Террора каждое изгнаніе было послѣднимъ. „Французы, прибавляетъ Наполеонъ: — во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ одна только цѣль—*ваше счастье и обезпеченіе вашихъ дѣтей*. Вы столь часто говорили мнѣ, что *любите меня!* я удостовѣрюсь въ истинѣ вашихъ чувствъ, по той готовности, какую выкажете вы помочь предпріятіямъ, такъ тѣсно связаннымъ съ вашими самыми драгоцѣнными интересами, съ честью имперіи и *моею славою*." Нелегко было-бы доказать какимъ образомъ эти интересы, это счастье, эта слава—могли заключаться въ томъ, чтобъ покрыть кровью и развалинами испанскій полуостровъ. Если Франція дѣйствительно любила На-

полеона, то она была жестоко вознаграждена, и эта нѣжная душа требовала страшныхъ доказательствъ любви!

Ласепедъ снова и въ этомъ случаѣ былъ истолкователемъ чувствъ Сената: „Анархія", сказалъ онъ:—это слѣпое и свирѣпое чудовище, отъ которой геній Наполеона освободилъ Францію, зажгло свои факелы и воздвигаетъ эшафоты въ Испаніи! Англія поспѣшила бросить туда свои фаланги и смѣшать свои знамена съ отвратительными значками сторонниковъ Террора.... И рука императора освободитъ испанцевъ! О, какъ царственныя тѣни Людовика XIV, Франциска I и Генриха Великаго должны утѣшиться при этомъ великодушномъ рѣшеніи Наполеона!... Французы отвѣтятъ на его священный зовъ. Онъ требуетъ новаго залога ихъ любви. Съ какимъ рвеніемъ они поспѣшатъ къ нему!" [187]).

Таковъ былъ тонъ эпохи. Я не остановлюсь для обсужденія—могла ли подобная рѣчь быть истинною. По крайней мѣрѣ сомнительно, чтобъ когда нибудь истинное чувство выражалось такъ на какомъ бы то ни было языкѣ. Полезнѣе и интереснѣе всего—это доискиваться какимъ образомъ и зачѣмъ этотъ языкъ могъ обольщать современниковъ, ибо нельзя не допустить, чтобъ они не были къ нему не чувствительны въ нѣкоторой мѣрѣ, ибо важнѣйшее государственное учрежденіе считало обязанностью употреблять его. Слогъ этотъ, въ то время столь распространенный, служилъ лишь новымъ примѣненіемъ театральнаго декламаторскаго вкуса, который всегда былъ стыдомъ и бичемъ нашей націи, но который въ особенности отмѣтилъ упадокъ французской революціи. Замѣните Наполеона народомъ, и вы увидите въ эпоху, предшествовавшую имперіи, тысячу образцовъ рѣчи Ласепеда. льстецы перемѣнили господина, но лесть осталась тѣмъ, чѣмъ была—претендательною, напыщенною и низкою. Самъ Напо-

---

[187]) Рѣчь графа Ласепеда въ засѣданіи 10 сентября 1810. *Archives parlementaires.*

леонъ сначала понялъ все, что въ этой лживой реторикѣ было благопріятнаго его лживому величію, и поэтому онъ ободрялъ ее, что самъ проповѣдывалъ для примѣра. Притворство было всеобщимъ; сверху до низу въ обществѣ всѣ декламировали — одни приказывая, другія повинуясь; и этотъ родъ не замедлилъ дойти до послѣдней степени униженія, но, можетъ быть, сдѣлался популярнѣе. Можно совершенно справедливо утверждать исторически, что искусство и нравы имперіи сильно укрѣпили одну наклонность, которая, измѣнивъ простоту національнаго генія и унизивъ наши ораторскія формы, сдѣлала изъ нашего большинства вѣрную добычу самыхъ жалкихъ политическихъ шарлатановъ.

Сто шестьдесятъ тысячъ человѣкъ новаго набора были предназначены замѣнить на Рейнѣ старыя войска, которыя Наполеонъ выводилъ изъ глубины Германіи въ Испанію; впрочемъ онъ оставилъ двадцать тысячъ въ резервѣ, не считая обстоятельствъ на столько уже настоятельными, чтобъ требовать все [188]). Независимо отъ 60,000 человѣкъ, оставшихся на Эбро съ королемъ Іосифомъ, отъ 15,000, занимавшихъ крѣпости Каталоніи, онъ хотѣлъ ввести въ Испанію 200,000 солдатъ, испытанныхъ въ сѣверныхъ войнахъ, чтобъ однимъ разомъ задушить возстаніе. Онъ разсчитывалъ что съ этимъ наборомъ ему остается еще въ Германіи 200,000 французовъ, подъ начальствомъ маршаловъ Даву и Бернадотта, 100,000 контингентовъ Рейнскаго союза, и наконецъ на Изонцо 100,000 подъ начальствомъ принца Евгенія, т. е всего 400,000 солдатъ, чтобъ держать въ нормальномъ состояніи Австрію [189]). Вслѣдствіе этого великая армія была разорвана и преобразована подъ именемъ Рейнской арміи. Испанская армія была раздѣлена сперва на шесть, а потомъ

---

[188]) Наполеонъ къ Лакуэ 10 сентября 1808. *Прим. автора.*

[189]) Наполеонъ къ Іерониму 7 сентября; къ Сульту, 10 сентября. *Прим. автора.*

окончательно на восемь корпусовъ, которые Наполеонъ роздалъ лучшимъ своимъ генераламъ—Нею, Ланну, Сульту, Виктору, Сенъ-Сиру, Лефебру, Мортье, Жюно. Въ эти войска онъ ввелъ много полковъ сформированныхъ изъ итальянцевъ, поляковъ, голландцевъ, испанцевъ, понуждая всѣ эти національности, оплакивавшія утраченную свободу, сражаться для порабощенія единственнаго народа, котораго примѣру они должны бы слѣдовать.

Всѣ эти солдаты, которымъ столько разъ повторялось, что они завоевали міръ на берегахъ Нѣмана и которыхъ такъ скоро призывали завоевать его на Гвадалквивирѣ, можетъ быть могли догадаться, что нѣсколько злоупотребляли ихъ легковѣріемъ; они могли утомиться отъ этихъ знаменитыхъ, но страшно-мучительныхъ прогулокъ, можетъ быть имъ надоѣли эти обѣщанія, никогда неисполняемыя, и это дѣло, съ такимъ трудомъ исполненное и которое приходилось начинать снова. Надобно было предупредить эти опасныя съ ихъ стороны разсужденія, надо было ихъ ошеломить, отнять у нихъ сознаніе собственнаго положенія и вести въ испанскую западню, какъ на пиршество. Наполеонъ велѣлъ имъ приготовить великолѣпный пріемъ въ городахъ, черезъ которые должны они были переходить съ Рейна къ Пиренеямъ, а такъ какъ муниципалитеты не были на столько богаты, чтобъ сдѣлать это на свой счетъ, онъ велѣлъ назначить имъ по три франка за человѣка: „Рѣчи, куплеты, даровые спектакли, обѣды,—писалъ онъ министру внутреннихъ дѣлъ:—вотъ чего я ожидаю отъ гражданъ для солдатъ, вступающихъ побѣдителями“ [190]). Въ Мецѣ, Нанси, Реймсѣ, Парижѣ, Турѣ, Буржѣ, Бордо героевъ великой арміи принимали шумными празднествами, которыя однакожь не помѣшали имъ забыть, что они были похожи на тѣхъ прохо-

[190]) Наполеонъ къ Крете, 3 сентября.

дящихъ гостей, которыхъ впускаютъ на сценѣ въ одну дверь, чтобъ немедленно же выпустить въ другую. По крайней мѣрѣ Наполеонъ думалъ такъ по видимому, ибо солдаты наши не прошли еще и половины маршрута, какъ онъ снова писалъ къ Крете „заказать въ Парижѣ *пѣсни*", предназначенныя для возбужденія въ нихъ энтузіазма. Но какой же предметъ избирать для этихъ пѣсень? Тирановъ? но о нихъ не должно было болѣе говорить дурно. Отечество? Всѣ знали наконецъ, что ему не угрожала опасность. Коварный Албіонъ—слишкомъ избитая тема. Пусть говорятъ, пишетъ Наполеонъ, *о свободѣ.... морей!* [191]). Свобода морей, какой неотразимый стимулъ для воображенія поэта и для героизма солдата! „Вы закажете, прибавилъ онъ: — три рода пѣсень, чтобъ солдатъ не слышалъ одного и того же два раза." Въ жизни дѣйствительной, какъ и на театрѣ, мы знаемъ, не должно смотрѣть сблизи на эти тайныя пружины, съ помощью которыхъ производятся большія перемѣны на сценѣ, изъ боязни преувеличивать ихъ важность; и употребивъ эту предосторожность, мы принуждены будемъ согласиться, что никогда болѣе жалкія машины не приводили въ дѣйствіе болѣе тонкой постановки.

Императоръ Александръ выѣхалъ уже въ Эрфуртъ, въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ высшихъ сановниковъ двора, въ томъ числѣ братъ его великій князь Константинъ и его министръ, старикъ Румянцевъ, единственный почти сторонникъ, котораго имѣлъ французскій союзъ въ Россіи. Александръ оставилъ Петербургъ къ величайшей скорби своихъ подданныхъ, весьма враждебныхъ новой политикѣ, и не смотря на просьбы своей матери, которой путешествіе это внушало живѣйшую тревогу. Достовѣрно, что развязка байонскаго свиданія неспособна была внушить Александру

---

[191]) Наполеонъ къ Крете, 17 сентября 1808 г. *Прим. автора.*

довѣрія безъ помѣхи, но его положеніе было далеко не похоже на положеніе короля Испанскаго. Овладѣвъ особою Фердинанда, Наполеонъ могъ думать съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, что въ тоже время овладѣвалъ и его королевствомъ; подобная мечта была невозможна съ Россіею. Попытка эта впрочемъ весьма плохо удалась ему, чтобъ онъ думалъ начать ее съизнова.

Всегда опасно, и часто бываетъ ребячествомъ желаніе истолковать тайныя чувства историческихъ личностей. Но если познаніе людей и сила обстоятельствъ произвела на Александра свое обычное дѣйствіе, то позволительно сказать, что на это свиданіе онъ приносилъ весьма посредственную симпатію къ своему августѣйшему другу. Соблазненный тильзитскими обѣщаніями, онъ пожертвовалъ Наполеону своими благородными мечтаніями юности, своею популярностью въ Европѣ, суевѣрною почти любовью своихъ подданныхъ,—и послѣ всѣхъ этихъ пожертвованій — обѣщанія не были исполнены. Онъ получилъ отъ него только одинъ изъ тѣхъ подарковъ, за которыми всегда слѣдуетъ неблагодарность, потому что ихъ принимаютъ краснѣя — мы говоримъ о Финляндіи оторванной у родственника. И если Наполеонъ казался теперь болѣе расположеннымъ исполнить свои обязательства, Александръ зналъ какому обстоятельству онъ былъ обязанъ этою неожиданною любезностью; самые его придворные не стѣснялись говорить вокругъ него: „Императоръ Александръ велѣлъ построить много церквей, сказалъ посланникъ Толстой своему брату графу Николаю: — посовѣтуй ему построить одну *Notre-Dame del secoro d'Espagne*[192]).

Дѣйствительно, въ Испаніи была единственная причина возрастанія дружбы, которую показывалъ Наполеонъ Александру. Дѣла, которыя нужно было устроить ему съ царемъ,

---

[192]) Графъ де-Метръ, Corresp. diplom. *Прим. авт.*

могли быть обсуждаемы въ Парижѣ такъ же хорошо какъ и въ Эрфуртѣ, и точно также на письмѣ какъ и при свиданіи. Дѣла, о которыхъ предстояло бесѣдовать двумъ государямъ, не заключали въ себѣ ничего, что требовало бы личнаго свиданія; ихъ изліянія не могли быть слишкомъ нѣжны послѣ столькихъ временныхъ неудовольствій. Наполеонъ заранѣе рѣшился удовлетворить своего союзника, уступить ему княжества Молдавію и Валахію, бывшія причиною ихъ взаимнаго охлажденія; это не былъ человѣкъ, способный измѣнять свои планы подъ впечатлѣніемъ разговора. Кромѣ того, онъ не могъ скрыть отъ себя, что положеніе его относительно Александра было далеко не столь выгодно какъ въ Тильзитѣ. Обаяніе его, тогда еще всецѣлое, съ тѣхъ поръ значительно уменьшилось. Арміи его, до того считавшіяся непобѣдимыми, потерпѣли унизительныя и печальныя неудачи. Это были для него весьма важныя причины, чтобъ избѣгать свиданія, которое неизбѣжно должно было вызвать подобныя воспоминанія.

Но нужда говоритъ гораздо громче гордости. Послѣ большаго отступательнаго движенія, которое исполнили его войска отъ Одера къ Рейну, и въ моментъ ихъ углубленія въ Испанію, ему во что бы то ни стало необходима была манифестація такого свойства, чтобъ устрашить Европу; но для достиженія этого дѣйствія, ему уже было недостаточно объявленія франко-русскаго союза, а онъ хотѣлъ публично заявить свою дружбу съ императоромъ Александромъ такимъ образомъ, чтобъ поразить всѣхъ. Онъ подумывалъ даже просить у него руки одной изъ его сестеръ, чтобъ дружба эта казалась болѣе неразрывною. Удивительный этотъ impresario значитъ хорошо разсчиталъ всѣ положенія, чтобъ дать Европѣ это блистательное представленіе. Но выгоды эрфуртскаго свиданія ограничились единственно — поднятіемъ мнѣнія, которое было впрочемъ весьма проходящимъ. И хотя Наполеонъ получилъ лишь моральную поддержку въ замѣнъ

многихъ существенныхъ уступокъ, однако въ Эрфуртѣ онъ казался почти обязаннымъ государю, котораго повидимому былъ покровителемъ въ Тильзитѣ.

Оба императора встрѣтились 27 сентября на дорогѣ изъ Веймара въ Эрфуртъ. Они обнялись съ тою кажущеюся искренностью, которой тайну знаютъ одни только государи, въ особенности если они обнимаются для того, чтобъ задушить другъ друга. Они вмѣстѣ въѣхали верхами въ городъ среди огромнаго стеченія народа. Наполеонъ хотѣлъ, чтобъ пріемъ по своему великолѣпію былъ достоинъ знаменитыхъ гостей, назначившихъ свиданіе въ Эрфуртѣ. Съ большими издержками онъ велѣлъ прислать бронзу, фарфоръ, богатѣйшіе обои, самую роскошную мебель. Онъ хотѣлъ, чтобъ Французская Комедія (Comédie Française) помогла возвысить блескъ этихъ праздниковъ, давая въ присутствіи царственныхъ слушателей главнѣйшія произведенія нашей драматургіи отъ *Цинны* до *Смерти Цезаря.* Дни посвящались прогулкамъ, военнымъ маневрамъ и охотѣ въ саксонскихъ лѣсахъ. Оба императора обѣдали у Наполеона, потомъ ѣздили въ театръ слушать Корнеля, Росина, Вольтера, передаваемыхъ игрою Тальмы и m-lle Дюшенуа. Вечера оканчивались у Русскаго императора.

Всѣ кліенты Наполеона поспѣшили отвѣчать на его призывъ, явясь въ Эрфуртъ, ибо онъ не терялъ изъ виду своей главнѣйшей цѣли, и хотѣлъ предстать предъ Европою окруженный королями. Въ свитѣ его были короли Баварскій, Виртембергскій, Саксонскій, Вестфальскій, принцъ Вильгельмъ Прусскій, и рядомъ съ этими звѣздами первой величины виднѣлась тусклая плеяда принцевъ Рейнскаго союза. Собраніе это, исключительно почти германское, должно было въ особенности показать нѣмецкимъ идеологамъ всю суетность ихъ мечтаній. Развѣ здѣсь не было всего, что считалось въ Германіи, властью, знатностью, богатствомъ. Развѣ не доходило дотого, что дали понять, что Австрійскій императоръ умолялъ,

безъ успѣха, — о милости быть допущеннымъ на Эрфуртскія конференціи [193]). Слухъ этотъ былъ мало вѣроятенъ, ибо послѣ подобнаго оскорбленія Австрійскій императоръ не посылалъ бы въ Эрфуртъ барона Винцента съ письмомъ, наполненнымъ самыми льстивыми любезностями къ императору Французовъ; но легковѣріе, съ которымъ принимаются подобные слухи, даетъ понятіе о тонѣ высокомѣрія и всемогущества, какой принимали въ Эрфуртѣ два распорядителя Европы. И рядомъ съ этими сильными земли, довольными своимъ подданствомъ и гордившимися быть царедворцами короля надъ королями, чтожъ могли значить бѣдные заговорщики Тугендбунда или Дейчбунда? Не было никакого неудобства оставить ихъ въ покоѣ, въ ихъ пещерахъ исповѣдывать свою мистическую любовь къ великой *Тевтоніи* — абстракціи метафизиковъ, достойной такого химерическаго культа.

Вскорѣ произошло еще болѣе жестокое разочарованіе — короли интеллигенціи въ свою очередь явились склониться передъ Цезаремъ. Гете и Виландъ были представлены Наполеону; они явились при дворѣ и славою своею послужили къ украшенію его торжества. Германскому патріотизму пришлось перенести тяжелое испытаніе въ Эрфуртѣ, но можно сказать, что изъ всѣхъ униженій испытанныхъ нѣмцами, самое огромное было то, что ихъ величайшій литературный геній воспользовался милостями угнетателя ихъ страны.

---

[193]) Фактъ этотъ, выставленный съ нѣкоторою легкостью Люкезини, Биньономъ и другими историками, окончательно опирается лишь на двусмысленномъ заявленіи, заключающемся въ рапортѣ Шампаньи (отъ 2 марта 1809), который приписываетъ Меттерниху слѣдующія слова: «Конечно, еслибъ императоръ *захотѣлъ допустить* въ Эрфуртъ императора моего государя, или *еслибъ только онъ позволилъ мнѣ туда отправиться, какъ я и предлагалъ....*» Очень вѣроятно, что Меттернихъ просилъ позволенія только для себя, и между тѣмъ слишкомъ боясь его проницательности, чтобъ дозволить ему это. *Прим. автора.*

Сверстники Гете всегда питали къ нему неудовольствіе за его выходку предъ Наполеономъ; наше поколѣніе оказалось болѣе снисходительнымъ, и въ наше время прозрачная критика недалека отъ того, чтобъ отнести это къ его славѣ. Она здѣсь видитъ знакъ почти божественной чистоты, безпристрастную понятливость стоящаго выше мелкихъ дрязгъ житейскихъ. Самъ Гете слишкомъ остерегался впасть въ этотъ паѳосъ; было бы несправедливо подвергать его за это отвѣтственности. Онъ ограничился въ своихъ разговорахъ съ Эккерманномъ защитою смягчающихъ обстоятельствъ. По всѣмъ вѣроятіямъ онъ принялъ бы только съ мефистофелевскою улыбкою мечтанія своихъ хвалителей. Гораздо скромнѣе было то оправданіе, которое онъ представилъ. Обобщая обращенный къ нему упрекъ, онъ разсматривалъ съ видимымъ волненіемъ, сквозь которое сквозило какъ бы слабое угрызеніе, могъ ли онъ и долженъ ли онъ былъ совершить, въ пользу угнетеннаго отечества, воинственное и благородное дѣяніе Кернера, Арндта, Рюккерта и вмѣсто того, чтобъ ссылаться на безусловную несовмѣстность между рѣчью поэта и гражданина, онъ извинялся, что ему тогда было шестьдесятъ лѣтъ, а не двадцать, что онъ уже не въ состояніи былъ ни почувствовать, ни высказать воинственнаго чувства, къ чему можно присовокупить, что Гете во многихъ отношеніяхъ оставался человѣкомъ прежняго правительства, что онъ служилъ при дворѣ великаго герцога Веймарскаго — обстоятельство стѣснительное даже для Олимпійца: „Какимъ образомъ, говорилъ онъ:—могъ я приняться за оружіе безъ ненависти? А какъ я могъ ненавидѣть не будучи молодъ? Еслибъ это происшествіе случилось со мною въ двадцать лѣтъ..... я не остался бы послѣднимъ. При томъ же не можемъ мы всѣ служить нашему отечеству одинаковымъ образомъ; каждый дѣлаетъ что можетъ на томъ поприщѣ, которое опредѣлено ему Богомъ. Я довольно мучился въ теченіе полувѣка, не позволялъ себѣ никакого развлеченія,

не зналъ ни днемъ, ни ночью отдыха; я постоянно шелъ впередъ, всегда искалъ, всегда дѣйствовалъ какъ могъ. Еслибъ каждый могъ сказать то же самое, все было бы хорошо [194]).

Отличная похвала и достойная этого великаго ума, стоявшаго столь выше его печальной школы. Поставленный подобнымъ образомъ вопросъ весьма извинителенъ, ибо не претендуетъ на заслугу. Конечно геній подобнаго рода оказываетъ такія же большія услуги человѣчеству, создавая творенія, возвышающія умъ человѣка, какъ и присоединяясь къ самому законному возстанію. Кто отдаетъ свой долгъ въ качествѣ мыслителя, того можно освободить отъ уплаты въ качества солдата. Но именно потому, что пробѣгаютъ къ этого рода изъятію,—слѣдуетъ, что будетъ болѣе великъ, кто можетъ исполнить обѣ обязанности вмѣстѣ. Но эта искусная защита, замѣтьте, стремится оправдать воздержаніе и нейтралитетъ, но не разрѣшаетъ потворства. Можно извинить поэту, что онъ не дѣйствовалъ какъ патріотъ, но нельзя простить ему отсутствія чувства патріотизма, если уже не извести его въ послѣдній рядъ виртуозовъ. Поэтому Гете, явившійся привѣтствовать Наполеона и получившій отъ него орденъ Почетнаго легіона въ присутствіи униженной Германіи, не былъ ни равнодушнымъ, ни любопытнымъ человѣкомъ; онъ совершилъ только актъ согласія, вышелъ изъ того положенія пассивнаго смиренія, куда по его словамъ хотѣлъ скрыться, и наносилъ болѣзненный ударъ тѣмъ, кто приготовлялся биться за освобожденіе отечества. Онъ самъ разсказалъ въ одномъ подробномъ приключеніи о своемъ лестномъ пріемѣ у Наполеона. Посмотрѣвъ нѣсколько времени молча на него, императоръ сказалъ ему: „*Вы человѣкъ, господинъ Гете!*“ Конечно похвала была велика и заслуженна. Но признавая, что дѣйствительно Гете былъ человѣкомъ

---

[194]) *Бесѣды Гете*, переводъ Дельро, t. II. V., а также его *разговоръ* съ Люденомъ въ 1813. *Прим. автора.*

въ высшемъ значеніи этого слова, надобно прибавить, что въ этомъ случаѣ онъ былъ только камергеромъ.

Какъ только произведенъ былъ театральный эффектъ, который Наполеонъ имѣлъ въ виду при этомъ торжественномъ Эрфутскомъ парадѣ,—главная цѣль его была достигнута, ибо политическіе вопросы, которые оставалось ему разрѣшать съ Александромъ, не могли представлять никакого серьезнаго затрудненія. Предъ немедленною и несомнѣнною уступкою такихъ важныхъ провинцій какъ Молдавія и Валахія, Александръ безъ большаго труда отказался отъ раздѣла Оттоманской имперіи, съ которымъ его водили болѣе года. Онъ долженъ былъ тѣмъ легче согласиться, что вознагражденіе, какого требовали за такую драгоцѣнную для него выгоду, было гораздо меньше нежели въ Тильзитѣ. Дѣйствительно, по Эрфуртскому трактату, Александръ обязывался продолжать оказывать Наполеону свое содѣйствіе въ войнѣ съ Англіею (§ 2), и въ случаѣ надобности съ Австріею, но испанскія дѣла отбрасывали на третій планъ всякую попытку противъ Англіи; что же касается до случайной войны съ Австріею, то условія были составлены въ такихъ неопредѣленныхъ и общихъ чертахъ, что мѣры, предложенныя Александромъ, почти предоставлялись его усмотрѣнію. Онъ обязывался только „*объявить себя* противъ Австріи, на случай Австрія объявила бы войну Франціи." Франція съ своей стороны обязывалась дѣйствовать за-одно съ Россіею, еслибъ Австрія воспротивилась занятію княжества. Единственное серьезное обстоятельство, какое налагалъ трактатъ на Александра, было признаніе „новаго порядка вещей, установленныхъ Франціею въ Испаніи"; но кто же не видитъ, что это признаніе не только не требовало отъ него никакой жертвы, а напротивъ доставляло большое удовольствіе? Онъ дѣйствительно доказалъ, что эта испанская война, причина всѣхъ нашихъ бѣдствій и которой нейтрализовали насъ въ Европѣ, готовилась связать намъ руки. Въ

замѣнъ за двѣ провинціи, которыхъ Турція не могла у него оспорить, Александръ намъ уступалъ вулканъ въ изверженіи, который долженъ былъ поглотить наши арміи и продолжить наши замѣшательства до безконечности. Печальный даръ, который императоръ Александръ предлагалъ намъ съ такою любезностью, оставлялъ ему лишь одно сожалѣніе, что у него не было нѣсколькихъ Испаній, чтобъ подарить намъ!

Эрфуртскій трактатъ, какъ и тильзитскій сопровождался предложеніемъ Англіи мира, на основаніи *uti possidetis*. Распоряженіе это вызвало короткій споръ, который слишкомъ характеристиченъ, чтобъ обойдти его молчаніемъ. Такъ какъ Англія предлагала миръ, первымъ условіемъ котораго было предварительное согласіе на владычество Наполеона въ Испаніи и Португаліи, а императора Александра въ Финляндіи и Дунайскихъ княжествахъ, то и высокія договаривающіяся стороны не могли скрывать отъ себя, что предложеніе ихъ сильно рисковало не быть даже выслушаннымъ. Наполеонъ предложилъ избѣгнуть этого предусмотрѣннаго затрудненія, откладывая всякое сообщеніе Турціи касательно княжествъ до полученія отвѣта отъ Британскаго кабинета. Какъ только Англія, говорилъ онъ, согласится на миръ, какъ только въ пользу мира склонится одинъ изъ большихъ потоковъ общественнаго мнѣнія, которое тамъ предписываетъ законъ правительству, она почувствуетъ, что зашла слишкомъ впередъ, чтобъ возвращаться и будетъ принуждена согласиться на все, и Александръ можетъ, не нарушая приличій, обнаружить свои намѣренія, разорвавъ съ Турціею. Если же, напротивъ, этотъ разрывъ случился бы прежде, то прибытіе извѣстія въ Англію, что заинтересована такая держава, сдѣлала бы ее требовательнѣе [195]).

---

[195]) Наполеонъ къ Шампаньи, 8 октября 1808. *Прим. автора.*

Никогда безчестный договорщикъ аміэнскаго и другихъ трактатовъ, которые нарушались, едва успѣвъ заключиться, не выставлялъ такъ рельефно пріемовъ своей коварной дипломатіи. Но Александръ былъ слишкомъ проницателенъ, чтобъ не видѣть, что предложенная отсрочка была обоюдо остріемъ, которое могло поражать Россію также какъ и Англію. Если бы дѣйствительно Наполеонъ сошелся съ Британтскимъ кабинетомъ, то кто могъ поручиться Александру, что эта отсрочка не была окончательная? Развѣ уже не былъ однажды онъ обманутъ, послѣ самыхъ формальныхъ обѣщаній? И если уже Наполеону было такъ дорого щадить Англію, не могъ ли онъ самъ отложить свои намѣренія, столь ненавистныя этой державѣ? Вслѣдствіе этого Александръ предписалъ своему министру Румянцеву быть непоколебимымъ, и упорство увлекло его: „Румянцевъ, писалъ Шампаньи своему государю: — хочетъ точности во всемъ. Онъ скорѣе согласится на болѣе продолжительную отсрочку, только, чтобъ она была опредѣлена. Неясность тильзитскихъ условій, сказалъ онъ, много намъ повредила; одна армія была потеряна и вотъ единственный результатъ нашего союза съ вами... *чувство, просвѣчивающее въ каждомъ словѣ, было недовѣріе, недовѣріе относительно событій и также недовѣріе относительно нашихъ намѣреній.*"

Пока оба министра боролись, чтобъ найдти подходящую редакцію, которая позволила бы имъ—дурно ли хорошо ли прикрыть свои неудовольствія, оба государя продолжали расточать другъ другу всевозможныя свидѣтельства самой живѣйшей пріязни. Они не могли болѣе разлучаться. Они вездѣ показывались вмѣстѣ, въ театрѣ, на прогулкахъ, на охотѣ: надобно было, чтобъ всѣ считали ихъ неразлучными. Что же касается до неудовольствій, питаемыхъ ими въ душѣ, то объ этомъ разсуждали ихъ министры. Благодаря этому благоразумному пріему, все устроивалось къ лучшему, и государи могли показываться въ глубинѣ съ свѣтлыми

лицами, блестѣвшими взаимною симпатіею. Извѣстно какъ на представленіи „Эдипа“, Александръ примѣнилъ къ Наполеону столь знакомый стихъ:

„L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux.“
(Дружба великаго человѣка—благодѣяніе боговъ.)

Впрочемъ княжества весьма стоили комплимента, и Александръ получалъ ихъ, безъ ограничительной статьи, которую союзникъ его хотѣлъ включить въ обмѣнъ. Онъ получилъ также переводъ двадцати милліоновъ на Пруссію, въ обмѣнъ на обѣщаніе не принимать никакого участья въ Италіи и Ганноверѣ. Не былъ Наполеонъ счастливѣе и въ переговорахъ совсѣмъ другаго рода, которые онъ поручалъ Талейрону вести съ императоромъ Александромъ. Питая нѣсколько времени надежду, что ему предложатъ добровольно, то, чего разпопросить онъ желалъ такъ пламенно, Наполеонъ, почти раздосадованный, что его не угадали, кончилъ тѣмъ, что ввѣрилъ Талейрану щекотливое порученіе вывѣдать у Александра относительно семейнаго союза. Ему надобно было наконецъ обнаружить эту тайну его честолюбія, этотъ столько разъ опровергаемый замыселъ развода съ бѣдною Жозефиною! У императора Александра была сестра великая княжна Екатерина, которая, по отзывамъ всѣхъ современниковъ, не только была прелестная особа, но и необыкновенно высокаго ума. Мы приведемъ одинъ примѣръ. Генералъ Моро, который часто видѣлъ ее въ 1813, говоритъ о ней въ своей частной перепискѣ, какъ о замѣчательной особѣ, какую онъ когда либо видывалъ въ жизни. На нее-то Наполеонъ обратилъ взоры. Предложеніе было сдѣлано съ тѣмъ утонченнымъ тономъ, котораго въ правѣ было ожидать отъ Талейрана, и Александръ принялъ его необыкновенно любезно. Для него было сообщеніе очень щекотливо, ибо съ одной стороны онъ боялся оскорбить человѣка, отъ котораго ожидалъ столь значительныхъ выгодъ, а съ другой не хотѣлъ

навязывать ни своему народу, ни своему семейству, ни наконецъ своей сестрѣ союза, который, какъ онъ зналъ, былъ имъ ненавистенъ, и который ему самому внушалъ мало симпатіи. Онъ искусно устранилъ эти затрудненія, ссылаясь на необходимость уговорить мать, рѣшительно враждебную французскому вліянію, и которая была безусловною повелительницею въ своемъ семействѣ. Онъ выразилъ Наполеону самое лестное сожалѣніе, благодарилъ за честь, которую онъ хотѣлъ оказать Русскому императорскому дому, выказалъ даже надежду устроить со временемъ, къ обоюдному ихъ удовольствію, этотъ союзъ, который былъ однимъ изъ его дорогихъ желаній, но Наполеонъ ничего не получилъ больше. Какъ ловкій человѣкъ, Талейранъ воспользовался этимъ сватовствомъ и женилъ своего племянника Эдмонда Перигора на герцогинѣ Курляндской, царской родственницѣ [198]). Вотъ былъ видный результатъ французской дипломатіи въ Эрфуртѣ.

---

[198]) Meneval. Souvenirs historiques. *Прим. авт.*

ГЛАВА XI.

Наполеонъ въ Испаніи. (Ноябрь 1808.—Январь 1809).

Не успѣлъ еще Наполеонъ уладить своихъ сдѣлокъ съ императоромъ Александромъ, какъ поспѣшилъ дать это почувствовать Европѣ своимъ высокомѣрнымъ и вызывающимъ тономъ. Въ особенности Австріи, единственной континентальной державѣ, которая была еще въ состояніи помѣшать ему, онъ хотѣлъ дать почувствовать послѣдствія этой новой перемѣны фортуны; но не будучи никогда въ состояніи удержаться при успѣхахъ, онъ вмѣсто того, чтобъ показаться твердымъ и рѣшительнымъ, разразился угрозами и бравадами. Онъ отвѣчалъ 14 октября на чрезвычайно любезное письмо, которое баронъ Винцентъ привезъ ему 29 сентября отъ Австрійскаго императора. Напомнивъ этому государю, *что онъ, Наполеонъ, былъ властенъ раздробить Австрійскую монархію, но не хотѣлъ этого*—намекъ, во-первыхъ дурнаго тона, а потомъ недобросовѣстный, ибо даже послѣ Аустерлица онъ не могъ этого исполнить, не погубивъ себя, Наполеонъ даетъ Австрійскому императору рядъ предостереженій, изъ которыхъ каждое наносило рану достоинству этого государя: „*Если ваше величество существуете теперь какъ есть,—это съ моего согласія.* Это служитъ очевиднѣй-

шимъ доказательствомъ, что наши счеты покончены, и я ничего не хочу отъ васъ... но ваше величество *не должны* оспаривать того, что покончено пятнадцатилѣтнею войною; *вы должны* запрещать всякую выходку, вызывающую военныя дѣйствія... удержитесь отъ всякаго вооруженія, *которое можетъ причинить мнѣ безпокойство*, и не дѣлайте диверсій въ пользу Англіи... Не довѣряйте тѣмъ, которые, говоря вамъ объ опасностяхъ, угрожающихъ вашему государству, нарушаютъ такимъ образомъ счастье ваше, вашего семейства и вашихъ народовъ!“

Этотъ серьозный совѣтчикъ, который могъ бы прежде всего самъ воспользоваться уроками, на которые былъ такъ щедръ, окончивъ эту нотацію, выставилъ правило, чрезвычайно значительное въ его устахъ: „Лучшая политика въ настоящее время, говорилъ онъ:—это *Простота и Истина!*“, Подобное заявленіе начертанное рукою, которая недавно подписала Байленскіе договоры, было въ высшей степени любопытно, настоящій королевскій кусокъ. Оно служило рѣшительнымъ заявленіемъ искренности и добрыхъ намѣреній Наполеона. По этому Австрійскій императоръ, убѣжденный болѣе нежели когда нибудь въ необходимости воспользоваться единственнымъ случаемъ, какой представляла ему испанская война, продолжалъ свои вооруженія съ дѣятельностью, какую допускало его положеніе и сосѣдство такого подозрительнаго непріятеля.

Гораздо въ болѣе умѣренномъ тонѣ составлено было предложеніе мира, которое оба владыки Эрфурта согласились послать Англіи. Они указывали на обязанность уступить желаніямъ и нуждамъ всѣхъ народовъ -- прекратить бѣдствія Европы. Миръ былъ равно въ интересахъ какъ народовъ континентальныхъ, такъ и народовъ Великобританіи. Поэтому они соединились, чтобъ просить его британское величество послушать голосъ человѣчества, заставляя умолк-

нуть голосъ страстей для обезпеченія счастья Европы и настоящаго поколѣнія... (12 октября 1808).

Предложеніе это было сдѣлано въ формѣ письма, адресованнаго Англійскому королю, какъ и всѣ сообщенія этого карода, какія Наполеонъ и прежде посылалъ Британскому кабинету. Онъ всегда искалъ, но безуспѣшно, войдти въ прямыя и личныя сношенія съ этимъ государемъ, вступить съ нимъ въ одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, полныхъ очарованія, въ которыхъ онъ не зналъ себѣ соперниковъ, одно принятіе которыхъ было уже благовременнымъ согласіемъ. Никогда ему неудавалось получать въ отвѣтъ ни одного слова, подписаннаго Англійскимъ королемъ, и такъ какъ онъ не могъ понять, что конституціонная щекотливость играла извѣстную роль въ сопротивленіи, которое приводило его въ отчаяніе, то и подумалъ, что поставивъ на этотъ разъ имя Русскаго императора рядомъ со своимъ, онъ принудитъ короля Георга отступить отъ его системы. Что же касается до сущности самаго предложенія, то могъ ли онъ льстить себя надеждою, что оно будетъ принято? Это кажется вѣроятнымъ въ виду тѣхъ сложныхъ предосторожностей, которыя онъ рекомендуетъ двумъ министрамъ Шампаньи и Румянцеву, для устраненія всего, что могло бы причинить затрудненія, или возбудить британскую щекотливость. Но невозможно допустить, чтобъ онъ смотрѣлъ серьезно на это предложеніе, когда онъ пошелъ въ Испанію съ двумя стами тысячъ человѣкъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ предлагаетъ *uti possidetis*, основаніемъ переговоровъ. Какъ онъ могъ предложить, чтобъ Англія, начавшая войну за Мальту, прекратила ее въ то время, когда онъ овладѣвалъ Испаніею и Португаліею?

Какую ни питалъ бы онъ тайную мысль, но желаніе его было вдвойнѣ обмануто. Онъ не получилъ никакого отвѣта отъ короля Георга, а отвѣтъ, присланный ему министерствомъ чрезъ органъ Каннинга (28 октября), вскорѣ доказалъ Наполеону, что если онъ надѣялся устрашить испанскихъ инсур-

гентовъ извѣстіемъ о возникновеніи переговоровъ между Франціею и Англіею, то ошибся въ разсчетѣ. Нота, написанная Каннингомъ, не отвергая предложенія двухъ императоровъ, указывала ясно, что предложеніе ихъ могло быть принято въ такомъ лишь случаѣ, когда всѣ союзники Англіи будутъ допущены къ переговорамъ, и въ числѣ этихъ союзниковъ фигурировали не только Неаполитанскій, Португальскій и Шведскій короли, но и испанскіе инсургенты. Англія—говорилъ Каннингъ, не была еще связана съ Испаніею никакимъ формальнымъ договоромъ, но приняла относительно ея обязательствъ, священныхъ въ ея глазахъ, и которыя непремѣнно привязывали ее къ дѣлу этой націи.

Отвѣтъ этотъ мало оставлялъ надежды на соглашеніе. Онъ пришелъ въ Парижъ 31 октября; Наполеонъ уже выѣхалъ въ Испанію. Онъ промедлилъ двадцать дней съ отвѣтомъ на британскую ноту. 19 ноября, посылая Шампаньи проектъ возраженія, онъ далъ понять одну мысль, шевелившуюся въ немъ давно и которую, можетъ быть, внушали ему самые переговоры: „При этомъ прилагается, писалъ онъ:—проектъ ноты въ отвѣтъ на ноту г. Каннинга. Вы можете промедлить дня два, три для совѣщанія съ г. Румянцевымъ. Потомъ вы отправите ловкаго курьера, *который распуститъ слухъ*, что *Испанія покорилась* или скоро будетъ совершенно покорена, что уничтожено 80,000 испанцевъ и проч.“ Для увеличенія эффекта этихъ ложныхъ слуховъ, онъ приказалъ Фуше напечатать въ голландскихъ, германскихъ и парижскихъ газетахъ рядъ статей, извѣщающихъ сперва о приготовленіяхъ, потомъ о высадкѣ, наконецъ о полнѣйшемъ успѣхѣ положительно фантастической экспедиціи Мюрата въ Сицилію: „Заявите въ подробностяхъ, писалъ онъ ему:—что король Іоахимъ вышелъ съ 30,000 человѣкъ, что оставилъ регентшею жену, что высадился въ Фарѣ... *чтобъ повѣрили этому въ Лондонѣ, и чтобъ это могло ихъ встревожить.*“ (29 ноября). Все это чистая выдумка и должно было послужить предметомъ

для двѣнадцати статей. Значитъ, онъ располагалъ захватить и увлечь Англію съ помощью совершившагося факта. Впрочемъ онъ не отказывался допустить къ переговорамъ или короля, царствовавшаго въ Швеціи, или короля царствовавшаго въ *Сициліи*, или короля царствовавшаго въ *Бразиліи*; но на предложеніе допустить испанскихъ инсургентовъ „нельзя было смотрѣть со стороны англійскаго правительства *иначе, какъ на оскорбленіе*... Что сказалъ бы Британскій кабинетъ, еслибъ французское правительство предложило допустить *католическихъ инсургентовъ* Ирландіи?..“

Наполеонъ положительно ошибался, предполагая, что подобные доводы могли повліять на Британскій кабинетъ. Онъ сдѣлалъ еще болѣе важную ошибку, приписывая министерству Каннинга робость и ультра—мирныя стремленія кабинетовъ Аддингтона или Фокса. Не смотря на бѣдствія континентальныхъ державъ, сила и средства Англіи только увеличились въ эти послѣдніе годы. Континентальная блокада окончательно отдала ей въ руки монополію всемірной торговли, и въ особенности съ тѣхъ поръ какъ появились признаки распаденія исполинской Западной имперіи, никто въ Англіи ни правительство, ни народъ не желали мира. Вслѣдствіе этого Британскій кабинетъ поспѣшилъ положить конецъ этому подобію переговоровъ—чистымъ и категорическимъ объясненіемъ, неоставлявшимъ никакого мѣста для новыхъ обмановъ. Онъ торжественно заявилъ о своемъ твердомъ намѣреніи не покидать благородной испанской націи и возставать всѣми средствами противъ „захвата, подобнаго которому еще не было во всемірной исторіи“. За этою нотою слѣдовала декларація, обращенная къ Европѣ, заключавшая въ себѣ слѣдующія замѣчательныя слова: „Если между націями, сохраняющими предъ Франціею сомнительную и временную независимость, есть такія, которыя даже въ эту минуту колеблются между вѣрнымъ разореніемъ—необходимымъ послѣдствіемъ продолжительнаго бездѣйствія, и

невѣрными опасностями усилій для устраненія этого разоренія, обманчивая перспектива мира между Великобританіею и Франціею не замедлитъ оказаться крайне гибельною для этихъ націй. Тщетная надежда на возвратъ общественнаго спокойствія можетъ поколебать ихъ рѣшенія". (15 декабря).

Императоръ выѣхалъ изъ Парижа 29 октября, послѣ открытія сессіи Законодательнаго корпуса и послѣ торжественнаго заявленія „что онъ отправляется въ Мадридъ короновать Испанскаго короля и *водрузить свои орлы на фортахъ Лиссабона*"—тщеславное и театральное обязательство, которому не доставало единственнаго оправданія, могущаго служить ему извиненіемъ, т. е. быстраго и полнаго осуществленія. 3 ноября онъ былъ въ Байонѣ, ускоряя движеніе массы людей, лошадей, экипажей, которые въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не переставали переходить черезъ этотъ городъ. Изъ восьми корпусовъ, долженствовавшихъ составить Испанскую армію, независимо отъ гвардіи и тяжелой кавалеріи, около шести уже наводнили Полуостровъ, и только оставались позади корпуса Мортье и Жюно. Такъ какъ войска эти направлялись къ Пиринеямъ прежде нежели что нибудь было приготовлено для ихъ принятія, то проходъ такого громаднаго числа людей по дурнымъ дорогамъ и въ мѣстностяхъ, лишенныхъ всего, произвелъ неописанный безпорядокъ и увеличилъ всеобщую нищету грабежами и тѣхъ малыхъ средствъ, какія можно было промыслить. Наполеонъ поспѣшилъ ввести порядокъ съ помощью строгихъ выговоровъ своимъ военнымъ администраторамъ. Но здѣсь болѣе нежели гдѣ нибудь представляется случай замѣтить, что чрезвычайно внимательный ко всѣмъ мѣрамъ, обезпечивающимъ часто военные припасы войскъ, какъ боевые снаряды, одежда проч., онъ едва занимался тѣмъ, что служитъ къ благосостоянію и пищѣ солдата. Онъ даже отмѣнялъ послѣднее, чтобъ обратить вниманіе своихъ администраторовъ на другія мѣры: „Отошлите резервы быковъ, писалъ онъ Дежану:—я не нуждаюсь въ съѣст-

ныхъ припасахъ, у меня изобиліе во всемъ, недостаетъ только повозокъ, шинелей и башмаковъ; никогда еще я не видѣлъ страны, гдѣ бы армія лучше продовольствовалась". Соблюдая болѣе нежели когда нибудь правило, что война должна питать войну, желая въ особенности примѣнить его къ Испаніи, чтобъ дать ей лучше почувствовать тягость бѣдствій, которыя осмѣлилась она бравировать, онъ каждому корпусу предоставилъ заботу продовольствоваться самому и жить какъ онъ можетъ. Грабежъ вмѣсто того, чтобъ быть временнымъ злоупотребленіемъ, съ тѣхъ поръ сдѣлался правильнымъ и неизбѣжнымъ источникомъ для продовольствія войскъ. Изъ него сдѣлали военное учрежденіе. Несчастную Испанію собирались отдать уже не арміи, горѣвшей нетерпѣніемъ мести, но голоднымъ шайкамъ.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ наша армія оставалась почти неподвижно на своихъ позиціяхъ на Эбро, ограничиваясь отраженіемъ попытокъ, мало опасныхъ и плохо веденныхъ, которыя дѣлали инсургенты, чтобъ обойдти ее съ обоихъ фланговъ, съ одной стороны въ Бискайѣ къ Бильбао, съ другой на рѣкѣ Арагонѣ. Іосифъ, сгоравшій нетерпѣніемъ создать себѣ знатную военную репутацію, сочинилъ или принялъ множество плановъ нападенія и если можно для уничтоженія непріятельскихъ корпусовъ, но Наполеонъ наложилъ veto на всѣ эти прекрасные проекты. Рѣшась дѣйствовать въ Испаніи съ громадными средствами, въ его видахъ было кажущимся бездѣйствіемъ ободрять довѣрчивость и смѣлость испанскихъ генераловъ и не вступать съ ними въ дѣло до тѣхъ поръ пока не соберется достаточно силъ, чтобъ раздавить ихъ съ одного раза, и тогда уже явиться нечаянно какъ *Deus ex Machina*. Наконецъ наступилъ этотъ моментъ. Въ узкомъ пространствѣ между границами Бискайи и рѣкою Арагономъ, онъ сосредоточилъ уже пять корпусовъ подъ начальствомъ Лефебра, Виктора, Сульта, Нея и Монсея, который долженъ быть замѣненъ Ланномъ. Шестой подъ командою

Сенъ-Сира, и которому предназначалось дѣйствовать отдѣльно, готовился проникнуть въ Каталонію. Кромѣ того у него были гвардія и многочисленная кавалерія подъ командою Бессьера.

Не смотря на все рвеніе и патріотизмъ испанцевъ, они были плохо приготовлены перенести испытаніе, всегда очень опасное, заключающееся въ томъ, чтобъ поддержать и укрѣпить выгоды, полученныя въ первыхъ порывахъ энтузіазма. Чудесный успѣхъ ихъ возстанія воспламенилъ сердца самыхъ робкихъ и поднялъ націю въ ея собственныхъ глазахъ, но вмѣстѣ и возродилъ у этихъ мало образованныхъ населеній и даже у многихъ вождей довѣріе исполненное иллюзій. На дѣло смотрѣли какъ на оконченное въ моментъ, когда оно становилось труднѣе чѣмъ когда либо. Предавались соперничеству власти, честолюбія, личности, въ минуту, когда національная защита должна была поглотить всѣ помыслы. Вмѣсто того, чтобъ прочно организовать армію, обучать ее, призвать все здоровое населеніе, избрать крѣпкія оборонительныя позиціи, терялось въ безполезныхъ обсужденіяхъ и энергическихъ проектахъ время, которое употреблялъ Наполеонъ на собираніе полка за полкомъ на лѣвомъ берегу Эбро.

Чувство необходимости сперва было довольно сильно, чтобъ заставить мѣстныя юнты, начавшія возстаніе, отречься въ пользу *юнты центральной*, облеченной верховною властью. Эта центральная юнта состояла изъ депутатовъ отъ мѣстныхъ юнтъ, и въ ней находились превосходные люди какъ Іовеанлосъ и Монино Флорида-бланка. Къ сожалѣнію будучи слишкомъ многочисленна для исполнительной палаты, верховная юнта, считавшая въ себѣ до тридцатичетырехъ членовъ, находилась кромѣ того подъ владычествомъ политическихъ и литературныхъ умовъ, въ то время, когда обстоятельства и сила вещей настойчиво требовали людей дѣйствія. Она издала много манифестовъ, присвоила себѣ пышные титулы, вступала въ безплодные споры съ коро-

левскимъ совѣтомъ, сохранившимъ свои административныя и судебныя преимущества, и приняла очень мало дѣйствительныхъ мѣръ. Нѣкоторыя изъ ея дѣйствій были даже прискорбными уступками народнымъ страстямъ: таковы были возстановленіе инквизиціи и пріостановка продажи выморочныхъ имѣній. Чтобъ тутъ былъ съ ея стороны преднамѣренный возвратъ къ прошедшему, этому трудно повѣрить серьезно, когда подумаешь, что проводилъ эти мѣры тотъ самый Флорида-бланка, который былъ посланникомъ Карла III при папѣ Ганганелли, въ эпоху, когда Аранда производилъ свои знаменитыя реформы; но это былъ ошибочный протестъ противъ претензій французскаго деспотизма. Наполеонъ обвинялъ монаховъ и инквизицію, и этого было достаточно, чтобъ ихъ возстановить. Сдѣлать инквизицію популярною, вотъ былъ первый результатъ этой, столь прославляемой политики.

Военныя мѣропріятія, которыя долженствовали быть главнѣйшимъ занятіемъ во время такого опаснаго кризиса, только страдали отъ нерѣшимости и неспособности центральной власти. Южныя арміи подошли къ сѣвернымъ провинціямъ; войска Севильи, Гренады, Валенціи прибыли на Эбро, подъ начальствомъ Кастаноса, на помощь инсургентамъ Кастиліи и арагонцамъ-защитникамъ Сарагоссы; десять тысячъ спутниковъ Романы, послѣ своего романтическаго бѣгства, присоединились къ галиційскимъ и астурійскимъ инсургентамъ, которыми начальстовалъ Блаке; но помимо множества декретовъ на бумагѣ, числительность этихъ армій мало увеличилась, вооруженіе было неполно, дисциплина отвратительна; не успѣли даже обезпечить ихъ продовольствія. За исключеніемъ нѣсколькихъ старыхъ регулярныхъ войскъ, арміи эти представляли скорѣе зрѣлище шумныхъ сборищъ, нежели корпусовъ дисциплинированныхъ и способныхъ предпринять военныя дѣйствія.

Съ подобными элементами одна только система представляла кой-какую надежду на успѣхъ противъ столь страшнаго противника какъ Наполеонъ и собранныхъ имъ подавляющихъ силъ. Избѣгать всякаго общаго дѣла, отступать передъ нимъ шагъ за шагомъ на соединительные пункты, назначенные заранѣе, допустить его войдти и разбросать войска по обширнымъ пространствамъ Полуострова, держаться только на позиціяхъ несомнѣнной крѣпости, наконецъ чаще всего ограничиваться тревогою его корпусовъ, пресѣченіемъ ему сообщеній, захватомъ транспортовъ—вотъ тактика, указываемая вмѣстѣ и природою страны и слабостью рессурсовъ, которую одинъ изъ лучшихъ генераловъ Дюмурье самъ рекомендовалъ испанскимъ инсургентамъ въ родѣ руководства, составленнаго для нихъ спеціально. Это поведеніе было единственно возможнымъ, и два искуснѣйшихъ генерала какими обладала тогда Испанія, Блаке и Кастаносъ въ этомъ отношеніи не расходились съ Дюмурье. Но такой благоразумный планъ не могъ нравиться ни высокомѣрію мало образованныхъ массъ, которыя хотѣли немедленно атаковать Наполеона, чтобъ его уничтожить, ни подозрительному недовѣрію провинцій, которыя будучи оставлены по наружности, смотрѣли бы на всякое отступательное движеніе какъ на измѣну; а обоимъ генераламъ недоставало необходимой власти, чтобъ настоять на своей мысли.

Въ моментъ, когда Наполеонъ явился въ Испанію стать во главѣ своихъ армій, испанскія силы раздѣлялись на четыре главныя группы, образуя около нашихъ позицій на Эбро огромный полукругъ, простиравшійся отъ Бискайскихъ горъ до окрестностей Капарозо на рѣки Арагонѣ. На лѣвомъ флангѣ дѣйствовалъ Блаке съ арміею отъ тридцати пяти до сорока тысячъ человѣкъ, въ окрестностяхъ Бальмезады, прикрывая Бискайю, Сантандеръ, Астурію и угрожая нашимъ сообщеніямъ по байонской дорогѣ. Въ центрѣ армія Кастаноса тянулась вдоль Эбро, отъ Цинтруэнига до Калагорры

соединяясь съ арміею праваго фланга, подъ командою братьевъ Палафоксовъ, отъ Туделы къ Капарозо, и составляя съ нею вмѣстѣ не много болѣе сорока тысячъ человѣкъ Въ тылу этихъ позицій выдвигались, въ видѣ резерва, къ Бургосу эстрамадурская армія подъ начальствомъ Калуззо, котораго замѣстилъ молодой маркизъ Бельведеръ; онъ еще не укомплектовалъ своихъ полковъ и у него было не болѣе пятнадцати тысячъ человѣкъ. Была еще пятая армія въ Каталоніи, но будучи расположена въ этой разноцентренной мѣстности, гдѣ дралась съ Сенъ-Сиромъ и Дюгемомъ, она не могла оказывать никакого вліянія на единство дѣйствій. Со дня на день ожидали также Португальской арміи, которая должна была подкрѣпить эстрамадурскую; но помощь эта была еще очень далека. Генералъ Муръ, обязанный соединиться сухимъ путемъ съ корпусомъ, высадившимся въ Коронье, самъ выступивъ изъ Лиссабона, долженъ былъ сдѣлать трудный и долгій походъ, прежде чѣмъ могъ приступить къ какому либо военному дѣйствію. Къ препятствіямъ, вытекавшимъ изъ времени года, дурныхъ дорогъ, затрудненія продовольствоваться безъ грабежа, присоединились замедленія, происходившія отъ дурныхъ распоряженій испанскихъ властей. Помощникъ его Бэрдъ былъ задержанъ въ карантинѣ въ Коронье, и необходимо было хлопотать въ Мадридѣ о пропускѣ вспомогательнаго корпуса.

Итакъ испанскіе вожди съ 90,000 человѣкъ должны были биться съ пятью корпусами, выставленными Наполеономъ на Эбро. Корпуса эти, состоявшіе изъ ста двадцати пяти тысячъ образовали вмѣстѣ съ гвардіею и кавалеріею Бессьера— силы по крайней мѣрѣ въ сто шестьдесятъ тысячъ человѣкъ. Наполеону предстояло только идти впередъ, чтобъ разбить на всѣхъ пунктахъ испанскую линію, которую, повидимому, хотѣли растянуть безмѣрно, словно для того, чтобъ увеличить ея слабость. Планъ его, очень простой и вмѣстѣ весьма рѣшительный, заключался въ томъ, чтобъ разрѣзать ее на двое,

направляясь прямо на Бургосъ, прикрытый только слабымъ отрядомъ Бельведера. По достиженіи этого города, онъ хотѣлъ пустить свои корпуса вправо и влѣво, чтобъ обойдти двѣ главныя испанскія арміи, отбрасывая одну къ морю, а другую къ Пиринеямъ, или по крайней мѣрѣ поставивъ обѣ между двухъ огней.

Сраженія, данныя наканунѣ прибытія его въ Испанію, съ одной стороны въ Зорнозѣ между Блаке и Лефебромъ, съ другой въ Логрено и Леринѣ между Неемъ и Кастаносомъ, Монсеемъ и Палафоксомъ, могли повредить этому плану, побудивъ испанцевъ къ отступленію, но въ дѣйствительности они ни мало не повредили, потому что позиціи остались почти тѣже. Наполеонъ хотѣлъ начать съ уничтоженія арміи Блаке. Вслѣдствіе этого онъ поручилъ Лефебру и Виктору задержать ее, пока онъ самъ прибудетъ къ Бургосу. Эти маршалы должны были потомъ отбросить ее къ морю или на горные скаты, отдѣляющіе Бискайю отъ старой Кастиліи,—пунктъ, на который онъ направлялъ Сульта изъ Бургоса, чтобъ нанести послѣдній ударъ остаткамъ Блаке. Но испанскій генералъ предупредилъ своихъ противниковъ, самъ сдѣлавъ на нихъ нападеніе. Вслѣдствіе битвы при Зорнозѣ, Лефебръ отступилъ на Бильбао, чтобъ легче добывать продовольствіе, оставивъ противъ Блаке только дивизію Виллате, стоявшую одиноко въ Бальмаседѣ. Викторъ, посланный въ Ордуно для поддержки Лефебра, ничего не сдѣлалъ, чтобъ исправить ошибку сотоварища; онъ удовольствовался посылкою одной бригады въ Оквендо. Предоставленная самой себѣ и атакованная превосходными силами 5 ноября, дивизія Виллате была отброшена на Бильбао, послѣ храбраго боя и понеся большія потери.

Получивъ строгій выговоръ отъ Наполеона, оба маршала поспѣшили изгладить впечатлѣніе, произведенное этимъ печальнымъ началомъ. Лефебръ немедленно пошелъ на Бальмаседу, встрѣтилъ въ Гуэнесѣ отрядъ Блаке, разбилъ его и

соединился съ Викторомъ на той самой позиціи, которую занимала дивизія Виллате (8 ноября). Тогда Викторъ, пустившись въ погоню, углубился въ ущелья Бискайскихъ горъ, по пятамъ Блаке, принужденнаго къ отступленію. По прибытіи въ Эспинозу испанскій генералъ собралъ всю свою армію, которая вслѣдствіе предыдущихъ битвъ и по недостатку съѣстныхъ припасовъ доведена была менѣе чѣмъ до тридцати тысячъ человѣкъ, и рѣшился стойко держаться на крѣпкихъ позиціяхъ, представляемыхъ ему подходами къ этому городу. Онъ тамъ храбро выдерживалъ атаки Виктора 10 ноября. Но съ возобновленіемъ боя на другой день, — сопротивленіе оказалось выше силъ арміи, которая была такъ далека отъ стойкости и крѣпости регулярныхъ войскъ. Когда послѣ довольно упорной битвы испанцы увидѣли, что генералъ Мэзонъ взялъ штыками высоты, составлявшія ключъ ихъ позицій, всѣ ихъ солдаты побѣжали одновременно, какъ всегда случается съ людьми, несвязанными долговременною привычкою подъ одними знаменами; бѣглецы разсыпались по всѣмъ направленіямъ; и армія какъ бы уничтожилась въ одну минуту! Много было убитыхъ, но плѣнныхъ мало. Блаке отступилъ на Рейнозу съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, предназначанными служить ядромъ для сбора арміи, которая не существовала.

Насталъ моментъ, когда по обѣщанію Наполеона Сультъ долженъ былъ идти изъ Бургоса къ Рейнозу забрать тамъ или истребить остатки Блаке. Но какъ ни былъ искусно составленъ этотъ планъ, исполненіе не соотвѣтствовало идеѣ, и этотъ маршалъ не могъ совершить своего движенія во время, чтобъ достигнуть результатовъ, ожидаемыхъ Наполеономъ. Пока Лефебръ и Викторъ шли противъ Блаке, Наполеонъ направлялся изъ Виторіи на Бургосъ, чтобъ развернуть эти корпуса справа и слѣва въ тылу Блаке и Кастаноса. Бургосъ защищался лишь слабымъ отрядомъ Бельведера, около двадцати тысячъ. Тѣмъ неменѣе маркизъ пошелъ

на встрѣчу Наполеону до Гамоналя, чтобъ преградить ему дорогу. Войско его храбро выдержало первый натискъ; но такъ какъ лѣсъ, прикрывавшій ихъ правый флангъ, былъ обойденъ кавалеріею Ласаля и потомъ занятъ пѣхотою генерала Мутона, все разстроилось и побѣжало еще быстрѣе чѣмъ при Эспинозѣ. Кавалерія наша, которая могла свободнѣе производить свои атаки по этой ровной мѣстности, преслѣдовала бѣгущихъ и рубила ихъ безъ пощады. Она проникла вмѣстѣ съ послѣдними въ Бургосъ, который былъ преданъ разграбленію (10 ноября).

Наполеонъ направилъ Сульта на Рейнозу только 13 ноября утромъ. Еслибъ этотъ маршалъ выступилъ 11, какъ онъ и могъ сдѣлать, онъ прибылъ бы туда во время, чтобы докончить пораженіе Блаке; но въ слѣдствіе промедленія достигъ до Рейнозы лишь 15-го, забравъ по дорогѣ пушки и плѣнныхъ. Блаке ускользнулъ дня за два, направляясь на городъ Леонъ по ужаснымъ дорогамъ, лежащимъ вдоль Астурійскихъ горъ. Не достигнувъ своей главной цѣли, Сультъ пошелъ въ провинцію Сантандеръ и княжество Астурійское, чтобъ установить подобіе покоренія, которое должно было продолжаться столько времени сколько и пребываніе его корпусовъ въ мѣстностяхъ, чрезъ которыя онъ проходилъ.

Присутствіе императора въ Бургосѣ ни мало не усладило положенія этого несчастнаго города, который въ теченіе нѣсколькихъ дней былъ подвергнутъ всѣмъ ужасамъ города, взятаго приступомъ. Постоянно вѣрный своей системѣ—показывать примѣры—Наполеонъ хотѣлъ покорить Испанію больше страхомъ нежели оружіемъ, и оставилъ безнаказанно всѣ преступленія, совершаемыя такъ легко голодными и разнузданными солдатами. Города и мѣстечки, лежавшіе у насъ на пути, особенно Миранда и Бравеска были разграблены, словно чрезъ нихъ прошли дикія орды. Что касается Бургоса, то эти ужасы дошли въ немъ до такой степени, что городъ былъ покинутъ жителями. „Печальное зрѣлище, вос-

кликнулъ Міо, вступившій туда съ королемъ Іосифомъ, котораго онъ былъ совѣтникомъ и другомъ.—Дома почти пустынны и разграблены: мебель разломана и разбросана въ грязи; кварталъ, лежащій за Арланзономъ весь въ огнѣ, разъяренные солдаты выламываютъ двери, окна, разбиваютъ всякую преграду и пользуясь малымъ уничтожаютъ много. Церкви разграблены, улицы завалены мертвыми и умирающими; наконецъ повсюду всѣ ужасы штурма, *хотя городъ и не защищался.* Кортезіанскій и главные монастыри ограблены. Богатѣйшій и благороднѣйшій женскій монастырь въ старой Кастиліи Гуэлгасъ былъ обращенъ въ конюшню; въ церквахъ и монастыряхъ вскрывались гробницы въ ожиданіи найдти въ нихъ сокровища и находимые въ нихъ женскіе трупы, волоклись по улицамъ, потомъ оставлялись на мостовой, покрытой костями и обрывками савановъ.... Я видѣлъ даже подъ окнами архіепископскаго дома, въ которомъ остановился императоръ, бивачный огонь поддерживаемый музыкальными инструментами и мебелью изъ домовъ, впродолженіе цѣлой ночи. *Король Іосифъ пытался дѣлать коекакія замѣчанія, но они были дурно приняты*". [197]).

Императоръ не только рѣшился не слушать никакого ходатайства, но хотѣлъ, чтобъ административный грабежъ дополнилъ хорошее дѣйствіе грабежа военнаго. Онъ велѣлъ въ Бургосѣ конфисковать на тридцать мильоновъ шерсти, независимо отъ англійскихъ товаровъ [198]). Но это было только начало. Подъ предлогомъ вознагражденія французовъ, жившихъ въ Испаніи, онъ рѣшился наложить руку на обширныя владѣнія испанскихъ грандовъ на Полуостровѣ и въ другихъ странахъ, подчиненныхъ нашему владычеству. „Герцогъ Инфантадо и испанскіе гранды, писалъ онъ къ Крете 19 ноября: — одни обладаютъ половиною Неаполитанскаго

[197]) Mémoires Mio de Melito, S. III. *Прим. автора.*
[198]) *Монитеръ*, 21 ноября 1808. *Прим. автора.*

королевства; оцѣнить ихъ имѣнія въ этомъ королевствѣ въ 200 мильоновъ не будетъ много. Кромѣ того у нихъ есть имѣнія въ Бельгіи, Пьемонтѣ, Италіи, которыя я намѣренъ секвестровать. *Это только первая мысль.* [199]). „Знаменитой этой мысли предшествовалъ 12 ноября декретъ изгнанія, объявлявшій измѣнниками и врагами Франціи, осуждавшій къ привлеченію къ военному суду и къ *разстрѣлянію* десять испанскихъ грандовъ, избранныхъ изъ среди самыхъ богатыхъ, имѣнія которыхъ должны быть конфискованы. Этотъ декретъ изгнанія былъ названъ *декретомъ прощенія*, слѣдуя остроумной номенклатурѣ, которую Наполеонъ примѣнялъ къ своимъ дѣйствіямъ. Другими распоряженіями Наполеонъ обѣщалъ полную милость прочимъ испанцамъ, которые покорялись въ теченіе мѣсячнаго срока со времени вступленія нашего въ Мадридъ. Надѣялись, что благодаря этой послѣдней статьѣ, испанскій народъ увидитъ дѣло милосердія въ этой жестокой и губительной статьѣ, которая была не болѣе какъ гнусное злоупотребленіе побѣды.

Въ тоже время императорскіе бюллетени изливали клевету и оскорбленія на испанскія войска и на самую націю: [200]) „Инсургентскіе солдаты были неболѣе какъ фанфароны, достойные соотечественники Донъ-Кихота. Грубое невѣжество, безумная напыщенность, жестокость противъ слабаго, ласкательство и трусость передъ сильнымъ — вотъ какое зрѣлище представилось нашимъ глазамъ.—*Монахи и инквизиція оглупили эту націю!* Испанскія войска могли держаться только какъ арабы за домами; монахи были невѣжественны и прожорливы; крестьяне на уровнѣ египетскихъ феллаховъ; выродившіеся гранды безъ энергіи и безъ вліянія... „Гене-

---

[199]) Наполеонъ къ Крете, 19 ноября. *Прим. автора.*

[200]) Неизвѣстно почему эти бюллетени не напечатаны издателями *Correspondance* Наполеона. *Мониторъ*, гдѣ можно ихъ читать, неужели имъ кажется подозрительнымъ источникомъ. *Прим. автора.*

ралъ Романа въ этихъ бюллетеняхъ назывался не иначе какъ *измѣнникомъ Романою*. Епископъ Сантандерскій, написавшій противъ насъ сочиненіе, исполненное достоинства и краснорѣчія, былъ представленъ *какъ человѣкъ бѣшеный и фанатикъ, одолѣваемый демонскимъ духомъ и который ходилъ съ ножемъ при боку*" [201]). Такова была общая картина начертанная Наполеономъ о народѣ, покорить который стоило ему столько труда, и по замѣчательному противорѣчію онъ усиливался въ этихъ же самыхъ бюллетеняхъ обратить въ славную побѣду незначительную стычку при Гамоналѣ, онъ съ большимъ шумомъ послалъ въ законодательный корпусъ двадцать знаменъ, взятыхъ на полѣ битвы: однимъ словомъ онъ торжествовалъ, словно Испанія была уже покончена за однимъ ударомъ.

Это неискусное хвастовство было адресовано къ Англіи, которой Наполеонъ надѣялся этимъ импонировать такъ, чтобы она рѣшилась оставить испанцевъ внѣ переговоровъ. Но высокомѣрный громкій разрывъ, положившій конецъ переговорамъ, вскорѣ доказалъ ему безполезность его ухищреній, и осталось одно лишь воспоминаніе объ этихъ оскорбительныхъ ругательствахъ противъ народа, который не прощаетъ оскорбленій.

Разсѣявъ, если не разбивъ корпусъ Блаке, Наполеонъ немедленно призвалъ корпуса Лефебра и Виктора, сдѣлавшіеся ненужными въ Бискайѣ, и тотчасъ же обратилъ противъ нетронутой еще арміи Кастаноса и Палафокса. Она, въ виду корпуса Монсея, оставалась неподвижно отъ Цинтруэниго до Капарозо на обоихъ берегахъ Эбро: потомъ вскорѣ по представленіямъ Кастаноса, понимавшаго опасность этого положенія, она сосредоточилась въ окрестностяхъ Туделы. Императору хотѣлось дѣла быстраго и рѣшительнаго. Онъ

[201]) См. *Монитеръ* 16, 19, 21, 26, 27 ноября; 2, 4 декабря 1808. *Прим. автора.*

поручилъ маршалу Ланну командованіе корпусомъ Монсея, въ которомъ считалъ до 35,000 человѣкъ—цыфра не много уступавшая испанцамъ, которыхъ было не много болѣе 40,000. Желая достигнуть полнаго результата, онъ поручилъ маршалу Нею исполнить противъ Кастаноса маневръ, какой Сультъ употребилъ противъ Блаке, но заставивъ его сдѣлать обходъ еще болѣе продолжительный, чтобъ скрыть цѣль, и не далъ ему достаточно войска. Ней дѣйствительно былъ посланъ въ тылъ арміи Кастаноса, чтобы отрѣзать ее, только съ двѣнадцатью тысячами человѣкъ. Онъ долженъ былъ идти изъ Бургоса чрезъ Аранду и Осму до Соріи—пунктъ, лежавшій въ двадцати миляхъ въ тылу испанской арміи, потомъ по прибытіи туда удариться на Агреду или на Калаталдъ, чтобы нанести послѣдній ударъ войскамъ, которыя Ланнъ имѣлъ разбить при Туделѣ.

Планъ этотъ безъ сомнѣнія былъ очень правдоподобенъ; но если, что очень было возможно,—Кастаносъ началъ бы отступленіе, не дождавшись атаки, то Ней очутился бы одинъ съ двѣнадцатью тысячами человѣкъ противъ арміи покрайней мѣрѣ сорокатысячной, и которая по всѣмъ свѣдѣніямъ простиралась до шестидесяти тысячъ; онъ очутился бы одинокъ безъ помощи, въ возставшей странѣ и въ большомъ разстояніи отъ операціоннаго базиса. И такъ, порученный ему маневръ былъ однимъ изъ самыхъ рискованныхъи, уныніе, въ которомъ упрекаютъ, въ этомъ случаѣ только дѣлаетъ честь и его военному взгляду и патріотизму.

Когда все такимъ образомъ было приготовлено, 23 ноября рано Ланнъ двинулся на Туделу, гдѣ заняли позицію арагонцы, подъ начальствомъ Палафокса. Испанская линія опиралась правымъ флангомъ на Эбро; на лѣво она тянулась до Касканте, гдѣ стояли валенціанцы и андалузцы, подъ начальствомъ Кастаноса. Эта чрезмѣрная растянутость почти на четыре мили и оставлявшая центръ почти безъ защиты въ пользу фланговъ, указывала ясно на естественное стрем-

леніе арагонцевъ прикрыть свою столицу Сарагоссу, и андалузцевъ спуститься къ югу. Ланнъ вскорѣ заставилъ ихъ поплатиться за эти ошибки. Онъ прежде воспользовался удаленіемъ половины корпуса Кастаноса, чтобъ обратить всѣ силы противъ испанскаго центра и праваго фланга. Въ то время какъ его пѣхотныя колонны подъ командою Мориса Мотье бросились брать приступомъ высоты, господствующія надъ Эбро, кавалерія Ланна атаковала на равнинѣ валенціанцовъ центра и грозила обойти ихъ. Атака эта была храбро выдержана на правомъ флангѣ и отбита въ центрѣ искуснымъ маневромъ Донъ Жуана о'Нейля. Ланнъ возобновилъ ее, пустивъ на центръ двѣ дивизіи, Гранжана и Морло, которыя сломали его. Польскіе уланы немедленно бросились въ брешь, и появленіе ихъ такъ устрашило неопытныя войска, что они побѣжали въ безпорядкѣ чрезъ оливковыя рощи, покрывающія равнину.

Въ этотъ самый моментъ арагонцы, сильно тѣснимые Морисомъ Мотье, начинали уступать поле къ сторонѣ Эбро. При видѣ паники, открывшей ихъ фланги, они подались въ свою очередь и начали отступать по сарагосской дорогѣ, преслѣдуемыя кавалеріею Лефебра Деноэтта. Въ продолженіе этого времени помощникъ Кастаноса Пена прибылъ не много поздно изъ Касканте на выручку испанскаго центра, который уже былъ уничтоженъ. Подкрѣпленіе это, состоявшее изъ лучшихъ войскъ, тотчасъ же оттѣснило дивизію Мюнье, поставленную противъ него Ланномъ. Съ неменьшею силою онъ атаковалъ нашъ кавалерійскій резервъ, но вскорѣ къ нашимъ войскамъ присоединилась дивизія Лагранжа, и отрядъ Пена въ свою очередь былъ окруженъ и отброшенъ на Боржу вмѣстѣ съ остатками центра; въ своемъ бѣгствѣ онъ увлекъ и другія дивизіи Кастаноса, и ретировался по направленію къ Калатуду подъ покровительствомъ ночи.

Испанцы потеряли при Туделѣ около четырехъ тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными и всю почти артиллерію.

Ней оставался неподвижно въ Соріи, гдѣ напрасно ожидалъ испанскую армію, отступавшую чрезъ Калатайодъ. Онъ прибылъ туда 29 ноября въ полдень. Еслибъ онъ выступилъ того же числа, онъ 28 былъ бы въ Агредѣ, какъ ему и повелѣвалъ приказъ изъ главной квартиры. Но приказъ этотъ, не совсѣмъ полный и помѣченный 21 ноября въ четыре часа пополудни въ Бургосѣ, указывалъ, что *сраженіе должно произойти 22 въ Калагоррѣ.* Ней не могъ получить его раньше пяти или шести часовъ вечера 22; онъ долженъ былъ предполагать, что очень опоздалъ принять участье въ сраженіи за двадцать миль, которое окончилось въ то время, какъ онъ снялся бы съ лагеря. Впрочемъ онъ очень тревожился о возможныхъ движеніяхъ испанской арміи и въ виду этой неувѣренности считалъ болѣе благоразумнымъ ожидать событій на избранной имъ позиціи. За это бездѣйствіе самъ Наполеонъ выговаривалъ ему съ горечью; конечно оно происходило не отъ робости! Историки видѣли въ этомъ черту зависти противъ Ланна, не подумавъ, что подобная зависть скорѣе побудила бы его дѣйствовать отважно и высокомѣрно. Еслибъ Ней появился въ Касканте къ концу дня, онъ покрайней мѣрѣ раздѣлилъ бы съ Ланномъ честь побѣды, ибо въ подобныхъ случаяхъ производитъ главное впечатлѣніе тотъ, кто наноситъ театральный ударъ.

Битва при Туделѣ дополнила первый актъ предположеннаго покоренія Испаніи. Изъ четырехъ армій, желавшихъ запереть намъ входъ на Полуостровъ, на лѣвомъ флангѣ оставалось только тысячъ восемь человѣкъ, которые съ трудомъ достигли города Леона подъ начальствомъ Романы, преемника Блаке; въ центрѣ слабый резервъ корпуса Бельведера, который готовился оспаривать у насъ проходъ Гвадарамы; наконецъ на правомъ флангѣ остатки Андалузской и Валенціанской армій, которые ушли изъ Калатайода на Сигвензу, горячо преслѣдуемые Морисомъ Матье, потомъ Неемъ. Что же касается до арагонцевъ, они заперлись въ Сарагоссѣ.

Англійская армія не успѣла еще сосредоточиться. Главный отрядъ, приведенный изъ Лиссабона генераломъ Муромъ, прибылъ 13 ноября въ Саламанку; но дурныя вѣсти, полученныя изъ арміи Блаке, дали ему почувствовать необходимость собрать свои разбросанныя войска, прежде чѣмъ идти на Старую Кастилію. Ему надобно было подождать своей кавалеріи и артиллеріи, которыя онъ направилъ по болѣе удобнымъ дорогамъ изъ долины Таго, изъ Алмароза въ Талаверу, чтобъ выступить потомъ на встрѣчу къ своему помощнику Бэрду. Выйдя очень поздно изъ Короны, послѣдній не достигъ еще Асторги.

Этотъ порядокъ вещей позволилъ Наполеону идти прямо на Мадридъ, безъ малѣйшей боязни за свои сообщенія. Дѣйствительно онъ оставилъ на границахъ Астуріи и Старой Кастиліи корпусъ Сульта, уже готовившійся соединиться съ корпусомъ Жюно, который вступилъ уже въ Испанію; передъ Сарагоссою корпусъ Ланна, въ Пиренеяхъ корпусъ Мортье, шедшій на Бургосъ. Наконецъ свой лѣвый флангъ онъ прикрылъ корпусомъ Нея, вызваннымъ въ Гвадалажарру, правый—кавалеріею Бессьера, наводнившею равнину до Сеговіи, и на всѣхъ пунктахъ выставилъ противъ испанцевъ силы вчетверо большія. Выступивъ изъ Аранды 26 ноября, онъ 30 прибылъ къ подошвѣ Гвадарамы съ своею гвардіею, резервомъ и корпусомъ Виктора.

Донъ Бенито Санъ-Жуанъ, которому поручено было оберегать ущелье Сомо-Сіерры съ остатками Эстрамадурской арміи, выставилъ на Сепульведѣ авангардъ въ три тысячи человѣкъ, разбѣжавшійся при первомъ появленіи нашихъ войскъ. Самъ онъ держался въ Сомо-Сіеррѣ съ восьмью или девятью тысячами солдатъ и шестнадцатью орудіями, очистившими шоссе. Онъ довольно искусно размѣстилъ свои войска отрядами стрѣлковъ вправо и влѣво отъ дороги; но, принявъ во вниманіе количество осаждающихъ, распоряженія эти были весьма недостаточны,

ибо не приняли даже необходимыхъ мѣръ предосторожности, чтобъ помѣшать атакамъ нашей кавалеріи. Узнавъ непріятельскія позиціи, Наполеонъ послалъ во флангъ испанцамъ нѣсколько пѣхотныхъ полковъ, которые выбили ихъ стрѣлковъ. Когда эта пѣхота не безъ труда очистила направо и налѣво непосредственные подступы къ шоссе, онъ вмѣсто того, чтобъ взять центральную батарею приступомъ, который могъ быть и продолжителенъ и убійственъ, рѣшился взять ее съ помощью кавалеріи. Генералъ Монбренъ, которому порученъ былъ этотъ смѣлый маневръ, исполнилъ его съ неодолимою стремительностью: онъ пошелъ въ атаку въ галопъ во главѣ польской легкой конницы, выдержалъ залпъ, унесшій у него тридцать всадниковъ, но чрезъ нѣсколько минутъ вскочилъ на батарею и рубилъ артиллеристовъ на орудіяхъ. Испанцы немедленно разбѣжались по скаламъ Гвадарамы и начали отступленіе къ Сеговіи.

Мадридъ очутился открытымъ. Центральная юнта, находившаяся еще въ Аранжуэцѣ, поспѣшно выѣхала изъ этого города въ Талаверу, отправивъ въ столицу немного войска и запасовъ, которыми располагала. Обыватели Мадрида, не только не казались уничтоженными столькими бѣдствіями, но рѣшились защищать свой городъ до послѣдней крайности. Они подѣлали зубцы на стѣнахъ, сняли мостовыя, забили тюфяками окна, выкопали рвы передъ городскими воротами, и перерыли главнѣйшія улицы импровизированными траншеями. Начальство они поручили Томасу Морле прежнему Кадикскому губернатору, считавшемуся знающимъ и опытнымъ офицеромъ. Здоровыхъ людей созвали волонтерами, роздали имъ оружіе и припасы. Эти сцены патріотическаго энтузіазма, къ сожалѣнію, не были изъяты отъ насилій, сопровождающихъ часто большія народныя движенія. Въ нѣкоторыхъ розданныхъ патронахъ нашли песокъ вмѣсто пороху. Режидоръ, маркизъ Working Пералесъ, былъ обвиненъ въ этомъ безъ всякаго доказательства, схваченъ и умерщвленъ народомъ.

24*

2 декабря съ утра, французская армія заняла позицію подъ стѣнами города, и Наполеонъ приказалъ потребовать сдачи. Но предложеніе это было отвергнуто съ презрѣніемъ и онъ велѣлъ немедленно готовиться къ нападенію. Ему нетрудно было овладѣть Мадридомъ, ибо съ слабыми средствами, какими обладала столица, обитатели этого города положительно были не въ состояніи защищаться серьезно, и одна артиллерія наша могла покончить съ ними, но ему хотѣлось избѣжать безславнаго разрушенія такой большой столицы. Поэтому городъ необходимо было принудить къ сдачѣ, употребивъ по-очередно, то угрозы, то убѣжденія и въ особенности указывая на безполезность сопротивленія. 3 декабря Сенармонъ открылъ огонь изъ тридцати орудій противъ Ретиро, позиціи господствующей надъ городомъ, всей важности которой не съумѣли понять испанцы. Въ тоже время начались и второстепенныя атаки на ворота Алкали, Реколетъ, Атоха, Фуэнкарраль. Мадридское населеніе чрезвычайно храбро отбивало эти приступы, но Ретиро, въ которомъ наши ядра пробили брешь, былъ вскорѣ взятъ дивизіею Валлате; тогда войска наши овладѣли многими воротами, и защитники должны были отступить за баррикады, запиравшія входы въ главныя улицы.

Населеніе хотѣло продолжать битву, но вожди, понимавшіе безполезность дальнѣйшаго сопротивленія, потеряли бодрость; на новое требованіе Наполеона они отвѣчали просьбою о перемиріи, которое дало бы умамъ время успокоиться. Генералъ Морла и донъ Бернардо Иріарте явились въ главную квартиру, чтобъ получить отъ императора лучшія условія. Онъ осыпалъ ихъ упреками и въ особенности страшно порицалъ поведеніе Морлы послѣ байленскаго сраженія: „Какъ смѣете вы требовать капитуляціи, воскликнулъ онъ:—вы, нарушившіе байленскую капитуляцію? Нарушать *военные договоры* значитъ отказаться отъ всякой цивилизаціи; это стано-

виться на одинъ уровень съ бедуинами пустыни" [202]). Генералъ Морла могъ бы спросить его, что въ военныхъ договорахъ, интересующихъ одну лишь армію, было болѣе ненарушимаго, чѣмъ въ договорахъ дипломатическихъ, интересующихъ всю націю, и которые онъ топталъ ногами; онъ могъ спросить, всегда ли этотъ узкій культъ, основанный единственно на военномъ довѣріи, былъ уважаемъ тѣмъ, кто объявлялъ себя его апостоломъ? Но будучи глубоко смущенъ этими порывами гнѣва человѣка, отъ котораго зависѣла его жизнь, и котораго онъ считалъ способнымъ на все, — онъ хранилъ молчаніе.

Не успѣли войска вступить въ городъ и обезоружить жителей, какъ Наполеонъ поспѣшилъ доказать уваженіе, какое самъ онъ питалъ къ этимъ военнымъ договорамъ, къ святости которыхъ взывалъ такъ громко. Основываясь на нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаяхъ буйства, которыхъ невозможно предупредить въ большой столицѣ, особенно среди подобнаго волненія, онъ написалъ къ Белльяру, назначенному мадридскимъ губернаторомъ „снять вездѣ капитуляцію, которая, какъ не сдержанная обывателями, *уничтожалась* [203])". Онъ велѣлъ объявить испанскимъ офицерамъ и генераламъ, что они были военно-плѣнными, вопреки условіямъ сдачи, которая гласила (§ X), что генералы, которые захотятъ остаться въ столицѣ, сохраняютъ свое званіе, а которые не пожелаютъ оставаться, могутъ выѣхать свободно". Къ счастью испанскія войска ушли ночью наканунѣ сдачи. Онъ упразднилъ кастильскій совѣтъ, членовъ его оскорбилъ публично названіемъ подлецовъ и измѣнниковъ и велѣлъ арестовать ихъ въ нарушеніе § VI, по которому обязывался „сохранить законы, обычаи, *трибуналы* въ ихъ настоящей формѣ, до окончательнаго устройства королевства"; наконецъ осудилъ на вѣчное заключеніе

---

[202]) Шестой бюллетень испанской арміи. *Прим. автора.*

[203]) Наполеонъ къ Белльяру, 5 декабря. *Прим. авт.*

принца Кастельфранка, маркиза Санта-Круза, графа Альтамиру, вопреки формальныхъ статей капитуляціи, подъ предлогомъ, что они были включены въ знаменитый *декретъ объ амнистіи.* Но и тѣ, которые не были включены туда, тоже не находились внѣ его мщенія. Онъ велѣлъ осудить на смерть испанскаго гранда маркиза Сенъ-Симона подъ предлогомъ, что тотъ былъ французскимъ эмигрантомъ; но впрочемъ согласился пощадить его жизнь, въ виду всеобщаго порицанія подобной низости, поднявшагося въ собственномъ его лагерѣ. Онъ довольствовался тѣмъ, что велѣлъ выслать его во Францію съ множествомъ другихъ вліятельныхъ испанцевъ, единственное преступленіе которыхъ заключалось въ томъ, что они остались вѣрны дѣлу своего отечества.

Не имѣя болѣе поводовъ щадить привилегированные классы, которыхъ не удалось ему склонить на свою сторону, не смотря на всѣ расточаемыя передъ ними любезности, онъ открылъ наконецъ програму возобновленія Испаніи рядомъ диктаторскихъ декретовъ [204]): однимъ онъ уничтожилъ феодальныя права, другимъ — инквизиціонный трибуналъ, третьимъ таможни между провинціями, четвертымъ число монастырей ограничивалъ одною третью. Превосходныя сами по себѣ, эти мѣры сдѣлались ненавистными для тѣхъ, кто пламеннѣе желалъ ихъ, и единственно потому, что онѣ были навязаны чужеземнымъ деспотизмомъ; и будучи далеки отъ достиженія цѣли, онѣ не произвели другаго дѣйствія, какъ только придали временную популярность классамъ и учрежденіямъ, которые со времени царствованія Карла III почти утратили свое вліяніе.

Наполеонъ поселился въ Шамартанѣ, въ деревенскомъ домѣ герцога Инфантадо, одного изъ тѣхъ, чьи имѣнія были конфискованы. Онъ появился на короткое время въ Мадридѣ, и

---

[204]) Отъ 4 декабря 1808. *Прим. автора.*

вмѣсто эффекта удивленія, который онъ привыкъ производить при своихъ въѣздахъ, онъ къ величайшей своей досадѣ встрѣтилъ холодно-непріязненный пріемъ. Вмѣсто того, чтобъ сбѣгаться привѣтствовать героя, испанцы заперлись въ домахъ. Онъ посѣтилъ дворецъ королей Испанскихъ. Говорятъ, что изъ всѣхъ драгоцѣнностей, заключавшихся въ королевскомъ жилищѣ, ему понравился больше портретъ Филиппа II, работы Веласкеза. Онъ долго молча смотрѣлъ на него; казалось, не могъ оторвать отъ него ненасытныхъ взоровъ, потому ли что старался проникнуть тайну этой живой загадки, потому ли что былъ охваченъ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ завистью, къ этому королю-инквизитору, который пользовался властью болѣе абсолютною и болѣе страшною, чѣмъ его собственная. Чрезъ нѣсколько дней онъ доставилъ обитателямъ Мадрида зрѣлище одного изъ военныхъ смотровъ, всегда привлекающихъ толпу любопытныхъ; парадъ этотъ прошелъ однакожъ въ полномъ уединеніи. Это равнодушіе, исполненное ненависти, обнаруживало непреклонность населенія. Мадридъ былъ дѣйствительно нездоровымъ мѣстопребываніемъ, и императоръ, всегда внимательный къ личной безопасности, предпочелъ сосѣдство своего лагеря столицѣ, заключавшей въ себѣ столько фанатиковъ.

Іосифъ послѣдовалъ за братомъ въ обозѣ арміи. Хотя онъ былъ глубоко униженъ незначительною ролью, которую заставили его играть, онъ сопутствовалъ брату въ Шамартанъ но тамъ ихъ неудовольствія приняли такой рѣзкій характеръ, что онъ долженъ былъ помѣститься въ Прадо. Іосифъ все еще смотрѣлъ на себя какъ на Испанскаго короля, и претендовалъ, не безъ нѣкотораго основанія, на голосъ въ статьѣ о поведеніи, какому должно было слѣдовать для приведенія его подданныхъ къ ихъ обязанностямъ, и на мнѣніе относительно мѣропріятій, за которыя онъ долженъ былъ нести отвѣтственность. Наполеонъ, напротивъ, не признавалъ другихъ правъ кромѣ права завоеванія: отъ него зависѣло сохранить ихъ

или передать снова; онъ говорилъ даже публично въ своихъ манифестахъ „что если испанцы не будутъ отвѣчать *его довѣрію*, то ему остается только перемѣстить брата на другой престолъ. Тогда онъ надѣнетъ на себя испанскую корону, и съумѣетъ заставить *злыхъ* уважать ее, потому что Богъ далъ ему и силу и волю преодолѣвать препятствія [205]).

Подъ этимъ личнымъ вопросомъ, которымъ могъ не дорожить Іосифъ, скрывались несогласія несравненно важнѣе, и которыя въ сущности были настоящею причиною холодности обоихъ братьевъ. Не смотря на искусственное немного честолюбіе, возбужденное въ немъ Наполеономъ, Іосифъ былъ человѣкъ гуманный и добрый. Конечно онъ хотѣлъ царствовать надъ испанцами и въ случаѣ нужды завоевать свое королевство, но онъ льстилъ себя надеждою задобрить ихъ кротостью, милосердіемъ, великодушіемъ; въ немъ были чувства добросовѣстности и справедливости; онъ вѣрилъ въ окончательное торжество неисчерпаемой доброй воли. Іосифъ не только питалъ искренно естественное отвращеніе отъ конфискацій, ссылокъ, арестовъ, убійствъ, стоившихъ такъ мало его брату; но онъ считалъ ихъ средствами неполитическими, созданными для погубленія его дѣла, и онъ надоѣдалъ Наполеону своими протестами. Слушая его просьбы, Наполеонъ пожималъ плечами отъ жалости; никакое злоупотребленіе, никакое преступленіе не заставляли его задуматься, чтобъ покорить Испанію, но во всякомъ случаѣ онъ былъ не менѣе утопистомъ въ своихъ жестокостяхъ, какъ Іосифъ въ своемъ благодушіи; но химера Наполеона была болѣе неосуществима, ибо каждое изъ его преступленій прибавляло только ненависти, которой онъ былъ предметомъ.

Говорили, что Наполеонъ, осуждая своего брата на это ничтожество, подвергавшее послѣдняго не разъ насмѣшкамъ солдатъ, побуждался единственно великодушнымъ желаніемъ

---

[205]) Прокламація 7 декабря.

принять на себя всѣ непріятности завоеванія и потомъ предоставить Іосифу честь милосердія. Мечта эта, столь мало сообразная съ даннымъ характеромъ—не выдерживаетъ критики въ виду *корреспонденціи* короля Іосифа и его откровенности съ друзьями. Наполеонъ зналъ, что испанцы считали Іосифа солидарнымъ во всемъ, что онъ дѣлалъ въ Испаніи, и всѣмъ это точно также было извѣстно. Безпрерывные протесты Іосифа смущали его каждую минуту, и вотъ почему онъ не хотѣлъ предоставить ему дѣйствительнаго вліянія. Вслѣдствіе декретовъ 4 декабря дѣло дошло до того, что Іосифъ рѣшился уклониться отъ положенія, которое онъ считалъ безчестнымъ:

„Государь, писалъ онъ къ Наполеону 8 декабря:—господинъ Урквіо сообщилъ мнѣ законодательныя мѣры, принятыя вашимъ величествомъ. *Стыдъ выступаетъ у меня на лицѣ предъ моими мнимыми подданными.* Умоляю ваше величество принять отъ меня отреченіе отъ всѣхъ правъ, дарованныхъ вами мнѣ на тронъ Испаніи. *Я всегда предпочту честь и добросовѣстность—власти, купленной столь дорого* [206]). Письмо это, одно изъ почетнѣйшихъ для памяти Іосифа, доказываетъ, какъ наполеоновская политика, если смотрѣть на нее вблизи и въ дѣлѣ, оцѣнивалась даже его братомъ и свидѣтелемъ, въ интересахъ котораго было судить ее снисходительно. Къ сожалѣнію Іосифу недоставало силы воли, онъ былъ задѣтъ за живое этою упорною страстью, которая привязывается словно Немезида къ людямъ вкусившимъ сладость царствованія, и у него никогда не хватало духа настоять на отставкѣ, которую онъ то подавалъ, то бралъ назадъ съ одинаковымъ раскаяніемъ.

Не смотря на его угрозы раздѣлить Испанію на вице-королевства и управлять ею самому какъ завоеванною стра-

---

[206]) *Mémoires* короля Іосифа. Т. V. См. также *Mémoires* Міо Мелито, V. III.
Прим. автора.

ною, Наполеонъ не могъ обойдтись безъ брата—по крайней мѣрѣ какъ безъ подставнаго имени своей собственной власти. Дѣйствительно, надо было оставить Испаніи тѣнь національнаго существованія, хоть бы даже для того, чтобъ дать поводъ соединиться тѣмъ классамъ, всегда довольно многочисленнымъ, особенно въ городахъ, которымъ зависимое и непрочное положеніе не позволяетъ роскоши мнѣнія. По этому онъ объявилъ о своемъ намѣреніи возстановить Іосифа на испанскомъ престолѣ, немедленно какъ только увидитъ какое нибудь доказательство покорности и онъ вызвалъ по этому поводу подъ рукою выходку муниципалитета и главныхъ членовъ духовенства города Мадрида. Послѣдніе нетерпѣливо желали освободиться отъ тягостныхъ бѣдствій военнаго занятія, и потому не трудно было заставить ихъ рѣшиться просить о возстановленіи короля, который обѣщалъ имъ облегченіе. Они 15 декабря предстали предъ Наполеона и умоляли его о „милости увидѣть въ Мадридѣ короля Іосифа, чтобъ подъ сѣнію его законовъ Мадридъ и вся Испанія пользовались спокойствіемъ и счастьемъ, которыхъ ожидали они отъ кротости характера его величества“.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь императоръ распространился въ похвалахъ сдѣланнымъ имъ реформамъ; онъ напомнилъ декреты, къ которымъ испанцы оказались столь неблагодарны, исчислилъ всевозможныя благодѣянія, которыя вкусить призвана была Испанія. Но выше его власти, говорилъ онъ, было—учреждать изъ испанцевъ націю подъ правленіемъ короля, если они будутъ продолжать питать принципы отчужденія и открытой ненависти къ Франціи. Онъ однако же не отказывался *уступить королю свои права завоеванія* и возстановить его въ Мадридѣ, еслибъ жители захотѣли обнаружить чувства вѣрности и подать примѣръ провинціямъ. Пусть они поспѣшатъ доказать искренность своей покорности, *„произнеся предъ св. дарами присягу не только устами, но и сердцемъ*. Въ силу этого заключенія, столь же страннаго,

сколько и неожиданнаго, св. дары нѣсколько дней были выставлены въ мадридскихъ церквахъ, и тамъ пріобщались жители, приходившіе присягать въ вѣрности королю Іосифу. Нельзя не удивиться при видѣ до какой степени люди, наиболѣе злоупотреблявшіе присягою, имѣютъ вѣру въ ея дѣйствительность, и съ какою наивностью льстятъ себя надеждою, что актъ, который служилъ имъ лишь средствомъ къ обману, будетъ для всѣхъ другихъ непреложнымъ и священнымъ обязательствомъ.

Если испанцы могли имѣть малѣйшую иллюзію по поводу этой *либеральной конституціи*, которая по смыслу императорской рѣчи 15 декабря должна была служить оградою ихъ покорности, имъ слѣдовало только развернуть французскій *Мониторъ* того же числа, чтобъ убѣдиться въ характерѣ и объемѣ обѣщанной имъ свободы. *Мониторъ* отъ 15 декабря дѣйствительно заключалъ въ себѣ по поводу образцоваго правленія, которое Наполеонъ далъ Франціи,—опредѣленіе, написанное имъ самимъ, и мало способное возбудить зависть въ чужеземныхъ націяхъ. Во время принятія знаменъ, отнятыхъ у непріятеля, Законодательный корпусъ поручилъ нѣкоторымъ изъ своихъ членовъ отнести къ императрицѣ поздравительный адресъ: „Я очень довольна, отвѣчала Жозефина:— что первое чувство императора послѣ побѣды, относилось къ *Корпусу представляющему націю*". Наполеонъ чрезвычайно разсердился на легкую оппозицію, обнаружившуюся въ этомъ собраніи по поводу одной статьи свода уголовныхъ слѣдствій. Онъ горько жаловался, „что вмѣсто подачи голосовъ по баллотировкѣ противъ закона, оппоненты пропустили созвать тайный комитетъ, что дозволяло бы видѣть изъ протокола, правы ли они или виноваты [207])". Императоръ пожалѣлъ въ первый разъ о молчаніи, на которое ихъ осудилъ, замѣтивъ, что самое это молчаніе дѣлало всякій доносъ не-

---

[207]) Наполеонъ къ Талейрану 27 ноября 1808. *Прим. автора.*

возможнымъ. Это значило скоро забывать, что эти протоколы не принесли счастье Трибунату, но члены Законодательнаго корпуса обладали лучшею памятью.

Узнавъ, что императрица назвала представителями націи людей, которые даже не смѣли мотивировать своей подачи голоса—такъ онъ унизилъ ихъ и оподлилъ—Наполеонъ ощутилъ настоящій порывъ бѣшенства, какъ и всякій разъ, когда предъ нимъ напоминали о захваченныхъ имъ правахъ. *Монитеръ* напомнилъ депутатамъ ихъ ничтожество и загремѣлъ надъ ихъ униженными головами: „Ея величество императрица *совсѣмъ не сказала этого*, утверждала статья *Монитера*.— Она очень хорошо знаетъ наши учрежденія; она очень хорошо знаетъ, *что первый представитель націи императоръ*.... По порядку нашихъ учрежденій за императоромъ слѣдуетъ Сенатъ, за Сенатомъ Государственный совѣтъ, за Государственнымъ совѣтомъ Законодательный корпусъ... Конвентъ Законодательное собраніе—были представители, таковы были тогда наши учрежденія. Предсѣдатель также оспаривалъ кресло у короля, но теперь *это было бы химерическая и даже преступная претензія — желать представлять націю прежде императора*. Законодательный корпусъ, не свойственно такъ названный, долженъ бы называться *законодательнымъ совѣтомъ*, потому что онъ не можетъ издавать закона, безъ предложенія. *Онъ только собраніе уполномоченныхъ отъ избирательныхъ совѣтовъ*“.

Такова была во всѣхъ существенныхъ чертахъ Конституція, которую онъ хотѣлъ навязать всей Европѣ, какъ планъ непреложнаго и безусловнаго совершенства; робкій и трепетный Сенатъ, составленный изъ его креатуръ, Государственный совѣтъ изъ дѣятельныхъ и послушныхъ орудій, Законодательный корпусъ, низведенный до роли регистратуры, и подъ этими тѣнями, одинъ человѣкъ единственный представитель націи, вмѣстѣ трибунъ и диктаторъ, облеченный тройною властью учреждать, издавать законы и управлять.

Вѣдь не бездѣлица такъ быстро осуществить эту унизительную теорію, въ полномъ христіанствѣ, среди свѣта науки, но можетъ быть было уже черезчуръ предлагать ее столь открыто на удивленіе народамъ, ибо могли принять цезаизмъ какъ печальную проходящую необходимость, но никто въ немъ не видѣлъ нормальной и продолжительной системы. Одинъ лишь авторъ этого анахронизма считалъ свою мечту серьезною, одинъ лишь онъ хотѣлъ продолжать до конца это откапываніе римскаго упадка. Его мысль не могла выйдти изъ этого узкаго круга, онъ воскрешалъ его имена, учрежденія, нравы; онъ отыскивалъ тамъ аналогіи до такой степени, что не могъ даже говорить о неудачѣ Дюпона, не сравнивъ ее съ неудачею *Сабинія Титурія*; наконецъ онъ переносился съ наслажденіемъ въ эти ужасные вѣка, которые не что иное какъ кошмаръ для каждаго свободнаго духа. Въ то самое время когда онъ низвергалъ столько бичей на несчастную Испанію,—по какому-то странному противорѣчію, которое могло зародиться лишь въ головѣ помѣшаннаго Цезаря, онъ послалъ Камбасересу проектъ *храма Януса*, который должно было построить на вершинѣ Монмартра, и *гдѣ произойдутъ первыя торжественныя объявленія о мирѣ* [208]). Воздвиженіе храма Мира, когда онъ удвоилъ конскрипцію до ста шестидесяти человѣкъ, казалось ему, должно было служить для всѣхъ французовъ непреложнымъ доказательствомъ его примирительныхъ намѣреній, и въ этомъ случаѣ надобно согласиться, что онъ не слишкомъ преувеличилъ легковѣріе этого народа, съ которымъ управляются словами. Этотъ храмъ долженъ былъ стоить отъ тридцати до сорока миллъоновъ. Такъ какъ громадность суммы могла повредить популярности монумента, Наполеону пришла тоже римская мысль взять эту сумму исключительно въ классѣ избирателей, состоявшихъ тогда не болѣе изъ тридцати

---

[208]) Наполеонъ къ Камбасересу 26 ноября 1808. *Прим. автора.*

или сорока тысячъ дѣйствительныхъ членовъ. По его разсчету, на каждаго изъ этихъ прихожанъ новаго рода слѣдовало наложить отъ тысячи до трехъ тысячъ франковъ.

Около двадцати дней Наполеонъ былъ уже въ Мадридѣ, но еще ничего не сдѣлалъ для разбитія англійской арміи. Конечно, еслибъ, чрезъ нѣсколько дней по прибытіи въ эту столицу, онъ по своей обычной методѣ пошелъ прямо на англичанъ, чтобъ довершить свою побѣду, онъ подвергъ бы армію Мура величайшей опасности. Дѣйствительно этотъ генералъ только въ первыхъ числахъ декабря получилъ свою артиллерію и кавалерію, приведенную генераломъ Гопе изъ долины Таго чрезъ горную цѣпь, раздѣляющую обѣ Кастиліи: но онъ не могъ еще соединиться съ генераломъ Бэрдомъ. Муръ былъ осторожный и храбрый главнокомандующій и армія любила его, и самые строгіе судьи его ставили ему въ вину лишь исключительное его недовѣріе къ самому себѣ. Онъ испыталъ въ Испаніи всѣ неудачи, ожидающія главнокомандующаго среди безпорядочной инсуррекціи. Узнавъ въ Саламанкѣ о пораженіяхъ, понесенныхъ одно за другимъ испанскою арміею, глубоко обезкураженный безпорядками, отсутствіемъ дисциплины, бездѣйствіемъ вспомогательныхъ войскъ, на которыя разсчитывалъ, раздраженный альтернативою хвастовства и унынія въ ихъ поведеніи, наконецъ будучи слишкомъ слабъ, чтобъ самому съ двѣнадцатью тысячами предпринять что нибудь противъ непріятеля, столь превосходнаго въ силахъ, Муръ, поражаемый всѣми этими непріятностями [209]), рѣшился сперва оставить свою передовую позицію въ Саламанкѣ и отступить въ Португалію, приказавъ Давиду Бэрду ретироваться на Коронью. Вскорѣ потомъ по настоянію испанскихъ генераловъ и британскаго посланника при центральной юнтѣ Фрезе, онъ согласился,

---

[209]) Свидѣтельство этого находится на каждой страницѣ его *корреспонденціи* и его *журнала*. *Прим. автора.*

къ величайшей радости своихъ солдатъ, желавшихъ битвы [210]), идти на Валладолидъ, чтобъ сдѣлать диверсію въ пользу инсургентовъ востока и юга. Но рѣшаясь обратить на себя на сѣверѣ силы Наполеона, онъ принужденъ былъ пожертвовать своими сообщеніями съ Португаліею и перемѣстить свою линію отступленія, которая уже направлялась на Коронью вмѣсто Лиссабона.

На походѣ въ Валадолидъ генералъ Муръ перехватилъ курьера, чрезъ котораго Наполеонъ предписывалъ Сульту идти на Леонъ и отбросить корпусъ Романы въ Галицію. Вслѣдствіе этого извѣстія онъ пошелъ немного лѣвѣе по дорогѣ Торо и Бенавенте, чтобъ поддержать своихъ союзниковъ противъ Сульта, и 20 декабря соединился съ Бэрдомъ въ Майоргѣ—послѣ чего силы его возросли до двадцати пяти тысячъ человѣкъ [211]). Къ нашему счастью Сультъ оставался въ окрестностяхъ Карріона и могъ отступить передъ англичанами, которые подвинулись до Сагагуна (22 декабря).

Таково было положеніе англійской арміи, когда наконецъ Наполеонъ рѣшился атаковать ее. Число войскъ его на полуостровѣ все увеличивалось, потому что корпуса Жюно и Мортье вышли одинъ на Бургосъ, другой на Сарагоссу, на подкрѣпленіе Монсея; солдаты наши даже одержали новыя побѣды надъ испанцами, и хотя казалось всѣ наши затрудненія въ Испаніи окончились, однако по видимому все начиналось тамъ съизнова. Покореніе Мадрида произвело въ провинціяхъ движеніе гнѣва и негодованія. Инсургентскія арміи, хотя и разбитыя на всѣхъ пунктахъ, по видимому комплектовались во время бѣгства, какъ наши во время

---

[210]) *Story of the Peninsular war* by the marquis of Londonderry. *Прим. автора.*

[211]) Цифра эта за исключеніемъ войскъ, оставленныхъ въ Португаліи и въ Луго, и больныхъ оставшихся въ госпиталяхъ. Она заимствована изъ *офиціальнаго отчета* арміи Мура отъ 19 декабря 1808, напечатаннаго въ *Story of the Peninsular war by the Napier*. *Прим. автора.*

успѣха. Все, что не было убито на полѣ сраженія, собиралось снова. Чрезъ нѣсколько времени не было испанца, способнаго носить оружіе, который не служилъ послѣдовательно въ пяти или шести различныхъ арміяхъ. Чтобъ покорить, надобно было убивать, и Наполеонъ не отступалъ передъ этимъ весьма логическимъ послѣдствіемъ своего предпріятія. Но исполненіе его было чрезвычайно трудно съ непріятелемъ, умѣвшимъ скрываться столь искусно. Поэтому чрезъ нѣсколько дней появилась армія, которая въ бюллетеняхъ была объявлена *совершенно уничтоженною*. Въ арміи Блаке, разбитой при Эспинозѣ, считалось теперь десять тысячъ человѣкъ въ Кастиліи и столько же въ Астуріи, подъ командою Романы; Палафоксъ, запертый въ Сарагоссѣ, сдерживалъ корпуса Монсея и Мортье; войска Кастаноса, столь живо преслѣдуемыя въ Сигуэнзѣ, спустились на Куэнцу и заняли крѣпкія позиціи подъ начальствомъ герцога Инфантадо, и ряды ихъ видимо увеличивались; наконецъ Эстрамадурская армія, готовая распасться отъ собственныхъ злоупотребленій послѣ Сомо-Сіерры и опозоривъ себя убійствомъ своего генерала донъ Жуана, была приведена въ порядокъ Галуззо, который занялъ Альмаразъ на Таго.

Положеніе это снова столь невѣрное послѣ успѣховъ, столь рѣшительныхъ по наружности, можетъ быть въ сущности и есть настоящая причина, что Наполеонъ опоздалъ перейдти въ наступленіе. Привыкнувъ крѣпко сжимать своихъ противниковъ, чтобъ ихъ уничтожать, онъ нѣкоторымъ образомъ былъ смущенъ при видѣ этихъ уклончивыхъ движеній непріятеля, который исчезалъ немедленно въ моментъ, когда его собирались схватить. Какъ бы то ни было, узнавъ 19 декабря о походѣ англичанъ на Валладолидъ, онъ понялъ, что этимъ самымъ измѣнялась ихъ линія отступленія, и тотчасъ-же почти постигъ планъ Мура: „По всему надобно полагать, писалъ онъ въ замѣткѣ, оставленной Іосифу: — что они очищаютъ Португалію и переносятъ свою операціонную

линію на Короньи. Но посредствомъ этого движенія они могутъ надѣяться нанести ударъ корпусу маршала Сульта [212]).

Послѣдняя эта мысль была дѣйствительно весьма естественнымъ стремленіемъ въ положеніи генерала Мура, который видѣлъ необходимость отступить безъ боя, и Наполеонъ надѣялся разбить его. Значитъ мы имѣли время броситься на его сообщенія и отрѣзать ему путь на Коронью. У императора было восемьдесять тысячъ человѣкъ въ окрестностяхъ Мадрида; онъ взялъ половину, а другую оставилъ Іосифу [213]), укрѣпивъ Ретиро, который сдѣлался настоящимъ укрѣпленнымъ лагеремъ. Іосифъ оставилъ у себя корпуса Лефевра и Виктора съ двумя дивизіями кавалеріи—силы, болѣе нежели достаточныя для отраженія нападенія; императоръ увелъ корпусъ Нея, императорскую гвардію, сильные резервы артиллеріи и кавалеріи. Гибель англичанъ казалась ему почти вѣрною и имъ трудно было бы спастись, еслибъ ихъ поставили между этими сорока тысячами и корпусомъ Сульта: „Я отправляюсь сію минуту, писалъ онъ Жозефинѣ отъ 22 декабря:—я хочу *маневрировать* англичанъ, которые, кажется, получили подкрѣпленіе и *хотятъ побуянить*. Время хорошее, здоровье мое отлично, не безпокойся" [214]).

Вечеромъ того же дня онъ перешелъ пѣшкомъ чрезъ склоны Гвадарамы подъ сильною мятелью. Погода, благопріятствовавшая до тѣхъ поръ, сдѣлалась скверною, что не помѣшало однакожъ быстротѣ нашихъ движеній. 22 декабря Наполеонъ былъ въ Тордесилласѣ недалеко отъ Валладолида, съ убѣжденіемъ, что онъ захватитъ и разобьетъ англійскую армію: „Велите напечатать въ газетахъ, писалъ онъ къ Іосифу:—что 36,000 англичанъ окружены, что я у нихъ въ

[212]) Замѣтки для Іосифа, отъ 22 декабря 1808. *Прим. автора.*

[213]) Необходимо въ этомъ случаѣ ограничиваться обыкновенно столь вѣрными численіями Нэпира, который полагаетъ въ 50,000 человѣкъ армію, которую велъ Наполеонъ противъ Мура.

[214]) Къ Жозефинѣ, 27 декабря. *Прим. автора.*

тылу, въ то время, какъ Сультъ спереди" [215]). Черезъ нѣсколько дней пришлось запѣть на другой ладъ.

Будучи извѣщенъ Романою о походѣ Наполеона, сэръ Джонъ Муръ, готовившійся идти на Салдану, чтобъ атаковать Сульта (23 декабря), понялъ необходимость немедленнаго отступленія, если не хотѣлъ очутиться между двухъ огней. Онъ съумѣлъ выполнить свою задачу, съ искусствомъ и съ рѣшимостью. Прямымъ путемъ его на Коронью была мансильская дорога, но какъ ее загромождали обозы испанской арміи, онъ быстро отступилъ по Бенавентѣ, велѣлъ тамъ взорвать мосты на Эзлѣ и отретировался на Асторгу (26 декабря). Нашъ авангардъ былъ еще въ Désинѣ де Ріо Секо. Муръ ускорилъ маршъ; онъ оставилъ въ Бенавентѣ кавалерійскій отрядъ подъ командою лорда Паджета, чтобъ задержать нашу кавалерію. Приближаясь къ этому городу съ легкою конницею, Лефебръ-Деноэттъ, увидя разломанные мосты, приказалъ четыремъ эскадронамъ переправиться вплавь черезъ Эзлу. Они были прогнаны и изрублены непріятельскою кавалеріею, а самъ Лефебръ попалъ въ плѣнъ, когда было едва не утонулъ въ рѣкѣ.

Наполеонъ долженъ былъ сознаться, что разсчеты его не удались. Онъ могъ только преслѣдовать англичанъ по линіи отступленія, вмѣсто того, чтобъ отрѣзать имъ дорогу. Дурное расположеніе его духа выразилось въ оскорбительныхъ ругательствахъ. „Англичане нетолько разобрали мосты, но даже взорвали порохомъ устои—*варварскій пріемъ*, непринятый въ войнѣ!... Поэтому вся страна возненавидѣла ихъ". Изъ этого видно, какъ этотъ великій человѣкъ становился щекотливымъ относительно варварства, когда приходилось ему судить о поведеніи его противниковъ. Въ сущности варварство, которое онъ прощалъ имъ менѣе всего, — было

---

[215]) Къ Іосифу, 27 декабря. *Прим. автора.*

то, что они ушли отъ ловушки. Съ тѣхъ поръ какъ онъ потерялъ надежду захватить ихъ армію, она состояла не изъ 36,000, а изъ 25,000 человѣкъ: „Дѣйствительныя ихъ силы, писалъ онъ:—20, или 21,000 пѣхоты и отъ 4 до 5,000 кавалеріи“. И онъ прибавлялъ: „Они должны благодарить препятствія, какія представлялъ переходъ через гору Гвадараму, и *гнусную грязь*, какую мы встрѣтили“. Польская грязь вошла въ пословицу, благодаря бюллетенямъ, но испанская были легендою, которой труднѣе давалась вѣра.

Главное затрудненіе ретирады Мура заключалось менѣе въ преслѣдованіи французской арміи, чѣмъ въ недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ и дурномъ состояніи дорогъ. Кавалерія наша, подъ командою Бессьера, тѣснила ихъ вблизи, но корпусъ Нея едва достигъ Бенавенте, когда англичане прошли уже Асторгу. Сультъ быстро ушелъ впередъ, съ тѣхъ поръ какъ разбилъ въ Мансилѣ испанскій арьергардъ, которому поручено было защищать этотъ проходъ; но онъ былъ не настолько силенъ, чтобъ серьезно напасть на англичанъ, хотя и много наносилъ имъ вреда, тревожа ихъ безпрерывно. До Виллафранки страданія ихъ были велики, но еще сносны. Но когда пришлось переходить горы, покрытыя снѣгомъ отдѣляющія Виллафранку отъ Луго, у нихъ почти не было съѣстныхъ припасовъ. Для добыванія ихъ надо было выламывать двери въ домахъ, и армія представляла неописанныя сцены безпорядка. Въ дорогѣ оставляли пьяныхъ, раненыхъ, большое количество отсталыхъ, слабыхъ, чтобъ идти впередъ, и между ними большое количество женщинъ и дѣтей; испортили и кинули весь багажъ, котораго нельзя было тащить съ собою; бросили въ пропасть около милльона денегъ золотомъ; сотнями убивали лошадей, которыхъ нечѣмъ было кормить болѣе; наконецъ отъ полнѣйшаго бѣдствія избавились только благодаря необыкновенно быстрому переходу, дозволившему арміи поспѣшно выбраться изъ этихъ ужасныхъ ущелій, и подкрѣпить свои силы въ Луго (5 января 1809). До сихъ поръ Муръ коле-

бался между Короньею и Виго — какъ линіею отступленія: въ Луго онъ созналъ необходимость предпочесть Коронью, гдѣ долженъ былъ найдти болѣе удобствъ для посадки на суда [216]). Наполеонъ остановился въ Асторгѣ. Самъ онъ объяснялъ это въ письмѣ того времени тѣмъ, что, слѣдуя далѣе съ своею арміею, онъ очутился бы въ двадцати дняхъ пути отъ Парижа. Съ другой стороны, по слухамъ, носившимся въ арміи, онъ, получивъ и прочтя свои депеши въ Асторгѣ 2 января, долго былъ погруженъ въ глубокую задумчивость, потомъ отдалъ приказъ выступить на Бенавенте, не сообщивъ никому своихъ мыслей. Вотъ откуда происходитъ весьма установившееся мнѣніе, что въ этотъ день онъ получилъ очень важныя извѣстія, обязывавшія его возвратиться во Францію. Не оспаривая дѣйствительности небольшой сцены прочтенія депешъ, подтверждаемой достойными вѣроятія свидѣтелями, мы думаемъ, что рѣшимость Наполеона должна быть приписана совершенно другимъ причинамъ. Во первыхъ ни во Франціи, ни въ Европѣ не произошло ничего такого, что могло бы оправдывать этотъ внезапный поворотъ. Австрія продолжала вооружаться, что она дѣлала уже въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, но она была еще очень далека, чтобъ приступить къ дѣйствію. Что же касается до вліянія, приписываемаго интригамъ Фуше и Талейрана, то это — предположеніе, основанное на весьма незначительныхъ сплетняхъ. Въ Парижѣ не совершилось ничего, могшаго причинить Наполеону даже легкое безпокойство. Настоящая причина его остановки заключается въ сознаніи, что онъ не имѣлъ уже никакого средства помѣшать отплытію англичанъ. Блистательный ударъ его, столь шумно заявленный, не удался, и онъ уже не заботился пройдти отъ сорока до пятидесяти миль по ужаснымъ дорогамъ, чтобъ присутствовать при ихъ

---

[216]) *Letter from lieutenant-general sir John Moore to viscount Castelreage*, января 13, 1809. Ann. Reg. *Прим. автора.*

уходѣ, получивъ въ награду за такой трудный походъ тысячи три или четыре отсталыхъ, побѣжденныхъ скорѣе усталостью, нежели его оружіемъ. Онъ предоставилъ этотъ незавидный успѣхъ двумъ маршаламъ Сульту и Нею, а самъ возвратился въ Валладолидъ.

Генералъ Муръ выступилъ изъ Луго 8 января вечеромъ, напрасно предлагая сраженіе Сульту въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней. И онъ достигъ Короньи — и наконецъ пришелъ къ цѣли труднаго отступленія, которое велъ съ одинаковыми твердостью и благоразуміемъ. Но его тамъ ожидало страшное разочарованіе. Суда, на которыхъ онъ долженъ былъ отплыть, еще не прибыли. Онъ получилъ это извѣстіе не дрогнувъ и сдѣлалъ всѣ распоряженія дать битву французамъ, корпуса которыхъ къ счастью запоздали. 14 января транспортныя суда Мура появились въ виду Короньи. Тогда, выйдя изъ своего бездѣйствія, Сультъ рѣшился воспрепятствовать посадкѣ англичанъ. Онъ далъ имъ продолжительное и кровопролитное сраженіе 16-го, но не могъ ни на одномъ пунктѣ сбить ихъ съ позицій. Англичане сѣли на суда до послѣдняго человѣка, но лишились двухъ генераловъ Давида Бэрда и Мура, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ на повалъ, а другой смертельно раненъ, въ моментъ, когда совершалось освобожденіе арміи, которую они спасли своею настойчивостью и безстрашіемъ. „Вы знаете, сказалъ Муръ въ минуту кончины своему другу, полковнику Андерсону: — что я всегда желалъ умереть подобнымъ образомъ... надѣюсь, что англійскій народъ будетъ доволенъ [217])“.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Валладолида въ Парижъ 17 января 1809, не дождавшись даже результата преслѣдованія Сульта и Нея. Съ 1 января онъ предвидѣлъ, что не помѣ-

---

[217]) S. C. Moore: Life of sir *John Moore*.—Lord Londondery: *Story of the Peninsular War*.—Robert Southey id. — Napier: *Histoire de la guerre de la Péninsule*, traduction et notes du général Mathieu Dumas, etc.

Прим. автора.

шаетъ посадкѣ англичанъ; это была настоящая причина его быстраго рѣшенія не идти далѣе. Все, что писали по этому поводу о мнимой возможности настигнуть ихъ на дорогѣ, объ ошибкахъ обоихъ маршаловъ, покровительствовавшихъ своею медленностью бѣгству непріятеля, падаетъ предъ этими простыми словами, адресованными Сульту отъ имени императора генералъ-маіоромъ Бертье, отъ 1 января 1809: „Господинъ маршалъ! Императоръ, предвидя посадку англичанъ на суда, надиктовалъ послѣднія инструкціи для послѣднихъ операцій герцога Эльхингенскаго и вашихъ. Онъ приказалъ: когда агнличане сядутъ на суда, вы пойдете на Опорто и проч. [318])“. Чтобъ императоръ допустилъ это отступленіе, какъ совершившійся фактъ, столь задолго до его осуществленія, необходимо, чтобъ онъ не только былъ весьма вѣроятенъ, но чтобъ имѣлъ въ свою пользу тысячу шансовъ противъ одного.

Ничего не было окончено въ Испаніи, когда онъ рѣшился возвратиться во Францію. Англійская армія удалялась отъ Короньи, но было очень вѣроятно, что она возвращалась моремъ въ Португалію, гдѣ она оставила отрядъ около десяти тысячъ человѣкъ. Въ этомъ также направленіи ретировалась армія Романы, разбитая, но не уничтоженная. На другихъ пунктахъ полуострова сопротивленіе далеко не было побѣждено. Ланнъ взялся вести осаду Сарагоссы; онъ преслѣдовалъ ее съ холодною, непоколебимою энергіею, но ничто еще не обнаруживало, что онъ долженъ восторжествовать надъ непоколебимою рѣшительностью гражданъ: одинъ этотъ городъ занималъ два нашихъ корпуса Монсея и Мортье. Викторъ съ своей стороны разбилъ въ Уклесѣ армію Инфантадо и отбросилъ ее къ Валенціи, но успѣхъ этотъ не имѣлъ ничего окончательнаго. Сенъ-Сиръ,

---

[318]) Депеша Бертье къ Сульту.—Mémoires du Roi Joseph.

Прим. автора.

вступилъ въ ноябрѣ въ Каталонію, успѣлъ снять осаду съ Барцелоны вслѣдствіе методической и ученой кампаніи, — въ чемъ онъ былъ очень искусенъ, но хотя и побилъ каталонцевъ при многихъ встрѣчахъ, онъ еще былъ далекъ отъ покоренія этой провинціи. Наконецъ Андалузія, столь гибельная для нашего оружія, была еще нетронута, какъ и весь почти югъ Испаніи. Однимъ словомъ, мы только прошли страну побѣдителями, но нигдѣ прочно не оставались, и когда мы задушали мятежъ на одномъ пунктѣ, онъ возставалъ на другомъ.

Предположивъ, что полное покореніе Полуострова было осуществимо даже для генія Наполеона, и употребляя всѣ средства, какими онъ могъ располагать, это въ сущности было дѣло терпѣнія и самоотверженія, не обѣщавшее ни блестящей славы, ни непосредственныхъ результатовъ. Это была задача, къ счастливому окончанію которой могли только привести смѣсь кротости и строгости, продолжительные и искусные пріемы терпѣнія; которая требовала прежде всего много настойчивости, спокойствія, мудрости; это было наконецъ нѣчто въ родѣ умиротворенія Вандеи, принесшаго такую честь генералу Гошу, съ затрудненіями, усиленными количествомъ населенія, разстояніями, могуществомъ народной ненависти. Ничто не было антипатичнѣе подобной роли для естественныхъ свойствъ Наполеона, особенно для его добрыхъ и дурныхъ качествъ, развитыхъ въ немъ его успѣхами. Это щекотливое и требовавшее терпѣнія дѣло не было совмѣстимо ни съ его театральными пріемами, ни съ вспыльчивостью его деспотическаго характера, ни съ понятіемъ, которое онъ хотѣлъ дать о своемъ всемогуществѣ и своей непогрѣшимости. И такъ онъ рѣшился оставить его своимъ генераламъ, будучи твердо убѣжденъ, что къ нему самому отнесется слава въ случаѣ успѣха, и что въ случаѣ неудачи, они одни понесутъ отвѣтственность.

Чтобъ скрасить въ глазахъ Европы возвратъ, который трудно было оправдать послѣ его манифестовъ, въ которыхъ онъ съ такою напыщенностью объявлялъ, *что воздрузитъ свои орлы на башняхъ Лиссабона*, онъ написалъ и помѣтилъ даже изъ Валладолида, на канунѣ своего отъѣзда, рядъ самыхъ воинственныхъ циркуляровъ, адресованныхъ къ государямъ Германскаго союза.

Не имѣя никакого новаго повода упрекнуть Австрію и желая во всякомъ случаѣ объяснить свой отъѣздъ, какъ бы онъ былъ вызванъ этою державою, онъ воспользовался статьями вѣнскихъ и петербургскихъ газетъ, чтобъ предписать своимъ союзникамъ угрожающее положеніе относительно Вѣнскаго двора. Онъ объявилъ имъ, что, не трогая ни одного человѣка изъ испанской арміи, онъ готовъ выступить на Иннъ съ 150,000 человѣкъ. „*Россія*, прибавилъ онъ, намекая ловко:—пришла въ негодованіе отъ сумасброднаго поведенія Австріи. Мы ничего не можемъ понять изъ это безразсудства, предвѣстника гибели государствъ.—Неужели дунайскія воды пріобрѣли свойства водъ Леты?“

Онъ считалъ себя въ правѣ сдѣлать этотъ вызовъ, не начиная войны непосредственно и предоставляя себѣ избрать удобную минуту. Очевидно, онъ предполагалъ на Австріи выместить свои неуспѣхи въ Испаніи. Обаяніе его, столь серьезно нарушенное со времени Байлена и Цинтры, не могло возвыситься вновь въ медленныхъ и невѣрныхъ переходахъ войскъ на Полуостровѣ, и онъ возстановитъ его на счетъ Австріи, которая такъ давно уже привыкла къ пораженіямъ. Нечувствительно онъ усвоивалъ съ Испаніею ту же самую политику, что и съ Англіею: онъ дошелъ до того, что разсчитывалъ разбить Испанію въ Европѣ.

Покидая Полуостровъ, онъ оставилъ Іосифу нѣсколько политическихъ и военныхъ инструкцій: военныя заключали въ себѣ планъ кампаніи въ Португаліи и Андалузіи, а политическія были болѣе кратки и очень упрощены со времени не-

удачи реформъ. Онѣ заключали въ себѣ родъ зловѣщаго припѣва, повторявшагося во всѣхъ письмахъ Наполеона къ Іосифу: „Я не доволенъ мадридскою полиціею, писалъ онъ 10 января изъ Валладолида:—Белльяръ слишкомъ слабъ; съ испанцами надобно быть строгимъ *Я велѣлъ арестовать здѣсь пятнадцать самыхъ закоренѣлыхъ негодяевъ и приказалъ разстрѣлять ихъ.* Велите арестовать такихъ же человѣкъ тридцать въ Мадридѣ. *Когда съ этими бездѣльниками обходятся кротко, они считаютъ себя неуязвимыми; если же нѣкоторыхъ изъ нихъ повѣсятъ, они начинаютъ разлюбливать игру и становятся смирными и покорными, какими и должны быть*“ [219]).

12 января онъ возвращается къ этимъ наставленіямъ; онъ благодаритъ его за то, что Белльяръ началъ примѣнять ихъ къ дѣлу: „*Поступокъ* Белльяра превосходенъ. *Надобно велѣть повѣсить десятка два самыхъ отчаянныхъ негодяевъ.* Я достигъ спокойствія во Франціи и возвратилъ довѣріе благомыслящимъ людямъ только потому, что велѣлъ арестовать двѣсти зажигателей и сентябрскихъ убійцъ и сослалъ ихъ въ колоніи. Съ этихъ поръ духъ въ столицѣ измѣнился словно по командѣ“ [220]).

16 января онъ снова настаиваетъ на этихъ урокахъ высшей политики; чтобъ рѣзче начертались они въ доброй душѣ Іосифа: „Палата алькадовъ Мадрида оправдала или только присудила къ тюремному заключенію тридцать мерзавцевъ, арестованныхъ Белльяромъ: *надобно назначить военную коммиссію для новаго суда надъ ними и велѣть разстрѣлять виновныхъ*.... Здѣсь употребляли всѣ усилія исходатайствовать помилованіе осужденнымъ разбойникамъ. Я отказалъ, *я велѣлъ ихъ повѣсить и знаю, что просители въ глубинѣ*

---

[219]) Письмо напечатанное въ Mémoires короля Іосифа и неперепечатанное въ *Correspondence* Наполеона. *Прим. автора.*

[220]) *Mémoires* короля Іосифа. *Прим. автора.*

души были довольны, что ихъ не послушали. Я считаю особенно въ первые моменты необходимымъ для вашего правительства выказать немного энергіи относительно бездѣльниковъ. Бездѣльники не любятъ и не уважаютъ тѣхъ, кто ихъ боится; а страхъ, внушаемый вами этой сволочи, одинъ можетъ доставить вамъ любовь и уваженіе всей націи" [221]).

Наконецъ онъ предлагалъ ему взять въ Мадридѣ въ монастыряхъ и конфискованныхъ домахъ *пятьдесятъ лучшихъ произведеній* Испанской школы, которыхъ, по его словамъ, недоставало къ коллекціи парижскаго музея [222]).

---

[221]) Mémoires короля Іосифа. *Прим. автора.*

[222]) Наполеонъ къ Іосифу 15 января. *Прим. авт.*

ГЛАВА XII.

Разрывъ съ Австріею. — Пятидневное сраженіе. — Вторичное взятіе Вѣны. — Эсслингъ. (Февраль — май 1809).

Выѣхавъ изъ Валладолида 17 января 1809, императоръ прибылъ въ Тюильри 23. Часто повторяли, что интриги въ Парижѣ не менѣе австрійскаго вооруженія способствовали нечаянному возвращенію, изумившему весь міръ. Таковы были дѣйствительно предлоги, на которые онъ ссылался для объясненія своего поспѣшнаго отъѣзда съ Полуострова, но— значитъ дурно понимать этотъ характеръ, если серьезно принимать оправданія, какія ему было удобно давать относительно своего поведенія Наполеонъ не могъ объявить настоящихъ причинъ. Онъ не могъ не сознаться, что онъ, уничтожившій въ восемь дней военное могущество Пруссіи, чувствовалъ себя униженнымъ и въ отчаяніи—провести около трехъ мѣсяцевъ въ Испаніи и не справиться съ возстаніемъ, о которомъ отзывался не иначе какъ съ крайнимъ презрѣніемъ. Въ сущности здѣсь было повтореніе Булоньскаго поворота съ меньшимъ нетерпѣніемъ начать войну, но съ равнымъ желаніемъ показать видъ, что его вызвали на нее. Но ложныя видимости, которыми онъ съумѣлъ искусно воспользоваться, для показанія, что его принудили покинуть страну, которую ему хотѣлось оставить, не выдерживаютъ внима-

тельнаго разбора. Приготовленія Австріи продолжались медленно; ея наступленіе, которое Наполеонъ долженъ былъ ускорить собственными вызовами, еще было довольно далеко. Что же касается до интригъ въ Парижѣ, то онѣ ограничивались одною безвредною болтовнею.

Такъ было, какъ и всегда, когда императоръ находился далеко отъ Франціи, — немного больше свободы въ рѣчахъ, немного меньше робости въ выраженіи неудовольствія. Не смотря на китайскую стѣну, воздвигнутую его полиціею вокругъ Франціи, нѣсколько лучей свѣта проникли въ нее, чтобъ освѣтить испанскія событія, которыя хотѣлось ему прикрыть непроницаемою тьмою, и публика, хотя и слишкомъ деморализованная, чтобъ судить ихъ съ заслуженнымъ негодованіемъ, осмѣливалась однакожъ порицать предпріятіе, успѣхъ котораго, по видимому, былъ сомнителенъ. Что касается большинства массы, она начинала жаловаться на конскрипціи, истощавшія ее, но жалобы ея и не простирались дальше этого. Нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ имперіи, боясь за свое положеніе, осторожно присоединялись къ этимъ обсужденіямъ. Другіе ставили неизбѣжный вопросъ — что будетъ, если императоръ будетъ побѣжденъ въ Испаніи—тѣмъ болѣе естественное, что императорская фамилія была раздираема неукротимыми распрями.

Но этотъ ропотъ имѣлъ весьма слабое эхо внѣ гостиныхъ. Тогда не существовало ни печати, ни трибуны, чтобъ придать ему необходимую гласность. Правда, Законодательный Корпусъ былъ въ сборѣ, но хотя его и мало удовлетворялъ ходъ дѣлъ, однако онъ возвышалъ свой голосъ лишь для низкихъ восхваленій. Присматриваясь однако къ нему вблизи, можно было впрочемъ увидѣть едва замѣтный признакъ его тайнаго неодобренія въ довольно значительномъ количествѣ оппозирующихъ голосовъ, съ которыми онъ принималъ проектъ свода уголовныхъ слѣдствій. Гражданское мужество его дошло однажды до того, что онъ отвергъ

одинъ параграфъ закона, и тотчасъ же какъ бы ушелъ сквозь землю, испугавшись собственной смѣлости.

Рядомъ съ этимъ важнымъ событіемъ, приводили другой не менѣе угрожающій случай алармисты, заинтересованные выставить свое рвеніе. Между Фуше и Талейраномъ, старинными отъявленными врагами, произошло сближеніе. Обѣ эти личности, которыя были не изъ такихъ, чтобъ дозволить застать себя врасплохъ случайностямъ, имѣли продолжительныя бесѣды между собою. Они поняли необходимость соглашенія и взаимнаго содѣйствіи на случай смерти императора. Утверждаютъ, что предъ отъѣздомъ въ Неаполь, Мюратъ, зять Наполеона, далъ свое согласіе на всѣ ихъ планы съ надеждою воспользоваться со временемъ своею популярностью въ арміи [223]). Что подобными дружественными сообщеніями дѣйствительно обмѣнивались люди, озабоченные охраненіемъ своего важнаго политическаго положенія, и что всѣ они болѣе или менѣе могли жаловаться на поступки императора,—это чрезвычайно вѣроятно. Жалобы эти естественно были внушаемы опасностями настоящаго и невѣрностью будущаго; онѣ служили только слабымъ повтореніемъ всего того, что совершилось при сходственныхъ обстоятельствахъ въ эпоху Маренго, Эйлау и даже Аустерлица. Но эти интимности не выходили изъ области частнаго разговора, и, если только Наполеонъ не считалъ себя безсмертнымъ, невозможно понять какимъ образомъ онъ могъ претендовать запретить ихъ. Наконецъ авторы ихъ были такъ далеки даже отъ мысли начинать при жизни императора, что тотъ, кому должна была выпасть первая роль, король Мюратъ, находился въ Неаполѣ, пунктѣ довольно странно избранномъ, чтобъ вести заговоръ въ Парижѣ.

[223]) См. по этому поводу въ *журналѣ* С. Жирардена, разговоръ съ императрицею Жозефиною, отъ 24 февраля 1809, записанный въ тотъ же самый день. *Прим. автора.*

Самая важность, которую приписывали этимъ сплетнямъ передних, доказываетъ какъ мало имѣлось фактовъ, на которые можно было бы сослаться; и если Наполеонъ надѣлалъ изъ этого столько шума, то потому, что въ эту минуту ему нужны были во что бы-то ни стало виновные, чтобъ смягчить печальный эффектъ своего поспѣшнаго возвращенія. Изъ многочисленныхъ заимствованій, которыя взялъ онъ изъ эпохи Цезарей, онъ не позабылъ доносчиковъ. Доносы были важными пружинами императорскаго правительства; они были вмѣняемы какъ обязанность всѣмъ чиновникамъ имперіи, начиная отъ сенатора до малоизвѣстнаго члена университета[224]). Кромѣ того у императора было нѣсколько полицій, которыя главнымъ образомъ доносили одна на другую. Фуше, обязанность котораго заключалась въ наблюденіи за другими, самъ болѣе всѣхъ подвергался строжайшему надзору. Императоръ вскорѣ узналъ во всей подробности соглашеніе своего министра полиціи съ оберъ-камергеромъ. Онъ возвратился въ Парижъ въ томъ состояніи дурнаго расположенія духа или скорѣе холоднаго бѣшенства, которое не покидало его съ тѣхъ поръ, какъ онъ долженъ былъ отказаться отъ надежды взять въ плѣнъ англійскую армію. Глухой этотъ гнѣвъ высказывался еще изъ Валладолида потоками ругательствъ противъ испанцевъ, его генераловъ, солдатъ и даже противъ роднаго брата. Такъ какъ разсчетъ его совершенно согласовался съ чувствами, то онъ появился въ Парижъ разгнѣваннымъ властелиномъ среди трепещущихъ слугъ.

Затрудняясь однакожь формулировать противъ этихъ двухъ людей обвиненія безъ доказательствъ, онъ ограничился разборомъ всего ихъ политическаго поведенія или выставленіемъ фактовъ, принадлежавшихъ общественной дѣятельности, какъ

---

[000]) Обазанность эта находится въ статутахъ университета (§ 46). Что касается сенаторовъ, см. 3 т.

напримѣръ рѣчи Талейрана по поводу испанской войны. Въ совѣтѣ, составленномъ изъ министровъ и высшихъ сановниковъ, онъ упрекалъ Фуше въ его разсчитанной пощадѣ старымъ партіямъ, въ малой энергіи администраціи, въ мятежномъ почти направленіи, которое онъ давалъ общественному духу, ибо, успѣвая въ искусствѣ обманывать народы, Наполеонъ дошелъ до того, что на общественное мнѣніе смотрѣлъ какъ на силу, движеніями которой правительство можетъ управлять по усмотрѣнію. Общественное мнѣніе въ его глазахъ было нѣчто въ родѣ текущаго курса, который долженъ былъ вырабатываться въ полицейской префектурѣ. Администрація эта, располагавшая на всемъ пространствѣ имперіи внутренними и иностранными извѣстіями, всевозможными свѣдѣніями, газетами, способствовавшими ихъ распространенію, имѣя полную власть не только измѣнять факты, но даже изобрѣтать въ случаѣ надобности, — могла только и вырабатываться изъ полиціи. Это сужденіе самое вѣрное; но оно заключало въ себѣ, кромѣ того, вещь существенную—именно вѣру публики въ элементы предлагаемой ей оцѣнки; вѣра же эта была слишкомъ поколеблена.

Самая сильная буря разразилась надъ Талейраномъ. Съ тѣхъ поръ какъ ему дали странное „почетное порученіе окружить удовольствіями и надзоромъ“ испанскихъ государей, лишенныхъ престола, оберъ-камергеръ строже и строже судилъ это испанское дѣло, къ которому онъ считалъ себя противъ воли причастнымъ, посредствомъ самой гнусной роли. Ко всѣмъ этимъ причинамъ неодобренія предпріятія, сумасбродство котораго возмущало его здравыйсмыслъ, если не нравственность, присоединились личныя неудовольствія, способныя оскорбить умъ, чувствительный къ смѣшному. Въ Парижѣ тогда очень былъ распространенъ слухъ, что если Талейранъ мимо воли принялъ порученіе развлекать гостей въ Валансеѣ, то госпожа Талейранъ приняла это съ радостью и способствовала намѣреніямъ императора уже сверхъ же-

ланій своего мужа. Справедливый или несправедливый этотъ слухъ не могъ способствовать Талейрану примириться съ планами, на которые онъ соглашался только по наружности, и, по обычаю, онъ отомстилъ нѣсколькими тонкими остротами. Наполеонъ сильно налегалъ на эти остроты и на другія, приписываемыя Талейрану критики; онъ напомнилъ ему, преувеличивая, объ участьи въ переговорахъ съ Исквіердо, и упрекнулъ за дерзость порицать казнь герцога Энгіэнскаго, которую самъ присовѣтовалъ. Онъ даже обвинялъ Талейрана, что часто *совѣтовалъ эту казнь письменно!* Объ этой знаменитой сценѣ нѣтъ другихъ свидѣтельствъ, кромѣ воспоминаній, собранныхъ изъ разговоровъ герцога Гаэтскаго [225]),—что весьма недостаточно для авторитета. На эти то слова ссылались съ весьма малымъ основаніемъ, какъ на неопровержимое доказательство участья Талейрана въ убійствѣ герцога Энгіэнскаго, ибо даже не подтверждено, произносилъ ли Наполеонъ эти слова. Предположимъ, что Талейранъ игралъ въ этомъ обстоятельствѣ роль, противную какъ его характеру, такъ и интересамъ, то онъ не былъ такимъ новичкомъ, чтобъ оставить этому письменное доказательство; а если бы подобное обстоятельство существовало, то Наполеонъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ не захватить его.

Но еслибъ даже слова, приписываемыя Наполеону, и дѣйствительно были произнесены, то они представятъ лишь весьма незначительное свидѣтельство, если принять во вниманіе, что малѣйшій протестъ Талейрана погубилъ бы послѣдняго неминуемо, не прибавивъ ничего къ его оправданію. Какая въ самомъ дѣлѣ могла быть возможна для него защита противъ человѣка, который обвинялъ его? Передъ

---

[225]) Именно Меневалемъ и Тьеромъ. Впрочемъ Годенъ не былъ свидѣтелемъ сцены также какъ и Молльенъ, который говоритъ объ этомъ по слуху въ своихъ *Mémoires d'un ministre du Trésor*. (T. III). Молльенъ не упоминаетъ ни слова объ обвиненіи относительно герцога Энгіэнскаго.

Прим. авт.

какой трибуналъ онъ могъ позвать его за клевету? Онъ зналъ напротивъ всѣ опасности, какія могло навлечь на него одно простое опроверженіе. Тутъ нужна была отвага, на которую очень рѣдко рѣшались самые неустрашимые генералы Наполеона. Талейранъ молчалъ. Безъ возраженія и съ безстрастнымъ хладнокровіемъ онъ выслушалъ взрывъ упрековъ, перемѣшанныхъ съ угрозами и оскорбительными выраженіями. Невозмутимо, стараясь не подавать ни малѣйшаго повода гнѣва своему противнику, онъ заботился избѣгнуть опасности, не вступая съ нимъ въ разсужденія, какъ человѣкъ, борющійся со стихіею, и онъ владычествовалъ надъ нимъ со всей высоты своего спокойствія. Когда все окончилось, онъ низко поклонился и вышелъ. Наполеонъ которому было пріятно поразить его въ эту минуту, Наполеонъ почувствовалъ нравственную невозможность сдѣлать это съ пользою, вслѣдствіе сцены, поразившей всѣхъ присутствовавшихъ. Онъ удовольствовался тѣмъ, что отнялъ у Талейрана оберъ-камергерскій ключъ, чтобъ передать Монтескье, но знаменитый дипломатъ тѣмъ не менѣе сохранилъ свою должность вице-главнаго избирателя. Онъ скрылъ свою досаду подъ наружностью совершеннаго довольства, казалось не сохранилъ никакого воспоминанія объ оскорбленіяхъ, и появился снова въ Тюильри съ покорнымъ, но вмѣстѣ не принужденнымъ видомъ, словно сознавая, что дворъ не могъ существовать безъ него, что онъ былъ природный высокій сановникъ, необходимый для страны, если не для императора.

Фуше сохранилъ обязанность министра полиціи, на которой не легко было замѣнить этого драгоцѣннаго человѣка. Онъ имѣлъ надъ своими болѣе молодыми конкурентами то преимущество, что измѣнялъ всѣмъ партіямъ съ 1793 и начиналъ размышлять какъ бы прибавить новую измѣну къ своей службѣ. Въ замѣну, императорская гроза постигла женщину, принадлежавшую и новому правительству по придворной должности, и старому по семейнымъ связямъ. Го-

спожа Шеврёзъ избѣгнула первый разъ ссылки, благодаря ходатайству всемогущаго тогда Талейрана; теперь она раздѣлила немилость своего покровителя и получила приказаніе выѣхать за сорокъ миль отъ Парижа. Ей поставили въ вину нѣсколько женскихъ эпиграммъ и отказъ исполнять обязанность статсъ-дамы при бывшей испанской королевѣ: „Пусть берегутся Люины! воскликнулъ по этому поводу императоръ. — Если они разсердятъ меня, я велю пересмотрѣть конфискацію имѣній маршала д'Анкръ, и не будетъ недостатка въ наслѣдникахъ, которые потребуютъ наслѣдства!„ Что касается Мюрата,—покровительствуемый далью онъ почувствовалъ только отраженіе ослабленнаго удара гнѣва своего властелина. Шампаньи, получивъ приказаніе сдѣлать ему выговоръ по поводу ордена Обѣихъ Сицилій, раздать который Мюратъ позволилъ себѣ французамъ, безъ разрѣшенія императора, „что было въ высшей степени смѣшно! [226]“ Министръ долженъ былъ въ тоже время послать приказаніе этому государю отправить немедленно во Францію людей, которыхъ онъ завербовалъ.

Послѣ такого удовлетворенія, даннаго дурному расположенію духа, досадѣ, оскорбленной гордости, необходимо было приготовиться къ войнѣ, которую сдѣлали почти неизбѣжною. Еслибъ даже Наполеонъ и искренно желалъ предотвратить ее—чего не было,—то уже было поздно возвращаться послѣ всѣхъ вызывающихъ демонстрацій, которыя переполнили мѣру прежнихъ и недавнихъ жалобъ Вѣнскаго кабинета. Циркуляръ, адресованный императоромъ къ государямъ Рейнскаго союза, былъ одною изъ тѣхъ прямыхъ угрозъ, передъ которою не можетъ отступить держава, не утративъ всего вліянія и всего обаянія. Угроза эта долженствовала быть тѣмъ чувствительнѣе для Австріи, что она служила

---

[226]) Наполеонъ къ Шампаньи 24 января 1809. *Прим. автора.*

послѣднимъ предѣломъ длиннаго ряда откорбленій, для привлеченія которыхъ Вѣнскій дворъ не сдѣлалъ ничего. Правда, онъ продолжалъ втихомолку свои вооруженія, чтобъ, какъ онъ основательно заявлялъ себя въ правѣ и необходимости сдѣлать, — поставить свое пониженное положеніе сообразно со всѣми своими сосѣдями, но Австрія не перешла предѣла своихъ преимуществъ независимой державы; ее нельзя упрекнуть ни въ какой выходкѣ, которая могла бы оправдывать оглашеніе валладолидскихъ манифестовъ. Самъ Наполеонъ принужденъ былъ теперь согласиться въ кругу своихъ приближенныхъ въ лживости своихъ обвиненій: „Австрія, писалъ онъ къ Евгенію тотчасъ по возвращеніи въ Парижъ: — *не дѣлаетъ движеній, какъ это полагали*, однакоже надобно быть готовымъ къ тревогѣ [227])“. Фраза „какъ это полагали“ значила: какъ ему хотѣлось предписать, чтобъ имѣть предлогъ выѣхать изъ Испаніи. Но такъ или иначе, а вызовъ былъ брошенъ,— надобно было его поддерживать; въ особенности слѣдовало взвалить на Австрію видимость первыхъ поводовъ, въ чемъ Наполеонъ не имѣлъ соперниковъ.

Нѣтъ болѣе распространеннаго историческаго общаго мѣста какъ то, которое возлагаетъ отвѣтственность за войну 1809 на безумный починъ Австріи; но вмѣстѣ оно одно изъ самыхъ бездоказательныхъ и лживыхъ. Императоръ Наполеонъ очень хорошо зналъ, что для людей неспособныхъ къ разборчивости—составляющихъ огромное большинство даже среди тѣхъ, которыхъ называютъ умными, — всегда виновникомъ разрыва является тотъ, кто произведетъ первый выстрѣлъ. Поэтому онъ ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобъ распространять мысль объ австрійскихъ вызывательствахъ. Дипломатическія его попытки у императора Александра, въ особенности, имѣли цѣлью доказать, что онъ хотѣлъ избѣжать войны; но въ тоже

---

[227]) Наполеонъ къ Евгенію, 26 января 1809. *Прим. автора.*

время онъ сдѣлалъ невозможнымъ ея предотвращеніе, и можно сказать по истинѣ, что никогда правительство не чувствовало такъ ея необходимости какъ Вѣнскій кабинетъ въ 1809. Въ этомъ случаѣ разсматриваютъ только болѣе или менѣе искусныя тонкости, обмѣненныя въ дипломатическихъ нотахъ послѣдняго времени; это значитъ низводить пренія къ ребяческимъ размѣрамъ. Необходимость войны 1809 не возникла неожиданно изъ столкновенія двухъ соперничествъ, она восходитъ къ Пресбургскому миру, къ тому времени, когда Наполеонъ, недостойно злоупотребляя побѣдою, отнялъ, вопреки мнѣнію самыхъ разсудительныхъ своихъ совѣтниковъ, за однимъ разомъ у Австріи четыре провинціи и четверть населенія.

Послѣ этого безчестнаго и недальновиднаго мира, который поставлялъ Австріи условіемъ спасенія и закономъ существованія выжидать удобной минуты для мщенія, попытался ли по крайней мѣрѣ Наполеонъ дружескими пріемами возвратить пріязнь этой державы? Онъ довершилъ ея разореніе, принудивъ ее слабо-скрытыми угрозами приступить къ континентальной блокадѣ. Онъ заявилъ въ Тильзитѣ намѣреніе устранить ее отъ всѣхъ военныхъ дѣлъ Европы. Онъ, который не потерпѣлъ бы, чтобъ Австрія взяла какую нибудь деревню на Дунаѣ, онъ, не спрашиваясь ее, распоряжался послѣдовательно Пруссіею, Португаліею, Испаніею, Тосканою, Папскими владѣніями, наконецъ Молдавіею и Валахіею, провинціями, лежащими на австрійской границѣ, словно дѣло шло о вопросахъ, до нее не касавшихся, словно Австрія сдѣлалась чужая для Европы, словно подобныя гнусности не компрометировали ни въ чемъ ни ея безопасности, ни ея интересовъ, ни ея чести! Къ нашествіямъ, предсказывавшимъ ей очень ясно судьбу, рано или поздно ей самой предназначенную, прибавили еще нестерпимыя оскорбленія. Она не только была устранена отъ Эрфурта, но на ея любезное искательство отвѣчали нахальными выговорами. Наконецъ, когда

для того, чтобъ поставить себя внѣ столькихъ бѣдствій, она начала свои вооруженія, ей почти приказали прекратить ихъ; отъ нея потребовали утвердить всю гнусность, приведшую въ негодованіе Европу, признаніемъ короля Іосифа. И теперь, доведя ее до отчаянія, вложивъ ей въ руку мечъ столькими послѣдовательными оскорбленіями, ее обвиняли въ желаніи войны! Къ недобросовѣстности присоединили еще насмѣшку, упрекая ее въ томъ, что она нарушила всеобщій миръ. Впрочемъ ей обѣщали полнѣйшее помилованіе съ условіемъ, чтобъ она согласилась распустить свои войска. Еслибъ императоръ Францъ согласился на это послѣднее униженье, было бы все равно что онъ подписалъ свое собственное паденіе.

Надобно слишкомъ было много разсчитывать на невѣжество и легковѣріе, чтобъ надѣяться утвердить мнѣніе, что по словамъ Наполеона [228]), настоящее положеніе Австріи противъ Франціи было *положеніемъ волка противъ ягненка*, но въ этомъ отношеніи онъ считалъ возможнымъ все, и надобно сознаться, что онъ былъ уполномоченъ на это чудными успѣхами своего шарлатанизма. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился относительно Австріи сохранить величайшую кажущуюся осторожность, дѣятельно продолжая свои военныя приготовленія и свои дипломатическіе подходы. Чтобъ взвалить на Вѣнскій дворъ отвѣтственность передъ Европою за разрывъ имъ самимъ вызванный, Наполеонъ сочинилъ огромную коллективную демонстрацію Франціи и Россіи, которую обѣ эти державы предложили бы Австріи какъ гарантію ея цѣлости, еслибъ она согласилась на разоруженіе. Эта гарантія о цѣлости была очень дурно выбранною формулою для успокоенія Вѣнскаго двора, ибо всѣ знали, какъ въ этомъ случаѣ Наполеонъ былъ щедръ къ Турціи и какъ мало принесло

[228]) Наполеонъ къ Вюртембергскому королю, 17 марта.
Прим. автора.

это счастья туркамъ; но послѣ столь торжественнаго предложенія могла ли Европа не повѣрить въ его пламенное желаніе сохранить миръ? И если бы испуганная Австрія отступила передъ этою двойною выходкою и покорилась бы во избѣжаніе войны, Наполеонъ говорилъ себѣ, что во всякомъ случаѣ будетъ время сдѣлать это дипломатическое положеніе столь же рѣшительнымъ какъ и военное.

Румянцевъ, посланникъ императора Александра и защитникъ французскаго союза, котораго онъ считалъ себя изобрѣтателемъ, не выѣхалъ еще изъ Парижа, когда возвратился туда Наполеонъ. Послѣдній видѣлся съ нимъ, стараясь его задобрить, осыпалъ вниманіемъ, подарками, ласками и въ особенности старался проникнуть его политическія мысли прежде отъѣзда его въ Петербургъ. Александръ до сихъ поръ пользовался всѣми выгодами союза, пришло время заплатить за это и показать признательность. Потребуется ли отъ него очень тяжелыхъ жертвъ? Нѣтъ, отъ него прежде всего хотѣли энергической демонстраціи. Будь эта демонстрація сдѣлана немного раньше, она отняла бы у Австріи всякую охоту воевать. И теперь еще можно отвлечь ее отъ войны, если заговорить съ нею языкомъ, неоставляющимъ мѣста для двусмысленности, ибо кабинетъ столь извѣстный о своимъ преданіямъ осторожности, никогда не осмѣлится предпринять борьбу съ соединенными арміями Франціи и Россіи. Поэтому надобно было поддержать слова внушающимъ развитіемъ военной силы, и еслибъ Австрія отказалась уступить, она была бы подавлена однимъ приближеніемъ двухъ колоссовъ.

Ничего нѣтъ очевиднѣе этихъ предложеній, и трудно было бы оспорить ихъ открыто. Нельзя было отрицать ни ихъ обязательствъ, ни ихъ дѣйствительности, и имѣлись лишь весьма слабые доводы устранить ихъ исполненіе. Въ замѣну, возраженія, которыхъ нельзя скрыть, были и сильны и многочисленны. Александръ имѣлъ тысячу доказательствъ

что Наполеонъ рѣшился сдержать тильзитскія обѣщанія лишь въ силу затрудненій, усложнившихъ его положеніе; поэтому онъ освобождался отъ всякой признательности и долженъ былъ соблюдать лишь свои личные интересы. По какому же поводу его интересы могли посовѣтовать ему вмѣшательство для прекращенія затрудненій, которыя могли бы быть для него столь полезны?

Напротивъ онъ имѣлъ всю выгоду, чтобъ они увеличились. Усвоивая это поведеніе онъ только примѣнялъ къ дѣлу правила, столь часто проповѣдываемыя ему Наполеономъ; онъ жертвовалъ политикою фантазій „единственной истинной" „политикѣ интересовъ". Было просто предвидѣть, что большое торжество Наполеона надъ Австріею внушитъ ему немедленно мысль взять обратно то, что онъ далъ. Но это не все, императоръ Французовъ высказалъ намѣреніе нанести смертельный ударъ этой монархіи. Въ чью же пользу онъ уничтожитъ ее? Конечно не въ пользу Россіи. Къ кому возвратятся эти польскія владѣнія Австріи, которыя въ рукахъ Наполеона могли сдѣлаться столь опаснымъ оружіемъ для русскаго владычества?

Такія естественныя въ положеніи Александра заботы не могли ему внушать пламенныхъ желаній въ пользу нашего дѣла; но тѣмъ не менѣе онъ не могъ желать видѣть насъ побѣжденными, не рискуя потерять плодовъ своихъ прежнихъ угодливостей. Онъ еще не утвердился прочно ни въ Финляндіи, гдѣ войска его, дурно управляемыя, не разъ были разбиты шведами, ни въ княжествахъ, которыя Турція, примирившись теперь съ Англіею, готовилась оспаривать у него энергически, и еслибъ Наполеонъ потерпѣлъ бы какое нибудь важное пораженіе, Александръ принужденъ былъ бы отказаться отъ этихъ, столь желанныхъ провинцій.

Волнуемый столь противоположными чувствами, Русскій императоръ могъ принять только двусмысленное нерѣшительное поведеніе, и однакожъ никогда не представлялся ему

случай сыграть болѣе великолѣпную роль. Теперь и только теперь онъ достигалъ наконецъ момента, о которомъ всегда мечталъ, онъ былъ въ чистомъ смыслѣ „распорядителемъ Европы". Наполеонъ хотѣлъ, казалось, самъ провозгласить его посредствомъ молвы, которую распускалъ о содѣйствіи и объ арміяхъ Александра. Повидому онъ болѣе разсчитывалъ на эффектъ этой угрозы, нежели на страхъ, внушаемый имъ самимъ Дѣйствительно мы не могли болѣе ничего сдѣлать безъ позволенія Русскаго царя. Мы были обязаны перенести войну на берега Дуная, въ то время какъ половина нашихъ силъ была занята на Таго, и вотъ безуміе нашей политики отдало насъ въ его распоряженіе. Отъ него зависѣло поднять весь континентъ противъ насъ. Дрожащая Германія, безусловно возбужденная тысячью своихъ тайныхъ обществъ, ожидала только сигнала, чтобъ возстать отъ Ганновера до Тироля. Прусскій король прибылъ въ Петербургъ съ королевою (въ декабрѣ); онъ истощилъ всѣ заявленія преданности; онъ съ отчаяннымъ пыломъ ухватился бы за случай новой борьбы. Австрійскій императоръ послалъ къ Александру принца Шварценберга, чтобъ попытаться склонить его къ этому европейскому дѣлу, которое онъ покинулъ, послуживъ ему съ честью. Англія готова была раскрыть ему объятія. Сама Турція, быстро разорвавшая съ Наполеономъ, открывъ наконецъ всѣ измѣны, которыя онъ велъ противъ нея въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, легко могла быть вовлечена въ борьбу противъ насъ. Если принять во вниманіе, что другія страны, покоренныя нашему владычеству—Голландія, Швейцарія, Италія чрезвычайно имъ тяготились, что у насъ было тогда двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ въ Испаніи, нельзя не признать, что были тамъ всѣ элементы коалиціи, которые могли предупредить или уничтожить всякое сопротивленіе.

Элементы эти Александръ держалъ въ своихъ рукахъ и однимъ только словомъ могъ ихъ спустить съ цѣпи, — но

могъ съ однимъ лишь условіемъ — съ условіемъ показаться безкорыстнымъ! Отвергая благодѣянія, онъ могъ быть неблагодаренъ не только безъ зазрѣнія совѣсти, но съ полною увѣренностью заслужить благословенія какъ освободитель, и оставить громкое имя въ исторіи. Если подъ охладѣвшимъ пепломъ мечтаній юности, Александръ сохранилъ въ глубинѣ сердца нѣсколько искръ первоначальнаго честолюбія, онъ долженъ былъ чувствовать съ горькимъ сожалѣніемъ, что пренебрегая этимъ неоцѣненнымъ шансомъ для обезпеченія дурно пріобрѣтенныхъ владѣній, онъ отрицалъ вторично самого себя и грѣшилъ противъ своей судьбы. Неразъ онъ раскаявался въ своей слабости и во время войны 1812 и позже, видя потерю большей части добычи, возбуждавшей его желанія. Можетъ быть это воспоминаніе не было чуждо горести его послѣднихъ лѣтъ. Но если человѣкъ имѣлъ такой прекрасный случай и не съумѣлъ воспользоваться имъ, онъ навсегда утратилъ право жаловаться на счастье.

Не желая ни отказаться отъ преимуществъ, представляемыхъ союзомъ съ Наполеономъ, ни способствовать пораженію Австріи, императоръ Александръ рѣшился по возможности оставаться простымъ зрителемъ борьбы. Когда Коленкуръ передалъ ему желанія своего государя, онъ устранилъ какъ неудобную и опасную мысль коллективнаго заявленія Вѣнскому двору, но обѣщалъ употребить всѣ усилія для отвращенія ее отъ войны. Что же касается до военнаго содѣйствія, онъ не оспаривалъ ни его обязательнаго характера, ни умѣстности, но не скрывалъ, что оно долженствовало ограничиться не многимъ, вслѣдствіе затрудненій и опасностей, причиненныхъ ему неудобными подарками его августѣйшаго союзника. Онъ велъ войну на сѣверѣ съ Швеціею, ему предстояло дѣло на югѣ съ соединенными силами Турціи и Англіи, а этого было много для имперіи, которая при томъ же не слишкомъ благопріятствовала французскому союзу. То, что онъ могъ сдѣлать въ нашу пользу,—это сосредоточить кор-

пусъ войскъ на границѣ Галиціи. Обѣщанія эти были осуществлены по крайней мѣрѣ отчасти съ рвеніемъ, исполненнымъ тщеславія. Пруссію извѣстили, что она должна сохранять миръ и что не могла разорвать съ Франціею, не разорвавъ съ Россіею. Князь Шварценбергъ получилъ не болѣе утѣшительныя заявленія. Его дворъ поручилъ ему просить руки сестры императора Александра для одного изъ эрцъгерцоговъ; ему отказали и прибавили къ этому отказу серьезныя предостереженія о неосторожномъ поведеніи Вѣнскаго двора. Не смотря на это однакожъ Александръ не принялъ угрожающаго и рѣшительнаго положенія относительно Австріи, которое одно могло отвратить ее отъ войны.

Такимъ образомъ неудалось, что и можно было предвидѣть, вмѣшательство, которое не могло быть дѣйствительнымъ, потому что не могло быть вмѣстѣ искреннимъ. Трудно повѣрить, чтобъ такой проницательный человѣкъ какъ Наполеонъ разсчитывалъ слишкомъ на такое средство для предупрежденія разрыва, въ то время, когда, по видимому, самъ дѣлалъ въ Парижѣ все, что могло оскорблять и привести Австрію въ отчаяніе. Давно уже онъ старался не говорить ни слова съ посланникомъ Меттернихомъ; онъ велѣлъ оскорблять Вѣнскій дворъ въ журналахъ — вызовы, въ происхожденіи которыхъ ошибиться невозможно, какъ узнали, что всѣ они сочинялись его полиціею; онъ приказалъ государямъ Рейнскаго союза секвестровать имѣнія всѣхъ отсутствовавшихъ, которые не возвратятся въ мѣсячный срокъ (15 февраля); онъ предписывалъ имъ размѣщать войска по границамъ ихъ взаимныхъ владѣній. Значитъ онъ не думалъ болѣе о мирѣ, а если слабыя желанія поддержать его и приходили иногда ему въ голову, то лишь въ то время, когда онъ сомнѣвался въ исходѣ предпринятаго замысла. Но онъ льстилъ себя надеждою завлечь императора Александра дальше нежели хотѣлъ послѣдній, и думалъ, что если онъ скомпроме-

тируется лично въ переговорахъ, то не будетъ уже имѣть никакого предлога отказать ему въ содѣйствіи своей арміи.

Привыкнувъ однакожъ остерегаться всякой случайности, разсчитывая лишь на самого себя, Наполеонъ сдѣлалъ всѣ приготовленія къ войнѣ такимъ образомъ, словно одни его войска должны были стать противъ Австріи, а число ихъ равнялось по крайней мѣрѣ, если не превосходило числа войскъ, собранныхъ этою державою. Какъ только онъ разсчиталъ, что для покоренія ея необходимо ему четыреста тысячъ человѣкъ, немедленно даже въ Валадолидѣ сдѣлалъ свои распоряженія. Гвардія получила приказъ отступить къ Франціи. Равномѣрно отозвалъ онъ изъ Испаніи многочисленные кавалерійскіе полки, болѣе полезные на широкихъ дунайскихъ равнинахъ, нежели на горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ они часто служили обремененіемъ. Онъ вытребовалъ отъ Іосифа нѣсколько самыхъ блестящихъ начальниковъ Испанской арміи, между прочимъ превосходнаго кавалерійскаго генерала Монбрена, молодаго знаменитаго Лассаля, маршаловъ Бессьера и Лефебра, людей испытанной храбрости, но болѣе полезныхъ въ бою, нежели въ совѣтѣ, и слѣдовательно которымъ было удобнѣе находиться подъ прямымъ начальствомъ Наполеона, нежели въ Испаніи, гдѣ начальники, предоставленные чаще самимъ себѣ, должны были дѣйствовать по собственному усмотрѣнію.

Давно ожидаемое событіе освободило наконецъ того изъ генераловъ, котораго Наполеону преимущественнѣе всѣхъ хотѣлось призвать къ себѣ. 20 февраля 1809, обитатели Сарагоссы, на половину погребенные подъ обломками стѣнъ, побѣжденные скорѣе страшною эпидеміею, нежели нашимъ оружіемъ, сдали маршалу Ланну дымящіяся развалины города послѣ обороны, воспоминаніе о которой будетъ еще жить въ памяти людей нѣсколько вѣковъ послѣ того, какъ самыя знаменитыя побѣды этой эпохи предадутся забвенію. Въ продолженіе двухъ осадъ погибло болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ. Такъ какъ

мы большею частью употребляли математическія силы минъ и тяжелой артиллеріи, то и потери наши были несравненно менѣе чувствительны. Это и обязывало насъ быть снисходительнѣе къ побѣжденнымъ. Весь міръ обращалъ на нихъ взоры и повидимому удивлялся ихъ геройству. Храбрость ихъ доходила до бѣшенства, месть иныхъ до свирѣпости; они выказывали всѣ фанатизмы, какъ бы соединившіеся въ одинъ; но никогда развалины, омоченныя такимъ количествомъ крови, не покрывались подобнымъ блистательнымъ героизмомъ. Никогда солдаты, которымъ измѣнило военное счастье, не были болѣе достойны уваженія побѣдителей. Жалѣютъ, что Ланнъ не съумѣлъ почтить своего успѣха великодушіемъ, оравнымъ несчастью этихъ славныхъ побѣжденныхъ. Онъ обошелся съ защитниками Сарагоссы, какъ съ шайкою разбойниковъ, захваченныхъ въ ихъ притонѣ. Вопреки капитуляціи, правда весьма требовательной, но формальной и подписанной его рукою, которая гарантировала явственно „безопасность лицъ и имѣнія" (§ VI), онъ велѣлъ казнить двухъ начальниковъ, наиболѣе способствовавшихъ сопротивленію, и предоставилъ на произволъ солдатчины этотъ трупъ мертваго города.

Французскіе историки постоянно опровергали дѣйствительность этой капитуляціи, существованіе которой подтверждается еще съ большею энергіею историками англійскими и испанскими [229]). Вѣрно то, что ея текстъ былъ вполнѣ напечатанъ въ Мадридской газетѣ отъ 11 марта 1809, вслѣдствіе представленія Сарагосской юнты; въ Корреспонденціи короля Іосифа мы встрѣчаемъ фразу отъ 27 февраля 1809 г.,

---

[229]) Вотъ между прочимъ — *Исторія осады Сарагоссы* генерала Ронья. *Исторія защиты Сарагоссы* Мануэля Кавалеръ — Роберта Сутей: *Исторія войны на полуостровѣ*,— Торено. — Наконецъ *Записка о второй осадѣ Сарагоссы*, Педро Марія Рикъ, самаго посредника (*la Coll. suppol. des Mém. relafifs à la Rev. française.* *Прим. автора.*

которая по нашему мнѣнію разрѣшаетъ вопросъ: „Государь, писалъ онъ брату: — я получилъ актъ сдачи Сарагоссы.“ Этотъ актъ сдачи не могъ быть ни чѣмъ инымъ, кромѣ документа, о которомъ мы говорили, ибо для городовъ, сдающихся безусловно, акты не составляются.

„Братъ, писалъ ему Наполеонъ отъ 11 марта:—я читалъ въ *Мадридской газетѣ* статью о взятіи Сарагоссы. Тамъ восхваляются защитники этого города. Вотъ странная въ самомъ дѣлѣ политика! *Конечно нѣтъ француза, который не питалъ бы глубокаго презрѣнія къ защитникамъ Сарагоссы.*“ Здѣсь по крайней мѣрѣ то, чего онъ хотѣлъ, ибо этотъ великій эксплуататоръ славы дошелъ до убѣжденія, что почести и позоръ существовали только по отношенію къ нему, и что тѣмъ и другимъ обязаны были лишь смотря по чувствамъ, какія ему выказывали. Для возстановленія равновѣсія императоръ велѣлъ запятнать, въ Мониторѣ, названіемъ труса — храбраго молодаго человѣка, бывшаго душею этой безсмертной защиты: „Человѣкъ этотъ, говорилось въ *Мониторѣ* отъ 2 марта 1809, по поводу Палафокса:—сдѣлался *предметомъ презрѣнія* всей непріятельской арміи, которая обвиняетъ его въ высокомѣріи и *трусости*. Его никогда не видѣли на постахъ, гдѣ угрожала опасность.“ А чрезъ нѣсколько дней позже было напечатано: „Опасаются за жизнь Палафокса. *Человѣка этого презираетъ весь городъ*“ [230]). Умиравшаго Палафокса перевезли по его приказанію изъ Сарагоссы во Францію, заключили въ Венсенскій замокъ, гдѣ онъ оставался плѣнникомъ до паденія имперіи, и съ нимъ обращались какъ съ злодѣемъ за то, что онъ защищалъ самое справедливое дѣло. Эти позорныя притѣсненія побѣжденныхъ, которые приносили честь своему времени, прошли большею частью незамѣченными, и было бы странною ошибкою пред-

---

230) *Мониторъ*, отъ 8 марта. *Прим. автора.*

полагать, что Наполеонъ могъ когда бы то ни было ощущать малѣйшее сожалѣніе о подобныхъ поступкахъ. Но когда виновникъ стольких преступленій, самъ очутился узникомъ на островѣ св. Елены, такъ ярко выставлялъ свои страданія и утомлялъ Европу жалобами, по поводу бутылки вина, въ которой ему отказывали къ столу, неужели ему никогда не представлялась стоическая фигура молодаго защитника Сарагоссы?

Въ силу всѣхъ этихъ актовъ позволительно предполагать, что Ланнъ, обращаясь съ побѣжденными съ неумолимою жестокостью, дѣйствовалъ не по личнымъ своимъ чувствамъ, но по приказаніямъ, которыя должны были казаться отвратительными человѣку подобной храбрости. Тѣмъ не менѣе эпизодъ этотъ остается пятномъ на его памяти. Отзываясь на призывъ Наполеона, онъ приноситъ ему лишь запятнанную славу, и жизнь, дни которой ужь были сочтены.

Подкрѣпленія, взятыя изъ Испанской арміи, составляли только слабую часть тѣхъ, которыя Наполеонъ разсчитывалъ отправить къ войскамъ, остававшимся въ Германіи подъ командою маршаловъ Даву и Бернадотта. Два набора произведенные имъ въ сентябрѣ 1808—одинъ въ счетъ 1810 г., а другой изъ людей, избавившихся отъ наборовъ предыдущихъ лѣтъ, составившіе сто шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, были почти еще не тронуты. Онъ немедленно ихъ сформировалъ при помощи своихъ кадровъ и депо — родъ всегда открытой пропасти, способной расширяться до безконечности.

Пѣхотные полки были сформированы въ три тысячи человѣкъ подъ ружьемъ — что предполагало дѣйствительный составъ въ четыре тысячи; кавалерійскіе въ тысячу, — значитъ въ дѣйствительности тысяча двѣсти человѣкъ. Для вновь сформированныхъ войскъ недоставало ему офицеровъ, и онъ прибѣгнулъ къ быстрому средству, которое не мало способствовало къ его славѣ какъ великаго организатора,

но на которое по всѣмъ видимостямъ, потомство посмотритъ съ меньшимъ удивленіемъ, нежели настоящее поколѣніе.

Онъ велѣлъ сдѣлать изъ молодыхъ людей отъ 17 до 18 лѣтъ, находившихся еще въ военныхъ школахъ, родъ милостиваго набора, въ силу котораго эти дѣти лично получатъ преждевременно чины, цѣною своей крови. Онъ взялъ ихъ сто шестьдесятъ въ Сенъ-Сирѣ, столько же въ Флешѣ, пятдесятъ въ Политехнической школѣ, пятьдесятъ въ Компьенской. Этого было ему недостаточно, онъ распространилъ операцію на всѣ лицеи имперіи, которыхъ имѣлось тогда сорокъ: по десяти человѣкъ изъ лицея составляли „четыреста капраловъ-квартирьеровъ, готовыхъ къ отправленію въ полки“ [231]).

Надобно было подумать о пополненіи пробѣловъ, сдѣланныхъ этимъ остроумнымъ средствомъ въ военныхъ школахъ. Въ этомъ отношеніи трудно было ожидать добровольнаго рвенія семействъ, ибо подобныя мѣры не могли ободрять отцовъ къ отсылкѣ дѣтей въ училища. Организаторскій геній Наполеона немедленно нашелъ средство помочь бѣдѣ. Во время войны 1806 ему пришла мысль сформировать роты почетной гвардіи, предназначаемыя спеціально для сыновей знатныхъ семействъ, которыхъ надѣялись привлечь перспективою императорскихъ милостей. Эта уловка, имѣвшая въ виду въ особенности древнее дворянство, мало имѣло успѣха. Наполеонъ повторилъ ее въ другой формѣ, замѣнивъ добровольное поступленіе принудительнымъ наборомъ. Вслѣдствіе этого онъ приказалъ Фуше: составить списки по десяти семействъ въ департаментѣ и пятидесяти для Парижа „стараясь включать *древнія и богатыя фамиліи, невходившія въ систему.* Дѣти ихъ свыше шестнадцати и моложе осьмнадцати лѣтъ будутъ отправлены въ Сенъ-Сирскую школу. „Если же будутъ дѣлать какія нибудь замѣчанія, продолжалъ

---

[231]) Наполеонъ къ Кларке 8 марта 1809. *Прим. автора.*

онъ при томъ: — то нѣтъ другаго отвѣта, что такова моя добрая воля“ [232]).

Эти послѣднія слова представляли самую форму прежняго правительства; но необходимо было подняться слишкомъ далеко и соединить много роковыхъ эпохъ, чтобъ найдти что нибудь похожее на цѣлостность этихъ мѣръ. Можно сказать что онѣ были систематически разсчитаны искусною рукою съ цѣлью погасить интеллигенцію Франціи и истощить источникъ ея жизненныхъ силъ. У нея отнимали не только сильныя поколѣнія крестьянъ и рабочихъ, составлявшихъ какъ бы тѣло народа, но нападали на сердце и на мозгъ; у нея тщательно выбирали, даже на школьныхъ скамейкахъ, ту избранную молодежь, тотъ драгоцѣнный запасъ, который составлялъ искусство, литературу, науку, цивилизацію будущаго, и прежде окончанія воспитанія, ее отрывали въ цвѣту и неостывшую еще отъ материнскихъ поцѣлуевъ отправляли на бойню сраженій.

У Франціи уже выпустили кровь, но все ли, что она могла дать,— составляли эти два набора и добавочные рекруты? Проницательный взоръ Наполеона не замедлилъ открыть новыя категоріи, которыя можно было прибавить къ этому налогу на кровь. Приказавъ набрать по восьмидесяти тысячъ человѣкъ въ четыре года, предшествовавшіе 1808 г., изъ которыхъ каждый доставилъ уже такое количество, онъ довелъ ихъ правильный контингентъ до ста тысячъ, а потому не было ли вопіющею несправедливостью требовать только 80,000 отъ 1809 года?

Принципъ равенства, столь дорогой французамъ, настоятельно требовалъ поправки такого вопіющаго злоупотребленія. Поэтому Наполеонъ увеличилъ долю 1810, но вмѣсто двадцати на тридцать тысячъ, что мало нарушало равновѣсіе и

[232]) Письмо это отъ 3 декабря, изъ числа тѣхъ, которые сочтено за лучшее пропустить въ *Корреспонденціи* Наполеона. *Прим. авт.*

дозволило потребовать новой добавки въ десять тысячъ человѣкъ для императорской гвардіи, отъ годовъ предшествовавшихъ 1810, но они не жаловались, а напротивъ считали себя въ выигрышѣ, потому что съ нихъ взяли контрибуцію только въ десять тысячъ, вмѣсто сорока — число необходимое для равновѣсія. Но эта благосклонность была дурнымъ предвѣстьемъ и оставляла ихъ подъ ударомъ новаго призыва.

Всѣ эти распоряженія Наполеонъ приказалъ исполнить неспросивъ даже Сената, которому они впрочемъ были представлены посредствомъ формальнаго нарушенія учрежденій имперіи [233]). Они были представлены этому собранію уже въ то время, когда Наполеонъ сражался съ австрійцами въ дунайской долинѣ [234]). Дѣйствительно, подобныя мѣры могли быть возможны только подъ условіемъ тайны. Онъ вызвалъ тогда серьезное неудовольствіе въ западномъ населеніи, дошедшемъ до возмущенія, которое было подавлено безъ огласки подъ видомъ разбойничества; какъ необходимое дополненіе онѣ повлекли за собою свирѣпый законъ, относительно непослушныхъ рекрутъ, духъ и развитіе котораго я разсмотрю въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

Благодаря наборамъ въ двѣсти сорокъ тысячъ человѣкъ, усиливавшихъ итальянскую и германскую арміи, Наполеонъ быстро получилъ возможность помѣряться съ австрійскими войсками. Онъ хотѣлъ, чтобъ принцъ Евгеній могъ начать кампанію со ста тысячами человѣкъ, считая въ томъ числѣ и корпусъ Мармона, занимавшій Далмацію и приказалъ сосредоточиваться сперва въ Фріулѣ; изъ Эрфурта онъ направилъ въ Вюрцбургъ Рейнскую армію подъ командою Даву. Лефевра онъ послалъ въ Мюнхенъ принять начальство надъ баварскимъ контингентомъ, простиравшимся до сорока тысячъ человѣкъ. Онъ предписалъ Бернадотту, командовавшему польско-

---

[233]) Наполеонъ къ Лакюе 31 марта 1809. *Прим. автора.*

[234]) Въ засѣданіи 18 марта. *Прим. автора.*

саксонскимъ контингентомъ, замѣнить поляками французскіе гарнизоны въ Глогау, Кюстринѣ, Штеттинѣ и Данцигѣ, и сосредоточиться вокругъ Дрездена для наблюденія за Богеміею. Наконецъ, Массенѣ было поручено сформировать новый корпусъ въ Страсбургѣ, подъ названіемъ *обсерваціонной Рейнской арміи*, который долженъ былъ находиться въ готовности идти на Дунай по первому требованію.

Государи Рейнскаго союза, соединенныя силы которыхъ превосходили сто тысячъ, получили настойчивое приказаніе привести войска въ полный комплектъ. Будучи обязаны вооружиться противъ своихъ соотечественниковъ и видя всю ненависть, какую возбуждало въ Англіи наше владычество, не имѣли даже обольщенія думать, что уступая печальной необходимости, они повиновались по крайней мѣрѣ добровольно и дѣйствовали сами. Ничего не было сдѣлано, чтобъ прикрыть надѣтое на нихъ ярмо, и вездѣ вспомогательными корпусами командовали наши генералы: саксонцами—Бернадоттъ, баварцами Лефебвръ, вюртембергцами Вандаммъ, котораго Наполеонъ навязалъ королю Вюртембергскому, не смотря на основательные протесты послѣдняго.

Итальянская армія должна была оставаться подъ начальствомъ Евгенія, молодаго человѣка, храбраго и исполненнаго рвенія, но безъ военнаго прошлаго, и въ которомъ августѣйшее родство должно было повидимому замѣнять и опытность и заслуги. Что касается до различныхъ группъ Германской арміи, то онѣ имѣли послѣ нѣсколькихъ попытокъ подраздѣляться окончательно на семь корпусовъ, не считая гвардіи и кавалеріи Бессьера. По собственному исчисленію Наполеона [235]), силы эти распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: Ланну предстояло пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, Даву шестьдесятъ, Массенѣ семьдесятъ, Лефебвру сорокъ, Ожеро двад-

---

[235]) Наполеонъ къ Бертье, 8 апрѣля.

цать, Бернадотту пятьдесятъ, королю Іерониму двѣнадцать, — что съ двадцатью двумя тысячами гвардіи и двадцатью тысячами кавалеріи Бессьера, составляло триста двадцать четыре тысячи солдатъ, и вмѣстѣ съ Итальянскою арміею, четыреста двадцать четыре тысячи.

Силы Австріи, которыя сперва казались равными этой громадной массѣ, были въ дѣйствительности гораздо ниже, потому что большею частью состояли изъ милиціи, которую нельзя было, не подвергая опасности, ставить противъ регулярныхъ войскъ. Послѣднія, которыя одни составляли дѣйствующую армію, не доходили и до трехсотъ тысячъ, считая все.

Эрцгерцогъ Іоаннъ долженъ былъ атаковать принца Евгенія съ пятьюдесятью тысячами, опираясь на мятежъ, готовый вспыхнуть въ Тиролѣ; эрцгерцогъ Фердинандъ долженъ былъ угрожать Саксонской Польшѣ съ сорока тысячами; наконецъ эрцгерцогъ Карлъ, командуя главною арміею, занималъ западную Богемію съ стасорока тысячами человѣкъ, готовыми кинуться на Баварію. Два отряда отъ десяти до двѣнадцати тысячъ наблюдали — одинъ Далмацію, другой Тироль. Что касается милиціи, болѣе полутораста тысячъ, ее держали въ окрестностяхъ Вѣны и въ Венгріи, какъ послѣднее средство.

Несмотря на меньшія силы, Вѣнскій кабинетъ имѣлъ предъ нами существенное преимущество, еслибъ умѣлъ дѣйствовать во время: войска его были сосредоточены, а наши страшно разбросаны. Еслибъ на мѣсто эрцгерцога Карла поставить Наполеона, въ успѣхѣ нельзя было бы сомнѣваться ни минуты; въ нѣсколько переходовъ онъ очутился бы сзади нашихъ корпусовъ и разбилъ бы ихъ по одиночкѣ. Но систематическій и трусливый отъ природы, хотя и хорошій генералъ, чувствовалъ кромѣ того суевѣрное почти уваженіе къ генію своего противника, которое отчасти парализовало

его способности, а австрійская медленность не въ состояніи была сообщить недостававшаго ему порыва.

Между тѣмъ въ Вѣнѣ всѣ чувствовали необходимость быстраго рѣшенія, если хотѣли воспользоваться случаемъ, котораго искали. Сторонники войны: Стадіонъ, Генцъ, Поццо ди Борго, удвоивали усилія, чтобъ побѣдить послѣднія колебанія двора. Неужели хотѣли ожидать, пока Наполеонъ окончитъ приготовленія, дать возможность ему раздавить Испанію, и допустить нѣмецкій энтузіазмъ до охлажденія? А угрозы Россіи? Это было пустое пугало. Всѣ знали, что императоръ Александръ одинъ только во всей имперіи совѣтовалъ миръ, и что тамъ былъ заключенъ союзъ съ Франціею. Если пропустить этотъ единственный моментъ, оставалось только одно средство—положить оружіе и покориться, ибо не одна необходимость принуждала къ этому. Несмотря на новыя субсидіи, полученныя отъ Англіи, Австрія была разорена огромными вооруженіями; одна побѣда лишь могла поправить ея истощенные финансы, а на случай пораженія, гораздо же лучше было пасть съ честью подъ ударами врага Европы, нежели подъ бременемъ постыднаго банкротства послѣ еще постыднѣйшей слабости.

Достовѣрно, что по объясненію самаго министра финансовъ графа О'Доннеля, средства Австріи были недостаточны для содержанія арміи, и что „ее слѣдовало отослать кормиться въ другое мѣсто, или отдать себя ей на съѣденіе“. Эта необходимость, не столь настоятельная во Франціи, могла однакожъ и тамъ живо чувствоваться съ тѣхъ поръ, какъ наши арміи не продовольствовались болѣе Пруссіею. Наполеонъ въ силу счисленія населенія поддерживалъ свои бюджеты на неизмѣнной цифрѣ, независимо отъ хода событій, какъ бы родъ факта, поставленнаго внѣ земныхъ вліяній. Каждый годъ, или лучше сказать каждый разъ, когда онъ намѣревался начать какое нибудь предпріятіе, способное испугать публику, министры его съ упорствомъ заявляли Законодатель-

ному Корпусу, „что налоги не будутъ увеличены“. Военныя контрибуціи, конфискаціи, захватъ англійскихъ товаровъ, отчужденіе государственныхъ имуществъ въ завоеванныхъ странахъ, національныхъ имуществъ во Франціи—дѣйствительно позволяли такъ или иначе сдерживать обѣщаніе, и представлять бюджеты почти нормальные, благодаря скрытнымъ средствамъ, которыми можно было покрывать дефициты. Но этотъ, долго неисчерпаемый, источникъ готовъ былъ истощиться безъ силы удара волшебной палочки, какою была шпага Наполеона. Не только значительно увеличились расходы, несмотря на кажущуюся неподвижность бюджета, но и доходы, на прогресивное увеличеніе которыхъ было разсчитываемо, уменьшились еще въ сильнѣйшей пропорціи. Таможенные доходы, будучи нарушены континентальною блокадою, уменьшились болѣе чѣмъ на двадцать пять милльоновъ; случайная выгода отчужденія національныхъ имуществъ, ограничилась вслѣдствіе всеобщаго стѣсненнаго положенія, суммою далеко ниже предполагаемой. Двѣнадцать милльоновъ было растрачено въ безумной борьбѣ съ пониженіемъ публичныхъ фондовъ, чтобъ помѣшать пятипроцентнымъ пасть ниже 80. Мольенъ разсчитываетъ въ милльярдъ — сумму, которой могло стоить государству эта финансовая фантазія Наполеона, еслибъ онъ не былъ принужденъ отказаться отъ нея. Это открытіе въ соединеніи съ нѣкоторыми другими его дѣлами меньшей важности, довели до пятидесяти милльоновъ дефицитъ 1808, а между тѣмъ и въ Пруссіи и въ Италіи войска наши постоянно почти продовольствовались на счетъ непріятеля.

Этотъ дефицитъ, совмѣстно съ предыдущими не ликвидированными, доходилъ почти до ста милльоновъ, что не мѣшало министрамъ поддерживать неизмѣнно ихъ бюджетъ, по идеальной цифрѣ 730 милльоновъ. Но по исчисленію Молльена издержки одного военнаго министерства въ 1808 простира-

лись до 380 милльоновъ [236]). Армейская казна служила неизмѣнною панацеею, которая должна была все исправить; дѣйствительно она одна могла существенно покрыть авансы текущей кассы, изъ продажи государственныхъ и національныхъ имуществъ, на которую продолжали еще разсчитывать, сама становилась бѣднымъ источникомъ, за недостаткомъ серьезныхъ покупателей. Капиталъ ее доходилъ до 390 милльоновъ, но около двухъ третей этой суммы не могли быть требуемы съ Пруссіи раньше какъ въ теченіе 1809, 1810 и 1811 гг. Итакъ Наполеону, подобно Австріи, предстояло очень скоро очутиться въ матерьяльной невозможности содержать многочисленную армію, которую онъ формировалъ. Съ другой стороны обѣ державы видѣли себя въ нравственной невозможности почти обезоружиться. Изъ этого вытекаетъ, что если война не была еще объявлена фактически, можно сказать, что была начата въ дѣйствительности.

Положеніе это, имѣвшее единственнымъ исходомъ войну, отнимаетъ всякій интересъ отъ послѣднихъ переговоровъ между дворами Вѣнскимъ и Парижскимъ. Дипломатія здѣсь служила родомъ процедуры, въ которой форма прикрывала только основаніе и давала правильный ходъ предусмотренной развязкѣ. Меттернихъ заявилъ 2 марта Шампаньи, что мѣры, принятыя Наполеономъ, принудили Вѣнскій кабинетъ привести свои арміи на военную ногу, а французскій министръ отвѣчалъ ему рѣзкими жалобами, которыя мало подавали бы надежды на сближеніе даже и тогда, еслибъ неудовольствіе было менѣе серьезно, и страсти менѣе раздражены [237]).

Оба правительства съ этой минуты только и старались о приведеніи къ окончанію своихъ военныхъ распоряженій.

---

[236]) Молльенъ: ***Mémoires d'un ministre du Trésor.***

[237]) Документы, сообщенные Сенату VIII и XIV.

Прим. автора.

Массена получилъ приказъ перенести свою главную квартиру изъ Страсбурга въ Ульмъ; Даву долженъ былъ двинуться изъ Вюрцбурга въ Ратисбонну; Ланнъ имѣлъ сосредоточить свои корпуса въ Аугсбургѣ. Наполеонъ, вспоминая какія затрудненія представлялъ ему Дунай въ кампанію 1805, послалъ къ этой рѣкѣ отрядъ въ 1500 моряковъ, которые должны были установить быстрое сообщеніе между двумя берегами. Генералъ-маіоръ Бертье былъ посланъ въ Страсбургъ—ускорить всѣми способами организацію и выступленіе опоздавшихъ войскъ. Онъ долженъ былъ сосредоточить армію въ Ратисбоннѣ; „но, прибавилъ Наполеонъ:—Донаувертъ и линія Леха—вотъ позиціи, на случай, если непріятель предупредитъ меня [238])“.

Въ Италіи Мюратъ получилъ повелѣніе кинуться на Римъ «съ быстротою молніи», чтобъ смѣнить войска Міоллиса, посланныя въ Верхнюю Италію, и истребить «это гнѣздо мятежа». Императоръ сообщилъ ему свое намѣреніе положить конецъ свѣтской власти и оставить папѣ лишь титулъ римскаго епископа, разсуждая на этотъ разъ не безъ основанія, что эта мѣра, давно уже откладываемая, пройдетъ незамѣченною среди военныхъ волненій [239]).

Австрія могла-бы напасть на насъ съ огромнымъ преимуществомъ съ 20 марта, но она употребила на фальшивые маневры время, которымъ Наполеонъ съумѣлъ воспользоваться. Армія эрцгерцога Карла, сосредоточенная въ Богеміи около Пильзена, могла въ пять переходовъ очутиться въ Ратисбоннѣ, среди нашихъ разбросанныхъ корпусовъ. Вмѣсто того, чтобъ произвести это смѣлое нападеніе, которое причинилобы безпорядокъ и ужасъ среди нашихъ мѣсторасположеній, онъ оставилъ въ Богеміи лишь сорокатысячный корпусъ, подъ командою Бельгарда, а самъ со стасорокатысячною

---

[238]) Инструкція отъ 30 марта 1809. *Прим. автора.*

[239]) Наполеонъ къ Мюрату, 5 апрѣля. *Прим. автора.*

арміею пошелъ въ далекій обходъ, съ цѣлью переправиться чрезъ Дунай въ Линцѣ и явиться на Иннѣ, сообразно съ старинною рутиною австрійскихъ войнъ. Говорятъ, онъ принялъ этотъ планъ вопреки своему желанію, вслѣдствіе продолжительнаго спора между генералами Грюномъ и Мейеромъ, изъ которыхъ одинъ стоялъ за первое намѣреніе, а другой за второе; но поведеніе его тѣмъ не менѣе возбуждаетъ негодованіе, ибо эти разногласія придавали болѣе вѣса мнѣнію главнокомандующаго, который одинъ долженъ былъ все рѣшить и за все былъ одинъ отвѣтственъ.

При такомъ порядкѣ вещей, непріязненныя отношенія неизбѣжно должны были сдѣлаться открытыми, и почти одновременно стали таковыми съ обѣихъ сторонъ. Французскій офицеръ, которому было поручено везти депеши отъ вѣнскаго посольства въ Мюнхенъ, неофиціальнымъ образомъ, былъ арестованъ въ Броунау и всѣ бумаги, находившіяся при немъ, были забраны и распечатаны. Нѣсколько дней спустя, аванпосты Даву, шедшіе изъ Вюрцбурга на Ратисбоннъ, завладѣли територіею Австрійской имперіи [240]). Наполеонъ узналъ о задержаніи французскаго офицера только тогда, когда самъ отплатилъ тѣмъ-же; онъ приказалъ хватать на всѣхъ дорогахъ гонцовъ австрійскаго кабинета. Но и помимо этого, разрывъ былъ неизбѣженъ: всѣ подготовительныя мѣры уже давнымъ давно истощились. Меттернихъ потребовалъ свои паспорты, а 10-го апрѣля, утромъ, эрцгерцогъ Карлъ со своею арміею перешелъ Иннъ, въ то время, какъ Тироль вспыхнулъ, какъ порохъ, и возсталъ весь, поголовно, чтобъ изгнать изъ своихъ предѣловъ баварскіе гарнизоны.

Наполеонъ ожидалъ нападенія непріятеля, но не ранѣе 15 апрѣля, когда онъ разсчитывалъ соединиться со своею

---

[240]) Этотъ фактъ подтверждается письмомъ Наполеона къ Кларке отъ 5-го апрѣля. *Прим. автора.*

арміею на Дунаѣ. Но такъ какъ 10-го апрѣля, австрійскій посланникъ потребовалъ свои паспорты, то онъ увидѣлъ, что слѣдуетъ начать кампанію безотлагательно и тотчасъ-же телеграфировалъ Бертье, который, какъ онъ предполагалъ, долженъ былъ еще находиться въ Страсбургѣ,—приступить немедленно къ сосредоточенію арміи, уже не въ Ратисбоннѣ, а въ Аугсбургѣ и Донаувертѣ. Въ письмѣ того же дня, которое послужило впослѣдствіи основаніемъ къ обвиненіямъ, взводимымъ противъ генералъ-маіора, онъ объяснялъ смыслъ своей депеши Бертье и снова приказывалъ ему „сосредоточить всѣ силы на Лехѣ, т. е. въ Аугсбургѣ и Донаувертѣ, въ случаѣ, если австрійцы сдѣлаютъ нападеніе ранѣе 15 апрѣля". Если непріятель не сдѣлаетъ наступательнаго движенія, въ такомъ только случаѣ [241]), Даву долженъ оставаться въ Ратисбоннѣ, а Массена перенесетъ свои дѣйствія изъ Ульма на Аугсбургъ. Но получивши извѣстіе о переправѣ черезъ Иннъ, Бертье покинулъ Страсбургъ 11-го, чтобы соединиться съ главною арміею, и вслѣдствіе этого получилъ депешу и письмо Наполеона только 16 апрѣля въ Аугсбургѣ, въ то время, когда императоръ самъ долженъ былъ прибыть въ главную квартиру. Бертье не имѣлъ другихъ предписаній, кромѣ инструкцій 30 марта, данныхъ на случай выхода австрійцевъ изъ Богеміи; эти инструкціи имѣли такой смыслъ, что сосредоточеніе военныхъ силъ на Лехѣ допускалось только „въ случаѣ, если непріятель насъ предупредитъ", предписаніе далеко неясное; оно могло быть понято и истолковано различнымъ образомъ.

---

[241]) Авторъ ***Исторіи Консульства и Имперіи***, дѣлаетъ промахъ въ данномъ случаѣ, предполагая, что депеша его имѣетъ двойной смыслъ и предписываетъ Бертье оставить Даву въ Ратисбоннѣ *во всякомъ случаѣ*. Письмо и депеша совершенно ясны. Въ нихъ, дѣйствительно, говорится, что Даву долженъ остаться въ Ратисбоннѣ «*во всякомъ случаѣ*»; но предъидущая фраза: „ели непріятель не сдѣлаетъ наступательнаго движенія", никакъ не можетъ быть истолкована двусмысленно.

Прим. автора.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно было сказать, что непріятель не предупредилъ нашихъ дѣйствій, ибо послѣ переправы черезъ Иннъ, онъ медленно подвигался къ Изеру, и достигнулъ его только тогда, когда наша армія была уже здѣсь частью сосредоточена. Дѣйствительно, Даву занималъ Ратисбоннъ съ корпусомъ въ 60,000 человѣкъ, когда къ нему присоединилась еще съ тылу дивизія Фріана, а баварцы въ числѣ 40,000 собрались частью въ Ландсгутѣ, частью въ Нейштадтѣ. Во всякомъ случаѣ, эта позиціи была не безопасна потому, что невозможно было защищать линію, пролегавшую вдоль береговъ Изера, и еслибы только непріятелю удалось ее прорвать, Даву еще въ Аугсбургѣ былъ бы отрѣзанъ отъ своей главной арміи. Предоставленный собственнымъ размышленіямъ, Бертье сдѣлалъ немного для предупрежденія опасности; онъ даже отозвалъ Даву въ Ратисбоннъ, который оставилъ его для того, чтобы соединиться съ нашимъ центромъ, и послалъ къ нему на помощь дивизію Удино. Но въ этомъ случаѣ его спасла нерѣшимость, свойственная всѣмъ людямъ, непривыкшимъ дѣйствовать самостоятельно, — Бертье не заслуживалъ тѣхъ упрековъ, которыми его осыпали, потому, что получилъ приказанія Наполеона слишкомъ поздно и былъ не въ силахъ ихъ выполнить.

Императору слѣдовало уже прибыть на мѣсто военныхъ дѣйствій, чтобъ поправить промахъ, сдѣланный Бертье. Одинъ изъ маршаловъ начиналъ даже подозрѣвать Бертье въ измѣнѣ [242]). Извѣщенный по телеграфу о переправѣ черезъ Иннъ, 12-го апрѣля, въ 8 часовъ вечера,—Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа 13-го, а 17-го онъ прибылъ въ Донаувертъ, въ то самое время, когда намѣревался приступить къ сосредоточенію своей арміи. По близости у него находились вюртембергцы Вандамма, прибывшіе въ Инголь-

---

[242]) Генералъ Пеле: *Мемуары о войнѣ 1809 года.* *Прим. автора.*

штадтъ, и баварскій корпусъ, расположенный отъ Гейзенфельда къ Нейштадту. Даву все еще былъ изолированъ въ Ратисбоннѣ; Массена находился еще въ Аугсбургѣ со своимъ корпусомъ и съ дивизіями Удино, которыя должны были войдти въ составъ корпуса Ланна. Что касается гвардіи, то она еще едва только выбралась изъ Вюртемберга. Такимъ образомъ, наша армія занимала пространство въ двадцать пять лье и была обращена тыломъ къ Дунаю, а лицомъ къ Изеру, который австрійцы перешли только наканунѣ. Днемъ, 16-го апрѣля, ихъ авангардъ показался на Изерѣ у Ландсгута; тамъ онъ вступилъ въ бой съ баварскою дивизіею Деруа, которая защищала городъ; но такъ какъ переходъ черезъ рѣку былъ форсированъ на двухъ другихъ пунктахъ— Деруа отступилъ къ Нейштадту. Вслѣдъ за этою стычкою, австрійская армія, вся цѣликомъ, кромѣ корпуса, оставшагося на окрайнѣ Богеміи, перешла Иннъ у Ландсгута, Моосбурга, Дингольфинга, и приближалась къ намъ, угрожая отрѣзать нашу линію по срединѣ.

Съ этого времени стали обѣ арміи лицомъ къ лицу, почти съ одинаковыми силами [243]), образуя неправильный четыреугольникъ, котораго два передніе фланга прикрывались Дунаемъ, а остальные два Изеромъ и Лехомъ; та часть войскъ, которая была сосредоточена, имѣла положеніе несравненно выгоднѣе той, которую не успѣли сосредоточить. Эрцгерцогъ Карлъ, выйдя чрезъ Ландсгутъ, могъ въ два перехода перенестись въ Оберзаль на Дунаѣ, стать тамъ между баварскимъ корпусомъ и корпусомъ Даву, и подавить ихъ одинъ за другимъ численностью своей арміи. Но когда наступила минута дѣйствовать, эрцгерцогомъ овладѣло чувство страха; обычная нерѣшимость взяла верхъ надъ всѣми прочими

---

[243]) По показанію генерала Штютергейма, военныя силы, которыя находились у эрцгерцога подъ рукою, простирались до 126,000 т. человѣкъ: *Исторія войны 1809 года.* *Прим. автора.*

соображеніями, и благодаря этому, наша армія во второй разъ спаслась отъ неизбѣжнаго разгрома. Эрцгерцогъ находился въ мѣстности, перерѣзанной болотами, покрытой лѣсами, между непріятельскими корпусами, которыхъ ни численность, ни положеніе не были ему извѣстны. Онъ двинулъ свои войска по тремъ различнымъ направленіямъ, по тремъ дорогамъ, шедшимъ отъ Ландсгута, но какъ будто только съ цѣлью обсерваціонной, безъ намѣренія вступать въ бой. Корпуса Гиллера и эрцгерцога Лудвига были посланы въ Менбургъ и въ Зигенбургъ на встрѣчу баварцамъ, одинъ небольшой отрядъ пошелъ на развѣдки вправо по ратисбоннской дорогѣ, а эрцгерцогъ Карлъ двинулся на Роръ по центральному шоссе (18 апрѣля).

Насколько дѣйствія эрцгерцога были нерѣшительны, боязливы, медленны, на столько дѣйствія Наполеона были быстры, смѣлы и рѣшительны. Тотчасъ по своемъ прибытіи на мѣсто военныхъ дѣйствій, онъ понялъ необходимость сосредоточить свою армію — растяженіе линіи представляло большое неудобство. Вслѣдствіе этого, онъ поспѣшилъ послать приказъ Даву поворотить войска изъ Ратисбонна на Нейштадтъ, обѣщая придти къ нему съ баварцами на встрѣчу, и помочь въ случаѣ какихъ либо затрудненій. Одновременно онъ отозвалъ Массену изъ Аугсбурга въ Пфафенгофенъ, гдѣ маршалъ становился и ближе къ центру арміи и могъ угрожать Ландсгуту, т. е. отступающей линіи эрцгерцога. Посредствомъ этого передвиженія, Наполеонъ могъ отодвинуть свой лѣвый флангъ, слишкомъ выдавшійся впередъ и вытянуть правый, слишкомъ отодвинутый назадъ.

19-го апрѣля, рано утромъ, Даву вышелъ изъ Ратисбонна, оставивъ тамъ только одинъ полкъ для защиты моста на Дунаѣ противъ Богемской арміи. Его кавалерія, артиллерія, военные обозы направились по дорогѣ, пролегавшей вдоль береговъ Дуная. Пѣхота пробиралась по лѣсистымъ возвышенностямъ, господствовавшимъ надъ дорогою изъ Абаха

въ Тенгенъ. Этотъ переходъ, совершенный вдоль береговъ Дуная передъ самымъ фронтомъ австрійской арміи, былъ одною изъ самыхъ трудныхъ военныхъ операцій; онъ давалъ еще разъ эрцгерцогу Карлу возможность отрѣзать Даву отъ Наполеона. Но въ то самое время, когда Даву оставилъ Ратисборнъ, эрцгерцогъ вышелъ изъ Рора и двинулъ свои войска на Ратисбоннъ, вмѣсто того, чтобы идти по дунайскому шоссе, гдѣ бы онъ могъ воспрепятствовать переходу Даву, и кинулся вправо, добрался до Ратисбонна чрезъ Эглофсгеймъ. Одинъ изъ его корпусовъ, именно гогенцолернскій, сдѣлалъ нападеніе на дивизіи Сентъ-Иллэра и Фріана, между Заальгауптомъ и Тенгеномъ. Послѣ жаркой битвы, извѣстной подъ именемъ сраженія при Таннѣ, а у нѣмцевъ подъ именемъ Тенгенской битвы, эти двѣ дивизіи отбросили гогенцолернскій корпусъ къ Гаузену, а Даву соединился съ баварцами (19 апрѣля).

Въ это время, Массена успѣлъ достигнуть Фрезинга, и такимъ образомъ наша армія сосредоточилась, а армія эрцгерцога Карла окончательно разстроилась. Разсѣянные австрійскіе корпуса Абена въ Ратисбоннѣ не представляли ни малѣйшей связи; они предоставили Наполеону иниціативу, которою сами не съумѣли воспользоваться. Они подставили подъ его удары четыре главныя группы своихъ войскъ. Гиллеръ находился въ Менбургѣ и боялся, чтобы Массена не зашелъ ему съ тылу, эрцгерцогъ Лудвигъ занималъ пространство между Зигенбургомъ и Киршдорфомъ, въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ Менбурга. Въ семи или восьми миляхъ оттуда, въ окрестностяхъ Ратисбонна, находился эрцгерцогъ Карлъ, котораго корпусъ стоялъ въ Гаузенѣ и былъ въ дѣлѣ наканунѣ. Наполеонъ тотчасъ рѣшилъ перерѣзать эту линію, черезчуръ растянутую, въ двухъ мѣстахъ, чтобы впослѣдствіи уничтожить ея отдѣльныя звѣнья. Онъ оставилъ Даву у Гаузена, приказавъ ему удерживать эрцгерцога Карла, въ то время, какъ самъ императоръ шелъ тѣснить эрцгерцога

Лудвига у Киршдорфа и Зигенбурга, сосредоточивъ тамъ свои главныя силы. Ланнъ былъ посланъ въ Роръ съ двумя дивизіями, дабы воспрепятствовать всякому сообщенію между двумя непріятельскими флангами. Предпринявши эти мѣры, Наполеонъ вышелъ изъ Абенсберга съ баварцами и вюртембергцами къ Оффштетену и Киршдорфу; опрокинулъ аванпосты эрцгерцога Лудвигъ, затѣмъ отбросилъ ихъ къ Рору, гдѣ они были встрѣчены Ланномъ, который ихъ доколотилъ окончательно. Эрцгерцогъ Лудвигъ, будучи самъ атакованъ въ Зигенбургѣ генераломъ Вреде, съ ужасомъ увидѣлъ, что непріятель можетъ обойдти его съ праваго фланга, и началъ поспѣшно отступать къ Пфефенгаузену. Тамъ онъ соединился съ Гиллеромъ, который прибылъ туда изъ Менбурга, и не могъ болѣе принимать никакого участія въ сраженіи (20 апрѣля).

Послѣ этой непродолжительной битвы, въ которой участвовало только около тридцати тысячъ австрійцевъ, благодаря ловкимъ маневрамъ главнокомандующаго, непріятельская армія, была раздѣлена на двѣ части и отрѣзана одна отъ другой. Одна часть была отброшена въ безпорядкѣ къ Ландсгуту, гдѣ ей грозила опасность быть застигнутой Наполеономъ, который слѣдовалъ по ея пятамъ изъ Пфефенгаузена, и также Массеною, который шелъ изъ Моосбурга съ праваго берега Изера; другая часть непріятельской арміи была отброшена къ Ратисбонну, и Наполеонъ, разсчитывавшій, что городъ этотъ еще занятъ войсками Даву, надѣялся окончательно ее уничтожить.

Когда, днемъ, 21-го апрѣля, послѣ третьей битвы еще болѣе жаркой, чѣмъ предъидущія, Наполеонъ овладѣлъ Ландсгутомъ, который Гиллеръ пытался защищать, но безуспѣшно, противъ соединенныхъ силъ Ланна и Массены, онъ убѣдился, что армія эрцгерцога совершенно разбита.

Дѣйствительно ей оставалось одно средство: прорваться или чрезъ Ратисбоннъ, который предполагали занятымъ нашими войсками, или чрезъ Ландсгутъ, который былъ въ нашихъ

рукахъ, или наконецъ чрезъ Штраубингъ, гдѣ также было не совсѣмъ безопасно. Правда, что маневры Наполена, въ теченіе этихъ трехъ дней, были весьма удачны, но онъ по свойственной ему привычкѣ, старался представить ихъ въ самомъ преувеличенномъ видѣ, несравненно блестящѣе, нежели они были на самомъ дѣлѣ, для того, чтобы какъ можно сильнѣе подѣйствовать на воображеніе людей. Онъ отдалъ приказъ напечатать прокламацію, помѣченную 21-мъ апрѣля, слѣдующаго содержанія: „Австрійская армія *истреблена небеснымъ огнемъ, которымъ Богъ караетъ неблагодарныхъ, несправедливыхъ и коварныхъ—она совершенно уничтожена.* Всѣ корпуса разбиты. Болѣе двадцати генераловъ убито и ранено; *одинъ эрцгерцогъ убитъ и двое раненыхъ.* Болѣе 30,000 т. человѣкъ взято въ плѣнъ и проч. Можетъ быть, только жалкіе остатки австрійской арміи, осмѣлившейся тягаться съ французскою арміею, перейдутъ Эннъ, и т. д.“ Подобную прокламацію было приказано распространить всюду.

Вся она была составлена въ такомъ духѣ.

Такое безстыдное хвастовство затемняло славу, пріобрѣтенную побѣдами, которыя, по всей вѣроятности, не столько были блистательны по своему результату, сколько по тѣмъ геніальнымъ соображеніямъ, которыя ихъ подготовили. Австрійская армія находилась совсѣмъ не въ такомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ старался изобразить Наполеонъ. Правда, она была раздѣлена на двѣ части, отрѣзанныя одна отъ другой, но эрцгерцогъ Карлъ овладѣлъ Ратисбонномъ, гдѣ онъ захватилъ въ плѣнъ полкъ, оставленный тамъ Даву; онъ призвалъ къ себѣ на помощь дивизію Богемской арміи, и убѣдившись, что отступленіе возможно по ту сторону Дуная, онъ началъ стягивать войска въ окрестностяхъ Экмюля и рѣшился сдѣлать нападеніе на корпуса Даву и Лефебвра, которымъ поручено было его удерживать.

Императоръ, назначивъ кавалерію Бессьера для преслѣдованія Гиллера и поручивъ одной части корпуса Массены охранять Ландсгютъ, двинулся въ походъ съ остальными своими силами, чтобы поддержать Даву. Онъ прибылъ въ Экмюль въ два часа пополудни. Вслѣдствіе какой то стратегической фантазіи, которая осталась неразъясненною, эрцгерцогъ, вмѣсто того, чтобъ возобновить нападеніе соединенными силами, оставилъ въ Экмюлѣ только два корпуса — Розенберга и Гогенцолернскій. Остальные корпуса онъ послалъ на рекогносцировку по направленію Абаха, гдѣ требовалось сосредоточить силы, только необходимыя для защиты дунайскаго шоссе противъ легкой Монбренской конницы. Корпуса, оставленные въ Экмюлѣ, храбро боролись съ непріятелемъ, выдерживали штурмъ Ланна, Лефевра и Даву; но послѣ нѣсколькихъ часовъ ожесточенной, кровопролитной битвы, Розенбергъ, окруженный со всѣхъ сторонъ французскими войсками, и не ожидая поддержки, началъ отступать къ Ратисбонну, оставивъ поле сраженія, усѣянное убитыми. Эрцгерцогъ подоспѣлъ съ своею кавалеріею на помощь Розенбергу, чтобъ воспрепятствовать его отступленію, къ которому была такъ склонна вся австрійская армія. Наша конница отбросила австрійскую, до самой ихъ пѣхоты, но резервный корпусъ принца Лихтенштейна поспѣшилъ на помощь и въ свою очередь вступилъ въ ожесточенный бой съ нашими кирасирами, который продолжался до глубокой ночи (22 апрѣля).

Наполеонъ счелъ болѣе благоразумнымъ пріостановиться въ преслѣдованіи, а эрцгерцогъ, пользуясь темнотою ночи, могъ снова возвратиться въ Ратисбоннъ. Онъ перешелъ Дунай по двумъ мостамъ, утромъ 23-го апрѣля, въ глазахъ самого императора, который старался воспрепятствовать этой операціи, но безуспѣшно. Тѣмъ не менѣе ему удалось во-время начать осаду города и захватить въ плѣнъ часть

арріергарда, хотя и незначительнаго, оставленнаго тамъ эрцгерцогомъ.

Еще ни разу военный геній Наполеона не обнаруживался въ такомъ величіи, блескѣ, силѣ, разнообразіи, какъ во время этой пятидневной битвы. Различные эпизоды въ сраженіяхъ при Таннѣ, Абенсбергѣ, Ландсгутѣ, Экмюлѣ, Ратисбоннѣ, были только правильнымъ, послѣдовательнымъ развитіемъ одной великой, геніальной мысли; каждый переходъ, предназначенный для поправленія невыгодно-занятыхъ позицій вождями отдѣльныхъ частей,—запечатлѣнъ побѣдою. Ничто, ни одинъ шагъ не дѣлался необдуманно, не смотря на опасную тактику когда судьба цѣлой страны становилась на карту для произведенія большаго эффекта. Изъ какой нибудь эволюціи, повидимому выражавшей отступленіе, весьма трудно выполнимое въ присутствіи непріятеля, Наполеонъ умѣлъ переходить незамѣтнымъ образомъ въ наступательное движеніе, и такимъ образомъ прорывалъ центръ австрійцевъ и отбрасывалъ ихъ раздѣленную армію къ берегамъ Дуная. Еще никому другому, кромѣ Наполеона, не удавалось выходить изъ безвыходнаго положенія такимъ блестящимъ образомъ и вести дѣло съ такимъ замѣчательнымъ хладнокровіемъ, съ такою послѣдовательностью, съ такою твердостью. Самое начало кампаніи было образцомъ методической войны, верхомъ смѣлости и въ тоже время осторожности; во всѣхъ отношеніяхъ она была достойна первой итальянской кампаніи. Только одно преувеличенье побѣдъ бросало нѣкоторую тѣнь на побѣдителя. Наполеонъ, въ своемъ бюллетенѣ, приписывалъ себѣ 60,000 человѣкъ плѣнныхъ, что съ 15,000 убитыхъ и раненыхъ уменьшало австрійскую армію почти на 80,000 Но по довѣрнымъ свѣдѣніямъ, австрійцы потеряли только одну четверть того.

Нравственное впечатлѣніе этого блестящаго дебюта было ослаблено дурными извѣстіями, полученными одно за другимъ изъ Италіи, Тироля и Польши. Въ Италіи, принцъ Евгеній,

внезапно атакованый эрцгерцогомъ Іоанномъ, не успѣлъ сосредоточить своей арміи, авангардъ его былъ взятъ въ плѣнъ при Порденонѣ, и затѣмъ принцъ былъ разбитъ на голову въ Сициліи. Отсюда онъ былъ отброшенъ къ Адидже. Получивши это непріятное извѣстіе, Наполеонъ долженъ былъ съ горечью сознаться, что въ выборѣ вождей онъ не обладалъ абсолютнаго прозорливостью. Принцъ Евгеній былъ молодой человѣкъ, одаренный прекрасными качествами, но не обладалъ никакими военными талантами, и конечно не во власти Наполеона было надѣлить его ими. Ошибка императора касательно выбора принца выразилась въ слѣдующихъ словахъ, полныхъ злобы и горечи: „Я къ сожалѣнію вижу, писалъ ему Наполеонъ:—что вы не имѣете не только ни малѣйшаго понятія о веденіи войны, но даже простой смѣтливости въ военномъ дѣлѣ.... Мнѣ слѣдовало бы послать къ вамъ Массену, а васъ назначить командиромъ кавалеріи подъ его руководствомъ. Я сдѣлалъ громадную ошибку, поручивъ вамъ командованіе цѣлой арміи. Я знаю, что вы возбуждаете въ Италіи ненависть къ Массенѣ, но еслибы онъ былъ тамъ, никогда не случилось-бы того, что теперь. Массена обладаетъ военными талантами, предъ которыми слѣдуетъ преклоняться“ [244]). Безъ сомнѣнія, было бы гораздо благоразумнѣе и справедливѣе поручить командованіе арміею такому великому полководцу, какъ Массена, на что онъ имѣлъ полное право, нежели употреблять его, „какъ репортера приказовъ“ во время сраженія при Экмюлѣ, или какъ обыкновеннаго фронтоваго офицера, что подтверждаетъ и самъ императоръ въ первомъ своемъ бюллетенѣ, съ какимъ-то мелочнымъ тщеславіемъ: но кто-же виноватъ въ этомъ, какъ не тотъ, который относился пристрастно къ окружавшимъ его людямъ? Въ другомъ своемъ письмѣ къ принцу Евгенію,

---

[244]) Наполеонъ къ Евгенію, 30 апрѣля 1809 г.

Наполеонъ говорилъ: „Я хочу знать, какимъ образомъ мои войска были разбиты этими *канальями австрійцами.* Здѣсь ихъ было 300,000, я ихъ постоянно билъ будучи *одинъ противъ семи*“ [245]). Канальи австрійцы, канальи испанцы, такъ называлъ Наполеонъ своихъ враговъ, и чѣмъ они становились опаснѣе для него, тѣмъ больше онъ возбуждалъ къ нимъ ненависти, какъ будто въ его власти было сдѣлать ихъ дѣйствительно ненавистными, или этою ненавистью можно было уменьшить встрѣчавшіяся затрудненія. Наполеонъ самъ внушилъ своимъ генераламъ этотъ высокомѣрный, самонадѣянный тонъ, который впослѣдствіи довелъ ихъ до полнаго ослѣпленія собою и былъ причиною многихъ, серьезныхъ неудачъ. Возбужденіе ненависти къ врагу придаетъ нѣкоторое воодушевленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и порождаетъ гибельныя иллюзіи; можно съ положительностью сказать, что благодаря слѣпой самоувѣренности, было проиграно гораздо больше сраженій, нежели ихъ выиграно. Подражая самохвальству, которымъ его старались подстрекнуть, и слѣдуя примѣру императора, который смѣло говорилъ, что сражался *одинъ противъ семи*, принцъ Евгеній могъ бы также легко превратить два нанесенныя ему пораженія въ блестящія побѣды. Безспорно, что въ самомъ началѣ, въ теченіе цѣлаго ряда битвъ, позиціи нашей арміи были самыя невыгодныя, но численностью она не уступала арміи эрцгерцога Карла. Изъ всѣхъ писемъ Наполеона видно, что подъ начальствомъ Даву находилось 60,000, баварцы съ вюртембергцами составляли также не менѣе 50,000; въ корпусѣ Массены, въ кавалеріи Бессьера и въ дивизіи Удино можно было считать по крайней мѣрѣ столько же, да и кромѣ того французскія военныя силы возрастали съ часу на часъ, тогда какъ эрцгерцогъ Карлъ имѣлъ не болѣе 130,000, человѣкъ, разсѣяннныхъ на поляхъ битвы.

---

[245]) Ему же 26 апрѣля.

Наполеонъ думалъ было поручить Мюрату командованіе арміею принца Евгенія, но прибытіе Макдональда въ главную квартиру вице-короля заставило его измѣнить свое намѣреніе. Впрочемъ, было ясно, что отступленіе эрцгерцога Карла вынудитъ эрцгерцога Іоанна возвратиться къ Сѣвернымъ Альпамъ. Принцъ Евгеній, подъ начальствомъ и руководствомъ знаменитаго генерала, извѣстнаго своими заслугами, могъ преслѣдовать и тревожить своего противника. Въ 1809 году, равно, какъ и въ 1805, главною задачею арміи дѣйствовавшей на Дунаѣ, было вовлекать въ сраженіе всѣ корпуса, которые старались нападать на ея фланги. Эрцгерцогъ Іоаннъ былъ точно такимъ же образомъ вовлеченъ въ битву, въ которой братъ его потерпѣлъ пораженіе; тирольское возстаніе, не смотря на свой блестящій успѣхъ, можно назвать только *hors d'oeuvr*'омъ. Такъ какъ оно было въ сторонѣ, не на прямой линіи нашихъ сообщеній и не могло перейдти въ регулярное сопротивленіе, и такъ какъ дѣйствія тирольцевъ можно было весьма легко поставить въ извѣстные предѣлы, а въ случаѣ надобности не трудно было ихъ укротить, то они и были предоставлены на произволъ судьбы — возстаніе должно было потухнуть само собою, вслѣдствіе своей изолированности.

Лефебвръ былъ посланъ съ баварцами въ Зальцбургъ, чтобъ воспрепятствовать тирольцамъ дѣлать нападеніе на наши фланги. Въ Польшѣ эрцгерцогъ Фердинандъ занялъ Варшаву и отбросилъ Понятовскаго по ту сторону Вислы; но онъ слишкомъ увлекся своимъ успѣхомъ, пошелъ далѣе, чѣмъ слѣдовало, поэтому успѣхъ его имѣлъ весьма слабое вліяніе на исходъ кампаніи.

Перейдя Дунай у Ратисбонна, эрцгерцогъ Карлъ снова пошелъ по богемской дорогѣ, чтобъ достигнуть, по всей вѣроятности, Линца или Кремса, и опередить насъ тамъ. Но онъ вынужденъ былъ сдѣлать длинный и утомительный обходъ чрезъ Будвейсъ, тогда какъ, идя прямо по шоссе,

пролегавшему вдоль праваго берега Дуная, мы имѣли тысячу шансовъ овладѣть этими позиціями прежде его. Корпусъ Гиллера дѣйствительно не могъ удержать насъ на различныхъ притокахъ Дуная, потому что мы дѣлали нападенія на него на всемъ пространствѣ, на всѣхъ пунктахъ, такъ что Гиллеръ не могъ уже болѣе защищаться. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить мотивы, заставившіе Наполеона пріостановиться въ преслѣдованіи эрцгерцога въ Богемію. По той дорогѣ онъ встрѣтилъ бы весьма много затрудненій. Бемервальдскія позиціи были весьма ненадежны, да и кромѣ того ему пришлось бы раздробить свои силы. Слѣдуя по дунайскому шоссе, онъ шелъ бы по дорогамъ хорошо ему извѣстнымъ; онъ не лишился бы той выгоды, которую представляло сосредоточеніе арміи, кромѣ того онъ могъ быть почти увѣреннымъ, что достигнетъ Вѣны прежде своего противника, и тѣмъ произведетъ то сильное нравственное впечатлѣніе, которое неизбѣжно при взятіи непріятельской столицы.

Онъ уже двинулъ свою армію по дорогѣ въ Вѣну съ необыкновенною быстротою. Обращаясь къ своимъ солдатамъ послѣ взятія Ратисбонна и благодаря ихъ за стойкость, онъ поздравилъ ихъ „съ тѣмъ, что они такъ славно доказали разницу, существовавшую между солдатами Цезаря и необузданными полчищами Ксеркса.“ Сравненіе подходящее, ибо Австрія боролась съ нами одна безъ посторонней помощи, а Наполеонъ, для подавленія ея, соединилъ подъ свои знамена войска разныхъ націй. На его сторонѣ было численное превосходство, и если кто напоминалъ своею надменностью и чрезмѣрнымъ честолюбіемъ Ксеркса, то ужь конечно не скромный эрцгерцогъ. Къ несчастью для всѣхъ, новый Ксерксъ олицетворялъ въ себѣ совсѣмъ другаго Александра. Императорскій приказъ оканчивался слѣдующимъ самоувѣреннымъ предсказаніемъ: „Менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ мы будемъ въ Вѣнѣ.“ Дѣйствительно, между этимъ городомъ и нами было

не болѣе тридцати тысячъ человѣкъ, которые едва были въ состояніи замедлить наше движеніе.

Гиллеръ, послѣ довольно удачнаго возвращенія къ берегамъ Инна, поспѣшно перешелъ эту рѣку, но даже и не пытался противодѣйствовать нашей переправѣ черезъ нее. Онъ рѣшился продержать насъ нѣкоторое время на Траунѣ у Эбельсберга, на возвышенностяхъ котораго находился старинный замокъ, гдѣ онъ нашелъ для себя весьма прочныя, солидныя позиціи. Въ небольшомъ разстояніи оттуда находился мостъ Мотозэнъ на Дунаѣ, по которому предполагалось, но ошибочно, что эрцгерцогъ имѣлъ намѣреніе выйдти для соединенія съ Гиллеромъ. Также Массена, образовавшій авангардъ изъ своего корпуса и кавалеріи Бессьера, не тотчасъ пошелъ въ атаку, хотя были увѣрены въ томъ, что опрокинутъ австрійскія позиціи, обойдя ихъ со стороны Ламбаха. Генералъ Когорнъ истребилъ огнемъ и мостъ и городъ Эбельсбергъ, одинъ вслѣдъ за другимъ. Каждый домъ брали съ бою нѣсколько разъ, среди пламени, поглощавшаго городъ. Когорнъ почти погибалъ, когда дивизія Леграна показалась въ свою очередь среди обожженныхъ труповъ. Затѣмъ мы овладѣли замкомъ, послѣ одной изъ самыхъ ожесточенныхъ, кровопролитныхъ битвъ, единственной въ исторіи того времени. Австрійцы, обойденные со стороны Ламбаха, гдѣ прошелъ корпусъ Ланна, отступили, разрушивъ Мотозенскій мостъ (3 мая).

Армія продолжала свое шествіе на Вѣну, оставляя за собою въ главныхъ крѣпостяхъ въ Ратисбоннѣ, въ Пассау, въ Линцѣ, сильные отряды, предназначавшіеся для охраненія нашихъ путей сообщенія и для защиты Дуная, на случай весьма возможнаго возвращенія эрцгерцога. Даву было поручено оберегать рѣку. Прослѣдивъ эрцгерцога вплоть до подошвы Бемеръ-Вальда, маршалъ поворотилъ къ Штраубингу и замкнулъ шествіе арміи. Ожидаемое прибытіе Бер-

надотта въ Ратисбоннъ, позволило Наполеону въ скоромъ времени призвать къ себѣ корпусъ Даву.

Эрцгерцогъ Карлъ надѣялся прибыть ранѣе насъ въ Кремсъ и тамъ соединиться съ Гиллеромъ, чтобъ прикрыть Вѣну. Но скоро ему пришлось отказаться отъ своей мечты. Она стала несбыточною уже потому, что онъ потерялъ слишкомъ много времени въ Будвейсѣ въ Богеміи, въ совершенномъ бездѣйствіи. Онъ приказалъ своему намѣстнику перейдти вторично на лѣвый берегъ Дуная, что Гиллеръ, тѣснимый нашимъ авангардомъ, поспѣшилъ сдѣлать, разрушивъ мостъ въ Кремсѣ. Гиллеръ оставилъ за собою отрядъ, которому было поручено идти на подкрѣпленіе вѣнской милиціи готовившейся къ защитѣ столицы.

10 мая, 1809 года французская армія подошла къ Вѣнѣ. Городская стѣна древняго города была снабжена бастіонами, которые выдержали когдато осаду турокъ, но она едва могла вмѣстить въ себѣ треть населенія столицы, а обширныя предмѣстья ея оставались безъ всякой защиты. Эрцгерцогъ Максимиліанъ, въ распоряженіе котораго была отдана крѣпость, имѣлъ подъ рукою около пятнадцати тысячъ регулярнаго войска, не считая милиціи. Онъ рѣшился пожертвовать предмѣстьями, сдѣлалъ окопы за старыми крѣпостными валами и съ гордостью отвергъ предложеніе сдаться на капитуляцію. Но послѣ непродолжительнаго бомбардированія, Наполеонъ послалъ нѣсколько волтижерскихъ отрядовъ на островъ, гдѣ расположенъ Пратеръ; тогда эрцгерцогу грозила опасность быть отрѣзаннымъ, и онъ, во избѣжаніе попасть въ плѣнъ съ своимъ отрядомъ, поспѣшно очистилъ городъ, и наши войска во второй разъ побѣдоносно вступили въ Вѣну.

Вѣрный своей всегдашней тактикѣ возбуждать населеніе противъ правителей, императоръ великодушно поручилъ жителей гуманности своихъ солдатъ. Онъ приказалъ „оказывать особое покровительство *этому доброму вѣнскому народу, осиротѣлому, оставленному на произволъ судьбы*, этой не-

счастной столицѣ, которую покинули принцы Лотарингскаго дома, не какъ храбрые солдаты, которые подчиняются условіямъ и неудачамъ войны, *но какъ клятвопреступники, которыхъ преслѣдовали угрызенія совѣсти.* Ихъ прощаніе съ Вѣною, говорилъ онъ, кончилось убійствами и пожаромъ *какъ Медея, они собственными руками задушили своихъ дѣтей* [246]).

Эта плохая трагическая декламація, направленная противъ патріотической защиты Вѣны, никого не могла обмануть, но тѣмъ не менѣе ее всячески старались распространить. Наполеонъ воображалъ, что силою можно навязать людямъ убѣжденіе, котораго они не имѣютъ. На каждой строкѣ его бюллетеней можно было встрѣтить эпитеты—подлый, неблагодарный, клятвопреступникъ, относившіеся къ австрійскому императору. Слушая ежедневно повтореніе этихъ эпитетовъ невѣжественная масса солдатъ увѣровала, что должно быть, когда нибудь Наполеонъ осыпалъ благодѣяніями ихъ императора, прежде чѣмъ нанесъ ему ударъ; но чтобъ заставить народъ повѣрить такой неправдоподобной легендѣ, народъ, который раздѣлялъ всѣ несчастья, всѣ бѣдствія съ императоромъ Францомъ, надо было уже слишкомъ разсчитывать на могущество шарлатанства. Надо, чтобъ увѣренность въ успѣхѣ подобнаго рода окончательно затемнила разсудокъ, и дойдя до такого состоянія, можно было попытаться предложить венгерцамъ „свободу и независимость“ [247]) и это предлагалъ тотъ, чья рука была еще обагрена кровью испанцевъ. Надо было слѣпо вѣровать въ силу своихъ словъ и быть увѣреннымъ въ томъ, что они несомнѣнно повліяютъ на австрійскій народъ, чтобъ распространять такую возмутительную клевету на благороднаго и великодушнаго Шилля, узнавши, что онъ сформировалъ въ Берлинѣ полкъ для за-

---

[246]) Прокламація 13 мая 1809 г.

[247]) Прокламація къ венгерцамъ 15 мая. *Прим. автора.*

щиты Вестфаліи: Шилль, предлагающій свои услуги Австріи — никто иной, какъ разбойникъ, запятнавшій себя всевозможными преступленіями во время послѣдней прусской кампаніи [248]).

Никогда азіатскій монархъ, никогда человѣческій идолъ, бросая свои приговоры колѣнопреклоненной толпѣ, не разрѣшалъ съ болѣе спокойною непогрѣшимостью всѣхъ задачъ добра и зла. Добро было ни что иное какъ интересы его собственной особы—все, что служило его намѣреніямъ; зло—все, что имъ противорѣчило. Дѣйствія какъ индивидуумовъ, такъ и народовъ не имѣли другаго критеріума кромѣ интересовъ Наполеона. Такова была простая новая мораль, заявлявшаяся открыто въ императорскихъ манифестахъ, и которую преподавали Европѣ пушечными выстрѣлами. Наполеонъ видимо начиналъ вѣрить, что ему не много будетъ труда внушить ей эту доктрину. Взятіе Вѣны произвело нравственный эффектъ, на который онъ разсчитывалъ. Извѣстія изъ другихъ армій снова сдѣлались превосходны. Принцъ Евгеній почти съ двойными силами преслѣдовалъ эрцгерцога Іоанна, принужденнаго идти къ Венгріи, чтобъ не попасть между двухъ огней; Лефебвръ разбилъ инсургентовъ въ Тиролѣ и занялъ Инспрукъ; Понятовскій отнялъ Варшаву у эрцгерцога Фердинанда, который долженъ былъ пробраться до австрійской границы, чтобъ быть ближе къ брату. Еще одинъ ударъ, и по всѣмъ вѣроятіямъ эта монархія, составленная изъ кусковъ и лоскутковъ, должна была разрушиться. Въ порывѣ своихъ надеждъ Наполеонъ считалъ безполезнымъ откладывать на дальше исполненіе мѣропріятій, задуманныхъ имъ противъ Римскаго двора. Сюрпризъ этотъ, болѣе страшный, по вызваннымъ имъ воспоминаніямъ, нежели по важности перемѣнъ, которыя онъ имѣлъ произвести, казался ему достаточнымъ, чтобъ наполнить его пребываніе въ Вѣнѣ.

---

[248]) Шестой бюллетень. *Прим. автора.*

Онъ совершенно былъ въ своей роли человѣка Судьбы, давая одной имперіи, которая падала, зрѣлище монархіи уже пораженной.

Вслѣдствіе этого онъ издалъ, 17 мая 1809, знаменитый декретъ, который полагалъ конецъ свѣтской власти папъ. Онъ помѣтилъ его „изъ своего императорскаго лагеря въ Вѣнѣ", словно для подтвержденія, что престолъ его величества былъ вездѣ, гдѣ ему угодно учредить его. Онъ мотивировалъ мѣру впрочемъ весьма справедливо, не личными неудовольствіями, но злоупотребленіями, вытекавшими во всѣ времена изъ смѣшенія двухъ властей—свѣтской и духовной. Но его безумная повадка обнаружилась въ первой же причинѣ, куда онъ ввелъ „Карла Великаго, его августѣйшаго предшественника, императора французовъ", и привелъ противъ папъ термины Карловингскаго дара. Это готическое откапываніе, которое онъ считалъ способнымъ усилить эффектъ, уменьшило его, высказавъ въ какихъ отдаленныхъ эпохахъ находило удовольствіе его воображеніе. Впрочемъ нельзя было вѣрить въ искренность его историческихъ сужденій „о римскихъ епископахъ", ибо ихъ исторія была достаточно извѣстна, въ то время когда онъ реставрировалъ ихъ власть. Воспоминаніе о ихъ нечестіи нисколько не стѣсняло его, когда онъ надѣялся воспользоваться ихъ услугами. Онъ ихъ низвергалъ потому, что Пій VII не показалъ себя достаточно угодливымъ, и если власть, которую онъ отнималъ у нихъ, должна увеличить его собственную, это законная революція, которой онъ дѣлался орудіемъ, была уже только бичемъ вмѣсто благодѣянія.

Въ подготовительномъ декретѣ заключалась характеристическая особенность. Она гласила, что доходы папы будутъ увеличены до двухъ милліоновъ ежегодно (§ 5). Эта приманка, которую можно было отнять по произволу, предназначалась, по мнѣнію Наполеона, къ поддержанію папства въ исполненіи обязанности, изъ страха лишиться такого

богатаго дара. Вотъ какое именно понятіе имѣлъ новый Карлъ Великій объ учрежденіи, которое онъ поднялъ, и о первосвященникѣ, которымъ хотѣлъ быть коронованъ. Въ этомъ онъ грубо ошибался, но тѣмъ не менѣе нельзя въ нѣкоторой мѣрѣ не видѣть оцѣнки ума, столь быстраго къ проникновенію слабостей человѣческихъ. Безспорно, что онъ считалъ прелатовъ Римскаго двора и самого папу способными принять подобныя условія: „Вы видѣли изъ моихъ декретовъ, писалъ онъ немного позже къ Мюрату:—что я сдѣлалъ *много добра папѣ;* но это съ условіемъ, чтобъ онъ держался спокойно.“ Изъ этихъ словъ ясно, что его многочисленныя сношенія съ Римскимъ дворомъ невнушали ему большаго уваженія къ тѣмъ, кто ими распоряжался.

Пока эти новыя событія занимали общественное вниманіе, Наполеонъ приготовилъ все, чтобъ покончить съ арміею эрцгерцога Карла, отъ которой отдѣлялъ его только Дунай. Переправы чрезъ рѣки въ виду непріятеля всегда считались труднѣйшими военными операціями; переправа черезъ Дунай—рѣку чрезвычайной ширины, была бы немыслима подъ огнемъ такой сильной арміи, еслибъ топографическія условія въ окрестностяхъ Вѣны не уменьшали значительно опасности. Старый, быстрый и глубокій почти у самой столицы, Дунай расширяется и дѣлается тише, обтекая множество острововъ, раздѣляющихъ его воды, такъ что вмѣсто препятствія представляетъ рядъ довольно узкихъ рукавовъ, относительно удобныхъ для переправы. Два изъ этихъ острововъ въ особенности казались благопріятны для переправъ: Шварце-Локе, лежащій впереди Вѣны и противъ Нусдорфа и Лобау, находящійся около полуторы мили позади.

Императоръ велѣлъ сдѣлать приготовленія къ переправѣ на этихъ двухъ пунктахъ, но такъ какъ два батальона, которые онъ послалъ для взятія Шварце-Локе, были захвачены австрійцами, онъ ограничился съ этой стороны простыми

демонстраціями и сосредоточилъ всѣ свои средства на Лобау Островъ этотъ имѣетъ въ ширину милю и около трехъ въ окружности, что позволяло поставить тамъ армію внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ. Эрцгерцогъ не озаботился занять его и потому легко было овладѣть имъ и безопасно устроить мостъ чрезъ рукавъ, отдѣлявшій его отъ насъ и который былъ гораздо длиннѣе. Что же касается рукава, отдѣлявшаго его отъ лѣваго берега, гдѣ находился непріятель, такъ какъ онъ былъ не болѣе пятидесяти пяти тоазовъ шириною, то чрезъ него легко было переправиться при помощи понтоннаго моста, и все затрудненіе ограничивалось такимъ же, какое представляетъ переправа чрезъ обыкновенныя рѣчки. Препятствіе уменьшалось еще тѣмъ, что Лобау вокругъ пункта, гдѣ мы должны были наводить второй мостъ, образуетъ входящій полукругъ, который позволялъ нашей артиллеріи сдѣлать его недоступнымъ непріятелю. Съ помощью этого большаго моста, находившагося внѣ всякаго нападенія, съ острова, который могъ служить его войскамъ и стоянкою и военнымъ плацомъ, съ помощью малаго моста, который могъ быть наведенъ въ два, три часа, Наполеонъ былъ увѣренъ переправить армію на лѣвый берегъ прежде нежели эрцгерцогъ, котораго онъ настоящей позиціи не зналъ,—могъ бы ему воспрепятствовать.

Дѣйствительно ему недавно донесли, что одинъ австрійскій корпусъ пытался переправиться въ Линцѣ, чтобъ атаковать нашъ тылъ, что повидимому показывало, что эрцгерцогъ Карлъ дѣлалъ отступательное движеніе, чтобъ насъ обойдти, изъ чего покрайней мѣрѣ можно было заключить, что онъ раздѣлилъ свои силы. Императоръ рѣшился ускорить переправу, не смотря на грозную прибыль воды въ Дунаѣ, отъ таянія альпійскихъ снѣговъ, сильное теченіе, которое угрожало главному мосту, хотя построенному изъ прочныхъ судовъ, однако недостаточно укрѣпленному на якоряхъ. Съ полудня 20 мая понтонный мостъ былъ наве-

день въ три часа, и корпусъ Массены очутился на лѣвомъ берегу. За небольшимъ лѣсомъ, гдѣ остановились наши войска, лежали направо и налѣво двѣ красивыя деревни, Асперпъ и Эсслингъ, которыя вскорѣ должны были представлять лишь кучу развалинъ. Дивизія Буде, Молитора и Леграна тотчасъ же укрѣпились въ нихъ съ частью гвардіи. Соединенныя каналомъ, перерѣзанныя во всю длину одною только улицею, обстроенною многими каменными домами, деревни эти представляли родъ укрѣпленнаго фронта, удобнаго къ защитѣ. Въ тотъ день эрцгерцогъ былъ невидимъ; появился только сильный авангардъ, наблюдавшій наши движенія и дѣлавшій разъѣзды по обширной равнинѣ Маршфельда. На другой день, 21 мая, онъ рѣшился атаковать Наполеона, прежде чѣмъ вся наша армія переправилась на лѣвый берегъ. Необъяснимая медленность его движеній стоила ему дорого. Къ его счастью, большой нашъ мостъ разорвало ночью. Починка заняла много времени, и Наполеонъ могъ сосредоточить только часть своихъ силъ.

Эрцгерцогъ двинулся на насъ очень поздно съ арміею около 70,000 человѣкъ и тремя стами орудій, образуя концентрическую линію вокругъ деревень Асперна, Эсслинга и Энцерсдорфа, въ которыхъ укрѣпились наши войска [249]). Наши силы въ этотъ день нельзя считать менѣе сорока тысячъ [250]). Это значительное численное меньшинство принуж-

---

[249]) Два изъ его корпусовъ были—одинъ возлѣ Линца, подъ начальствомъ Коловрата, другой передъ Вѣною подъ командою эрцгерцога Людвига. Кромѣ того его резервъ оставался въ Брейтенлее.

Прим. автора.

[250]) Я здѣсь въ противорѣчіи со всѣми французскими донесеніями, представляющими эту цифру отъ 25 до 30,000 человѣкъ. Съ нашей стороны, было пѣхоты четыре дивизіи—Буде, Молитора, Леграна, Сенъ-Сира. Надобно бы объяснить, въ силу какой непроницаемой тайны эти дивизіи, состоявшія одна изъ трехъ, другія изъ двухъ бригадъ, т. е. изъ шести, другія изъ четырехъ полковъ, могли дойти до 5,000 среднимъ числомъ, когда достовѣрно, что при началѣ кампаніи полкъ заключалъ

дало насъ держаться только обороны, но обѣ позиціи Аспернъ и Эсслингъ быстро были обращены въ настоящія цитадели и нелегко было выбить оттуда нашихъ солдатъ, подъ командою такихъ генераловъ какъ Ланнъ и Массена. Массена укрѣпился въ Асперне и принялъ первый натискъ австрійской арміи. Атакованный почти одновременно двумя корпусами Гиллера и Бельгарда, онъ храбро выдержалъ нападеніе, а меткій огонь его произвелъ большія опустошенія въ густыхъ рядахъ непріятеля, которому пространство не позволяло развернуться. Вскорѣ однакожь австрійскія колонны, съ живостью двинутыя впередъ, стѣснили дивизію Молитора и овладѣли деревнею. Но, Массена, окопавшійся на кладбищѣ, держался стойко, посылалъ кавалерію Марулаза атаковать непріятельскіе фланги и отбилъ деревню съ дивизіею Леграна.

Ланнъ охранялъ Эсслингъ съ дивизіею Буде, и храбро отбивалъ приступы корпуса Розенберга. Онъ уступилъ ему сперва деревню Энцерсдорфъ, которую отказался оборонять, имѣя малое количество войскъ; но каждый разъ какъ австрійцы подходили къ Эсслингу ихъ осыпалъ градъ пуль и картечи, и они отступали въ безпорядкѣ. Видя безуспѣшность этой двойной атаки на оба наши фланга, эрцгерцогъ Карлъ двинулъ на нашъ центръ корпусъ Гогенцоллерна, поддержанный кавалеріею Лихтенштейна. Въ то время какъ наша армія прикрывала ядрами обѣ деревни, Гогенцоллернъ проникъ въ раздѣляющій ихъ промежутокъ. Бессьеръ бросился

въ себѣ 3,000 человѣкъ *въ наличности подъ ружьемъ*. Въ четырехъ дивизіяхъ было *шестнадцать полковъ*, т. е. минимумъ отъ 30 до 32,000, допустивъ уменьшеніе тысячи человѣкъ на каждый полкъ. Такой же разсчетъ долженъ быть примѣненъ и къ кавалеріи, состоявшей изъ четырехъ дивизій, заключавшихъ въ себѣ отъ 8 до 10,000 человѣкъ. Только въ двухъ дивизіяхъ Лазаля и Марулаза было *десять полковъ* кавалеріи, которые, состоя первоначально изъ тысячи *наличныхъ* всадниковъ, должны были имѣть еще отъ семи до восьми сотъ человѣкъ минимумъ. *Прим. автора.*

на эти новыя колонны со всею нашею кавалеріею. Напрасно онъ усиливался сломать ихъ ряды, но все-таки остановилъ ихъ, прогналъ ихъ и кинулся въ атаку на австрійскія батареи. Между тѣмъ эскадроны Лихтенштейна, прискакавшіе въ галопъ, вступили съ нашими войсками въ ужаснѣйшую схватку. Кирасирскій генералъ убитъ наповалъ; безпрерывныя атаки съ обѣихъ сторонъ не привели къ рѣшительному результату. Во всякомъ случаѣ мы уступили поле и были оттѣснены на полуостровъ, образуемый Дунаемъ ниже Эсслинга. Въ это время Белльгардъ и Гиллеръ съ новою энергіею напали на Массену. Въ этотъ разъ войска наши были опрокинуты и самое кладбище взято непріятелемъ; но Массена возвратился съ дивизіями Сенъ-Сира и Леграна, и успѣлъ отнять половину деревни послѣ упорнѣйшей битвы.

Наступала ночь; эрцгерцогъ приказалъ прекратить бой Еще одно только усиліе, и онъ вѣроятно прогналъ бы французскую армію до Дуная. Но этотъ принцъ, превосходный впрочемъ генералъ, не обладалъ тѣмъ крайнимъ упорствомъ, вызывающимъ у судьбы счастье, въ которомъ она отказываетъ. Въ его манерѣ воевать, была какая-то беззаботность большаго барина; онъ тутъ отличался необыкновенною любезностью и вносилъ пріемы, умѣстные болѣе на турнирѣ. Казалось, онъ считалъ недостаткомъ вкуса или великодушія, пользоваться до конца своими преимуществами—капитальная ошибка съ непріятелемъ, который внимательно старался извлекать изъ своихъ выгодъ все, что только было можно. По своему холодному, медленному и методическому характеру онъ былъ чуждъ тому неумолимому ожесточенію, которое не прощаетъ противнику, не допускаетъ ни пощады, ни сдѣлки и всегда оканчиваетъ тѣмъ, что покоряетъ обстоятельства, ибо побѣда чаще дается тому, у кого больше воли нежели искусства. Уже въ началѣ кампаніи онъ, по поводу размѣна плѣнныхъ, осыпалъ побѣдителя преувеличенными комплиментами, на которые отвѣчали только презрительнымъ

молчаніемъ. Въ описываемый день онъ упустилъ случай заставить Наполеона поплатиться за самую большую неосторожность, какая только встрѣчается въ военной карьерѣ послѣдняго. Еслибъ въ самомъ дѣлѣ нашей арміи пришлось вступить въ неравный бой, то эта ошибка могла имѣть причиною только дерзкій планъ, недостойный генія императора. Изъ необычайной прибыли воды въ Дунаѣ, можно было предвидѣть разрывъ большаго моста. При большей предусмотрительности и большей заботливости о жизни солдата, Наполеонъ сдѣлалъ бы тогда, что сдѣлалъ позже: онъ переправился бы на лѣвый берегъ лишь тогда, когда бы соединилъ на Лобау, внѣ случайности съ большимъ мостомъ, всѣ необходимыя войска для обезпеченія побѣды.

Къ несчастью было уже поздно сознать эту истину, блистательнымъ подтвержденіемъ которой былъ слѣдующій день. Войско въ значительномъ числѣ переправилось въ продолженіе ночи, а именно четыре дивизіи корпуса Ланна, двѣ кавалерійскія бригады, гвардія, состоявшая изъ 22,000 человѣкъ и непринимавшая до тѣхъ поръ участья въ бою. Силы эти простирались по крайней мѣрѣ до такой же цифры, какъ и войска, бившіяся наканунѣ, что, за исключеніемъ потери, составляли въ итогѣ не менѣе какъ отъ 75 до 80,000 человѣкъ; но большой мостъ снова разорвало ночью и часть нашей артиллеріи осталась на правомъ берегу съ корпусомъ Даву. Сообщеніе было возстановлено рано утромъ, и переправа возобновилась, но послѣ перерыва, имѣвшаго весьма печальныя послѣдствія.

22 мая, около трехъ часовъ утра, обѣ арміи, стоявшія бивуакомъ другъ противъ друга, взялись за оружіе. Перестрѣлка началась съ разсвѣтомъ въ Ас687нѣ, занятомъ на половину французами, на половину австрійцами. Подкрѣпленный свѣжими войсками, Массена пошелъ въ штыки на Гиллера и Беллы гарда, занявшихъ деревню; онъ взялъ у нихъ послѣдовательно кладбище и церковь, потомъ отбросилъ ихъ

на ихъ боевую линію. Эсслингъ, порученный дивизіи Буде, испытывалъ только страшнѣйшую канонаду. Какъ и наканунѣ, непріятельская линія образовала около насъ, отъ Асперна до Энцерсдорфа, обширный полукругъ, весь огонь котораго сходился въ нашемъ центрѣ. Но на этотъ разъ Наполеонъ не пребывалъ въ неподвижности, которая была причиною такихъ потерь наканунѣ. Онъ рѣшился пробить центръ этой линіи, слишкомъ растянутой, чтобъ быть крѣпкою, и поручилъ Ланну нанести эрцгерцогу ударъ; который долженъ былъ разрѣзать его армію на двое.

Никто болѣе этого отважнаго генерала не умѣлъ понять и выполнить этотъ важный маневръ. Ланнъ двинулся между двумя деревнями съ неодолимою массою, состоявшею изъ двухъ дивизій Удино, дивизіею Сентъ-Илэра и многими кавалерійскими дивизіями подъ командою Бессьера. Очень густыя колонны его сперва понесли большую потерю, но дорогою онѣ развернулись и пошли прямо на Брейтенлее — главную квартиру эрцгерцога. Корпусъ Гогенцоллерна, старавшійся преградить намъ путь, былъ на половину опрокинутъ; онъ отступилъ на Брейтенлее, бодро встрѣчая атаки нашей кавалеріи. Артиллерійская линія, огонь которой производилъ такія опустошенія въ нашихъ рядахъ, разорвана. Ланнъ продолжалъ идти на австрійскій центръ, эрцгерцогъ прибѣжалъ со знаменемъ въ рукѣ, собиралъ своихъ солдатъ и развертывалъ гренадерскіе резервы. Уже многіе наши эскадроны доскакали до Брейтенлее, какъ Ланнъ, съ удивленіемъ, увидѣлъ, что ему не было поддержки. Австрійскій центръ отступилъ передѣ нами, но еслибъ мы двинулись дальше то его крылья опустились бы на наши фланги, на пространствѣ, которое мы оставили открытымъ. Вскорѣ маршалъ получилъ приказаніе отступить на Эсслингъ. Наполеонъ узналъ, что большой мостъ разорвало снова. Онъ принужденъ былъ отказаться отъ помощи Даву, и необходимость сохранить сообщеніе съ Лобау заставила его утвердиться на позиціяхъ Асперна и Эсслинга. Такъ какъ

оба фланга нашей арміи оставались въ бездѣйствіи, то движеніе Ланна было только эксцентрическимъ маневромъ, который не могъ имѣть результата.

Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что если бы движеніе Ланна подвергло непріятеля „страшнѣйшему пораженію" какъ Наполеонъ увѣрялъ въ своемъ бюллетенѣ, и впослѣдствіи въ замѣткахъ своихъ объ Эсслингской битвѣ, то императоръ не поколебался бы дополнить это пораженіе, дѣйствіемъ всей арміи, рискуя своими сообщеніями, ибо послѣднее никогда его не останавливало, когда онъ надѣялся достигнуть успѣха. Маневръ Ланна былъ исполненъ блистательно, но онъ могъ быть законченъ только цѣною продолжительныхъ и кровавыхъ усилій, которыя потребовали бы присутствія корпуса Даву. Вѣсть о нашемъ отступленіи начала распространяться между обѣими арміями—приводила въ уныніе нашихъ солдатъ и ободряла непріятеля. Ланнъ шагъ за шагомъ отступалъ къ Эсслингу, окружаемый вблизи войсками, которыхъ только что гналъ передъ этимъ. При этомъ отступленіи былъ смертельно раненъ Сентъ-Илэръ, одинъ изъ храбрѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ генераловъ въ арміи. Непріятель напрасно старался сломать три дивизіи, которыя Ланнъ велъ къ Наполеону, но за то перестроилъ свою артиллерійскую линію, ядра которой производили въ нашихъ рядахъ ужасное опустошеніе.

Сраженіе, безъ разсчета для насъ, дошло до вчерашняго условія, т. е. до отчаянной обороны сзади разрушавшихся домовъ обѣихъ деревень Асперна и Эсслинга. Послѣ энергической атаки австрійскихъ колоннъ, которыя чувствовали необходимость страшныхъ усилій для одержанія побѣды, обѣ эти деревни были снова взяты, опять отняты, оспариваемы на каждомъ шагу, среди страшныхъ сценъ отчаянія, замѣшательства, рѣзни. Дома, улицы завалены были трупами; вездѣ сегодняшніе раненые падали на вчерашнихъ убитыхъ. Пять разъ австрійцы брали Эсслингъ, и пять разъ

были отбиваемы. Не болѣе рѣшительны были и атаки, направленныя противъ нашего центра, гдѣ Ланнъ занялъ свои утреннія позиціи. Корпусъ Гогенцоллерна и кавалерія Лихтенштейна здѣсь встрѣчаются съ дивизіями, съ которыми сражались на равнинѣ Маршфельда; они не могли взять этого поста, отъ котораго зависѣло наше спасеніе, но, не вѣдая о томъ, нанесли намъ потерю гораздо чувствительнѣе пораженія. Ядро раздробило колѣно маршалу Ланну. Въ этотъ моментъ, благодаря неодолимой стремительности, Розенбергъ овладѣлъ Эсслингомъ, прогналъ оттуда разбитые остатки дивизіи Буде и укрѣпился съ резервами эрцгерцога. Солдаты наши уже отброшены къ полуострову, гдѣ приходилось прислониться къ рѣкѣ. Но генералъ Мутонъ, тотъ самый, котораго наше поколѣніе знало подъ именемъ графа Лобау, появился съ гвардейскими фузелерами. Ничто не могло устоять противъ его храбраго натиска; онъ бросился на австрійцевъ въ штыки и прогналъ ихъ на другую сторону деревни.

Эта послѣдняя попытка обезкуражила непріятеля, который ограничивался тѣмъ, что обстрѣливалъ насъ издали. Не успѣвъ наканунѣ одолѣть насъ на этихъ самыхъ позиціяхъ, когда онъ столь превосходилъ насъ количествомъ, непріятель понялъ, что ему слѣдовало отказаться отъ этихъ надеждъ сегодня, когда наши силы почти равнялись съ его силами. Но его артиллерія, на которую наша отвѣчала только слабо, изъ боязни недостатка зарядовъ, увеличивала число жертвъ въ нашихъ рядахъ.

Два дня Асдернъ—Эсслингъ были однимъ изъ кровопролитнѣйшихъ дѣлъ столѣтія, и остались безъ замѣтнаго результата, какъ для одной, такъ и для другой стороны. Но это самое отсутствіе результата было для Наполеона серьезнымъ пораженіемъ, и въ этомъ отношеніи сраженіе при Эсслингѣ можетъ быть сравнено только съ Эйлаускимъ. Онъ былъ принужденъ отступить, покинуть

лѣвый берегъ Дуная, для овладѣнія которымъ пролилъ столько крови, и по этому самому все обратилось въ сомнѣніе. Очень долго подъ карою смѣшнаго онъ не смѣлъ говорить объ *австрійской сволочи*. Эрцгерцогъ, въ этотъ второй день, оказался такимъ же храбрымъ солдатомъ, какъ и блестящимъ генераломъ; но уже не въ его власти было загладить ошибку, учиненную имъ наканунѣ—медленностью и слабостью атакъ на армію, которая не могла тогда серьезно ему противиться.

Съ наступленіемъ ночи Наполеонъ велѣлъ переправиться войскамъ на островъ Лобау, который представлялъ ему родъ укрѣпленнаго неприступнаго лагеря; доступы къ нему были прикрыты батареями, очищавшими лѣвый берегъ Дуная. Дивизіи Даву стояли на правомъ берегу. Онѣ готовились подать тамъ помощь принцу Евгенію, который спѣшилъ съ Итальянской арміею. Корпуса Бернадотта и Лефебвра оберегали теченіе рѣки отъ окрестностей Вѣны до Баваріи. Продовольствіе Лобау было обезпечено, благодаря сосѣдству австрійской столицы: въ случаѣ нужды тамъ можно было держаться нѣсколько мѣсяцевъ. Постъ этотъ былъ порученъ Массенѣ, непреклонная сила души котораго никогда болѣе не возбуждала удивленія въ арміи какъ среди опасностей въ эти два дня.

Въ моментъ когда Наполеонъ переправлялся на островъ Лобау, онъ увидѣлъ носилки, на которыхъ лежалъ старый его товарищъ по оружію, Ланнъ, котораго только что ампутировали. Онъ бросился къ нему и покрылъ его поцѣлуями. На другой день онъ навѣстилъ его въ одномъ домѣ Эберсдорфа, куда перенесли маршала. Разсказываютъ, что умирающій, придя въ себя послѣ продолжительнаго обморока—предвѣстника послѣдняго сна, обратилъ на него взоры, но не взоры слуги или друга, а судьи. Въ виду великой тайны, разсѣевающей мечтанія человѣческія, и, не желая болѣе скрывать истины, Ланнъ отклонилъ утѣшенія, которыхъ зналъ

всю ничтожность! Онъ разлился горькими жалобами противъ честолюбія, безчувствія бѣшенаго игрока, для котораго люди значили неболѣе мелкой монеты, какую ставятъ на карту незадумавшись и проигрываютъ безъ сожалѣнія. Ланнъ былъ республиканецъ; онъ остался пламеннымъ патріотомъ; неразъ онъ не нравился императору смѣлостью сужденій и высказывалъ неодобреніе среди раболѣпныхъ царедворцевъ. Слова, приписываемыя ему въ эти послѣднія минуты, ни мало не противорѣчатъ его характеру, и пылкія опроверженія Наполеона придаютъ имъ значительную степень вѣроятія. Но такъ какъ при этомъ разговорѣ не было достовѣрныхъ свидѣтелей, то и приходится въ этомъ отношеніи ограничиваться болѣе или менѣе правдоподобными предположеніями [225]).

Страшная рѣзня, въ которой погибло по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, безъ другаго результата кромѣ хвастовства бюллетеней; судьба снова неопредѣленная; народы встревоженные, взволнованные дуновеніемъ свободы, ожидающіе только сигнала, чтобъ взяться за оружіе; Наполеонъ, остановленный въ своемъ стремленіи и удерживаемый противникомъ, удивляющимся, что его самого не разбили: таковы были неожиданныя, потрясающія событія, за которыми Европа слѣдила съ тревожнымъ вниманіемъ, устремивъ глаза на этотъ неизвѣстный островъ, гдѣ вскорѣ должны были разыграться во второй разъ судьбы ея. Въ то время когда народы спрашивали другъ у друга — какой будетъ конецъ этого огромнаго поединка, новый актеръ появился уже на сцену. Вдали, на другомъ краю горизонта

---

[225]) Разговоръ этотъ былъ переданъ со словъ друзей, окружавшихъ Ланна, Каде-Кассикуромъ, которому поручено было бальзамировать тѣло маршала *(Voyage en Autriche en 1809 à la suite des armées françaises)*. Опроверженіе по этому поводу генерала Пеле въ его *Mémoires sur la guerre de 1809*, неважно, ибо относится только къ сценѣ, о которой говоритъ Каде-Кассикуръ, но при первомъ свиданіи раненаго съ Наполеономъ. *Прим. автора.*

на границахъ удивительной земли, называемой Испаніею, различается какая-то неопредѣленная масса, которая близится и увеличивается съ каждымъ часомъ. Это—армія Веллингтона, которая выходитъ изъ Португаліи, гоня передъ собою легіоны Сульта.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНИЕ

IV ТОМА.

